

НАЦИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА В СЕВЕРО-КАВКАЗСКОМ КРАЕ И КРЫМСКОЙ АССР, 1920-е гг.: ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЙ И КОММУНИКАЦИОННЫЙ АСПЕКТЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ВЛАСТИ И ОБЩЕСТВА

Министерство науки и высшего образования
Российской Федерации
КУБАНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

НАЦИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА
В СЕВЕРО-КАВКАЗСКОМ КРАЕ
И КРЫМСКОЙ АССР, 1920-е гг.:
ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЙ
И КОММУНИКАЦИОННЫЙ АСПЕКТЫ
ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ВЛАСТИ И ОБЩЕСТВА

Монография

Краснодар
2022

УДК 323.1(470.6)(477.75)''1920–1929''
ББК 66.3 (2Рос)5
Н 354

Рецензенты:

Доктор исторических наук, профессор – *А.В. Аверьянов*
Доктор исторических наук, доцент – *Е.В. Туфанов*

Н 354 Национальная политика в Северо-Кавказском крае и Крымской АССР, 1920-е гг.: институциональный и коммуникационный аспекты взаимодействия власти и общества: монография / авторы: В.В. Касьянов, А.В. Баранов, А.В. Ишин, А.Ю. Рожков; Министерство науки и высшего образования Российской Федерации, Кубанский государственный университет. – Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2022. – 450 с. – 500 экз.
ISBN 978-5-8209-2209-1

Представлена разработанная авторами концепция национальной политики в Северо-Кавказском крае и Крымской АССР в 1920-х гг. Раскрыты институциональный и коммуникационный аспекты взаимодействия власти и полиэтничного общества. Выявлены задачи, этапы развития и степень эффективности национальной политики в Северо-Кавказском крае и Крымской АССР в 1920-х гг. Адресуется органам государственной власти РФ, экспертам в сфере национальной политики, преподавателям вузов, сотрудникам архивов и музеев, а также бакалаврам, магистрантам, аспирантам направления подготовки «История».

The concept of national policy developed by the authors in the North Caucasian region and the Crimean ASSR in the 1920s is presented. The institutional and communication aspects of the interaction between the authorities and a multi-ethnic society are revealed. The tasks, stages of development and the degree of effectiveness of the national policy in the North Caucasus Territory and the Crimean ASSR in the 1920s are identified. It is addressed to public authorities of the Russian Federation, experts in the field of national policy, university professors, employees of archives and museums, as well as bachelors, undergraduates, postgraduate students of the "History" field of study.

Издание осуществлено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований по проекту № 21-09-43110 «Взаимоотношения партийно-государственной власти и полиэтничного общества в ходе реализации национальной политики (на материалах Северо-Кавказского края и Крымской АССР, 1920-е гг.)», не подлежит продаже.

УДК 323.1(470.6)(477.75)''1920–1929''
ББК 66.3 (2Рос)5

ISBN 978-5-8209-2209-1

© Кубанский государственный университет, 2022
© Касьянов В.В., Баранов А.В., Ишин А.В., Рожков А.Ю., 2022

ПРЕДИСЛОВИЕ

Актуальность темы нашей работы проявляется в необходимости повысить эффективность национальной политики на основе выявления общественного мнения, оптимизации взаимоотношений между властью и полиэтничным обществом. Опыт национальной политики 1920-х гг. на Северном Кавказе и в Крыму полезен не только в академическом познавательном аспекте, а и для регулирования современных этнических конфликтов, достижения межэтнического мира и согласия, укрепления российской национальной идентичности, воспитания патриотических ценностей исторической памяти.

Выбор объектов анализа – Северо-Кавказского края и Крымской АССР аргументируется тем, что именно эти регионы выступали в 1920-х гг. своеобразной «лабораторией» выработки этнополитики в отношении многочисленных и находившихся на качественно разных стадиях общественного развития народов, будучи геополитически важными для влияния Советского государства на соседние страны Балкан и Ближнего Востока. Существенным фактором курса этнополитики являлось компактное проживание на Юге Европейской части РСФСР восточнославянских народов в качестве большинства населения, равно как и деление на казаков и «иногородних», чего не было в таком масштабе в автономиях Среднего Поволжья и Средней Азии.

Проанализируем ключевые направления исследований проблемы в современных исторических исследованиях.

Концептуальные основы советской национальной политики и причины её трансформаций исследованы в монографии В.А. Тишкова¹, а также статьях А.Н. Щербака, Л.С. Болячевец и

¹ Тишков В.А. Российский народ. История и смысл национального самосознания. М., 2013. С. 211–276.

Е.С. Платоновой², Б.Н. Миронова³. Имеют методологическое значение работы Т. Мартина, который выявил различия национальной политики СССР 1920-х и 1930-х – середины 1950-х гг., причины «коренизации» партийно-государственной власти⁴. Взаимосвязь национальной политики с советской моделью федерализма освещена в монографиях В.Я. Гросула⁵, Д.А. Аманжоловой, К.В. Дроздова, Т.Ю. Красовицкой и В.В. Тихонова⁶, в статьях Р.Г. Суни⁷ и Т.Ю. Красовицкой⁸. Роль партийных и государственных органов, этнических элит в управлении регионами СССР исследуется К.С. Дроздовым, Д.А. Аманжоловой и В.В. Трепавловым⁹. Векторы и особенности применения этнического принципа в государственном устройстве 1920-х гг., развитие территориальных реформ освещают

² Щербак А.Н., Болячевец Л.С., Платонова Е.С. История советской национальной политики: колебания маятника? // Политическая наука. 2016. № 1. С. 100-123.

³ Миронов Б.Н. От коренизации к суверенизации: как готовилась дезинтеграция СССР // Российская история. 2021. № 6. С. 3–24.

⁴ Мартин Т. Империя «положительной деятельности». Нации и национализм в СССР, 1923–1939. М., 2011; Мартин Т. Империя положительной деятельности // Государство наций: Империя и национальное строительство в эпоху Ленина и Сталина. М., 2011. С. 88–116.

⁵ Гросул В.Я. Образование СССР (1917–1924 гг.). М., 2012.

⁶ Советский национальный проект в 1920–1940-е годы: идеология и практика / Д.А. Аманжолова, К.С. Дроздов, Т.Ю. Красовицкая, В.В. Тихонов. М., 2021.

⁷ Суни Р.Г. Советское и национальное: единство противоречий // Советская нация и национальная политика в 1920–1950-е годы. М., 2014. С. 17–40.

⁸ Красовицкая Т.Ю. Конфликт идеалов и практик ранней советской государственности. Механизмы и практики этнополитических процессов (1917–1929 гг.) // Этнический и религиозный факторы в формировании и эволюции российского государства. М., 2012. С. 151-206.

⁹ Этнические элиты в национальной политике России / отв. ред. В.В. Трепавлов. М.; СПб., 2017. С. 293-371.

Е.П. Малышева¹⁰ и В.Н. Круглов¹¹. Китайский историк Лю Сяньчжун аргументирует преимущества и недостатки курса «коренизации» 1920-х гг.¹²

Исторические условия и факторы реализации национальной политики 1920–1930-х гг. на Северном Кавказе системно исследовал Ю.Ю. Карпов¹³, уделивший основное внимание политике «коренизации» и взаимодействиям между центральной и региональной властью, изменениям социальных институтов и практик. Сущность и противоречивые последствия территориальных реформ 1920-х гг., их детерминанты определены в монографиях Т.П. Хлыниной, Е.Ф. Кринко и А.Т. Урушадзе¹⁴. Закономерности и противоречия советского нациестроительства на Северном Кавказе (1917–1950-е гг.) освещает В.Г. Шнайдер¹⁵. Опыт политического и социально-экономического развития Горской АССР, причины её распада исследовали А.Х. Даудов и Д.И. Месхидзе¹⁶. Тенденции становления партийно-государственной номенклатуры в автономиях Северного Кавказа, в том числе – «коренизация» кадров, раскрываются в монографии Е.В. Туфанова¹⁷. Особенности национальной политики 1920-х гг.

¹⁰ Малышева Е.П. Территориальное устройство Советского государства // Территория и власть в новой и новейшей истории Российского государства. М., 2012. С. 147-173.

¹¹ Круглов В.Н. Организация территории России в 1917–2007 гг.: идеи, практика, результаты. М.; СПб., 2020.

¹² Лю Сяньчжун. Плюсы и минусы политики «коренизации» СССР в 1920-е годы // Ойкумена. 2014. № 1 (28). С. 41–49.

¹³ Карпов Ю.Ю. Национальная политика Советского государства на северокавказской периферии в 20–30-е гг. XX в. СПб., 2017.

¹⁴ Хлынина Т.П., Кринко Е.Ф., Урушадзе А.Т. Российский Северный Кавказ: исторический опыт управления и формирования границ региона. Ростов н/Д, 2012; Хлынина Т.П., Кринко Е.Ф. История, политика и нациестроительство на Северном Кавказе. Ростов н/Д, 2014.

¹⁵ Шнайдер В.Г. Советское нациестроительство на Северном Кавказе (1917 – конец 1950-х гг.): закономерности и противоречия. М., 2015.

¹⁶ Даудов А.Х., Месхидзе Д.И. Национальная государственность горских народов Северного Кавказа (1917–1924). СПб., 2009.

¹⁷ Туфанов Е.В. Кадры региональных управленцев в 1920–1930-е годы: становление и функционирование (на материалах Северного Кавказа). Ставрополь, 2018.

освещаются и на материалах отдельных автономий, в том числе, Чечни и Ингушетии¹⁸, Дагестана¹⁹, Кабардино-Балкарии²⁰, Адыгеи²¹. Новыми направлениями стали исследования политики в отношении верующих, языковой политики, форм самоорганизации этнических групп и их протестных выступлений.

Малоизученными остаются такие важные аспекты проблемы, как национальная политика в отношении славянского населения Северо-Кавказского края, «украинизация» 1923–1932 гг., политика в отношении дисперсно проживающих этнических меньшинств, политические последствия миграций. Прогресс в их осмыслении обеспечивают работы В.З. Акопяна²² и А.В. Аверьянова²³, И.Ю. Васильева²⁴.

Национальная политика 1920-х гг. в Крымской АССР исследована в наибольшей мере в аспектах становления

¹⁸ Эльбиздукаева Т.У. Чечня и Ингушетия в 20–30-е годы XX века: опыт модернизации. М., 2011.

¹⁹ Далгатов А.Г., Сулаев И.Х. Борьба против влияния мусульманского духовенства в Дагестане в 1920–1930-е гг. // Вопросы истории. 2010. № 6. С. 77–85; Карпов Ю.Ю., Капустина Е.Л. Горцы после гор: миграционные процессы в Дагестане в XX – начале XXI века: их социальные и этнокультурные последствия и перспективы. СПб., 2011.

²⁰ Бугай Н.Ф., Мамаев М.И. Кабардино-Балкарская АССР: «Спасение в единении и надежде...»: 1920–1960-е годы. М., 2015; Кажаров А.Г. Становление национальной автономии Кабардино-Балкарии: предпосылки, альтернативы, истоки (1917–1920-е гг.). Дис. ... д-ра ист. наук. Нальчик, 2018.

²¹ Емтыль (Калашаова) З.Я. Жернова истории. Социально-политическая история адыгов конца XIX в. – 20-х гг. XX в. в очерках и документах. Краснодар, 2016; Касьянов В.В., Баранов А.В., Яхутль Ю.А. Формирование национальных автономий на Северо-Западном Кавказе в 1920–1924 годах // Научный диалог. 2021. № 11. С. 282–298.

²² Акопян В.З. Национальные подразделения во властных структурах Юга России: (1920–1930-е гг.). Ростов н/Д, 2014.

²³ Аверьянов А.В. Национальная политика на Дону, Кубани и Ставрополье в 1920–1930-е гг. Ростов н/Д; Таганрог, 2020.

²⁴ Васильев И.Ю. Украинский национализм, украинизация и украинское культурное движение на Кубани (вторая половина XIX – начало XXI века). М., 2014.

полиэтнической автономии. Таковы работы В.Г. Зарубина²⁵, В.М. Брошевана и А.А. Форманчука²⁶, А.В. Ишина²⁷, политики «коренизации» в отношении крымских татар (монография Е.Е. Бойцовой, В.Ю. Ганкевича, Э.С. Муратовой и З.З. Хайрединовой²⁸; статьи Г.Н. Кондратюка²⁹, Е. Газизовой³⁰, Р.И. Хаяли³¹. Обобщающее исследование национальной политики в Крыму 1920-х гг. провели В.Г. Чеботарева, уделившая особое внимание земельной политике, миграциям, мерам в отношении этнических меньшинств – немцев, евреев, армян и др.³², а также коллектив авторов монографии «История Крыма»³³. Но исследования национальной политики в Крымской АССР 1920-х гг. основаны на достаточно узком круге источников, почти

²⁵ Зарубин В.Г. Проект «Украина». Крым в годы смуты (1917–1921 гг.). Харьков, 2013. С. 313–351.

²⁶ Брошеван В.М., Форманчук А.А. Крымская Республика: год 1921-й. Симферополь, 1992.

²⁷ Ишин А.В. Проблемы государственного строительства в Крыму в 1917–1922 годах. Симферополь, 2012; он же. Социально-политические процессы в Крыму в первой половине 1920-х годов: к 100-летию образования Крымской АССР. Симферополь, 2022.

²⁸ Ислам в Крыму: Очерки истории функционирования мусульманских институтов / Е.Е. Бойцова, В.Ю. Ганкевич, Э.С. Муратова, З.З. Хайрединова. Симферополь, 2009. С. 272–327.

²⁹ Кондратюк Г.Н. Этноконфессиональная политика в отношении мусульман Крыма в межвоенный период (20–30-е годы XX века) // Крымское историческое обозрение. 2018. № 1. С. 27–40; он же. Крымские татары в советской этнополитике межвоенного двадцатилетия // Крымское историческое обозрение. 2020. № 1. С. 85–93.

³⁰ Газизова Е. Национальная культура и образование в контексте этнополитики большевистского режима в Крымской АССР в 1920–1930-х гг. XX века // Українознавство. 2016. № 2 (59). С. 103–113.

³¹ Хаяли Р.И. Организация и проведение политики коренизации: практика Крымской АССР (1920–1930-е годы) // Гуманитарные научные исследования. 2017. № 5. URL: <http://human.snauka.ru/2017/05/23818> (дата обращения: 15.10.2022).

³² Чеботарёва В.Т. Социальные противоречия национальной политики в Крымской АССР в 1920-е годы // Вопросы истории. 2006. № 12. С. 23–43.

³³ История Крыма в 2 т. / отв. ред. А.В. Юрасов. М., 2018. Т. 2. С. 451–527.

не изучены общественные настроения основных этнических групп и детерминировавшие общественные настроения факторы.

Итак, современное состояние исторических исследований проблемы характеризуется преимущественным вниманием к нормативному и институциональному аспектам национальной политики. Сравнительный синхронный анализ этнополитики в Северо-Кавказском крае и Крымской АССР ещё не проводился. Взаимоотношения органов партийно-государственной власти с полиэтничным населением исследованы фрагментарно, подчас на описательном уровне, без необходимой концептуализации.

Хронологические рамки исследования выбраны по критерию направленности советской национальной политики в контексте стратегии общественного развития 1920-х гг. – новой экономической политики.

Пространственные рамки анализа включают в себя территорию Дона, Кубани, Терека, Крыма, Ставрополя, а также автономных образований Северного Кавказа. В изучаемый период их политический статус и административные границы часто менялись. В то же время, внешний контур границ совокупности изучаемых регионов оставался достаточно устойчивым. В целом макрорегион мы обозначаем термином «Юг России». С 1920 по лето 1924 гг. он именовался в нормативно-правовых актах Юго-Востоком России, а с осени 1924 по начало 1934 гг. – Северо-Кавказским краем. В состав края не входили Дагестанская АССР и Крымская АССР, непосредственно подчинённые РСФСР. С 1920 по середину 1924 гг. Юго-Восток России (в делопроизводственных документах неформально называвшийся краем) состоял из Донской и Кубано-Черноморской областей, Ставропольской и Терской губерний, а также Горской АССР, Дагестанской АССР и ряда автономных областей. Северо-Кавказский край с осени 1924 г. делился на округа (с преимущественно славянским населением), а также несколько автономных областей: Адыгее-Черкесскую, Карачаево-Черкесскую, Кабардино-Балкарскую, Северо-Осетинскую, Ингушскую, Чеченскую. В крае и Крымской АССР существовали также национальные районы и сельсоветы как форма местной территориальной автономии.

Цель нашего исследования – обосновать концепцию исследования взаимоотношений партийно-государственной власти и полиэтничного общества в ходе реализации национальной политики на примере сравнения процессов в Северо-Кавказском крае и Крымской АССР в 1920-х гг.

В монографии решаются актуальные задачи сравнительных исследований национальной политики РКП(б) и советского государства на Северном Кавказе и в Крыму 1920-х гг.:

- оценивается курс «коренизации» национальной политики СССР в 1920-х гг.;

- установлена направленность и степень эффективности национальной политики в Северо-Кавказском крае и Крымской АССР в 1920-х гг., факторы и этапы её развития;

- раскрывается роль Коммунистической партии и партийно-государственной номенклатуры в национальной политике на Северном Кавказе и в Крыму;

- определены изменения институциональной системы органов власти и взаимодействий центральных, региональных (областных) и местных органов власти, последствия административно-территориальных реформ;

- выяснен процесс принятия решений по вопросам национальной политики органами партийно-государственной власти в Северо-Кавказском крае и Крымской АССР;

- установлены изменения «повестки дня» взаимодействий между полиэтничным обществом и властью в сфере национальной политики;

- определена система коммуникаций между органами партийно-государственной власти, казачеством, крестьянством, промышленными рабочими, этническими группами, её особенности в Северо-Кавказском крае и Крымской АССР;

- выявлены сходства и различия восприятия национальной политики СССР в общественном мнении различных социальных, этнических и сословных групп населения Северного Кавказа и Крыма в 1920-х гг.;

- установлены сходства и различия противодействия советской национальной политике со стороны

антибольшевистских движений в Северо-Кавказском крае и Крымской АССР 1920-х гг.

Методологической базой исследования является конструктивистская парадигма этничности³⁴, дающая возможность установить цели, ресурсы и стратегии коммуникации органов власти с полиэтничным обществом 1920-х гг., с его различными этническими, социальными и классовыми группами.

Следует учитывать, что советская «национальная политика» (в категориях конструктивизма – «этнополитика») объективно не могла соответствовать на 100% идеологемам марксизма, поскольку решала задачи кардинального переустройства российского общества, невиданные в истории. Многие детерминирующие региональные и местные факторы этнополитики осмысливались и учитывались при принятии властных решений импровизационно.

Поэтому особое значение приобретает сравнительно-исторический анализ как в его синхронном, так и в диахронном вариантах, а также дискурс-анализ, позволяющие выявить под покровом идеологической фразеологии прагматические интересы тех или иных групп партийно-советской номенклатуры, социально-классовых и этнических групп общества. Применительно к Северному Кавказу и Крыму особенно продуктивен неоинституциональный анализ субэтнических, конфессиональных и клановых структур внутри органов управления.

Наше исследование основано на применении принципа историзма и системного подхода. Национальная политика РСФСР/СССР анализируется в контексте научных и идеологических представлений 1920-х гг., в качестве целостной совокупности своих институциональных, нормативных, коммуникативных и социокультурных элементов.

Исследование основано на сравнительно-историческом методе, применение которого обеспечивает выявление этапов

³⁴ Хобсбаум Э.Дж. Принцип этнической принадлежности и национализм в современной Европе // Нации и национализм / Б. Андерсон, О. Бауэр, М. Хрох и др. М., 2002. С. 332-346. С. 332-346.

национальной политики 1920-х гг. и их особенностей, сходств и различий национальной политики в Северо-Кавказском крае и Крымской АССР, курса в отношении различных этнических и классовых групп общества.

Неоинституциональный подход позволяет выявить ресурсы влияния, интересы и стратегии активности органов власти в сравниваемых регионах. Коммуникативный подход обеспечивает раскрытие процедур распространения информации о национальной политике, детерминирующих факторов оценок национальной политики в общественном мнении 1920-х гг.

Источниковую базу работы составили законодательные акты (постановления ВЦИК РСФСР, Северо-Кавказского краевого исполкома Советов), а также аналитические записки и доклады, отчёты комиссий по обследованию пограничных местностей, стенограммы заседаний партийных органов РКП(б)-ВКП(б), информационные сводки и обзоры органов ВЧК-ОГПУ о политическом положении территорий, периодические обзоры штаба Северо-Кавказского военного округа о повстанческих выступлениях и бандитизме.

Ценность представляют также протоколы заседаний бюро и секретариата краевого комитета РКП(б)-ВКП(б). Они содержат сведения, не становившиеся открытыми в партийной пропаганде, в том числе – отчётные и аналитические документы органов государственной власти и отдельных функционеров, информационные сводки и отчёты полпредства ВЧК-ОГПУ по Северо-Кавказскому краю.

Не всегда владея полной и объективной информацией по существу сложных проблем общества, Юго-Восточное краевое бюро ЦК РКП(б) (с 1924 г. преобразованное в Северо-Кавказский краевой комитет РКП(б)) и крайисполком Советов обращались с запросами в полномочное представительство ОГПУ по Северо-Кавказскому краю, а также в штаб Северо-Кавказского военного округа. Соответствующие записки и доклады, сводки и обзоры использовались как аргументы в выработке и принятии решений.

Источниковая основа исследования качественно расширена посредством осмысления редко изучаемых документов – материалов обследований работы местных партийных и советских

органов, писем граждан в периодическую печать и органы власти, информационных сводок и обзоров органов ВЧК–ОГПУ, воспоминаний, этнографических наблюдений, учебной и просветительской, пропагандистской литературы.

Исследованные нами неопубликованные источники хранятся в фондах следующих архивов:

- Российского архива социально-политической истории (РГАСПИ);
- Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ);
- Российского государственного военного архива (РГВА);
- Центра документации новейшей истории Ростовской области (ЦДНИРО);
- Центра документации новейшей истории Краснодарского края (ЦДНИКК);
- Государственного архива Республики Крым (ГАРК);
- Государственного архива новейшей истории Ставропольского края (ГАНИСК);
- Государственного архива Ростовской области (ГАРО);
- Государственного архива Краснодарского края (ГАКК);
- Национального архива Республики Адыгея (НАРА).

На основе применяемых методологий и методов, а также впервые вводимых в научный оборот источников мы разрабатываем концепцию взаимоотношений власти и полиэтничного общества при реализации советской национальной политики в Северо-Кавказском крае и Крымской АССР в 1920-х гг.).

Гипотеза исследования состоит в том, что национальная политика партийно-государственной власти в Северо-Кавказском крае и Крымской АССР на протяжении 1920-х гг. была направлена на конструирование этнической федерации, предполагавшей создание автономных образований с широким спектром полномочий и предметов ведения. При этом проводился курс «позитивной дискриминации» в отношении русского этнического большинства, в том числе – коренизация аппарата управления, что было обосновано в резолюциях X и XII съезда РКП(б). В то же время, подавление антисоветских выступлений и стабилизация общества в 1923–1924 гг. сделали необходимыми и возможными

реформы административно-территориального устройства, поставившие автономии Северного Кавказа под более плотный и стандартизированный контроль со стороны Северо-Кавказского края (исключением осталась Дагестанская АССР). Вектор централизации власти стал особенно ощутимым в период коллективизации.

Данная коллективная монография является продолжением работ, которые выполнены по проекту Российского фонда фундаментальных исследований в 2021 г.³⁵

Результаты сравнительного анализа реализации национальной политики в Северо-Кавказском крае и Крымской АССР (1920-х гг.) имеют прикладное значение для повышения эффективности современной этнополитики Российской Федерации в аспектах регулирования межэтнических отношений, формирования позитивной исторической памяти поликультурного общества.

Формулировка цели и задач исследования обусловила выбор его структуры. Монография состоит из введения, четырёх глав,

³⁵ Касьянов В.В., Баранов А.В., Ишин А.В., Рожков А.Ю. Взаимоотношения партийно-государственной власти и полиэтничного общества в ходе реализации национальной политики (на материалах Северо-Кавказского края и Крымской АССР, 1920-е гг.). Краснодар, 2021; Касьянов В.В., Баранов А.В., Яхутль Ю.А. Формирование национальных автономий на Северо-Западном Кавказе в 1920–1924 годах // Научный диалог. 2021. № 11. С. 282–298; Касьянов В.В., Басте Р.Ю., Яхутль Ю.А. Культурное строительство накануне и в первые годы существования СССР на территории Северо-Западного Кавказа: тенденции и противоречия // Современная научная мысль. 2021. № 4. С. 71–79; Касьянов В.В., Басте Р.Ю., Яхутль Ю.А. Очерки истории Адыгеи в 1922–1992 гг.: от автономной области к суверенной республике. Краснодар, 2021; Баранов А.В., Рожков А.Ю. Отношение народов Северного Кавказа к территориальной воинской службе во второй половине 1920-х гг.: сравнительный анализ // Клио. 2021. № 9. С. 75–82; Баранов А.В. Украинизация в Северо-Кавказском крае РСФСР (1923–1932 гг.): замыслы, реакция сообщества, результаты // Наследие веков: Электронный журнал. 2021. № 3. С. 31–43. URL: <http://heritage-magazine.com/index.php/НС/article/view/445/378>; Ишин А.В. Части особого назначения Крымской АССР (1921–1924 гг.) // Общество: философия, история, культура. 2021. № 10 (90). С. 30–35.

подразделяемых на параграфы, заключения и приложения, построена по проблемно-логическому принципу.

Результаты исследования имеют научную значимость для повышения эффективности современной национальной политики в аспектах регулирования межэтнических отношений, формирования позитивной исторической памяти о советской национальной политике. Положения и выводы монографии будут полезны для совершенствования современной национальной политики и укрепления единства российской нации, а также для преподавания российской истории 1920-х гг. в высшей школе, музейной и образовательной политики Российской Федерации.

1. ОСУЩЕСТВЛЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ 1920-х гг. В СЕВЕРО-КАВКАЗСКОМ КРАЕ И КРЫМСКОЙ АССР

1.1. КУРС «КОРЕНИЗАЦИИ» НАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ СССР В 1920-х гг.

В 2022 г. исполняется сто лет со дня образования Союза Советских Социалистических Республик как важнейшего итога Великой Российской революции и реализации большевистской концепции строительства многонационального государства на основе политической монополярной власти РКП(б). Заново переосмысливаются вопросы национально-государственного строительства, завершившегося образованием СССР, условия и политические дискуссии, которые предшествовали созданию государства нового типа. Интерес вызывает внутрипартийная дискуссия между В.И. Лениным и И.В. Сталиным по вопросам федерализации и автономизации советских республик. Последствия распада СССР и постсоветское развитие РФ актуализируют тему, так как надежды на Содружество Независимых государств в полной мере не оправдались. РФ, как и бывшие республики СССР, пережили в постсоветский период острый экономический, социальный и политический кризис, сопровождавшийся во многих случаях межэтническими и межгосударственными конфликтами.

В современных условиях перед обществом и исторической наукой возникает ряд дискуссионных тем. Например, почему произошел распад страны и возможно ли было его предотвратить? Или же раскол в многонациональном государстве был следствием заложенных в нём политических и организационно-правовых принципов, дискуссии по которым развернулись ещё на начальном этапе формирования СССР? В современной исторической науке не сложилось единой концепции в оценке событий 1922 г. и 1991 г. и их взаимосвязи. Поэтому важно понять содержание дискуссии, развернувшейся в период политического и организационно-правового формирования СССР.

В период кризиса в обществе возрастает значимость исторической науки, которая служит основой для социокультурной преемственности. Современное российское общество заинтересовано в объективной оценке причин образования, а в последующем и распада СССР. Полиэтническое российское государство в 1922 г. обретает новые политические формы, в основе которых были диктатура пролетариата в виде Советов, однопартийная политическая система и плановая экономика. Первый шаг к созданию Союзного государства, основанного на новых принципах пролетарского интернационализма, был сделан в годы Гражданской войны. Реализация новой концепции советского государства как многонационального, многоконфессионального союза проходила под лозунгом о праве нации на самоопределение, выступая против регионального сепаратизма.

Союз Советских Социалистических Республик, учрежденный 30 декабря 1922 г., стал уникальным явлением с точки зрения государственного устройства, целей и методов национальной политики. Декларируя цели мировой революции и интернационализма, СССР в то же время стал формой сохранения исторической России и её территориального единства, что требовало коренного изменения межэтнических отношений. Именно в изучаемый период были созданы экономические, организационные и нормативные основы федеративного устройства, предполагавшие равноправие народов и их самоопределение, выравнивание уровней социально-экономического и культурного развития. Процессы национально-государственного строительства первой половины 1920-х гг. определили институциональный, правовой и идеологический форматы советского государства на протяжении всего его существования. Наследие советского федерализма: политико-территориальное устройство страны, принципы и нормы взаимодействия общегосударственного уровня власти с региональным, историческая память полиэтничного общества сохраняется по сей день.

Тема обладает неизменной актуальностью, что особенно проявляется накануне 100-летия образования СССР. Чтобы

успешно интегрировать многочисленные народы России в эффективном государстве, необходимо определить принципы и понятийный аппарат такой интеграции, причём и в аспекте институциональном (строение системы государственной власти), и в аспекте социокультурном (соотношение общегосударственной и этнических идентичностей, привлекательный проект общего будущего). Поэтому опыт формирования советского народа привлекает всё большее внимание историков. Формирование советского народа – это сложный, длительный и неизученный процесс, который полезно исследовать в контексте альтернативных тенденций развития этнополитики 1920-х – начала 1930-х гг.

Предмет исследования – концепция национальной политики РКП(б). Необходимо сравнить содержание концепций (федерализма и автономизации) в качестве альтернативных основ объединения советских республик. В параграфе исследуется противоречивая взаимосвязь между конкурирующими процессами: формированием советского народа и национальной политикой «коренизации» в 1920-х гг.

Выбор хронологических рамок исследования определяется от победы Советской России над регулярными армиями Белого движения, совпавшей с выбором курса «коренизации» в этнополитике (решения X съезда РКП(б)) до прекращения «коренизации» и перехода к курсу укрепления «русского ядра» государства. Вместе с тем, делаются неизбежные теоретические экскурсы за обозначенные хронологические рамки. Без осмысления большевистской стратегии и тактики национальной политики, формировавшейся ещё до Великой революции 1917 г., сложно было бы понять целеполагание курса пришедшей к власти РКП(б).

Научная проблема изучена недостаточно. В советский период могли публиковаться только комплиментарные работы о национальной политике, находившиеся в системе координат «классового подхода», «пролетарского интернационализма» и

т.п.³⁶ Напротив, историография 1990-х гг. была заполнена обличениями советской национальной политики, но, как и ранее, давала позитивные оценки советского этнизированного федерализма в ракурсе опережающего развития этнических меньшинств³⁷. Для современного осмысления значимости этого события наибольший интерес представляют работы постсоветского периода³⁸. В этих работах представлены новые концепции формирования Союзного государства, в том числе зарождения РСФСР – самой крупной союзной республики, проблемы эволюции федерализма и ее российской модели. Отсутствие идеологических ограничений и доступ к новым архивным материалам позволяют исследователям объективно и всесторонне оценить основные вопросы, связанные с образованием СССР, в том числе и противоречия, которые были изначально заложены в структуру федерации. С начала 2000-х гг. стали публиковаться работы А.И. Вдовина, поставившего вопрос о неравноправии этнического ядра государства вследствие политики «коренизации» раннесоветского периода³⁹.

В западной историографии следует упомянуть концептуальный труд Терри Мартина, осмыслившего феномен

³⁶ История национально-государственного строительства в СССР. 1917–1978 / отв. ред. Д.А. Чугаев. М., 1979. Т. 1; Макарова Г.П. Народный комиссариат по делам национальностей РСФСР, 1917–1923 гг. Исторический очерк. М., 1987.

³⁷ Национально-государственное строительство в Российской Федерации. Северный Кавказ (1917–1941 гг.) / Ф.А. Озова, Н.Ф. Бугай, У.И. Улигов и др. Майкоп, 1995.

³⁸ Национальная политика России: история и современность / С.В. Кулешов, Д.А. Аманжолова, О.В. Волобуев и др. М., 1997; Карапетян Л.М. Федерализм и права народов. М., 1999; Чистяков О.В. Становление Российской Федерации (1917–1922 гг.). М., 2003; Красовицкая Т.Ю. Национальные элиты как социокультурный феномен советской государственности (октябрь 1917–1923 г.): документы и материалы. М., 2007; Паскачев А.Б. Национальная политика России (от империи – к единой российской нации). М.; Ярославль, 2016.

³⁹ Вдовин А.И. Русские в XX веке. М., 2004. С. 7–69; Вдовин А.И. Русская нация в XX веке (русское, советское, российское в этнополитической истории России). М., 2019. С. 16–86.

советской «империи навыворот», affirmative action empire⁴⁰. Большое значение имеет работа Франсина Хирша, изучившего роль этнографов и языковедов в выработке принципов советского федерализма и национальной политики⁴¹.

Среди новейших обобщающих исследований полезно отметить монографию Д.А. Аманжоловой, К.В. Дроздова, Т.Ю. Красовицкой и В.В. Тихонова⁴². В ней по-новому освещается тема соотношений полиэтничности и идеала «советского народа», равноправия и интеграции этнических групп. На материалах Северного Кавказа этнополитику 1920-х гг. глубоко проанализировал Ю.Ю. Карпов⁴³.

Выводы, к которым приходят исследователи национальной политики, определяются методологией анализа. В современной этнологии преобладает конструктивизм⁴⁴. Мы отстаиваем конструктивистский взгляд на историю советской национальной политики, разделяем надэтническую, политико-правовую, а не этнизированную трактовку терминов «нация» и «национальное». Система партийной и государственной власти целенаправленно формировала политическое полиэтничное сообщество – советский народ, вводя нормативные классификации этнических групп и наделяя их коллективными статусами. Роль врождённых, биологических маркеров «принадлежности» индивидов учитывалась органами власти, но истолковывалась противоречиво, в зависимости от текущих обстоятельств.

⁴⁰ Martin T. An Affirmative Action Empire: Nations and Nationalism in the Soviet Union, 1923–1939. Ithaca, 2001.

⁴¹ Hirsch F. Empire of Nations: Ethnographic Knowledge and the Making of the Soviet Union. Ithaca, 2005.

⁴² Аманжолова Д.А., Дроздов К.С., Красовицкая Т.Ю., Тихонов В.В. Советский национальный проект в 1920–1940-е годы: идеология и практика. М., 2021. С. 254–452.

⁴³ Карпов Ю.Ю. Национальная политика советского государства на северокавказской периферии в 20–30-е гг. XX в.: эволюция проблем и решений. СПб., 2017. С. 27–46.

⁴⁴ Anderson B. Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism. Revised edition. New York, 2016; Тишков В.А. Воображаемое – не значит выдуманное // Антропология и этнология: современный взгляд. М., 2021. С. 29–40.

Источниковую основу исследования «коренизации» представляют собой тексты Конституции РСФСР 1918 г., резолюции X и XII съездов РКП(б), выступления политических лидеров всероссийского и регионального уровней, документы Юго-Восточного бюро ЦК РКП(б) и Северо-Кавказского краевого комитета РКП(б)–ВКП(б), материалы Всесоюзной переписи населения 1926 г.

«Коренизация» (1921–1932 гг.) определяется нами как стратегия национальной политики, состоявшая в обеспечении равноправия народов Советского государства путём предоставления институциональных, правовых и социокультурных преимуществ этническим меньшинствам, «позитивной дискриминации» русского населения. «Коренизация» проявилась в создании субъектов федерации и территориальных автономий по этническому принципу; в повышении участия этнических групп в партийных, советских и хозяйственных органах; в приоритетном развитии национальной письменности, образования и культуры; в переводе делопроизводства на языки этнических меньшинств.

До революции 1917 г. и в первые годы советской власти постоянно шли дискуссии по национальному вопросу. Предпосылки курса «коренизации» были заложены в большевистской публицистике дореволюционного периода.

В.И. Ленин постоянно обращался к теме межнациональных отношений в своих статьях и на партийных форумах. Ещё на Пражской партийной конференции в 1912 г. он отмечал единство социал-демократического движения в России вне зависимости от национальности⁴⁵. В «Тезисах по национальному вопросу» (1913 г.) Ленин подчёркивал не только партийное единство, так как РСДРП возникла «как “российская” партия», но и союз всего пролетариата России не зависимо от его национальности. При этом факт автономии местных и областных партийных организаций допускался⁴⁶. В последующем на своих партийных

⁴⁵ Ленин В.И. VI (Пражская) Всероссийская конференция РСДРП // Полн. собр. соч. М., 1980. Т. 21. С. 121–156.

⁴⁶ Ленин В.И. Тезисы по национальному вопросу // Полн. собр. соч. М., 1980. Т. 23. С. 314–322.

форумах российские социал-демократы признавали право нации на самоопределение, но при этом призывали не смешивать право на отделение с целесообразностью выхода того или иного народа.

В годы Первой мировой войны В.И. Ленин постоянно обращался к данной теме, подчёркивая, что не следует противопоставлять право наций на самоопределение социалистической революции. Он утверждал, что революционная борьба имеет прямое отношение к вопросу самоопределения нации⁴⁷. Уже в апреле 1917 г. лидер большевиков признавал право на выход наций и народов из состава России. По его мнению, пролетарская партия должна была поддерживать идею полной свободы и отделения от России всех наций и народностей⁴⁸. Роль партии сводилась к созданию нового государства на основе союза народов России.

И.В. Сталин тоже был активным участником дискуссии по национальному вопросу и государственному устройству России в условиях революции. Так, в марте 1917 г. в статье «Против федерализма» на страницах газеты «Правда» в категоричной форме он отрицал возможности федеративного устройства России, что было ответом на взгляды эсеров на принципы федерализма⁴⁹. В этот период российской революции в РКП(б) не было единства и выработанной, согласованной концепции национально-государственного строительства России.

Но на Апрельской (1917 г.) партийной конференции И.В. Сталину было поручено сделать доклад по национальному вопросу. В нём прозвучали идеи о праве нации на самоопределение, но это не обязательно было делать. Для народов, остающихся в пределах России, предусматривалась автономия, а малочисленным народам гарантировали правовую защиту их интересов. Позиция И.В. Сталина в период острого политического противостояния в России совпала с воззрениями В.И. Ленина. Напротив, точка зрения Г.Л. Пятакова, Н.И. Бухарина,

⁴⁷ Ленин В.И. Революционный пролетариат и право нации на самоопределение // Полн. собр. соч. М., 1980. Т. 27. С. 61–68.

⁴⁸ Ленин В.И. Задачи пролетариата в нашей революции // Полн. собр. соч. М., 1980. Т. 31. С. 149–183

⁴⁹ Сталин И.В. Против федерализма // Соч. М., 1954. Т. 3. С. 29–31.

Е.А. Преображенского и Е.Б. Бош, которые отвергали право нации на самоопределение, получила жёсткий отпор со стороны В.И. Ленина.

Высшее партийное руководство связывало решение национального вопроса и выбор форм национально-государственного строительства с окончательной победой Советов как формы государства. Эта позиция была принципиальной для В.И. Ленина, который рассматривал союз не по национальному принципу, а по политическому принципу – на основе Советов как органов власти. И вопрос о праве наций на самоопределение в резолюции конференции был обозначен с точки зрения целесообразности такого решения той или иной нации в тот или иной момент⁵⁰. Этот тезис нашел своё развитие в статье «Наказ выбираемым по заводам и по полкам депутатам в Совет рабочих и солдатских депутатов»⁵¹.

Следует признать, что В.И. Ленин делал отступления в своих взглядах на федеративное устройство. После революции он некоторое время считал возможным сохранение единого унитарного государства. Большевики к моменту прихода к власти имели принципиальное представление по национальному вопросу, основанное на пролетарском интернационализме. Это было подтверждено решениями II Всероссийского съезда Советов, признавшего право наций на самоопределение⁵². В ноябре 1917 г. В.И. Ленин и И.В. Сталин подписали «Декларацию прав народов», которая подтверждала уже заявленные принципы большевиков: право народов России на образование самостоятельных государств, самоуправление, свободное развитие национальных

⁵⁰ Ленин В.И. Седьмая (Апрельская) Всероссийская конференция РСДРП(б) 24–29 апреля (7–12 мая) 1917 г. // Полн. собр. соч. М., 1980. Т. 31. С. 339–453.

⁵¹ Ленин В.И. Наказ выбираемым по заводам и по полкам депутатам в Совет рабочих и солдатских депутатов // Полн. собр. соч. М., 1980. Т. 32. С. 40–42.

⁵² Ленин В.И. Второй Всероссийский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов 25–26 (7–8 ноября) 1917 г. // Полн. собр. соч. М., 1980. Т. 35. С. 7–29.

меньшинств и равенство всех народов. Документ призывал к «добровольному и честному союзу народов России»⁵³.

Основным принципом советской этнополитики стало право народов на самоопределение, реализуемое в разнообразных формах: союзной республики, автономной республики, автономной области либо национальных районов (округов). «Декларация прав народов России» (2 ноября 1917 г.) и «Обращение СНК к трудящимся мусульманам России и Востока» (22 ноября 1917 г.) декларировали данный принцип, конкретизированный в Конституции РСФСР 1918 г. и практиках создания советских республик периода Гражданской войны.

В.И. Ленин снова обращается к теме федерализма в период Гражданской войны. Политика централизма, по его мнению, не противоречила принципам федерализма, но при определенном разумном подходе. А вот в случае с автономией она не противоречит централизму⁵⁴. В июне 1920 г. в «Тезисах ко II Конгрессу Коммунистического интернационала» В.И. Ленин уже признавал целесообразность федеративного устройства страны. В п. 7 первоначальной наброска тезисов он писал: «Федерация является переходной формой к полному единству трудящихся разных наций»⁵⁵. В свою очередь Сталин высказался за развитие советской автономии национальных окраин как самой конкретной формы «объединения окраин с центральной Россией»⁵⁶.

В условиях Гражданской войны и после её завершения центром принятия решений по национальному вопросу, а, следовательно, разработки концепции национально-государственного строительства стал Народный комиссариат по делам национальностей РСФСР во главе со И.В. Сталиным.

⁵³ Ленин В.И., Сталин И.В. О социалистическом государстве и советской демократии. М., 1947.

⁵⁴ Ленин В.И. Вариант статьи «Очередные задачи Советской власти» // Полн. собр. соч. М., 1980. Т. 36. С. 127–164.

⁵⁵ Ленин В.И. Тезисы ко II Конгрессу Коммунистического интернационала // Полн. собр. соч. М., 1980. Т. 41. С. 159–212.

⁵⁶ Сталин И.В. Политика Советской власти по национальному вопросу в России. 10 октября 1920 г. // Соч. М., 1947. Т. 4. С. 351–363.

Наркомнац вёл свою деятельность с 1917 по 1923 г., реализуя национальную политику. Ещё в январе 1918 г. на III Всероссийском съезде Советов была принята «Декларация прав трудящихся и эксплуатируемого народа», в которой Советская Российская Республика признавалась федеративным государством свободных народов.

Активная фаза политических решений наступила после прихода большевиков к власти и начала создания на территории РСФСР автономных образований. Результатом такой практики стало формирование Татаро-Башкирской Советской Республики на части территории Урала. Однако опыт создания национальных автономий выявил ряд существенных недостатков, один из которых – усиление центробежных сил и рост национализма. Возможно, эти факты вынудили Народный Комиссариат по национальным вопросам во главе с И.В. Сталиным пересмотреть политику поддержки формирования национальных автономий. Последствия нашли свое отражение в решениях VIII съезда РКП(б) (март 1919 г.), который ликвидировал коммунистические национальные организации как самостоятельные структуры в РКП(б). Теперь они входили напрямую в Российскую Коммунистическую партию.

За период 1918–1922 гг. в стране были сформированы автономии, которые продолжали организационно укрепляться, но происходило это в условиях противостояния как с центром, так и с участвующими в процессе регионами.

Уже 1 июня 1919 г. был подписан один из первых декретов, объединяющих Россию, Украину, Латвию, Литву и Белоруссию в борьбе с внешними угрозами и возможностями решения экономических вопросов. Это был не только военно-политический договор, но и соглашение, подчинённое решению экономических вопросов в условиях кризиса и войны. С учетом исторических традиций Москва оставалась центром принятия решений, но в договоре особо подчеркивалось, что республики сохраняют свою самостоятельность. В дальнейшем предпринимались меры по расширению участия во ВЦИК РСФСР представителей наиболее значимых Советских республик – Украины, Белоруссии и Закавказья. Это предложение было озвучено Х.Г. Раковским.

Комиссия во главе с Л.Б. Каменевым рассматривала возможность объединения Советских республик вокруг РСФСР и создания единого государства⁵⁷.

Весной 1920 г., после восстановления Советской власти на Северном Кавказе, процессы национально-государственного строительства на Северо-Западном Кавказе возобновляются в контексте подготовки к созданию союзного государства, формирования автономий. В феврале 1920 г. на сессии ВЦИК РСФСР была создана комиссия, которая должна была изучить вопросы федеративного устройства РСФСР и разработать предложения по его совершенствованию⁵⁸.

Иной путь был выбран в отношении крупных регионов. Так, например, с Украиной в декабре 1920 г. заключили договор, который при видимости сохранения её суверенитета вплоть до внешнеполитической деятельности на самом деле ориентировал Украину на сближение с РСФСР. Аналогичное соглашение было заключено с Белоруссией. Как отмечают исследователи, в высшем политическом руководстве партии большевиков поиск наиболее эффективных путей национально-государственного строительства проходил сложно, болезненно в острых политических дискуссиях⁵⁹. Если рассматривать эволюцию взглядов В.И. Ленина по вопросу национально-государственного строительства в Советской России, то можно отметить явное проявление классового подхода и своеобразие понимания федерализма. Так, отличительной чертой федерализма от автономии, по его мнению, был уровень централизации и концентрации властных полномочий. В.И. Ленин еще до революции обращался к национальному вопросу и вопросу

⁵⁷ Вдовин А.И. СССР. История великой державы (1922–1991 гг.). М., 2019.

⁵⁸ Тетуев А.И. Национально-государственное строительство на Северном Кавказе (1917–1941 гг.) // Вестник РУДН. Серия: История России. 2005. № 4. С. 137.

⁵⁹ Карпенкова Т.В. Русские революции 1917 г. и изменения в содержании национально-государственного строительства страны // Приволжский научный вестник. 2013. № 3 (19). С. 43–57.

государственного устройства страны в условиях социалистической революции.

Военно-политический союз на завершающем этапе Гражданской войны получил и экономическое обоснование, когда был принят в 1920 г. план ГОЭЛРО (электрификации РСФСР). Формировались единые органы хозяйственного управления, традиционно сосредоточенные в г. Москве. В феврале 1921 г. был создан Госплан РСФСР, в августе 1921 г. – Народный комиссариат по земельным делам.

Очередной раз партия большевиков обращается к национальному вопросу на X съезде РКП(б) в марте 1921 г. В принятой резолюции «Об очередных задачах партии в национальном вопросе» утверждался тезис о единстве народов при диктатуре пролетариата и победе Советов⁶⁰. Наличие враждебного капиталистического окружения способствовало, по мнению РКП(б), объединению бывших национальных окраин в союзное федеративное государство на добровольной основе. Резолюция сыграла значительную роль в национально-государственном строительстве Советской России⁶¹.

С целью формирования единой позиции на международной арене в феврале 1922 г. состоялась встреча представителей 9 республик – РСФСР, Украины, Белоруссии, Азербайджана, Армении, Грузии, Бухары, Хорезма и Дальневосточной республики, которые поручили РСФСР представлять их интересы на Генуэзской конференции.

Создание Закавказской Социалистической Федеративной Советской Республики (ЗСФСР) в марте 1922 г. стало своеобразным экспериментом перед формированием Союзного государства. Три закавказских республики не имели экономической, социальной или иной основы для объединения. Желание В.И. Ленина не использовать шаблоны и практику предшествующего периода в национальной политике было проигнорировано. Летом 1922 г. процесс организационно-правового объединения в Закавказье завершился. Назревающий

⁶⁰ Протоколы X съезда РКП(б). М., 1933.

⁶¹ Гросул В.Я. Образование СССР: 1917–1924 гг. М., 2007.

кризис государственного строительства способствовал ускорению разработки концепции Союзного государства. Уже 10 августа 1922 г. создается комиссия во главе с И.В. Сталиным, которая должна была подготовить предложения по федеративному устройству нового государства. В состав комиссии вошли известные деятели партии большевиков – В.В. Куйбышев, В.М. Молотов, Г.К. Орджоникидзе, Х.Г. Раковский, Г.Я. Сокольников и представители национальных образований – С.А. Агамалы-Оглы (Азербайджан), А.Ф. Мясников (Армения), А.Г. Червяков (Белоруссия) и Г.И. Петровский (Украина).

Первый проект, известный в истории как проект «автономизации», был озвучен 10 сентября 1922 г. Он предполагал вхождение национальных республик в состав РСФСР и был поддержан представителями Армении, Азербайджана и Белоруссии, против высказались политики Украины и Грузии. Ленин узнал о содержании проекта Сталина и результатах его обсуждения в Центральных Комитетах национальных партий в конце сентября. Ознакомившись с документами, он пригласил к себе И.В. Сталина. Но до встречи с руководителем Наркомнаца состоялась беседа с членом комиссии Г.Я. Сокольниковым и П.Г. Мдивани (Грузия). В.И. Ленин высказывался о равенстве всех республик, входящих в Союзное государство. Но И.В. Сталин подчинился лидеру партии и 27 сентября 1922 г. письменно заявил о своём отказе от принципов автономизации, но всё-таки сделал оговорки относительно целесообразности общефедерального ЦК партии. Новый проект поступил в ЦК РКП(б) 6 октября. Документ гарантировал равные права всем республикам, входящим в новое государство, и право выхода из союзного соглашения. Этот проект и был одобрен. Не обошлось и без конфликтов, когда Грузия потребовала прямого вхождения в Союзное государство.

Решающее значение имело постановление Пленума ЦК РКП(б) от 6 октября 1922 г. «О взаимоотношениях РСФСР с независимыми Советскими Социалистическими Республиками», которое подтвердило ленинские принципы национально-государственного строительства.

В стране продолжились процесс и интеграция советских республик. Так, к 1922 г. с учетом усиления военно-политического

союза и возрастающей роли экономического фактора сформировалось три формы союзнических отношений: федерация, которая явно проявилась в автономизации национальных образований в РСФСР; союзный договор – соглашения между Советскими республиками (ЗСФСР); федерация, построенная на основе двухсторонних соглашений. В этих условиях и развернулось политическое противостояние между центристами и федералистами в высшем руководстве страны.

30 ноября 1922 г. комиссия ЦК РКП(б) разработала Основные положения Конституции СССР, которые были разосланы в республики для обсуждения. 18 декабря 1922 г. Пленум ЦК РКП(б) обсудил проект Союзного Договора об образовании Союза ССР и предложил созвать съезд Советов СССР. Первый Всесоюзный съезд Советов начал свою работу 30 декабря 1922 г., в нём приняли участие 2 215 делегатов. С докладом об образовании СССР выступил И.В. Сталин. Съезд в основном утвердил Декларацию и Договор об образовании СССР в составе четырех республик – РСФСР, Украинской ССР, Белорусской ССР и ЗСФСР. Конституция СССР 1924 г. включила в себя Декларацию о создании СССР и Союзный Договор, завершив правовое оформление Союзного государства.

В своём формировании Союзное государство прошло три этапа: военно-политический в годы Гражданской войны, организационно-экономический на этапе восстановления экономики и единого хозяйственного рынка и дипломатический – в целях защиты своих интересов на международной арене. Ленинский проект нового типа государства содержал на каждом из этапов компромиссные идеи по вопросам федерализма и автономизации, что позволило в 1922 г. принять решение, которое сохранило единство в Российской империи в форме СССР. Закрепленные в Конституции 1924 г. основные идеи федерализма в последующем подвергались трансформации, концентрируя все властные полномочия в партийном руководстве, следовательно, центром притяжения традиционно оставалась Москва.

Оценивая цели ранней этнополитики РКП(б) и Советского государства, нужно понимать, что отношения между народами считались соподчинённой темой в сравнении с победой мировой

революции⁶². Урегулирование конфликтов между народами бывшей Российской империи мыслилось в рамках принципов равноправия и самоопределения наций, создания благоприятных условий для развития языков и культур «ранее угнетённых» общностей⁶³. Русский народ как бывшая опора самодержавия должен был искупить «вину» и лишался ресурсов политической субъектности⁶⁴. В этом же русле действовала система мер «коренизации», определённая в резолюциях X и XII съездов РКП(б): формирование субъектов федерации и автономных образований по этническому принципу, приоритетное финансирование местностей проживания народов, увеличение доли народов в партийном и государственном аппарате автономий, создание национальных алфавитов и ликвидация неграмотности на родном языке, поддержка этнических культур⁶⁵.

Следует учитывать и то важное обстоятельство, что в ряде регионов политика «коренизации» складывалась инициативно, импульсы «снизу» смыкались и взаимоусиливались с импульсами «сверху». В марте 1921 на Первой Симферопольской уездной конференции РКП(б) выступил заведующий отделом Крымревкома по делам национальностей М.Х. Султан-Галиев с докладом «Очередные задачи партии в национальном вопросе». В числе этих задач, в частности, упоминалось «организованное

⁶² Ленин В.И. Социалистическая революция и право наций на самоопределение (тезисы) // Ленин В.И. Полное собрание сочинений. М., 1969. Т. 27. С. 256.

⁶³ Конституция (Основной Закон) Российской Социалистической Федеративной Советской Республики. 1918 г. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=2929#VTjTvKTk8rNizfp6> (дата обращения – 14.10.2022).

⁶⁴ Ленин В.И. К вопросу о национальностях или об «автономизации» // Ленин В.И. Полное собрание сочинений. М., 1970. Т. 45. С. 359; Двенадцатый съезд РКП(б). 17–25 апреля 1923 года: Стеногр. отчёт. М., 1968. С. 613.

⁶⁵ Об очередных задачах партии в национальном вопросе: Резолюция Десятого съезда РКП(б) // Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898–1986). Изд. 9-е, доп. и испр. М., 1983. Т. 2. С. 360–370; По национальному вопросу: Резолюция Двенадцатого съезда РКП(б) // Там же. Т. 3. С. 79–88.

массовое вовлечение широких пролетарских слоев трудящегося коренного населения автономных областей и окраин Советской России в хозяйственное строительство путем массового вовлечения их через профсоюзы в хозяйственно-экономические органы»⁶⁶.

По сути, уже в этом тезисе очевиден пролог к политике «коренизации», официальным началом которой принято считать XII съезд РКП(б), состоявшийся в апреле 1923 г., хотя де-факто в Крыму эта политика ощутимо проводилась уже в 1921 г.

Вместе с тем, на потенциальную ограниченность и даже двойственность указанной политики указывала ещё одна партийная задача, озвученная М.Х. Султан-Галиевым: «Углубление классовой дифференциации и классового расслоения среди городского населения и крестьянства нацменьшинств окраин»⁶⁷.

Работа среди национальных меньшинств была для партийно-советских органов в Крыму одной из приоритетных. Уже с конца ноября 1920 г. обком и уездные партийные комитеты повели активную работу по созданию в своих структурах национальных секций. В частности, при обкоме образуются Мусульманская (с 8 января 1921 г. – Татарская), Немецкая, Еврейская, Армянская секции. Структура секций предполагала наличие бюро, ряда отделов, пункта юридической помощи. Для координации работы национальных секций в ноябре 1920 г. при отделе агитации и пропаганды обкома РКП(б) был образован подотдел национальных меньшинств, который возглавил присланный из Москвы инструктор подотдела нацменьшинств при отделе агитации и пропаганды ЦК РКП(б) О.И. Пальги⁶⁸.

Национальные секции (а их перечень на уровне уездных партийных комитетов Крыма был ещё шире) сыграли важную роль в издании и распространении печатных средств массовой

⁶⁶ Брошеван В.М., Форманчук А.А. Крымская республика: год 1921-й: Краткий исторический очерк. Симферополь, 1992. С. 34.

⁶⁷ Брошеван В.М., Форманчук А.А. Крымская республика: год 1921-й: Краткий исторический очерк. Симферополь, 1992. С. 35.

⁶⁸ Там же. С. 41.

информации на языках национальных групп полуострова, в ликвидации неграмотности, в подготовке национальных кадров.

Аналогичные национальные секции сформировались в это же время при Донском, Кубано-Черноморском, Терском и Ставропольском областных/губернских комитетах РКП(б). Их деятельность строилась по экстерриториальному принципу, не ограничиваясь местностями проживания тех или иных народов. Но приходится признать, что в условиях Юга России, где сельское население превышало 81%, работа партийных национальных секций была сосредоточена прежде всего в городах⁶⁹.

Если же обратиться к раннему употреблению термина «советский народ», то вплоть до начала 1930-х гг. это словосочетание применялось крайне редко. Ему предшествовали термины «новый человек», «советские люди», имевшие идейно-политический, а не этнический смысл. Например, в пособии «Азбука коммунизма» Н.И. Бухарин и Е.А. Преображенский писали о воспитании «нового человека» в Советской России⁷⁰. «Советские люди» противопоставлялись классово чуждым «антисоветским элементам». Советская система принципиально не допускала сохранения гражданского общества. Поэтому советский народ создавался в качестве государственно-управляемого интегрированного сообщества, «государственной нации», объединённой политическими взглядами и статусом, включавшей в себя, но не ассимилировавшей многочисленные народы страны. Советская власть юридически ликвидировала неравноправие и дискриминацию народов, предстояло обеспечить равноправие и сотрудничество народов на деле.

Данный проект сталкивался с серьёзными препятствиями в полиэтничных и неравномерно развитых регионах РСФСР. Например, на Юге России проявлялся стадийный разрыв в уровне развития областей с преимущественно славянским населением и автономных образований Северного Кавказа,

⁶⁹ Аверьянов А.В. Национальная политика на Дону, Кубани и Ставрополье в 1920–1930-е гг. Ростов н/Д; Таганрог, 2020. С. 209–233.

⁷⁰ Бухарин Н.И., Преображенский Е.А. Азбука коммунизма: популярное объяснение программы Российской коммунистической партии большевиков. Пб., 1920. С. 182–192.

созданных в 1920–1922 гг. Между ними велась острая борьба за территории и статус. Применение концепции этнотерриториального федерализма, заимствованной из Швейцарии, в условиях Северного Кавказа привело к обособлению административных единиц, к попыткам вытеснить этнические меньшинства и с занимаемых земель, и с престижных должностей. В ряде случаев (антисоветские мятежи в Чечне и Дагестане, осетино-ингушский конфликт) реальность вступала в вопиющее противоречие с идеологией, требуя нестандартных прагматических решений. Так, способами регулирования конфликта на чечено-дагестанской границе в 1924–1925 гг. стали создание отрядов самообороны, арбитраж авторитетных старейшин – знатоков Корана (маслаат), проведение заседаний Советов с участием представителей соседних автономий⁷¹. То есть, использовались приёмы, заимствованные из дореволюционной практики.

Партийные и государственные руководители слабо знали состояние народов Юга России, их традиции и запросы. Например, это признавалось в постановлении бюро Северо-Кавказского краевого комитета РКП(б) 13 января 1925 г. по докладу А.И. Микояна и Н.Б. Эйсмонта о поездке в автономные области⁷². Такая ситуация была следствием незнания присланными из других регионов партийно-советскими работниками местных языков и норм ислама, слабости местных органов печати и агитационной работы местных чиновников.

Роль этнографов, статистиков и журналистов в формировании нормативных представлений о народах СССР была достаточно весомой. Ещё в начале 1917 г. Академия наук создала Комиссию по изучению племенного состава населения России (КИПС). Её экспедиции и отдельные эксперты привлекались органами власти для обоснования статуса автономий, их границ и разрешения конфликтов. КИПС активно сотрудничала с Народным комиссариатом по делам национальностей РСФСР, отстаивая этнический принцип формирования автономий в спорах

⁷¹ ГАРО. Ф. Р-1485. Оп. 1. Д. 300. Л. 177–181.

⁷² ЦДНИРО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 100. Л. 6–8.

с Административной комиссией ВЦИК и Госпланом РСФСР – сторонниками экономического принципа районирования⁷³. В 1922 – начале 1924 гг. велась значительная работа по обоснованию нового административно-территориального деления, одним из аргументов при проведении границ были составленные этнографами и географами списки национальностей. Этнографические сведения использовались Центральным статистическим управлением СССР при подготовке программы переписи 1926 г. Органы власти стремились «рационализировать» этническую структуру общества, поощряя выработку единого алфавита для всех народов Северного Кавказа на основе латинской графики и тюркского (азербайджанского) языка. Эту работу курировал председатель Национального совета при Северо-Кавказском крайисполкоме Советов У.Д. Алиев⁷⁴. Поддерживал его деятельность и дагестанский большевик Н.П. Самурский (Эфендиев)⁷⁵. Тем самым, количество официально признанных этнических номинаций уменьшалось, что подтверждается сравнением вопросников Всесоюзных переписей 1926 и 1939 гг.

Бесспорно, регулирование межэтнических отношений, взаимодействий полиэтничного общества и власти находилось под сильным влиянием традиций патернализма. Так, составители «Выводов и предложений комиссии ЦКК и ВЦИК по состоянию советской и хозяйственной работы по национальных областях» Северо-Кавказского края (июль 1928 г.) отмечали слабость местных Советов и общественных организаций (комсомола, профсоюзов, женских советов), острый недостаток образованных руководителей. На этом фоне – сильное влияние духовенства, бывших помещиков, пережитки родовых патриархальных отношений. Заседания аульных Советов подменялись пятничными сходами граждан возле мечетей, муллы и знать подчас избирались в местные органы управления и руководили ими⁷⁶. В 1924–1925 гг. Северо-Кавказский крайком РКП(б) рассматривал итоги

⁷³ Hirsch F. Op. cit. P. 111.

⁷⁴ ГАРО. Ф. Р-1485. Оп. 1. Д. 533. Л. 32.

⁷⁵ Самурский Н. Дагестан. М.; Л., 1925.

⁷⁶ ЦДНИРО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 685. Л. 29–33.

обследований Карачаево-Черкесской партийной организации, в которой происходили постоянные конфликты на кланово-родственной основе между «княжеской» и «крестьянской» группировками⁷⁷. Яркий пример «вождизма» представляли собой руководители многих автономий, например, Б.Э. Калмыков – председатель Кабардино-Балкарского облисполкома, подмявший под себя обком РКП(б), прокуратуру и прочие органы управления. Представительство этнических интересов в системе власти подменялось представительством местных «сильных личностей», вокруг которых складывалась этнизированная номенклатура той или иной автономии.

Подведём итоги. «Коренизация» (1921–1932 гг.) определяется нами как стратегия национальной политики, состоявшая в обеспечении равноправия народов Советского государства путём предоставления институциональных, правовых и социокультурных преимуществ этническим меньшинствам, «позитивной дискриминации» русского населения. «Коренизация» проявилась в создании субъектов федерации и территориальных автономий по этническому принципу; в повышении участия этнических групп в партийных, советских и хозяйственных органах; в приоритетном развитии национальной письменности, образования и культуры; в переводе делопроизводства на языки этнических меньшинств.

Конкурирующие процессы: формирование советского народа и политика «коренизации» в 1920–1932 гг. развивались в контрастирующих направлениях. Создание повышенных статусов для этнотерриториальных автономий по мере укрепления Советского государства входило в противоречие с императивами интеграции полиэтничного населения, укрепления аппарата власти. В раннесоветский период термин «советский народ» применялся редко и в основном в идеологическом смысле; насыщение термина этническими коннотациями развивается позже, с 1930-х гг. вследствие курса на централизацию государства. Советский народ создавался в качестве государственно-управляемого интегрированного сообщества,

⁷⁷ ЦДНИРО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 25. Л. 35, 41.

«государственной нации», объединённой политическими взглядами и статусом, включавшей в себя, но не ассимилировавшей многочисленные народы страны. Формирование и развитие «советского народа» меняло содержание маркеров этнических идентичностей, способствовало «укрупнению» этнических групп за счёт внутриэтнической консолидации.

Факторами изменений приоритетов нациестроительства в СССР, конструирования и развития этнических идентичностей были: крайняя неравномерность социально-экономического и культурного развития народов; прочность этнических и конфессиональных традиций; слабость партийно-государственного аппарата власти в этнических автономиях; многочисленные проявления клановости и оппозиционных выступлений. В условиях угрозы мировой войны центральная власть сделала оправданный выбор в пользу идей сплочения народов СССР вокруг «русского народа – старшего брата».

Этнографы, статистики и журналисты сыграли весомую роль в формировании нормативных представлений о народах СССР, участвуя в составлении перечней народов для переписей населения, в обосновании границ и статуса этнических автономий, в составлении новых алфавитов и их пропаганде.

Традиции патернализма, этатизма и вождизма сильно влияли на регулирование межэтнических отношений и взаимодействий общества с властью. На примере автономий Северо-Кавказского края показано формирование этнизированной номенклатуры, опиравшейся на кланово-родственные связи.

1.2. НАПРАВЛЕННОСТЬ, ЭТАПЫ РАЗВИТИЯ И СТЕПЕНЬ ЭФФЕКТИВНОСТИ НАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ В СЕВЕРО-КАВКАЗСКОМ КРАЕ И КРЫМСКОЙ АССР В 1920-х гг.

Тема обладает растущей актуальностью. Российское общество нуждается в переосмыслении исторического опыта национальной политики на Северном Кавказе и в Крыму, в аргументированном обосновании государственного единства, межэтнического согласия, преемственности созидательного

развития. Поэтому возрастает значение документальных комплексов архивохранилищ, в том числе, малоизученных, к которым относятся источники о национальной политике РКП(б)–ВКП(б) 1920-х гг.

Актуальность темы вызвана также необходимостью деконструировать мифы о сущности, задачах и средствах этнополитики Советского государства в Северо-Кавказском крае и Крымской АССР в 1920–1929 гг. Эти мифы целенаправленно создаются частью гуманитарной интеллигенции, прежде всего, некоторыми преподавателями высших учебных заведений и журналистами, а затем воспроизводятся в учебной и популярной литературе, в символической политике (например, при праздновании юбилеев), в аргументах обоснования современного статуса субъектов федерации. Мифы проявляются и в массовых исторических представлениях, выявляемых опросами общественного мнения. Полагаем, что мифы о национальной политике 1920-х гг. необходимо подвергнуть научному критическому анализу, что внесёт вклад в оздоровление федеративных и межэтнических отношений в регионе.

В параграфе дана авторская оценка направленности, этапов развития и степени эффективности национальной политики 1920-х гг. в Северо-Кавказском крае и Крымской АССР.

Методологией исследования мы выбрали сравнительно-исторический подход. Он позволяет выявить предпосылки и факторы выбора стратегии национальной политики, раскрыть сходства и различия аргументации точек зрения различных историков. Применена конструктивистская парадигма этноисторических исследований, с точки зрения которой этнические группы целенаправленно формируются вокруг маркеров коллективной идентичности; позиционирование и границы этнических групп подвижны, представляя собой осознанный выбор людей, а не «генетически» предписанную принадлежность⁷⁸. Мифы являются важным структурным элементом этнической идентичности, выражая положительные

⁷⁸ Anderson B. *Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism*. Revised edition. New York, 2016. P. 7–8.

самооценки сообщества либо негативные образы «других», «врагов». Мифы позволяют смягчать восприятие этническими сообществами своих психологических травм, выстраивать удобные обоснования политических требований⁷⁹.

Национальная политика 1920-х гг., проводившаяся в регионах с преобладанием русского населения, привлекала значительно меньше внимания историков, нежели национальная политика в автономных образованиях Северного Кавказа и Крыму⁸⁰. Исследовался в основном статус, состав и расселение русских в автономиях и порубежных с ними местностях (см. монографию Г.С. Денисовой и В.П. Уланова)⁸¹. Достаточно глубоко изучены институты и практики политики в отношении этнических меньшинств Дона и Кубани, чему посвящены работы В.З. Акопяна⁸² и А.В. Аверьянова⁸³. На материалах Кубано-Черноморья преобладают работы, в которых освещается история создания Адыгейской (Черкесской) автономной области⁸⁴ и «украинизация»⁸⁵. Позиция нашего научного коллектива состоит в

⁷⁹ Николаев Н.Ю., Рамазанов С.П. Формирование национального самосознания и историческое мифотворчество // Миф в истории, политике, культуре: Сб. трудов V Междунар. науч. междисциплинар. конф. (июнь 2021 г., г. Севастополь). Севастополь, 2021. С. 306–313.

⁸⁰ Советский национальный проект в 1920–1940-е годы: идеология и практика / Д.А. Аманжолова, К.С. Дроздов, Т.Ю. Красовицкая, В.В. Тихонов. М., 2021. С. 8–38.

⁸¹ Денисова Г.С., Уланов В.П. Русские на Северном Кавказе: анализ трансформации социокультурного статуса. Ростов н/Д, 2003. С. 59–71, 87–103.

⁸² Акопян В.З. Образование национальных сельских поселений дисперсных этносов на Юге России в 20–30-е годы XX века. Пятигорск, 2015.

⁸³ Аверьянов А.В. Национальная политика на Дону, Кубани и Ставрополье в 1920–1930-е гг. Ростов н/Д; Таганрог, 2020.

⁸⁴ Баранов А.В., Касьянов В.В., Яхутль Ю.А. Формирование национальных автономий на Северо-Западном Кавказе в 1920–1924 годах // Научный диалог. 2021. № 11. С. 282–298. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2021-11-282-298>

⁸⁵ Васильев И.Ю. Украинский национализм, украинизация и украинское культурное движение на Кубани (вторая половина XIX – начало XXI века). М., 2014; Баранов А.В. Украинизация в Северо-Кавказском крае

том, что межэтнические отношения и этнополитика 1920-х гг. в автономиях и регионах с преобладанием славянского населения должны анализироваться в качестве неразделимого взаимосвязанного комплекса, с учётом преемственности опыта имперской России⁸⁶.

Проблематика критики националистических мифов в исторических исследованиях активно изучается В.А. Тишковым в общетеоретическом ракурсе⁸⁷. На материалах Северного Кавказа тему анализируют В.А. Шнирельман⁸⁸, Т.П. Хлынина и Е.Ф. Кринко⁸⁹, К.О. Казенин⁹⁰. Проблематика националистических мифов об истории активно обсуждается на форумах историков-кавказоведов, вызывая противоречивые оценки⁹¹. Однако мифы о советской национальной политике 1920-х гг. применительно к автономиям Северного Кавказа и Крымской АССР ещё не стали предметом специального изучения.

Источниковую базу работы составили законодательные акты (постановления ВЦИК РСФСР, Северо-Кавказского краевого исполкома Советов), а также аналитические записки и доклады,

РСФСР (1923–1932 гг.): замыслы, реакция сообщества, результаты // Наследие веков. 2021. № 3 (27). С. 31–43. DOI: 10.36343/SB.2021.27.3.002. URL: <http://heritage-magazine.com/index.php/HC/article/view/445/378> (дата обращения: 24.10.2022).

⁸⁶ Взаимоотношения партийно-государственной власти и полиэтничного общества в ходе реализации национальной политики (на материалах Северо-Кавказского края и Крымской АССР, 1920-е гг. / А.В. Баранов, А.В. Ишин, В.В. Касьянов, А.Ю. Рожков. Краснодар, 2021. С. 13–30.

⁸⁷ Тишков В.А. Советский проект // Тишков В.А. Российский народ: история и смысл национального самосознания. М., 2013. С. 193–299.

⁸⁸ Шнирельман В.А. Быть аланами: Интеллектуалы и политика на Северном Кавказе в XX в. М., 2006.

⁸⁹ Хлынина Т.П., Кринко Е.Ф. История, политика и нациестроительство на Северном Кавказе. Ростов н/Д, 2014. С. 41–161.

⁹⁰ Казенин К.О. Элементы Кавказа. Земля, власть и идеология в северокавказских республиках. М., 2012. С. 160–166.

⁹¹ Народы Кавказа в XVIII – XXI вв.: история, политика, культура. Материалы VIII Междунар. форума историков-кавказоведов (г. Пятигорск, 14–15 октября 2021 г.) / отв. ред. Г.Г. Матишов. В 2 ч. Ростов н/Д, 2021. Ч. 1. С. 20–30.

отчёты комиссий по обследованию пограничных местностей, стенограммы заседаний партийных органов РКП(б)-ВКП(б), информационные сводки и обзоры органов ВЧК-ОГПУ о политическом положении территорий, периодические обзоры штаба Северо-Кавказского военного округа о повстанческих выступлениях и бандитизме.

Ценность представляют также протоколы заседаний бюро и секретариата краевого комитета РКП(б)–ВКП(б). Они содержат сведения, не становившиеся открытыми в партийной пропаганде, в том числе – отчётные и аналитические записки органов государственной власти, информационные сводки и отчёты полпредства ОГПУ по краю.

Не всегда владея полной и объективной информацией по существу проблем, Юго-Восточное краевое бюро ЦК РКП(б) (с 1924 г. преобразованное в Северо-Кавказский краевой комитет РКП(б)) и крайисполком Советов обращались с запросами в Полномочное представительство ОГПУ по Северо-Кавказскому краю, а также в штаб Северо-Кавказского военного округа. Соответствующие записки и доклады, сводки и обзоры использовались затем как аргументы в выработке и принятии решений.

Источники о национальной политике в фондах ЦДНИКК отражают сложные преобразования административно-территориального устройства Юга РСФСР в 1920-х гг. Так, в фонде 1 (Кубано-Черноморский областной комитет РКП(б)) хранятся многочисленные копии протоколов Юго-Восточного краевого бюро ЦК РКП(б) за 1921 – апрель 1924 гг. и Юго-Восточного краевого комитета РКП(б) за май – октябрь 1924 гг., а также материалы к ним, поскольку эти органы были руководящими по отношению к обкомам⁹². В фондах 8, 9, 12 и 2816 отражены директивы и отчётные доклады, переписка окружных комитетов Коммунистической партии (Кубанского, Черноморского, Армавирского и Майкопского) с вышестоящим Северо-Кавказским крайкомом за октябрь 1924 – 1929 гг. Следует учитывать и усиление централизованных начал в партийно-

⁹² ЦДНИКК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 199.

государственной системе власти на протяжении изучаемого периода, рост влияния органов государственной безопасности, что подтверждается информационными сводками и обзорами ОГПУ, его территориальных (окружных и районных) отделений.

Напомним, что до осени 1920 г. на Северном Кавказе существовали Кубанская, Терская и Дагестанская области, унаследованные от имперского периода. В ходе Гражданской войны возникали неустойчивые формы горской государственности, как правило, поощрявшиеся интервентами. Этот опыт стал аргументом при создании в 1920 г. советских этнических автономий. Кроме общих теоретических установок, изложенных в работах В.И. Ленина, обоснованной программы национального строительства РКП(б) не имела. Не имели их и традиционные этнические и религиозные элиты Северного Кавказа, кроме лозунгов отделения от РСФСР. Поэтому в ходе национально-государственного строительства 1920-х гг. проявлялись противоречия между интересами центрального уровня власти и запросами этнических элит по повышению уровня автономий.

Большевики исходили из этнотерриториального подхода при выборе границ автономий, но стремились также обеспечить лояльное «пролетарское ядро» населения, передавая в состав автономий города с преимущественно русским населением. Приоритетной задачей на начальном этапе было укрепление власти на Северо-Западном Кавказе с учетом продолжения Гражданской войны. 31 марта 1920 г. ВЦИК РСФСР утвердил состав Северо-Кавказского революционного комитета (ревкома) во главе с Г.К. Орджоникидзе. Это означало власть назначаемых военизированных органов управления, чья деятельность в 1918 г. уже провоцировала рост политического кризиса на Юге России. В сентябре 1920 г. Политбюро ЦК РКП(б) дважды рассматривало ситуацию на Северном Кавказе и приняло решение о создании автономий горских народов – Дагестанской и Горской АССР в составе РСФСР. Горская АССР, созданная на основании декрета ВЦИК от 20 января 1921 г., объединила местности проживания чеченцев, ингушей, осетин, кабардинцев, балкарцев. Но, как обоснованно отмечали А.И. Микоян и А.Г. Кажаров, Горская

АССР имела больше внутренних противоречий, чем интегрирующих черт⁹³.

В январе - феврале 1921 г. в Горскую АССР и Терскую губернию, которые подлежали разграничению и в состав республики передавались станицы Сунженской казачьей линии, была направлена комиссия ВЦИК во главе с В.И. Невским. Комиссия отметила многочисленные факты чрезмерной жестокости при депортации казаков и расхищение имущества со стороны чеченских переселенцев. Ряд станиц остался разорённым и не заселялся горцами. Выводы комиссии опирались на телеграммы и сводки органов ВЧК. Так, ЧК Горской АССР сообщала в сводках № 1328 и 1517: «Казачество настроено враждебно в отношении Советской власти. Причины: выделение Горреспублики, ставящее у власти горцев..., и неоказание казакам содействия при выселении их из станиц»⁹⁴. В итоге выселенные в Ставропольскую и Терскую губернии сунженцы остались без материальных компенсаций и права возврата в свои станицы, но были амнистированы в 1924 г.

Вся пограничная полоса слабо контролировалась властями, так как до 1925 г. здесь действовали крупные повстанческие отряды - и горские, и казачьи. Так, к началу октября 1921 г. в Терской губернии действовали 1560 повстанцев, к маю 1922 г. - 1345, к июлю 1922 г. - 588⁹⁵. В государственной информационной сводке № 48 Полномочного представительства ОГПУ по Юго-Востоку России от 3.07.1922 г. признаётся крайняя слабость власти в Чечне, её подменяли шариатские суды и шейхи;

⁹³ ЦК РКП(б) – ВКП(б) и национальный вопрос / сост. Л.С. Гатагова, Л.П. Кошелева, Л.А. Роговая. М., 2005. Кн. 1. С. 84-87; Кажаров А.Г. Формирование Горской АССР и проблемы национального самоопределения Кабарды и Балкарии (1920–1921 гг.) // Гуманитарные и юридические исследования. 2018. № 1. С. 50.

⁹⁴ Советская деревня глазами ВЧК-ОГПУ-НКВД. 1918-1939. Документы и материалы. В 4-х т. / под ред. А. Береловича, В.П. Данилова. М., 1998. Т. 1. С. 435.

⁹⁵ Краткий периодический обзор повстанческого движения на территории С.-К.В.О. по данным за июнь 1922 г. Ростов н/Д, 1922. С. 14–15.

руководство Чеченского ревкома оставалось малоавторитетным для населения⁹⁶.

В такой ситуации партийные и советские органы г. Грозного, включённого в состав Горской АССР и Чеченского автономного округа, попытались добиться отделения города и его возвращения в состав Терской губернии, русской по населению. Второй съезд Советов Горской АССР (март 1922 г.) охарактеризовал эти попытки так: «необходимо ликвидировать колонизаторские стремления, вновь и вновь возрождающиеся вокруг лозунга образования Грозненской губернии с выселением из этой губернии чеченцев»⁹⁷. Опасаясь разжигания конфликта, центральная власть предпочла оставить г. Грозный в составе Чечни и обязать «Грознефть» выплачивать значительную дотацию в пользу автономного округа.

Важным направлением деятельности Юго-Восточного бюро ЦК было разрешение конфликтов, возникавших как вследствие кланово-родственных отношений в автономиях, так и ввиду кадровой слабости партийных и государственных организаций. Например, часто менялось руководство Дагестанского обкома РКП(б) и Карачаево-Черкесского обкома РКП(б), причём враждующие группировки возникали и на этнической, и на сословно-классовой основе. В Дагестан пришлось направить для контроля над выполнением директив К.Е. Ворошилова (февраль 1922 г.). Принимались меры усиления связи партийной организации с местным населением, налаживания работы комсомола, женских и кооперативных организаций, кружков самообразования и политической грамоты, выдвижения представителей «титულных» народов на руководящие должности⁹⁸.

⁹⁶ Советская деревня глазами ВЧК-ОГПУ-НКВД... Т. 1. С. 657.

⁹⁷ Заключение 2-го съезда Советов Горской республики о политическом и экономическом положении автономной республики в начале 1922 г. // Вайнахи и имперская власть: проблема Чечни и Ингушетии во внутренней политике России и СССР (начало XIX - середина XX в.) / авт. кол.: В.А. Козлов (рук.) и др. М., 2011. С. 433.

⁹⁸ ЦДНИКК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 199. Л. 48, 51.

Документы Ф. 1, 8, 9, 12 и 2816 ЦДНИКК позволяют установить изменения приоритетов национальной политики в зависимости от общей ситуации на Юго-Востоке России (с лета 1924 г. – в Северо-Кавказском крае). Применительно к событиям начала нэпа важна резолюция пленума Юго-Восточного бюро ЦК РКП(б) совместно с секретарями губернских комитетов партии от 3 февраля 1922 г. В ней отмечается спад численности «политбанд» по Юго-Востоку России с 10 тыс. чел. к началу августа 1921 г. до 2250 чел. к началу 1922 г., но признаётся сохранение факторов политической и экономической нестабильности. Краевой руководящий центр власти поставил задачу перехода от «продразвёрсточных», карающих к политическим методам воздействия на массы, разлагая повстанчество изнутри агентурной и агитационной работой. Особое внимание уделялось разоблачению националистических движений в автономиях Северного Кавказа, особенно – в Чечне⁹⁹. На заседании Юго-Восточного бюро ЦК 29 июля 1922 г. признавалось «резкое понижение бандитизма и почти полное уничтожение политического бандитизма», что позволило ликвидировать областные военные совещания. В то же время, отдельные области могли и впредь объявляться «неблагополучными по бандитизму» решениями областных партийных, советских и военных органов с разрешения Крайвоенсовещания¹⁰⁰. Жалобы мирного населения на налёты уголовных банд, угонявших заложников и скот, продолжались до 1925 г.¹⁰¹ Так, усиление бандитизма отмечалось уже на заседании Юго-Восточного бюро ЦК 20 декабря 1923 г., что повлекло за собой объявление большинства автономий неблагополучными по бандитизму и сохранение в них частей особого назначения. Такой режим несколько раз продлевался в течение 1924 г.¹⁰²

Вместе с тем, из докладов о ходе продналоговой кампании в Терской губернии, Дагестанской и Горской АССР на заседании Юго-Восточного бюро ЦК 6 сентября 1922 г. ясно, что местные

⁹⁹ ЦДНИКК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 195. Л. 10.

¹⁰⁰ ЦДНИКК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 196. Л. 5–5 об.

¹⁰¹ ЦДНИКК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 290. Л. 34 об.

¹⁰² ЦДНИКК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 291. Л. 84.

органы управления вели сбор налога насильственно, с произвольным определением размера обложения, надеясь на военную силу. Такой подход был осуждён краевым руководством¹⁰³. Инициатива создания чрезвычайных троек и комиссии по борьбе с бандитизмом исходила от руководства Кабардинской АО, что дважды, 28 сентября и 12 октября 1922 г., отвергали члены краевого бюро ЦК¹⁰⁴. 1 декабря 1922 г. было отменено решение Карачаево-Черкесского организационного бюро РКП(б) о введении в автономии военного положения¹⁰⁵.

На основе резолюции XII съезда РКП(б) в 1923 г. активизируются меры «коренизации» – внедрения региональных языков в делопроизводство и все проявления общественной жизни, ликвидации неграмотности на региональных языках. Это направление политики призвано было ограничить влияние исламского духовенства, вытеснить из употребления арабскую письменность. Так, в докладе Юго-Восточного бюро ЦК о состоянии Дагестанской парторганизации от 28 июля 1923 г. с тревогой отмечался рост влияния духовенства. Предлагалось постоянно и осторожно освобождать массы из-под религиозного влияния, изъять вакуфные земли для финансирования взаимопомощи беднейших слоёв земледельцев. Краевой властью центр предлагал поддержать намечающийся раскол исламского духовенства, ограничить его финансовые и правовые возможности, запретить шариатские суды на основе опыта Кабардино-Балкарской АО¹⁰⁶. В целом, однако, период 1924–1927 гг. характерен наибольшей терпимостью в государственно-исламских взаимоотношениях, проявлениями полиюридизма и разрешением религиозного образования.

Представляет значительный интерес решение Юго-Восточного бюро ЦК РКП(б) от 14 декабря 1923 г. о согласии с организацией украинской секции при Кубано-Черноморском обкоме РКП(б). Из данного протокола № 68 бюро ясно, что решение принималось во исполнение постановления расширенной

¹⁰³ ЦДНИКК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 199. Л. 3, 11.

¹⁰⁴ ЦДНИКК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 199. Л. 23 об, 27.

¹⁰⁵ ЦДНИКК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 199. Л. 44 об.

¹⁰⁶ ЦДНИКК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 291. Л. 10.

коллегии Агитационно-пропагандистского отдела ЦК РКП(б). Прежде всего, речь шла об «украинизации» школ и усилении партийной и советской работы среди той части населения, которую органы власти объявили украинцами¹⁰⁷. Активизация этого курса приходится на 1925 г., когда была создана краевая секция при агитационно-пропагандистском отделе крайкома РКП(б), проведено краевое совещание по «украинизации». Соответствующие усилия органов власти были распространены также на округа бывшей Донской области, Терский и Ставропольский округа. Документы убедительно свидетельствуют о том, что украинизация была именно инициативой органов власти, встречая упорное сопротивление большинства населения Юга России. Парадоксальным образом, одновременно совершается оправданное возвращение Таганрогского и Шахтинского округов Дона из состава Украинской ССР в РСФСР.

Штаты подотдела национальных меньшинств краевого бюро ЦК, которому надлежало вести всё более разнообразную работу, оставались весьма скромными. По проекту постановления Юго-Восточного бюро ЦК от 19 января 1924 г., для всей Кубано-Черноморской области предусматривалось лишь 3 инструктора: по работе среди украинцев, греков и армян, для всей Донской области – 3, для Терской и Ставропольской губерний, Горской АССР и г. Грозного – по 1 инструктору¹⁰⁸.

Горская АССР просуществовала в первоначальных границах только год. Уже в 1922 г. от неё отделилась Кабардино-Балкарская автономная область. Это сделало неизбежным отделение и Карачаево-Черкесии. Состояние партийного и государственного управления оставшейся частью территории Горской АССР было весьма неэффективным, что подтверждается оценками со стороны Юго-Восточного бюро ЦК РКП(б) и его руководителей – А.И. Микояна, Б.П. Позерна, К.Е. Ворошилова. Именно эти

¹⁰⁷ ЦДНИКК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 291. Л. 77.

¹⁰⁸ ЦДНИКК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 348. Л. 14, 16.

факторы, а не этнические преференции, привели к ликвидации Горской АССР летом 1924 г.¹⁰⁹

Внутри Горской АССР сразу же проявилась острая борьба между этническими элитами Карачая, Черкесии, Кабардино-Балкарии, Северной Осетии, Ингушетии и Чечни - за распределение земель, источников дохода и должностей. Конфликты привели к выделению из состава Горской АССР Кабардино-Балкарской и Карачаево-Черкесской автономных областей¹¹⁰. В итоге летом 1924 г. Горская АССР была ликвидирована и разделена на автономные области по этническому признаку. Они подчинялись Северо-Кавказскому краю с центром в г. Ростове-на-Дону.

Дагестанской АССР удалось сохранить своё непосредственное подчинение всероссийским органам власти по советской линии, но Дагестан стал подчиняться Северо-Кавказскому краю по линиям партийных органов и государственной безопасности.

Дискуссия по территориальным вопросам возникла между Госпланом РСФСР, Юго-Восточным краевым плановым управлением, Терским губисполкомом и автономиями в 1923 - середине 1924 гг. Проект Госплана предполагал создание единого экономического региона Северного Кавказа и Закавказья, для чего не было экономических, географических и политических предпосылок. Краевые органы намеревались объединить Дагестан, Горскую АССР, Терскую и Ставропольскую губернии. Терский губисполком категорически возражал против объединения с автономиями, отстаивая интеграцию с Кубано-Черноморской областью и Ставропольской губернией. Автономии

¹⁰⁹ Баранов А.В. Информационные сводки и обзоры органов ОГПУ как источник по истории национальной политики 1920-х гг. в Северо-Кавказском крае // Исторические чтения на Лубянке: XXV лет. Сб. статей. М., 2021. С. 63-70.

¹¹⁰ Даудов А.Х. Горская АССР (1921–1924 гг.). Очерки социально-экономической истории. СПб., 1997.

требовали передать им Пятигорск, Кисловодск, Моздок, Прохладненский и Майский районы¹¹¹.

Другой сложный территориальный спор получил название «кизлярского». В конце 1922 - начале 1923 г. из Терской губернии в Дагестанскую АССР был передан Кизлярский округ в устье р. Терек. Его населяли по переписи 1926 г. 97152 чел., из них - 57% русских, 33% ногайцев и караногайцев, 10% армян и представителей народов Дагестана. Весной 1924 г. руководители партийных, советских органов и отдела ОГПУ Кизлярского округа подали доклад в краевую комиссию по районированию, предлагая решить спор на местном референдуме¹¹². Представляет интерес и записка сотрудника местного отдела ОГПУ В. Семенцова в ЦК ВКП(б) (лето 1926 г.). Её автор обосновывал полезность вернуть Кизлярский округ в состав Терского округа либо образовать отдельную автономную единицу. Семенцов приводил не только хозяйственные доводы (тяготение Кизляра к Астрахани и Пятигорску), но и детальную статистику этнического и религиозного состава населения, давности проживания различных народов¹¹³. Такая позиция нашла поддержку Северо-Кавказского крайкома ВКП(б) и Терского окружкома ВКП(б). Но Кизлярский округ решением ЦК был оставлен в Дагестанской АССР по мотивам нехватки земельных угодий и полезности переселения горцев на равнину.

Интересы геополитической стабильности пограничного и нестабильного региона, каким был Северный Кавказ, перевесили местные амбиции. Следовало учитывать роль региона как плацдарма мировой революции на Востоке и опасения перед панисламистской и пантюркистской экспансией, тем более, что автономии Северного Кавказа не имели «пролетарского ядра» и слабо были интегрированы в состав государства¹¹⁴. В итоге была

¹¹¹ ГАРО. Ф. Р-1485. Оп. 1. Д. 131. Л. 3–4; Д. 137. Л. 25; Д. 139. Л. 118 об–120, 177–180.

¹¹² ГАРО. Ф. Р-1390. Оп. 1. Д. 406. Л. 160–160 об, 161, 162 об.

¹¹³ ЦДНИРО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 370. Л. 148–166.

¹¹⁴ Христофоров В.С. «Восточные окраины» как объект изучения Восточного отдела ГПУ-ОГПУ (1922–1923). URL: [http://uralhist.uran.ru/pdf/Khristoforov_UIV_2\(63\)2019.pdf](http://uralhist.uran.ru/pdf/Khristoforov_UIV_2(63)2019.pdf) (дата обращения: 30.05.2022).

выбрана модель административно-территориального устройства, предполагавшая включение автономных национальных областей в состав Северо-Кавказского края и их финансовое и правовое соподчинение краю. Эта модель закреплялась «Положением о Юго-Востоке России», одобренным Президиумом ВЦИК РСФСР 13 февраля 1924 г.¹¹⁵ Краевой исполком Советов принял в апреле 1924 г. «Положение об организации управления автономными национальными областями Юго-Восточного края», регламентировавшее порядок разрешения споров между административными единицами¹¹⁶. В данных целях создавались комиссии с паритетным представительством краевых инстанций, а также сторон споров по урегулированию взаимных территориальных претензий: края и Дагестанской АССР, автономных областей и округов в составе края, между различными автономиями¹¹⁷. Затем была создана комиссия по вопросам взаимоотношений автономий с русскими округами под руководством первого секретаря Северо-Кавказского крайкома РКП(б) А.И. Микояна и председателя крайисполкома Б.П. Позерна. Работала также краевая административная комиссия по районированию при крайисполкоме Советов (образована 4 августа 1924 г.).

Важной особенностью административно-территориального деления Северного Кавказа в 1924-1930 гг. стало создание Грозненского, Владикавказского и Сунженского округов в местах компактного проживания русских и украинцев. Так, во Владикавказском округе славянские народы составляли 57,8% жителей, в Грозненском - 80,2%, в Сунженском - 96,6%¹¹⁸. Округа непосредственно подчинялись краю. Кроме этого, в составе Кабардино-Балкарской и Северо-Осетинской АО были созданы

¹¹⁵ Весь Северный Кавказ (Справочник по вопросам административно-экономического и культурного строительства края) / под ред. А. Овчарова. Ростов н/Д, 1931. С. 17.

¹¹⁶ ГАРО. Ф. Р-1390. Оп. 1. Д. 406. Л. 192, 223–223 об.

¹¹⁷ ГАРО. Ф. Р-1485. Оп. 1. Д. 137. Л. 24 об; Д. 135. Л. 216, 218.

¹¹⁸ Всесоюзная перепись населения 1926 года. Отдел 1. Народность. Родной язык. Возраст. Грамотность. М., 1928. Т. 9. С. 34–51; Т. 10. С. 9–13; Т. 11. С. 8–17; Т. 14. С. 6–16; Т. 15. С. 8–13; Т. 16. С. 8–12; Т. 17. С. 8–25.

казачьи районы. Вопрос о демаркации их границ решала краевая комиссия, созданная на паритетной основе с участием представителей крайисполкома и заинтересованных сторон в августе 1924 г. Непосредственное нанесение границ на местности и опросы населения организовывали органы ОГПУ и милиция. Краевые решения подтвердил Президиум ВЦИК в постановлении от 12 января 1925 г., но и позже происходили самовольные захваты земли и межэтнические споры в данной местности. Например, конфликты между казаками ст. Ассиновской и Карабулакской и ингушами зафиксированы в сводке № 4 материалов Информационного отдела ОГПУ по землеустройству в национальных восточных республиках и автономных областях на 15 ноября 1925 г.¹¹⁹. Соседние автономии не выполняли решения краевой комиссии, что неоднократно фиксировалось органами ОГПУ. Летом 1925 г. секретарь Сунженского окружкома РКП(б) В. Сухов предоставил в краевые инстанции доклад о самовольных захватах земли в юртах (землевладениях) ст. Ассинской, Нестеровской, Слепцовой, Терской, Карабулакской и Вознесенской. Речь шла о 16,7 тыс. десятин земель, причём они не обрабатывались жителями аулов Чечни и Ингушетии, а пустовали. Захваты рассекали территорию Сунженского округа и делали его хозяйство убыточным. Жалобы Сунженского окружкома были оставлены без внимания, а в 1929 г. округ был упразднён, большая часть его территории передана Чечне и Ингушетии¹²⁰.

Регулярно проявлялись требования Чеченской АО передать ей Грозненский округ, а Ингушетия и Северная Осетия соперничали за Владикавказский округ. Эти намерения отмечены в информационных сводках полпредства ОГПУ по Северо-Кавказскому краю, их связывали с проявлениями местного национализма¹²¹. До осени 1928 г. полпредство, как и крайком ВКП(б), не одобряли передачу городов с преимущественно славянским населением автономиям. Так, эта позиция выражена в осуждении лозунга «единого Нахистана» (Чечено-Ингушетии) на

¹¹⁹ Советская деревня глазами ВЧК-ОГПУ-НКВД... Т. 2. С. 356.

¹²⁰ ЦДНИРО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 131. Л. 9–10.

¹²¹ Советская деревня глазами ВЧК-ОГПУ-НКВД... Т. 2. С. 356, 462; ЦДНИРО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 595. Л. 326–331.

заседании бюро Северо-Кавказского крайкома ВКП(б) 28 ноября 1927 г.¹²² Однако в условиях начавшейся индустриализации передача Грозного и Владикавказа в состав автономий стала восприниматься иначе – в качестве укрепления «пролетарского ядра» и жеста интернационализма, что и было совершено в 1928 г.¹²³

Внутри существовавшей с лета 1924 по 1928 гг. территориальной системы не прекращались острые конфликты между органами управления русских округов края и автономий по следующим вопросам: 1) статус местностей со славянским населением внутри автономий; 2) борьба за прибыльные территории - города Грозный и Владикавказ, составлявшие округа в прямом подчинении краю, а также сельский Кизлярский округ; 3) претензии Карачая на г. Кисловодск и Кабарды - на г. Пятигорск; 4) осетино-ингушский спор за г. Владикавказ; 4) статус этнических меньшинств в русских округах; 5) земельные споры между автономиями и внутри них.

Ситуацию, в которой предстояло регулировать эти проблемы, характеризует докладная записка Полпредства ОГПУ по Северо-Кавказскому краю от 20 июля 1925 г. «О вооружённом столкновении между пограничными обществами Беной и Гогатли» за подписями Миронова, Крафта и Павлова. В ней описывается конфликт между соседними аулами Чечни и Дагестана с участием 3 тыс. хорошо вооружённых воинов, вызванный давней тяжбой за пастбища и леса. Авторы записки признают крайнюю слабость советских органов в автономиях и возлагают надежды на разрешение споров паритетной комиссией старейшин («маслаатом»)¹²⁴. Подобные конфликты воспринимались ОГПУ как недопустимые впредь, они ускорили проведение военно-чекистских операций по разоружению Чечни (1925 г.) и Дагестана (1926 г.).

¹²² ЦДНИРО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 828. Л. 124.

¹²³ Кокорхоева Д.С. Становление и развитие советских автономий в Чечне и Ингушетии (1920–1934 гг.): дискуссионные аспекты // Общество: философия, история, культура. 2017. № 1. С. 101–106.

¹²⁴ ГАРО. Ф. Р-1485. Оп. 1. Д. 300. Л. 175-184.

Мифы о национальной политике СССР 1920-х гг. укоренены в примордиальных представлениях о полной тождественности категорий «народ» и «нация»; о необходимости наличия у каждого крупного народа «своей» государственности в виде «национальной» автономии, субъекта федерации; о необходимости преимуществ для «коренных» народов в занятии высокостатусных позиций. Такие представления нелогичны, поскольку в полиэтничном регионе Северного Кавказа история носит «совместный», перекрестный характер, а многочисленные народы являются компонентами единой общественной системы. Попытки разделить народы на «коренных» и «пришлых», «титულных» и «нетитулных» применительно к историописанию создают ситуацию неравноправия, провоцируют взаимные претензии историков и журналистов различной этничности. Такие действия ведут к межэтническим конфликтам.

Парадоксально, но эти мифы воспроизводят идеологемы советской национальной политики 1920 – начала 1930-х гг.: антиимперскость, позитивную дискриминацию «имперских» народов (русских и др.), этнизацию и децентрализованность федеративных структур: то, что Т. Мартин назвал «империей положительного действия»¹²⁵. Мифы воспроизводились в исторических работах советского периода, конечно, на основе коммунистической фразеологии¹²⁶. Второе рождение апология самоопределения народов получила в литературе конца 1980-х–1990-х гг., подчёркивавшей негативные стороны советской этнополитики¹²⁷. Мифы выражают интересы окрепших и осознавших свои интересы этнизированных элит Северного Кавказа, использующих институты и нормы федерализма для

¹²⁵ Martin T. An Affirmative Action Empire: Nations and Nationalism in the Soviet Union, 1923–1939. Ithaca, 2001. P. 15–18.

¹²⁶ История национально-государственного строительства в СССР. 1917–1978 / отв. ред. Д.А. Чугаев. М., 1979. Т. 1; Даудов А.Х. Образование и развитие Горской АССР. 1920–1924 гг. (проблемы национально-государственного строительства): дис ... канд. ист. наук. Л., 1984.

¹²⁷ Гакаев Ж.Ж. Очерки политической истории Чечни (XX век). М., 1997; Россия в XX веке: проблемы национальных отношений / под общ. ред. А.Н. Сахарова, В.А. Михайлова. М., 1999.

повышения своего статуса¹²⁸. В итоге окрепло этноцентристское понимание истории Северного Кавказа, сложилась так называемая «национальная историография», конкурирующая с академической наукой. Противоположная тенденция в историографии, которая бы осмысливала национальную политику на Северном Кавказе 1920-х гг. с позиций укрепления государственного единства, стала формироваться позже, только к концу 2000-х гг.¹²⁹

Другой аспект мифотворчества – споры о предпочтительности общей, полиэтничной автономии народов (Горская АССР в 1921–1924 гг.) или отдельных моноэтнических автономий на Северном Кавказе. Кроме стремления возвысить символически именно свой регион, эти споры неисторично переносят современные реалии на прошлое. Например, в 1920-х гг. ещё не сформировались единые этнические группы аварцев, даргинцев, карачаевцев и других народов в том виде, как мы их сейчас наблюдаем. Существовала очень сложная мозаика народов, субэтнических групп и племён, языков и диалектов, сословий традиционного общества. Проект «самоопределения народов», выдвинутый правящей Коммунистической партией конструировал из этой мозаики более современные этнические группы, что ярко проявилось в контрастах между списками народов в переписях 1926 и 1939 гг. Как справедливо отмечал Э.Ф. Кисриев, «современные дагестанские национальности складывались «сверху», опережая национальное самосознание, как результат принимаемых органами власти решений по установлению «научно обоснованной» номенклатуры

¹²⁸ Bodio T. Elity Kaukazu Północnego: badania i wyzwania // Kaukaz Północny: elity, reżimy, etnopolityka, bezpieczeństwo. Warszawa, 2014. P. 19–44.

¹²⁹ Хлынина Т.П., Кринко Е.Ф. История, политика и нациестроительство на Северном Кавказе. Ростов н/Д, 2014. С. 41–161; Карпов Ю.Ю. Национальная политика советского государства на северокавказской периферии в 20–30-е гг. XX в.: эволюция проблем и решений. СПб., 2017. С. 356–364; Карпов Ю.Ю. Региональное пространство как поле этнополитической конкуренции. Северный Кавказ в XX веке. URL: <http://docplayer.ru/31944651-Yu-yu-karpov-regionalnoe-prostranstvo-kak-pole-etnopoliticheskoy-konkurencii-severnoy-kavkaz-v-xx-veke.html> (дата обращения: 12.10.2022).

национальностей и их регистрации в актах гражданского состояния и в паспортах»¹³⁰. Кроме того, нациестроительство должно было, по замыслу большевиков, ослабить на Северном Кавказе влияние исламской религии, как и других религий. Эти же функции выполнял перевод народов Северного Кавказа сначала с арабской письменности на латиницу, а затем – на кириллицу, призванный обесценить дореволюционную культурную традицию. «Самоопределение народов» в 1920-х гг. не являлось бесконфликтным и выполняло задачи социалистического строительства, как их понимала тогда РКП(б).

Дискуссия о предпочтительности крупных полиэтничных автономий (Дагестанская и Горская АССР)¹³¹ или их разделении¹³² схоластична, поскольку оба варианта территориального устройства решали в условиях 1920-х гг. задачи укрепления местной партийно-государственной власти, увеличения слоя кадров управления из числа местных народов, а в конечном счёте – более эффективного строительства социализма. В 1920-х гг. сотни народов Северного Кавказа имели неравный уровень социально-экономического и культурного развития, в частности, уровень урбанизации, занятости в промышленности, грамотности. Первоначально члены Кавказского бюро ЦК РКП(б) – высшего регионального органа власти исходили из необходимости создать сильные административные единицы с пролетарским ядром. Этим же диктовалась передача Горской АССР г. Грозного и Владикавказа, где доминировало русское население. Но внутри Горской АССР началась бесконечная борьба этнических группировок внутри партийно-государственного аппарата, а качество управления оставалось критически низким. Между Карачаем, Кабардой, Балкарией, Осетией, Ингушетией и Чечнёй шла постоянная борьба за земельные угодья, финансовые ресурсы, распределение должностей. Многие партийные и советские активисты зависели от кланово-родовых отношений. Не удавалось

¹³⁰ Кисриев Э.Ф. Национальности и политический процесс в Дагестане. Махачкала, 1998. С. 15–16.

¹³¹ Даудов И.Х. Указ. соч.

¹³² Бугай Н.Ф., Мамаев М.И. Кабардино-Балкарская АССР: «Спасение в единении и надежде...». 1920–1960-е годы. М., 2015.

подавить политический бандитизм под исламистскими лозунгами. В этом контексте небезобидно мифотворчество о повстанческих выступлениях 1920-х гг. под религиозными и националистическими лозунгами, идеализирующее весьма спорных исторических деятелей – имама Н. Гоцинского, шейха А. Митаева, участников мятежей против коллективизации и т.д.¹³³

Таким образом, архивные документы 1921–1929 гг. достаточно системно характеризуют цели, ресурсы и организационные формы, идеологический дискурс национальной политики. Среди важнейших аспектов данной политики следует выделить выбор статуса автономий и их границ, формирование в автономных областях органов управления, подготовку руководящих кадров и их «коренизацию», землеустройство, государственно-конфессиональные отношения.

Курс на выравнивание уровней развития и «коренизацию» проявился в создании новых союзных и автономных республик, причём юридическое оформление субъектов федерации предшествовало реальному складыванию этнических групп современного типа. «Коренизация» – это курс национальной политики РСФСР и СССР в 1921–1932 гг. с целью обеспечить равенство народов страны, предоставить этнотерриториальные формы автономии, увеличить удельный вес народов в органах власти субъектов федерации. Также предпочтение в занятии постов отдавалось лицам, знающим местные языки и традиции.

реальная этнополитика большевистского режима на Юге России была, с одной стороны, проекцией идеологической доктрины (принципы пролетарского интернационализма, экспорта революции, самоопределения и равноправия народов), а

¹³³ Доного Х.-М.М. Повстанческое движение в Дагестане и Чечне в 20-х годах XX века // Трагедия великой державы: национальный вопрос и распад Советского Союза: сб. докладов и материалов междунар. науч. конф., Москва, сентябрь 2004 г. М., 2005. С. 270–281; Дзуев Г.К. Кровавое лето 1928-го. Нальчик, 1997; Кармов А.Х. Антиколхозное движение в Нагорном и Баксанском округах КБАО в 1929–1930 гг. // Вестник Института гуманитарных исследований Правительства Кабардино-Балкарской Республики и Кабардино-Балкарского научного центра Российской академии наук. 2017. № 2 (33). С. 7–22.

с другой стороны, этнополитика была бесконечным лавированием в малоизвестных для новой власти и слабо предсказуемых условиях региона. Региональные руководители большевиков (Г.К. Орджоникидзе, А.И. Микоян, Б.П. Позерн, М.С. Чудов, А.А. Андреев и др.) применяли «классовый подход» к оценке экономических и социальных структур Северного Кавказа, но постоянно сталкивались с «неудобными» для марксистского понимания явлениями: кланово-родственными, конфессиональными, патриархальными и т.п. В результате советская система власти решала на Северном Кавказе, да и в русских областях Юга, одновременно задачи ранней модернизации (в иных исторических условиях их решали бы буржуазные партии и политики) и задачи социалистического переустройства.

Процесс национально-территориального строительства, в том числе, на Северном Кавказе и в Крыму за 1920-х гг. прошел два этапа развития. Первый этап может быть датирован с весны 1920 по лето 1924 гг., когда велась активная работа по созданию национальных автономий, их органов управления и правящих номенклатурных групп, что вызвало также территориальные преобразования («районирование»). Первый этап протекал в условиях шаткого военно-политического контроля власти, хозяйственной разрухи, неопытности партийных и государственных кадров управления. На втором этапе (лето 1924 – 1929 гг.) органы партийно-государственной власти реализовали национальную политику в уже сложившихся институциональных рамках, были созданы институциональные и нормативные правила функционирования системы власти. Экономическая система также вошла в стационарное русло развития. Автономные области были соподчинены Северо-Кавказскому краю с центром в г. Ростове-на-Дону. В 1928 г. были пресечены проявления крымскотатарского национализма, что привело к смене руководства Крымской АССР.

Тем самым, модель приведения административных границ и статусов автономных образований в соответствие с этническими ареалами и ресурсами влияния этнических групп работала на Северном Кавказе в 1920-х гг. противоречиво. Она могла

использоваться и для повышения влияния этнических автономий (1920– лето 1924 гг., с 1928 г.), так и для ограничения их влияния (лето 1924 – 1928 гг.).

Реальным актором, принимавшим решения и определявшим их направленность, была в этот период полиэтничная номенклатура РКП(б). Поэтому предположения об обретённом в 1920-х гг. «суверенитете» автономий Северного Кавказа лишены исторических оснований.

Применявшееся с лета 1924 по 1929 гг. разукрупнённое территориальное устройство региона означало соподчинение автономных областей Северо-Кавказскому краю с административным центром в г. Ростове-на-Дону. Только Дагестанская АССР сохранила прямое соподчинение РСФСР. При этом границы автономий были приведены в относительное соответствие с этническими ареалами. Были созданы Владикавказский, Грозненский и Сунженский округа, где количественно доминировало русское население. Внутри автономных областей (Кабардино-Балкарии, Северной Осетии и Чечни) образованы русские районы.

Политическая ситуация в спорных местностях (г. Грозный, Сунженский и Кизлярский округа) на протяжении 1921-1928 гг. прошла три этапа развития: формирование Горской и Дагестанской АССР при ограничении ареала русского населения (1921-1922 гг.), дробление Горской АССР (1922 - лето 1924 гг.), соподчинение автономных областей Северо-Кавказскому краю (лето 1924 - 1928 гг.). Общественное мнение по территориальным вопросам отчётливо было расколото по этнической принадлежности. Если в начале 1920-х гг. русское население региона проявляло неприятие автономий, то вследствие территориальной реформы 1924 г. состоялась его относительная адаптация к советским реалиям. Сотрудники органов ОГПУ инициировали и поддержали проект краевого госплана по районированию Северного Кавказа в 1924 г., выступив тем самым на стороне более централизованного и деэтнизированного варианта федеративного устройства. С другой стороны, руководители партийных и советских органов автономий отстаивали расширение территорий своих областей и республик,

повышение их статуса по мотивам разрыва с имперским наследием, обеспечения земельного и в целом экономического равенства регионов. Мотивы выбора решений на уровне Северо-Кавказского края были прагматическими и аргументировались обеспечением стабильности политического строя.

Причинами формирования мифов в историографии о национальной политике 1920-х гг. на Северном Кавказе являются стереотипы примордиализма, этноцентризма и «присвоения» совместной истории в пользу этнических элит «коренных» народов. Примордиальное восприятие этничности провоцирует территориальные и статусные конфликты с использованием исторических аргументов. Миф о государственности «коренных народов» и «самоопределении наций» на Северном Кавказе 1920-х гг. не подтверждается историческими фактами. Формирование автономий на Северном Кавказе в 1920-х гг. диктовалось мотивами интеграции полиэтничного Советского государства, а не намерением повысить статус моноэтнических автономий. Выбор конкретных форм автономий диктовался интересами центральной власти, а не партикуляризмом отдельных субъектов федерации.

Эффективность мер национальной политики 1920-х гг. на Северном Кавказе и в Крыму динамично изменялась. Наибольшая эффективность данной политики обеспечивалась в 1925–1926 гг., когда в политике органов власти преобладали тенденции к восстановлению гражданского мира.

2. ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЕ РАЗВИТИЕ ОРГАНОВ ПАРТИЙНО-ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ И В КРЫМУ 1920-х гг. В СФЕРЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ

2.1. РОЛЬ ПАРТИЙНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ РКП(б)–ВКП(б) И ПАРТИЙНО-ГОСУДАРСТВЕННОЙ НОМЕНКЛАТУРЫ В НАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКЕ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ И В КРЫМУ

Актуальность темы следующая. История интеграции полиэтничного Северного Кавказа в российское общество 1920-х гг., методы и процедуры укрепления единства государства – тема, обладающая растущей актуальностью накануне 100-летия образования СССР. Важно выяснить, каким образом создавалась и действовала система органов власти, принимавших решения по актуальным вопросам национальной политики в макрорегионе; какой тип взаимодействий выстраивался между партийными и государственными органами власти макрорегионального уровня, а также автономий. Одним из малоизученных аспектов темы остаётся роль Юго-Восточного бюро ЦК РКП(б) в реализации национальной политики (1921–1924 гг.). Научная проблема недостаточно исследована применительно к автономным республикам и автономным областям Северного Кавказа, которые качественно отличались по уровню модернизации, социально-экономического и культурного развития от областей с преобладанием славянского населения.

Тема исследована недостаточно и фрагментарно. Работы 1920-х гг. создавались партийными и советскими работниками (В.Н. Хрониным¹³⁴, У.Д. Алиевым¹³⁵, Н. Самурским¹³⁶), имели

¹³⁴ Хронин В.Н. Административное устройство и план проведения районирования Юго-Востока // Юго-Восток. 1924. № 4. С. 11–28.

¹³⁵ Алиев У. Национальный вопрос и национальная культура в Северо-Кавказском крае: Итоги и перспективы. Ростов н/Д, 1926.

¹³⁶ Самурский (Эфендиев) Н. Итоги и перспективы Советской власти в Дагестане. К X-й годовщине Октябрьской революции. Махачкала, 1927.

значительные черты публицистики. Данные авторы уделяли внимание государственному строительству, экономическим и социально-классовым отношениям. В 1930-х – середине 1950-х гг. тема не освещалась. В условиях «оттепели» смягчились идеологические ограничения, значительно расширилась источниковая база исследований национальной политики. Основное внимание уделялось национально-государственному строительству, мерам выравнивания уровня социально-экономического развития автономий, ликвидации неграмотности (работы И.П. Калмыковой¹³⁷, Д.А. Напсо¹³⁸. В конце 1960-х гг. специализированные исследования истории Юго-Восточного бюро ЦК РКП(б) опубликовали М.Т. Узнародов¹³⁹ и Н.С. Нечипурнова¹⁴⁰. Для периода 1970-х – первой половины 1980-х гг. характерна монография Е.А. Абуловой¹⁴¹.

После распада СССР приоритеты исследований кардинально изменились. В центре внимания теперь – проблемы становления государственности национальных автономий, конфликтов между традиционализмом и модернизацией на Северном Кавказе. Роль РКП(б) в национальной политике исследователями оценивалась преимущественно негативно и бегло¹⁴². Это стало следствием

¹³⁷ Калмыкова И.П. Деятельность Кавказского бюро ЦК РКП(б) по осуществлению ленинской национальной политики на Северном Кавказе, 1920–1921 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1964.

¹³⁸ Напсо Д.А. Под знаменем интернационализма (Деятельность партийной организации Северного Кавказа по интернациональному воспитанию трудящихся в годы социалистического строительства 1917–1937 гг.). Минеральные Воды; Пятигорск, 1967.

¹³⁹ Узнародов М.Т. Деятельность Кавказского и Юго-Восточного бюро ЦК РКП(б) по руководству партийными организациями Юго-Востока России в 1920–1924 гг. Орджоникидзе, 1968.

¹⁴⁰ Нечипурнова Н.С. Партийное руководство опытным административно-хозяйственным районированием Северного Кавказа. Орджоникидзе, 1968.

¹⁴¹ Абулова Е.А. Партия во главе национально-государственного строительства народов Северного Кавказа, 1917–1937. Ростов н/Д, 1984.

¹⁴² Национально-государственное строительство в Российской Федерации. Северный Кавказ (1917–1941 гг.) / Ф.А. Озова, Н.Ф. Бугай, У.И. Улигов и др. Майкоп, 1995.

влияния зарубежной историографии¹⁴³, дезинтеграции единого научного пространства.

Важны выводы ведущих исследователей партийной номенклатуры, составлявшей материальный субъект – коллективного обладателя власти: Е.Г. Гимпельсона¹⁴⁴, С.А. Кислицына¹⁴⁵, С.А. Павлюченкова¹⁴⁶, С.В. Леонова¹⁴⁷, В.С. Тяжельниковой¹⁴⁸, О.С. Берёзкиной¹⁴⁹. Но на материалах Юга РСФСР исследование региональных элит раннесоветского времени не проводилось. Малоизученными остаются особенности элитных групп в большевистской партии, влияние специфики регионального сообщества на строение и состав элиты. В исследованиях С.В. Леонова¹⁵⁰, Е.Г. Гимпельсона¹⁵¹, С.А. Павлюченкова¹⁵² доказано, что советская политическая система сложилась за 1917–1920 гг., а позже происходила её централизация и бюрократизация.

Позитивные тенденции в развитии историографии темы на материалах региона проявились к концу 2000-х гг. Так,

¹⁴³ A State of Nations: Empire and Nation-Making in the Age of Lenin and Stalin / ed. by R.G. Suny, T. Martin. Oxford etc., 2001.

¹⁴⁴ Гимпельсон Е.Г. Советские управленцы. 1917–1921. М., 2000.

¹⁴⁵ Кислицын С.А. Эволюция и поражение большевистской элиты. Ростов н/Д, 1995.

¹⁴⁶ Павлюченков С.А. Военный коммунизм в России: власть и массы. М., 1997.

¹⁴⁷ Леонов С.В. Рождение советской империи: государство и идеология. 1917–1922 гг. М., 1997.

¹⁴⁸ Тяжельникова В.С. Состав партийных организаций в конце 20-х годов (Опыт количественного анализа по материалам Всесоюзной партийной переписи 1927 г.) // Вопросы истории КПСС. 1990. № 1. С. 70–81.

¹⁴⁹ Березкина О.С. Революционная элита переходного периода (1921–1927) // Свободная мысль. 1997. № 11. С. 56–80.

¹⁵⁰ Леонов С.В. Указ. соч.

¹⁵¹ Гимпельсон Е.Г. Указ. соч.

¹⁵² Павлюченков С.А. Указ. соч.

Ю.Ю. Карпов¹⁵³ и В.З. Акопян¹⁵⁴ объективно освещают деятельность органов партийной и государственной власти по управлению межэтническими отношениями на Северном Кавказе. Т.П. Хлынина, Е.Ф. Кринко и А.Т. Урушадзе уделили внимание реформам административно-территориального устройства Юга России в первой половине 1920-х гг., дали оценку конфликтам при формировании автономий Северного Кавказа¹⁵⁵. Важное значение имеет монография А.В. Аверьянова, в которой выявлены тенденции политики в отношении этнических меньшинств, взаимоотношения русских областей и автономий¹⁵⁶.

Но не выяснен вопрос о социальном типе власти Коммунистической партии. По-прежнему преобладают исследования национальной политики 1920-х гг. в масштабе отдельных автономий, с акцентом только на деятельность органов государственной власти. Это затрудняет анализ участия органов РКП(б) и партийно-государственной номенклатуры в выработке и осуществлении национальной политики, а отчасти искажает реконструкцию исторических событий.

В параграфе будет выяснена роль партийных органов РКП(б)–ВКП(б) и партийно-государственной номенклатуры в реализации национальной политики на Северном Кавказе и в Крыму (1920–1929 гг.).

Территориальные рамки исследования включают в себя Юго-Восток России (административно-территориальное образование в составе РСФСР с 1920 по лето 1924 гг.), Северо-Кавказский край (осень 1924 – 1934 гг.), Крымскую, Горскую и Дагестанскую АССР.

¹⁵³ Карпов Ю.Ю. Национальная политика советского государства на северокавказской периферии в 20–30-е гг. XX в.: эволюция проблем и решений. СПб., 2017.

¹⁵⁴ Акопян В.З. Национальные подразделения во властных структурах Юга России (1920–1930-е гг.). Ростов н/Д, 2014.

¹⁵⁵ Хлынина Т.П., Кринко Е.Ф., Урушадзе А.Т. Российский Северный Кавказ: исторический опыт управления и формирования границ региона. Ростов н/Д, 2012.

¹⁵⁶ Аверьянов А.В. Национальная политика на Дону, Кубани и Ставрополье в 1920–1930-е гг. Ростов н/Д, 2020.

Применяются такие методы исследования, как структурно-функциональный анализ и сравнительно-исторический анализ, позволяющие установить совокупность реальных полномочий Юго-Восточного бюро ЦК РКП(б) и круг решаемых данным органом проблем в развитии. Важное значение имеет применение исторического неоинституционализма. Данный подход обеспечивает сравнение формальных и неформальных полномочий органов власти, практик и процедур принятия решений в условиях неокрепшей партийно-государственной власти.

Источниковая база исследования включает стенограммы и протоколы, резолюции, подготовительные материалы и докладные записки к решениям Юго-Восточного бюро ЦК РКП(б). Они отложились в фонде 1 Центра документации новейшей истории Краснодарского края (ЦДНИКК), поскольку рассылались в регионы для информирования и исполнения директив. Сведения этих источников дополнены и проверены по стенограммам и постановлениям краевого Экономического совета Юго-Востока России, как и статистическим сведениям, хранящимся в Государственном архиве Ростовской области (ГАРО), по опубликованным информационным сводкам и обзорам ОГПУ¹⁵⁷. Важное значение имеют доклады и записки сотрудников Юго-Восточного бюро ЦК РКП(б), областных и местных партийных организаций, опубликованные в сборниках документов¹⁵⁸. Совокупность изученных источников, по нашему мнению, даёт возможность реконструировать направленность, методы и особенности деятельности партийных органов РКП(б)–

¹⁵⁷ Советская деревня глазами ВЧК-ОГПУ-НКВД. 1918-1939. Документы и материалы: в 4 т. / под ред. А. Береловича и В.П. Данилова. М., 2000. Т. 2; «Совершенно секретно»: Лубянка – Сталину о положении в стране (1922–1934 гг.): в 10 т. / редкол.: Ю.Л. Дьяков (отв. ред.) и др. М., 2001. Т. 1. Ч. 1.

¹⁵⁸ ЦК РКП(б) – ВКП(б) и национальный вопрос: сб. документов / сост. Л.С. Гатагова, Л.П. Кошелева, Л.А. Роговая. М., 2005. Кн. 1. 1918–1933 гг.; Вайнахи и имперская власть: проблема Чечни и Ингушетии во внутренней политике России и СССР (начало XIX – середина XX в.) / сост. и авт. коммент. И.А. Зюзина и др. М., 2011.

ВКП(б) и номенклатуры в сфере национальной политики на Северном Кавказе.

На наш взгляд, реальная власть изначально принадлежала не малочисленному пролетариату, а партийно-государственной элите. Тип политического режима определялся формально как диктатура пролетариата, а на деле это была диктатура узкого слоя лидеров РКП(б).

Слияние функций партии и государства вызвано отказом от разделения властей, подавлением любой, даже внутрисистемной оппозиции, контролем над общественными организациями и средствами массовой информации. В.И. Ленин писал осенью 1920 г.: «класс – пролетар. = РКП = Советская власть»¹⁵⁹. Большевизм подавлял возможность легальной борьбы за власть и политической деятельности, ибо отвергалась «сама почва буржуазного парламентаризма», «обычной (буржуазной) партийности»¹⁶⁰.

Поскольку быстро выяснилась несбыточность рабочего самоуправления, власть передавалась узкому кругу назначенных, бесконтрольных лиц. Показательно признание Н.И. Бухарина на X съезде РКП(б): «Если бы партия приняла... курс на трудовластие, – пролетарская диктатура не могла бы держаться ни единой секунды...»¹⁶¹.

Антибюрократические лозунги, сформулированные В.И. Лениным в 1917 г., – выборность и сменяемость чиновников в любое время; оплата их труда не выше труда рабочих; всеобщее поочередное исполнение функций учета и контроля; власть Советов¹⁶² изначально не действовали и были нереальными.

Опыт гражданской войны сыграл решающую роль в персонализации власти в РКП(б), в восприятии партии как

¹⁵⁹ Ленин В.И. – Н.И. Бухарину. 11 окт. 1920 г. // Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 51. С. 299.

¹⁶⁰ Ленин В.И. Планы брошюры «О продовольственном налоге» // Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 43. С. 385.

¹⁶¹ Десятый съезд РКП(б): март 1921 года: Стеногр. отчет. М., 1962. С. 221.

¹⁶² Ленин В.И. Государство и революция // Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 33. С. 36.

централизованной иерархической структуры, а не союза равноправных единомышленников. Угроза поражения в Гражданской войне вынудила ввести жесткую дисциплину, унифицировать и централизовать сеть партийных органов, проводить чистки рядов РКП(б).

Всероссийское совещание представителей губернских комитетов РКП (б) в октябре 1920 г. приняло резолюцию о едином построении аппарата, о сосредоточении власти в партийных комитетах и их секретариатах¹⁶³. В.И. Ленин обосновал подмену диктатуры пролетариата «диктатурой партии» от лица класса. В.И. Ленин применял термин «олигархия», так как вся партия не способна на деле править. Властвуют «более или менее устойчивые группы наиболее авторитетных, влиятельных, опытных» политиков¹⁶⁴. В.И. Ленин доказывал, что «пролетарская политика партии определяется не ее составом, а громадным, безраздельным авторитетом того тончайшего слоя, который можно назвать старой партийной гвардией»¹⁶⁵. По мнению В.И. Ленина, рабочий класс не способен к реальному властвованию. На II Всероссийском съезде горнорабочих 23 января 1921 г. В.И. Ленин утверждал: «Разве знает каждый рабочий, как управлять государством? Практические люди знают, что это сказки... Мы даже неграмотность не ликвидировали. Мы знаем, как рабочие, связанные с крестьянами, поддаются на непролетарские лозунги. Кто управлял из рабочих? Несколько тысяч на всю Россию, и только»¹⁶⁶.

X съезд РКП(б) в марте 1921 г. принял резолюцию «О единстве партии»¹⁶⁷. Обеспечивались принудительная

¹⁶³ Известия ЦК РКП(б). 1920. № 24. С. 5.

¹⁶⁴ Ленин В.И. Детская болезнь «левизны» в коммунизме // Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 41. С. 24, 102–103.

¹⁶⁵ Ленин В.И. Об условиях приема новых членов в партию // Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 20.

¹⁶⁶ Ленин В.И. II Всероссийский съезд горнорабочих 25 января – 2 февраля 1921 г. Доклад о роли и задачах профессиональных союзов на заседании коммунистической фракции съезда 23 января // Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 42. С. 253.

¹⁶⁷ Десятый съезд РКП(б)... С. 632–634, 541–542.

дисциплина и запрет легальной оппозиции под страхом исключения из партии. Реальная власть перешла от ЦК РКП(б) к более узким, избираемым косвенно органам: Политическому и Организационному бюро ЦК, Секретариату ЦК и Генеральному секретарю ЦК. Решения X съезда стали обоснованием идейного и организационного господства ленинской группировки. XII Всероссийская конференция РКП(б) (1922 г.) приняла поправки к уставу партии, установившие обязательность дореволюционного партийного стажа и утверждение вышестоящим органом для секретарей губернских (областных) комитетов партии¹⁶⁸. Таким образом, была проведена негласная реформа, обеспечившая Оргбюро и Секретариату ЦК контроль над региональными комитетами.

Важный аспект в развитии большевистской элиты 1920-х гг. – социальный состав как всей партии, так и её аппарата. Статистика состава партии свидетельствует о социальном типе и каналах мобильности элиты и её селекторатных групп. Удельный вес рабочих по происхождению за 1917–1921 гг. сократился среди всех членов РКП(б) с 60,2 до 37,3%; выходцев из крестьянства – вырос с 7 до 32,1%; бывших служащих – остался устойчивым (32,2 и 30,6%)¹⁶⁹. Но рабочие по роду занятий составили к марту 1920 г. только 11%, а служащие – 53%¹⁷⁰. Этот разрыв сохранялся и в годы нэпа. По итогам переписи членов ВКП(б) 1927 г., лишь 26,9% коммунистов страны – рабочие по роду занятий (48,8% по происхождению); соответственно, 13,9 (23,9%) – крестьяне и 45,5 (24,7%) – служащие. Политически грамотными были 40% всех коммунистов края¹⁷¹.

Кластерный анализ состава региональных парторганизаций ВКП(б), проделанный В.С. Тяжельниковой, позволяет установить

¹⁶⁸ XII Всероссийская конференция Р.К.П. (большевиков) 4–7 августа 1922 г. М., 1923. С. 88–110.

¹⁶⁹ Всероссийская перепись членов РКП(б) 1922 года. М., 1923. Вып. 4. С. 37, 45–46, 26.

¹⁷⁰ Девятый съезд РКП(б). Март–апрель 1920 г. Протоколы. М., 1960. С. 573.

¹⁷¹ Тяжельникова В.С. Состав партийных организаций в конце 20-х годов // Вопросы истории КПСС. 1990. № 1. С. 75–77.

особенности статуса и состав большевиков Юга России. В 1927 г. Северо-Кавказский край наряду с Украиной и Сибирью отличался преобладанием большевиков с низшим уровнем образования (60,3%) и неопытных (только 3% имели дореволюционный партийный стаж)¹⁷².

В годы нэпа сложился слой служащих – выходцев из беднейшего крестьянства и рабочих. Он стал ядром всесоюзного и краевого состава коммунистов. Так, в 1927 г. лишь 26,9% партийцев страны – рабочие по роду занятий (48,8% – по происхождению), а в крае – соответственно 32,5 и 55,6%. Служащие составили 45,5 и 24,7% в СССР; 49,2 и 19,7% на Северном Кавказе. Крестьяне – 13,9 и 23,9% во всей ВКП(б), 16,1 и 24,7% в краевой организации¹⁷³. Ощутим и отрыв большевиков от крестьянства. В сельской местности края на 1 июля 1926 г. проживало 80,2% населения региона и только 32,8% состава парторганизации¹⁷⁴. Казаки составляли 27,5% населения и 3,6% большевиков края¹⁷⁵.

По степени обладания властью можно выделить три обособленные группы большевиков 1920-х гг. Во-первых, «рядовые партийцы» – основная масса членов РКП(б), исполнители директив и кадровый резерв аппарата власти. Во-вторых, управленцы низового и среднего звена (бюрократия). И в-третьих, тонкий слой профессиональных управленцев, реально вершивших политику в стране (элита). Подчеркнём некорректность отождествления бюрократии и политической элиты, чем грешили авторы конца 1980-х – начала 1990-х гг.¹⁷⁶

¹⁷² Тяжельникова В.С. Состав партийных организаций в конце 20-х годов // Вопросы истории КПСС. 1990. № 1. С. 75–77. С. 77.

¹⁷³ Центр документации по новейшей истории Ростовской области (ЦДНИРО). Ф. 7. Оп. 1. Д. 843. Л. 65а, 73–74.

¹⁷⁴ Всесоюзная перепись населения 1926 г. Окончательные итоги. М., 1928. Т. V. С. 10; Северо-Кавказская краевая организация ВКП(б) в цифрах. Ростов н/Д, 1926. Вып. 3. С. 12, 26.

¹⁷⁵ Казачество Северо-Кавказского края. Итоги переписи населения 1926 г. Ростов н/Д, 1928. С. 3–10; Северо-Кавказская краевая организация ВКП(б) в цифрах... Вып. 3. С. 12, 26.

¹⁷⁶ Восленский М.С. Номенклатура. Господствующий класс Советского Союза. М., 1991; Коржихина Т.П., Фигатнер Ю.Ю. Советская

В работах М.Н. Афанасьева¹⁷⁷ и Д.В. Бадовского¹⁷⁸ элита определяется как замкнутая устойчивая группа лиц с наибольшей реальной властью или доступом к ресурсам и центрам власти. Элита осознает свои интересы и обособленность. Принципы организации любой элиты – иерархия, централизация и неформальный характер управляющих действий. Элита подавляет общественную самоорганизацию путем замещения независимых политических субъектов на монопольную властвующую структуру. Специфика большевистской элиты 1920-х гг. раскрыта на статистическом материале в работах Т.П. Коржихиной и Ю.Ю. Фигатнера¹⁷⁹, С.А. Кислицына¹⁸⁰, О.С. Берёзкиной¹⁸¹. Исследователи выделяют такие сущностные черты элиты 1920-х гг., как идеологизированность (большевизм в качестве источника легитимности); формирование в ходе борьбы за власть; происхождение из рабочего класса и маргинальных слоев; правовой нигилизм; жесткая дисциплина и внутриэлитная сплоченность. Совокупность черт сознания и поведения делала «старую гвардию» высокоорганизованной и способной к мобилизации масс. Но обострялся конфликт между моделью поведения революционера – «ниспровергателя устоев» и советского управленца – «исполнителя директив». Постепенно старые большевики вытеснялись из структуры власти более молодым и прагматичным поколением «выдвиженцев» И.В. Сталина, нацеленных на личную преданность вождю.

Выводы делаются на основе репутационного анализа состава элиты и ее статусных позиций, анализа источников пополнения.

номенклатура: становление, механизмы действия // Вопросы истории. 1993. № 7. С. 25–38.

¹⁷⁷ Афанасьев М.Н. Государство и номенклатура // Политические исследования. 1996. № 2. С. 68–74.

¹⁷⁸ Бадовский Д.В. Трансформация политической элиты в России – от «организации профессиональных революционеров» к «партии власти» // Политические исследования. 1994. № 6. С. 42–58.

¹⁷⁹ Коржихина Т.П., Фигатнер Ю.Ю. Указ. соч.

¹⁸⁰ Кислицын С.А. Эволюция и поражение большевистской элиты ... С. 31, 47, 100–102.

¹⁸¹ Берёзкина О.С. Революционная элита переходного периода... С. 75–80.

Изучены итоги Всероссийской переписи ответственных партработников 1921 г. и Всесоюзной партийной переписи 1927 г., анкеты членов ЦК и ЦКК. К началу 1922 г. коммунисты с дореволюционным стажем насчитывали 2% состава РКП(б), а в январе 1927 г. – 1,1% состава¹⁸². Именно этот тонкий слой составлял свыше 90% членов ЦК на протяжении всего периода нэпа. Региональная и местная элита развивалась в противоположном направлении. Удельный вес партийцев с «подпольным» стажем среди членов губкомов снизился за 1922–1927 гг. с 40 до 11,9%, а среди членов окружных комитетов – до 5,2%¹⁸³. К декабрю 1927 г. только 10% членов бюро ячеек составляли большевики, вступившие в партию до 1924 г.¹⁸⁴ Итак, разрыв поколений между всероссийским, региональным и местным уровнями элиты усугублялся.

Не менее важен классовый состав управленцев. В 45 губерниях, где проводилась перепись ответственных работников в 1921 г., рабочие дали 34,6% их состава по происхождению; крестьяне – 16,3%; служащие – 20,7%; дети рабочих и крестьян – 13,5%, прочие – 14,9%¹⁸⁵. На 10 тыс. большевиков с дореволюционным стажем приходилось 22,5 тыс. выходцев из других партий¹⁸⁶. Сводных данных по всему партийному аппарату за 1920-е гг. нет. Состав делегатов съездов и конференций 1920-х гг. мало показателен, так как эти органы превращались в декоративное прикрытие аппаратной власти. Более репрезентативен состав ЦК, секретарей и членов обкомов и губкомов, окружкомов и ячеек. О.С. Берёзкина выяснила, что за 1924–1927 гг. доля членов ЦК партии – выходцев из рабочих сократилась с 34,4% до 20%, а крестьян – выросла с 20 до 26%. Характерна категория «не указавших происхождение», выросшая с 0 до 16%. Шел отрыв элиты от промышленного рабочего класса, началось ее воспроизводство на собственной основе. Процент

¹⁸² Всероссийская перепись членов РКП(б) 1922 года... Вып. 4. С. 37, 45–46; Бубнов А.С. ВКП(б). М.; Л., 1931. С. 792–793.

¹⁸³ Партийное строительство. 1930. № 11–12. С. 32.

¹⁸⁴ Руководящие кадры РКП(б) и их распределение. М., 1927. С. 45.

¹⁸⁵ Известия ЦК РКП(б). 1921. № 3. С. 42–44.

¹⁸⁶ Восленский М.С. Номенклатура... С. 37, 45–46, 26.

служащих по происхождению в 1927 г. возрастает от 19,5% среди секретарей ячеек до 33,1% среди членов обкомов. Такова же тенденция среди бывших пролетариев. Напротив, указали себя крестьянскими детьми 39,7% членов обкомов ВКП(б)¹⁸⁷.

В мотивах рекрутации элиты противоборствовали две тенденции: высоких деловых и политических требований к новичкам (в начале 1920-х гг.), и напротив, ускоренного выдвижения малообразованных слоев по классовому признаку в 1924–1929 гг. Периодические чистки восполняли погрешности набора, отсекали идейно чуждых и пассивных. Так, чистка 1921 г. привела к исключению либо добровольному выходу из парторганизаций 175 тыс. чел. (24,1% большевиков страны), в том числе 17,2 тыс. чел. (31,4%) на Северном Кавказе¹⁸⁸. Наибольшая ненадежность состава РКП (б) была в Верхнедонском округе (91% исключенных за «содействие бандитам и казакманство»). Чистка партии проводилась на Верхнем Дону «как в очаге бандитизма без подготовки, под усиленной вооруженной охраной и без всякого участия населения». Большая часть документов комиссии по чистке была захвачена повстанцами¹⁸⁹. Руководители Ставропольской губернии – бывшие эсеры смещены с постов за выдвижение единомышленников на ответственную работу¹⁹⁰.

Итоги чистки, вопреки намерениям «орабочить» партию, показали устойчивое преобладание бюрократии. К марту 1925 г. 52% партийцев Северо-Кавказского края были по роду занятий служащими, 35% – крестьянами и только 13% – рабочими¹⁹¹. ОГПУ и милиция по распоряжениям партийного руководства следили за исключенными из РКП(б), лишали их права руководящей работы в государственных учреждениях.

¹⁸⁷ Берёзкина О.С. Революционная элита... С. 63, 65.

¹⁸⁸ Восленский М.С. Номенклатура... С. 37, 45–46, 23; Одиннадцатый съезд РКП(б): Март – апрель 1922 года. Стеногр. отчет. М., 1961. С. 723.

¹⁸⁹ Чистка Донской организации (Официальный отчет комиссии) // Известия Донкома РКП(б). 1921. № 6. С. 14–15.

¹⁹⁰ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 13. Д. 989. Л. 112, 26, 32; Ф. 65. Оп. 1. Д. 4. Л. 15.

¹⁹¹ Первая Юго-Восточная краевая конференция РКП(б) (Стеногр. отчет) (25–28 марта 1923 г.). Ростов н/Д, 1923. С. 25–29.

В целях укрепления опоры власти XIII конференция РКП(б) (январь 1924 г.) положила начало усиленной вербовке в партию рабочих «от станка». Вскоре ЦК сократил сроки кампании до 3 месяцев. Конференция также запретила на 1 год прием «непролетарских элементов»¹⁹². Планировали вовлечь в партию не менее 100 тыс. рабочих, чтобы обеспечить «пролетарское ядро», т.к. только 17% коммунистов страны и 13% в крае трудились у станка¹⁹³. Вновь принятые кандидаты в члены РКП(б) незаконно получили решающий голос на выборах делегатов XIII партсъезда. Итог «ленинского призыва»: 241,6 тыс. новых большевиков по стране, в том числе 9,5 тыс. – в крае. Среди них, соответственно, было 92,4 и 73,6% рабочих, удельный вес которых в партии вырос до 40-45%. Зато доля политически грамотных партийцев страны снизилась с 40 до 20%¹⁹⁴. Усугублялся разрыв между поколениями «старых большевиков» и выдвиженцев.

Наплыв малограмотных новобранцев продолжался, поощряемый решениями партийных форумов. За 1924–1926 гг. в РКП(б) принято свыше 800 тыс. чел., из них 488 тыс. рабочих¹⁹⁵. Напор желающих стать партийцами рабочих продолжался до осени 1925 г., после чего поток заявлений почти иссяк. Это связано как с решением XIV конференции РКП(б) прекратить массовый набор, так и с недовольством рабочих последствиями нэпа. За 1924–1926 гг. партию добровольно оставили 80 тыс. чел., из них 80% рабочих. Уход из РКП(б) возрос в 8 раз¹⁹⁶. В итоге удельный вес рабочих «от станка» среди большевиков страны снизился за 1926 г. с 40,8 до 37,5%¹⁹⁷.

¹⁹² Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898–1986). 9-е изд., испр. и доп. М., 1983. Т. 3. С. 157–158.

¹⁹³ Там же. С. 154–159; Первая Юго-Восточная краевая конференция РКП(б)... С. 28; РКП(б) в цифрах. М., 1924. Вып. 1. С. 6.

¹⁹⁴ Вилкова В.П. Ленинский призыв // Правда. 1989, 5 мая; ЦДНИРО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 99. Л. 25; Сталин И.В. Об итогах XIII съезда РКП (б): Доклад на курсах секретарей укомов при ЦК РКП(б) 17 июня 1924 года // Сталин И.В. Соч. М., 1947. Т. 6. С. 255–256.

¹⁹⁵ КПСС в резолюциях... С. 500–502.

¹⁹⁶ Известия ЦК ВКП (б). 1927. № 24–25. С. 5; № 40, С. 7.

¹⁹⁷ КПСС в резолюциях... С. 500–502.

Данные тенденции свойственны и Северо-Кавказской парторганизации с учетом ее более «крестьянского» облика. Общая численность членов и кандидатов РКП(б) в крае без учета автономий выросла с 22,9 тыс. чел. (1 января 1923 г.)¹⁹⁸ до 102,0 тыс. чел. (январь 1930 г.)¹⁹⁹. Удельный вес рабочих быстро рос за 1923–1925 гг. (с 13% до 35,5%), но затем снизился до 32,5% к ноябрю 1927 г.²⁰⁰ Категория выходцев из рабочих увеличивалась быстрее, чем настоящих пролетариев (их соотношение колебалось вокруг показателя 5/3). Анализ состава краевой парторганизации к 1 июля 1926 г. показывает, что на 29,2% выходцев из фабрично-заводских рабочих, сохранивших профессию, приходилось 30,2% «работников учреждений и организаций». Только 3,7% детей служащих трудились у станка, а 83,3% – в учреждениях²⁰¹. Наблюдался отрыв ВКП(б) от рабочего класса и бюрократизация краевой парторганизации.

Всесоюзная партийная перепись 1927 г. доказала малочисленность и слабость состава организаций ВКП(б) в автономиях Северного Кавказа. Во всех автономиях учтено 6364 члена и кандидата в члены ВКП(б), в том числе 720 – в Адыгее, 271 – в Карачае, 123 – в Черкесии, 1706 – в Кабардино-Балкарии, 2361 – в Северной Осетии, 511 – в Ингушетии, 672 – в Чечне. Ещё 4842 коммуниста насчитывалось в соседних русских округах (Владикавказском, Грозненском и Сунженском)²⁰².

Интересны сведения о вышедших из рядов ВКП(б), тем более, что в 1920-х гг. этот поступок лишал человека карьерных возможностей. В Северо-Кавказском крае за 1926 г. выбыло 1065 чел. (2,2%) большевиков, главным образом, «малоразвитый ленинский набор» (528 чел.) и пассивные члены партии. Из 758 опрошенных 279 ушли добровольно. 66,5% опрошенных –

¹⁹⁸ Партийная работа на Юго-Востоке. Ростов н/Д, 1924. С. 5, 9.

¹⁹⁹ Северо-Кавказская краевая организация ВКП (б) в цифрах. Ростов н/Д, 1930. Вып. 10. С. 3–10.

²⁰⁰ Первая Юго-Восточная краевая конференция РКП(б)... С. 28; Вып. 2. С. 24–30; ЦДНИКК. Ф. 2816. Оп. 1. Д. 289. Л. 41.

²⁰¹ Северо-Кавказская краевая организация ВКП (б) в цифрах... Вып. 3. С. 12.

²⁰² ЦДНИРО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 559. Л. 27.

рабочие (квалифицированные профессионально, но политически малограмотные), а 16,9% – крестьяне. Недоверие рабочих к ВКП(б) с 1928 г. постепенно спадало под влиянием антинэповских мер²⁰³. И так, наращивание рядов приводило к значительному отсеву неподготовленных, разочарованных и пассивных новобранцев.

Завершая изучение рекрутации большевистской элиты, следует отметить неоднородность пополнений и стремительность карьеры. Уже в 1924 г. основной костяк членов обкомов и губкомов Северо-Кавказского края составляли коммунисты со стажем с 1917–1919 гг. К началу 1928 г. 27,4% членов губкомов и 18,1% членов обкомов вступили в ВКП(б) после «ленинского призыва»²⁰⁴. Только по мере «чрезвычайных мер» 1928 г. состав ячеек обновился на 49%, секретарей ячеек – на 46%, райкомов – на 70%, окружкомов – на 46%²⁰⁵. К апрелю 1930 г. половина коммунистов края имела стаж с 1926 г., а слой «старых большевиков» сократился до 0,3% состава²⁰⁶. Шло замещение революционной элиты первых лет НЭПа на прагматичную элиту сталинского времени. Новые когорты были малоопытнее и малограмотнее «подпольщиков», но ближе к структуре общества. Они получили «политическое крещение» в середине 1920-х гг., когда партия уже была поставлена под жесткий контроль номенклатуры. «Выдвиженцы» стали определять новый облик правящей элиты к началу коллективизации, и это сказалось на результатах политического процесса.

Перейдём к анализу строения партийных органов в регионе. Каковы были причины и обстоятельства создания Кавказского, а затем – и Юго-Восточного бюро ЦК РКП(б)? Институт областных (краевых) бюро ЦК стал типичным для руководства партийными организациями окраинных макрорегионов (Сибири, Дальнего

²⁰³ В.Н. О выходах из партии // Известия Сев.-Кав. крайкома ВКП(б). 1927. № 4 (14). С. 7; О добровольных и механических выходах из партии по Севкавказу // Известия Сев.-Кав. крайкома ВКП(б). 1929. № 4 (57). С. 22–23.

²⁰⁴ Бубнов А.С. ВКП(б). М.; Л., 1931. С. 792–793.

²⁰⁵ ЦДНИРО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 843. Л. 65а, 73–74.

²⁰⁶ ЦДНИКК. Ф. 12. Он. 1. Д. 134. Л. 28.

Востока, Кавказа и др.) в годы Гражданской войны. Создание таких партийных органов было вызвано необходимостью оперативно принимать властные решения с учётом быстро менявшейся ситуации, обеспечить неукоснительное выполнение директив центрального руководства, контролировать и координировать деятельность достаточно слабых местных организаций. Состав бюро назначался решениями ЦК РКП(б).

31 марта 1920 г. ЦК партии образовал бюро по руководству партийными организациями Северного Кавказа из 5 членов (председатель – И.Т. Смилга)²⁰⁷. Вскоре его состав расширился за счет руководителей подполья Закавказья. 18 апреля 1920 г. Пленум ЦК преобразовал этот орган в Кавказское бюро ЦК из 12 человек под председательством Г.К. Орджоникидзе²⁰⁸. С апреля по июнь 1920 г. Кавказское бюро ЦК работало в г. Пятигорске, с июля по октябрь – в г. Армавире и завершило свою деятельность в г. Ростове-на-Дону. Частые переезды не способствовали эффективной работе. Поскольку одновременно управлять Северным Кавказом и вести подготовку взятия власти в Закавказье было трудно, с осени 1920 г. высший партийный орган края разделился на две группы – в Ростове и Баку. Обе группы напрямую связывались с ЦК и на деле были самостоятельны. Ростовскую группу, возглавлявшую парторганизации Северного Кавказа, возглавлял член ЦК А.Г. Белобородов²⁰⁹.

На период существования Кавказского бюро ЦК пришлось важнейшие решения о статусе советских республик Закавказья, о создании Горской и Дагестанской АССР, о выселении сунженских казаков и ликвидации Донской и Терской казачьих областей. Именно члены Кавказского бюро ЦК принимали и ключевые решения о земельной реформе, о борьбе с повстанческими выступлениями.

²⁰⁷ ЦДНИРО. Ф. 911. Оп. 1. Д. 4. Л. 1–2.

²⁰⁸ Краевое совещание коммунистических организаций Дона и Кавказа (27–29 октября 1920 г.). Стеногр. отчет. Ростов н/Д, 1921. С. 26, 64–65.

²⁰⁹ Там же. С. 64–65, 4; Большевицское руководство. Переписка. 1912–1927. М., 1996. С. 169, 364–365.

Власть большевистской партии установилась на Северном Кавказе именно на кульминационном этапе «военного коммунизма» (1920 – весна 1921 гг.), когда вынужденная чрезвычайными условиями политика была возведена в степень стратегии непосредственного ускоренного построения бесклассового общества на основе внеэкономических методов. Зажиточность края, преобладание казачьего землевладения казались признаком «реакционности» и основанием для насильственной ломки дореволюционного строя. В докладе на IX съезде РКП(б) В.И. Ленин утверждал: «После той войны, которую мы выдержали на фронте, должна быть война бескровная...». Богатые крестьяне преобладают в Сибири, Украине и на Кубани, «там пролетариев нет, а если пролетариат и есть, то он развращен мелкобуржуазными привычками...»²¹⁰. «Чем больше нас окружают крестьяне и кубанские казаки, тем труднее наше положение с пролетарской диктатурой! Поэтому нужно выпрямить линию и сделать ее стальной во что бы то ни стало...»²¹¹

Следуя указаниям, многие коммунисты считали единственно правильной мерой «оккупацию этого региона советским войсками» (по выражению члена Кавказского бюро ЦК А.Г. Белобородова)²¹². Местные управленцы искреннее считали государство «централизованной военно-пролетарской диктатурой», у которой не должно быть оппонентов²¹³. Сторонники смягчения политики (как правило, местные большевики родом из казаков – А.А. Знаменский, И.А. Дорошев, Ф.К. Миронов, Н.И. Шевченко) были сравнительно легко и быстро устранены с руководящих должностей по ложным обвинениям.

Власть РКП(б) была восстановлена в крае на кульминационном этапе «военного коммунизма» – системы управления, созданной в условиях Центральной России и навязанной окраинным областям. Показательна стойкая

²¹⁰ Ленин В.И. IX съезд РКП(б). Доклад Центрального Комитета 29 марта // Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 40. С. 256.

²¹¹ Он же. IX съезд РКП(б). Заключительное слово по докладу Центрального Комитета 30 марта // Там же. С. 266.

²¹² РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 1. Д. 182. Л. 87.

²¹³ ЦДНИКК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 7. Л. 145.

отчужденность между местными и пришлыми коммунистами (последним ЦК отдавал предпочтение как более опытным и послушным). Проводилась ярко выраженная политика копирования «методов, выработанных на Севере» с целью «изъять из этой окраины хлеб и другие предметы» для укрепления Советской власти (цитаты из докладов на I Кубано-Черноморской конференции РКП (б) 31 октября 1920 г.)²¹⁴.

Юго-Восточное бюро ЦК было образовано путём разделения Кавказского бюро ЦК 27 февраля 1921 г. Такое решение диктовалось установлением военного и политического контроля Советского государства над Азербайджаном и Арменией, а вскоре – и над Грузией, после чего управление обширной территорией от Воронежской губернии до Турции и Персии стало неэффективным. Продолжение антисоветских мятежей, угроза возобновления интервенции, необходимость укрепления региональных органов власти также стали аргументами в пользу разделения Северного Кавказа и Закавказья. Прочность экономического, политического и военного контроля власти над автономиями была значительно слабее, чем над территориями с преобладанием русского населения.

Руководство деятельностью Юго-Восточного бюро ЦК (ЮВБ) вёл секретарь бюро: до ноября 1921 г. – А.Г. Белобородов, затем – М.Н. Лукоянов, В.И. Нанейшвили, Ю.П. Фигатнер и с июля 1922 по май 1924 гг. – А.И. Микоян. Судя по протоколам, обычно в заседаниях (дважды в неделю) участвовали 4–5 членов бюро с правом решающего голоса, а также приглашённые секретари губернских и областных комитетов РКП(б), руководители краевого Экономического совета, Северо-Кавказского военного округа и полномочного представительства ВЧК–ГПУ–ОГПУ. Активную роль в работе ЮВБ играли такие влиятельные политики региона как К.Е. Ворошилов, Н.Ф. Гикало, Ю.С. Мышкин, Е.Г. Евдокимов и др. На время командировок и отпусков секретаря члены Юго-Восточного бюро избирали «тройку» во главе с одним из руководителей края, например,

²¹⁴ ЦДНИКК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2. Л. 7–8.

Б.П. Позерном, М.Н. Рютиным, М.Н. Лукояновым²¹⁵. Такие процедуры работы обеспечивали достаточно быстрое принятие и исполнение решений.

Круг полномочий Юго-Восточного бюро ЦК, судя по протоколам его заседаний за 1921–1924 гг., включал в себя все аспекты принятия властных решений в макрорегионе и контроля над их исполнением. В том числе, остановимся на задачах подавления антибольшевистских выступлений, укрепления партийных и государственных органов в автономиях Северного Кавказа, административно-территориальных реформ, развития образования.

Краевому бюро ЦК соподчинялись партийные организации регионов с преобладанием русского населения (Донской и Кубано-Черноморской областей, Ставропольской и Терской губерний), Горской и Дагестанской АССР, а также созданных позже, в 1922–1924 гг. автономных областей, на которые разделилась Горская АССР.

Повстанческие выступления в автономиях Северного Кавказа были вызваны как общими для РСФСР причинами (политика военного коммунизма, хозяйственная разруха, слабость местных органов управления, антирелигиозные меры), так и специфическими для горских местностей обстоятельствами (кланово-родственные структуры, крайняя слабость местных органов управления, нехватка пахотных земель, перенаселённость, поощрение мятежей со стороны Турции и стран Антанты). Если в русских областях Юга повстанческие выступления были подавлены в основном к осени 1922 г., то в автономиях Северного Кавказа вооружённые мятежи и налёты преодолены только к началу 1925 г.

Среди наиболее значительных упомянем мятежи в Карачае и Дагестане (осень 1920 г.), а позже – выступления в Чечне и Дагестане во главе с имамом Н. Гоцинским²¹⁶. По мнению Терской областной ЧК, в феврале 1921 г. насчитывалось 5 тыс. повстанцев

²¹⁵ ЦДНИКК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 199. Л. 29, 48.

²¹⁶ Жупикова Е.Ф. Повстанческое движение на Северном Кавказе в 1920–1925 гг. М., 2016. С. 104–137.

в нагорной Чечне, выступавших под лозунгами шариатского правления²¹⁷. Сравнение сведений разведывательных сводок штаба СКВО за сентябрь 1921 – июнь 1923 гг. показывает, что число повстанцев в автономиях Северного Кавказа возрастало в тёплый период года (2820 чел. в сентябре 1921 г., 300 – в апреле 1922 г., 1200 – в июне 1922 г., 370 – в декабре 1922 г., 790 – в июле 1923 г.)²¹⁸. «Обзор политико-экономического состояния РСФСР за февраль 1922 г. (по данным ГПУ)» содержал оценку: «в Шатоевском районе ведется усиленная подготовка населения к восстанию, в этой работе принимают участие главари прошлогодних восстаний шейх Аксалтинский и князь Дашинский... 12 аулов уже готовы к восстанию. В Чечне белыми офицерами и турецкими агентами ведется усиленная антисоветская агитация»²¹⁹. Постепенно политические причины повстанчества уступали первенство уголовному бандитизму с целью захвата заложников и скота. Так, заместитель секретаря Юго-Восточного бюро ЦК РКП(б) Н.Ф. Гикало сообщал в августе 1923 г. об убийстве начальника окружной милиции Каранаева жителями аула Мюраге по причинам кровной мести²²⁰.

Именно Юго-Восточное бюро ЦК РКП(б) являлось руководящим органом при подавлении антиправительственных выступлений. Члены бюро на заседании 2–3 февраля 1922 г. приняли резолюцию, призвавшую перенести центр тяжести в ликвидации бандитизма с военных мер на укрепление местных партийных и советских органов. Органам ГПУ было дано указание беспощадно расправляться с главарями банд и активными «бандитскими элементами», выселяя из края всех взятых на учёт мятежников. Предлагалось использовать агентурную разведку, разлагать банды изнутри, провести разоружение населения. Особо

²¹⁷ Вайнахи и имперская власть... С. 405–406.

²¹⁸ Краткий периодический обзор повстанческого движения на территории С.-К.В.О. по данным к 1-му декабря 1921 г. за октябрь и ноябрь 1921 г. Ростов н/Д, 1921. С. 16; Государственный архив Краснодарского края (ГАКК). Ф. Р-147. Оп. 1. Д. 105. Л. 45, 100–101 об, 125, 149–151 об, 165–167 об.

²¹⁹ «Совершенно секретно»... Т. 1, ч. 1. С. 92.

²²⁰ ЦК РКП(б) – ВКП(б)... Кн. 1. С. 139–141.

отмечалась недопустимость методов продразвёрстки при взимании продналога, необходимость помощи жертвам голода. Местным большевистским ячейкам предлагалось уделить внимание борьбе против национализма, особенно в Чечне²²¹. В резолюции ЮВБ от 29 июля 1922 г. указывалось на необходимость гуманного отношения к добровольно разоружившимся бандитам, агитации среди населения²²². Члены Юго-Восточного бюро снизили размеры продналога для Дагестанской АССР (резолюция от 6 сентября 1922 г.)²²³. Учитывались различия ситуации в автономиях. Военное положение отменялось в Кабардино-Балкарии и Карачаево-Черкесии, где разрешен призыв горцев в РККА и созданы местные отряды для охраны железной дороги, а также смешанные отряды представителей различных народов по охране границ²²⁴. Неоднократно объявлялись амнистии для добровольно сдавшихся участников банд (январь 1924 г.)²²⁵.

Весной 1924 г. бандитизм активизировался в Чечне, что привело к срыву выборов местных Советов²²⁶. Члены бюро Юго-Восточного краевого комитета РКП(б) 17 мая 1924 г. (образован неделей ранее вместо бюро ЦК, в октябре 1924 г. переименован в Северо-Кавказский крайком) поручили руководство подавлением бандитизма органам ОГПУ, постановили выносить приговоры во внесудебном порядке решениями «троек», сохранявшихся до декабря 1924 г.²²⁷ Автономии Северного Кавказа были признаны неблагополучными по бандитизму. Эти крайние меры наряду с земельной реформой привели в конце 1924 г. к относительной стабилизации обстановки.

Ещё одним важнейшим направлением работы Юго-Восточного бюро ЦК РКП(б) было укрепление местных партийных организаций и органов государственной власти. Судя

²²¹ ЦДНИКК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 195. Л. 10.

²²² ЦДНИКК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 196. Л. 5.

²²³ ЦДНИКК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 199. Л. 3.

²²⁴ Там же. Л. 11, 44 об.

²²⁵ ЦДНИКК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 348. Л. 4.

²²⁶ Вайнахи и имперская власть... С. 517–518.

²²⁷ Центр документации новейшей истории Ростовской области далее - ЦДНИРО). Ф. 7. Оп. 1. Д. 15. Л. 11.

по «Обзору состояния и работы организаций Юго-Востока», в автономиях насчитывалось 1 марта 1923 г. только 3245 членов и кандидатов в члены РКП(б), значительная часть из них – неграмотные (в Кабардино-Балкарии – 64,9%, в Дагестане – 32,1%). Городские ячейки в основном состояли из русских²²⁸, что требовало подготовки и выдвижения на руководящие должности представителей народностей Северного Кавказа.

Особенно слабыми были аульные и районные революционные комитеты, а также Советы, подчас состоявшие из родовой знати и священнослужителей либо выполнявшие их волю. По словам А.И. Микояна на пленуме Юго-Восточного бюро ЦК 29 июля 1922 г., в Горской АССР местный аппарат Советов не действовал²²⁹. Государственная информационная сводка Информационного отдела ГПУ № 13 (268) от 15 января 1923 г. так оценивала ситуацию в Чечне: «Повсеместно организуются шариатские отряды и суды под предлогом, что на местах отсутствует власть... Кулачеством и духовенством ведётся агитация о неприемлемости соввласти в Чечне, вследствие слабости власти и неспособности её установить порядок...»²³⁰. В докладе ЮВБ об обследовании Дагестанской парторганизации от 28 июля 1923 г. критиковалась система подбора советских работников по землячеству, приводившая к круговой поруке, взяткам и тяжёлому положению хозяйства²³¹.

Внутри партийных и государственных органов проявлялись конфликты по этническому и кланово-территориальному признакам. Вследствие этого в Дагестане, Чечне и Кабардино-Балкарии часто подавали в отставку партийные и советские руководители (Алиев, М.Н. Рютин, Б.О. Павлович, Н.С. Азнарашвили и др.). В Карачаево-Черкесии проявлялось соперничество между руководителями «княжеского» и крестьянского происхождения. Председатель Кабардино-

²²⁸ Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 65. Оп. 1. Д. 99. Л. 96–97.

²²⁹ ЦДНИКК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 196. Л. 81.

²³⁰ «Совершенно секретно»... Т. 2. С. 62.

²³¹ ЦДНИКК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 291. Л. 9 об–10.

Балкарского облисполкома Советов Б.Э. Калмыков находился в конфликте с обкомом РКП(б) на протяжении 1922–1923 гг.²³²

Юго-Восточное бюро ЦК РКП(б) исходило в своих действиях из принципов сплочения всех народов, обеспечения их равного представительства в органах управления. Так, резолюция ЮВБ по вопросам положения в Карачаево-Черкесской автономной области от 12 сентября 1922 г. содержала требование к областному партийному бюро установить конструктивные отношения с областным революционным комитетом, направить на места подготовленных работников из числа горцев, разрешить переход от назначаемой власти ревкомов к выборам Советов²³³. 18 сентября 1922 г. ЮВБ утвердило состав Адыгее-Черкесского областного оргбюро РКП(б), обеспечив представительство в его составе основных народов. Крайэкономсовету было поручено создать комиссию для разрешения конфликта между руководителями Кубано-Черноморской области и Адыгее-Черкесской АО, помощи автономии в налаживании управления²³⁴. 16 декабря 1922 г. члены Юго-Восточного бюро ЦК утвердили состав Карачаево-Черкесского обкома РКП(б), поручив обратить внимание просветительной и воспитательной работе, добиться сплочённости коммунистов разных национальностей. Такие же задачи выдвинуты в итоге обследования Кабардино-Балкарской партийной организации; ставилась задача укрепить партийные фракции в областном и местных исполкомах²³⁵. Ответственный инструктор ЮВБ Дымшиц предлагал в докладе об обследовании Карачаево-Черкесии (1 марта 1923 г.) выдвигать представителей различных народов в советские и хозяйственные органы, в том числе – облисполком, пропорционально их численности²³⁶. В ноябре 1923 г. члены ЮВБ подвергли критике «расхождения действий прокуратуры с национальной политикой» в Карачае и приняли меры выдвижения на прокурорскую работу местных

²³² ЦДНИКК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 290. Л. 12.

²³³ ЦДНИКК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 199. Л. 13–14 об.

²³⁴ Там же. Л. 20, 29.

²³⁵ Там же. Л. 51–52; ЦДНИКК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 291. Л. 62.

²³⁶ ЦДНИКК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 290. Л. 29–30.

народов, меры чистки советских органов и милиции от взяточников²³⁷.

Переход от назначаемых ревкомов к выборным Советам разрешался в зависимости от степени прочности власти в тех или иных автономиях. Например, члены ЮВБ сочли 15 сентября 1923 г. замену ревкомов на Советы в Чечне преждевременной, тогда как в Карачаево-Черкесии и Адыгее выборы были разрешены²³⁸. Первый областной съезд Советов Чеченской АО проведён только 29 июля 1924 г., после подавления антибольшевистского мятежа²³⁹.

Важной задачей Юго-Восточного бюро ЦК являлся контроль над формированием автономных республик и областей, определением их полномочий и границ. Первоначальный замысел создания крупных полиэтничных автономий оказался малоэффективным. Партийный и государственный аппарат управления оставался слабым. Между автономиями и областями велась бесконечная тяжба за пограничные местности. В январе 1922 г. из состава Горской АССР вышли Кабардино-Балкарская и Карачаево-Черкесская автономные области, а в декабре 1922 г. – Чеченская АО. 5 января 1923 г. члены Юго-Восточного бюро ЦК вывели из подчинения Горской АССР г. Грозный и Чеченскую АО, напрямую подчинив их краю²⁴⁰. Члены ЮВБ, обсудив доклад К.Е. Ворошилова, признали 20 декабря 1923 г. большие недочёты и слабость партийно-советской работы в Горской АССР, конфликты между её округами, направив в республику комиссию для выработки мер национальной политики²⁴¹.

Краевая партийная инстанция улаживала разногласия между автономиями и внутри них. 12 сентября 1922 г. создана специальная комиссия ЮВБ для разработки мер улучшения ситуации в Горской АССР. Решено созвать совместные сходы жителей Кабардино-Балкарии и Карачаево-Черкесии для

²³⁷ ЦДНИКК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 291. Л. 61, 63.

²³⁸ ЦДНИКК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 291. Л. 28, 31 об.

²³⁹ Вайнахи и имперская власть... С. 503–515.

²⁴⁰ ЦДНИКК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 290. Л. 1–1 об.

²⁴¹ ЦДНИКК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 291. Л. 86.

разрешения земельных споров и преодоления скотокрадства²⁴². 23 мая 1923 г. была создана комиссия Крайэкономсовета по изучению землепользования и борьбе с безземельем в Горской АССР. Работа комиссии приобрела постоянный характер²⁴³. Кроме того, в Горскую АССР периодически посылались комиссии ВЦИК РСФСР по земельным спорам, и надо было преодолевать попытки бойкота и давления на центральные инстанции со стороны аппарата управления автономий²⁴⁴.

12 декабря 1922 г. члены Юго-Восточного бюро ЦК поручили краевому Экономическому совету созвать представителей Дагестанской АССР, Терской губернии и Кизлярского уезда для решения вопроса о территориальной принадлежности Кизляра, где только 45% жителей составляли народы Дагестана, а экономически русское население тяготело к Тереку²⁴⁵. Вследствие решений ЦК РКП(б) краевые инстанции 23 января 1923 г. были вынуждены признать передачу Кизлярского уезда, а 28 сентября – и Ачикулакского района Дагестану²⁴⁶. Когда весной 1924 г. Дагестанская АССР отказалась войти в состав создаваемого Юго-Восточного (с 16 октября 1924 г. – Северо-Кавказского) края, «кизлярский вопрос» вновь поднимался крайкомом РКП(б), но безуспешно²⁴⁷.

Начиная с весны 1923 г., вопросы взаимоотношений Юго-Восточного бюро ЦК с парторганизациями автономий встраиваются в более широкий контекст районирования РСФСР. Было разработано несколько проектов территориальной реформы, выдвинутых на обсуждение Кубано-Черноморским областным советом народного хозяйства, органами власти автономий и др. Члены ЮВБ одобрили 4 июня 1923 г. проект Юго-Восточной плановой комиссии, который активно отстаивал заместитель

²⁴² ЦДНИКК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 199. Л. 12.

²⁴³ ЦДНИКК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 290. Л. 54 об, 57.

²⁴⁴ ЦДНИКК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 291. Л. 8.

²⁴⁵ ЦДНИКК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 199. Л. 48.

²⁴⁶ ЦДНИКК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 290. Л. 4 об; ЦДНИКК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 291. Л. 30.

²⁴⁷ ЦДНИКК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 348. Л. 29.

председателя Крайэкономсовета В.Н. Хронин²⁴⁸. После обсуждения в автономиях проект обсуждался на краевом совещании (сентябрь 1923 г.). В итоге ВЦИК РСФСР 13 февраля 1924 г. постановил создать Юго-Восточную область с участием как русских округов, так и автономных областей, принял Положение о ЮВО. Крайэкономсовет разработал план районирования Юго-Востока России и проект границ региона, направив его на утверждение комиссии ВЦИК по районированию. Пограничные споры подлежали разрешению на заседаниях Юго-Восточного бюро ЦК.

В начале марта 1924 г. краевые органы власти приняли к исполнению постановление комиссии Оргбюро ЦК РКП(б), в котором критиковались экономические проблемы, отрыв руководства Горской АССР от местных парторганизаций и слабое представительство народов Северного Кавказа в органах управления автономии. В качестве выхода было решено заменить ЦИК Горской республики на Союзный Совет – орган, согласующий действия создаваемых Северо-Осетинской и Ингушской АО, Сунженского округа и г. Владикавказа²⁴⁹. Это привело к упразднению 7 июля 1924 г. Горской АССР, ослабленной внутренними конфликтами. Крайком РКП(б) создал комиссию по разрешению конфликтов между вновь созданными автономиями, а также бюро по вопросам Горской АССР. Эти временные органы регулировали вопросы взаимоотношений между автономными областями Северного Кавказа, а также краем и его административными единицами (округами, городами). В итоге удалось обеспечить мирный переход к новой системе территориального устройства.

Значительное внимание Юго-Восточное бюро ЦК РКП(б) уделяло развитию образования и культуры в автономиях. К началу 1920-х гг. система образования была представлена почти полностью религиозными учебными заведениями. По подсчётам

²⁴⁸ ЦДНИКК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 290. Л. 64; Клейтман А.Л. Административно-территориальное устройство Юга России по проекту Юго-Восточной областной плановой комиссии начала 1920-х гг. // Научная мысль Кавказа. 2016. № 2. С. 86–92. С. 86–87.

²⁴⁹ ЦДНИКК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 348. Л. 51–57.

К.Ф. Лиждеевой, в Горской и Дагестанской АССР грамотность не превышала 15%, а в ряде местностей – от 2 до 6% населения, в основном мужчин²⁵⁰.

Поэтому РКП(б) ставила задачи ликвидации неграмотности, прежде всего – на родном языке, устранения влияния духовенства на сферу образования, а на этой основе – подготовку политически лояльных кадров управления из числа представителей народов Северного Кавказа («коренизацию»). В первой половине 1920-х гг. данная работа только началась. Так, 12 сентября 1922 г. члены Юго-Восточного бюро ЦК одобрили организацию советско-партийной школы в Карачаево-Черкесии для подготовки горцев²⁵¹. В мае 1923 г. предложено открыть в Чечне совпартшколу, а также пункты политического просвещения в крупных аулах; направлять молодёжь на обучение в вузах Москвы, Ростова-на-Дону, Баку и Грозного²⁵². Был организован краевой съезд представителей автономий по вопросам просвещения горских народностей. Вместе с тем, члены ЮВБ выступили 15 февраля 1923 г. против разрешения преподавания религии в средней школе, предложенного наркоматом по делам национальностей РСФСР. Краевой партийный орган полагал, что такая мера «содействует возрождению реакционного влияния духовенства»²⁵³.

Создавалась инфраструктура образования и политического просвещения. В июле 1923 г. Юго-Восточное бюро ЦК одобрило создание в Ростове-на-Дону отделения Горского издательства²⁵⁴. В ноябре 1923 г. предложено организовать горскую группу рабфака при Донском государственном университете. Отбор в неё проводился из числа комсомольцев и коммунистов, «трудовых элементов». Командируемым из автономий учащимся установили

²⁵⁰ Лиждеева К.Ф. Развитие сферы образования в национальных районах Юга России в 1918–1941 гг.: сравнительно-исторический анализ: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Астрахань, 2014. С. 26.

²⁵¹ ЦДНИКК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 199. Л. 13.

²⁵² ЦДНИКК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 290. Л. 45.

²⁵³ ЦДНИКК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 290. Л. 20.

²⁵⁴ ЦДНИКК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 291. Л. 5.

ежемесячную стипендию в 10 червонцев²⁵⁵. Создаются также краткосрочные курсы переподготовки секретарей и инструкторов партийных ячеек, председателей и секретарей местных Советов²⁵⁶.

Принимаемые меры не всегда оказывались эффективными. Так, А.И. Микоян и Н.Ф. Гикало докладывали членам Юго-Восточного бюро ЦК в начале марта 1924 г. о том, что автономии не выполнили план набора в рабфаки и коммунистические университеты. Докладчики потребовали наладить учёт желающих обучаться, организовать подготовительные кружки для горцев, своевременно направлять заявки на поступление²⁵⁷. Обследование школ Горской АССР показало, что зарплата учителей мала и выделяется несвоевременно; школы плохо обеспечивались учебной литературой и пособиями; обучение на русском языке было непонятным в горных местностях. Юго-Восточное бюро ЦК приняло решение ввести в начальной школе обучение на языках Северного Кавказа, для чего начата подготовка учителей в Горском педагогическом техникуме²⁵⁸. Краевая комиссия по распределению культурного фонда выделила автономиям 262 тыс. руб. золотом на нужды образования, что являлось значительной суммой²⁵⁹.

С образованием Юго-Восточного края, вскоре переименованного в Северо-Кавказский край, функции назначаемого краевого бюро ЦК РКП(б) перешли к выборному Северо-Кавказскому краевому комитету РКП(б). Он избирался на краевых партийных конференциях и формировал из своего состава постоянно работавшие органы: Секретариат, бюро и отделы крайкома. Вместе с тем, формирование выборного краевого комитета РКП(б) состоялось на той стадии политических процессов, когда партийная номенклатура уже прочно овладела всеми сферами управления обществом. Реально руководил краем, как и другими регионами, первый секретарь Северо-Кавказского крайкома РКП(б), кандидатура которого утверждалась до

²⁵⁵ ЦДНИКК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 348. Л. 19 об.

²⁵⁶ ЦДНИКК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 291. Л. 51–51 об, 53.

²⁵⁷ ЦДНИКК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 348. Л. 50.

²⁵⁸ ЦДНИКК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 348. Л. 53.

²⁵⁹ ЦДНИКК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 349. Л. 24.

формального избрания Секретариатом ЦК РКП(б). Сначала таким руководителем края был в изучаемый период А.И. Микоян, затем – с лета 1926 г. М.С. Чудов, с начала 1928 г. – А.А. Андреев. Анализ документов краевых партийных конференций, заседаний Секретариата и бюро Северо-Кавказского крайкома РКП(б) подтверждает, что все важные решения принимались на заседаниях Секретариата, уточнялись и регулярно контролировались на заседаниях бюро и пленумов краевого комитета правящей партии. Сколько-нибудь выраженных политических противоречий в данной системе органов партии, по крайней мере, по доступным документам, не возникало. Конфликты разрешались путём неформальных обсуждений и переговоров ответственных партийных работников накануне публичных заседаний. Данная модель институционального строения и деятельности партийных органов ретранслировалась «сверху вниз» на уровни областных, а с лета 1924 г. – окружных и районных комитетов РКП(б).

Вопросы реализации национальной политики решались также рядом специализированных структурных подразделений партийных комитетов РКП(б): Национальной комиссией Северо-Кавказского краевого комитета РКП(б) и национальными секциями при областных, окружных комитетах большевистской партии. С организационной точки зрения Национальная комиссия подчинялась краевому комитету как целостному органу власти, тогда как национальные секции работали в рамках подразделов национальных меньшинств агитационно-пропагандистских отделов партийных комитетов.

Национальная комиссия (называвшаяся в документах также Комиссией по реализации национальной политики партии) была создана решением пленума Юго-Восточного краевого комитета РКП(б) от 31 июля 1924 г. в составе 19 членов. Её председателем стал ответственный секретарь крайкома партии А.И. Микоян, а заместителем председателя – Н.Ф. Гикало, имевший значительный опыт работы в Чечне и Дагестане. В состав комиссии были избраны также второй секретарь крайкома Б.П. Позерн, председатель крайисполкома Н.Б. Эйсмонт, полномочный представитель ОГПУ по краю Е.Г. Евдокимов, ряд краевых

руководящих работников, как и руководители партийных комитетов автономных областей: С.Г. Мамсуров, И.Б. Зязиков, Б.Э. Калмыков, Д.Н. Гутекулов, Ш.-Г.У. Хакурате, М.А. Энеев, Т.Э. Эльдерханов, Д.А. Коркмасов, С.А. Такоев²⁶⁰. Однако нами не выявлены документы, которые позволяли бы подтвердить деятельность комиссии до организационного заседания 26 ноября 1924 г. Национальная комиссия, как правило, проводила свои пленарные заседания несколькими днями раньше пленумов крайкома и партийных конференций²⁶¹. Позже члены бюро крайкома ВКП(б) обновляли состав Национальной комиссии, к началу 1927 г. в комиссии состояли уже 49 чел.²⁶² Тогда же президиум комиссии включал в себя первого секретаря крайкома ВКП(б) М.С. Чудова, председателя крайисполкома Советов П.А. Богданова, заместителя председателя крайисполкома С.Г. Мамсурова, командующего войсками Северо-Кавказского военного округа И.П. Уборевича, членов крайкома М.А. Кундухова и А.Д. Саркиса²⁶³.

На своём первом заседании 26 ноября 1924 г. Национальная комиссия утвердила свои обязанности, сформулированные А.И. Микояном. Среди них упоминались:

– изучение и регулирование взаимоотношений между различными социальными группами внутри каждой национальности, равно как между национальностями в автономных областях, между автономиями и соседними округами (с русским населением);

– усиление руководства культурным ростом народностей, в особенности – изучение их письменности, укрепление школ, издательского дела и краеведения;

– изучение сельского хозяйства автономий, принятие мер для его улучшения, преодоление малоземелья, направление переселенцев главным образом с гор на равнины;

²⁶⁰ ЦДНИРО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 25. Л. 5.

²⁶¹ ЦДНИРО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 45. Л. 1–2.

²⁶² Акопян В.З. Проблемы национальных меньшинств в деятельности комиссии по национальной политике Северо-Кавказского крайкома (1920-е годы) // Научная мысль Кавказа. 2013. № 2. С. 77.

²⁶³ ЦДНИРО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 607. Л. 46–48.

- оздоровление кооперации и торговли, кустарной промышленности в автономиях;
- укрепление Советов, вовлечение населения автономий в Советы и общественные организации;
- подготовка национальных кадров партийных, советских, комсомольских, кооперативных работников, главным образом, низового звена;
- максимальное внимание работе комсомола и женских организаций в автономиях²⁶⁴.

В то же время, ряд функций Национальной комиссии, не упомянутых в её нормативных документах, на деле являлся весьма важным. В том числе, таковы были разграничение автономных образований и русских округов края; борьба с повстанческими выступлениями и бандитизмом, взятием заложников и самозахватом земельных участков; антирелигиозная политика; создание национальных воинских формирований в составе РККА и милиции; руководство земельной и миграционной политикой; увеличение рабочей прослойки среди народов Северного Кавказа; разрешение конфликтов внутри партийных и советских органов власти на национальной почве.

Постановления Национальной комиссии по перечисленным вопросам затем утверждались на заседаниях членов бюро Северо-Кавказского крайкома РКП(б), тем самым, они делались директивами для выполнения государственными и хозяйственными органами. Как правило, разработка и принятие решений в области национальной политики проводились инициативно руководителями края – А.И. Микояном, Б.П. Позерном, Н.Б. Эйсмонт, Н.Ф. Гикало, М.С. Чудовым, П.А. Богдановым, А.А. Андреевым, а не представителями автономных областей.

На первом же заседании Национальная комиссия крайкома РКП(б) послала представителей бюро крайкома в Кабардино-Балкарскую и Карачаево-Черкесскую автономные области с тем, чтобы они доложили комиссии о расследовании конфликтов между партийными и советскими руководителями названных

²⁶⁴ ЦДНИРО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 45. Л. 4; Ф. 7. Оп. 1. Д. 607. Л. 40–41.

автономий – представителями различных народов. Национальная комиссия заслушивала и мнения самих конфликтующих сторон. В итоге Карачаево-Черкесская АО была разделена по этническому признаку²⁶⁵.

Национальная комиссия стала инициатором принятия на заседании бюро крайкома РКП(б) от 6 декабря 1924 г. постановления «О взаимоотношениях народов соседних автономных областей и соседних с ними округов». Комиссия добилась взаимного представительства народов автономных областей и округов на заседаниях съездов Советов и расширенных пленумов исполкомов, чтобы укрепить национальный мир²⁶⁶.

Участники краевого совещания заведующих организационных отделов обкомов и окружкомов края приняли 6 января 1926 г. резолюцию о мерах улучшения национальной политики в автономиях. В том числе, предлагалось усилить внимание аульным и районным парторганизациям, регулярно обследовать их и заслушивать отчёты на заседаниях бюро вышестоящих комитетов. Планировалось готовить пропагандистов из числа народов Северного Кавказа, воспитывать их в кружках самообразования и избах-читальнях, организовать шефство городских парторганизаций (г. Грозный, Владикавказ) над близлежащими аулами. Впредь вводилось правило: создавать кандидатские группы только с разрешения ЦК, усилить партийное воспитание их организаторов и провести чистку состава; принимать в партию только грамотных, а преимущество отдавать комсомольцам и батракам²⁶⁷.

На заседании Национальной комиссии крайкома ВКП(б) 18 февраля 1927 г. предприняты перемены в деятельности комиссии. Требовалось сделать работу пленума и президиума комиссии плановой и регулярной; обсуждать проблемы различных автономий. План работы президиума комиссии отныне должен был включать раздел о социально-родовых и национальных отношениях, расслоении общества в автономиях, после чего

²⁶⁵ ЦДНИРО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 25. Л. 40–41.

²⁶⁶ ЦДНИРО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 25. Л. 41.

²⁶⁷ ЦДНИРО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 385. Л. 5–9, 10–11.

данные темы надлежало обсудить на заседаниях пленума комиссии. Предлагалось установить тесную связь между партийными организациями автономий и соседних округов, наладить обмен опытом укрепления интернационального союза трудящихся²⁶⁸.

По мере укрепления авторитарных тенденций в правящей партии и государственном аппарате Национальная комиссия Севкавказкома переходила от преимущественно экспертных и аналитических функций к контрольным. В деятельности комиссии всё большее внимание уделялось не собственно межэтническим отношениям, а вопросам коллективизации, индустриализации, подготовки руководящих кадров, принятию организационных мер по провалам в работе обкомов ВКП(б), агитации и пропаганды в автономных областях. Эти тенденции заметны по протоколам Национальной комиссии за 1928–1929 гг.²⁶⁹ Национальная комиссия Северо-Кавказского крайкома ВКП(б) в феврале 1930 г. была упразднена, что, на наш взгляд, снизило эффективность регулирования межэтнических отношений в регионе.

Сделаем выводы. 1920-е годы стали важнейшим этапом закрепления партийно-государственной системы правления, сформировавшейся на почве «военного коммунизма». Слияние функций правящей РКП(б) и государства вызывалось отказом от разделения властей, подавлением оппозиции, партийным контролем над общественными организациями и средствами информации. Рабочий класс, будучи резервом пополнения партийно-государственной элиты, на деле не правил. РКП(б) к середине 1920-х гг. завершила эволюцию от союза добровольных единомышленников к централизованной иерархической структуре, имеющей три функциональных уровня своего состава: рядовых членов-исполнителей, бюрократии (профессиональных управленцев) и правящей элиты. ВКП(б), завоевав и укрепив безраздельную власть, всё более становилась разнородной по составу и интересам своих членов. Элита служила спланирующим

²⁶⁸ ЦДНИРО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 607. Л. 26–27.

²⁶⁹ ЦДНИРО. Ф. 7. Д. 828. Оп. 1. Д. 27–31; Ф. 7. Оп. 1. Д. 831. Л. 87–91.

началом в партии, формируясь преимущественно из рабочих и беднейшего крестьянства, маргинальных слоев.

Большевистские организации Северо-Кавказского края сталкивались с разнородностью социальной базы – «иностранцев», беднейших крестьян, рабочих, служащих и маргинальных слоев населения. Именно на Юге России ярче всего выявилась не только сущность «военного коммунизма», но и выдающиеся способности партийно-государственной элиты использовать противоречия (особенно сословное неравенство, разрыв в уровне развития местностей, запрос на модернизацию) ради сохранения абсолютной власти любой ценой. ВКП(б) срослась к началу 1930-х гг. с государственным аппаратом.

Создание Юго-Восточного бюро ЦК РКП(б) было вызвано необходимостью оперативно принимать властные решения с учётом быстро менявшейся ситуации, обеспечить неукоснительное выполнение директив партийного руководства, контролировать и координировать деятельность достаточно слабых местных организаций. Данный партийный орган не только координировал деятельность областных комитетов РКП(б) и органов государственной власти в автономиях, но и являлся с марта 1921 по апрель 1924 г. высшим назначаемым органом власти в макрорегионе.

На основе архивных документов выяснены основные функции Юго-Восточного бюро ЦК: руководство подавлением антибольшевистских выступлений; определение статуса и функций соподчинённых органов власти; кадровая политика; регулирование конфликтов между автономиями Северного Кавказа; реализация районирования (административно-территориальной реформы); разработка партийных директив макрорегионального уровня в сфере экономической, социальной и образовательной политики; контроль исполнения центральных и краевых решений.

Деятельность Юго-Восточного бюро ЦК РКП(б) обеспечила успешную реинтеграцию полиэтничного макрорегиона после Гражданской войны, способствовала организационному укреплению органов партийной и государственной власти в автономиях Северного Кавказа.

2.2. ИЗМЕНЕНИЯ СИСТЕМЫ ОРГАНОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ И ИХ ВЗАИМОДЕЙСТВИЙ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ И В КРЫМУ

Политическая власть осуществляется благодаря отношениям господства и подчинения, проводимым в первую очередь государством и его различными органами. В Советской России 1920-х гг. функции государственной власти принадлежали сначала чрезвычайным органам – революционным комитетам, а затем – советам, существовавшим на основе Конституции РСФСР.

Историография участия органов местной власти в национальной политике складывалась десятилетиями, имеет бесспорные достижения по ряду аспектов: в изучении правового статуса и реорганизаций ревкомов и Советов, их взаимодействия со структурами РКП(б), их участия в классовой борьбе. Так, сохраняет научную значимость монография Ю.С. Кукушкина – обобщающий, хорошо документированный труд²⁷⁰. Организаторские и военно-репрессивные функции ревкомов освещены в работах Н.Ф. Бугая, А.Т. Апанасенко, Г.Т. Мелия²⁷¹. Проблема учета интересов казачества в деятельности ВЦИК и секций областных ревкомов поставлена в монографиях А.М. Сединой, Г.Л. Воскобойникова и Д.К. Прилепского, А.П. Ермолина²⁷². Историкам удалось в рамках советской идеологии показать ошибочность земельного передела и

²⁷⁰ Кукушкин Ю.С. Сельские Советы и классовая борьба в деревне. 1929–1932 гг. М., 1968.

²⁷¹ Бугай Н.Ф. Революционные комитеты Дона и Северного Кавказа 1919–1921. М., 1979; он же. Чрезвычайные органы Советской власти: ревкомы. М., 1990; Апанасенко А.Т. Деятельность Кавбюро ЦК РКП(б) по руководству ревкомаами Северного Кавказа в 1920–1921 годах. Дис. ... канд. ист. наук. Краснодар, 1973; Мелия Г.Т. Северо-Кавказский революционный комитет в борьбе за восстановление и упрочение Советской власти. Дис. ...канд. ист. наук. Тбилиси, 1974.

²⁷² Седина А.М. На крутом повороте. М., 1976; Воскобойников Г.Л., Прилепский Д.К. Борьба партии за трудовое казачество. Грозный, 1980; Ермолин А.П. Революция и казачество. М., 1982.

репрессий против терского казачества. Эта идея отстаивалась в работах М.И. Овчинниковой и А.Т. Апанасенко²⁷³. Вопрос о расширении полномочий Советов в Северо-Кавказском крае середины 1920-х гг. был сформулирован в диссертациях Я.А. Перехова и Л.И. Шолохова, монографии В.И. Иванова и П.Г. Чернопицкого²⁷⁴. Усиление партийного контроля над местными Советами, противоборство Советов с земельными обществами исследованы П.Г. Чернопицким и Е.Г. Пономарёвым²⁷⁵.

Идеологические и цензурные пути сковывали мысль отечественных историков, не позволяя решить многие ключевые вопросы. Оставались в тени причины слабости Советов в первой половине 1920-х гг., их подчинённость партийным органам. Негативно оценивался рост политической самостоятельной активности крестьян и казаков, горожан в 1925–1926 гг., создавший на краткое время обстановку двоецентриа местной власти. Одобрялась практика лишения прав по политическим и классовым мотивам.

Современная историография начала преодолевать эти взгляды. Теоретические аспекты (роль Советов в политической системе, режим их действия и тенденции реформ) переосмысливаются в работах Н.С. Симонова, С.В. Леонова,

²⁷³ Овчинникова М.И. Советское крестьянство Северного Кавказа (1921–1929 гг.). Ростов н/Д, 1972; Апанасенко А.Т. Указ. соч.

²⁷⁴ Перехов Я.А. Политика Коммунистической партии по вовлечению казачества Дона и Кубани в социалистическое строительство (1920–1925 гг.): дис. ... канд. ист. наук. Ростов н/Д, 1966; Шолохов Л.И. Партийные организации Дона и Кубано-Черноморья в борьбе за укрепление и оживление Советов. Дис. ... канд. ист. наук. Ростов н/Д, 1969; Иванов В.И., Чернопицкий П.Г. Социалистическое строительство и классовая борьба на Дону (1920–1937 гг.). Исторический очерк. Ростов н/Д, 1971.

²⁷⁵ Чернопицкий П.Г. Сельские Советы Дона в период подготовки и проведения массовой коллективизации (1928–1931 гг.). Дис. ... канд. ист. наук. Ростов н/Д, 1963; Пономарёв Е.Г. Партийное руководство советским строительством на селе в 1926–1932 годы (На материале Дона, Кубани и Ставрополья). Дис. ... канд. ист. наук. Л., 1988.

Е.Г. Гимпельсона, В.В. Никулина²⁷⁶. Они обосновали противоборство демократической и авторитарной тенденций в государственном строительстве 1920-х гг., предложили периодизацию роли Советов в системе власти. Особенности развития местной власти в регионах России выявляются усилиями О.А. Кужбы и М.М. Кудюкиной²⁷⁷. Ряд исследователей (Н.Ф. Бугай, Е.Ф. Жупикова, С.К. Ильин) поставил вопрос о пагубности национально-территориальных реформ 1920–1924 гг. и 1928 г. на Северном Кавказе, сделавших русский народ меньшинством в автономиях с произвольными границами²⁷⁸.

В современной историографии вырос интерес к идейным и правовым основаниям создания Крымской АССР. Аргументы в пользу многонационального, административно-экономического типа автономии обосновывают И.В. Евтюшкин²⁷⁹, В.В. Харабуга и

²⁷⁶ Леонов С.В. Рождение советской империи: государство и идеология, 1917–1922 гг. М., 1997; Симонов Н.С. Реформа политического строя: замыслы и реальность (1921–1923 гг.) // Вопросы истории КПСС. 1991. № 1. С. 42–55; Гимпельсон Е.Г. Формирование советской политической системы. 1917–1923 гг. М., 1995; Никулин В.В. Власть и общество в 20-е годы: политический режим в период НЭПа. Становление и функционирование (1921–1929 гг.). СПб., 1997.

²⁷⁷ Кужба О.А. Местные органы власти в 1925–1927 годах // НЭП: Завершающая стадия. М., 1998. С. 160–172; Кудюкина М.М. Отношение к деятельности Советов многонационального крестьянства Северного Кавказа // Северный Кавказ: выбор пути национального развития: сб. ст. Майкоп, 1994. С. 113–126.

²⁷⁸ Бугай Н.Ф. 20–40-е годы: депортация населения с территории Европейской России // Отечественная история. 1992. № 4. С. 37–49; Жупикова Е.Ф. Повстанческое движение на Северном Кавказе в 1920–1925 гг. М., 2016; Ильин С.К. Этнические меньшинства в автономных областях и республиках юга РСФСР, 20-е гг. Дис. ... д-ра ист. наук. М., 1995.

²⁷⁹ Евтюшкин И.В. Многонационально-территориальная автономия в Крыму: историко-политологический анализ концепта // Вопросы развития Крыма. Науч.-практич. дискуссионно-аналитич. сб. Симферополь, 2012. С. 5–21.

В.А. Афанасьев²⁸⁰, Е.К. Минеева, А.П. Зыкина и А.И. Минеев²⁸¹. Доводы в пользу этнической государственности крымских татар формулировали В.Е. Возгрин²⁸² и Н.В. Бекиров²⁸³. Данная дискуссия проецируется и на оценки современного статуса Республики Крым.

История национально-государственного строительства 1920-х гг. традиционно является одной из центральных тем научных исследований в республиках Северного Кавказа. Среди перспективных исследований постсоветского периода можно назвать труды А.Х. Даудова и Д.И. Месхидзе²⁸⁴, Т.М. Хлыниной²⁸⁵, Ю.Ю. Карпова²⁸⁶, коллективную монографию Т.П. Хлыниной, Е.Ф. Кринко и А.Т. Урушадзе²⁸⁷, исторический атлас А.А. Цуциева²⁸⁸. Многочисленные работы также традиционно

²⁸⁰ Харабуга В.В., Афанасьев В.А. Дискуссия о государственно-правовом статусе Крымской АССР (1921–1945) // Учёные записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Исторические науки. 2021. Т. 7. № 3 (73). С. 133–148.

²⁸¹ Минеева Е.К., Зыкина А.П., Минеев А.И. Народный комиссариат по делам национальностей РСФСР и создание Крымской АССР // Вестник Чувашского университета. 2022. № 2. С. 75–88.

²⁸² Возгрин В.Е. История крымских татар: очерки этнической истории коренного народа Крыма: в 4 т. 3-е изд. Симферополь, 2013. Т. 3. С. 211–214.

²⁸³ Бекиров Н.В. Право крымских татар как коренной нации Крыма на самоопределение // Кримські татари: історія та сучасність (до 50-річчя депортації кримськотатарського народу). Матеріали міжнар. наук.-практ. конф. (Київ, 13–14 травня 1994 р.). Київ, 1995. С. 58–76.

²⁸⁴ Даудов А.Х., Месхидзе Д.И. Национальная государственность горских народов Северного Кавказа (1917–1924). СПб., 2009.

²⁸⁵ Хлынина Т.П. Становление советской национальной государственности у народов Северного Кавказа, 1917–1937 гг.: Проблемы историографии. Дис. ... д-ра ист. наук. М., 2003.

²⁸⁶ Карпов Ю.Ю. Национальная политика Советского государства на северокавказской периферии в 20–30-е гг. XX в. СПб., 2017.

²⁸⁷ Хлынина Т.П., Кринко Е.Ф., Урушадзе А.Т. Российский Северный Кавказ: исторический опыт управления и формирования границ региона. Ростов н/Д, 2012.

²⁸⁸ Цуциев А.А. Атлас этнополитической истории Кавказа (1774–2004). М., 2006.

посвящены анализу национально-государственного строительства на уровне отдельных автономий Северного Кавказа.

По-прежнему нет обобщающих исследований истории органов власти Северного Кавказа и Крыма в период нэпа. В нашей работе предпринята попытка такого исследования на основе методов исторической науки, в обновленной системе терминов и категорий. Предстоит решить взаимосвязанные задачи: выявить периодизацию развития органов местной власти и дать оценку изменений их роли; раскрыть противоречия системы ревкомов; сравнить тенденции административно-территориальных реформ 1920-х гг. и обосновать предпочтительность некоторых из них для полиэтничного населения; выявить направленность и формы деятельности Советов в период «оживления» их работы; определить приемы и динамику восстановления однопартийного контроля над местной властью. Необходимо оценить систему «диктатуры пролетариата» в регионе не только как сумму организаций, а и как совокупность связей и отношений между классами, слоями и политическими силами полиэтничного общества.

Как известно, Советы рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов официально считались государственными органами «диктатуры пролетариата», всеобщей формой этой власти для будущих стран социализма. Правовой статус советов был закреплен в Конституциях РСФСР 1918 и 1924 гг., в Положении ВЦИК о сельских Советах от 15 февраля 1920 г., в инструкциях о порядке выборов. Наряду с демократическими достижениями – всеобщим голосованием независимо от пола, национальности, образования и религии, – система Советов имела классовые и идеологические ограничители. Она отвергала принцип разделения властей как буржуазный и заменяла его идеалом «работающей корпорации». Открытость и косвенность выборов, лишение прав голоса по классовому и политическому признакам также снижали действенность Советов. По Конституции РСФСР городские советы посылали делегата на Всероссийский съезд от 25 тыс. избирателей, а губернские съезды – от 125 тыс. Крестьяне «от

сохи» не были представлены в реальных центрах власти²⁸⁹. Сословность (видоизмененная большевиками в «классовый подход») и авторитарность власти – многовековые традиции России, ограничения демократии отразили неготовность граждан к самоуправлению и тем более – к народовластию.

Уже в 1918–1920 гг. Советы были осознанно превращены из выразителя интересов и представительства многих партий в проводника монополярной воли РКП(б). Шло быстрое свертывание выборных и коллегиальных органов, их подмена назначаемыми учреждениями. В 1919–1920 гг. этот курс был обоснован и закреплён в решениях VIII–X съездов РКП(б), в работах вождей большевистской партии²⁹⁰. Советы превратились в один из «рычагов» и «щупалец» Компартии в деле повседневного управления. Гражданская война резко ускорила отток реальной власти из советов в партийные комитеты, ВЧК, реввоенсоветы и другие военные органы, ревкомы. Вера в мощь государственного насилия, в волевые решения власти блокировала каналы обратной связи советов с трудящимися.

Политика военного коммунизма породила такие противоречивые органы управления как ревкомы. Их деятельность проходила на основании «Положения о революционных комитетах», выпущенного ВЦИК и СТО РСФСР 24 октября 1919 г.²⁹¹ С одной стороны, централизация и военизация власти в прифронтовых и беспокойных местностях была нужна любому режиму. С другой, – политика РКП(б) привнесла особую ожесточённость и целенаправленность в действия ревкомов. Они подавляли вооруженное сопротивление, снабжали действующую армию, вели повседневное регулирование государственного хозяйства. Из-за того, что

²⁸⁹ Лишенцы: 1918–1936 / публ. А.И. Добкина // Звенья. М.; СПб., 1992. Вып. 2. С.600–628.

²⁹⁰ Конституция Р.С.Ф.С.Р.: Основной текст с постратейными дополнениями и изменениями. М., 1922. С. 56–58; Ленин В.И. VIII съезд РКП(б). Доклад о партийной программе 19 марта // Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 38. С. 170; Детская болезнь «левизны» в коммунизме // Там же. Т. 41. С. 30, 32; Сталин И.В. Соч. Т. 4. С. 37, 366.

²⁹¹ СУ РСФСР. 1919. № 53. Ст. 508.

ревкомы формировались реввоенсоветах армий и фронтов, возникали раздоры между гражданскими и военными ведомствами вокруг прав и обязанностей, личного предводительства и т.п.

Ревкомы на Северном Кавказе создавались в ходе завершения гражданской войны, по мере разгрома сил белого движения Юга. 14 декабря 1919 г. ЦК РКП(б) постановил создать Кавказский ревком под руководством Г.К. Орджоникидзе (председателя) и П.Г. Мдивани (заместителя председателя)²⁹². По предложению И.В. Сталина этот орган 31 декабря 1919 г. был преобразован в Бюро по восстановлению Советской власти на Северном Кавказе (П.Г. Мдивани сменил на его посту С.М. Киров)²⁹³. В областях и губерниях создаются временные чрезвычайные органы: Донской исполком Советов (председатель – А.А. Знаменский), Кубано-Черноморский (Я.А. Полуян), Терский (А.М. Коробкин) и Ставропольский (И. Сергунин, вскоре – С.П. Петренко) ревкомы²⁹⁴. 31 марта 1920 г. Реввоенсовет Кавказского фронта образовал Северо-Кавказский ревком под председательством Г.К. Орджоникидзе²⁹⁵. Однако опыт работы этих органов выявил необходимость сосредоточить власть в Совете трудовой армии (СТА) Юго-Востока России, о чём С.М. Киров сообщил Совнаркому²⁹⁶. 22 июня 1920 г. СНК по докладу А.И. Рыкова распустил краевой ревком и возложил его задачи на СТА под председательством А.Г. Белобородова²⁹⁷.

В первые месяцы правления на Северном Кавказе ревкомы вели себя осторожно, что диктовалось неизученностью

²⁹² РГАСПИ. Ф. 80. Оп. 3. Д. 37. Л. 4–5; Оп. 4. Д. 9. Л. 14, 17.

²⁹³ Красный воин. 1920. 31 янв.

²⁹⁴ Филипп Миронов: Тихий Дон в 1917–1921 гг. / отв. сост. В.П. Данилов, Н.С. Тархова. М., 1997. С. 487; Бугай Н.Ф. Чрезвычайные органы Советской власти: ревкомы. 1918–1921 гг. М., 1990. С. 308–309; ГАСК. Ф. Р-100. Оп. 1. Д. 37. Л. 4.

²⁹⁵ Борьба за Советскую власть на Кубани в 1917–1920 гг. Краснодар, 1957. С. 374.

²⁹⁶ РГАСПИ. Ф. 19. Оп. 1. Д. 371. Л. 63–64; Ф. 17. Оп. 65. Д. 445. Л. 87.

²⁹⁷ Декреты Советской власти. М., 1978. Т. IX. С. 348–349; М., 1980. Т. X. С. 74.

обстановки и слабостью кадрового состава. На заседании Кубано-Черноморского облисполкома 5 февраля 1921 г. его председатель Я.В. Полуян признал: «Первый, так называемый «организационный» период пришелся на апрель – май [1920 г.] и отличался удивительной мягкостью»²⁹⁸. А.В. Голубев считал, что «смягченные формы политики» углубляли нейтрализацию массовых настроений, а не создавали причин для коренных противоречий»²⁹⁹. Не случайно советские публицисты 1920-х гг. осуждали «власть первых ревкомов» как компромиссную. Так, на Тереке весной 1920 г. сохранялась свободная торговля продовольствием. Были отменены контрибуция в отношении буржуазии и смертная казнь³⁰⁰. Часто в волостные ревкомы и советы Ставрополя избирались кулаки и торговцы, что типично и для всех областей Кавказа³⁰¹. Особый отдел ВЧК сообщал В.И. Ленину в обзоре положения Северного Кавказа от 8 апреля 1920 г. о неработоспособных ревкомах Кубани, где «засели» офицеры и кулаки. Начальник Особого отдела Кавказского фронта К.И. Ландер предлагал ЦК подвергнуть чистке станичные органы, на что получил резолюцию В.И. Ленина: распустить эти ревкомы³⁰².

Северо-Кавказский революционный комитет, ревкомы областей и автономий на деле являлись органами исполнительной и законодательной власти одновременно. Они назначались парткомами РКП(б) и подчинялись им. На первых порах обладали значительной самостоятельностью от гражданских властей командование Кавказского фронта и Северо-Кавказского военного округа, Особые отделы воинских частей и органы ЧК. Они, располагая более квалифицированным кадровым составом, зачастую брали на себя почин массовых репрессий. Переход от

²⁹⁸ ГАРФ. Ф. Р-130. Оп. 5. Д. 501. Л. 6об.

²⁹⁹ Голубев А.В. Врангелевские десанты на Кубани. Август – сентябрь 1920 года. М., 1929. С. 24–25.

³⁰⁰ История революционного движения на Тереке: Сборник статей, воспоминаний и материалов. Пятигорск, 1924. № 1. С. 67, 68, 73.

³⁰¹ ГАСК. Ф. Р-100. Оп. 1. Д. 4. Л. 14–15; ЦДНИКК. Ф. 2815. Оп. 1. Д. 102. Л. 2.

³⁰² ГАРФ. Ф. 130. Оп. 4. Д. 391. Л. 2об; РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 12. Д. 203. Л. 51.

ревкомов как чрезвычайных органов управления к конституционной системе выборных Советов всячески затягивался. Впрочем, неудобный состав ревкома или Совета можно было в любой момент сменить, ссылаясь на «контрреволюцию» в его действиях. Советская власть оказалась прикрытием для диктатуры партийно-государственной элиты.

Большевики искусно использовали для разгрома А.И. Деникина автономистские движения казаков и горцев. Они проводили широкомасштабную и на первых порах успешную пропаганду, дабы разоружить казачество, лишить его военного и интеллектуального руководства.

В связи с противоборством тенденций в органах власти важна оценка I Всероссийского съезда трудовых казаков (конец февраля 1920 г.). Его созыв был следствием поворота в тактике РКП(б), совершенного осенью 1919 г. и закрепленного в тезисах Л.Д. Троцкого «О работе на Дону». 28 декабря 1919 г. Троцкий дал телеграмму Реввоенсоветам фронтов: «Задача съезда – углубить политику раскола в казачестве. Для этого съезд должен получить характер широкой манифестации»³⁰³. Проекты резолюций утверждались Оргбюро ЦК РКП(б), редактировались Л.Б. Каменевым и Д.В. Полуяном³⁰⁴. В резолюциях съезд признал советскую власть и запрет частной собственности на землю. Утверждалось: «казачество отнюдь не является особой народностью или нацией, а составляет неотъемлемую от остальной Советской России часть русского народа». Но из этого верного тезиса делался выгодный для РКП(б) вывод о недопустимости казачьего самоуправления. На бывшие казачьи области была распространена без изменений система Советов. Даже дозволенные казачьи секции при облисполкомах должны

³⁰³ ГАКК. Ф. Р-158. Оп. 1. Д. 6. Л. 3–5; Д. 116. Л. 276; Присяжный Н.С. Первая Конная армия на польском фронте в 1920 году. Ростов н/Д, 1992.

³⁰⁴ Деятельность Центрального комитета партии в документах // Изв. ЦК КПСС. 1990. № 9. С. 143.

были создаваться только как информационно-справочные и агитационные, а не властные органы³⁰⁵.

Правовой основой государственного устройства на Юге России стал декрет СНК «О строительстве советской власти в казачьих областях» от 25 марта 1920 г., цели которого определялись как сплочение трудовых классов и единство организации власти во всей республике. Запрещалось создавать отдельные казачьи советы, дано обещание срочно преобразовать ревкомы в советы. В местах сплошного проживания казаков границы имел право менять только Всероссийский съезд Советов, а в анклавах – СНК³⁰⁶.

Максимум допущенных уступок РКП(б) казачеству весной 1920 г. – проведение съезда трудовых казаков Сунженской линии (Грозный, 27 марта) и Терского областного казачьего совещания (Пятигорск, 27 апреля). Состоялся I съезд рабочих, трудовых казаков, крестьян и горцев Кубано-Черноморской области 20–24 мая. Состав делегатов определялся в органах РКП(б) и ВЧК, сами съезды были пропагандистскими. Так, съезд в Екатеринодаре в резолюциях по докладам А.И. Рыкова, А.Г. Белобородова и Д.В. Полуяна отверг автономию казачьих областей³⁰⁷. Те же решения Всероссийского съезда, которые действительно отразили в смягченной и просительной форме требования казачества, – запрет перекройки территорий со сплошным казачьим населением и осуждение незаконных поборов РККА, – остались на бумаге. Более того, партийные работники, особенно на Дону, сопротивлялись даже столь безобидно-пропагандистскому заигрыванию с казачеством. Так, в Донской области съезд казаков и соответствующие секции не создавались, а инструкторы

³⁰⁵ Постановления и резолюции Первого Всероссийского съезда трудового казачества. М., 1920. С. 16–21; Голос трудового казачества. 1920. № 4. С. 7.

³⁰⁶ СУ РСФСР. 1920. № 24. Ст. 117.

³⁰⁷ Революционные комитеты Терской области в борьбе за восстановление и упрочение Советской власти. Сухуми, 1971. С. 163; История революционного движения... С. 71; Красное знамя. 1920. 26–27 мая.

Казачьего отдела ВЦИК были возвращены в Москву³⁰⁸. Это связано с выступлением секретаря Донкома РКП(б) С.И. Сырцова на заседании коммунистической фракции Всероссийского съезда, где он выступил за роспуск Казачьего отдела ВЦИК и секций: «Не кроется ли тут опять какой-нибудь план заговора против Советской республики?»³⁰⁹

Само сохранение казачества – многочисленной социальной группы, имеющей навыки профессионального воинства, препятствовало всевластию РКП(б). Поэтому подавляющее большинство коммунистов именовало казаков «пережитком крепостничества» и «строго замкнутым классом-кастой»³¹⁰. Они видели выход в ускоренной «нивелировке» сословий. Безграмотные и предвзятые оценки казачества усугубляли разрыв.

Надежды на примирение не оправдались, поскольку логика выживания диктовала РКП(б): наращивать принуждение любой ценой, централизовать управление, лишить всех возможных противников способности сопротивляться. В июне–июле 1920 г. меры «военного коммунизма» в крае ужесточаются из-за хозяйственного кризиса, успехов Русской армии П.Н. Врангеля и польской армии. Тарифные ставки рабочих снижены в 20 раз, до общероссийского уровня. Аннулированы без возмещения денежные знаки 1918–1920 гг. выпуска, сокращён хлебный паек, запрещён найм рабочей силы. Внедрялся принудительный труд беженцев, «паразитических элементов станиц» и «антисоветски настроенных» лиц. Взвинчивается уровень продразверстки³¹¹. 10 июля президиум Северо-Кавказского ревкома одобрил

³⁰⁸ Постановления и резолюции... С. 28, 30; ЦДНИРО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 11. Л. 36.

³⁰⁹ Ульянов И.И. Казаки и Советская республика. М.; Л., 1929. С. 105–106, 110, 129.

³¹⁰ ЦДНИРО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 3. Л. 6 об–15, 20, 21.

³¹¹ Красное знамя. 1920. 5, 6 июля; Революционные комитеты Терской области в борьбе за восстановление и упрочение Советской власти (октябрь 1919 – август 1920 гг.): сб. документов и материалов / сост. О.А. Кобахидзе. Сухуми, 1971. С. 260–261.

создание горских воинских частей ввиду нехватки сил и казачьих восстаний на Кубани и Тереке³¹².

Несмотря на постановление Совета рабоче-крестьянской обороны РСФСР от 2 января 1920 г. об упразднении губернских и уездных ревкомов, руководители Северного Кавказа не спешили с переходом к выборной власти, оправдываясь сложной обстановкой. 27 апреля 1920 г. краевой ревком предписал: в областях и губерниях не форсировать переход к советской власти, в каждом отдельном случае просить на это санкции³¹³.

Опыт выборов, проходивших в местностях края за 1920–1921 гг., подтверждает нарушения законности и подтасовку итогов в пользу правящей партии. На Кубани выборы были разрешены президиумом Кавбюро ЦК РКП(б) только 17 октября: «Допустить частичную советизацию в наиболее благоприятных отделах Кубани с постепенным переходом к полной советизации». I областной съезд Советов прошел 6 января 1921 г. Он состоял только из сторонников большевизма, иные партии к предвыборной борьбе не допускались³¹⁴.

По мере упрочения власти совершался поиск и отбор оптимальных учреждений государственного строя. Упразднялись декоративно-агитационные структуры, призванные на первых порах закреплять доверие граждан и направлять недовольство в мирное русло. Эта закономерность видна на примере казачьих секций и беспартийных конференций.

ВЦИК распорядился создать казачьи секции в составе отделов управления облисполкомов либо облревкомов 8 июня 1920 г. Задачи секций определялись в циркуляре НКВД РСФСР № 12973 от 14 июля – вести «широкую политическую работу среди казаков»³¹⁵. Но на территории Юга России секции создавались только в Кубано-Черноморской области, запоздало и

³¹² Исрапилов А.К.-М. Северо-Кавказский ревком и его роль в установлении и упрочении Советской власти в национальных районах Северного Кавказа // Изв. Сев.-Кав. науч. центра высш. шк. 1975. № 4. С. 64.

³¹³ Революционные комитеты... С. 371; СУ РСФСР. 1920. № 4. Ст. 5.

³¹⁴ РГАСПИ. Ф. 64. Оп. 1. Д. 1. Л. 10, 15; ГАКК. Ф. Р-102. Оп. 1. Д. 152. Л. 100.

³¹⁵ Декреты Советской власти. Т. IX. С. 205–206.

с подменной функций. 5 августа Кубано-Черноморский обком РКП(б), а 9 августа – областной ревком образовали «особую комиссию по борьбе с бело-зелеными» повстанцами. Председателем комиссии назначен М.П. Пилюк, членами – П.А. Савицкий, Л.З. Федоренко, Рябовол и представитель политотдела 9-й армии И. Мануйлов. Почти весь состав – из бывших членов Кубанской рады, эсеров, восставших в конце 1919 г. против Деникина и перешедших на сторону советской власти³¹⁶. После уничтожения врангелевских десантов (6 сентября 1920 г.) комиссия преобразована в казачью секцию при отделе управления областного ревкома. Председателем стал Н.И. Шевченко (большевик), членами – радовцы Пилюк, Савицкий и Федоренко³¹⁷.

Судя по докладу № 2 о деятельности комиссии, к 9 ноября она ведала призывом казаков-добровольцев в РККА (обеспечила отправку на фронты 1960 чел.), уговорила сложить оружие и проверила 2078 пленных повстанцев и 491 дезертира. Члены комиссии были, пожалуй, единственными из чиновников, кто без репрессий объяснял в доступной форме цели советской власти; кто уговаривал выполнять prodrazverstku и просил другие учреждения о снисходительности к казакам³¹⁸. Например, Л. Федоренко свидетельствовал о сдаче повстанцев в Горячем Ключе: «казаки определённо заявляли, что винтовки и седла они сдают только потому, что к ним приехали «свои люди» – казаки, которых они знают и которым верят». Жители ст. Келермесской говорили, что в первый раз слышат мирные призывы, а раньше им только угрожали³¹⁹. Показательны выводы членов секции по итогам поездок на места. «Причины зеленоармейства в большинстве случаев везде однородны: Неуместный и неосновательный [так в тексте. – А.Б.] террор со стороны властей, не умеющих подойти к населению»; постоянные военные поборы; личная месть. Отношение органов РККА к комиссии «более чем

³¹⁶ ЦДНИКК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 7. Л. 105; ГАКК. Ф. Р-158. Оп. 1. Д. 10. Л. 5.

³¹⁷ ГАКК. Ф. Р-158. Оп. 1. Д. 160. Л. 224–225; Д. 69. Л. 1.

³¹⁸ Там же. Ф. Р-102. Оп. 1. Д. 314. Л. 1–2.

³¹⁹ Там же. Д. 424. Л. 4, 16.

недоверчиво и высокомерно» как к пособнице банд. Секция, по мнению военных органов, должна превратиться в репрессивное ведомство – «дверку» Особого отдела»³²⁰.

Анализ сметы секции за август–декабрь 1920 г. показывает, что 68% средств шло на путевые расходы и подкуп информаторов о повстанцах и 10,7% – на оплату 30 секретных сотрудников, тогда как на агитационную литературу – 0,02% расходов. Члены казачьей секции предлагали областному ревкому: создать такие же структуры на местах; увеличить финансирование; передавать добровольно сдавшихся повстанцев в казачью секцию, а не под расстрел; широко оповестить население о задачах власти³²¹.

Итак, казачья секция и комиссия по борьбе с бело-зелеными были инородным телом в системе управления, так как они заступались за жертв репрессий. Ужесточение «военного коммунизма» осенью и зимой 1920 г. предрешило участь казачьих секций. Секретарь ЦК РКП(б) Н.Н. Крестинский отверг на IX Всероссийской партконференции предложение Д.В. Полуяна создать казачьи отделы в парткомах всех уровней. Более того, Н.Н. Крестинский счел функции отдела ВЦИК исчерпанными и потребовал упразднить его³²². Ликвидация Казачьего отдела ВЦИК и секций ревкомов проводилась вопреки желанию их сотрудников, боровшихся за смягчение курса³²³. 21 декабря 1920 г. совещание Казачьего отдела с участием делегатов областей на VIII Всероссийском съезде советов после долгих споров решило упразднить отдел и секции. 42 человека голосовали «за», 17 – «против», 19 – воздержались³²⁴. Резолюция, принятая на основе проекта Д.В. Полуяна, обосновывала решение тем, что

³²⁰ ГАКК. Ф. Р-102. Оп. 1. Д. 424. Л. 4, 16.

³²¹ Там же. Д. 424. Л. 5–6, 16об; Ф. Р-649. Оп. 1. Д. 53. Л. 34; Ф. Р-158. Оп. 1. Д. 137. Л. 191–193.

³²² Девятая конференция РКП(б). Сентябрь 1920 года. Протоколы. М., 1972. С. 115, 138, 116.

³²³ Тарасов. Казачий отдел в прошлом и теперь // Голос трудового казачества. 1920. № 16. С. 8–9; Ружейников И. 8-й съезд Советов и казачьи области // Там же. № 17. 10 дек. С. 10; ГАРФ. Ф. Р-1235. Оп. 84. Д. 15. Л. 436–437; ЦДНИРО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 14. Л. 63.

³²⁴ Ульянов И.И. Указ. соч. С. 145–146.

слияние «трудового казачества с рабочими и крестьянами подходит к концу» и данные органы становятся лишними. Доводы оппонентов об отсутствии единства мнений в ЦК РКП (б), о нерешенности казачьего вопроса не были учтены³²⁵. 12 января 1921 г. пленум ЦК упразднил Казачий отдел, а 20 января решение узаконил Президиум ВЦИК Советов³²⁶.

Если сторонники жёсткого курса в Москве обосновывали роспуск агитационных органов их излишеством, то областные власти уже не смущались называть казачьи секции «контрреволюционными» защитниками повстанцев. Показательно, что «нивелировка сословий» стала аргументом для роспуска казачьей секции Кубано-Черноморского ревкома, но горская секция сохранилась³²⁷. В феврале кандидат в члены облисполкома, фактический руководитель казачьей секции М.П. Пилюк вместе с П.А. Савицким перешли на сторону «белозеленых» повстанцев и создали в горах близ Горячего Ключа подпольное правительство. Пилюк возглавил политический отдел Кубанской повстанческой армии, а Савицкий стал идеологом движения³²⁸. Таким образом, политика нетерпимости оттолкнула от Советской власти колеблющиеся слои казачества, привела к эскалации насильственного конфликта.

Другой формой расширения общественной поддержки власти в начале 1920-х гг. были беспартийные конференции. Они представляли все слои населения и первоначально обсуждали широкий круг общеполитических вопросов. В.И. Ленин в 1920 г. высоко оценивал их и определял как канал связи с массами, созданные, дабы «следить за настроением масс, сближаться с ними, отвечать на их запросы, выдвигать из них лучших работников на государственные должности и т.д.»³²⁹. На Юге

³²⁵ Там же; ГАРФ. Ф. Р-1235. Оп. 84. Д. 4. Л. 114–116.

³²⁶ Воскобойников Г.Л., Прилепский Д.К. Казачество и социализм. Исторические очерки. Ростов н/Д, 1986. С. 135–136.

³²⁷ ЦДНИКК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 92. Л. 1; Бюллетень второго Кубано-Черноморского съезда Советов. Краснодар, 1921. С. 9.

³²⁸ ГАКК. Ф. Р-382. Оп. 1. Д. 247. Л. 7; РГВА. Ф. 192. Оп. 1. Д. 1. Л. 13.

³²⁹ Ленин В.И. Детская болезнь «левизны» в коммунизме... С. 32–33.

России добавлялись местные мотивы («разрядить обстановку в станицах»³³⁰).

На деле беспартийные конференции часто выражали запросы крестьян. Так, уполномоченный Ставропольской губЧК Лесницкий докладывал в июне 1920 г., что жители с. Крым-Гиреевское, Султан, Канглы, Нагуты запрещали выступать агентам власти и разгоняли местные ревкомы, отказывались выполнять повинности³³¹. Это стало возможным ввиду состава местных ревкомов и советов, которые (судя по докладу Ставропольского губкома) состояли «преимущественно из кулаков, не признающих ни Коммунистической партии, ни центральной власти»³³². В итоге была проведена чистка состава Советов. В.И. Ленин заявил в апреле 1921 г.: «нам не до игры в “оппозиции” на “конференциях”, а меньшевикам и эсерам место в тюрьме». Установлены жёсткие правила беспартийных конференций. Крестьяне пришли к убеждению, что спорить бесполезно и любая критика властей чревата наказанием. С этих пор конференции проводились только в связи с текущими сельскохозяйственными и бытовыми нуждами, принимали чаще всего заранее заготовленные проекты решений в пользу власти.

В 1920-х гг. органы государства активно создавали новые территориальные общности, ломая привычное политическое пространство. В связи с этим возник вопрос административных границ на Северном Кавказе, игравших роль маркера общественной жизни и идентичности народов, языковых групп, конфессий. Существовало противоречие между территориальными общностями: аграрно-рыночными, модернизируемыми русскими областями и патриархально-традиционными горскими местностями.

Логичным проявлением курса на ужесточение «военного коммунизма» стала административно-территориальная реформа 1920–1922 гг., передавшая ряд местностей сплошного проживания русских автономиям. Горцы наделялись землей за счет казаков,

³³⁰ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 4. Д. 312. Л. 62.

³³¹ ГАСК. Ф. Р-100. Оп. 1. Д. 48. Л. 65; Р-163. Оп. 1. Д. 138. Л. 7об.

³³² РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 13. Д. 988. Л. 26.

чем создавалась основа последовавших конфликтов. Ещё 7 апреля 1920 г. Г.К. Орджоникидзе и С.М. Киров приказали передать ингушам ст. Сунженскую и Тарскую, наказав казаков за восстание 1918 г.³³³ 27 апреля С.М. Киров в докладе Северо-Кавказскому ревкому потребовал положить «земельный вопрос в основу всей политики, не останавливаясь ни перед чем, даже если бы пришлось очистить всю притеречную область для Чечни и Ингушетии»³³⁴.

Хотя в конце июня 1920 г. В.И. Ленин осудил эти действия и потребовал приостановить принудительное выселение станиц, Г.К. Орджоникидзе продолжал свой курс³³⁵. В разгар казачьих восстаний июля 1920 г. Особый отдел Кавказской трудовой армии предупредил жителей Терской области о грядущем разорении и уничтожении станиц, «замешанных в борьбе против Соввласти»³³⁶. В начале сентября Г.К. Орджоникидзе подписал приказ РВС Кавказского фронта о выселении на северный берег Терека ст. Калиновской, Самашкинской, Ермоловской, Закан-Юртовской (Романовской), Михайловской и Ассиновской. На месте руководил выселением представитель Кавказской трудармии при Чеченском ревкоме И.Я. Врачёв³³⁷. Репрессии получили одобрение Кавбюро ЦК РКП(б) в постановлении от 6 сентября: «Принять меры к наделению землей в первую очередь малоземельных чеченцев, затем балкарцев, осетин и др.» В итоге 10 станиц образовали единое пространство между Сунжей и Терекком, переданное Чечне и Ингушетии. 2 станицы были переданы Остинскому округу, 2 – Дигорскому, 3 – Кабардинской области.

Повсеместные восстания и борьба против врангелевских десантов вызвали ужесточение курса центральной власти осенью 1920 г. На время разногласия между В.И. Лениным и краевым руководством стерлись. Усилилось недоверие к казачеству. В 1920–1921 гг. были осуществлены замыслы Донского комитета РКП(б) – расчленив область, передав казацьи округа Украине и

³³³ Апанасенко А.Т. Указ. соч. С. 123.

³³⁴ ЦДНИРО. Ф. 1966. Оп. 1. Д. 6. Л. 6.

³³⁵ В.И. Ленин. Биограф. хроника. М., 1978. Т. 9. С. 54.

³³⁶ Революционные комитеты... С. 156–157.

³³⁷ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 8. Д. 182. Л. 96; Ф. 85. Оп. 11. Д. 129. Л. 1–2.

Царицынской губернии. Бывший меньшевик Д.Ф. Сверчков предлагал Совнаркому «изолировать кубанских и донских казаков» и усилить нажим на них, для чего создать Ростовскую губернию в противовес «гнезду белогвардейщины»³³⁸. 14 сентября члены Политбюро ЦК одобрили по докладам И.В. Сталина и М.И. Фрумкина решение Кавбюро. Спустя месяц принят ленинский проект постановления, признающий «возвращение горцам Северного Кавказа земель, отнятых у них великорусами, за счет кулацкой части казачьего населения»³³⁹. Поэтому декларативно выглядит доклад И.В. Сталина на съезде народов Терской области 17 ноября 1920 г., в котором каждому народу, «а также... оставшимся на автономной горской территории казакам» обещан свой национальный Совет, управляющий делами соответствующих «народов применительно к быту и особенностям»³⁴⁰. На деле именно осенью–зимой 1920 г. шел наиболее жестокий слом устоев территориальной и административной системы края, причём С.М. Киров и Г.К. Орджоникидзе подхлестывали военных в выселении станиц³⁴¹.

Действия по ликвидации Сунженской линии были приостановлены только после многократных жалоб местных сторонников советской власти и Казачьего отдела ВЦИК. На Терек была направлена в декабре 1920 г. комиссия ВЦИК. Ее деятельность раскрыта в работах Я.А. Перехова и С.А. Кислицына, А.П. Ермолина³⁴². Поэтому ограничимся оценкой малоизученных

³³⁸ РГАСПИ. Ф. 64. Оп. 1. Д. 1. Л. 3.

³³⁹ Деятельность Центрального Комитета партии в документах // Изв. ЦК КПСС. 1991. № 3. С. 164; Ленин В.И. Проект постановления Политбюро ЦК РКП(б) по вопросу о задачах РКП(б) в местностях, населённых восточными народами // Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 41. С. 342.

³⁴⁰ Сталин И.В. Соч. Т. 4. С. 399–400.

³⁴¹ РГАСПИ. Ф. 85. Оп. 11. Д. 131. Л. 11–14; Д. 123. Л. 10; Ф. 80. Оп. 4. Д. 109. Л. 1.

³⁴² Кислицын С.А., Перехов Я.А. Северо-Кавказская партийная организация в борьбе за решение казачьего вопроса на Тереке в первой половине 20-х годов // Изв. Сев.-Кав. науч. центра высш. школы. Обществ. науки. 1989. № 1. С. 104–112; Перехов Я.А. Власть и казачество: поиск

аспектов и событий 20 января 1921 г. Президиум ВЦИК по докладу комиссии разрешил станицам Горской АССР с преобладанием русских жителей иметь исполкомы Советов, непосредственно подчиненные ЦИК и СНК ГАСССР³⁴³. До выборов создавался Казачий (Сунженский) отдельский ревком, ведавший делами всех станиц линии.

Президиум ВЦИК приостановил 27 января 1921 г. выселение казаков из Горской АССР и создал смешанную (русско-горскую) комиссию во главе с В.И. Невским. 18 февраля комиссия прибыла во Владикавказ и заставила С.М. Кирова выполнить решение ВЦИК. Но комиссия раскололась по этническому признаку и представила противоположные выводы от русской и горской групп. На наш взгляд, наиболее трезвые предложения даны в докладе В.И. Невского: обойтись без выселения и «уплотнить» станицы желающими заселиться горцами; разоружить обе стороны и создать смешанную милицию; вернуться к строго классовому определению вины повстанцев; наделять землей уравнительно вне сословий³⁴⁴. 14 апреля 1921 г. ВЦИК постановил прекратить выселение казаков; «удовлетворить земельную нужду горцев путем уплотнения казачьих станиц Горской республики в порядке соглашения между казачьими исполкомами и исполкомами горцев...»³⁴⁵

Проведение в жизнь компромиссной линии вызвало яростное сопротивление руководства Горской АССР и затяжные конфликты. Сохранялось политическое недоверие власти казакам – бывшим повстанцам. Как выяснил Н.Ф. Бугай, 17 мая 1921 г. наркомат по делам национальностей РСФСР постановил полностью прекратить возврат в Горскую АССР выселенных казаков, а СНК автономии угрожал оставшимся казакам репрессиями за помощь землякам в обустройстве³⁴⁶.

согласия (1920–1926 гг.). Ростов н/Д, 11997. С. 23–26; Ермолин А.П. Революция и казачество. М., 1982. С. 201.

³⁴³ Восстановительный период в Северной Осетии 1921–1925 гг. Орджоникидзе, 1965. С. 22–23.

³⁴⁴ РГАСПИ. Ф. 65. Оп. 1. Д. 69. Л. 1; Ф. 17. Оп. 65. Д. 296. Л. 81, 85.

³⁴⁵ Восстановительный период в Северной Осетии... С. 38.

³⁴⁶ Бугай Н.Ф. 20–40-е годы... С. 39.

В конце 1921 г. обсуждался вопрос о создании Карачаево-Черкесской автономной области. Русским крестьянам и казакам обещали учесть их мнение о недопустимости перекройки границ. На деле же интересы русских были ущемлены. 12 января 1922 г. ВЦИК РСФСР создал Карачаево-Черкесскую АО с центром в ст. Баталшинской. Из 163 тыс. чел. в 1925 г. ее населяли 71 930 русских (44,1%), 50 740 карачаевцев (31,1%), 14 290 абазин (8,8%), 13 965 черкесов (8,6%) и другие народы. Организационных форм защиты русских не было создано³⁴⁷.

Жители Сунженской линии неоднократно просили ВЦИК «объединить всё русское население 15 станиц по их желанию в один Сунженский округ..., создав из Грозненского промыслового и Сунженского земледельческого округов единый промышленный район, как самостоятельный округ или губернию»³⁴⁸. Такое же решение принял съезд казаков в ст. Слепцовой, но только весной 1922 г. прошли выборы в Сунженский отдельский совет, где русские получили 146 мест и другие народы – 16 мест³⁴⁹.

Вскоре воссоздаётся система ревкомов в Чечне и Ингушетии, что вновь ущемило права русских поселенцев и лишило их даже ограниченного самоуправления.

Подводя итоги национально-территориальному размежеванию 1920–1922 гг., следует указать на пагубность курса односторонней поддержки горцев, что подрывало традиционные опоры российской государственности на Кавказе. Позже А.И. Микоян признавал, что «до 25-го года особого внимания этому вопросу не уделялось. Русские меньшинства, преимущественно казаки, в составе автономных областей не были организованы, и не было никаких юридических норм по защите их интересов»³⁵⁰. Горская АССР и Адыгее-Черкесская АО обрели земельный клин в 687,6 тыс. дес. В пределах автономий оказались 110 435 русских, составлявших 17,15% населения Горской АССР

³⁴⁷ Очерки истории Карачаево-Черкессии. Черкесск, 1972. Т. 2. С. 89.

³⁴⁸ Противостояние // Источник. 1993. № 3–4. С. 139.

³⁴⁹ ГАРФ. Ф. Р-1318. Оп. 1. Д. 179. Л. 132; РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 16. Д. 916. Л. 62.

³⁵⁰ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 67. Д. 172. Л. 73.

и абсолютное большинство её городских жителей³⁵¹. Политические настроения этого меньшинства оставались враждебными власти.

Переход от системы ревкомов к выборным советам затянулся в русских областях Юга России до конца 1921 г., что зависело от местной политической и военной обстановки. В первую очередь «советизировались» крупные города, прочно контролируемые властью, а также областное звено управления.

Важнейшим вопросом обеспечения этнического представительства народов Северного Кавказа в органах власти (1920–1922 гг.) являлось создание территориальных автономий, закрепление их статуса и урегулирование пограничных споров. 13 ноября 1920 г. чрезвычайный съезд Советов Дагестана провозгласил создание Дагестанской АССР. Второй съезд народов Терека 17 ноября 1920 г. объявил о создании Горской АССР. Эти решения были узаконены 20 января 1921 г. декретами ВЦИК Советов РСФСР. Политбюро ЦК РКП(б) и Кавказское бюро ЦК осознанно пошли на создание полиэтничных крупных автономий, поскольку на данном этапе советская система была весьма слабой и не располагала подготовленными кадрами управления на этнической периферии. Автономии Северного Кавказа рассматривались как плацдарм будущей мировой революции в странах Востока. Напротив, казачество было объявлено «народом-помещиком», орудием «русского империализма»³⁵², что сделало неизбежной передачу Хасавюртовского и Кизлярского округов от Терской области к Дагестанской АССР, а земель сунженских казаков – к Чеченской, Ингушской и Северо-Осетинской автономным областям³⁵³.

³⁵¹ Подсчит. по: Бугай Н.Ф. Чрезвычайные органы Советской власти... С. 167; Статистический ежегодник 1921 г. М., 1922. Вып 1. С. 56–57.

³⁵² Сталин И.В. К военному положению на Юге // Сталин И.В. Сочинения. М., 1947. Т. 4. С. 282–291; Ленин В.И. Аграрная программа русской социал-демократии // Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 6. С. 311.

³⁵³ Баранов А.В. Влияние этнотерриториального районирования 1920-х гг. на русское население Терской области // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2015. № 11 (61). Часть 1. С. 25–29.

С учётом того, что представительство автономных республик, областей и губерний Юго-Востока России во ВЦИК Советов РСФСР формально (делегатами Всероссийских съездов Советов и членами ВЦИК становились только лояльные центральной власти местные большевики), большое значение приобретало участие представителей административных единиц в Юго-Восточном бюро ЦК РКП(б) и Экономическом совете Юго-Востока России.

В данном аспекте весьма важен доклад полномочного представителя Народного комиссариата земледелия РСФСР на Кавказе А.А. Пономарёва наркомму земледелия С.П. Серее от 7 сентября 1920 г. Он описывает состояние органов власти с мая по август 1920 г. Утверждённого центральной властью положения о Северо-Кавказском ревкоме не было. Вся работа велась тремя членами ревкома, а с отъездом Г.К. Орджоникидзе на работу в Москву работа ещё более затруднилась. Пономарёв эмоционально описывает «кризис власти на Северном Кавказе», «комиссародержавие» и забвение интересов крестьянства. На совещании о землеустройстве 28 мая член ревкома С.И. Габиев подчёркивал, что «Советская власть на Северном Кавказе может опираться только на горцев»³⁵⁴, землеустройство которых должно проводиться за счёт казачества, вплоть до выселения станиц. Этот радикальный курс опирался на телеграмму Г.К. Орджоникидзе В.И. Ленину от 2 апреля 1920 г., в которой предлагалось разрешить вопрос о земле для горцев за неделю. Но при этом никакого делопроизводства по землеустройству горцев Северо-Кавказский ревком не вёл, члены Кавказского бюро ЦК РКП(б) тоже слабо разбирались в сельском хозяйстве региона. Поэтому выступление А.А. Пономарёва на совещании с противоположной точкой зрения об «уступчивой политике центра в отношении окраинных крестьян и казаков» вызвало бурю негодования членов совещания³⁵⁵. Пономарёв завершал свой доклад выводом: «Близоруко и негосударственно, утопично думать, что достаточно путём подачек привлечь к себе какую-либо общественную группу

³⁵⁴ ГАРО. Ф. Р-3758. Оп. 1. Д. 68. Л. 46–47, 51 об.

³⁵⁵ ГАРО. Ф. Р-3758. Оп. 1. Д. 68. Л. 46 об–47.

окраинного населения, чтобы... насаждать советскую государственность». Такой метод означает длительную скрытую гражданскую войну³⁵⁶. Однако предложения А.А. Пономарёва, как и других умеренных большевиков, – И.А. Невского, Ф.А. Дорошева, Н.А. Носова были отвергнуты членами Кавбюро ЦК РКП(б) и Революционным советом трудовой армии Юго-Востока России. Радикальный же курс привёл к мятежу терского казачества в октябре 1920 г. и, как следствие, к депортации жителей станиц Сунженской линии, передаче их земель и инвентаря горцам³⁵⁷.

Позже императив выселения русских из автономий и, шире, возмещения коллективной «исторической вины» за политику самодержавия будет постоянно звучать в сложных взаимоотношениях между Горской АССР и областями, губерниями, округами Юга России. Так, Карачаевская автономная область (АО) будет требовать передать ей г. Кисловодск, Кабардино-Балкарская – г. Пятигорск, Чеченская – г. Грозный, а Северная Осетия и Ингушетия соперничали за обладание г. Владикавказом. Во всех этих городах преобладало в 1920-х гг. славянское население.

Как выразился секретарь Юго-Восточного бюро ЦК РКП(б) А.И. Микоян на заседании бюро 29 июля 1922 г., «в Горской республике уездный аппарат Советов не существует, на первом плане – укрепление соваппарата, ГПУ, армии»³⁵⁸. 12 сентября 1922 г. Юго-Восточное бюро ЦК по докладу Н.Ф. Гикало и М.К. Левандовского создаёт специальную комиссию по вопросу о политическом положении Горской АССР и мерах его улучшения³⁵⁹. Одновременно обсуждались вопросы о положении Кабардинской и Карачаево-Черкесской автономных областей (АО). Были поставлены задачи квотного представительства народов в местных и областных органах управления, укрепления кооперативов и профсоюзов, проведения совместных заседаний

³⁵⁶ ГАРО. Ф. Р-3758. Оп. 1. Д. 68. Л. 57.

³⁵⁷ Жупикова Е.Ф. Повстанческое движение на Северном Кавказе в 1920–1925 гг. М., 2016. С. 85–103.

³⁵⁸ ЦДНИКК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 199. Л. 81.

³⁵⁹ ЦДНИКК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 199. Л. 11.

органов управления соседних автономий для урегулирования конфликтов. Разрешается переход от назначаемых революционных комитетов к выборным Советам, добровольная служба горцев в РККА и отрядах народной милиции, набор представителей народов Северного Кавказа в советско-партийную школу³⁶⁰.

Характерно и то, что краевой руководящий орган РКП(б) обычно становился на сторону автономий в случае возникновения разногласий с соседними областями. Так, 18 октября 1922 г. члены Юго-Восточного бюро ЦК по докладу Ш.-Г.У. Хакурате одобрили организацию Адыгейской (Черкесской) АО и создали комиссию для решения спорных вопросов с Кубано-Черноморской областью, в автономии была разрешена амнистия добровольно сдавшихся повстанцев³⁶¹. 9 апреля 1923 г. краевое бюро предложило Кубано-Черноморскому и Адыгейскому (Черкесскому) обкомам РКП(б) установить тесные отношения и координировать свою работу по линии организационных отделов. Предлагалось освободить партработников от мелочной опеки советского аппарата³⁶².

Как мы установили, уже в декабре 1920 г. ряд работников краевого Статистико-экономического бюро (Ф.Н. Литинский, В.Н. Смирнский и др.) предлагали провести районирование Северного Кавказа «по принципу экономической целесообразности», для чего создать межведомственную комиссию по изменению границ между административными единицами. В состав комиссии Ф.Н. Литинский предлагал включить представителей Ревсовтударма, уполномоченного ЦСУ, представителей наркоматов продовольствия и земледелия, а также профсоюзного центра. Пусть и в осторожной форме, но прозвучала оппозиционная мысль: в связи с образованием Горской АССР создать самостоятельную Казачью (Пятигорскую) область³⁶³.

Значительную роль в национальной политике РКП(б) на Северном Кавказе играли меры определения границ и статуса

³⁶⁰ ЦДНИКК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 199. Л. 13, 14 об, 20 об.

³⁶¹ Там же. Л. 29–31.

³⁶² ЦДНИКК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 290. Л. 42–42 об.

³⁶³ ГАРО. Ф. Р-3758. Оп. 1. Д. 68. Л. 229.

автономий. На протяжении 1922–1924 гг. многократно обсуждались вопросы образования новых автономных областей. В частности, 5 января 1923 г. Юго-Восточное бюро ЦК напрямую подчинило себе Чеченскую областную и Грозненскую окружную партийные организации, выведя их из подчинения Горского обкома РКП(б). Вследствие слабости партийных кадров в Чеченской АО было создано Чеченское Оргбюро РКП(б) с паритетным представительством национальностей³⁶⁴.

Неоднократно обсуждался статус Кизлярского округа, заселённого в основном русскими и ногайцами, тем не менее, переданного в 1922–1923 гг. из состава Терской губернии в Дагестанскую АССР. Как правило, местные и краевые инстанции выступали за возврат округа Северо-Кавказскому краю (1924–1926 гг.), но неизменно верх брала позиция ЦК РКП(б) в пользу Дагестана³⁶⁵. Земельный конфликт между Горской АССР и Кабардино-Балкарской АО был в июне 1923 г. передан в ведение выездной сессии особой коллегии высшего контроля по земельным спорам при ВЦИК РСФСР, причём краевым органам приходилось принимать к сторонам примирительные меры³⁶⁶. В сентябре 1923 г. дело дошло до столкновений отрядов самообороны конфликтующих автономий из-за с. Лескен, а на границе между Чечнёй и Дагестаном были созданы смешанные отряды пограничной охраны³⁶⁷. В декабре 1923 г. часть Северо-Осетинской парторганизации (в Дигории) выступила за автономию Осетии в рамках Горской АССР, что создало острый конфликт внутри ослабленной разделами республики³⁶⁸.

Одновременно краевые инстанции выступали против передачи г. Грозного либо его части в состав Чеченской АО, ограничиваясь отчислениями треста «Грознефть» в бюджет Чечни, и такая передача состоялась лишь в 1929 г. в новых условиях индустриализации. Постоянно обсуждался вопрос привлечения горцев на промышленные предприятия и в органы

³⁶⁴ ЦДНИКК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 290. Л. 1–1 об.

³⁶⁵ Там же. Л. 4 об.

³⁶⁶ Там же. Л. 71; ЦДНИКК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 291. Л. 8.

³⁶⁷ ЦДНИКК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 291. Л. 25, 28.

³⁶⁸ ЦДНИКК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 291. Л. 86.

милиции г. Грозного, что удавалось в далеко не полной мере³⁶⁹.

Вследствие завершения Гражданской войны и образования СССР перед партийно-государственной системой власти встали задачи переустройства административно-территориального деления страны. Решать задачи предлагалось на основе рационального размещения и планового развития производительных сил, экономического тяготения местностей³⁷⁰. Этнический фактор районирования отходил по мере развития НЭПа на второй план. В итоге XII съезд РКП(б) (апрель 1923 г.) постановил провести новое районирование страны с образованием укрупнённых краёв и областей.

11 мая 1923 г. Экономический совет Юго-Востока России образовал краевую комиссию по районированию под руководством Г.Н. Гурари с участием В.Н. Хромина, А.С. Аксамитного, Орлова и Алексеева. Комиссия должна была в двухнедельный срок предоставить в Госплан РСФСР подробное обоснование экономического профиля края, его разбивки на округа и структуры административных единиц (округов, разделённых на районы). Утвердить новую административно-территориальную сеть предполагалось на сессии ВЦИК РСФСР в июле 1923 г.³⁷¹

Комиссия по районированию Юго-Востока России на первом же заседании определила направления своей работы, в том числе – определение взаимоотношений русских областей с автономными республиками и областями (к этому времени от экономически неэффективной Горской АССР отделились Карачай, Кабардино-Балкария, Чечня в статусе автономных областей). Комиссия планировала в сжатые сроки изучить конституции Горской и Дагестанской АССР, изучить на местах районирование автономий, выработать проект создания национальных округов и их взаимоотношений с русскими областями³⁷².

³⁶⁹ ЦДНИКК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 291. Л. 71, 74.

³⁷⁰ Круглов В.Н. Организация территории России в 1917–2007 гг.: идеи, практика, результаты. М.; СПб., 2020. С. 43–100.

³⁷¹ ГАРО. Ф. Р-1390. Оп. 1. Д. 79. Л. 58–58 об.

³⁷² ГАРО. Ф. Р-1390. Оп. 1. Д. 79. Л. 59–59 об.

Представляет значительный интерес «Договор о правах областного (краевого) исполнительного комитета и национальных республик и областей Юго-Востока и об их взаимоотношениях», подготовленный краевой комиссией к середине августа 1923 г. Целями заключения договора в преамбуле документа объявлялись согласование интересов Юго-Восточной области и национальных объединений, гарантии прав и преимуществ этих объединений»³⁷³. Сторонами подписания договора указывались областной исполком, а также Горская и Дагестанская АССР, Адыгее-Черкесская, Карачаево-Черкесская, Кабардино-Балкарская, Северо-Осетинская, Ингушская и Чеченская АО.

В договоре детально перечислялись исключительные предметы ведения Юго-Восточного облисполкома, а также исключительные предметы ведения национальных объединений (АССР и АО). В том числе, Юго-Восточная область (ЮВО) решала все споры между автономными республиками, автономными областями и русскими областями. Для согласования интересов ЮВО и автономий предлагалось создать Национальный Совет по делам национальных республик и областей при облисполкоме. Его состав формировался бы по квоте: по 3 делегата от облисполкома, Дагестанской и Горской АССР, по 1 – от каждой АО. Председатель Национального Совета мог назначаться из его состава Президиумом Юго-Восточного облисполкома; такое должностное лицо входило бы в состав Президиума облисполкома. Предлагался следующий порядок принятия решений: облисполком передаёт свои важнейшие директивы автономным образованиям через Национальный Совет или уведомляет последний о решениях вышестоящих инстанций. По текущим вопросам сношения облисполкома с автономиями проводятся непосредственно. В случае несогласия органов власти автономий с решениями облисполкома возможно было обжалование таковых решений в Президиуме ВЦИК РСФСР и даже приостановка действия областных решений под судебную ответственность исполкомов автономий.

³⁷³ ГАРО. Ф. Р-1390. Оп. 1. Д. 79. Л. 89–91 об.

На наш взгляд, данный документ отразил максимум политических прав автономий в рамках раннего советского федерализма, по сути, сделав АССР и АО субъектами федеративных отношений на договорной основе. Но договор не был принят и не вступил в действие, поскольку области и автономии Юго-Востока России выдвинули в дискуссии взаимоисключающие проекты территориальной реформы. Так, Дагестанская АССР намеревалась выйти из состава РСФСР и вступить в Закавказскую СФСР, а когда это стало нереальным, добилась сохранения своего прямого подчинения всероссийским органам власти. Горская АССР весной 1924 г. распалась и была ликвидирована после переходного периода к сентябрю 1924 г. Её бывшие части стали автономными областями в составе Юго-Восточной области, вскоре переименованной в Северо-Кавказский край.

В первой половине 1924 г., судя по документам, активизируется деятельность Юго-Восточного бюро ЦК РКП(б) по руководству административно-территориальной реформой (районированием). Так, на заседании № 7 от 17 февраля 1924 г. члены краевого бюро предписали Краевому экономическому совету образовать комиссию по определению границ будущей Юго-Восточной области (в итоге переименованной в Северо-Кавказский край). Крайэкономсовету было поручено разработать план районирования, создав низовую территориальную сеть (округа) до октября 1924 г. Вопрос о статусе Горской АССР предполагалось оставить открытым до возвращения секретаря бюро ЦК А.И. Микояна из Москвы. В то же время, члены Юго-Восточного бюро ЦК настаивали на включении в состав будущего региона Дагестанской АССР, в том числе – Кизлярского и Ачикулакского районов, где народы Дагестана насчитывали не более 10% жителей³⁷⁴. Можно заключить, что границы Северо-Кавказского края были определены при деятельном участии руководителей региона: А.И. Микояна, Б.П. Позерна, Н.Б. Эйсмонта, В.Н. Хромина.

³⁷⁴ ЦДНИКК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 348. Л. 29.

Договорный порядок вхождения автономий в состав края был заменён на решения партийных и советских органов. АССР и АО получили квоту представительства в крайисполкоме в соответствии с «Положением о Юго-Востоке России», принятого ВЦИК РСФСР 13 февраля 1924 г. и утверждённого Госпланом РСФСР 10 июня 1924 г.³⁷⁵ Автономии не добились и права обжаловать решения областного (краевого) уровня власти в Президиуме ВЦИК. Границы национальных образований были пересмотрены в соответствии с реальным составом населения. В том числе, были образованы Владикавказский и Грозненский городские округа в прямом подчинении краю, что вывело русское большинство их населения из-под контроля горских автономий.

Национальный Совет при крайисполкоме Советов был создан в 1925 г., но с качественно более узкими функциями, нежели в проекте 1923 г. Национальный Совет решал теперь только вопросы развития этнической культуры: ликвидации неграмотности, развития национальной письменности и системы просвещения, социального обеспечения и т.п.

Территориальные споры между округами и автономиями передавались на рассмотрение паритетных комиссий под председательством представителей Президиума ВЦИК. Комиссии разбирали конфликты между Сунженским округом и Ингушской АО, г. Грозным и Чеченской АО. 26 ноября 1924 г. Национальная комиссия крайкома РКП(б) приняла решение наладить обмен делегациями между русскими округами и автономиями, направляя их на местные съезды Советов для упрочения мира между народами³⁷⁶. Отчасти эти меры снизили уровень конфликтности в пограничных районах.

Сунженский окружной комитет РКП(б) и окружной отдел ОГПУ подали 1 июля 1925 г. доклад о самозахватах земли, производимых Чеченской и Ингушской АО. Всего Чечня получила за 1920–1924 гг. 6700 дес., а Ингушетия – около 10 тыс. дес. При этом фактические границы значительно отличались от законных.

³⁷⁵ Весь Северный Кавказ (справочник по вопросам административно-экономического и культурного строительства края) / под ред. А. Овчарова. Ростов н/Д, 1931. С. 17.

³⁷⁶ ЦДНИКК. Ф. 8. Оп. 1. Д. 3. Л. 117, 123.

По словам авторов доклада, «чеченцы не дают работать казакам и сами не работают»; «такой способ разрешения... земельных споров ведёт ... к углублению розни между казаками и горцами, вызывая у последних» всё большие «аппетиты на казачьи земли»³⁷⁷. Авторы доклада предлагали создать специальную комиссию с паритетным участием сторон конфликта, ликвидировав самозахваты и восстановив законные границы Сунженского округа. Но Президиум Северо-Кавказского крайисполкома счёл летом 1925 г. «совершенно невозможным» возмещение убытков, понесённых терскими казаками из-за передела земли в пользу горцев. Участки для депортированных сунженских казаков, семенная ссуда, льготы по сельскохозяйственному налогу предоставлялись таким образом, чтобы оставить переселенцев в Ставропольском округе³⁷⁸. Судя по сводке № 4 Информационного отдела ОГПУ от 21 ноября 1925 г., казаки ст-цы Карабулакской Сунженского округа проявляли сильное недовольство урезанием своих наделов в пользу ингушей³⁷⁹. Вместе с тем, Чеченский облисполком в 1926 г. переселил 450 семей горцев на пустовавшие угодья ст-ц Ермоловской, Закан-Юртовской, Самашкинской и Михайловской. Член административной комиссии при президиуме крайисполкома И.М. Брюховецкий отмечал в докладной записке, что переселение не учитывало различия климата, хозяйства и враждебную агитацию окрестных казачьих станиц. В итоге осталось лишь 25% мигрантов, остальные вернулись в горные районы³⁸⁰. Тогда же было решено создать Осетинский национальный район с центром в г. Моздоке в составе Терского округа. Предлагалось передать 1200 дес. земли от г. Владикавказа Ингушской АО для обустройства безземельных горцев³⁸¹.

³⁷⁷ ЦДНИРО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 131. Л. 9–10 об.

³⁷⁸ ГАРО. Ф. Р-1485. Оп. 1. Д. 561. Л. 98 об; ГАРО. Ф. Р-1485. Оп. 1. Д. 1. Л. 130 об–131.

³⁷⁹ Советская деревня глазами ВЧК – ОГПУ – НКВД. 1918–1939. Документы и материалы. В 4-х т. Т. 2. 1923–1929 / под ред. А. Береловича, В. Данилова. М., 2000. С. 356.

³⁸⁰ ГАРО. Ф. Р-1485. Оп. 1. Д. 300. Л. 114–116 об.

³⁸¹ ГАРО. Ф. Р-1485. Оп. 1. Д. 409. Л. 99.

Северо-Кавказский крайисполком Советов объявил в феврале 1927 г. весь край «неблагонадёжным по бандитизму» на основании краж скота горцами. Президиум ВЦИК РСФСР 21 февраля 1927 г. создал краевую «тройку» Постпредства ОГПУ с правом внесудебных репрессий в автономных областях. Однако «тройка» распространила свои действия на весь край, приговорив к расстрелам свыше 300 чел. Против этих мер выступил начальник Административного управления крайисполкома Трифонов, полагавший в записке председателю крайисполкома П.А. Богданову от 31 мая 1927 г., что нет оснований «для возврата к системе чрезвычайных мер по всему Северному Кавказу» и «политический бандитизм» отсутствует в русских округах³⁸². По подсчётам Полпредства ОГПУ, «контрреволюционный актив» среди членов станичных Советов края за первую половину 1927 г. сократился с 1038 до 227 чел.³⁸³

Итак, цели, методы и мероприятия национальной политики определялись партийными органами, а роль исполкомов Советов и их отраслевых подразделений (отделов народного образования, печати) была исполнительской. Период 1921 – лета 1924 гг. в государственном строительстве характеризовался преобладанием военных задач (подавления «политического бандитизма») ввиду продолжения массовых повстанческих выступлений и слабости местных кадров управления. С осени 1924 по 1927 гг. на первый план выходят задачи укрепления низовых органов власти (сельских и аульных Советов), достижения гражданского и межэтнического мира. Период 1928–1929 гг. отмечен втягиванием региона в форсированную коллективизацию, сопровождаемую сломом традиционных общественных институтов: земельной общины, религиозных организаций, форм самоуправления. По мере укрепления системы власти центр принятия решений неуклонно перемещался от государственных органов к партийным. Постепенно происходила «переплавка», преобразование многоукладного нэповского общества в общество государственно регулируемое, советское. Неотъемлемой частью

³⁸² ЦДНИРО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 595. Л. 123–124 об.

³⁸³ ЦДНИКК. Ф. 2816. Оп. 1. Д. 66. Л. 18, 29–30, 103.

этого сложного процесса была интеграция многочисленных народов вследствие их участия в модернизационном проекте.

Партийные и государственные органы власти Юго-Востока России постепенно отказывались от радикального расширения прав этнотерриториальных автономий, проведенного в 1920–1921 гг. Крайности этнизированного федерализма при территориальной реформе 1924 г. были заменены на более сбалансированную модель взаимоотношений макрорегиона (Юго-Восточной области, позже Северо-Кавказского края) с вошедшими в его состав автономными областями. На рубеже казачьих местностей с автономиями возобновился курс перераспределения земель в пользу народов Северного Кавказа, а в 1929 г. Сунженский округ, г. Владикавказ и Грозный были переданы в состав соседних автономий.

Сравним процессы государственного строительства, проводившиеся на Северном Кавказе, с синхронными процессами в Крыму. Партийные организации Крыма в конце 1920 г. и на протяжении большей половины 1921 г. проводили свою политику через систему уездных, волостных, сельских ревкомов, на вершине которой находился Крымский революционный комитет (Крымревком). Изначально эта структура возглавлялась бывшим наркомом иностранных дел и военных дел Венгерской советской республики (1919 г.) Бела Куном – ярким сторонником политики массового террора (позднее замененным Лидэ и Поляковым). В исторической науке существуют две различные точки зрения о дате образования Крымревкома: 14 ноября или 16 ноября 1920 г.

Наряду с организацией восстановления экономики, основными задачами Крымревкома являлись «установление революционного порядка» и «искоренение очагов контрреволюции». Этот орган состоял из председателя, заместителя председателя и 4 членов. В состав Крымревкома вошли представители Реввоенсовета Южного фронта и члены областного комитета РКП(б). Приказ № 1 Крымревкома от 16 ноября 1920 г. гласил: «Впредь до избрания рабочими и крестьянами Крыма Советов вся власть на территории Крыма принадлежит Крымскому революционному комитету».

Одной из важнейших функций ревкомов был полный учет людских и материальных ресурсов полуострова. Ревкомы брали на учет жителей городов и деревень, жилой и земельный фонд, собственность органов самоуправления «белых» политических режимов, материальные ценности, оружие, лошадей, оставленных на полуострове военнослужащими белых сил, имения бывших помещиков, частные земельные хозяйства, предприятия, запасы топлива, учебные заведения, библиотеки, читальни и книги.

Ревкомы занимались также регистрацией иностранно-подданных, семей бывших офицеров и служащих учреждений Белых правительств, создавали контрольные комиссии для проверки правильности вступления тех или иных лиц на службу в советские учреждения³⁸⁴.

Важно подчеркнуть, что Крымская АССР была образована как территориальная, а не национальная автономная республика в составе РСФСР³⁸⁵. Это стало отражением сложного этнического состава населения, в котором преобладали русские, а также следствием роли Крыма как плацдарма мировой революции в отношении Балкан, Турции и Ближнего Востока. Учитывая, что в период Первой мировой войны, Гражданской войны и интервенции на территорию Крымского полуострова претендовали Турция, Германия и «Украинская держава» гетмана П. Скоропадского, а Франция и Англия стремились реализовать собственные геополитические проекты, образование Крымской АССР в составе Советской России, проведенное с соблюдением всех демократических процедур, приобретало не только важнейшее политико-административное, но и международное значение.

Геополитическое значение Крыма для руководителей Коммунистической партии и высших государственных органов власти состояло в том, что полуостров стал плацдармом распространения мировой революции, ключевым регионом для обороны Советской России в случае новой интервенции. Крым

³⁸⁴ Ишин А.В. Проблемы государственного строительства в Крыму в 1917–1922 годах. Симферополь, 2012. С. 227–229.

³⁸⁵ Крымская АССР (1921–1945). Вопросы-ответы / сост. Ю.И. Горбунов. Симферополь, 1990. Вып. 3. С. 27–37.

должен был получить статус «витрины достижений» советской национальной политики. По словам заместителя председателя Крымского революционного комитета Ю.П. Гавена, «в целях революционизирования мусульманского Востока целесообразно создать видимость самостоятельного Крыма»³⁸⁶. Этот мотив был подтверждён решением Крымского областного комитета РКП(б) от 7 мая 1921 г.³⁸⁷ Но небольшие размеры Крыма диктовали выбор статуса именно автономии, а не союзной республики. Дискуссия между руководителями партийных и государственных органов Крыма о статусе полуострова велась с января по апрель 1921 г. Высказывались две точки зрения: о непосредственном подчинении РСФСР в статусе губернии (секретарь обкома РКП(б) И.А. Акулов) и о создании автономной республики в составе РСФСР (заместитель председателя ревкома Ю.П. Гавен). Члены Татарского бюро при Крымском обкоме РКП(б) предложили 14 апреля 1921 г. создать интернациональную республику в составе РСФСР³⁸⁸. Вхождение в состав Украинской ССР никто не предлагал. Итак, источники не содержат проектов создания республики как крымскотатарской либо разделения полуострова на этнические территориальные единицы.

Идея создания в Крыму автономной республики была поддержана Советом национальностей при Народном комиссариате по делам национальностей РСФСР в первой половине апреля 1921 г. На этом основании наркомнац РСФСР И.В. Сталин направил 29 апреля 1921 г. записку членам Политбюро ЦК и секретарю ЦК РКП(б) В.М. Молотову о необходимости создания «Крымской автономной республики». Сталин предлагал принять решение телефонным опросом членов Политбюро ЦК, возложив на Наркомнац разработку проекта декрета³⁸⁹. На следующий день, 30 апреля, члены Политбюро ЦК одобрили предложение, создав для подробного изучения вопроса

³⁸⁶ Брошеван В.М., Форманчук А.А. Крымская Республика: год 1921-й (Краткий исторический очерк). Симферополь, 1992. С. 9.

³⁸⁷ История Крыма: в 2 т. / отв. ред. А.В. Юрасов. М., 2018. Т. 2. С. 464.

³⁸⁸ Государственный архив Республики Крым (далее – ГАРК). Ф. П-1. Оп. 1. Д. 102. Л. 73.

³⁸⁹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 140. Л. 5.

полномочную комиссию³⁹⁰. Совет народных комиссаров РСФСР принял 10 мая 1921 г. постановление «О создании автономной области в Крыму». Комиссию для разрешения конфликтных вопросов в Крыму поручалось создать Президиуму ВЦИК РСФСР³⁹¹. На заседании 12 мая 1921 г. Президиум ВЦИК РСФСР включил в состав комиссии Ш.Н. Ибрагимов (председателя), П.Г. Дауге и М.Ф. Фофановой. Вопросы, которые невозможно решить на месте, предоставлялись на разрешение в Президиум ВЦИК³⁹².

Комиссия работала на полуострове летом 1921 г., в результате долгих обсуждений Крымский обком РКП(б) 24 августа 1921 г. одобрил проект конституции автономной республики и другие документы, предложенные комиссией³⁹³. ВЦИК и Совнарком РСФСР приняли 18 октября 1921 г. декрет «Об Автономной Крымской Советской Социалистической Республике». На его основе I Всекрымский учредительный съезд Советов принял 10 ноября 1921 г. Конституцию Крымской ССР. В ст. 3 отмечалось, что КрымССР – «одна из составных частей общей федерации великой Российской республики на началах тесного и полного политического и экономического объединения». Конституция содержала принципиальный тезис о равенстве и праве на развитие всех национальностей Крыма, отмене всех национальных и религиозных привилегий и ограничений. Русский и татарский языки были объявлены государственными³⁹⁴. Итак, ни один из базовых нормативных актов о статусе Крыма не упоминал принцип самоопределения народов и не наделял статусом коренного крымскотатарский народ. Крымская ССР³⁹⁵ создавалась в 1921 г. как полиэтничная

³⁹⁰ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 157. Л. 1.

³⁹¹ РГАСПИ. Ф. 19. Оп. 3. Д. 421. Л. 7.

³⁹² Там же. Л. 90.

³⁹³ История Крыма: в 2 т. / отв. ред. А.В. Юрасов. М., 2018. Т. 2. С. 464.

³⁹⁴ ГАРФ. Ф. Р-1235. Оп. 120. Д. 230. Л. 7–14 об.

³⁹⁵ В соответствии с Конституцией РСФСР 1925 г. Крым стал именоваться Крымской Автономной Советской Социалистической Республикой.

автономия, неотделимая часть РСФСР, в которой провозглашалось равноправие всех народов.

Важная веха в государственном строительстве в Крыму в 1921 г. связана с созданием постоянных выборных органов власти, пришедших на смену системе революционных комитетов, что способствовало стабилизации политической обстановки. В июле 1921 г. состоялись выборы в городские, в августе и сентябре – в сельские Советы. В конце октября – начале ноября на уездных съездах Советов были избраны делегаты на первый Всекрымский съезд Советов, который проходил с 7 по 11 ноября 1921 г. На съезде была принята Конституция Крымской Автономной Социалистической Советской Республики, постановление об образовании которой В.И. Ленин и М.И. Калинин подписали 18 октября 1921 г. Был избран Крымский Центральный Исполнительный Комитет (КрымЦИК) – высший законодательный и контролирующий орган власти на полуострове в период между съездами Советов, образованы наркоматы, ставшие исполнительными управленческими структурами.

Таким образом, можно сделать выводы по параграфу. Именно в 1920-х гг. Советы как государственные органы «диктатуры пролетариата», сформировавшиеся за период революции и гражданской войны, получили возможность проявить себя в условиях мирного развития общества. Родившись в качестве формы прямой «классовой» демократии и противовеса исконному самодержавию, советы прошли сложный путь эволюции, зависевший от расстановки политических сил на событийном уровне и от традиций российской государственности на уровне цивилизационном. Периодизация политической деятельности органов местной власти определяется соотношением тенденций народоправства и диктатуры, традиций и реформаторства. По этим критериям мы выделяем четыре этапа развития системы органов государственной власти в регионе.

1. 1920–1921 гг. Преобладание революционных комитетов как чрезвычайных органов, замедленный переход к системе советов путем подтасованных выборов с предрешенным итогом.

2. 1921–1924 гг. Функционирование в русских областях Северного Кавказа и Крыму советов, выполнявших в основном

подчиненные – налоговые и регистрационные функции в системе партийно-государственной власти.

3. 1925–1926 гг. Создание в итоге курса «расширения нэпа» советов, избранных относительно демократично и отражавших многообразие социальных интересов. «Низовое» двоевластие в сельской местности партии и советов, многие из последних опирались на общинные сходы.

4. 1927–1929 гг. Уничтожение элементов демократического самоуправления советов и общин по мере «свертывания нэпа». Решительное организационное укрепление советов в роли проводников партийного курса.

Своеобразие местных органов власти и их деятельности на Юге РСФСР проявлялось в затяжном и особо мощном влиянии опыта гражданской войны и его норм – правового нигилизма, персонификации и централизации власти, всеобъемлющего административного регулирования всех сфер жизни, радикального подавления любой оппозиции и последующей «атомизации» общества. «Военный коммунизм» породил преобладание в 1920–1921 гг. ревкомов. Они назначались военными и партийными руководящими органами.

Деятельность ревкомов противоречива. С одной стороны, они официально считались временной и вынужденной формой власти. С другой, наиболее адекватно соответствовали задачам управления Северным Кавказом, где по 1924 г. продолжалась «малая» гражданская война. На первой стадии деятельности (январь–июнь 1920 г.) ревкомы проводили компромиссный курс, рассчитанный на умиротворение. Он проявился в созыве Всероссийского съезда трудовых казаков и областных съездов трудящихся, в проведении городских выборов на Дону, в замедленности коренных реформ. Во второй половине 1920 г. общеполитический курс и доктрина РКП(б), возобновление гражданской войны на «внешних» фронтах вызвали радикализацию действий ревкомов в формах раскачивания территориального передела Кавказа в пользу горцев, подтасовки выборов. Уступив место советам на областном уровне, в 1921 г. ревкомы сохранялись либо воссоздавались в станицах и районах с особым влиянием повстанцев.

Переход в 1921 г. к системе Советов совершался на стадии уже сформировавшейся политической организации, означал отказ лишь от наиболее одиозных форм насилия и администрирования. Советы оставались однопартийными, формировались на безальтернативной основе, при косвенном и открытом голосовании. С введением нэпа государство и общество развивались в противоположных направлениях. Реалии многоукладности требовали политических свобод, тогда как система власти все более обращалась в централизованное, бюрократичное, оторванное от повседневных запросов граждан состояние. Политическая власть сосредотачивалась в руках Коммунистической партии и органов госбезопасности, что ослабляло советы, прежде всего – местные. Характерны в этой связи роспуск казачьих секций при исполкомах, ограничение роли беспартийных конференций и других форм массового участия в политике.

В 1920-х гг. органы власти подвергли ломке традиционное геополитическое пространство Северного Кавказа, создавая новые территориальные идентичности в рамках доктрины самоопределения наций. Создание Горской АССР и других автономий в 1920–1922 гг. сопровождалось пагубным расчленением ряда местностей сплошного русского проживания на Тереке и в Баталпашинском отделе Кубанской области. Политические, антиказачьи в первую очередь, задачи решались и при раздроблении Дона. Хотя весной 1921 г. высылка сунженских казаков была официально признана ошибкой, реабилитация данной этносоциальной группы была сочтена опасной и чрезмерной.

Считаем, что территориальную реформу 1924 г. («районирование») следует рассматривать в единстве с общим курсом «расширения нэпа» – самой масштабной либерализации советского строя вплоть до конца 1980-х гг. Приоритет отдавался хозяйственным и организационным задачам районирования: повышению управляемости населения, борьбе с бюрократизмом и непроизводительными расходами. Культурно-исторические традиции тяготения местностей недооценивались и на сей раз, но упразднение Горской АССР и образование казачьих автономных

округа и районов отчасти возмещали ущерб реформы 1920–1922 гг. Создание Северо-Кавказского края, обладающего выборной иерархией советов, способствовало интеграции и политической лояльности казачества и крестьянства. Увы, авторитарная тенденция вновь возобладала над демократической с 1928 г., что проявилось в упразднении казачьих автономий под предлогом индустриализации горских областей. Итак, наиболее предпочтительным для населения русского Кавказа явился тип территориального строя 1924 – 1927 гг., относительно совместивший официальные границы региона с естественно-историческими.

Курс «оживления Советов», проводимый РКП(б) с конца 1924 до начала 1927 гг., был направлен на создание более эффективных технологий политического управления в деревне и, в меньшей степени, в городах. Главной причиной либерализации системы стал стихийный протест крестьян и казаков против отчуждения власти, за самоуправление. На Юге России оппозицию возглавили казаки, требовавшие возродить многовековые формы войскового правления: атаманство, общинные сходы, местные законы и т.д. Для хлеборобов Советы являлись формой привычной общинной системы. Их интересы объективно противоречили партийному курсу.

Основные формы «оживления Советов» определились к началу 1925 г. Обновлена нормативно-правовая база деятельности. Сужен круг «лишенцев», проведена амнистия репатриантов, «белослужащих» и повстанцев. Выборы стали проводиться на альтернативной основе, при массовом участии казаков и крестьян. Внедрялись постоянные комиссии советов, беспартийные конференции. Широко применялись станичные и хуторские сходы, в силу больших финансовых возможностей и традиционности зачастую предпринимавшие действия советов. Ради упрочения контроля над крестьянством РКП(б) стимулировала дробление низовых советов, общин и избирательных участков. Политика «гражданского мира» была рассчитана на расширение опоры РКП(б) в обществе и на упрочение однопартийной системы, а не на ее подрыв. Поэтому закономерный проигрыш большевиками относительно свободных выборов 1925 и 1926 гг.

вызвал ответную волну левацких настроений чиновников, стимулировал возврат к авторитарному курсу в 1926–1927 гг.

Представляет значительный интерес краткосрочный опыт деятельности местных советов, в 1925–1926 гг. отчасти взятых в руки «правого блока» – середняков и зажиточных земледельцев. В этом опыте воплотились возможности реформ государственных органов «снизу». Станичные советы принимали решения реабилитировать «лишенцев» и политзаключенных, возродить дореволюционный порядок землепользования; пытались изменить порядок выборов. Но на своем опыте казаки и крестьяне убеждались, что система косвенного и открытого голосования, законодательная база деятельности советов отторгает их замыслы. И сторонники РКП(б), и оппозиционно настроенное большинство хлеборобов проявляли конфронтационность сознания и поведения. Поэтому курс «оживления советов» остался краткосрочным экспериментом, пресеченным в течение 1926–1927 гг. и «сверху», и «снизу».

Малочисленный предпринимательский слой хлеборобов отнюдь не стремился к вооруженному свержению режима, а надеялся на его перерождение. Все попытки «кулаков» легализовать и повысить свой статус целенаправленно и действительно пресекались, что привело в 1927–1929 гг. к возобновлению подпольных группировок. Средняцкая толща казаков и крестьян признала советский строй, пытаясь его «улучшить» в своих интересах. Лозунги середняков – автономия края, свободные выборы, самоорганизация в Союз хлеборобов, свобода цен и торговли, прекращение земельной реформы. Уравнительные идеалы находили отклик в действиях батраков, бедняков, местных чиновников. Их сплачивали призывы «очистить» советскую власть от бюрократизма, возобновить систему партийного манипулирования советами, пресечь «заигрывание» с казачеством и зажиточными слоями. Активность иногородней бедноты и чиновников подтачивала гражданский мир.

«Левый маневр» сталинской группировки в элите ВКП(б) проводился на Севером Кавказе в 1926–1927 гг. с особенным радикализмом. Местные советы были вновь поставлены под

жесткий партийный контроль благодаря расширению круга «лишенцев», вмешательству ОГПУ в политические процессы, провокационной «военной тревоге». ВКП(б) вернулась к левацкой опоре на бедняков и батраков в деревне, прекратила с 1927 г. попытки учесть интересы казачества как общности. Одновременно развернулось наступление на права общинных сходов – последнего легального канала самоорганизации хлеборобов.

С начала свертывания нэпа в ходе «чрезвычайных мер» и коллективизации 1928–1929 гг. сходы постепенно были подчинены Советам, а затем (в 1930 г.) упразднены. Сроки выборов в сельсоветы дважды откладывались по политическим причинам. Эти органы подменялись «хлебозаготовительными тройками» наркомов, назначаемыми уполномоченными, президиумами советов. Показательны попытки упразднить сельсоветы, заменив их колхозами. Авторитетная тенденция элиты возобладала, низводя роль Советов от органов местного самоуправления в интересах большинства населения до одного из рычагов ликвидации многоукладного общества. В итоге утверждения колхозной системы на селе и огосударственной экономики в городах Советы стали играть качественно новую роль корпорации под жестким контролем партийно-государственной элиты.

2.3. ПРОЦЕСС ПРИНЯТИЯ РЕШЕНИЙ ПО ВОПРОСАМ НАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ ОРГАНАМИ ПАРТИЙНО- ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ В СЕВЕРО-КАВКАЗСКОМ КРАЕ И КРЫМСКОЙ АССР³⁹⁶

Исследование процедур принятия решений по вопросам советской национальной политики является достаточно новым направлением исторической науки. Как известно, первоначально анализ процессов принятия решений сформировался как направление в рамках прикладных экономических исследований, в качестве раздела менеджмента и количественных методов изучения рыночной экономики. Постепенно процессы принятия решений становятся также предметом анализа социально-гуманитарных наук, сначала в западной советологии³⁹⁷, а затем, с начала 1990-х гг., – и в отечественных научных школах. Применительно к истории советского общества активно изучаются такие аспекты темы, как соотношение формальных и неформальных процедур принятия решений, реальные и декларативные полномочия органов власти, информационно-аналитическое обеспечение принятия решений. Чаще всего данные аспекты рассматриваются в рамках истории институтов государственной власти, истории законодательства, истории элит и групп интересов. Вместе с тем, на материалах национальной политики 1920-х гг. в Северо-Кавказском крае данные сюжеты изучены недостаточно, чаще всего они описательно и бегло упоминаются в контексте рассмотрения политических процессов во всём советском обществе.

³⁹⁶ Данный параграф написан в соавторстве А.В. Барановым, А.Ю. Рожковым и Т.А. Рунаевым.

³⁹⁷ Bauer R., Inkeles A., Kluckhohn C. *How the Soviet System Works: Cultural, Psychological, and Social Themes*. Cambridge, 1956; Ploss S. *Conflict and Decision-Making in Soviet Russia*. Princeton, 1965; Kelley D. *Toward a Model of Soviet Decision-Making* // *American Political Science Review*. 1974. Vol. 68. December; Rigby T.H. *Stalinism and the Mono-organizational Society* // *Stalinism: Essays in Historical Interpretation*. New York, 1977; Hough J., Fainsod M. *How the Soviet Union is Governed*. Cambridge, 1979; Авторханов А.Г. *Технология власти*. М., 1991.

Процесс принятия политических решений представляет собой систему, состоящую из субъектов, среды их взаимодействия, целеполагания, ценностных ориентиров и нормативных регуляторов, знаний и эмоций, процедур и действий, институтов и видов коммуникаций³⁹⁸. Важно сочетать анализ акторов и институтов, принимающих политические решения (статичного компонента системы) с анализом этапов и процедур принятия решений (динамического компонента системы). Политолог И. Дрор ещё в конце 1960-х гг. отмечал: «Наложение фаз процессуальной модели на структуру принятия решений (policy making structure) преобразует ее в интегрированную системную модель оптимального принятия политических решений, на базе которой можно будет анализировать, оценивать и совершенствовать публичную политику»³⁹⁹.

Применительно к советской политической системе 1920-х гг., охарактеризованной в предыдущих параграфах, акторами принятия политических решений являлись высшие органы правящей Коммунистической партии: Генеральный Секретарь ЦК РКП(б)–ВКП(б), Политическое бюро ЦК, Секретариат ЦК, в качественно меньшей степени – съезд партии и Центральный Комитет, Совет народных комиссаров, ЦИК Советов СССР. Система принятия политических решений строилась жёстко иерархически и централизованно. Поэтому органы партийной и государственной власти регионального уровня (в краях, областях, губерниях, автономных республиках и автономных областях), а тем более – органы управления местного уровня (в городах, уездах, районах) выполняли функции исполнителей принимаемых решений. В то же время, система принятия решений в СССР 1920-х гг. сохраняла некоторые черты «соревновательного авторитаризма», в отличие от последующих периодов истории советского государства. Этот феномен

³⁹⁸ Дегтярёв А.А. Теория принятия политических решений в структуре социальных и управленческих дисциплин // Политические исследования. 2002. № 2. С. 120–121.

³⁹⁹ Dror Y. Public Policymaking Reexamined. New Brunswick; Oxford, 1989. P. 187.

объясняется сочетанием плановых и рыночных, административных и правовых процедур управления обществом.

Полагаем, что концептуальной рамкой объяснения механизмов принятия решений в СССР 1920-х гг. может послужить концепция «коалиций взаимозависимости» П. Сабатье и Х. Дженкинс-Смита, которая объясняет сохранение элементов соперничества даже в централизованных административно-регулируемых системах управления⁴⁰⁰. На материалах партийно-государственной правящей элиты СССР внутригрупповые взаимодействия осмыслил Дж. Истер⁴⁰¹.

В другом аспекте – очерёдности стадий принятия политических решений наиболее логично принять за основу выделение таких стадий, как инициирование решения, его экспертно-аналитическое обоснование, обсуждение вариантов решения, собственно принятие решения в узком смысле, выполнение решения, обратная связь (реакция общества на властные решения), контроль его выполнения.

Для советской политической системы, сложившейся в своих базовых конструкциях за 1918–1921 гг., характерна монополизация инициирования решений партийными руководящими органами. На примере Северо-Кавказского краевого комитета РКП(б)–ВКП(б) это происходило так. Секретариат крайкома большевистской партии рассматривал на своих заседаниях актуальные текущие вопросы политики, правом решающего голоса обладали 3–5 участников заседаний. Повлиять на решения в ограниченной степени могли приглашённые на заседания Секретариата крайкома руководители отраслевых отделов крайкома, секретари областных и окружных комитетов РКП(б), председатели и заведующие отделами исполкомов Советов. Затем одобренные Секретариатом крайкома партии вопросы более детально обсуждались на заседаниях бюро крайкома с участием 10–15 членов бюро с решающим правом

⁴⁰⁰ Sabatier P., Jenkins-Smith H.C. Policy Change and Learning: An Advocacy Coalition Approach (Theoretical Lenses on Public Policy). Boulder; San Francisco; Oxford, 1993.

⁴⁰¹ Истер Дж.М. Советское государственное строительство: система личных связей и самоидентификация элиты в Советской России. М., 2010.

голоса. Наконец, решения, одобренные бюро крайкома РКП(б), выносились на обсуждение пленумом крайкома и краевых партийных конференций. Они, как правило, одобряли инициативы Секретариата и бюро крайкома если не единодушно, то значительным большинством голосов. Представить себе успешное одобрение оппозиционной инициативы, выдвинутой беспартийным, либо не согласованной с руководством крайкома РКП(б), в 1920-х гг. невозможно. Более того, партийные решения становились обязательными к исполнению коммунистическими фракциями исполкомов Советов, профсоюзов и общественных организаций, но строго воспрещалось разглашать партийные директивы: решения Советов, профсоюзов, комсомола, женских советов и т.д. должны были выглядеть как полностью самостоятельные.

На стадии экспертно-аналитической проработки принимаемых решений значительную роль играли территориальные органы ВЧК–ГПУ–ОГПУ, обладавшие секретной информацией, развитыми каналами сбора и проверки сведений, возможностями латентного влияния на руководство партийных и советских органов.

Ставшие доступными после открытия советских архивов информационные документы ВЧК–ГПУ–ОГПУ всё активнее вводятся в научный оборот. Материалы сводок и обзоров спецслужб используются историками в качестве массового источника и для изучения межэтнических отношений на Северном Кавказе⁴⁰².

⁴⁰² Баранов А.В. Политические настроения земледельцев казачьего Юга России в условиях «расширения» НЭПа 1924–1926 гг. (по материалам информационных сводок ОГПУ) // Новейшая история России. 2013. № 3. С. 112–125; Наухацкий В.В. О роли органов ОГПУ–НКВД в становлении колхозной системы // Правовая политика и правовая жизнь. 2011. № 1. С. 115–118; Рожков А.Ю. Информационные документы ОГПУ о социальном самочувствии и политической активности молодежи в северокавказской деревне (1924–1929 гг.) // Проблемы и перспективы аграрной модернизации СССР–России (XX – первые десятилетия XXI вв.): сб. статей Междунар. науч.-практ. конф. Саратов, 2022. С. 148–156.

Выявим содержание данного вида источников и его структуру. В июне 1920 г. Секретный отдел ВЧК установил схему сводок и сроки их предоставления. На основе уездных сводок составлялись губернские и общегосударственные. Последние могли иметь разное назначение: общее либо специализированное (по текущим актуальным вопросам). В 1921 г. вводятся обобщенные госинформсводки. Обзоры политического и экономического положения РСФСР ежемесячно составлялись в Информационном отделе ОГПУ с 1922 г. Обзоры обобщали не только ежедневные госинформсводки, но и документы Советов, профсоюзов, партийных комиссий, редакций газет. С 1922 г. создавались также спецсводки Информотдела ОГПУ: промышленные, земельные, финансовые, военные, партийные, кооперативные, по советскому строительству⁴⁰³.

Наибольшая детализация информационных документов ОГПУ, их аргументированность характерна для 1923–1927 гг. Государственный аппарат к этому времени окреп и обрёл устойчивые формы. Смягчение политического режима способствовало вниманию к общественному мнению, которое легально проявлялось в 1924–1927 гг. Органы власти были вынуждены учитывать общественное мнение, выбирая стратегии и тактики политики.

Для перепроверки сведений важно учитывать процедуры прохождения сведений по инстанциям. Обзоры органов ОГПУ содержали ссылки на цитируемые госинформсводки с указанием даты и делопроизводственного номера. Ко многим обзорам прикладывалась подборка цитат из сводок. Можно проследить путь сообщений от уровня районной сводки до всесоюзного обзора, выявить искажения информации. Следует перепроверять сведения сводок по иным источникам: стенограммам партийных и советских органов, судебной статистике, переписке.

Ценность сводок разного уровня и периодичности неодинакова. Самую подробную, но неупорядоченную

⁴⁰³ Советская деревня глазами ВЧК–ОГПУ–НКВД. 1918–1939. Документы и материалы. В 4-х т. / под ред. А. Береловича, В.П. Данилова. М., 1998. Т. 1. С. 12.

информацию давали сельские и районные органы ОГПУ в ежедневных сообщениях и анкетах. Более ценны еженедельные и двухнедельные сводки по районам, обзоры полномочных представительств ОГПУ по округам. В сравнении со спецсводками и ежемесячными обзорами повышена ценность госинформсводок. Они имеют отчетливую структуру, обязательное упоминание источников и их датировку. Госинформсводки окружного и районного уровней более детальны и достоверны, чем краевые и всесоюзные. Наиболее содержательны и объективны еженедельные сводки окружных полпредств. Ежемесячные обзоры полномочных представительств ОГПУ по Северо-Кавказскому краю проясняют тенденции развития общественного мнения.

Настоящим прорывом в источниковом обеспечении стал выход в свет многотомного сборника документов «“Совершенно секретно”: Лубянка – Сталину о положении в стране (1922–1934 г.)», который даёт возможность в помесечной динамике на протяжении 13 лет проследить информацию о положении в СССР, представленную руководством ГПУ–ОГПУ высшим органам власти. Достоинства сборника подробно описаны⁴⁰⁴. Однако потенциал этого уникального издания используется не в полной мере. В основном разрозненные фрагменты сводок и обзоров ГПУ–ОГПУ задействуются исследователями как фактографический материал по частным темам, что затрудняет понимание основных тенденций как в социально-исторической динамике советского общества, так и в информационном потоке с «Лубянки». Практически нет работ, в которых тексты этих информационных документов исследовались бы системно с привлечением компьютерных программ. Задачей нашего раздела исследования является попытка в какой-то мере устранить этот

⁴⁰⁴ Колодникова Л.П. Проблемы истории советского общества 20-х годов XX столетия по рассекреченным документам архивов «Лубянки» // Труды Института российской истории / отв. ред. А.Н. Сахаров, ред.-коорд. Е.Н. Рудая. М.; Тула, 2010. Вып. 9. С. 225–238; Кондрашин В.В. Лубянка – Сталину о положении в сельском хозяйстве СССР в 1932–1934 гг. // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. 2018. № 1. С. 58–69.

пробел. Нас будут интересовать не отдельные цитаты из сводок и обзоров, а полные тексты информационных документов как массив данных с целью проведения их интеллектуального анализа с помощью компьютерной программы RStudio.

Поскольку публикация полных, без купюр, текстов обзоров ОГПУ в вышеназванном сборнике затрудняет качественный анализ, мы произвели выборку по одному из крупных регионов (Юго-Восточный, позднее – Северо-Кавказский край) за период с 1922 по 1929 гг. Нижняя граница обусловлена начальной датой документов, размещенных в сборнике. Это был год трансформации ВЧК в ГПУ, период налаживания стройной системы информирования чекистами высшего руководства страны; завершился этот год образованием СССР. Верхняя граница означает начало «великого перелома», а также коренных перемен в системе информирования ОГПУ. С 1930 г. уже не составлялись ежемесячные обзоры, «Лубянка» перешла на систему многочисленных оперативных документов (спецсводок Секретно-оперативного управления (СОУ) ОГПУ, докладов и сообщений полпредов, докладных записок и справок информационного отдела (ИНФО) ОГПУ и т.д.). При этом наметился явный уход от детализации и от географического принципа построения сводок⁴⁰⁵.

Концептуально мы рассматриваем весь корпус текстов информационных сводок и обзоров ГПУ–ОГПУ, подвергнутый анализу, как «чекистский» дискурс, дискурс «института власти»⁴⁰⁶. Нам близка концепция М. Пешё о том, что дискурсивный процесс является частью идеологических классовых отношений, а смыслы слов меняются в зависимости от классовых позиций в политической борьбе⁴⁰⁷. В этой связи мы

⁴⁰⁵ Виноградов В.К. Об особенностях информационных материалов ОГПУ как источника по истории советского общества // «Совершенно секретно»: Лубянка – Сталину о положении в стране (1922–1934 гг.). Сб. документов в 10 т. / отв. ред. А.Н. Сахаров, В.С. Христофоров. М., 2001. Т. 1. С. 73.

⁴⁰⁶ Согомонян В. Что такое дискурс власти? // 21-й век. 2012. № 1. С.49.

⁴⁰⁷ Цит. по: Скворцова О.Ф. Основные теоретико-методологические подходы к интерпретации дискурса // Антиномии. 2007. № 7. С. 7–8.

полагаем, что субъектом производства и трансляции «чекистского» дискурса выступали не конкретные люди (информаторы, редакторы и руководители ИНФО), а некая внесубъектная «матрица смыслов», «идеологическая формация» (по М. Пешё), которая автоматически управляет дискурсом субъекта и определяет способы производства дискурса. В изучаемый период эту «идеологическую формацию» олицетворяли реальные институты в виде ВЧК–ОГПУ и партийно-государственного аппарата, которые определяли, что можно говорить, а что нельзя⁴⁰⁸.

В качестве методологической рамки выбран дискурс-исторический подход (*Discourse-Historical Approach – ДНА*), который основывается на принципе историчной контекстуализации дискурса. Здесь при интерпретации дискурса учитываются социальные, культурные, экономические, политические процессы исторических периодов, которые отражаются в дискурсах, зафиксированных в исторических текстах⁴⁰⁹. Помимо исторического контекста важной переменной для ДНА является время, в котором тексты одного дискурса (или сами дискурсы) темпорально связаны друг с другом через темы, акторов, отсылки к одинаковым событиям, перенос системы аргументации⁴¹⁰. Дизайн исторического исследования в ДНА предполагает следующий алгоритм: анализ языка текстов → анализ интертекстуальности (поиск связей текстов исторических источников во времени, встроенных в дискурс) → анализ институциональных рамок, в которых создавались и циркулировали данные источники → анализ широкого

⁴⁰⁸ Кожемякин Е.А. Дискурс-анализ как междисциплинарная методология: исторический аспект // Научные ведомости. 2008. № 15. С. 10.

⁴⁰⁹ Richardson J. *British Fascism. A Discourse-Historical Analysis*. Stuttgart, 2017. P. 61–62.

⁴¹⁰ Wodak R. *Critical Discourse Analysis, Discourse-Historical Approach* // *The International Encyclopedia of Language and Social Interaction*. Chichester, 2015. P. 279.

исторического контекста, который влияет на содержание дискурса⁴¹¹.

Мы подвергли тексты сводок и обзоров ГПУ–ОГПУ интеллектуальному анализу, дизайн которого построен на алгоритме ДНА, но в несколько иной последовательности. Вначале мы описываем исторический контекст и институциональные рамки, в которых создавались и циркулировали сводки и обзоры. Далее переходим непосредственно к анализу языка текстов и интертекстуальности.

Исторический контекст был следующим. В 1920-е гг. Северо-Кавказский край площадью 293,7 тыс. кв. км представлял собой довольно сложный в политическом, экономическом, этнокультурном и социально-демографическом отношении макрорегион. По площади край был сопоставим с островной Англией или материковой Италией, в семь раз превосходил территории Дании и Швейцарии, в десять раз – Голландии⁴¹². Край обладал рудными месторождениями цветных металлов, нефтяными и каменноугольными месторождениями. Большие площади равнинных пахотных земель, теплый климат, чернозем обеспечивали региону развитие сельского хозяйства. Выходы к Азовскому и Черному морям служили транспортными путями для торговли.

Структура и облик Юго-Востока России во многом изменились в результате административно-территориальной реформы (районирования) в 1923–1924 гг. До районирования в границах Юго-Восточного края находились 10 административно-хозяйственных губернских единиц: 2 губернии, 2 области, 4 автономные национальные области, 1 автономная республика и 1 город на правах губернии⁴¹³. В ходе реформы прежняя административная структура (область/губерния – округ/уезд – волость) сменяется укрупнённой (край – округ+автономные области – район+национальный район) с краевым подчинением

⁴¹¹ Wodak R., Meyer M. *Method of Critical Discourse Analysis*. London; Thousand Oaks; New Delhi: SAGE Publications, 2001. P. 67.

⁴¹² Северный Кавказ после районирования (итоги и выводы). В 2 т. Ростов н/Д, 1925. Т. 1. С. 57.

⁴¹³ Там же. С. XIV.

вместо центрального. В 1924 г. происходит слияние Кубано-Черноморской и Донской областей в Юго-Восточную, которая поглощает затем Ставропольскую и Терскую губернии и, включая все горские автономии (кроме Дагестана), оформляется как Северо-Кавказский край, составленный из 21 окружных единиц – 14 округов, 1 автономного города и 6 национальных автономных областей⁴¹⁴.

По численности населения регион был равен взятым в отдельности Бельгии, Венгрии и европейской Турции. В конце 1926 г. в 66 городских и 15671 сельских поселениях края проживало около 8,4 млн человек (1/8 населения СССР), из них 19,8% населения проживало в городах и 80,2% на селе⁴¹⁵. Регион населяли свыше 88 наций и народностей. Официально русские составляли в среднем 45,9% населения, украинцы – 37,1%, среди других народов наиболее многочисленными были (в порядке убывания) чеченцы, армяне, осетины, кабардинцы, немцы, ингуши, черкесы, карачаевцы, белорусы, евреи, балкарцы, греки и др.⁴¹⁶

Этносоциальные и земельные конфликты в регионе, унаследованные с дореволюционных времен, обострились в ходе революции 1917 г., затяжной Гражданской войны и административно-территориальных преобразований в 1920-е гг. Вместе с тем стоит согласиться с В.С. Белозёровым, что период 1920–30-х гг. для Северного Кавказа оказался переходным от этапа колонизации к этапу интенсивного хозяйственного освоения и развития урбанизации⁴¹⁷, что во многом отражали сводки и обзоры ОГПУ.

Институциональные рамки таковы. С первых дней существования ВЧК в ее состав входило Информбюро, позже называемое Отделением обработки материалов в составе СОУ. В Особом отделе ВЧК с декабря 1919 г. существовал ИНФО с

⁴¹⁴ Цуциев А.А. Атлас этнополитической истории Кавказа (1774–2004). М., 2007. С. 66.

⁴¹⁵ Всесоюзная перепись населения 1926 года. М., 1928. Т. 9. С. 2–13.

⁴¹⁶ Там же. С. 34–51.

⁴¹⁷ Белозеров В.С. Этническая карта Северного Кавказа. М., 2005. С. 54.

четырьмя отделениями [Капчинский 2005: 336]. После Кронштадтских событий ведомственная система информации преобразуется в государственную. В марте 1921 г. создан ИНФО ВЧК с непосредственным подчинением начальнику СОУ ВЧК. В задачи отдела входила систематизация и обработка поступающих с мест сводок по разной тематике. В ноябре 1922 г. упорядочивается классификация секретных сотрудников ГПУ (информаторы, осведомители, агенты). Те из них, кто давал материалы общего характера, были переведены в категорию информаторов и переданы в ИНФО. В тот период ИНФО включал три отделения: государственной информации, секретной информации и иностранной информации. В ноябре 1925 г. ИНФО и Отдел политконтроля (ПК) объединились в Отдел информации и политконтроля, штат которого возрос до пяти отделений. С 1 декабря 1929 г. штаты отдела увеличились до восьми отделений⁴¹⁸.

Объект анализа – сводки (госинфсводки, спецполитсводки) и обзоры о политико-экономическом положении РСФСР (СССР). Информсводки ВЧК–ОГПУ предназначались для оперативного информирования высшего руководства партии. В 1921 г. появляется единая госинформсводка, рассылаемая в 30–40 адресов, которая давала общую картину политического положения по всем районам страны и по всему кругу проблем. Затем появились спецсводки ИНФО ГПУ – сводки по специальным вопросам. Спецполитсводки информировали о собственной деятельности ГПУ–ОГПУ против враждебных советскому строю политических сил, организаций и лиц. Они рассылались восьми адресатам, начиная с Ф.Э. Дзержинского. Как правило, сводки ИНФО выходили ежедневно кроме воскресных дней и рассылались в тот же день вечером⁴¹⁹. Только в течение 1922 г. ИНФО выпустил 328 номеров госинфсводки, каждая от

⁴¹⁸ Лубянка: Органы ВЧК–ОГПУ–НКВД–НКГБ–МГБ–КГБ. 1917–1991. Справочник / под ред. А.Н. Яковлева; авторы-сост. А.И. Кокурин, Н.В. Петров. М., 2003. С. 14–44.

⁴¹⁹ Советская деревня глазами ВЧК–ОГПУ–НКВД. 1918–1939. Документы и материалы. В 4 т. / под ред. А. Береловича, В. Данилова. М., 2000. Т. 1. С. 9–13.

33 до 36 экземпляров. На их основе в 1922 г. были подготовлены 1035 выпусков различных спецсводок⁴²⁰.

С 1922 г. аппарат ИНФО ГПУ приступил к составлению ежемесячных Обзоров политического и экономического состояния (с 1925 г. – политического) республики (с 1923 г. – СССР), представлявших собой весьма обширные тексты (до 100 страниц и более) с анализом материалов не только информационных сводок, но и докладов, справок различных подразделений ГПУ–ОГПУ, в первую очередь – Секретно-политического (СПО) и Контрразведывательного (КРО) отделов. Помимо информирования высшего руководства партии, обзоры были призваны «в сжатой форме дать правильную ориентацию местным органам ОГПУ по важнейшим вопросам»⁴²¹. Обзоры структурировались по изначально определенным основным рубрикам (как правило, социальным группам и институтам). Первой всегда шла рубрика «Рабочие» (вариант – «Город»), затем «Крестьяне» («Деревня»), затем «Восточные национальные республики», далее – по ситуации «Армия», «Бандитизм», «Антисоветские организации», «Интеллигенция», «Духовенство» и «Эмиграция».

Источниками для сводок служили донесения секретных информаторов в учреждениях и на предприятиях; доклады уполномоченных ВЧК–ОГПУ; статистика происшествий; следственный и агентурный материал; материалы прессы; «народная молва» (вероятно, имелись в виду материалы перлюстрированной корреспонденции, а также донесения агентов о работе в толпе)⁴²². По данным Л.П. Колодниковой, только пространственная информация за 1929 г., полученная аналитиками ИНФО ОГПУ, была собрана в 2300 административных единицах, находившихся в их поле

⁴²⁰ Виноградов В.К. Об особенностях информационных материалов ОГПУ... С. 47–48.

⁴²¹ Виноградов В.К. Об особенностях информационных материалов ОГПУ... С. 62.

⁴²² Лубянка... С. 22; Рожков А.Ю. Первая смерть вождя: Болезнь и кончина В.И. Ленина в общественном восприятии // Россия XXI. 1995. № 5–6. С. 130–157.

зрения. «В числе этих административных единиц было 9 союзных республик, 11 автономных, 9 крупных административных единиц, 26 областей, 220 округов, 16 губерний, 537 сел, 532 района, множество станиц, хуторов, сел, деревень, поселков. Чекистская сеть только в 1929 году информировала о том, что происходило в 18 кантонах, 7 аймаках, 56 аулах, 25 кишлаках, а также на 300-х отдельных административных участках, многочисленных станциях, станицах, а также в таких специфических административных единицах, как тумены, теми, сомоны, оазисы»⁴²³.

Руководство ВЧК–ОГПУ уделяло серьезное внимание качеству первичной (на сленге чекистов – «сырой» и «полусырой») информации. Интеллектуальный уровень многих осведомителей, особенно в деревне, не способствовал получению качественной информации, на что указывает сводка Ростовской окружной ЧК в информационную часть Донской областной ЧК «О ходе работ секции по борьбе с левыми антисоветскими партиями за первую половину января 1921 года»: «От 56 осведомителей получено 30 осведомлений неудовлетворительных, так как большинство осведомителей не понимают политического смысла. Проинструктировать не представляется возможным ввиду того, что в секции нет никаких руководств и указаний, а поэтому необходимо: 1) секцию снабжать своевременно указаниями, инструкциями, распоряжениями и газетами; 2) указать штат работников секции; 3) непосредственно иметь связь с Политбюро, дабы работа протекала в тесном контакте и согласованности, для чего необходимо обязать Политбюро представлять доклады ежемесячно ко 2-му числу»⁴²⁴. Между тем недостатки в работе информационного аппарата на местах выявлялись и позже. В феврале 1924 г. в циркуляре за подписью заместителя председателя ОГПУ Г.Г. Ягоды отмечалось слабое проникновение в деревню и малые города, получение «казенной» информации от милиции, отделов исполкомов, малосодержательность «пухлых»

⁴²³ Колодникова Л.П. Проблемы истории советского общества... С. 233.

⁴²⁴ Советская деревня... С. 9–10.

госинфсводок с мест, которые отражают «жизнь губернии и особенно по рабоче-крестьянской периферии, нередко слабее, чем иная газета». Выход виделся в пересмотре и укреплении персонального состава инфаго (информационного аппарата губернских отделов), основным источником информации которых должны были стать оперативные, а не «казенные», данные. Начиная с 1924 г., постановка информационной работы ОГПУ положительно сказалась на повышении надежности сводок как исторического источника⁴²⁵.

Проведём анализ языка текстов. Даже извлеченные из сводок и обзоров ГПУ–ОГПУ тексты по Северному Кавказу характеризуются большим объемом, который усложняет исследование их содержания описательным методом. Решением этой проблемы может стать интеллектуальный анализ текста (*text mining*), нацеленный на извлечение скрытой информации из текстов, представляющих в виде неструктурированного массива данных⁴²⁶. Эта технология включает в себя процесс структурирования исходного текста с применением синтаксического анализа, использования некоторых лингвистических функций с последующей загрузкой в базу данных и интерпретацией результатов. Главная цель – превращение текста в структурированные данные, пригодные для анализа.

Одним из инструментов проведения такого анализа выступает компьютерная программа RStudio, являющаяся консолью языка программирования R, уже использованного в отечественной историографии⁴²⁷. Изучение сводок и обзоров ОГПУ по Северному Кавказу в рамках интеллектуального анализа текстов предполагает реализацию двух этапов: 1) препроцессинга

⁴²⁵ Виноградов В.К. Об особенностях информационных материалов ОГПУ... С. 58–61.

⁴²⁶ Jo T. Text Mining. Concepts, Implementation, and Big Data Challenge. Cham, 2019. P. 3.

⁴²⁷ Рыбаков Р.В. Использование приложения R в исторических исследованиях на примере анализа писем молодежи 1920-х гг. // Омский научный вестник. Серия: Общество. История. Современность. 2018. № 3. С. 18.

– предварительной обработки текста и 2) применения методов *text mining*, в частности латентно-семантического анализа (LSA), анализа тональности текстов (*sentiment analysis*) и метода латентного размещения Дирихле (LDA). Эти процедуры позволяют увидеть, насколько документы ОГПУ разных лет похожи друг на друга, как изменялся их эмоциональный фон с течением времени и какие темы в них имели интертекстуальный характер, конструировавший «чекистский» дискурс. Для достижения планируемых результатов использован ряд программных пакетов (lsa, SnowballC, tidytext, topicmodels, tm), встраиваемых в RStudio.

Для составления массива текста для анализа из всех сводок и обзоров ГПУ–ОГПУ с 1922 по 1929 гг., опубликованных в сборнике «Совершенно секретно...», были отобраны полные фрагменты текстов, сфокусированные на Северном Кавказе. Поскольку структура информационных материалов в сборнике неоднородная (в 1922 обзоры чередуются с госинфсводками, в 1923 – со спецполитсводками, в 1927 – с информсводками), А.Ю. Рожкову и Т.А. Рунаеву пришлось для машинной обработки все сводки за каждый месяц объединять в один блок, чтобы он по объему был соразмерен с текстами обзоров. Чтобы сделать корпус текстов «аккуратным»⁴²⁸, т. е. прошедшим препроцессинг, были пройдены все этапы предварительной подготовки. Тем самым была определена выборочная совокупность лексем, необходимая для проведения анализа. Если вначале корпус насчитывал 187489 слов, то после препроцессинга его объем составил 32115 терминов.

Применение методов интеллектуального анализа текста потребовало преобразования выборочной совокупности слов каждого года в матрицу «термин-документ» посредством пакета tm. Таким образом, тексты ОГПУ приобрели табличную форму, где столбцы – это тексты ОГПУ, распределенные по месяцам, а строки – это слова. В таком случае содержание ячейки – это

⁴²⁸ Silge J., Robinson D. Text Mining With R.A. Tidy Approach. Sebastopol, 2017. P. 85.

частота упоминания конкретного слова в сводках и обзорах конкретного месяца.

Проведём анализ интертекстуальности. Латентно-семантический анализ позволяет увидеть повторное выражение мыслей в разных текстах, определив в них совместное появление слов через значение косинусного сходства⁴²⁹. Установлено, что тексты ОГПУ по Северному Кавказу разных лет имеют практически идентичный словарный состав, о чем свидетельствуют значения косинусного сходства, полученные в ходе LSA: во всех сводках и обзорах ОГПУ, написанных в разные годы, значение косинусного сходства близится к единице. Иными словами, с 1922 по 1929 гг. ГПУ–ОГПУ обладало сложившимся терминологическим аппаратом, используемым в сводках и обзорах. Основой устоявшегося чекистского понятийного аппарата в обозначенный период являлись такие слова, как «кулак» (частота упоминаний = 866), «власть» (786), «хлеб» (721), «советский» (702), «собрание» (700), «рабочие» (662), «крестьяне» (650), «агитация» (574), «антисоветский» (552), «зажиточный» (551), «сельсовет» (504), «беднота» (501), «выступление» (412), «кулачество» (398), «середняк» (395), «налог» (377), «банда» (347), «перевыборы» (306), «слух» (305), «недовольство» (296), «война» (274), «коммунист» (271), «казак» (270), «земля» (248) и т. д. Однако, несмотря на поддержание общего курса применения терминов, с 1928 г. наблюдается дрейф словарного состава текстов ОГПУ. Именно после 1928 г. сводки и обзоры ОГПУ становятся менее похожими по словарному составу с аналогичными текстами предыдущих лет, но в то же время сохраняется их сходство с текстами 1929 г.

В условиях социальных изменений одной из стратегий дискурса является смягчение или усиление его содержания⁴³⁰. В машинном анализе текстов вектор дискурсивной стратегии позволяет определить анализ тональности текста, основывающийся на полярности, в границах которой слова имеют

⁴²⁹ Wild F. Learning Analytics in R with SNA, LSA, and MPIA. Berlin, 2016. P. 71, 76.

⁴³⁰ Reisigl M. Discourse-Historical Approach // The Routledge Handbook of Critical Discourse Studies. London; New York, 2018. P. 52.

отрицательную, нейтральную или положительную направленность настроений⁴³¹. Согласно принципу устройства использованного нами лексикона AFINN, адаптированного к русскому языку, отрицательная и положительная тональности текста находятся в диапазоне от -5 до 5 соответственно⁴³². Проведенный анализ тональности показал, что текстам ГПУ–ОГПУ с 1922 по 1929 гг. присуще использование отрицательных терминов: в каждом году обзоры и сводки обладают преимущественно негативным содержанием (столбики слева), что подчеркивает отрицательную тональность «чекистского» дискурса (рис. 1).

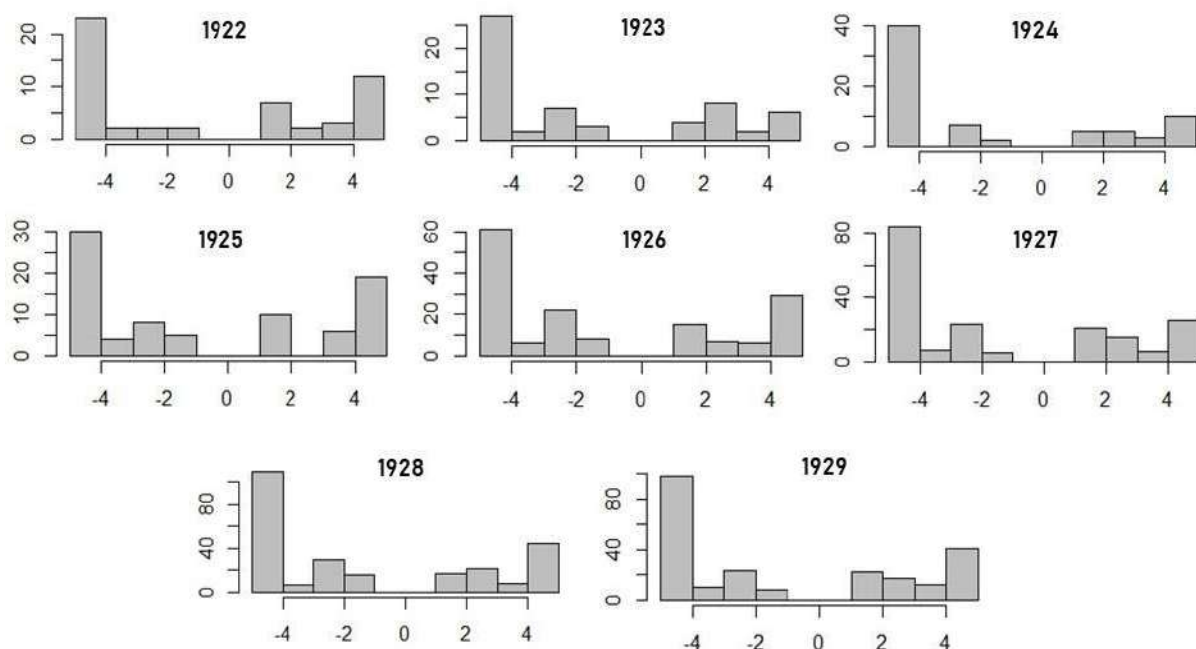

Рис. 1. Тональность текстов ГПУ–ОГПУ по годам (ось x – степень тональности; ось y – частота слов)

Картина распределения количества слов с негативными коннотациями по годам (рис. 2) позволяет сделать два заключения.

⁴³¹ Игнатов Г., Михальча Р. Текст майнинг. Интеллектуальный анализ текста: дизайн исследований, сбор данных и методы анализа. Харьков, 2021. С. 221–222.

⁴³² Silge J., Robinson D. Text mining with R. A Tidy Approach. Sebastopol, 2017. P. 13.

Во-первых, заметна тенденция к нагнетанию тональности дискурса в сводках и обзорах ГПУ–ОГПУ с 1922 по 1928 гг. Во-вторых, видно, что по количеству отрицательных терминов документы «Лубянки» заметно делятся на две группы: первая – с 1922 по 1925 гг.; вторая – с 1926 по 1929 гг. Тексты из второй группы наполнены негативным содержанием в три раза больше, чем документы из первой группы. В текстах первого периода самыми негативными терминами (со значением тональности – 5 при частоте упоминания ≥ 2) являются «бандитизм», «забастовка», «восстание», «нападение», «конфликт», «сопротивление», «террор», «столкновение», «бездеятельность», «зло», «ликвидация», «убийство», «драка», «избиение», «стычка», «ограбление». Во втором периоде, помимо перечисленных слов, появляются новые негативные термины (со значением тональности –5 при частоте упоминания ≥ 2), которые характерны именно для текстов 1926–1929 гг.: «отказ», «произвол», «халатность», «сволочь», «захват», «скандал», «протест», «угроза», «антисемитизм» и т.д. Это свидетельствует о том, что в «чекистском» дискурсе, отраженном в сводках и обзорах ОГПУ по Северному Кавказу, к 1926 г. произошел перелом, который усиливал негативное впечатление о происходивших в стране событиях и процессах.

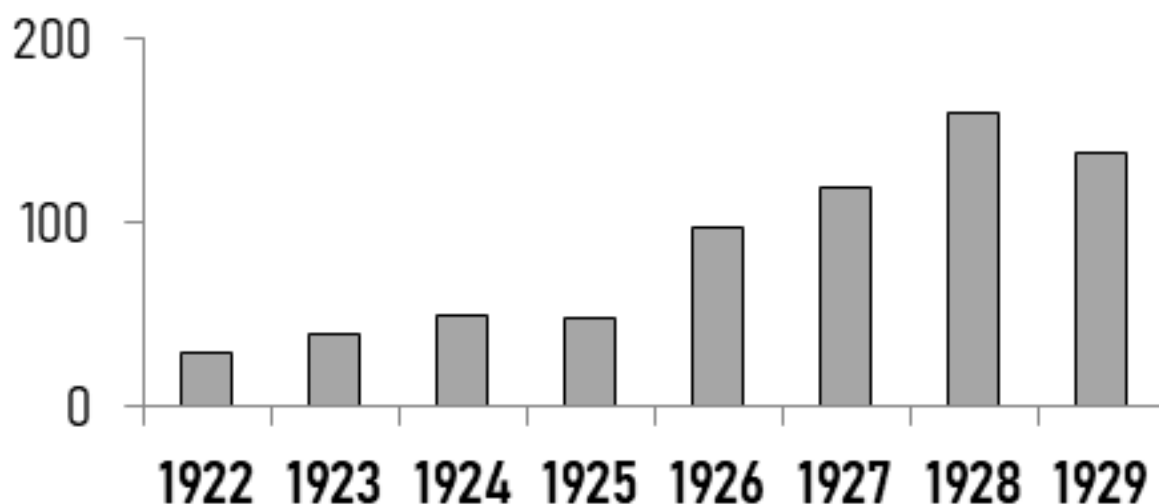

Рис. 2. Количество негативных слов в текстах ОГПУ

Между тем наряду с ростом негативной терминологии в текстах ОГПУ находились также слова с положительной коннотацией. Поэтому целесообразно учитывать соотношение негативной и позитивной тональностей в текстах. Благодаря сравнению средних значений тональностей документов ГПУ–ОГПУ видна динамика отражаемых в текстах настроений с учетом положительных слов: -0.815 в 1922 г., -1.708 в 1923 г., -1.944 в 1924 г., -0.730 в 1925 г., -1.205 в 1926 г., -1.529 в 1927 г., -1.347 в 1928 г., -1.167 в 1929 г. Средние значения в очередной раз подчеркивают, что в обозначенный временной промежуток «чекистский» дискурс испытал две волны изменений тональности: 1922–1925 гг. и 1926–1929 гг. (рис. 3). При этом настроения в текстах второй группы немного нивелируются, т. е., в отличие от более ранних сводок и обзоров, их тональность не колеблется из года в год, а эмотивный набор терминов становится устойчивым.

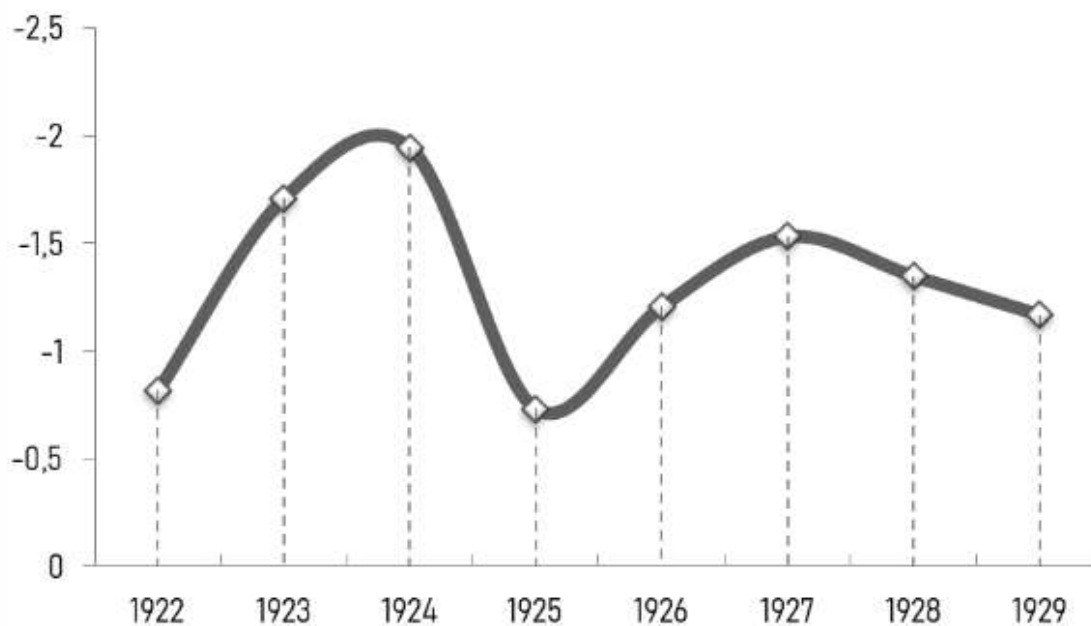

Рис. 3. Сравнение средних значений тональностей текстов ОГПУ

Даже за один месяц сводки и обзоры ОГПУ наполнены массой сведений, которые относятся к различным темам. Это накладывает ограничения на качественный анализ при выявлении

тем в корпусе документов ОГПУ. В машинном анализе текстов для определения тем дискурса распространен метод латентного размещения Дирихле (*Latent Dirichlet allocation*), который помогает выявить скрытые темы, присутствующие во всех документах массива. В программе RStudio за выполнение LDA в данном исследовании отвечают два пакета: `topicmodels` и `tidytext`. На выходе LDA предлагает перечень тем с присущими им терминами, а также доли тем в каждом отдельном документе⁴³³. После определения скрытых тем осуществляется их аннотирование (посредством коэффициента корреляции терминов, входящих в темы, с другими словами), позволяющее обобщить корпус текстов и извлечь контекст, в котором существовали документы⁴³⁴.

Всего алгоритмом LDA А.Ю. Рожков и Т.А. Рунаев выявили 20 тем, преобладавших в сводках и обзорах ОГПУ по Северному Кавказу (рис. 4). Их распределение во времени позволяет сделать несколько выводов по структуре «чекистского» дискурса. Во-первых, с годами заметно расширение тематического поля дискурса: к концу исследуемого периода темы, представленные в документах, становятся разнообразнее. Во-вторых, тематически наиболее связанными являются тексты 1928–1929 гг. В-третьих, имеются интертекстуальные темы, которые объединяют документы ОГПУ во времени и выступают основой «чекистского» дискурса. Среди таковых магистральных тем выделяются пять: «местная власть», «бандитизм», «социальная напряженность», «налогообложение» и «национальные движения».

⁴³³ Kwartler T. *Text Mining in Practice with R*. Hoboken, 2017. P. 155.

⁴³⁴ Kumar A., Paul A. *Mastering Text Mining with R*. Birmingham, 2016. P. 124.

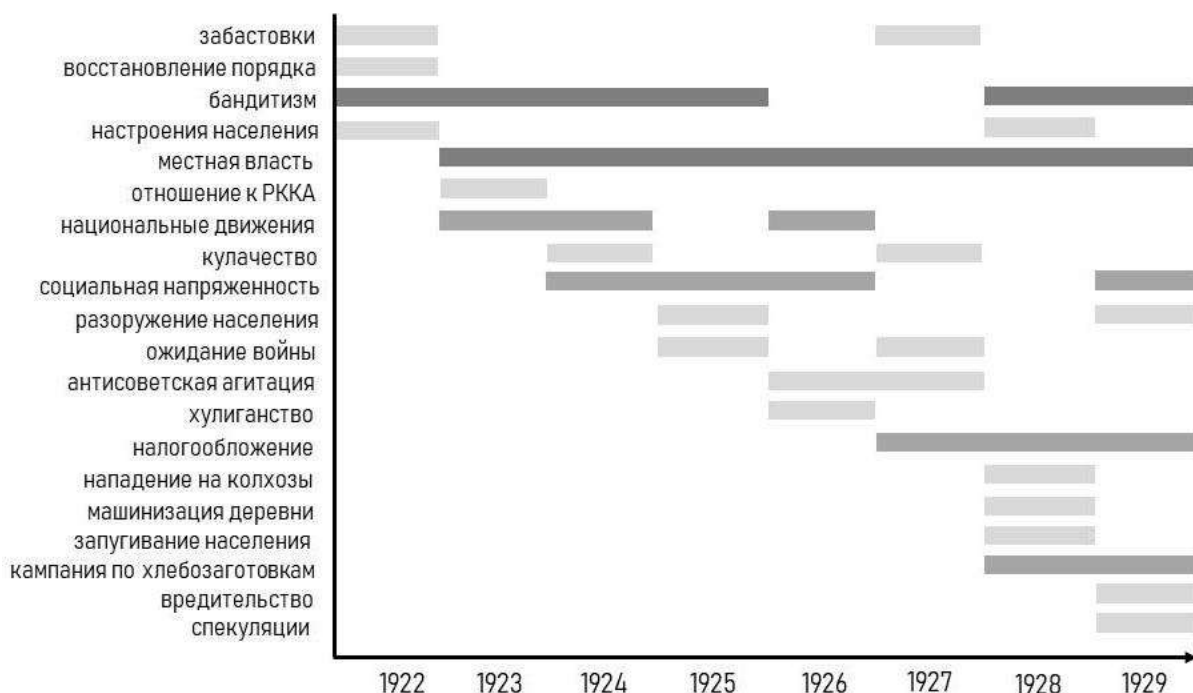

Рис. 4. Темы сводок и обзоров ОГПУ по Северному Кавказу, выявленные через LDA

Рамки исследования не позволяют представить подробное описание каждой из этих тем, поэтому иллюстративный материал дается только в первой из них, а по остальным четырем темам ограничимся текстовым изложением.

Тема «Местная власть» по среднему значению составляет 15% объема текста ежемесячно. LDA позволяет не только определить магистральные темы дискурса, но и увидеть их динамику, а также их смысловое наполнение. На рис. 5 видна динамика изменения доли темы «Местная власть» в изучаемый период: больше всего эта тема интересовала ОГПУ в марте 1923 г., в ноябре 1925 г., в январе 1926 г., в январе-феврале 1927 г. и в октябре 1929 г. Результат LDA показывает, что данная тема генерируется из таких терминов, как «население», «рабочий», «недовольство», «местный», «власть», «работа», «член», «группа», «группировка», «сельсовет», «председатель», «перевыборы», «зажиточный», «ВКП». Кроме того, данная тема имеет ассоциации (слова в текстах, которые обладают очень высокой степенью корреляции с терминами темы, где $r \geq 0.9$), к

которым относятся слова «казацкий» (1.00), «незаможник» (0.99), «бандит» (0.98), «избиратель» (0.98), «комячейка» (0.98), «политработа» (0.98), «кулак» (0.97), «средняк» (0.97), «кандидатура» (0.97), «избирсобрание» (0.96), «недоверие» (0.96), «наступление» (0.96), «эсеровский» (0.95), «волисполком» (0.94), «кандидат» (0.94), «предисполком» (0.94), «неустойчивость» (0.94). По основным терминам и ассоциациям виден главный лейтмотив темы: в составе сельсоветов присутствуют группировки кандидатов из антисоветских элементов (кулаков, казаков, середняков, бандитов, эсеров), что создает неустойчивость работы органов власти. Поэтому в течение всего рассматриваемого периода ГПУ–ОГПУ на Северном Кавказе особо интересовали перевыборы в местные органы с последующим распределением власти между социально-политическими силами в регионе: *«В ст-це Поповической на перевыборах образовавшаяся антисоветская группировка – бывший врангелевец, бывший белый бандит, бывший белый офицер, райстатистик и ветфельдшер – агитировали за выбор «наших» казаков-хлеборобов, а не коммунистов»* (апрель 1925 г.)⁴³⁵; *«В ст-це Ширванской кулаки совместно с бывшими политурядниками и атаманами пытаются организовать к перевыборам, чтобы провести в Совет “своих людей”»* (декабрь 1926 г.)⁴³⁶; *«На перевыборное собрание кулацко-зажиточные элементы явились с заранее обсужденным списком кандидатов в состав ККОВ, коих полностью и провели, провалив список комячейки...»* (январь 1928 г.)⁴³⁷ и т. д.

⁴³⁵ «Совершенно секретно»: Лубянка – Сталину о положении в стране (1922–1934 гг.). Сб. документов в 10 т. / отв. ред. А.Н. Сахаров, В.С. Христофоров. М., 2002. Т. 6. С. 265.

⁴³⁶ Там же. Т. 4. С. 995.

⁴³⁷ «Совершенно секретно»... Т. 6. С. 94.

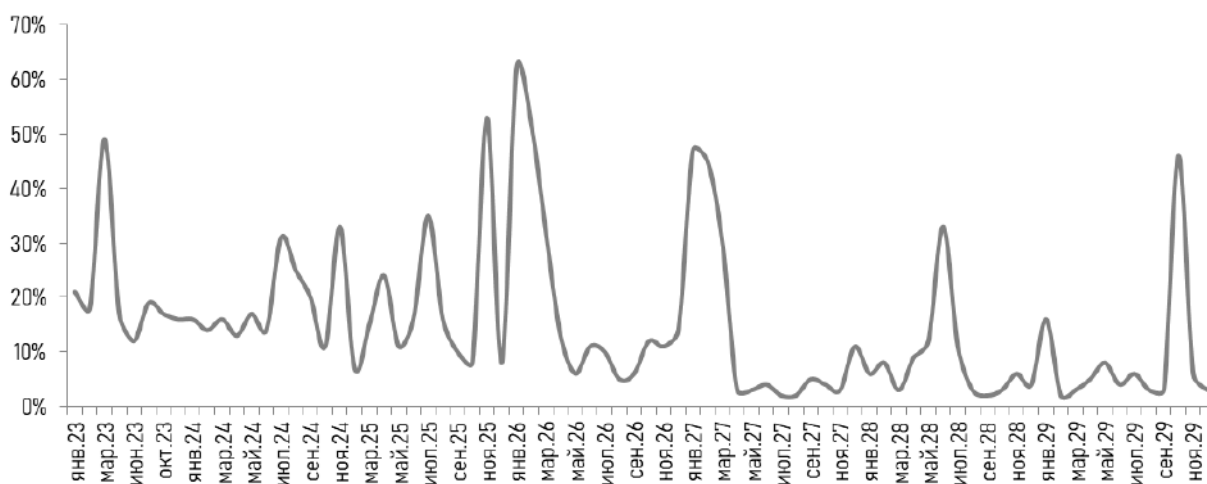

Рис. 5. Доля темы «местная власть» в каждом месяце сводок и обзоров ОГПУ

Тема «Бандитизм» в среднем составляет 18% объема текста каждого месяца, в котором она фигурирует. Сильнее всего эта тема интересовала ОГПУ в декабре 1922 г. и в декабре 1925 г. (66% и 62% соответственно от содержания обзоров). Ее основу составляют такие термины, как «агитация», «антисоветский», «банда», «бандит», «выступление», «восстание», «затруднение», «кулацкий», «хлебозаготовка». К ассоциациям темы ($r \geq 0.9$) относятся: «угрозыск» (0.99), «демонстрации» (0.96), «выступление» (0.95), «вредитель» (0.94), «воровской» (0.94), «дебосш» (0.94), «уголовщина» (0.94), «разоружение» (0.94), «религиозный» (0.94), «борьба» (0.91), «безработный» (0.91), «амнистия» (0.9), «казак» (0.9), «партизаны» (0.9), «теракт» (0.9). Видно, что термины и ассоциации предлагают очень пёстрый портрет бандита на Северном Кавказе: под понятие бандита попадали различные группы населения (казаки, кулаки, религиозные деятели, партизаны, безработные и т. д.), которые выступали против советской власти. Таким образом, тема бандитизма в дискурсе ОГПУ приобретала разные формы (политическую, национально-политическую, уголовно-бытовую, национально-бытовую): *«На Юго-Востоке бандитизм до сего времени определенно политический, не встречая сочувствия у станичников, чрезвычайно быстро вырождается в уголовщину...»*

(декабрь 1922 г.)⁴³⁸; «*Политбандитизм на Юго-Востоке мало активен и фактически носит организационный характер (установление связи с бандитами и с населением) <...> В горских округах края по-прежнему сильно развит уголовно-бытовой и национально-политический бандитизм*» (март 1924 г.)⁴³⁹; «*Национально-бытовой бандитизм в ряде районов продолжает сохранять устойчивость. В Кабардино-Балкарской, Адыгейско-Черкесской, Осетинской и Ингушской областях общая численность банд поднялась с ноября по декабрь с 34-х человек до 41 человека*» (декабрь 1925 г.)⁴⁴⁰.

Тема «Социальная напряженность» в среднем составляет 17% содержания ежемесячных документов, в которых она присутствует. Наибольший интерес социальная напряженность представляла в октябре 1924 г., в мае 1925 г., в мае 1926 г., в июне 1929 г. (61%, 58%, 53%, 46% соответственно от содержания обзоров). Тема формируется на следующих терминах: «русский», «деревня», «казак», «иностранец», «землеустройство», «земля», «село», «сельсовет», «толпа», «хозяйство», «убийство». Среди ассоциаций ($r \geq 0.9$) присутствуют: «почва» (0.98), «конфликт» (0.98), «дагестанцы» (0.96), «безработица» (0.95), «конокрадство» (0.95), «расслоение» (0.95), «спор» (0.94), «раскол» (0.94), «расправа» (0.93), «Кубань» (0.92). Тем самым основной лейтмотив темы – конфликты между казаками, иностранцами и горским населением Северного Кавказа, возникавшие на почве распределения земельных участков: «*В Дагестане массовый характер принимают споры на земельной почве между дагестанцами и горскими евреями*» (октябрь 1924 г.)⁴⁴¹; «*В ст-це Балаковской на собрании по вопросу о землеустройстве один из казаков заявил: “Мы, казаки, ждали Врангеля и ждем, и Врангель всё-таки придет, а тогда мы вас всех, иностранцев, переведем, и земли вам всё-таки не будет”*» (июнь 1925 г.)⁴⁴²; «*Столкновение на почве пользования пастбищами имело место на*

⁴³⁸ «Совершенно секретно»... Т. 2. С. 488.

⁴³⁹ «Совершенно секретно»... Т. 2. С. 70.

⁴⁴⁰ Там же. Т. 3. С. 723.

⁴⁴¹ Там же. Т. 2. С. 250.

⁴⁴² «Совершенно секретно»... Т. 3. С. 402.

границе Самурского округа Дагестана и Азербайджана» (май 1929 г.)⁴⁴³.

Тема «Налогообложение» в среднем ежемесячно занимает 15% объема обзоров, в которых она фигурирует. Больше всего интерес ОГПУ был прикован к ней с сентября по ноябрь 1927 г. (64%, 60% и 62% от содержаний обзоров соответственно). Тема генерируется из ряда терминов: «зажиточный», «Кавказ», «кампания», «налог», «новый», «обложение», «сельсовет», «хозяйство». К ассоциациям темы ($r \geq 0.9$) относятся: «досрочно» (0.95), «заработки» (0.95), «закон» (0.9). Тем самым нежелание зажиточного крестьянства (кулачества) на Северном Кавказе уплачивать сельхозналог – основной лейтмотив темы: *«Зажиточно-кулацкий элемент по селениям ведет агитацию против ЕСХН, указывая, что Дагправительство обложило население налогом больше, чем следует и что якобы в Терском округе налог взимается вдвое меньше» (ноябрь 1926 г.)⁴⁴⁴; «В с. Ново-Благодаринское четверо зажиточных агитируют за неуплату налога, заявляя, что тогда правительство пойдет на уступки и предоставит большие скидки» (октябрь 1927 г.)⁴⁴⁵; «20 октября в Каменно-Бродском районе со стороны кулаков и зажиточных усилились за последнее время тенденции к посылке ходоков в центр с ходатайствами о снижении сельхозналога и жалобами на местную власть, всячески оттягивая сдачу налога» (октябрь 1928 г.)⁴⁴⁶.*

Тема «Национальные движения» (нередко проявляющаяся в виде сообщений о конфликтах на межэтнической почве), когда она встречается в ежемесячных обзорах, в среднем занимает 18% объема. Тема наиболее выражена в мае 1924 г. и в мае 1926 г. (46% и 55% соответственно). Примечательно, что к концу 1920-х гг. вопрос о национальных движениях на Северном Кавказе в текстах ОГПУ постепенно теряет свою актуальность. Данная тема состоит из совокупности терминов, среди которых – «политический», «слух», «чечен», «черкесский», «русский», «земельный»,

⁴⁴³ «Совершенно секретно»... Т. 7. С. 256.

⁴⁴⁴ «Совершенно секретно»... Т. 4. С. 898.

⁴⁴⁵ «Совершенно секретно»... Т. 5. С. 623.

⁴⁴⁶ «Совершенно секретно»... Т. 6. С. 547.

«вопрос». Ассоциациями темы ($r \geq 0.9$) являются: «турецкий» (0.98), «антагонизм» (0.97), «арест» (0.97), «брожения» (0.97), «возмущение» (0.97), «контрреволюция» (0.97), «монархист» (0.96), «политбандитизм» (0.97), «политсекты» (0.97), «террор» (0.97), «спор» (0.94), «шейх» (0.91), «вооруженный» (0.9), «ликвидация» (0.9). Таким образом, ключевым лейтмотивом темы является возникновение на Северном Кавказе очагов национально-сепаратистских (повстанческих) сил, направленных против советской власти: *«В Чечне состоялся созванный турецким инструктором тайный съезд мулл, шейхов и влиятельных лиц по вопросу создания национального собрания»* (июнь 1923 г.)⁴⁴⁷; *«Положение Д[А]ССР за отчетный период характеризуется непрекращающимся антисоветским движением, все более ярко принимающим религиозные формы. Большую активность в этой области проявляют шейхи Али Гаджи Акушинский и Магомад Али Аджи»* (август 1924 г.)⁴⁴⁸; *«Движение за объединение Осетии среди национальной интеллигенции и торговых кругов Северной Осетии развивается уже давно. <...> Аналогичное, возглавляемое националистической интеллигенцией движение наблюдается в Чечне и Ингушетии (стремление к объединению обеих областей)»* (июнь 1926 г.)⁴⁴⁹.

Таким образом, интеллектуальный анализ текстов сводок и обзоров ГПУ–ОГПУ показал, что «чекистский» дискурс, сфокусированный на Северном Кавказе, в течение исследуемого периода обладал единым терминологическим аппаратом с превалированием постоянно усиливающегося негативного эмоционального фона. При этом нагнетание оценок настроений и сгущение красок при описании советской реальности сопровождалось обилием тем, интересовавших органы ГПУ–ОГПУ. К концу десятилетия темы становились более разнообразными и конкретными, что свидетельствует о регулярном расширении дискурса, представленного в сводках и обзорах ОГПУ, и / или об осложнении социальных отношений в

⁴⁴⁷ «Совершенно секретно»... Т. 1. С. 904.

⁴⁴⁸ Там же. Т. 2. С. 178.

⁴⁴⁹ Там же. Т. 4. С. 388.

региональной общности, которые фиксировала и осмысливала советская власть.

«Чекистский» дискурс в масштабах Северного Кавказа хронологически претерпел два этапа развития (1922–1925 гг. и 1926–1929 гг.), связанные между собой одними и теми же магистральными темами («местная власть», «бандитизм», «социальная напряженность», «налогообложение», «национальные движения»), которые поддерживали связь всего «чекистского» дискурса в рамках региона. Компьютерный анализ выявил, что эти «сквозные» темы зачастую не совпадают с принятой тогда структурой обзоров, что было затруднительно установить интуитивной интерпретацией чекистских текстов. Заслуживает внимания тот факт, что дискурс ОГПУ 1926–1929 гг., несмотря на высокий уровень негативного эмоционального фона, отсутствие резких перепадов настроений в сводках и обзорах, наличие магистральных тем внутренне неоднороден. Последние два года (1928–1929 гг.) рассматриваемого периода существенно отличаются от предыдущих лет по сходству словарного и тематического состава, что позволяет говорить о начале тенденции изменения дискурса в сводках и обзорах ОГПУ последующего десятилетия.

3. ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ МЕЖДУ ПОЛИЭТНИЧНЫМ ОБЩЕСТВОМ ЮГА РОССИИ И ВЛАСТЬЮ В СФЕРЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ (1920-е гг.)

3.1. «ПОВЕСТКА ДНЯ» ВЗАИМОДЕЙСТВИЙ МЕЖДУ ПОЛИЭТНИЧНЫМ ОБЩЕСТВОМ ЮГА РОССИИ И ВЛАСТЬЮ В СФЕРЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ

Актуальность исследований истории взаимодействий между полиэтничным обществом и органами партийно-государственной власти 1920-х гг. очевидна. Долгое время советская национальная политика ошибочно воспринималась как безальтернативная, жёстко диктуемая идеологическими императивами. Такая установка исследователей не позволяла выявить настоящий контекст динамично изменявшихся этнополитических процессов, причины принимавшихся властных решений. Напротив, масштабное рассекречивание архивных документов, проведённое после 1990 г., дало возможность историкам систематизировать и осмыслить новый массив источников об общественном мнении 1920-х гг., его особенностях применительно к различным этапам развития национальной политики, различным социальным и этническим группам.

Стало очевидным, что даже в авторитарных политических режимах органы власти действуют в определённом «коридоре возможностей» (в неоинституциональных исследованиях этот термин также называется «тропой зависимости», по-английски *path dependence*)⁴⁵⁰. Принимаемые органами власти идеологемы, стратегии политики, отдельные нормативно-правовые и административные решения, кадровые назначения детерминированы базовыми принципами общественной системы, преобладающей в обществе нормативной системой ценностей и установок поведения, предшествующим историческим опытом институционализации практик взаимодействия людей и их

⁴⁵⁰ Чеканцева З.А. Path dependence, политика времени и метаморфозы истории // Вестник Пермского университета. История. 2020. № 50(3). С. 5–16.

объединений. Выбор стратегии и тактики национальной политики, её приоритетов и агитационно-пропагандистских лозунгов значительно зависит также от ресурсной базы субъектов политики: совокупности экономических, социальных, политических, правовых и социокультурных ресурсов, которыми располагают властные структуры и правящие социальные группы.

М. Эзман ввёл для оценки влияния субъектов национальной политики термин «структура политических возможностей»⁴⁵¹. Данная структура означает совокупность нормативных и институциональных форм, принятых в том или ином обществе, а также ценностей и установок политической культуры по базовым вопросам: восприятие смысла власти, отношение к соблюдению законности, допустимость насилия, одобрение переговорных практик либо, напротив, одностороннего административного диктата. В итоге нормы и практики структуры возможностей открывают путь для самоорганизации этнических элит и движений или, наоборот, его закрывают; они в неравной степени создают условия для публичного выражения политических требований и их распространения в обществе. Следовательно, структура политических возможностей выражает условия формирования и распространения политических идей, формат стратегий и тактик взаимодействий по вопросам национальной политики; создаёт требования этнических групп и их элит; определяет пределы допустимого поведения участников взаимодействия.

Применяя данные теоретические представления для анализа национальной политики 1920-х гг. на Юге России, можно предположить, что «коридор возможностей» выбора вариантов этой политики определялся стадийным социально-экономическим различием уровней развития этнических ареалов, имперским наследием управления этническими группами со стороны централизованного и идеократического государства, полиюридизмом: сочетанием официально декларируемой государственной системы законодательства с неформальными

⁴⁵¹ Esman M. *Ethnic Politics*. Ithaca; New York, 1994; Esman M. *Political and Psychological Factors in Ethnic Conflict // Conflict and Peacemaking in Multiethnic Societies*. Lexington, 1990. P. 53–64.

практиками взаимодействия и компромисса. При этом культура выражения этногрупповых интересов и запросов в публичном пространстве была весьма слабо развита. Преобладали патрон-клиентарные практики неформальных взаимодействий. Насилие, по крайней мере, в 1920-х гг. воспринималось как легитимный с точки зрения общественного мнения и психологии способ отстаивания политических интересов. Государство применяло, например, депортации этнических и сословных групп, административным порядком направляло потоки мигрантов, и эти меры не встречали сколько-нибудь массового отпора и неприятия общества. Восприятие тех или иных этнических групп со стороны партийно-государственных руководителей 1920-х гг. во многом основывалось на стереотипных оценках степени их «революционности» или «контрреволюционности», фактов участия в Гражданской войне и повстанческих выступлениях⁴⁵².

Взаимодействия между этническими группами, их представителями и органами партийно-государственной власти целесообразно классифицировать по критерию степени конструктивности/деструктивности. Формы взаимодействий, таким образом, размещаются в широком спектре от всеобъемлющего непримиримого и насильственного конфликта до полного консенсуса. На деле, разумеется, преобладали промежуточные типы взаимодействий: локальные краткосрочные конфликты в насильственной или мирной форме, предъявление групповых требований в формах жалоб, обращений в органы власти и периодическую печать, предвыборная агитация, действия неформальных группировок по нажиму на органы власти и их представителей, проникновение сторонников этногрупповых интересов в органы власти, выступления на беспартийных конференциях, сельских сходах, заседаниях Советов и общественных организаций. При этом источники (письма и

⁴⁵² Клычников Ю.Ю. «По своим революционным заслугам имеют право рассчитывать на наибольшие преимущества...»: Горцы Центрального и Северо-Восточного Кавказа и Советская власть в 1920–1930-е гг. // Юг России в условиях революционных потрясений, вооружённых конфликтов и социально-политических кризисов, 1917–2017 гг. Ростов н/Д, 2017. С. 274–280.

жалобы в органы власти и в газеты, информационные сводки и обзоры органов ВЧК–ОГПУ) подтверждают наличие весьма контрастных мнений в обществе об одних и тех же исторических событиях. Оценки фактов и явлений не поддавались одномерной классовой логике их систематизации, а мотивы позиционирования того или иного человека или этнической группы были прагматическими.

Наиболее интенсивно и ярко взаимоотношения между органами власти и этническими, социальными группами проявлялись в сфере «повестки дня» общественного развития. Термин «повестка дня» активно применяется в социальных и гуманитарных науках, он означает набор тем или вопросов, диктуемых властью и определяющих новости и дебаты в обществе; совокупность идей, целей и ценностей, которые власть кладет в основу своей текущей политики; совокупность проблемных вопросов, затрагивающих интересы большей части общества и требующих принятия политических решений⁴⁵³.

Применительно к национальной политике РКП(б)–ВКП(б) на Северном Кавказе и в Крыму 1920-х гг. выдвинем гипотезу о том, что «повестка дня» включала в себя актуальные вопросы: выбор политического статуса полиэтничных регионов; распределение полномочий и предметов ведения между центральной и региональной (на уровне автономных республик, областей) властью; определение административных границ между субъектами федерации; решение сложных земельных вопросов (более 80% населения Юга России проживали в сельской местности); преференциальные меры в отношении «титульных народов» в автономиях и «позитивную дискриминацию» в отношении русского большинства населения; «коренизацию» партийного, государственного и хозяйственного аппарата

⁴⁵³ Маджоне Дж. Публичная политика и администрация: идеи, интересы и институты // Политическая наука: новые направления / под ред. Х.-Д. Клингеманна и Р. Гудина, М., 1999; Шестопап Е.Б. Политическая повестка дня российской власти и её восприятие гражданами // Политические исследования. 2011. № 2. С. 8; Митрохина Т.Н. Политическая повестка дня: понятие, специфика, факторы формирования // Дискурс-Пи. 2019. № 1 (34). С. 59–60.

управления; меры ликвидации неграмотности на родном языке и повышения статуса региональных языков; регулирование миграционных проблем.

Рассмотрим тенденции развития «повестки дня» взаимодействий общества и власти в сфере национальной политики на примерах Крымской АССР, Адыгее-Черкесской и Карачаево-Черкесской автономных областях. В данных регионах в 1920-х гг. достаточно рельефно проявились особенности партийно-государственного курса в отношении различных этнических и конфессиональных сообществ. Выбор объекта анализа вызван необычным для Северного Кавказа преобладанием славянского (в основном русского) населения, дисперсным проживанием автохтонных народов (крымских татар, адыгов, карачаевцев и др.), что влияло на специфику межэтнических отношений.

Степень изученности научной проблемы по различным аспектам неравномерна. Внимание национальной политике 1920-х гг. в Крымской АССР уделяют авторы разделов в коллективных обобщающих исследованиях истории Крыма – Г.Н. Кондратюк, Д.А. Прохоров, А.В. Мальгин, Р.И. Хаяли, В.П. Петров, Д.В. Соколов, Э.И. Сейдалиев, Д.В. Омельчук⁴⁵⁴, А.В. Ишин, В.Н. Пащенко, Л.А. Ясельская⁴⁵⁵. Сохраняет значение концептуальная статья В.Г. Чеботарёвой, в которой конфликты советской национальной политики в Крыму впервые исследованы в контексте земельных и миграционных проблем, сравнения позиций различных уровней и органов власти⁴⁵⁶. Г.Н. Кондратюк

⁴⁵⁴ История Крыма: в 2 т. / отв. ред. А.В. Юрасов. М., 2018. Т. 2. С. 457–527.

⁴⁵⁵ История Крыма с древнейших времён до наших дней (в очерках) / авт. кол.: Г.М. Буров, С.Г. Колтухов, Э.Б. Петрова и др. 5-е изд., испр. и доп. Симферополь, 2013. С. 321–341; Пащенко В.Н. Этногосударственное строительство в Крыму в первой половине XX века (1900–1945 гг.). Симферополь, 2008; Ишин А.В. Социально-политические процессы в Крыму в первой половине 1920-х годов: к 100-летию образования Крымской АССР. Симферополь, 2022.

⁴⁵⁶ Чеботарёва В.Г. Социальные противоречия национальной политики в Крымской АССР в 1920-е годы // Вопросы истории. 2006. № 12. С. 23–43.

опубликовал ряд документально насыщенных статей о политике «коренизации» в Крыму, особенностях партийно-государственного курса в отношении различных народов и конфессий⁴⁵⁷.

В современной историографии вырос интерес к идейным и правовым основаниям создания Крымской АССР. Аргументы в пользу многонационального, административно-экономического типа автономии обосновывают И.В. Евтюшкин⁴⁵⁸, В.В. Харабуга и В.А. Афанасьев⁴⁵⁹, Е.К. Минеева, А.П. Зыкина и А.И. Минеев⁴⁶⁰. Доводы в пользу этнической государственности крымских татар формулировали В.Е. Возгрин⁴⁶¹ и Н.В. Бекиров⁴⁶². Данная дискуссия проецируется и на оценки современного статуса Республики Крым.

Специализированные исследования партийно-государственной политики в отношении мусульман Крыма ведут

⁴⁵⁷ Кондратюк Г.Н. Этноконфессиональная политика в отношении мусульман Крыма в межвоенный период (20–30-е годы XX века) // Крымское историческое обозрение. 2018. № 1. С. 27–39; он же. «Нацмены Запада» в советской модели регулирования национальных отношений в Крымской АССР (20–30-е годы XX века) // Учёные записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Серия: Исторические науки. 2022. Т. 8 (74), № 2. С. 46–54.

⁴⁵⁸ Евтюшкин И.В. Многонационально-территориальная автономия в Крыму: историко-политологический анализ концепта // Вопросы развития Крыма. Науч.-практ. дискус.-аналит. сб. Симферополь, 2012. С. 5–21.

⁴⁵⁹ Харабуга В.В., Афанасьев В.А. Дискуссия о государственно-правовом статусе Крымской АССР (1921–1945) // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Исторические науки. 2021. Т. 7, № 3 (73). С. 133–148.

⁴⁶⁰ Минеева Е.К., Зыкина А.П., Минеев А.И. Народный комиссариат по делам национальностей РСФСР и создание Крымской АССР // Вестник Чувашского университета. 2022. № 2. С. 75–88.

⁴⁶¹ Возгрин В.Е. История крымских татар: очерки этнической истории коренного народа Крыма: в 4-х т. 3-е изд. Симферополь, 2013. Т. 3. С. 211–214.

⁴⁶² Бекиров Н.В. Право крымских татар как коренной нации Крыма на самоопределение // Кримські татари: історія та сучасність (до 50-річчя депортації кримськотатарського народу). Матеріали міжнар. наук.-практ. конф. (м. Київ, 13–14 травня 1994 р.). Київ, 1995. С. 58–76.

В.Ю. Ганкевич и З.З. Хайрединова⁴⁶³, Р.Н. Белоглазов⁴⁶⁴, Э.М. Хайруддинова⁴⁶⁵. Анализируется языковая политика 1920-х гг. как средство «коренизации» партийного, советского и хозяйственного аппарата управления⁴⁶⁶.

Научная проблема исследований национальной политики на Северо-Западном Кавказе имеет традицию исследований, начиная с 1920-х гг. Первые работы сочетали черты публицистики и исторического описания (брошюры Я. Раенко-Туранского⁴⁶⁷ и У. Алиева⁴⁶⁸). В 1930–50-х гг. внимание к теме было утрачено. Работы 1960–80-х гг. характерны расширением источниковой базы выводов при сохранении жёстких идеологических ограничений (А.О. Хоретлев, Д.Х. Мекулов)⁴⁶⁹. Историография постсоветского периода уделяет повышенное внимание дискуссиям о выборе статуса и границ автономий. Стала обсуждаться проблема развития разделённых народов (Т.П. Хлынина, с. 190-195; Аджиева)⁴⁷⁰. Системное исследование

⁴⁶³ Ислам в Крыму: Очерки истории функционирования мусульманских институтов / Е.Е. Бойцова, В.Ю. Ганкевич, Э.С. Муратова, З.З. Хайрединова. Симферополь, 2009. С. 272–327.

⁴⁶⁴ Белоглазов Р.Н. Восстановление правового статуса религиозного управления (муфтиата) мусульман в Крымской АССР в начале 1920-х гг. // Проблемы науки. 2015. № 1 (1). С. 51–56.

⁴⁶⁵ Хайруддинова Э.М. Всекрымские съезды мусульман Крымской АССР (1923-1925) // Учёные записки Таврического национального университета имени В.И. Вернадского. Серия: Исторические науки. 2012. Т. 25 (64). № 2. С. 217–224.

⁴⁶⁶ Кондратюк Г.Н. Функционирование крымскотатарского языка в органах власти и управления Крымской АССР в контексте политики коренизации (20–30-е гг. XX века) // Научный вестник Крыма. 2017. № 3 (8). С. 1-14.

⁴⁶⁷ Раенко-Туранский Я.Н. Адыге до и после Октября. Ростов н/Д; Краснодар, 1927.

⁴⁶⁸ Алиев У.Д. Карачай (Карачаевская автономная область): Историко-этнологический и культурно-экономический очерк. Ростов н/Д, 1927.

⁴⁶⁹ Хоретлев А.О. Адыгея под знаменем ленинизма. Майкоп, 1960; Мекулов Д.Х. Советы Адыгеи в социалистическом строительстве 1922–1937 гг. Майкоп, 1989.

⁴⁷⁰ Хлынина Т.П. Политика «положительного действия», автономии и разделённые народы на Северном Кавказе // Народы Северного Кавказа в

истории адыгов в 1920-х гг. провела З.А. Емтыль (Калашаова), опубликовавшая важные документы партийных и государственных инстанций, осветившая государственно-исламские отношения⁴⁷¹. Этнодемографию региона и административно-территориальные преобразования исследовали А.А. Куваева и З.Ю. Адзинова⁴⁷². Внимание стало уделяться обстоятельствам создания Шапсугского района⁴⁷³.

Наша работа выполнена в рамках актор-деятельностного подхода⁴⁷⁴, который обеспечивает выявление ресурсного потенциала участников национальной политики в Крыму 1920-х гг., их целеполагания и стратегий активности, а, следовательно, и степени влияния на реализуемый политический курс. Мы учитываем, что в крымском сообществе 1920-х гг., как и во всём СССР, сохранялись возможности влияния латентных, потенциально оппозиционных институтов: этнических и конфессиональных объединений, земельных обществ. Также мы

пространстве российской цивилизации: исторический опыт и современные проблемы. Материалы Всерос. науч. конф. 13–15 сент. 2011 г. Ростов н/Д, 2011. С. 190–195; Аджиева З.И. Формирование национальной бюрократии в автономных образованиях РСФСР в первые десятилетия Советской власти (на материалах Карачаево-Черкесии) (1920–1941 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Пятигорск, 2008.

⁴⁷¹ Емтыль (Калашаова) З.А. Жернова истории. Социально-политическая история адыгов конца XIX в. – 20-х гг. XX в. в очерках и документах. Краснодар, 2016.

⁴⁷² Куваева А.А., Адзинова З.Ю. Административно-территориальные преобразования на Северо-Западном Кавказе в первой четверти XX века // Вестник Майкопского государственного технологического университета. 2015. № 3. С. 20-26.

⁴⁷³ Бугай Н.Ф. Этнические меньшинства «с примитивной культурой и особым языком...»: «шапсугский вопрос» и пути его решения // Нациестроительство на Северном Кавказе: исторический опыт и современные практики. Ростов н/Д, 2012. С. 6-29; Иванцов И.Г. Становление автономии Шапсугского района (1924–1937) // Культурная жизнь Юга России. 2013. № 4 (51). С. 80а-84; Сивер А.В. Автономизация адыгейцев Краснодарского края в XX веке // Культурная жизнь Юга России. Краснодар, 2014. № 1 (52). С. 85-89.

⁴⁷⁴ Sztompka P. Society in Action. The Theory of Social Becoming. Chicago, 1991.

используем историко-сравнительный анализ, дающий возможность определить особенности национальной политики в Крыму, специфику этапов её развития и направленности в отношении различных народов.

Источниковая основа исследования включает в себя документы Политбюро и Оргбюро ЦК, комиссий и инструкторов ЦК, Крымского областного комитета РКП(б)–ВКП(б); постановления Президиума ВЦИК РСФСР об образовании автономий; результаты переписей населения 1920, 1921 и 1926 гг.; заключение Восточного отдела ОГПУ о проведении съезда мусульманского духовенства; информационные сводки ОГПУ по Крымской АССР; письма религиозных деятелей и граждан в органы власти.

«Коренизация» (1921–1932 гг.) определяется нами как стратегия национальной политики, состоявшая в обеспечении равноправия народов Советского государства путём предоставления институциональных, правовых и социокультурных преимуществ этническим меньшинствам, «позитивной дискриминации» русского населения. «Коренизация» проявилась в создании субъектов федерации и территориальных автономий по этническому принципу; в повышении участия этнических групп в партийных, советских и хозяйственных органах; в приоритетном развитии национальной письменности, образования и культуры; в переводе делопроизводства на языки этнических меньшинств. В различных регионах России «коренизация» имела свои особенности. Так, в Крыму данный курс сформулирован уже в конце 1920 г., раньше, чем во всероссийском масштабе. Образована сначала Мусульманская секция, а затем – Татарская секция при Крымском обкоме РКП(б), функции которой определялись как коммунистическая агитация и пропаганда в отношении данного народа, выдвижение советских и партийных кадров, меры в области образования, журналистики и музейного дела. Мусульманская секция переименована 8 января 1921 г. в Крымское областное Татарское бюро в статусе отдела при обкоме ВКП(б), она имела разветвлённую сеть секций в городах и уездах полуострова. С.Г. Саид-Галиев назначен председателем

Совнаркома Крымской ССР. В постановлении от 10 января 1922 г. ЦИК и СНК Крымской ССР объявил татаризацию аппарата власти и внедрение татарского языка в официальных учреждениях автономии. Создана постоянная комиссия при КрымЦИК по татаризации советского аппарата⁴⁷⁵.

Но эти стандартные для советских регионов структуры национальной политики были использованы этнической элитой для защиты своих интересов. Так, Крымоблтатбюро разрешило весной 1921 г. отмечать мусульманские праздники, предлагало провести беспартийную конференцию крымских татар, добиться возвращения 20 тыс. татар-эмигрантов из Румынии и Болгарии. На совещании крымскотатарских коммунистов в 1924 г. прозвучало требование назначать милиционеров по этническому признаку и обязать госслужащих знать татарский язык, что вряд ли было реально. В ответ в июле 1923 г. тезис о репатриации не одобрен обкомом РКП(б), а в 1924 г. Крымоблтатбюро упразднено. Удельный вес крымских татар в областной организации РКП(б) оставался недостаточным – 6,1% в 1924 г., что объяснялось во многом сельским проживанием народа и консерватизмом его культуры⁴⁷⁶.

Значительную роль в национальной политике занимал такой аспект, как государственно-исламские отношения. В начале 1920-х гг. партийные и государственные органы поощряли аресты священнослужителей всех конфессий, закрытие культовых зданий, запрещали богослужения и религиозное образование. Однако уже в начале 1922 г. инициативная группа выдвинула проект Положения о Народном управлении религиозными делами мусульман Крыма (НУРДМК). Соответствующий документ принят на разрешенном властями Всекрымском съезде мусульман 15 января 1923 г. Но конфликт по вопросам разрешения шариатского судопроизводства, обучения детей при мечетях, возврата общинам национализированных вакуфных земель вызвал отмену регистрации Народного управления со стороны ЦИК и

⁴⁷⁵ Брошеван В.М. Татары в Крымской АССР. 1921–1941 гг. Хроника в документах и материалах. Симферополь, 2005. С. 10, 12.

⁴⁷⁶ ГАРК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 102. Л. 20, 41; Ф. П-1. Оп. 1. Д. 358. Л. 28 об, 42–43, 56–56 об.

Совнаркома автономии⁴⁷⁷. Председатель НУРДМК И. Тарпый 12 июля 1923 г. направил наркомнацу РСФСР И.В. Сталину письмо с просьбой разрешить действие республиканского положения о Народном управлении, вернуть мусульманам мечети и медресе, вакуфные земли и религиозную литературу⁴⁷⁸. Уполномоченный по мусульманскому духовенству Восточного отдела ОГПУ Алексеев 4 июля 1924 г. дал заключение о целесообразности проведения Второго съезда мусульман Крыма, чтобы закрепить раскол духовенства и победу его «прогрессивно-лояльной группы». Это мнение было одобрено Антирелигиозной комиссией ЦК РКП(б), и съезд состоялся 1–5 сентября 1924 г., избрав лояльное советской власти руководство НУРДМК⁴⁷⁹. С осени 1924 по 1927 гг. органы власти допускали в Крыму шариатское судопроизводство по семейным и гражданским делам, исламское образование подростков старше 14 лет, добровольные сборы закята. Однако в 1928 г. принимаются секретные директивы ЦК ВКП(б) и Президиума ВЦИК РСФСР, во исполнение которых 20 июля 1928 г. административно-организационное управление ЦИК и Наркомпрос Крымской АССР запретили преподавание ислама в религиозных школах Крыма⁴⁸⁰. Одновременно крымскотатарский язык был переведён с арабской графики на латиницу, что подрывало преемственность этнической и религиозной культуры. В конце 1928 г. НУРДМК ликвидируется, начинается закрытие мечетей и медресе, уголовное преследование священнослужителей.

Для понимания национальной политики в Крыму надо обратиться также к этнодемографии и земельным отношениям. Согласно итогам региональной переписи 15 апреля 1921 г., на полуострове проживали 720,3 тыс. чел., в том числе горожан – 46,0%. Преобладали русские и украинцы – в совокупности 51,5%,

⁴⁷⁷ Ислам в Крыму... С. 274–286.

⁴⁷⁸ ЦК РКП(б)–ВКП(б) и национальный вопрос. Кн. 1. 1918–1933 гг. / сост. Л.С. Гатагова, Л.П. Кошелева, Л.А. Роговая. М., 2005. Кн. 1. С. 129–131.

⁴⁷⁹ Ислам и советское государство (1917–1936). Сб. документов / сост. Д.Ю. Арапов. М., 2010. Вып. 2. С. 81–85.

⁴⁸⁰ Ислам в Крыму... С. 314–315.

а также крымские татары – 25,9%. Другие народы составляли: евреи – 6,8%, немцы – 5,8%, греки – 3,3%, армяне – 1,6%, болгары – 1,4%, поляки – 0,8%, караимы – 0,7% постоянных жителей⁴⁸¹. Следует учитывать значительный отток населения, в том числе – крымских татар, греков, немцев в эмиграцию за 1918–1920 гг. Красный террор, а затем голод 1921–1922 гг. привели к сокращению численности населения к лету 1923 г. до 569,5 тыс. чел.⁴⁸² Стабилизация экономической и политической обстановки с 1924 г. вызвала обратные демографические тенденции. Всесоюзная перепись населения 17 декабря 1926 г. доказала значительный рост численности населения Крыма: до 713,8 тыс. чел., в т. ч. 46,3% – горожан. В этническом составе населения преобладали русские – 42,2%, крымские татары – 25,1% и украинцы – 10,8%. Среди этнических меньшинств наиболее многочисленными были евреи (включая крымчаков) – 6,4% населения, немцы – 6,1%, греки – 2,2%, болгары – 1,6%, армяне – 1,5%, поляки – 0,63%, караимы – 0,59%. Характерна неравномерная урбанизация народов, вызванная более модернизированным образом жизни русских (среди них 59,8% горожан), караимов (93,2%), евреев (90,9%), поляков (82,1%), греков (58,9%). Оставались преимущественно сельскими жителями крымские татары (среди них 21,6% составляли горожане), украинцы (36,8% горожан), болгары (12,1% горожан) и немцы (9,9% горожан)⁴⁸³. Многие населённые пункты были полиэтничными.

Расселение народов Крыма значительно влияло на земельные отношения. Значительные различия условий природопользования между засушливой степной, плодородными предгорной и южнобережной зонами полуострова предполагали широкое

⁴⁸¹ Предварительные итоги переписи в Крыму в 1921 г. Вып. 1: Порайонные и уездные итоги. Симферополь, 1922. С. 10–11.

⁴⁸² Усов С.А. Историко-этнографические очерки Крыма. Симферополь, 1925. С. 14–15.

⁴⁸³ Всесоюзная перепись населения 1926 года. Национальный состав населения по регионам РСФСР. Крымская АССР. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_26.php?reg=788 (дата обращения: 10.07.2022).

развитие арендных отношений, высокотоварных хозяйств помещиков и зажиточных крестьян. В крымскотатарском землепользовании большую роль играли вакуфные участки.

Большевики сначала избрали стратегию национализации земли. Крымский ревком приказом от 14 декабря 1920 г. национализировал все частновладельческие, ведомственные и вакуфные угодья, создав на них советские хозяйства⁴⁸⁴. Как подсчитали авторы «Истории Крыма», 978 совхозов в начале 1921 г. распоряжались 730 тыс. дес. земли, не имея ресурсов для их обработки. Но 39% крестьянских семей оставались безземельными, их посевы сократились на 30%⁴⁸⁵, особенно – в предгорной и горной полосе, где в основном жили крымские татары. Потеряв заинтересованность, крестьяне стали сокращать посевы и поголовье скота.

Характерно заявление уполномоченного деревни Кизилташ Красноармейского (Ялтинского) уезда И. Аджи-Мамута в Крымское представительство Наркомнаца от 6 июня 1921 г. Его автор жаловался на принудительные работы жителей в совхозе: «кто по бедности своей не мог подчиняться этому деспотическому гнету, [к тому – А.Б.] стали применять репрессии, угрожая конфискацией имущества, арестом... Мы требуем не только положить конец и предел произволу Южсовхоза, но и ликвидировать его, предоставив земли нам, трудящимся крестьянам»⁴⁸⁶.

Новый порядок землепользования усугубил последствия Гражданской войны, способствуя массовому голоду 1921–1922 гг. Так, в марте 1922 г. голодало 379 тыс. чел., а до лета 1923 г. погибли от голода около 100 тыс. чел. (15% населения Крыма)⁴⁸⁷. Наиболее пострадали от голода крымскотатарские селения, сосредоточенные в предгорной и горной полосе, специализированные на скотоводстве. По докладу секретаря

⁴⁸⁴ Ревкомы Крыма. Сборник документов и материалов / отв. ред. Л.Д. Солодовник. Симферополь, 1968. С. 92–93.

⁴⁸⁵ История Крыма... Т. 2. С. 469, 458.

⁴⁸⁶ ГАРФ. Ф. Р-1318. Оп. 2. Д. 16. Л. 118–118 об.

⁴⁸⁷ Зарубин А.Г., Зарубин В.Г. Без победителей. Из истории гражданской войны в Крыму. Симферополь, 1997. С. 337, 342.

Крымского обкома РКП(б) Ю.П. Гавена на VI областной партийной конференции 13 марта 1922 г., татары составляли до 70% голодающих⁴⁸⁸. Как считал председатель Татарского бюро Крымского обкома РКП(б) И.К. Фирдевс, татары насчитывали до 1/3 всех умерших от голода⁴⁸⁹.

Летом 1921 г. Крымский обком РКП(б) и Крымский ревком вынуждены отменить продразверстку. В постановлении Крымревкома «О наделении крестьян землей» от 24 июля 1921 г. впервые поставлена задача наделения безземельных и малоземельных крестьян угодьями для индивидуального пользования. Земля выделялась за счёт совхозов. Нормы землепользования устанавливались в соответствии с производственными возможностями крестьян, а не уравнилельно; нормы должны были определить районные съезды крестьянских уполномоченных⁴⁹⁰. Данный принцип утверждён I Всекрымским съездом Советов, принявшим закон Крымской ССР «О земле». Нормы землепользования в степных местностях составили в среднем 18–40 дес. на семью, в предгорных местностях 12–30 дес., а в горных районах – по 0,5–3 дес. угодий⁴⁹¹. По сведениям О.В. Волобуева, в 1928 г. средние посеы русских и украинских хозяйств в Крыму составляли 6,6 га, немецких – 12,8 га, а крымскотатарских – 3,0 га. По сравнению с дореволюционным периодом возросло землепользование всех народов, кроме немцев; наибольший прирост угодий (на 90%) отмечен у степных крымских татар⁴⁹². Часть помещичьих хозяйств (немецких и татарских) не была ликвидирована, активно использовалась аренда земли и инвентаря. В сравнении с порядком землепользования в Северо-Кавказском крае крымский вариант оставлял больше возможностей для дифференциации доходов и роста зажиточных хозяйств.

⁴⁸⁸ ГАРК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 115. Л. 197.

⁴⁸⁹ История Крыма... Т. 2. С. 460.

⁴⁹⁰ Ревкомы Крыма... С. 111–112.

⁴⁹¹ ГАРК. Ф. Р-460. Оп. 1. Д. 1471. Л. 12.

⁴⁹² Волобуев О.В. Рождение и судьбы новой крымской государственности в первой половине XX в. // Отечественная история. 1999. № 2. С. 92; Чеботарёва В.Г. Социальные противоречия... С. 25–26.

Немецкие семьи обладали большими наделами земли, чем представители других народов. Во многом это объяснялось ведением скотоводческого хозяйства и выращиванием технических культур в зоне рискованного полеводства (Евпаторийском, Джанкойском и других уездах). В 1928 г. средние наделы немецких хозяйств Крыма составляли 12,8 дес., русских хозяйств – 6,6 дес., крымскотатарских – 3,0 дес. на семью при том, что немцы стали основным объектом земельных конфискаций за 1915–1922 гг. и потеряли половину своих земель⁴⁹³. Однако передел земель шёл с большими затруднениями, поскольку татарские переселенцы из предгорных и южнобережных местностей, а тем более – евреи из Белоруссии были плохо подготовлены к ведению хозяйства в засушливых степных районах. На 1925 г. немцы владели свыше 22% посевов и 29% рабочего скота, они создавали 20% валового дохода сельского хозяйства Крыма⁴⁹⁴. Их высокотоварные хозяйства стали объектом ограничений, а свыше 50% немцев лишались избирательных прав⁴⁹⁵. В 1925 г. состоялось выселение бывших помещиков со своих земель в соответствии со всесоюзным нормативным актом.

В 1920 г. была создана немецкая секция при областном комитете РКП(б) в Крыму. Она соподчинялась агитационно-пропагандистским отделам обкомов и имела соответствующие задачи. Например, в Симферополе выпускалась малотиражная газета «Die Rote Krim», началась подготовка немецких «ответственных работников» в советско-партийной школе.

За 1923–1925 гг. органы власти почти не препятствовали обогащению индивидуальных хозяйств, поскольку требовалось быстро восстановить довоенный уровень производства. Среди немцев Юга РСФСР активно действовали благотворительные, культурно-просветительные, религиозные и кооперативные

⁴⁹³ Волобуев О.В. Рождение и судьбы новой крымской государственности в первой половине XX в. // Отечественная история. 1999. № 2. С. 92.

⁴⁹⁴ Дённингхаус В. В тени «Большого Брата»: западные национальные меньшинства в СССР, 1917–1938 гг. М., 2011. С. 117.

⁴⁹⁵ ГАРФ. Ф. Р-1235. Оп. 119. Д. 78. Л. 71; цит. по: Чеботарёва В.Г. Социальные противоречия... С. 26–27.

организации “Kulturverein”, «Колонист», «Союз южнороссийских колонистов и граждан германской расы», «Союз немцев-колонистов Причерноморья», имевшие связи с Германией и Австрией⁴⁹⁶.

Но по мере перехода к индустриализации экономическая политика в отношении немецких колоний ужесточилась. С 1926 г. это выразилось в росте налогообложения, отказе выделения кредитов и сложной техники для зажиточных семей, повышении удельного веса немцев, лишённых избирательных прав. Статус «лишенца» закрывал возможность зажиточным немцам участвовать в сельскохозяйственных кооперативах. Парадоксальным образом данный вектор сочетался с мерами коренизации, то есть созданием немецких районов и сельсоветов, повышением участия немцев, как и всех «нацменов», в органах власти, в партийных и комсомольских организациях.

Ещё одним конфликтогенным аспектом межэтнических отношений являлась переселенческая политика. Органы власти Крымской АССР поощряли переселение из горных и предгорных местностей на равнину, что улучшало землепользование крымских татар. План Наркомзема республики предусматривал переселение 8 тыс. семей из Бахчисарайского, Севастопольского, Судакского и Ялтинского районов, но на деле переселились только 542 семьи за 4 года⁴⁹⁷. Ещё 3500 татарских хозяйств председатель ЦИК Крымской АССР В.И. Ибраимов обещал разместить в Евпаторийском и Джанкойском районах⁴⁹⁸. Эта инициатива противоречила плану переселения евреев в равнинные районы Крыма и Приазовскую часть Кубани, выдвинутому Комитетом по землеустройству евреев-трудящихся (КОМЗЕТ) и одобренному Политбюро ЦК ВКП(б) 18 марта 1926 г. План КОМЗЕТ предполагал выделение в указанных районах Крыма 40 тыс. дес.

⁴⁹⁶ Айсфельд А. Исторический опыт и современные проблемы политической самоорганизации российских немцев // Немцы России: исторический опыт и современные проблемы политической самоорганизации. М., 2008. С. 72.

⁴⁹⁷ ГАРК. Ф. Р-460. Оп. 1. Д. 1471. Л. 6–12.

⁴⁹⁸ Чеботарёва В.Г. Социальные противоречия... С. 39–40.

земли для устройства более 1 тыс. семей⁴⁹⁹. Напротив, председатель ЦИК Крымской АССР В.И. Ибраимов и председатель Совнаркома Крымской АССР О.Г. Дерен-Айерлы настаивали на переселении из Румынии и Болгарии 400 тыс. крымских татар, покинувших полуостров в имперский период. 15 июня 1925 г. Дерен-Айерлы ходатайствовал перед Совнаркомом СССР разрешить въезд в Крым на первом этапе 20 тыс. татар-репатриантов и выделить для них 100 тыс. дес. угодий, обеспечить кредитование материальной помощи на срок 5 лет в размере 1300 тыс. руб. Председатель Совнаркома Крымской АССР сослался на то, что по закону автономной республики «О земле» первоочередное право наделения землей предоставлено именно татарам-репатриантам⁵⁰⁰. ЦИК Крымской АССР в 1924–1925 гг. принял ряд постановлений, запретивших въезд в автономию из других административных единиц СССР до завершения переселений внутри республики⁵⁰¹. В сентябре 1926 г. ЦИК создал Крымское общество помощи переселенцам и расселенцам, которое предназначалось для решения земельных проблем именно татар.

Итак, ЦИК и СНК Крымской АССР вошли в конфликт с союзными и всероссийскими руководящими инстанциями: с Президиумом ВЦИК, Совнаркомом СССР и Политбюро ЦК ВКП(б). Историю конфликта глубоко исследовали В.Г. Чеботарёва⁵⁰² и К.Ю. Могаричев⁵⁰³. Дискуссия вокруг вопроса – какой этнической группе дать преимущества при переселении в Крым подтверждала негласную подмену принципов политики: классового на этнопреференциальный. Противоречия в понимании целей «коренизации» привели к расколу в ноябре

⁴⁹⁹ ГАРФ. Ф. Р-1235. Оп. 119. Д. 76. Л. 10.

⁵⁰⁰ ГАРФ. Ф. Р-1235. Оп. 120. Д. 25. Л. 13–14, 34–37; Чеботарёва В.Г. Социальные противоречия... С. 38.

⁵⁰¹ ГАРФ. Ф. Р-1235. Оп. 119. Д. 76. Л. 39.

⁵⁰² Чеботарёва В.Г. Социальные противоречия... С. 23–43.

⁵⁰³ Могаричев К.Ю. «Наш новый советский Сион»: проекты и попытки создания еврейской национально-территориальной единицы в Крыму (1920–1940-е гг.). Симферополь, 2021. С. 98–150.

1925 г. Крымской организации РКП(б) по этническому признаку, а затем – к репрессиям против её «правой» группировки.

Конфликт разбирался комиссией ЦК ВКП(б) по крымским делам, на заседании которой 16 февраля 1926 г. секретарь Крымского обкома ВКП(б) С.Д. Петропавловский отстаивал взгляды «левой» группировки. Он заявлял: «мы в Крыму сейчас имеем... буржуазно-националистическую группу бывших милифардов [членов крымскотатарской партии «Милли Фирка». – А.Б.], которая сейчас ведет против нашей партии, против партийной организации в Крыму самую острую борьбу... Буржуазно-националистическая группа увязана, и очень тесно увязана с правой татарской группировкой нашей партии»⁵⁰⁴. «Левые», в основном русские и украинские, обвиняли «правых» в оглашении секретных партийных документов, выдвижении предвыборных списков против кандидатов-коммунистов.

Комиссия ЦК ВКП(б), инспектировавшая деятельность Крымской областной партийной организации в апреле 1925 г., указала на почти полное отсутствие работы по вовлечению немцев, греков, болгар и других национальных меньшинств в управление местными Советами⁵⁰⁵. Комиссия ЦК ВКП(б) приняла 22 февраля 1926 г. постановление, утверждённое на заседании Оргбюро ЦК. Линия обкома ВКП(б) и «левых» была названа в основном правильной. Лидеры «правых» – В.И. Ибраимов, О.Г. Дерен-Айерлы, И.К. Фирдевс были обвинены в противодействии обкому и областной контрольной комиссии, в блокировании выдвижения новых кадров. Председатель СНК Крымской АССР О.Г. Дерен-Айерлы снят с должности. Но члены Оргбюро ЦК пока ещё занимали позицию равноудалённости от «левых» и «правых», призывая к уничтожению группового деления⁵⁰⁶.

Состояние мер национальной политики в Крыму оценивалось в докладной записке ответственного инструктора ЦК ВКП(б) Г.А. Козлова от 13 июля 1927 г. Козлов полагал, что

⁵⁰⁴ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 113. Д. 171. Л. 21–22.

⁵⁰⁵ Хованцев Д.В. О национальной политике в Крымской АССР в 1920-е годы // Культура народов Причерноморья. 1999. № 8. С. 205.

⁵⁰⁶ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 113. Д. 171. Л. 4, 7–9.

«коренизация» аппарата управления проведена достаточно. В числе членов обкома ВКП(б) татар – 26%, а среди членов райкомов – 22%. Среди 62 членов ЦИК Крымской АССР русских – 23, татар – 21, украинцев и евреев – по 5, белорусов и латышей – по 2, немцев и эстонцев – по 1. Созданы 145 татарских, 108 русских, 46 немецких, 5 греческих сельсоветов. Достигнуто соразмерное представительство народов в органах управления. Но инструктор ЦК отмечал слабое представительство татар в составе коллегий наркоматов СНК Крымской АССР: 5 из 29 чел., в руководстве хозяйственных организаций и среди городских рабочих. Г.А. Козлов приводил противоречивые сведения: немцы насчитывают 3,3% советского аппарата и 13,3% выдвигаемых на хозяйственные должности, 1 школа первой ступени приходилась на 292 немца и 1252 русских⁵⁰⁷. «Коренизация» успешно развивалась и в сфере образования. Одна школа 1-й ступени приходилась на 457 татар, 1252 русских и 292 немца. Крымское государственное издательство в 1927 г. планировало 72,6% продукции к выходу на татарском языке, хотя издания оставались убыточными⁵⁰⁸.

Напротив, ОГПУ в «Обзоре политического состояния СССР за апрель 1927 г.» дало негативные оценки общественных настроений: «Переселение в Крым евреев вызывает недовольство коренного населения (русских и татар). Кулацкие и зажиточные элементы, а местами представители национальной интеллигенции, ещё больше разжигают неприязнь коренного населения к евреям-переселенцам, распространяя слухи о том, что Крым скоро станет еврейской республикой (Джанкойский, Симферопольский и другие районы). Антисемитизм имеет место также среди совработников, особенно татар (Джанкойский район)»⁵⁰⁹.

В итоге Партколлегия ЦКК ВКП(б) 20 января 1928 г. вынесла решение исключить председателя ЦИК Крымской АССР

⁵⁰⁷ ЦК РКП(б)–ВКП(б) и национальный вопрос. Кн. 1. 1918–1933 гг. М., 2005. Кн. 1. С. 499.

⁵⁰⁸ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 69. Д. 25. Л. 137–139.

⁵⁰⁹ «Совершенно секретно». Лубянка – Сталину о положении в стране (1922–1934 гг.): Сб. документов. В 10 т. / редсовет: В.С. Христофоров, А.Н. Сахаров, Г.Н. Севостьянов и др. М., 2003. Т. 5. С. 330.

В.И. Ибраимова из партии, снять его с государственных должностей за недопустимые для коммуниста и представителя власти действия: неправильное проведение директив обкома ВКП(б), безответственные выступления в газетах о переселении евреев, самовольное освобождение преступника⁵¹⁰. Ибраимов в феврале 1928 г. был арестован, а через два месяца приговорён к расстрелу за уголовное преступление (реабилитирован в 1990 г. по недоказанности обвинений). Вскоре состоялся суд над 63 членами «Милли Фирка», 53 из них были осуждены, в том числе 11 приговорены к расстрелу (высшая мера наказания заменена для большинства осуждённых на 10 лет тюремного заключения)⁵¹¹.

Комиссия по обследованию Крымской организации ВКП(б) в июле 1928 г. во главе с ответственным инструктором ЦК Н. Филатовым сделала вывод о наличии в государственных органах «ядра Милли Фирка». Вследствие этого, по мнению комиссии, ЦИК Советов Крымской АССР отказывался от выселения помещиков, сорвал землеустройство и кооперирование, способствовал повышенному влиянию кулачества в татарских деревнях. Совнарком и наркоматы, поскольку их руководство состояло из «классово чуждых элементов», возвращали избирательные права зажиточным «лишенцам» и духовенству, разжигая межэтническую и конфессиональную вражду. Замедленно создавались национальные сельсоветы. Почти ничего не делалось для решения проблем немцев, греков, других этнических меньшинств, переобложенных налогом. Партийная организация раскололась по этническому признаку на «русский актив» и «татарский сектор»⁵¹². Члены Оргбюро ЦК ВКП(б) обсудили 1 августа 1928 г. доклад комиссии во главе с Н. Филатовым и одобрили 8 августа резолюцию, в которой поставлены директивы покончить с искажениями национальной политики, в том числе: уничтожить землевладение помещиков, прекратить противодействие переселению в Крым из других регионов, ускорить уравнительное землеустройство, провести

⁵¹⁰ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 113. Д. 598. Л. 14; Чеботарёва В.Г. Социальные противоречия... С. 35.

⁵¹¹ История Крыма... Т. 2. С. 484.

⁵¹² РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 113. Д. 644. Л. 19–36.

чистку партийного и советского аппарата, обеспечить выдвижение представителей национальных меньшинств на должности⁵¹³. В Крым направлена специальная комиссия Президиума ВЦИК РСФСР, по итогам её работы 29 октября 1928 г. принято решение: усилить политику в отношении национальных меньшинств, создать новые национальные сельсоветы (в том числе, немецкие, еврейские и болгарские), активизировать издание политической и правовой литературы на языках этнических меньшинств⁵¹⁴. Президиум ВЦИК и СНК РСФСР приняли 11 февраля 1929 г. положение о земельной реформе и землеустройстве в Крыму, ликвидировав землепользование бывших помещиков, предоставив кредитные и агрономические льготы бедняцким и середняцким хозяйствам, кооперативам. Решение стандартно для советской аграрной политики в условиях коллективизации.

Новая Конституция Крымской АССР от 5 мая 1929 г. определяла статус русского и крымскотатарского языков уже не как государственных, а «общеупотребительных» и сделала упор на праве граждан свободно пользоваться любым языком. Центральная контрольная комиссия ВКП(б) исключила 20 октября 1929 г. из партии бывших руководящих работников Крыма: О.Г. Дерен-Айерлы, И.К. Фирдевса, К.Г. Мухтарова, А.М. Енбаева и Р.А. Сабирова за антисоветскую и антипартийную деятельность, связь с подпольной организацией «Милли Фирка»⁵¹⁵.

К началу 1930 г. в Крымской АССР проведена территориальная реформа, состоявшая в создании 8 национальных и 8 смешанных районов, в том числе 5 крымскотатарских, по 1 – украинскому, немецкому и еврейскому. Среди 426 сельсоветов 207 стали русскими, 144 – татарскими, 37 – немецкими, 14 – еврейскими, 8 – греческими и 3 – украинскими; 55 – смешанными. Неуклонно возрастал удельный вес крымских татар и других этнических меньшинств в партийных, советских и хозяйственных органах⁵¹⁶.

⁵¹³ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 113. Д. 647. Л. 6, 9.

⁵¹⁴ ГАРФ. Ф. Р-1235. Оп. 43. Д. 52. Л. 124–125.

⁵¹⁵ Чеботарёва В.Г. Социальные противоречия... С. 39–40.

⁵¹⁶ Хаяли Р.И. Организация и проведение политики коренизации: практика Крымской АССР (1920–1930-е годы) // Гуманитарные научные

Вследствие партийных указаний курс коренизации в отношении немцев Крыма, как и других этнических меньшинств, активизировался. В 1927 г. немцы стали составлять 9,9% председателей сельсоветов, что соответствовало их удельному весу в сельском населении. Но в составе ЦИК Крымской АССР, избранном тогда же, немцы составляли только 2 из 75 чел. (2,7%)⁵¹⁷. Было создано 46 немецких сельсоветов, из них 56,5% – впервые⁵¹⁸. Административно-территориальная реформа 1930 г. привела к созданию немецкого и других национальных районов в Крымской АССР.

В то же время, политика власти встречала активное неприятие зажиточных и религиозных слоёв немецких общин. Они призывали к эмиграции из СССР. По подсчётам В.З. Акопяна, эмигрировал за 1929 г. только в Германию с Юга России 5671 немец, на 68,5% – меннониты⁵¹⁹. Наибольший поток эмигрантов пришёлся на первую половину 1920-х гг. в связи с голодом и изъятием земли. Часть немцев выезжала из СССР без паспортов, пересекая границу в Закавказье нелегально. Немецкая секция при АППО ЦК ВКП(б) подготовила для Секретариата ЦК записку «Об итогах обследования немецких колоний Украины, Крыма, Северо-Кавказского края и Сибири» от 2 апреля 1929 г. В ней указывалось, что кулаки стремятся «создать единое религиозно-национальное объединение всех немцев», поддерживают религиозность, проникают в местные Советы, кооперативы и колхозы, комсомольские ячейки, разлагая их изнутри; призывают не служить в Красной Армии⁵²⁰. Отмечалось

исследования. 2017. № 5. URL: <http://human.snauka.ru/2017/05/23818> (дата обращения: 05.09.2022); Волобуев О.В. Рождение и судьбы... С. 92.

⁵¹⁷ ГАРК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 636. Л. 19, 7.

⁵¹⁸ ЦК РКП(б)–ВКП(б) и национальный вопрос. Кн. 1. 1918–1933 гг. М., 2005. Кн. 1. С. 500.

⁵¹⁹ Акопян В.З. Государственная конфессиональная политика в отношении лютеранских приходов Северного Кавказа в 1920–1930-е годы // Вестник Удмуртского университета. Серия: История и филология. 2017. Т. 27, вып. 4. С. 607.

⁵²⁰ Этноконфессия в советском государстве. Меннониты Сибири в 1920–1930-е годы. Эмиграция и репрессии: Документальные материалы. Новосибирск, 2009. С. 235–237.

«выхолащивание» советских институтов, используемых в оппозиционных целях: избрание руководителями и членами Советов противников власти; создание пионерских отрядов и колхозов «на бумаге» либо во главе с авторитетными противниками власти. Сопротивление немецких этнических элит было сломлено только в 1929–1932 гг. вследствие коллективизации и запрета религиозных общин.

Перейдём к анализу «повестки дня» взаимодействий общества и власти на Северо-Западном Кавказе. Выбор варианта автономий рассматривается как детерминированный интересами властных субъектов политики всероссийского и регионального уровня. Национальная политика РСФСР на Северо-Западном Кавказе осмысливается в качестве неразрывно взаимосвязанной с более широким контекстом внешнеполитического влияния Советского государства на Востоке, укрепления партийно-государственной системы власти, земельной проблемы⁵²¹.

На 1916 г. в Кубанской области этнические меньшинства (включая армян, немцев, греков и др.) составляли 4,4% жителей⁵²². Адыги составляли 2% населения области, дисперсно проживая в Екатеринодарском (6,3% жителей), Майкопском (5,6%) и Баталпашинском (около 6%) отделах. Также адыги составляли 3,4% населения Черноморской губернии. Карачаевцы были сконцентрированы в Баталпашинском отделе, где они насчитывали 12,5% жителей⁵²³. Даже с учётом изменений границ по переписи 1926 г. этнический состав населения автономий был неоднородным: в Карачаевской автономной области – 81,3% карачаевцев и 6,1% славянских народов, 1,8% адыгов; в Черкесской АО – 40,5% адыгов, 29,7% абазин, 16,8% ногайцев, 7,7% славян; в Адыгейской (Черкесской) АО – 46,1% адыгов,

⁵²¹ Хлынина Т.П. Современная историография о причинах административно-территориальных преобразований на Северном Кавказе в 1920–1930-е годы // Известия высш. учеб. завед. Северо-Кавказский регион. Обществ. науки. 2003. № 4. С. 55.

⁵²² Кубанский сборник на 1916 год. Екатеринодар, 1916. Т. 21. С. 12–14.

⁵²³ Почешхов Н.А. Гражданская война в Адыгее: причины эскалации (1917–1920 гг.). Майкоп, 1998. С. 20.

49,9% славян (поровну – русских и украинцев)⁵²⁴. Территории проживания автохтонных народов были экономически убыточными и чисто сельскохозяйственными, не было ни одного города с преобладанием адыгского или карачаевского населения.

В дореволюционный период отношения между автохтонными народами Северо-Западного Кавказа и славянскими народами характеризовались неравенством в землепользовании и сословными привилегиями казачества, значительным миграционным притоком, отсутствием автономии, что вызывало недовольство горцев. Новая волна миграций была отмечена в годы революции и Гражданской войны. Переселенческая политика советского правительства также поощряла заселение региона. При этом казаки и адыги были лучше обеспечены землей, чем иногородние крестьяне. Это признано в сводке № 1 (169) Информационного отдела ГПУ за 29 января – 3 февраля 1922 г.: «Русское население земли почти не имеет вовсе или имеет её значительно мало», помощи ему местные исполкомы во главе с муллами и эфенди не оказывали⁵²⁵. В земельной сводке Инфомотдела ГПУ № 27 (195) за 14 и 15 марта 1923 г. указано, что черкесы имели по 1,5 дес. земли на душу, а русские – по 0,2-0,5 дес. Пустовало 75% земли, так как ранее её адыги сдавали в аренду русским, а теперь опасались это делать, боясь конфискации со стороны властей⁵²⁶. В приложении к обзору ОГПУ политэкономического состояния СССР за 1924 г. отмечалось стремление адыгов забрать землю, сдаваемую в аренду зажиточными кулаками, что привело к избиению 20-30 чел.⁵²⁷ В Карачае земельный вопрос осложнялся отгонной системой скотоводства, требовавшей аренды и чересполосности земельных угодий. Жители горных местностей, обделённые землей,

⁵²⁴ Всесоюзная перепись населения СССР 1926 года: окончательные итоги. М., 1929. Т. IX. С. 34–51.

⁵²⁵ Советская деревня глазами ВЧК – ОГПУ – НКВД: Документы и материалы, 1918–1939. В 4-х т. / под ред. А. Береловича, В.П. Данилова. М., 2000. Т. 2. С. 58.

⁵²⁶ Там же. С. 83.

⁵²⁷ Там же. С. 256.

стремились переселиться на равнину. Это вызывало, например, конфликты между карачаевцами и кабардинцами.

Автохтонное население требовало выселения русских и украинцев. Но и славянское население, особенно – его казачья часть, представляло значительную силу, с которой власть должна была считаться. Это противоречие оказало весомое влияние на начальный этап формирования автономий. Особое место занимал земельный вопрос. Переход к уравнительному землепользованию в наибольшей мере затронул казаков. Территориальное размежевание автономий обострило и отношения между автохтонными народами Северо-Западного Кавказа: адыгами, карачаевцами, абазинами, ногайцами и др.

Этнополитические процессы на Северо-Западном Кавказе во многом отличались от общероссийских. На Северо-Западном Кавказе формирование национальных автономий проходило в крайне сложных условиях. Первые попытки создания автономий предприняты в Кубанской области и Черноморской губернии ещё в конце 1917 – первой половине 1918 г., но Гражданская война прервала этот процесс. Сложность национально-государственного строительства объяснялось наличием большого числа народностей, их малочисленностью и дисперсным проживанием. Факторами, осложнявшими становление автономий, были неурегулированные земельные отношения, память о Кавказской войне, влияние духовенства, низкий уровень грамотности, слабость партийно-государственного аппарата. Так, даже в 1927 г. Северо-Кавказский крайком ВКП(б) фиксировал уровень грамотности в Адыгее лишь 12%, а в Карачаево-Черкесии – 18,2% взрослого населения⁵²⁸.

Региональные партийные и советские функционеры подчас выступали против национальной автономии горских народов, обосновывая свою позицию низким уровнем экономического и культурного развития горских местностей, сомнениями в их политической лояльности. Следует учесть, что осенью 1920 г. произошли массовые мятежи под исламскими лозунгами в Карачае, Чечне и Дагестане. До лета 1924 г. в нагорной полосе

⁵²⁸ ЦДНИРО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 607. Л. 66.

Северо-Западного Кавказа активно действовали повстанческие отряды и казаков, и горцев. Ситуация оставалась нестабильной до разоружения населения в автономиях (1925 г.). Разведывательные органы РККА сообщали о сохранении значительных военных сил белой эмиграции и горской диаспоры в Турции⁵²⁹. Органы партийно-государственной власти оставались в горских местностях крайне слабыми и плохо информированными, как отмечал полномочный представитель ВЧК по Северному Кавказу К.И. Ландер в докладной записке в ЦК РКП(б) (январь 1922 г.)⁵³⁰.

В регионе тесно переплетались долгосрочные и краткосрочные проблемы, усугублявшиеся неумелыми действиями органов управления, представленных неопытными кадрами. В этих условиях советская власть вынуждена была корректировать содержание и формы национальной политики, исходя из ситуации на местах.

Национально-государственное строительство автономий Северо-Западного Кавказа в начале 1920-х гг. прошло сложный и противоречивый путь. Организационные формы автономий, уровень их полномочий были неясны и выбирались во многом методом проб и ошибок. В начале 1920-х гг. проявилось противоречие между завышенными ожиданиями части этнической интеллигенции, предлагавшей создать Северо-Кавказскую либо Адыгейскую ССР, и позицией органов власти Кубано-Черноморской области (отчасти – также Юго-Западного краевого бюро ЦК РКП(б)), предполагавшей крайне узкие масштабы автономии.

Адыгея и Карачай не вошли в состав Горской АССР, Весной 1920 г. был образован Кубано-Черноморский областной революционный комитет, чьи полномочия распространялись, в том числе, на местности проживания адыгов и карачаевцев. Не имея представителей в областном ревкоме, часть адыгской интеллигенции обратилась с предложением о создании Мусульманской секции в составе облревкома, но обращение было

⁵²⁹ Жупикова Е.Ф. Повстанческое движение на Северном Кавказе в 1920–1925 гг. М., 2016. С. 138-178.

⁵³⁰ ЦК РКП(б) – ВКП(б) и национальный вопрос / сост. Л.С. Гатагова, Л.П. Кошелева, Л.А. Роговая. М., 2005. Кн. 1. С. 120–128.

отвергнуто руководителями области⁵³¹. Позже Мусульманская секция была создана во главе с большевиком К.А. Мишуриевым, но её деятельность постоянно вызывала нарекания, так как проявлялась её неподконтрольность партийно-государственной политике. Секцию распустили и взамен создали на I съезде горцев Кубано-Черноморской области Горскую секцию во главе с абхазским большевиком Н.А. Лакобой⁵³². Горская секция тоже оказалась малоуправляемой, поскольку состояла из представителей этнической интеллигенции (например, М. Гатагогу) и духовенства. Во многом это объяснялось неустойчивостью советской власти в начале 1920-х гг. (массовые антибольшевистские выступления крестьян и казаков, международная изоляция), а в таких условиях этнические элиты сохраняли возможность добиться уступок у власти. Проявлялось требование части адыгской интеллигенции создать национальную республику в границах расселения черкесов до 1800 г. Так, на заседаниях II областного съезда горцев Кубани и Черноморья оппозицию возглавил представитель адыгской диаспоры в Турции Ю. Нагуч. Он заявил: «Нужно требовать от соввласти все то, что принадлежит горцам, в момент, когда РСФСР не признана иностранными государствами»⁵³³.

Противники такой позиции обосновывали свою позицию отсутствием подготовленных национальных кадров, территориальной разделённостью местностей проживания адыгов, негативным влиянием Турции и исламского духовенства на этнополитические процессы⁵³⁴. 2–8 марта 1921 г. второй съезд трудящихся горцев Кубано-Черноморской области рассмотрел вопрос о создании автономии адыгов. Предложение было отклонено из-за тяжелого экономического положения, в качестве компромисса создавался Горский исполком.

⁵³¹ ЦДНИКК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 8. Л. 8; ГАКК. Ф. Р.-158. Оп. 1. Д. 53. Л. 20.

⁵³² Раенко-Туранский Я.С. Указ. соч. С. 104, 110; ГАКК. Ф. Р-102. Оп. 1. Д. 25. Л. 249.

⁵³³ Емтыль (Калашаова) З.Я. Жернова истории... С. 141–142.

⁵³⁴ ГУ НАРА. Ф. Р.-466. Оп. 1. Д. 5. Л. 18.

В декабре 1921 г. III съезд горцев Кубани и Черноморья принял решение «просить высшие органы РСФСР о выделении трудящихся горцев Кубани и Черноморья и находящееся среди них иногороднее население в автономную Черкесскую область»⁵³⁵. Горский исполком обратился в Наркомат по национальным отношениям РСФСР с просьбой создать автономную область адыгов. Наркомнац принял решение о создании автономии, но запросил мнение Юго-Восточного бюро РКП(б) и Кубано-Черноморского облисполкома. Ответ последних был отрицательным. Тем не менее, положительное решение центральных органов было принято. Первоначально площадь автономии составляла лишь 2,6 тыс. кв. верст. 27 июля 1922 г. была образована Черкесская (Адыгейская) автономная область, в которую вошли волости Краснодарского и Майкопского отделов с компактным проживанием адыгов. Для сравнения, площадь Карачаево-Черкесской автономной области составляла 9,4 тыс. кв. верст⁵³⁶.

Что касается Черкесии, то она входила в состав Баталпашинского отдела Кубано-Черноморской области, где проживали также карачаевцы, русские, абазины, ногайцы. Первый съезд народа Карачая 11 ноября 1920 г. поддержал решение о вхождении в состав Горской АССР. На основании решения ВЦИК от 20 января 1921 г. южная часть Баталпашинского отдела отошла к Горской АССР, а в её составе – Карачаевскому округу. Мнение станиц Урупского и Зеленчукского районов, желавших остаться в составе Кубано-Черноморской области, гарантировать свои земельные и языковые права, не было учтено органами власти⁵³⁷.

Катализатором распада Горской АССР стало стремление Кабарды добиться статуса субъекта РСФСР. 1 сентября 1921 г. ВЦИК РСФСР принял постановление о выделении из состава

⁵³⁵ ГУ НАРА. Ф. Р-328. Оп. 1. Д. 4. Л. 133.

⁵³⁶ Куваева А.А., Адзинова З.Ю. Административно-территориальные преобразования на Северо-Западном Кавказе в первой четверти XX века // Вестник Майкопского государственного технологического университета. 2015. № 3. С. 20–26.

⁵³⁷ Очерки истории Карачаево-Черкесии / отв. ред. Р.Х. Джанибекова. Черкесск, 1972. Т. 2. С. 89.

Горской АССР Кабардинской автономной области, а 16 января 1922 г. коллегия Наркомнаца утвердила решение о выделении Кабардино-Балкарской автономной области⁵³⁸. Пример Кабарды дал аргументы Карачаю и Черкесии. Первые шаги к их автономии были сделаны 7–8 ноября 1921 г. на съезде трудящихся абазин, ногайцев и черкесов Баталпашинского отдела. Съезд трудящихся Карачаевского округа 20 ноября 1921 г. одобрил его выход из состава Горской АССР и создание совместно с карачаевцами и русскими отдельной автономии. Делегация Карачаево-Черкесии во главе с У.Дж. Алиевым добилась поддержки В.И. Ленина и И.В. Сталина, аргументируя свою просьбу слабой связью с Горской АССР. 12 января 1922 г. ВЦИК РСФСР выделил из состава Горской АССР Карачаево-Черкесскую автономную область с центром в ст. Баталпашинской⁵³⁹.

В автономиях сказывался дефицит кадров и вопрос выстраивания диалога с руководством Кубано-Черноморской и Терской областей, центральной властью. Вторая проблема была более сложной – формирование органов власти и местного самоуправления, способных решать задачи советского строительства. Поэтому неоднократно проводились реформы административно-территориального деления автономий, призванные приблизить аппарат управления к населению. Эти решения неоднозначны по последствиям, хотя они и привели к сокращению управленческого аппарата. Укрепление автономии требовало кадрового обеспечения. На основании решения пленума Кубано-Черноморского облисполкома в г. Краснодаре были открыты курсы повышения квалификации для национальных кадров.

По резолюции XII съезда РКП(б) в 1923 г., существовавшее административно-территориальное деление признавалось не

⁵³⁸ Даудов А.Х. Государственное устройство Горской АССР // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета. Сер. 2. История. 2012. Вып. 1. С. 34.

⁵³⁹ Орешин С.А. Политическая борьба в Карачае и становление национальной государственности карачаевского народа. 1917–1922 гг. // Современные тенденции развития науки и технологий. 2016. № 8-3. С. 107-108.

отвечающим новым политическим и экономическим потребностям страны. Одновременно был объявлен курс на «коренизацию» национальной политики⁵⁴⁰. Началась реформа административно-территориального устройства страны («районирование»). Органы власти исходили применительно к создаваемым автономиям из принципов наибольшей этнической однородности и экономической жизнеспособности. Краевое экономическое совещание Юго-Востока России, областные исполнительные комитеты и областные комитеты РКП(б) провели за 1923 – начало 1924 гг. значительную работу по обследованию автономий, обсудив противоречивые варианты реформ, предлагавшиеся с мест⁵⁴¹. В итоге Президиум ВЦИК РСФСР 2 июня 1924 г. принял постановление о районировании Юго-Восточной области (края), которое предусматривало в том числе разделение Кубано-Черноморской области на новые административно-территориальные единицы – округа и районы⁵⁴².

Осенью 1924 г. в составе Черноморского округа был образован Шапсугский район с центром в г. Туапсе. Район включал в себя аулы Карповский, Кичмай, Красноалександровский, Псеушхо, но его территория не была компактной и не получила выхода к Чёрному морю. Не было удовлетворено и предложение органов власти Адыгейской (Черкесской) АО о присоединении Шапсугского округа к данной автономии. Высказывавший наиболее радикальные требования представитель адыгской диаспоры, приехавший из Турции, Ю. Нагуч был арестован⁵⁴³. Согласно докладу Северо-Кавказского

⁵⁴⁰ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. 9-е изд., испр. и доп. М., 1984. Т. 3. С. 87-89.

⁵⁴¹ ГАРО. Ф. Р-3758. Оп. 1. Д. 309. Л. 1-3, 13, 19, 27; Р-1485. Оп. 1. Д. 132. Л. 33-66.

⁵⁴² ГАРО. Ф. Р-1485. Оп. 1. Д. 132. Л. 109-110.

⁵⁴³ Бугай Н.Ф. Этнические меньшинства «с примитивной культурой и особым языком...»: «шапсугский вопрос» и пути его решения // Нацестроительство на Северном Кавказе: исторический опыт и современные практики. Ростов н/Д, 2012. С. 6-29; Сивер А.В. Автономизация адыгейцев Краснодарского края в XX веке // Культурная жизнь Юга России. 2014. № 1 (52). С. 85-89.

краевого земельного управления о землеустройстве национальных меньшинств от 29 апреля 1927 г., в Шапсугском районе лесисто-горные местности, пригодные для использования, составляли 19 809 дес. на 5 473 чел. жителей; хозяйство оставалось убыточным⁵⁴⁴.

Административно-территориальные преобразования на Северо-Западном Кавказе в 1924 г. были вызваны необходимостью сократить расходы на аппарат управления, сделать взаимодействия населения с органами управления более удобными и оперативными. Полиэтническая Горская АССР вследствие конфликтов между своими частями была разделена на ряд автономных областей в прямом подчинении Северо-Кавказскому краю. Границы новых автономий были приведены в основном в соответствии с ареалами расселения народов, что проявилось в передаче ст. Баталпашинской, казачьих станиц Урупского и Зеленчукского районов из Карачаево-Черкесской АО в Армавирский округ. В составе Карачаево-Черкесской АО также был создан Казачий район.

Подведём итоги исследования. Крымская ССР создавалась как полиэтническая, территориальная автономия во многом по геополитическим мотивам (возможность экспорта революции в Турцию и на Ближний Восток). Такие факторы, как дисперсное проживание народов, сложный тип землепользования, низкий уровень социально-экономического и культурного развития этнических меньшинств затрудняли создание национальных районов. «Коренизация» обеспечивала весомое представительство крымских татар в органах представительной и исполнительной власти, чего нельзя сказать о ряде других этнических меньшинств. Политика РКП(б) в отношении ислама в Крыму оставалась относительно умеренной, её трансформации имели ту же логику, что и во всесоюзном масштабе. Конфликтность национальной политики проявлялась в формировании латентных институтов этнического протекционизма внутри партийных и государственных органов, в конкурирующих проектах расселения в Крыму татар-репатриантов и евреев. Эти процессы,

⁵⁴⁴ ГАРО. Ф. Р-1485. Оп. 1. Д. 409. Л. 142-143.

наложившись на общие тенденции политического курса – коллективизацию и централизацию власти, вызвали в Крыму репрессии в 1928 г., поставившие регион под жёсткий контроль. Конфликт по вопросам национальной политики в Крыму (1925–1928 гг.) завершился полной победой центральных органов власти и разгромом «правой» группировки в крымском партийно-государственном аппарате. Задачи и меры национальной политики были приведены в соответствие со всесоюзными тенденциями, что не привело к отмене «коренизации», означая её корректировку.

Установлены факторы, определившие особенности начального этапа создания автономий Северо-Западного Кавказа. Партийно-государственное руководство должно было решать одновременно задачи восстановления территориальной целостности и интеграции пространства бывшей империи, повысить статус автохтонных народов путём предоставления им автономий в рамках этнической модели федерализма и «коренизации» аппарата управления, что было сложной и противоречивой стратегией. Факторами, осложнявшими становление автономий, являлись: неурегулированные земельные отношения, память о Кавказской войне, влияние духовенства, низкий уровень грамотности, слабость партийно-государственного аппарата. Сложности процесса на начальном этапе обусловлены экономической и социальной отсталостью региона, сохранением рецидивов Гражданской войны в форме повстанческих выступлений, земельными противоречиями.

Образование автономий Северо-Западного Кавказа в условиях послевоенной разрухи, низкого уровня грамотности, высокой внутриэтнической фрагментации, малочисленности коренных народов способствовало преобладанию экономических мотивов районирования над этнотерриториальным. Но создание автономных областей повысило возможности развивать экономику Северо-Западного Кавказа, расширять хозяйственные связи с другими регионами, формировать управленческий аппарат.

Создание национальных автономий в регионе привело к серьезным территориальным изменениям, положив начало разрушению сложившихся в имперский период

административных и этнических границ, что привело к осложнению отношений между системой власти и различными народами Северного Кавказа. Территориальные изменения, будучи попыткой урегулировать конфликты, в свою очередь, порождали ряд межэтнических и социальных противоречий.

На начальном этапе нациестроительства на Северо-Западном Кавказе особое место занимал «русский вопрос». Славянское население, оставаясь влиятельным фактором на Северо-Западном Кавказе, испытывало противоречия в отношениях с автохтонными народами в экономической, политической и религиозной сферах. Создание Горской АССР и Адыгейской (Черкесской) автономной области шло при сопротивлении органов власти Кубано-Черноморской области по вопросам размежевания территории, землепользования и равного представительства народов в общественной жизни. Партийные и советские органы сдерживали центробежные настроения со стороны ряда представителей этнической интеллигенции и духовенства. Летом 1924 г. органы власти были вынуждены пойти на компромисс с интересами полиэтничного населения в аспектах: уравнительной земельной реформы, соблюдения законности, изъятия оружия, равенства народов, выведения части населенных пунктов с компактным проживанием русских из автономных образований.

Для РКП(б) задачи национально-государственного строительства были подчинены цели укрепления своей власти. Мы установили противоречивость национальной политики 1920-х гг. как средства консолидации лояльных власти групп, создания социальной базы, формирования кадрового потенциала власти. Следствием стало усиление межэтнических конфликтов в Крыму и на Северо-Западном Кавказе по мере перехода к решению задач коллективизации в конце 1920-х гг.

3.2. СИСТЕМА КОММУНИКАЦИЙ МЕЖДУ ОРГАНАМИ ВЛАСТИ, КАЗАЧЕСТВОМ, КРЕСТЬЯНСТВОМ, РАБОЧИМИ, ЭТНИЧЕСКИМИ ГРУППАМИ В СЕВЕРО-КАВКАЗСКОМ КРАЕ И КРЫМСКОЙ АССР

Взаимодействия между полиэтничным обществом и властью имеют определённую систему коммуникаций, которая

характеризуется субъектами и объектами взаимодействий, каналами и формами взаимодействий. Любая система коммуникаций строится не только целенаправленно в соответствии со стратегиями и тактиками власти, но и вырастает повседневно в ходе стихийных взаимодействий между индивидами, социальными группами, общественными организациями, средствами массовой информации.

Коммунистическая партия, придя к власти, создавала продуманную целостную систему воздействий на общественное мнение с целью его формирования и контроля над ним. Выражаясь современным языком, проводилась эффективная информационная политика ради того, чтобы обеспечить полный консолидированный контроль над общественным мнением. Для успеха столь амбициозной политики было необходимо:

- обладать полной, реалистичной и оперативной информацией о состоянии и изменениях общественного мнения;
- знать и контролировать особенности общественных настроений важнейших социальных и этнических групп общества;
- обеспечить постоянное согласованное воздействие на общественное мнение институтов политической социализации: партийных организаций, газет, школ, пунктов ликвидации неграмотности, изб-читален, комсомола, профсоюзов, женских советов и др.;
- использовать методы символической политики и политики памяти: создавать новые памятники, топонимику, праздники и обряды, формы общения и т.д.;
- своевременно и расчётливо изменять информационные воздействия сообразно текущей ситуации;
- добиться эффективной организации информационных потоков, финансирования усилий агитационно-пропагандистского аппарата;
- постоянно противодействовать оппозиционным настроениям и попыткам самоорганизации политических противников – зажиточных слоёв общества, священнослужителей, бывших представителей привилегированных сословий, участников Белого движения и антибольшевистских выступлений.

Применительно к сфере национальной политики добиться эффективной коммуникации органов власти с полиэтничным населением было особенно сложно. Причинами затруднений было плохое знание коммунистами (зачастую выходцами из других регионов России, нежели Северный Кавказ и Крым) местных языков, верований и обычаев; высокая текучесть кадров управления («переброски»); слабые сети информирования и влияния в отдалённых горных и степных районах. Например, типичной была ситуация, когда председателем местного (аульного) Совета в автономиях Северного Кавказа являлся имам, дворянин или чиновник дореволюционного времени. Заседания таких аульных Советов обычно проводились по пятницам перед мечетью и понятно, что зажиточные слои местных сообществ контролировали общественное мнение. Проблемой для органов власти была также политическая пассивность женщин, молодёжи, батраков и бедняков вследствие установок традиционной культуры на покорность судьбе. В документах 1920-х гг. часто встречаются упоминания «кланово-родовых» отношений, которым были подвержены даже местные коммунисты и комсомольцы. Так, происходили частые утечки секретной партийной информации по каналам тейповой и вирдовой солидарности. Должности на местах зачастую занимались по признаку сословной знатности, представителями княжеских родов или обладателями религиозного образования.

Типологически близкая ситуация складывалась в русских станицах и сёлах, где тоже существовали оппозиционные центры влияния: бывшие офицеры, атаманы, дворяне, представители местной интеллигенции. Подчас станичный общий сход имел больше влияния и финансовых средств, чем местный Совет, а поэтому диктовал Совету принимаемые важные решения. Особенно данные явления характерны для периода политики «Лицом к казачеству» (осень 1924 – весна 1926 гг.), когда во многих станицах издавались самодельные газеты и листовки оппозиционного содержания, активно распространялись слухи о слабости власти большевиков и их скором свержении.

Таким образом, в полиэтничном обществе 1920-х гг. на Северном Кавказе и в Крыму конкурировали противоположные по

политической направленности потоки информации, существовали, наряду с официальными, оппозиционные источники и каналы информирования населения и взаимодействий этнических групп. Но ситуация динамично менялась на протяжении 1920-х гг.

Рассмотрим коммуникации власти и полиэтничного сообщества на примере периода 1924–1926 гг., когда наблюдалась наибольшая степень самоорганизации социальных и этнических групп и достаточно детально фиксировались общественные настроения. Это был период «расширения нэпа» и проведения курса «Лицом к казачеству».

Плюрализм политических настроений особенно ярко проявлялся на Юге России – в аграрном, полиэтничном регионе, где социальные конфликты и наследие Гражданской войны сказывались на общественном мнении. Выбор информационных сводок ОГПУ в качестве основного источника объясняется регулярностью фиксации политических настроений, полнотой охвата тем, быстротой информирования, возможностью проследить исполнение и коррективы властных решений.

Научный анализ отдельных аспектов темы: курса «лицом к деревне» и «оживления Советов» начал проводиться в период «оттепели»⁵⁴⁵. В работах периода «перестройки» и 1990-х гг. (Ю.М. Голанда, М. Венера, В.А. Шишкина, О.А. Кужбы) созданы трактовки «расширения нэпа» как апогея экономических и социальных преобразований⁵⁴⁶. Современные исследователи стремятся осмыслить взаимодействие земледельцев и власти на

⁵⁴⁵ Перехов Я.А. Политика Коммунистической партии по вовлечению казачества Дона и Кубани в социалистическое строительство (1920–1925 гг.). Дис. ... канд. ист. наук. Ростов н/Д, 1966; Щетнёв В.Е. Классовая борьба в кубанской станице (1920–1927 гг.). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1968.

⁵⁴⁶ Шишкин В.А. Власть. Политика. Экономика: Послереволюционная Россия (1917–1928 гг.). СПб., 1997. С. 332–338; Венера М. Лицом к деревне: Советская власть и крестьянский вопрос (1924–1925 гг.) // Отечественная история. 1993. № 5. С. 86–107; Кужба О.А. Местные органы власти в 1925–1927 годах // НЭП: Завершающая стадия. М., 1998. С. 160–172.

основе методик исторической психологии (В.П. Булдаков⁵⁴⁷, И.С. Кузнецов⁵⁴⁸); коммуникативного подхода (Д.Х. Ибрагимова⁵⁴⁹, А.Я. Лившин⁵⁵⁰); истории повседневности (А.И. Рожков⁵⁵¹, О.М. Морозова⁵⁵²). Сложная динамика взаимодействий власти и казачества 1920-х гг. выявляется в работах Я.А. Перехова⁵⁵³, С.А. Кислицына⁵⁵⁴, А.П. Скорика и Р.Г. Тикиджьяна⁵⁵⁵. Но восприятие реформ крестьянами и казаками Юга России, влияние общественного мнения на власть изучены недостаточно.

В параграфе необходимо раскрыть социально-групповые различия политических настроений земледельцев казачьих регионов Юга России в условиях «расширения нэпа» 1924–1926 гг. на основе информационных документов ОГПУ.

Хронологические рамки анализа можно определить по направленности стратегии правящей партии – от пленума ЦК РКП(б) 25-27 октября 1924 г., принявшего решения о либерализации аграрной политики, до заседания Оргбюро ЦК ВКП(б) 29 марта 1926 г., начавшего свертывание нэпа⁵⁵⁶.

⁵⁴⁷ Булдаков В.П. Утопия, агрессия, власть. Психосоциальная динамика постреволюционного времени. Россия, 1920–1930. М., 2012.

⁵⁴⁸ Кузнецов И.С. Социальная психология сибирского крестьянства в 1920-е годы. Новосибирск, 1992.

⁵⁴⁹ Ибрагимова Д.Х. НЭП и Перестройка: массовое сознание сельского населения в условиях перехода к рынку. М., 1997.

⁵⁵⁰ Лившин А.Я. Настроения и политические эмоции в Советской России: 1917–1932 гг. М., 2010.

⁵⁵¹ Рожков А.Ю. В кругу сверстников: жизненный мир молодого человека в Советской России 1920-х годов. В 2-х т. Краснодар, 2002.

⁵⁵² Морозова О.М. Два акта драмы: боевое прошлое и послевоенная повседневность ветеранов Гражданской войны. Ростов н/Д, 2010.

⁵⁵³ Перехов Я.А. Власть и казачество: поиск согласия (1920–1926 гг.). Ростов н/Д, 1997.

⁵⁵⁴ Кислицын С.А. Государство и расказачивание. 1917–1945 гг. Ростов н/Д, 1996.

⁵⁵⁵ Скорик А.П., Тикиджьян Р.Г. Донцы в 1920-х годах: очерки истории. Ростов н/Д, 2010.

⁵⁵⁶ Баранов А.В. «Расширение» нэпа в 1924–1925 годах (К оценке кульминационного этапа преобразований) // Россия в XX веке: Реформы и революции. М., 2002. Т. 2. С. 117-123.

Территориальные рамки включают в себя округа в составе Северо-Кавказского края, созданные в пределах бывших Донской, Кубанской и Терской областей. Репрезентативность выборки в том, что население ареала составляло 6744,4 тыс. чел. (по переписи 1926 г.), в том числе 78,1% – сельское. Казаки в станицах Дона, Кубани и Терека насчитывали 2120,4 тыс. чел. (40,3% сельского населения). Ещё свыше 700 тыс. донских казаков проживали в Сталинградской губернии, составляя там до 50% жителей⁵⁵⁷.

Источниковую основу исследования составили опубликованные информационные сводки и обзоры ОГПУ, документы Российского государственного архива социально-политической истории; Центров документации новейшей истории Ростовской области, Краснодарского и Ставропольского краев.

Один из важнейших документов по истории политических коммуникаций в России 1920-х гг. – информационные сводки и обзоры ОГПУ. Их источниковедческое исследование провёл В.С. Измозик⁵⁵⁸. Составители сборников документов⁵⁵⁹ выявили содержание источника, его подвиды и оформление. На информационных материалах ОГПУ в первое постсоветское десятилетие были опубликованы работы, по-новому освещающие некоторые события и факты из ранней советской истории⁵⁶⁰. Со временем документы ВЧК – ОГПУ – НКВД стали широкодоступными благодаря изданию тематических сборников

⁵⁵⁷ Казачество Северо-Кавказского края. Итоги переписи населения 1926 г. Ростов н/Д, 1928. С. 3-11.

⁵⁵⁸ Измозик В.С. Глаза и уши режима: Государственный политический контроль за населением Советской России в 1918–1928 гг. СПб., 1995.

⁵⁵⁹ Советская деревня глазами ВЧК–ОГПУ–НКВД. 1918–1939. Документы и материалы. В 4-х т. Т. 2. 1923–1929 / под ред. А. Береловича, В.П. Данилова. М., 2000; «Совершенно секретно»: Лубянка – Сталину о положении в стране (1922–1934 гг.) / ред. совет: Г.Н. Севостьянов и др. М., 2001. Т. 2-4.

⁵⁶⁰ Великанова О.В. Образ Ленина в массовом сознании // Отечественная история. 1994. № 2.

документов⁵⁶¹, в том числе и по молодежной проблематике⁵⁶². В последнее время на основе этих источников вышло несколько работ, заслуживающих внимания⁵⁶³.

В июне 1920 г. Секретный отдел ВЧК приказом установил схему сводок и сроки их предоставления. На основе уездных сводок составлялись губернские, затем – общегосударственные. Последние могли иметь разное назначение: общее либо специализированное (по текущим актуальным вопросам). В 1921 г. вводятся обобщенные «госинформсводки». Обзоры политического и экономического положения РСФСР ежемесячно составлялись в Информационном отделе ОГПУ с 1922 г. Обзоры обобщали не только ежедневные госинформсводки, но и документы Советов, профсоюзов, партийных комиссий. С 1922 г. вводятся спецсводки Информотдела ОГПУ: промышленные,

⁵⁶¹ ВЧК–ОГПУ о политических настроениях северного крестьянства. 1921–1927 годы. По материалам информационных сводок ВЧК–ОГПУ / сост. Г.Ф. Доброноженко. Сыктывкар, 1995; Советская деревня глазами ВЧК – ОГПУ – НКВД. 1918–1939. Документы и материалы. В 4 т. / под ред. А. Береловича, В. Данилова. М., 2000–2012; Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927–1939. Документы и материалы. В 5 т. / под ред. В. Данилова, Р. Маннинг, Л. Виолы. М., 2000–2006; «Совершенно секретно»: Лубянка – Сталину о положении в стране (1922–1934 гг.). Сб. док. в 10 т. / отв. ред. А.Н. Сахаров, В.С. Христофоров. М., 2008–2017.

⁵⁶² Дьяков Ю.Л., Колодникова Л.П., Бушуева Т.С. Протестное движение в СССР (1922–1931 гг.). Монархические, националистические и контрреволюционные партии и организации в СССР: их деятельность и отношения с властью. По документам ВЧК – ОГПУ. М., 2012; Подпольные молодежные организации, группы и кружки (1926–1953 гг.): справочник / сост. И.А. Мазус. М., 2014.

⁵⁶³ Сочивко Е.А. Деятельность информационной службы ОГПУ в советской деревне в период реализации политики коллективизации // Известия Пензенского государственного педагогического университета имени В. Г. Белинского. Сер. Гуманитарные науки. 2011. № 23; Якушев В.Н. Информационное обеспечение ГПУ–ОГПУ СССР высших органов власти // Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета. 2005. № 11.

земельные, финансовые, военные, партийные, кооперативные, по советскому строительству⁵⁶⁴.

Наибольшая детализация информационных документов ОГПУ, их аргументированность характерна для 1923–1927 гг. Государственный аппарат к этому времени окреп и обрел бюрократические формы. Смягчение политического режима способствовало вниманию к общественному мнению.

Для перепроверки сведений важно учитывать процедуры прохождения сведений по инстанциям. Обзоры ОГПУ всегда содержали ссылки на цитируемые госинформсводки с указанием даты и делопроизводственного номера. Ко многим обзорам прикладывалась подборка цитат из сводок. Можно проследить путь сообщений от уровня района до общероссийского обзора.

Ценность сводок разного уровня и периодичности неодинакова. Самую подробную, но неупорядоченную информацию давали сельские и районные органы ОГПУ в ежедневных сообщениях и анкетах. Наиболее ценны еженедельные и двухнедельные сводки по районам, обзоры полномочных представительств ОГПУ по округам. В сравнении со спецсводками и ежемесячными обзорами повышена ценность госинформсводок. Они имеют отчетливую структуру, обязательное упоминание источников сведений и их датировку. Госинформсводки окружного и районного звеньев более детальны и достоверны, чем краевые и всероссийские. Наиболее содержательны и объективны еженедельные сводки округов. Ежемесячные обзоры полномочных представительств ОГПУ по краям и областям полезны в ином аспекте – они проясняют развитие общественного мнения.

Стоит согласиться с В.В. Кондрашиным в том, что документы ОГПУ специфичны, и «на них лежит печать составлявшей их организации, главной задачей которой была защита существующего политического режима»⁵⁶⁵. Между тем специфичность информационных документов ОГПУ не даёт

⁵⁶⁴ Советская деревня...Т. 1. С. 12.

⁵⁶⁵ Кондрашин В.В. Лубянка – Сталину о положении в сельском хозяйстве СССР в 1932–1934 гг. // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. 2018. № 1(45). С. 60.

основания для априорного недоверия к ним со стороны историков. Авторитетные специалисты Г.Н. Севостьянов, Т. Мартин, Т. Вихавайнен, В.К. Виноградов высоко оценивают степень достоверности и надежности информации ОГПУ, особенно в сравнении с ведомственной информацией⁵⁶⁶. Разумеется, это не снимает критических источниковедческих оценок относительно определенного субъективизма, перекоса в сторону негативной информации, сомнительной репрезентативности данных в этих документах. Вместе с тем отмеченные погрешности в большей мере влияют на персональные оценки и характеристики, единичные высказывания и отдельные факты. Для выявления основных тенденций общественно-политической жизни, общественных настроений они не имеют решающего значения, поскольку в достаточной мере нивелируются охватом большой территории и различных категорий населения.

Документы этнографических наблюдений анализируются по сборнику «Революция в деревне»⁵⁶⁷. Он содержит свидетельства о соотношении традиционной культуры и новаций. Полезны материалы обследований состояния станиц, проведенных партийно-государственными органами⁵⁶⁸. Анализ писем земледельцев в органы власти и газеты⁵⁶⁹, к родственникам-эмигрантам⁵⁷⁰ позволяет выявить различия восприятия власти различными слоями казачества и крестьянства.

Общественное мнение может быть определено как форма массового сознания, в котором проявляется отношение индивидов и социальных групп к событиям и явлениям повседневной

⁵⁶⁶ «Совершенно секретно»... Т. 1. С. 17–73.

⁵⁶⁷ Революция в деревне: Очерки / под ред. В.Г. Тана-Богораза. М.; Л., 1925.

⁵⁶⁸ Горюнов П. О казачьем вопросе (Из наблюдений и опыта работы по Ейскому району Донского округа). Новочеркасск, 1925. С. 18; Кубанская станица на выборах в Советы. Март 1925 г. Краснодар, 1925. С. 5-11.

⁵⁶⁹ Письма во власть. 1917-1927 гг.: Заявления, жалобы, доносы, письма в государственные структуры и большевистским вождям / отв. ред. А.К. Соколов. М., 1998.

⁵⁷⁰ Крестная ноша: Трагедия казачества / собр. В.С. Сидоров. Ростов н/Д, 1994. Ч. I; Информационный листок Объединенного совета Дона, Кубани и Терека. 1924. № 10. С. 18-22, 15.

жизни⁵⁷¹. Общественное мнение зависит от знаний индивидов и групп о политике и ее проявлениях, отношений к ним. Общественное мнение включает статичные (ценности, установки и стереотипы), а также динамичные компоненты (настроения по поводу текущих событий). Оно обуславливает типичные варианты поведения.

Динамика общественного мнения характеризуется изменениями круга значимых проблем и отношений к ним. Изменения восприятий политики зависят от уровня осведомленности индивидов и групп; уровня участия в повседневной политике и стереотипов деятельности. Соотношение общественного мнения и политических настроений можно раскрыть на основе определения Е.Ю. Зубковой. Политические настроения – это «сложный комплекс коллективных чувств, эмоций и суждений, отражающих текущие и перспективные ожидания, требования и претензии людей, а также представления о возможности их реализации в конкретной исторической ситуации. Общественные настроения, выраженные в форме оценочных суждений, выступают как общественное мнение»⁵⁷². Единицами анализа являются индикаторы: суждения о фактах и явлениях, слухи, лозунги, требования, призывы. Общественное мнение относительно легально проявлялось в 1924–1926 гг. Органы власти вынуждены были учитывать общественное мнение, выбирая стратегии и тактики политики.

Под политической активностью нами понимается форма социальной активности, реализуемая в сфере национальной политики, которая проявляется в совокупности отдельных действий, направленных на достижение политической цели⁵⁷³.

Для общественно-политического дискурса и специального делопроизводства 1920-х гг. характерны термины «болезненные явления», «хулиганство», «политические настроения»,

⁵⁷¹ Гавра Д.П. Общественное мнение как социологическая категория и как социальный институт. СПб., 1995. С. 63.

⁵⁷² Зубкова Е.Ю. Общественные настроения в послевоенной России 1945–1953 гг. Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 2000. С. 6.

⁵⁷³ Социология молодежи. Энциклопедический словарь / отв. ред. Ю.А. Зубок и В.И. Чупров. М., 2008. С. 11–14.

«антисоветские проявления», «антисоветские группировки» и т.д. В сводках и обзорах ОГПУ эти словосочетания нередко выносились в качестве подразделов информационных документов.

Выбор в пользу «расширения нэпа» можно понять в контексте краха германской революции и одновременного кризиса сбыта в советской экономике (лето – осень 1923 г.). Именно поэтому во внутрипартийной борьбе победила группировка, взявшая курс на построение социализма в изолированном СССР. Логика развития многоукладного общества требовала раздвинуть пределы нэпа, обеспечить защиту собственности и гражданских прав, пойти на допущение политического плюрализма.

Выбор такой стратегии требовал быстро и прочно расширить социальную базу власти, т.е. пойти на серьезные уступки крестьянству. Напротив, нэп оставался преимущественно «городской» политикой⁵⁷⁴. Осенью 1924 г. правивший триумvirат (И.В. Сталин, Г.Е. Зиновьев, Л.Б. Каменев) предложил масштабные уступки крестьянству. Н.И. Бухарин полагал, что переходное общество – цел-остная система, а противоречия между социальными группами неантагонистичны⁵⁷⁵. При таком подходе государство негласно переходило от «диктатуры пролетариата» к «гражданскому миру», установлению союза со всем «трудовым» крестьянством. Реформы осуществлялись во всех сферах общества, а не только в отдельных аспектах аграрной политики. Поэтому точнее назвать новшества 1924–1926 гг. «расширением» нэпа, а не более узким термином – «лицом к деревне».

Рассмотрим особенности условий реформ на Дону, Кубани и Тереке. Особенность региона, по мнению комиссии ЦК РКП(б), – то, что «методы нажима» на казачьем Юге, «где еще очень ярка память о наиболее резких периодах гражданской войны, проводились особенно решительно и жестко...»⁵⁷⁶. По признанию

⁵⁷⁴ Информационный листок Объединенного совета Дона, Кубани и Терека. 1924. № 10. С. 18-22, 15.

⁵⁷⁵ Бухарин Н.И. Избранные произведения. М., 1988. С. 62-63, 72, 77, 79; Пятый Всемирный конгресс Коммунистического Интернационала: Стеногр. отчет. М.; Л., 1925. Ч. 2. С. 79-80.

⁵⁷⁶ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 68. Д. 274. Л. 180.

партработника В.Ф. Черного, местные органы власти оставались военизированными и «часто в каждом жителе видели возможного изменника, не доверяя большинству населения, особенно казачьего»⁵⁷⁷. Как указывал секретарь Северо-Кавказского крайкома РКП(б) А.И. Микоян, корыстное использование «диктаторских прав» приводило коммунистов к «величайшей замкнутости» и непопулярности⁵⁷⁸. Докладчик на пленуме ЦК (апрель 1925 г.) заведующий Агитационно-пропагандистским отделом ЦК С.И. Сырцов признал: иногородние восприняли победу в Гражданской войне «в таком смысле, что с казачьей властью покончено, что теперь власть наша, власть иногородних». Крестьяне стали стремиться поставить казачество в «такое же бесправное положение, в которое иногороднее население было поставлено до этого времени казачеством». Сырцов делал важный вывод: «этот антагонизм стоит и на пути нашего хозяйственного развития, стоит поперек дороги тех хозяйственных задач, которые требуют в настоящее время скорейшего замирения»⁵⁷⁹. Т.е., предлагалась политика гражданского мира, а она требовала от власти стать арбитром в урегулировании сословных и классовых конфликтов.

Важно выяснить особенности социальной структуры казачества и «иногороднего» крестьянства. Казаки зажиточнее, но среди них (в отличие от «иногородних») преобладали середняки. В первой половине 1920-х гг. сословная принадлежность не учитывалась, но тенденции расслоения можно выявить по Всесоюзной переписи 17 декабря 1926 г. и гнездовой переписи ЦСУ 1927 г. Многофакторная группировка хозяйств, проведенная Л.И. Лакизо, даёт структуру казачества: 17,4% бедняцких и батрацких, 77,3% середняцких и 5,3% «кулацких» семей. Состав «иногородних»: 48,29% бедняков и батраков; 46,41% середняков; 5,3% «кулаков»⁵⁸⁰. Именно среди казачества в наибольшей мере

⁵⁷⁷ Чёрный В.Ф. Первое пятилетие советской Кубани // Красное знамя. Краснодар, 1925. 21 марта.

⁵⁷⁸ ЦДНИРО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 195. Л. 18-23.

⁵⁷⁹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 2. Д. 172. Л. 92, 93-94.

⁵⁸⁰ Всесоюзная перепись населения 1926 года. Северо-Кавказский край. Отд. 2. М., 1929. Т. XXII. С. 57, 202-203, 224-225; Лакизо Л.И.

выражена тенденция «осереднячивания». Статистика профессионального состава подтверждает наибольшую традиционность казачества. Казаки – наименее урбанизированная группа. Рабочие в 1926 г. составляли только 3,2% самодеятельной части казачества⁵⁸¹. Ликвидировав в 1920 г. сословность правовыми актами, советское государство ещё не могло реализовать «расказачивание» экономическими мерами. К 1925 г. казаки лишились лишь земель «нетрудового фонда», но сохраняло паевые наделы, весомо превышавшие наделы «иностранцев». Внутриселенное землеустройство проведено на 10-12% угодий трудового пользования⁵⁸². Этим объясняется стойкость этносословного единства казачества, замедленная его дифференциация.

Казаки сохраняли устойчивую уверенность в своём этносословном единстве, отличающем их от остального русского населения. Официальная пропаганда «классовой борьбы» принималась за выдумку власти. Хотя монархизм подорван за десятилетие войн и революций, идеал государства для казаков – в прошлом с его общинностью, православием, трудовой зажиточностью. Традиционны и требования к местным чиновникам – деловитость, знание сельского хозяйства, жизненный опыт (даже 40-летних мужчин считали не созревшими для руководства). Характерна неприязнь хлеборобов к большинству местных коммунистов – пришлых, не владеющих местным наречием, занятых мздоимством вместо земледельческого труда⁵⁸³. Казаки стремились превратить сельские Советы в подобие станичного схода на дореволюционный лад. Земельные общества 1920-х гг. (бессословные общины) тоже ограничивали власть Советов, создавая элементы двоевластия. Информационный отдел ЦК

Характеристика кулачества северокавказской деревни (По материалам Всесоюзной переписи населения 1926 г.) // Изв. Сев.-Кав. науч. центра высш. школы. Обществ. науки. Ростов н/Д, 1980. № 4. С. 60–61.

⁵⁸¹ ЦДНИРО. Ф.7. Оп. 1. Д. 93. Л. 124, 125, 130, 131.

⁵⁸² ГАРФ). Ф. 1235. Оп. 103. Д. 696. Л. 126; Горюнов П. Указ. соч. С. 18-21, 25.

⁵⁸³ ГАРО. Ф. Р-1485. Оп. 1. Д. 224. Л. 110.

РКП(б) свидетельствовал в справке по казачьему вопросу: «Авторитет старых атаманов и командиров в массе еще непоколебим», часто звучали требования восстановить войско и даже избрать «батюшку царя».⁵⁸⁴

Давление земледельцев на власть в 1924 г. нарастало. Наряду с экономическими требованиями зажиточные и середняцкие слои настойчиво выдвигали политические лозунги – провести реабилитацию «лишенцев», создать «Союз хлеборобов», обеспечить свободные выборы Советов. Обострились классовые и сословные конфликты, что проявилось в попытках бойкота выборов осенью 1924 г.

Качественные изменения курса начаты решениями пленума ЦК 25-27 октября 1924 г. Предложено провести «свободные» выборы в Советы. В связи с медленным изживанием сословной розни создана комиссия ЦК РКП(б) по казачьему вопросу⁵⁸⁵. Осторожные уступки земледельцам начались в регионе после пленума Северо-Кавказского крайкома РКП(б) 21-24 ноября 1924 г. Поощрялось вовлечение беспартийных в работу Советов. Секретарь крайкома А.И. Микоян заявил, что «нужно тактически отказаться» от противопоставления крестьян казакам⁵⁸⁶. А.П. Смирнов и В.В. Куйбышев потребовали ограничить притеснения «кулачества», от которого надо отличать старательных середняков⁵⁸⁷.

29 декабря 1924 г. Президиум ЦИК СССР постановил провести повторные выборы в местностях, где нарушался порядок голосования или явка граждан ниже 35%. По ходатайству Северо-Кавказского крайисполкома Президиум ВЦИК РСФСР 26 января 1925 г. амнистировал репатриантов и значительную (до 40%) часть «лишенцев»⁵⁸⁸. При исполкомах Советов создавались комиссии по амнистии. По новой инструкции о выборах земледельцы

⁵⁸⁴ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 2. Д. 150. Л. 57, 67.

⁵⁸⁵ ЦДНИРО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 8. Л. 79; Д. 6. Л. 28.

⁵⁸⁶ ГАРО. Ф. Р-1485. Оп. 1. Д. 3. Л. 41-50; Молот. Ростов н/Д, 1924. 23 дек.

⁵⁸⁷ Избирательная кампания в Советы РСФСР. М., 1925. Вып. 2. С. 11; ГАРО. Ф. Р-1485. Оп. 1. Д. 8. Л. 14-16 об.

⁵⁸⁸ ГАРО. Ф. Р-1485. Оп. 1. Д. 224. Л. 9.

включены в состав избирательных комиссий, запрещены безальтернативные списки кандидатов.

Перевыборы местных Советов (февраль-март 1925 г.) прошли при невиданной активности хлеборобов, прежде всего – их казачьей части. Явка сельских избирателей в крае выросла с 30,3 до 40,6%. Резко сократилось участие в станичных Советах: большевиков (с 27,2 до 10,2%), служащих и интеллигентов (с 18,9 до 11,0%), «иностранцев» крестьян (с 72,0 до 51,9%). Расширилось представительство беспартийных казаков (с 28,0 до 48,1%), середняков (с 37,9 до 48,1%) и зажиточных (с 0,4 до 6,7%)⁵⁸⁹. Только система косвенных выборов и процедурные уловки позволили РКП(б) сохранить контроль над районным звеном Советов.

Анализ отчетов об избирательной кампании 1925 г., выступлений на совещаниях по советскому строительству приводит к выводу: ядром оппозиции были подпольные группы. Они состояли из «лишенцев» – офицеров, зажиточных хлеборобов, репатриантов, священнослужителей и учителей. Группы вели открытую агитацию на станичных сходах и предвыборных собраниях, спланировав основную массу середняков и всё казачество на почве недовольства местной властью. Как отмечал заместитель председателя Донского окружного исполкома Советов Шаповалов, «беднейшие казаки по невежеству и под влиянием также проникнуты сословной враждой... Коренных разногласий зажиточных казаков с беднейшими, которые приводили бы к открытым столкновениям, не наблюдалось». Зажиточные иностранцы «мирны и дружелюбны» с казаками⁵⁹⁰.

Требования казаков, выраженные на сходах и предвыборных собраниях, – конституционное равенство прав земледельцев с рабочими, реабилитация политзаключенных и «лишенцев», свобода участия и выборов в кооперации, свобода внешней торговли, роспуск крестьянских комитетов общественной взаимопомощи (в них казаки составляли 20%). Казаки

⁵⁸⁹ ГАРО. Ф. Р-1485. Оп. 1. Д. 628. Л. 9.

⁵⁹⁰ ЦДНИРО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 215. Л. 37, 124; Д. 595. Л. 555-557.

соглашались с равноправием коренных крестьян, а винили во всех бедах коммунистов и недавних переселенцев⁵⁹¹. Часто сходы постановляли выселить «иностранцев» из станиц, лишить их прав голоса и землепользования (в ст-цах Полтавской и Тимашевской на Кубани, в ст-цах Кисловодской, Прикумской и Арзгире на Тереке и т.д.). Спор шел только о том, какой ценз оседлости установить – с 1918, 1914 или 1861 г.⁵⁹² Между середняками и зажиточными казаками существовали расхождения в понимании задач. Если середняки искренне агитировали за «деловых людей» и «красного атамана», надеялись создать «настоящую советскую власть», то зажиточные использовали советы как переходную форму к атаманскому правлению.

На первых порах преобладали ожидания отмены Конституции СССР и восстановления дореволюционного строя. Казаки выражали уверенность в новых уступках: «В прошлом году кинжалы разрешили, шашки разрешили, форма будет, значит, и автономия будет... Дон для донцов!»⁵⁹³. Так, старожилы ст-цы Терновской считали себя хозяевами положения, надеясь на следующих выборах захватить власть во всем Кубанском округе и объявить его автономным. Советы ст-ц Новоминской, Кисловодской, Прикумской и мн. др. приняли решения отказать иностранцам в землеустройстве, принимать их только с одобрения схода и по заявлению⁵⁹⁴. В ст-цах Полтавской, Тимашевской, Терновской вынесены постановления советов выселить «в Россию» всех иностранцев, взять в свои руки райисполкомы⁵⁹⁵. Совет ст-цы Ивановской дал наказ своим депутатам добиться от районного съезда права казаков носить оружие. Рукописные газеты с призывом к РКП(б) не мешать выборам атаманов

⁵⁹¹ ЦДНИКК. Ф. 8. Оп. 1. Д. 114. Л. 109; ЦДНИСК. Ф. 5938. Оп. 1. Д. 12. Л. 219-221.

⁵⁹² ГАРФ. Ф. Р-1235. Оп. 103. Д. 696. Л. 126.

⁵⁹³ Семёнов А. Советская деревня после пере выборов в Советы // Северо-Кавказский край. 1925. № 7. С. 122; ЦДНИСК. Ф. 5938. Оп. 1. Д. 217. Л. 219-221.

⁵⁹⁴ ЦДНИКК. Ф. 8. Оп. 1. Д. 114. Л. 109.

⁵⁹⁵ Кубанская станица на выборах в Советы ... С. 7-29.

издавались в ст-цах Вышестеблиевской и Екатериновской⁵⁹⁶. Атаманы и другие должностные лица прежнего самоуправления возглавили советы ст-ц Новопокровской, Богачёвской, Некрасовской, Луковской, Александровской⁵⁹⁷. Они пытались явочным порядком изменить функции советов: придать им судебные права, распределять уголья «по паям», высылать из станиц за проступки.

Первые итоги реформ подводились на пленуме ЦК и XIV Всероссийской конференции РКП(б) в апреле 1925 г. Политические преобразования дополнены хозяйственными. Разрешена сдача земли в аренду на 12 лет и выделение семей из общины на хутора, узаконен найм батраков. Сельскохозяйственный налог снижен на 40%, сделан более гибким с учетом региональных и отраслевых особенностей. «Кулаки» получили право участвовать в кооперации. Свернута убыточная господдержка колхозов и совхозов. Основными плодами уступок воспользовались именно середняки⁵⁹⁸. В апреле 1925 г. принята резолюция пленума ЦК РКП(б) по казачьему вопросу, запретившая насильственные формы уничтожения сословности. Казаки получили право служить в РККА. В решениях региональных органов власти за январь – август 1925 г. определена линия на закрепление сотрудничества всех трудящихся, в т.ч. казачества⁵⁹⁹.

Казаки встретили создание территориальных воинских частей с воодушевлением, поскольку эта служба соответствовала многовековому образу жизни. По данным крайисполкома, к августу 1925 г. среди данной категории военнослужащих казаки составляли 57,5%. По социальному положению 93% из них –

⁵⁹⁶ ЦДНИСК. Ф. 5938. Оп. 1. Д. 12. Л. 261-265; Семёнов А. Указ. соч. С. 121.

⁵⁹⁷ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций, пленумов ЦК. 9-е изд. М., 1982. Т. 3. С. 341-348; ЦДНИРО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 456. Л. 7; Статистический справочник по Северо-Кавказскому краю. Ростов н/Д, 1930. С. 622-623.

⁵⁹⁸ ГАРО. Ф. Р-1485. Оп. 1. Д. 241. Л. 1-3; ЦДНИРО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 8. Л. 244, 251.

⁵⁹⁹ ГАРО. Ф. Р-1485. Оп. 1. Д. 250. Л. 244.

земледельцы (1,8% – зажиточные, 2,5% – батраки, 38,5% – бедняки и 57% – середняки) и только 5% – рабочие⁶⁰⁰. Наибольшее участие казаков, в т.ч. служивших у белых, отмечено в кавалерийских частях, куда шли с особым рвением⁶⁰¹. Поскольку состав бойцов зависел от обладания личными верховыми лошадьми, облик переменников определяли середняки. Влияли на призыв и старики-казаки, привлеченные к работе в военных комиссиях советов. В некоторых частях явочным порядком поощрялись дореволюционные воинские чины, песни, традиционная форма⁶⁰².

Повсеместно казаки расценивали «оживление Советов» как признак слабости – «теперь коммунисты пойдут на какие угодно уступки». Например, казаки ст-цы Терновской считали себя хозяевами положения, надеясь на следующих выборах захватить власть во всем Кубанском округе и объявить его автономным. В ст-цах Вышестеблиевской и Екатериновской издавались рукописные газеты с призывом к коммунистам не мешать выборам атаманов⁶⁰³. В ст-цах Лысогорской и Ессентукской казаки использовали празднование 100-летия станиц для пропаганды, провели в состав юбилейной комиссии бывших атаманов и повстанцев. Интеллигенция, нэпманы и казаки г. Ессентуки добились решения ВЦИК о переводе города на статус станицы, чтобы вернуть себе муниципализированные здания. Эти действия маскировались советской фразеологией⁶⁰⁴.

Созданные в подполье предвыборные группы стремились передать функции сельсоветов земельным обществам, легализовать своё влияние. Для этого выдвигался лозунг защиты попранных прав казачества. Зажиточные добивались отказа в наделении землей либо всех иногородних, либо поселившихся в

⁶⁰⁰ ЦДНИРО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 200. Л. 91.

⁶⁰¹ Куценко И.Я. Кубанское казачество. 2-е изд. Краснодар, 1993. С. 450.

⁶⁰² ЦДНИКК. Ф. 8. Оп. 1. Д. 114. Л. 109; Д. 110. Л. 48; Квириг Э.И. Перевыборы Советов на Кубани // Большевик. 1926. № 7-8. С. 56-67.

⁶⁰³ ЦДНИСК. Ф. 5938. Оп. 1. Д. 1. Л. 136-138; Д. 12. Л. 139. Д. 12. Л. 120-124.

⁶⁰⁴ ЦДНИКК. Ф. 8. Оп. 1. Д. 117. Л. 48; ЦДНИРО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 215. Л. 42; ЦДНИСК. Ф. 5938. Оп. 1. Д. 2. Л. 174; Д. 12. Л. 171, 282.

станицах после 1918 г. Во многих терских станицах произошли драки казаков с крестьянами из-за передела угодий⁶⁰⁵. «Правый лагерь» станицы 1920-х гг. сохранял верность идее сильной личной власти⁶⁰⁶.

Иногородние бедняки, особенно бывшие красные партизаны и красноармейцы, ошеломлены исходом выборов 1925 г. и всеми мерами «расширения» нэпа. Они проявляли экстремизм, выступая за «прежнюю власть», при которой РКП(б) «держала в ежовых рукавицах» Советы и кулачество. Показательны суждения: «Нас партия обратно отдает на съедение кулакам... За что мы воевали. Чересчур много прав дают казакам». Многие крестьяне предлагали «уйти в камыши и оттуда вести борьбу с кулаками», вновь запретить ношение казачьей формы, выслать из края бывших атаманов и членов Кубанской рады⁶⁰⁷. 300 бедняков ст-цы Анастасиевской на своем собрании одобрительно встретили выкрики: «Дайте нам приказ убить по двадцать человек казаков и кулаков на каждого... Мы их все равно помаленьку вырежем». Там же демобилизованные красноармейцы избивали партийцев с криками: «Бей царей и коммунистов, защитников казачества»⁶⁰⁸. Подъем недовольства был ситуативным и по мере свертывания реформ бедняки возобновляли доверие к власти.

Сообщения с мест в начале 1926 г. подтверждали убыль сословных и классовых конфликтов. Крайисполком признал, что призывы вроде «долой иногородних» или «долой казачество» уже не привлекательны⁶⁰⁹. «В перевыборах 1926 г. социальное деление выступало гораздо отчетливее сословного... и обострений на почве сословной было значительно меньше»⁶¹⁰. Даже зажиточные казаки

⁶⁰⁵ На Тереке // Информационный листок Объединенного совета Дона, Кубани и Терека. 1925. № 12. С. 21-22; Правда. 1925. 27 июня; Кубанская станица... С. 14.

⁶⁰⁶ ЦДНИКК. Ф. 2816. Оп. 1. Д. 52. Л. 39; Ф. 8. Оп. 1. Д. 32. Л. 127; Д. 114. Л. 75об., 149; РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 69. Д. 51. Л. 4.

⁶⁰⁷ ЦДНИКК. Ф. 8. Оп. 1. Д. 88. Л. 55об.; ЦДНИРО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 95. Л. 83-84об.

⁶⁰⁸ ГАРФ. Ф. Р-1235. Оп. 104. Д. 735. Л. 373; Д. 112. Л. 119.

⁶⁰⁹ ГАРО. Ф. Р-1485. Оп. 1. Д. 250. Л. 244.

⁶¹⁰ ЦДНИСК. Ф. 5938. Оп. 1. Д. 21. Л. 124.

стремились облечь требования в «советскую» форму и избегали лобовых конфликтов. Так, в ст-це Наурской казаки единогласно поддержали список кандидатов на районный съезд, выдвинутый партийцами⁶¹¹.

Середняки – крестьяне и казаки вошли во вкус мирной жизни и желали улучшать советскую систему, а не ломать ее. Приведем типичные суждения из писем к эмигрантам: «Легче стало дышать. К власть имущим мы привыкли, да и они к нам тоже». «Вы спрашиваете, казаки мы на Дону или крестьяне?... Как были казаки, так и есть. Правим сами по-казачьи»⁶¹².

Но проявлялась и нетерпимость, разочарование в реформах. Многие депутаты от оппозиции убеждались в бессилии решать важнейшие вопросы. Кулак ст-цы Прикумской заявил: «Если коммунисты нас не будут слушать, то мы бросим работать и уйдем из совета»⁶¹³. Донской казак писал брату за рубежом: «Хоть понемногу и попускают нам, казакам, поводок, ну это для нас недостаточно... Нас хоть куда, так мы все равно по-своему все сделаем, за это нас не любят нигде»⁶¹⁴. Такие мнения характерны для зажиточного слоя.

Опыт преобразований дал свидетельства неприятия либерализации на всех уровнях власти. Реформы при опоре на «партийно-советский аппарат» остались шаткими. Чиновники не поняли и не приняли перемены. Реформы могли постепенно подорвать власть РКП(б). Поэтому наметился курс свертывания нэпа. Используя конъюнктурные затруднения в хлебозаготовках, Пленум ЦК РКП(б) в октябре 1925 г. настоял на создании групп бедноты и восстановлении льгот для колхозов. Новая линия вырисовалась в реплике И.В. Сталина: «Мы все против расширения нэпа» и речи В.М. Молотова⁶¹⁵. Устанавливается директивное ценообразование для

⁶¹¹ Крестная ноша... Ч. 1. С. 34, 35, 42, 41.

⁶¹² ЦДНИСК. Ф. 5938. Оп. 1. Д. 13. Л. 120-124; Д. 4. Л. 82-82об.; Д. 21. Л. 73.

⁶¹³ Крестная ноша... С. 41-42, 31, 34.

⁶¹⁴ Сталин И.В. Соч. М., 1949. Т. 7. С. 357; КПСС в резолюциях... Т. 3. С. 231-232.

⁶¹⁵ ЦДНИКК. Ф. 8. Оп. 1. Д. 208. Л. 10-13 об.

государственных и частных хлебозаготовителей; вводятся заградительные отряды на транспорте; распускаются комиссии по амнистии. В начале 1926 г. ужесточается инструкция о выборах Советов, сокращено государственное кредитование частных и кооперативных предприятий. Один из показательных ударов ЦК нанес по руководству Кубанского округа. Комиссия во главе с Эр.И. Квирином поставила в вину окружному комитету ВКП(б) «увлечение самостоятельностью беспартийных и казаков», забвение работы с беднейшим крестьянством, провал на выборах⁶¹⁶.

Переломным в постепенном отказе от «расширения нэпа» стало заседание Оргбюро ЦК 29 марта 1926 г., в итоге которого повышен сельскохозяйственный налог, ужесточён курс в отношении кооперации, возобновлены льготы колхозам⁶¹⁷. Сдвиг политики к нетерпимости вызван не только объективной слабостью реформ, но и обстоятельствами борьбы за власть внутри партийной элиты.

По мере ужесточения официальной политики к осени 1926 г. в общественном мнении вновь зазвучали призывы казаков создать демократическую республику Советов «без иногородних и коммунистов», установить автономию своих областей. Радикализация политических настроений, закрывшая возможности гражданского мира, стала следствием свертывания нэпа.

Выясним настроения крымского населения и основные векторы проявления протестных настроений в Крымской АССР. Всё больший «удельный вес» неизбежно стали приобретать невоенные формы сопротивления тем или иным действиям властей, возникающие зачастую стихийно и не преследующие далеко идущих целей. Как и ранее, в 1923–1925 гг. имели место забастовки рабочих по причине невыплат заработной платы⁶¹⁸.

Среди крестьян получило широкое распространение укрывательство посевов от обложения, принявшее массовый

⁶¹⁶ ЦДНИКК. Ф. 8. Оп. 1. Д. 208. Л. 10-13 об.

⁶¹⁷ Там же.

⁶¹⁸ ГАРК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 253. Л. 21.

характер. Так, в Кишлавском сельсовете (ныне с. Курское Белогорского района – А.И.), было обнаружено 300 десятин скрытых посевов, в дер. Каравоз (ныне с. Первомайское Кировского района) – до 390 десятин⁶¹⁹.

Широко было также распространено, особенно в зажиточных селениях, саботирование землеустроительных работ, обусловленное тем, что мощные хозяйства могли обрабатывать значительно большую часть земли, чем им полагалось по нарезке. Так, в Евпаторийском районе, в дер. Абул, крестьяне заявили землемеру: «Вы можете к нам не приезжать, так как мы Вам не дадим подводу и землю нарезать не будем»⁶²⁰.

Органами ГПУ отмечались также случаи волнений по причине неправильной, с точки зрения крестьян, нарезки. Так, в Ак-Мечетском сельсовете Евпаторийского района крестьяне отказались брать нарезанную землю из-за того, что сочли ее каменистой и для обработки непригодной. Было выдвинуто требование, чтобы им нарезали землю, принадлежащую соседней деревне Токи⁶²¹.

Волнения вспыхивали также на почве конфликтов между частными и коллективными землепользователями (которых в рассматриваемый нами период было подавляющее меньшинство). Например, в сводке ГПУ Крыма сообщалось, что 27 мая 1925 г. «группой граждан деревни Чолгары (Шунукский сельсовет (ныне пос. Гвардейское Симферопольского района) в числе до 30 человек, под предводительством селисполнителя и наиболее зажиточных крестьян явочным порядком разделили принадлежавшую коммуне «III Интернационал» землю. На увещания членов коммуны и просьбу подождать приезда представителей власти захватчики не обратили внимания. Члены коммуны осыпались площадной бранью, а один из них получил удар от крестьянина из числа предводителей. Захватчики обвиняли Соввласть в том, что она “настроила всевозможные буржуазные совхозы и коммуны, которым здесь не место”, и в

⁶¹⁹ ГАРК. Ф. Р-1108. Оп. 1. Д. 8. Л. 56, 70.

⁶²⁰ ГАРК. Ф. Р-1108. Оп. 1. Д. 8. Л. 60.

⁶²¹ ГАРК. Ф. Р-1108. Оп. 1. Д. 8. Л. 61.

противоположность им выставляли крестьян-одинок. Эта выходка со стороны крестьян указанной деревни не первая. Несколько ранее они самовольно запахали землю коммуны, не допустив к работе трактора»⁶²².

Со всеми формами сопротивления большевистской модели Советской власти тесно было связано такое явление, как политическая агитация. В 1923–1925 гг. имели место все те ее виды, которые были свойственны и предыдущему периоду (конец 1920 – 1922 гг.), однако в связи со значительным сокращением вооруженной борьбы серьезно возросло политическое значение агитации, направленной на невоенные формы сопротивления.

Так, согласно данным ГПУ, на Севастопольском судоремонтно-строительном заводе «образовалась группа рабочих (численностью около 10 человек), которая ведет антисоветскую агитацию и призывает рабочих к активному требованию своевременной выдачи зарплаты»⁶²³. По тем же данным, в Севастопольском районе «среди безработных имеет место агитация за организованное выступление со своими требованиями по примеру других государств, о которых пишут в газетах. Циркулируют слухи об объявлении в ближайшем будущем войны СССР Англией и Францией»⁶²⁴. В дер. Ишунь Джанкойского района при постройке школы гражданин Гарбуз говорил крестьянам, что «за это они могут поплатиться головами, так как воспользовались экономией бывшего помещика Сырача, и никто не уверен в том, что он [не] может возвратиться с белыми»⁶²⁵. В том же районе (Мешеньский сельсовет) бывшая крупная собственница гражданка Дубс призывала крестьян «не посылать детей в школы, где их учат ненужному... Она прокликает Ленина и весь руководящий орган Соввласти...»⁶²⁶

Большое воздействие на население (особенно на мусульманское) имела религиозная агитация, нередко носившая национально-политический оттенок. Так, в одной из сводок ГПУ

⁶²² ГАРК. Ф. Р-1108. Оп. 1. Д. 8. Л. 54.

⁶²³ Там же. Л. 53.

⁶²⁴ ГАРК. Ф. Р-1108. Оп. 1. Д. 8. Л. 60.

⁶²⁵ Там же. Л. 64.

⁶²⁶ Там же. Л. 73.

отмечалось, что в дер. Мовлюш (Керченский район) «несколько мулл говорили собравшимся: “Мы видим, что вы веруете в Бога и поэтому с гордостью можем сказать, что ни один из вас не будет коммунистом и комсомольцем, как нет и до сих пор”. (Муллы хорошо развиты и имеют огромное влияние на татарское население)». В той же сводке отмечалось, что в ряде населенных пунктов Керченского района «благодаря усиленной подписке на религиозные журналы подписка на местную газету «Красная Керчь» ... совершенно прекратилась»⁶²⁷.

В другой сводке не без тревоги сообщалось, что «в Барыньском сельсовете Джанкойского района среди мулл с большим интересом обсуждаются газетные сообщения и предположения о скором падении Соввласти»⁶²⁸. Мулла дер. Камышлы (Севастопольский район) распространял «слухи о том, что в Константинополе полтора месяца назад был духовный съезд мусульман, где в числе делегатов присутствовал представитель от Крыма... Представитель... будто бы сказал, что Соввласть побуждает насильственным путем крестьян-татар брать землю у помещиков, что запрещено мусульманским законом, и что в связи с этим крестьяне Соввластью крайне недовольны»⁶²⁹.

В то же время, согласно данным ГПУ Крыма, «среди русских религиозность сравнительно слабее, но все же наблюдаются местами случаи поддержки крестьянами церковей и духовенства. Например, в дер. Александровка Шунукского сельсовета (ныне пос. Гвардейское Симферопольского района) попу удалось добиться того, что крестьяне собрали средства для ремонта церкви... В эту деревню в конце мая [1925 г. – А.И.] приезжал архиерей и в проповеди призывал верующих «не слушать смутьянов-коммунистов, так как за это накажет Бог». Проповедь архиерея сыграла довольно большую роль в смысле усиления религиозности граждан деревни»⁶³⁰.

По всем случаям антибольшевистской агитации органами ГПУ Крыма велась «детальная» или «особая разработка».

⁶²⁷ ГАРК. Ф. Р-1108. Оп. 1. Д. 8. Л. 56.

⁶²⁸ Там же. Л. 73.

⁶²⁹ ГАРК. Ф. Р-1108. Оп. 1. Д. 8. Л. 74.

⁶³⁰ Там же. Л. 57.

Обратим внимание на коммуникации власти и молодёжи. 1920-е гг. в Советской России характеризуются острейшим конфликтом между традиционным укладом повседневной жизни сельской общины и бурно распространявшейся социально-культурной модернизацией деревни. Одним из основных проводников новых преобразований являлась деревенская молодежь, особенно наиболее активная, пассионарная её часть.

Информации отдельно по деревенской молодежи Северо-Кавказского края в сводках и обзорах ОГПУ, к сожалению, немного. Её можно выявить по крупницам внутри таких разделов, как «Национальные восточные республики и автономные области», «Анτισоветские проявления в деревне», «Выборы сельсоветов», «Террор и политическое хулиганство» и соответствующих приложений к обзорам. Пожалуй, в наиболее сконцентрированном виде информация по крестьянской молодежи представлена в разделе «Хулиганство в деревне», который появился в сводках и обзорах ОГПУ в 1926 г. Стоит заметить, что информация, относящаяся к деревенской молодежи Северного Кавказа, нередко излагалась в связи с какими-то значимыми процессами или событиями в масштабах страны и региона, например, в связи с неурожаем летом 1924 г. и перспективами голода в крае. Социальная напряженность в деревне в тот момент привела к обострению классового антагонизма, который принял характер систематического террора зажиточной части деревни против членов партии и комсомола⁶³¹.

Сводки и обзоры ОГПУ довольно часто сообщали о возрастании идеологического влияния на молодежь со стороны «кулачества». Информаторы отмечали «настроение антагонизма» к рабочим и острые антисоветские тенденции среди сельской молодежи. Эти настроения были особенно сильны среди допризывников и терармейцев (тенденция к организации «Союза переменников» и «Союза хлеборобов» отмечалась среди терармейцев в Донском и Армавирском округах). Отмечался в сводках и рост политической активности со стороны «мелкобуржуазной» молодежи, пытавшейся в противовес

⁶³¹ Советская деревня глазами ВЧК–ОГПУ–НКВД... Т. 2, С. 197, 204.

комсомолу создавать свои организации (скаутские, «Российская организация народных социалистов» и др.)⁶³².

С 1924 г. наблюдается повышенная общественно-политическая активность населения деревни в связи с кампаниями выборов в сельсоветы. Население деревни, как правило, настороженно относилось к комсомольцам как к подручным большевиков и лодырям, не забыв и про их антирелигиозный шабаш, фривольное поведение на «романической» почве и откровенное хулиганство. Но не только принадлежность к комсомолу, а в целом возрастной фактор в традиционной деревне имел очень сильное влияние. Комсомол кулаки называли «советами безбородых». На Кубани, например, взрослое население рассматривало всех жителей до 40 лет еще не доросшими до управления станицей. Поэтому делегатов от ячеек комсомола там редко избирали в сельсовет. Самыми удачными для кубанской молодежи были выборы в ноябре 1924 г., когда в сельсоветы было избрано свыше 18% молодежи до 25 лет. Однако в следующем году этот показатель понизился вдвое. В 1926 г. молодежь до 23 лет составляла 7,8% состава советов; в 1927 г. – 8,2%. После 1924 г., когда удельный вес членов РЛКСМ в советах составлял 7,5%, комсомолу долго не удавалось провести в органы местной власти больше 2–3% членов союза⁶³³. В Терском округе, ввиду постоянного пьянства, хулиганства и нетактичности в религиозных вопросах со стороны местных комсомольцев, последние были провалены на выборах в сельсовет⁶³⁴. В одном из сёл Ингушетии секретарь комсомольской ячейки выдвинул председателем сельсовета своего отца – мюрида и члена суфийского братства Батал-Хаджи⁶³⁵.

На протяжении 1920-х гг. Северный Кавказ сильно тревожил политическое руководство страны наличием так называемых «бандформирований». Когда осенью 1925 г. были проведены операции по разоружению Чечни, Осетии и Ингушетии, а также

⁶³² «Совершенно секретно»... Т. 3. Ч. 1. С. 43.

⁶³³ Кубанская станица на выборах в Советы. Краснодар, 1925. С. 7; ЦДНИКК. Ф. 1774-Р. Оп. 2. Д. 614. Л. 21–22.

⁶³⁴ «Совершенно секретно»... Т. 2. С. 281.

⁶³⁵ «Совершенно секретно»... Т. 5. С. 294.

Кабарды и Карачая, сводки отмечали «значительный сдвиг в сторону советизации района». Этот процесс отразился и на молодом поколении. В обзоре о политическом состоянии СССР за октябрь 1925 г. сообщалось, что в Чечне поступают массовые заявления о вступлении в комсомол (в среднем каждая ячейка ежедневно получала до 10 заявлений). При этом всякое выступление комсомольца на собрании даже стариками выслушивалось с вниманием, а общественный мулла Урус-Мартана Сату Вагалов в мечети, касаясь ячеек комсомола, якобы «одобрил эту организацию» и заявил, что «молодежи даже по шариату полагается вступать в ячейки». Необходимо подчеркнуть, что одной из причин тяги в комсомол являлась возможность получить разрешение на ношение оружия – тактика, весьма распространенная в то время среди горской и казачьей молодежи (что подтверждают и комсомольские сводки⁶³⁶). Вместе с тем в Карачаево-Черкессии и Дагестане были зафиксированы случаи агитации мулл против комсомола. В некоторых аулах были замечены выходы из ВЛКСМ после того, как муллами был пущен слух, что комсомольцев станут призывать в армию⁶³⁷. Между тем в информационном обзоре ЦК ВЛКСМ отмечалось, что бурный рост комсомольских ячеек за счет отдаленных горных аулов сильно ослабил комсомольскую работу и борьбу союза с нормами шариата и адата в Чечне. Среди комсомольцев процветало многожёнство, кражи невест, конокрадство и кровничество⁶³⁸.

По данным Северо-Кавказского краевого суда, в 1925 г. было зарегистрировано 8855 случаев хулиганства, за что привлечено к суду 4675 чел. Из них молодежь до 25 лет составляла 56%, причем в деревне 99,4% хулиганов составляли бедняки с середняками⁶³⁹. В 1926 г. власть попыталась нанести решительный удар по хулиганству, с которым она долго мирилась, пока оно не достигло угрожающих масштабов и не приняло политический характер. Хулиганство в деревне было более опасным, чем в городе, где сил у новой власти хватало для его контроля. Сельских хулиганов

⁶³⁶ РГАСПИ). Ф. М-1. Оп. 23. Д. 340а. Л. 33.

⁶³⁷ «Совершенно секретно»... Т. 3, ч. 2. С. 585, 637–638.

⁶³⁸ РГАСПИ). Ф. М-1. Оп. 23. Д. 340а. Л. 110.

⁶³⁹ ЦДНИРО). Ф. 171. Оп. 1. Д. 160. Л. 46–47.

стали активно использовать в своих целях антисоветские слои деревни, казачество, духовенство. Пьяные хулиганы избивали сельских активистов, срывали собрания, митинги, спектакли, устраивали антисоветский шабаш. Основной ударной силой хулиганства была молодежь, в том числе состоявшая в комсомоле.

В марте 1926 г. была подготовлена первая докладная записка о хулиганстве в деревне по материалам информотдела ОГПУ. В ней отмечалось, что повсеместно по стране наблюдается усиление хулиганства в деревне, главным образом, со стороны крестьянской молодежи. Среди причин этого явления отмечались безработица, отсутствие побочных заработков, тяжелое экономическое положение бедноты, пьянство, невовлеченность значительной части сельской молодёжи в производственный и образовательный процесс. Информация по Северному Кавказу была довольно скудная. Отмечалось, что среди населения Донского округа (ст-ца Староцербиновская) члены ВЛКСМ ассоциировались с хулиганами: «Раз комсомолец – значит, хулиган!»⁶⁴⁰

Первый обзор информотдела ОГПУ о хулиганстве появился не ранее 1 июня 1926 г. в связи с празднованием Первомая в деревне. Затем хулиганству был посвящен раздел в сводке ОГПУ о недочетах работы комсомольских организаций в деревне на 25 июня 1926 г.⁶⁴¹ Признавалось, что в ряде хулиганских акций участвовали и активисты, в том числе комсомольцы. Приводился случай, когда один член ВЛКСМ из Донского округа, зайдя в избучитальню, начал насмехаться над висевшими на стенах портретами вождей революции, сравнивая их с иконами. Обратившись к портрету Розы Люксембург, комсомолец стал ругать её нецензурной бранью⁶⁴².

В сентябре 1926 г. впервые в обзоре политического состояния СССР анализу хулиганства был отведен специальный раздел вместе с подробным приложением. Накопленный материал содержал немало данных и о хулиганстве в северокавказской

⁶⁴⁰ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 169. Л. 92.

⁶⁴¹ Советская деревня глазами... Т. 2. С. 414–415, 426.

⁶⁴² Советская деревня глазами... Т. 2. С. 426.

деревне, в отличие от предыдущих сводок. Сообщалось, что в ст-це Гостагаевской (Черноморский окр.) орудует группа хулиганов в 12 чел., мешавшая жителям. Возраст жертвы для хулиганов не имел значения. Ворвавшись однажды во двор 85-летнего старика, хулиганы стащили его с постели, издевались над его женой, а вступившегося за супругу старика избили и выбросили на улицу. Возмущенные крестьяне требовали «предания виновных суду», просили нарсуд «выслать виновных в суровые края на срок не ниже 5 лет»⁶⁴³. В обзоре отмечался организованный характер хулиганства. Так, в с. Богословском (Армавирский округ) существовала группа хулиганов в 15 человек, называющая себя «волчьей сотней». По вечерам они избивали крестьян, были случаи изнасилования женщин. В Донском округе шайка хулиганов пыталась убить милиционера с целью помешать следствию по делу самогонщиков. В ст-це Раевской (Черноморский округ) хулиганствующая молодежь на своих собраниях производила суд над девушками, чем-либо оскорбившими того или иного хулигана. Тут же им выносился «приговор» в виде 2–3 пощечин. Выбранный коллективом «палач» приводил приговор в исполнение, причем всё это фиксировалось секретарем собрания в протоколе. Председатель самозванного «суда» вел собрание с соблюдением всех правил, существующих в суде. Последнее дает основание полагать, что хулиганы либо действительно состояли в комсомоле, либо воспроизводили комсомольские практики проведения собраний с целью навредить комсомолу, разрушить его авторитет в глазах молодежи⁶⁴⁴.

Следующий объёмный материал ОГПУ о молодёжном хулиганстве в деревне был разослан руководству страны в ноябре 1926 г. За этот период констатировалось увеличение общей статистики хулиганства по стране и ужесточение форм его проявления. Отмечалось, что хулиганство все чаще стало переходить в бандитизм, оформляться в организованные шайки, занимающиеся погромами и разбоем. Так, в Армавирском округе группой хулиганов, вооруженных кинжалами и пикой, был

⁶⁴³ «Совершенно секретно»... Т. 4, ч. 1. С. 684.

⁶⁴⁴ Там же. С. 686–687.

произведен ночной налет на хут. Федоровский и Марийский. В ст-це Ахтырской Абинского р-на (Кубанский окр.) существовала группа хулиганов под руководством бывшего партизана и бывшего члена партии, которая не давала покоя мирному населению, особенно грекам. Хулиганы открыто избивали крестьян, не боясь милиции, говорили станичникам, что «ожидают второй революции». Неподалеку в хут. Эриванском хулиганы без всякой на то причины избивали греков за то, что якобы «они пользуются одинаковыми правами с иногородними»⁶⁴⁵.

В обзоре также зафиксированы факты хулиганского террора против членов партии, комсомола и работников советского аппарата. В с. Дубово-Балковском (Ставропольский округ) хулиганы, забравшись ночью в помещение сельсовета, изъяли весь архив и, изорвав документы, бросили их в колодец. В Донском округе в Мечетинском районе хулиганы (главным образом, казаки) били стекла в квартирах врачей и учителей и избивали переселенцев и духоборов. Большая общественно-политическая опасность состояла в том, что хулиганов использовали зажиточные крестьяне для различных провокаций массовых беспорядков. В ст-це Журавской Кореновского района (Кубанский округ) во время престольного праздника Покрова 10 пьяных хулиганов устроили дебош и драку. Участковый милиционер задержал наиболее активных хулиганов и изолировал их в карцер. Спустя некоторое время к карцеру явилось около 100 чел., преобладали казаки и стали требовать освобождения арестованных, нанося оскорбления милиционеру. Особенно выделялся зажиточный казак, который кричал: «Бей коммунистов и милицию, они, бисовы души, описали мое имущество». В итоге толпа освободила арестованных хулиганов⁶⁴⁶.

С весны – лета 1927 г. настроения молодежи в деревне начинают принимать подавленный, нестабильный характер. Началось это с «военной опасности», которая разделила деревню на группы не только по социальному, но и по возрастному признаку. Иногородняя молодежь, в отличие от своих стариков,

⁶⁴⁵ «Совершенно секретно»... Т. 4, ч. 2. С. 882–885.

⁶⁴⁶ «Совершенно секретно»... Т. 4, ч. 2. С. 888–889.

была очень воинственной, рвалась воевать, мечтая получить оружие и поквитаться с обидчиками из казаков. Молодежь казачья, напротив, была пассивна, воевать не стремилась, хотя отцы надеялись на возвращение старых порядков в случае войны. По данным ОГПУ, бедняки запрещали своим детям посещать пионерские отряды⁶⁴⁷. Случаи выходов из пионеротрядов и комсомола зафиксированы в Дагестане, Кабардино-Балкарской и Адыгее-Черкесской автономных областях⁶⁴⁸. В некоторых комсомольских ячейках наблюдался выход молодёжи из комсомола. Начавшиеся в 1928 г. насильственные хлебозаготовки внесли дополнительную напряженность в деревне, что не могло не отразиться на социальном самочувствии сельской молодежи. На этой почве еще больший раскол произошел в комсомольских ячейках – не каждый член союза соглашался участвовать в обысках и изъятии «излишков» у своих односельчан и родителей.

Выводы таковы. Особенности «расширения» нэпа на Юге России обусловлены аграрностью, казачьими традициями региона, затяжным и жестоким характером Гражданской войны. Специфика реформ включала в себя экономические меры (разрешение долгосрочной аренды, ограничения государственного вмешательства в кооперативное движение, гибкую ценовую и налоговую политику). В социальном аспекте союз государства с середняками означал во многом союз с «трудовым» казачеством, допущение его этнокультурных традиций, дистанцирование власти от беднейшего крестьянства и его революционного экстремизма. В политическом аспекте избирательная реформа и амнистия «лишенцев» привели к самоорганизации оппозиции на местном уровне. Курс «расширения нэпа» не имел достаточно прочной политической опоры, что вызвало его скорое крушение.

Политические настроения земледельцев Юга России 1920-х гг. формировались вследствие трёх взаимосвязанных конфликтов: между сельским населением в целом и партийно-государственной властью, между этносословными группами

⁶⁴⁷ ЦДНИКК. Ф. 8. Оп. 1. Д. 341. Л. 4, 14, 52.

⁶⁴⁸ «Совершенно секретно»... Т. 5. С. 504.

(казаками и «иногогородними» крестьянами), между социально-имущественными слоями хлеборобов. Сохранение этносоциальной идентичности казачества порождало сходство оппозиционных настроений всех его имущественных групп, а настроения «иногогородних» определялись, прежде всего, их имущественным расслоением.

Политические настроения социальных слоёв земледельцев значительно зависели от их статуса. «Рыночно-демократический» тип общественного мнения отмечен среди предпринимательского слоя казаков и крестьян. Они выступали за рыночное хозяйство и демократическую политическую систему (многопартийность, свободы слова и печати, альтернативные выборы), желали стабильных законов. Их стремление – обогащаться за счет индивидуального хозяйства и свободной торговли, без государственного произвола. Данные слои, будучи наиболее грамотными, формулировали политические лозунги оппозиции.

«Общинно-социалистический» тип имел наибольшее распространение в середняцком и трудовом зажиточном слоях, недовольных «перегибами» местной политики. Он связан и с традиционными установками (религиозность, жалобы на цены и налоги) и с модернизационными (поддержка просвещения, готовность делать карьеру), с базовыми ценностями хлеборобов (идеал «честного вольного труда на своей земле»).

«Уравнительно-коммунистический» тип присущ батракам, беднякам, красноармейцам. Для них присуща неукорененность в станицах, малообразованность. Характерны пренебрежение к частной собственности, требования повысить налоги для зажиточных и отменить привилегии «бюрократов», надежды на государство и колхозы. Проявлялись ненависть к нэпу, желание «очистить власть от взяточников». Спектр отношений к власти – от призывов к «третьей революции» до ревностной поддержки. Оппозиционность сочеталась с требованиями установить «твердую власть».

Общественное мнение всех групп земледельцев сходно в идеологизированном восприятии власти и высокой конфликтности. Гражданская война обострила традиционные детерминанты поведения: культ насилия, пренебрежение

законами, нетерпимость, дуалистическое восприятие мира («свои» - «враги»).

Итак, в 1920-е гг. вековые казачьи традиции пришли в столкновение с советскими инновациями на межпоколенческом уровне. В северокавказской станице появилась пассионарная субкультура молодежи, отрицающая базовые ценности традиционной культуры. Поколение детей уже не хотело жить по-старому, в то время как их отцы были не готовы либо не желали научиться жить по-новому. Через наиболее активную часть юных жителей станицы, села и аула проходило внедрение элементов нового в быт деревни. На восприятие и оценку молодым индивидом своей жизненной ситуации в 1920-е гг. влияли усвоенные им социальные ценности и нормы, соотнесенные с жизненными идеалами, ожиданиями, планами на будущее. Молодёжь ощущала комфортность своего существования, она почувствовала, что настало её социальное время, жила с большими ожиданиями и надеждами на светлое будущее. Не вся молодежь была политически активной в преобразовании деревни. Важнейшим субъектом социальных изменений стал комсомол. Политическая активность молодёжи в те годы имела не только созидательный, но и деструктивный характер, и была тесно связана с гражданской, в том числе – электоральной активностью.

3.3. СХОДСТВА И РАЗЛИЧИЯ ВОСПРИЯТИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ СССР В ОБЩЕСТВЕННОМ МНЕНИИ СОЦИАЛЬНЫХ, ЭТНИЧЕСКИХ И СОСЛОВНЫХ ГРУПП НАСЕЛЕНИЯ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА И КРЫМА В 1920-Х ГГ.

Анализ факторов восприятия национальной политики СССР в общественном мнении важен по ряду причин. Прежде всего, слабо изучены факты и события ментальной истории из-за многолетнего господства истории «событийной». Приходится одновременно выявлять новые источники, осмысливать их содержание и давать событиям теоретические объяснения. Во-вторых, засилье в советский период материалистических трактовок истории затормозило применение методов исследования ценностей и ориентаций, установок культуры.

В-третьих, динамика политических ориентаций в кризисном обществе – тема, созвучная современным проблемам России. Важно понять, как взаимосвязаны внутригосударственные и международные факторы политического процесса; каким образом кризисное общество воспринимает внешние угрозы (реальные либо мнимые); в чем различия представлений социальных групп общества об этих угрозах. Особенно злободневный аспект темы – осмысление региональных особенностей ориентаций политической культуры, что позволит понять специфику коммуникации центра и периферии, власти и социальных групп многоукладного общества.

Динамика общественных настроений, фиксируемая информационными документами ОГПУ, остаётся слабоизученным аспектом истории 1920-х гг. Противоречивость общественного мнения ярко выражена на Юге России – в полиэтничном сельскохозяйственном регионе, где ужесточение политического режима в 1927–1928 г. вызвало значительное сопротивление крестьян и казаков.

Состояние историографии противоречиво. В советский период историки упоминали свидетельства об общественном мнении на Юге России для описания классовой борьбы и «кулацкого саботажа хлебозаготовок», для демонстрации единства трудящихся перед лицом возможной интервенции Запада. Данный подход проявился в работах Ю.С. Кукушкина⁶⁴⁹, В.А. Сидорова⁶⁵⁰, В.И. Иванова и П.Г. Чернопицкого⁶⁵¹. Историки были вынуждены ввиду цензурных ограничений описывать только «положительные» для советской идеологии факты, а не интерпретировать всю совокупность источников.

В 1990-х гг. публикуются первые научные работы в рамках плюрализма концепций и методик анализа. Теоретические объяснения политической культуры 1920-х гг. и её проявлений в

⁶⁴⁹ Кукушкин Ю.С. Сельские Советы и классовая борьба в деревне (1921–1932 гг.). М., 1968.

⁶⁵⁰ Сидоров В.А. Классовая борьба в доколхозной деревне, 1921–1929 гг. М., 1978.

⁶⁵¹ Иванов В.И., Чернопицкий П.Г. Социалистическое строительство и классовая борьба на Дону (1920–1937 гг.). Ростов н/Д, 1971.

общественном мнении разработаны И.С. Кузнецовым⁶⁵², С.В. Яровым⁶⁵³, Е.Ю. Зубковой и А.И. Куприяновым⁶⁵⁴. Количественные методы и социологический анализ проблемы проведены Д.Х. Ибрагимовой⁶⁵⁵, А.И. Черных⁶⁵⁶. В.П. Данилов и Н.А. Ивницкий⁶⁵⁷, К.Г. Мяло⁶⁵⁸ выявляли воздействие политических настроений на переход к ускоренной коллективизации и на слом нэпа. Л.Н. Николаев⁶⁵⁹, Л.Н. Нежинский⁶⁶⁰, Н.С. Симонов⁶⁶¹ установили мнимость «военной угрозы» конца 1920-х гг. и выдвинули предположение о ее макрополитических последствиях для советского общества. В рамках методик социальной истории А.Ю. Рожков изучил влияние «военной угрозы» на общественное мнение молодежи⁶⁶².

Региональная специфика политической культуры нэповского общества изучена неравномерно. А.В. Баранов исследовал

⁶⁵² Кузнецов И.С. Социальная психология сибирского крестьянина в 1920-е годы. Новосибирск, 1992.

⁶⁵³ Яров С.В. Источники по истории политического протеста в Советской России в 1918–1923 гг. СПб., 2001.

⁶⁵⁴ Зубкова Е.Ю., Куприянов А.И. Ментальное измерение истории: поиски метода // Вопросы истории. 1995. № 7. С. 153–160.

⁶⁵⁵ Ибрагимова Д.Х. Нэп и Перестройка: Массовое сознание сельского населения при переходе к рынку. М., 1997.

⁶⁵⁶ Черных А.И. Становление России советской: 20-е годы в зеркале социологии. М., 1998.

⁶⁵⁷ Данилов В.П., Ивницкий Н.А. О деревне накануне и в ходе сплошной коллективизации // Документы свидетельствуют. 1927–1929. 1929–1932. М., 1989. С. 9–50.

⁶⁵⁸ Мяло К.Г. Оборванная нить: Крестьянская культура и культурная революция // Новый мир. 1988. № 8. С. 245–256.

⁶⁵⁹ Николаев Л.Н. Угроза войны против СССР (конец 20-х – начало 30-х гг.): Реальность или миф? // Советская внешняя политика, 1917–1945 гг.: Поиски новых подходов. М., 1992. С. 63–90.

⁶⁶⁰ Нежинский Л.Н. Была ли военная угроза СССР в конце 20-х – начале 30-х годов? // История СССР. 1990. № 6. С. 14–30.

⁶⁶¹ Симонов Н.С. «Крепить оборону Страны Советов» («Военная тревога» 1927 года и ее последствия) // Отечественная история. 1996. № 3. С. 155–161.

⁶⁶² Рожков А.Ю. В кругу сверстников: Жизненный мир молодого человека в советской России 1920-х годов. В 2 т. Краснодар, 2002.

массовые политические настроения 1920-х гг. в качестве фактора политического процесса в казачьих областях Юга⁶⁶³. А.П. Скорик и Р.Г. Тикиджьян рассмотрели взаимодействия донских казаков с органами власти, выявив соотношение конфликтов и согласия в их активности⁶⁶⁴. В американской историографии исследование политического сознания земледельцев Дона провела Д.Э. Пеннер⁶⁶⁵. Современные историки выявляют восприятие аграрной политики в ракурсе исторической психологии [5] и истории повседневности [6]. Динамика общественных настроений сельского населения раскрывается усилиями С.А. Кислицына и А.С. Кириченко⁶⁶⁶, О.В. Рвачевой⁶⁶⁷, С.Д. Багдасарян⁶⁶⁸.

Источниковая основа анализа темы включает в себя столь разнородные виды документов, как частная и служебная переписка; обращения граждан в органы власти и газеты; информационные сводки и обзоры, подготовленные краевыми и окружными органами ВКП(б) и ОГПУ; их аналитические записки и доклады; стенограммы заседаний партийных и советских инстанций. Накоплен значительный свод свидетельств современников. Наиболее ценны концептуально и содержательно

⁶⁶³ Баранов А.В. Наследие Гражданской войны во взаимоотношениях казачества и крестьянства Юга России с властью в 1920-х гг. // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения. Волгоград, 2022. Т. 27, № 4. С. 116–127.

⁶⁶⁴ Скорик А.П., Тикиджьян Р.Г. Донцы в 1920-х годах: очерки истории. Ростов н/Д, 2010.

⁶⁶⁵ Пеннер Д.Э. Взаимоотношения между донскими и кубанскими казаками и Коммунистической партией в 1920–1932 гг. // Голос минувшего. 1997. № 1. С. 23–26.

⁶⁶⁶ Кислицын С.А., Кириченко А.С. Указ и пашка. Политическая власть и донские казаки XX в. Ростов н/Д, 2007.

⁶⁶⁷ Рвачева О.В. «До сих пор мы всё-таки плохо знаем, чем дышит казачество...»: Изучение настроений донского казачества партийно-советскими структурами в середине 1920-х годов // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2018. № 1 (54). С. 15–23.

⁶⁶⁸ Багдасарян С.Д. Быт, труд и семья крестьян эпохи нэпа: историческая повседневность южно-российской деревни в 1920-е годы. Новочеркасск, 2015.

сборники ранее секретных документов, опубликованные по видовому принципу – «Советская деревня глазами ВЧК–ОГПУ–НКВД»⁶⁶⁹, «Совершенно секретно: Лубянка – Сталину о положении в стране»⁶⁷⁰, «Голос народа»⁶⁷¹, «Письма во власть»⁶⁷².

Вместе с тем, текущий этап развития исторических знаний по проблеме трудно оценить иначе, чем первоначальный. Сохраняется разрыв между общетеоретическими трудами и применением их выводов в анализе локальных исторических ситуаций. Слабо изучены региональные и сословные субкультуры 1920-х гг., их проявления в ментальности и деятельности различных групп многоукладного общества. Некоторые историки (В.В. Бабашкин⁶⁷³, Д.Х. Ибрагимова⁶⁷⁴) пренебрегают учетом региональных особенностей.

Политическая культура определяется в современной науке как система ориентаций индивида, группы или общества в целом в отношении политической сферы, ее отдельных институтов, акторов и практик. В том числе, весомым аспектом политической системы 1920-х гг. является федеративная организация власти и меры национальной политики. Ориентации культуры, в т.ч., выражают отношение индивидов и сообществ ко власти и её носителям – государственным служащим. Нас интересуют, прежде всего, массовые и групповые ориентации, так как именно

⁶⁶⁹ Советская деревня глазами ВЧК–ОГПУ–НКВД. 1918–1939. Документы и материалы. В 4 т. / под ред. А. Береловича и В.П. Данилова. М., 2000. Т. 2.

⁶⁷⁰ «Совершенно секретно»: Лубянка – Сталину о положении в стране (1922–1934 гг.) / под ред. Г.Н. Севостьянова. М., 2001. Т. 5.

⁶⁷¹ Голос народа: Письма и отклики рядовых советских граждан о событиях 1918–1932 гг. / отв. ред. А.К. Соколов. М., 1998.

⁶⁷² Письма во власть. 1917–1927 гг.: Заявления, жалобы, доносы, письма в государственные структуры и большевистским вождям / отв. ред. А.К. Соколов. М., 1998.

⁶⁷³ Бабашкин В.В. Крестьянский менталитет: Наследие России царской в России коммунистической // Общественные науки и современность. 1995. № 3. С. 99–110.

⁶⁷⁴ Ибрагимова Д.Х. Нэп и Перестройка: Массовое сознание сельского населения при переходе к рынку. М., 1997.

они могли легально проявляться и влиять на политические процессы в условиях авторитарного режима 1920-х гг.

Политические ориентации включают как статичные (ценностные установки и стереотипы, психологический склад, менталитет), так и динамичные компоненты (массовые настроения по поводу текущих событий). Массовые ориентации обуславливают наиболее типичные ожидаемые варианты поведения. Групповые ориентации охватывает совокупность представлений, предпочтений и ролевых позиций, определяющих поведение различных общностей. Индикаторы в данном случае – содержание, направленность и интенсивность общественно-политических настроений, которые фиксируются в высказываниях либо письменных текстах⁶⁷⁵.

Учитывая доминирование земледельцев в социальной структуре и формировании ориентаций южнороссийского общества 1920-х гг., анализ массового и группового сознания ведется на сельском материале.

Единицами анализа являются зафиксированные в письменной форме проявления политических ориентаций: суждения, требования и лозунги, запросы и просьбы, призывы и предупреждения, обещания и заверения, приветствия, постановления общественных объединений. Динамика ориентаций характеризуется взаимосвязанными изменениями как круга наиболее значимых проблем, так и политических установок их носителей. Динамика зависит от следующих факторов: уровня осведомленности индивидов и групп; меры их расположенности рассматривать события через призму политики; степени реального участия в политических процессах и уровня активности⁶⁷⁶.

Особенности источниковой базы, позволяющие делать репрезентативные выводы, – регулярная периодичность официальных сводок ОГПУ и партийных органов о политических настроениях и обзоров писем; полнота охвата объекта анализа;

⁶⁷⁵ Кузнецов И.С. Социальная психология сибирского крестьянина в 1920-е годы. Новосибирск, 1992. С. 5–10.

⁶⁷⁶ Баталов Э.Ю. Советская политическая культура // Общественные науки и современность. 1994. № 6. С. 35.

высокая оперативность информирования органов власти и возможность проследить их реакцию по принятию решений.

Можно выдвинуть гипотезу о взаимовлиянии институциональной и коммуникативной подсистем советского общества 1920-х гг. Авторитарная модель власти с ее атрибутивными признаками (моноидеологией), ограничениями политического плюрализма, государственным цензурным контролем, «выборочно-показательными» репрессиями качественно изменила каналы коммуникации в сравнении с дореволюционным, относительно свободным обществом. Обратная связь между источником доминирующего потока информации (госаппаратом) и пассивным потребителем (лояльным населением) была значительно затруднена, т.к. контролировалась системой органов власти⁶⁷⁷. Альтернативное (оппозиционное) информирование граждан могло совершаться лишь бессистемно в виде распространения слухов, рассказов случайных очевидцев, а гораздо реже – листовок и т.п. Обрисованные черты модели коммуникации еще резче проявлялись в случае распространения сведений и реагирования на внешнеполитические импульсы. Возникал эффект «кривых зеркал». Советские граждане выражали свое мнение о нереальных событиях (например, о войне между СССР и Великобританией, о создании опальным Л.Д. Троцким крестьянской армии против режима) более активно, чем о действительно произошедших событиях, «маркированных» официальной пропагандой.

Весной 1926 г. начинается постепенное свертывание нэпа как вследствие его внутренних кризисов, так и по идеологическим намерениям власти. Ужесточено законодательство о выборах. Повышена прогрессия налогов. Ради ускоренной индустриализации общественный продукт перераспределялся в пользу государственной промышленности, что вело к заниженным ценам на сельскохозяйственные товары, к вытеснению частных и кооперативных производителей с рынка. Явно выдохся и

⁶⁷⁷ Культура и власть в условиях коммуникационной революции XX века / под ред. К. Аймермайхера, Г. Бордюгова и И. Грабовского. М., 2002. С. 7–9.

постепенно был прекращен курс ВКП(б) на сотрудничество с казачеством. Главный фактор, разжигавший политические конфликты, – ускоренное землеустройство бедняцких (в основном переселенческих) хозяйств за счет трудовых наделов казачества. Власти не учитывали, что источником доходов «кулака» был чаще всего труд семьи. Весной 1927 г. дело дошло до внесудебных расправ над «антисоветскими элементами», организованных под предлогом опасности интервенции и мятежей в пограничных местностях.

Эти меры вызвали естественное разочарование хлеборобов в местной власти. Резко сократилось участие казаков в выборах и в местных Советах, в кооперативах и крестьянских обществах взаимопомощи⁶⁷⁸. Политические настроения радикализировались.

Особенности общественных настроений на Юге России формировались на основе большего, нежели в среднем по СССР, удельного веса сельского населения. Более 80% земельных угодий продолжали составлять общинные владения, а традиционные институты (станичный сход, подчинение молодёжи и бедняков «старикам» и зажиточным, культурное и политическое преобладание казаков над пришлыми «иностранцами» крестьянами) преобладали над институтами советскими. Как установили В.П. Данилов и Е.Н. Осколков, земледельцы Юга России были «осереднячены» в большей мере, чем в среднем по стране⁶⁷⁹.

Казачество настойчиво выдвигало требования свободных цен и частного экспорта хлеба, замены прямых налогов косвенными, снижения зарплаты служащих и удлинения рабочего дня горожан до 12 часов. Зазвучали призывы создать демократическую республику Советов «без иностранцев и коммунистов», восстановить автономию казачьих областей. Зажиточные уверяли середняков: «сейчас лишают прав нас, а завтра вас», распускали слухи: «Коммунисты проводят социализм, забирают все

⁶⁷⁸ ЦДНИРО. Ф.7. Оп.1. Д. 468. Л.18, 28–30,103.

⁶⁷⁹ Данилов В.П. Советская доколхозная деревня: социальная структура, социальные отношения. М., 1979. С. 37–41; Осколков Е.Н. Победа колхозного строя в зерновых районах Северного Кавказа. Ростов н/Д, 1973. С. 57–59.

имущество и будут давать по 30 фунтов хлеба на едока. Земля распределена только до весны, т.е. до прихода “наших” [высадки десанта эмигрантов. – А.Б.], а поэтому не ходите на выборы, всех казаков будут выселять в Сибирь...»⁶⁸⁰.

Детонатором кризиса нэпа стала «военная тревога» 1927 г., вызванная разрывом дипломатических отношений с Британской империей и провалом советской дипломатии в Китае. Слухи о близкой войне со странами Антанты взбудоражили все слои общества. Конфронтационность настроений быстро росла.

Большая часть станичной бедноты воинственно поддерживала власть и требовала оружия⁶⁸¹. Противоречиво отозвались на «тревогу» бывшие партизаны и красноармейцы. Они сочетали воинственность с желанием «штыками вычищать засевших бюрократов» и «подраструсить всю верхушку». Бывший красный партизан из ст-цы Воронежской заявил: «первым долгом перед войной надо выбить заядлых казаков, чтобы в тылу не было разбоя и банд». Появились слухи о создании ополчения во главе с опальным командиром времен гражданской войны Д.П. Жлобой. Многие ветераны намеревались создать независимые союзы красных партизан, дезертировать из Красной Армии, т. к. «теперь не обманут... обещали многое, а в действительности ничего не дали...»⁶⁸²

Средняки и связанные со станицей рабочие-сезонники считали, что война будет проиграна СССР из-за отсталости советского оружия и враждебности европейских рабочих. Они опасались разорения из-за военных реквизиций: «Пусть будут налоги, но не будет войны». Типично примирительное заявление казака-середняка из ст-цы Родниковской: «Пора забыть делиться

⁶⁸⁰ ЦДНИРО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 595. Л. 569–572, 586, 601; Красное знамя. Краснодар, 1927. 23 февр.; Булатов Д. Предварительные итоги перевыборной кампании Советов по краю // Ленинский путь. 1927. № 3–4. С. 11.

⁶⁸¹ Морозова О.М. Два акта драмы: боевое прошлое и послевоенная повседневность ветеранов Гражданской войны. Ростов н/Д, 2010. С. 57–67.

⁶⁸² ЦДНИКК. Ф. 8. Оп. 1. Д. 341. Л. 5; ЦДНИРО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 595. Л. 44, 50, 91, 92, 95.

на казаков и иногородних, если будет война, то я не хуже тебя буду защищать Советскую власть»⁶⁸³.

Зажиточные крестьяне и казаки, служащие и торговцы были едины в желании поражения СССР и надеялись на белый десант: «дай только войну, и на Кубани пойдут восстания» в армии, где «много наших ребят» (с 1925 г. разрешалась краткосрочная служба казаков в территориальных формированиях РККА); «наши (эмигранты) придут, тогда снова [землю. – А.Б.] делить будем». Надежды возлагались на саморазложение или уступки ВКП(б) под нажимом: «Одни извне, а другие изнутри – вернее будет... Хуже и тяжелее не может быть. Власть все равно поправеет». Характерна надежда на то, что после войны «будет лучше и рабочим, и всем, так как не будет советской власти». Помня о красном терроре 1920–1924 гг., зажиточные хлеборобы боялись арестов и заложничества. Они были готовы первыми прибегнуть к насилию, чтобы обезопасить себя⁶⁸⁴.

Серьезным предупреждением о возможном взрыве стали массовые беспорядки в станицах осенью 1927 г. Так, казаки ст-цы Старокорсунской сорвали засев 70% переданных иногородним крестьянам земель, портили инвентарь, поджигали дома и избивали новоселов⁶⁸⁵.

Созрела почва для коллективизации, направленной против зажиточных слоёв, начатой путём «чрезвычайных мер» хлебозаготовок 1928 г. Поводом к «левому повороту» власти стало невыполнение плана заготовок 1927/28 г. экономическими методами, что вызвало острую нехватку продовольствия и рост цен на него в городах. Политбюро ЦК ВКП(б) направило 14, 24 и 28 декабря 1927 г. в регионы директивы о передаче власти чрезвычайным «тройкам» по усилению хлебозаготовок (в составе секретаря краевого комитета ВКП(б), полпреда ОГПУ и председателя крайисполкома Совета). В Северо-Кавказском крае «тройка» создана 9 января 1928 г., она взаимодействовала с

⁶⁸³ ЦДНИКК. Ф. 8. Оп. 1. Д. 374. Л. 15; ЦДНИРО. Оп. 1. Д. 595. Л. 42, 43, 94–95.

⁶⁸⁴ ЦДНИКК. Ф. 8. Оп. 1. Д. 341. Л. 3, 4, 13, 14; ЦДНИРО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 795. Л. 90, 93, 94, 52.

⁶⁸⁵ ГАКК. Ф. Р-383. Оп. 1. Д. 41. Л. 263.

уполномоченным ЦК по краю А.И. Микояном⁶⁸⁶. «Чрезвычайные меры» включали в себя: бесплатное изъятие у крестьян «излишков» зерна; принудительное «самообложение» дополнительно к ставкам сельхозналога в 35% (в 50% – для зажиточных); запрет частных хлебозаготовок и частной торговли хлебом; закрытие частных мельниц; обязательный государственный займ. Укрытие продукции каралось конфискацией имущества и уголовным наказанием по ст. 107 УК РСФСР. Проводились массовые обыски и описи имущества, аресты за отказ продавать зерно. В крае осуждены за январь – май 1928 г. 3424 чел. по ст. 107 УК, в том числе – 1535 бедняков и середняков, 759 кулаков и 641 торговец-посредник⁶⁸⁷. «Чрезвычайные меры» изначально были не просто механизмом изъятия экономических ресурсов у крестьян, а способом ускорения коллективизации и обеспечения политического контроля над населением.

Общественное мнение оказалось неподготовленным к повороту политического курса. Многие бедняки и середняки в январе 1928 г. отшатнулись от власти. Вот мнение казака ст-цы Полтавской: «Я никогда не думал, чтобы советская власть так прижимала хлебороба. Если я раньше был сторонником этой власти, то теперь не на словах, которые я слышал, будучи в Красной армии, а на деле убедился в противоположном и стал ее противником»⁶⁸⁸.

Первые отклики хлеборобов на изменение политики – ошеломление; попытки объяснить жёсткие меры близостью войны (надо выплачивать внешний долг; изъятие хлеба облегчит призыв в армию); недовольство классовым принципом платежей⁶⁸⁹. Появилось стремление сократить посевы. За 15–17 января 1928 г. ОГПУ изъяло 12 листовок в Донском, Кубанском и Армавирском округах. В них преобладали хозяйственные требования: протест против сокращения рабочего дня горожан, призыв создать «крестьянский профсоюз», снизить налоги и цены на промтовары.

⁶⁸⁶ ЦДНИРО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 755. Л. 1–10.

⁶⁸⁷ ЦДНИРО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 622. Л. 33–34, 52–53.

⁶⁸⁸ ЦДНИРО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 95. Л. 10.

⁶⁸⁹ ГАКК. Ф. Р-226. Оп. 1. Д. 344. Л. 5–5об.

Сильнее всего поддерживали эти лозунги в Ставропольском и Армавирском округах⁶⁹⁰.

Многие сначала не верили в силу репрессий. Оживилась сословная вражда. По свидетельству писателя В.П. Ставского, казачья молодежь вызывающе исполняла песню «Пугач» со словами: «Наихалы вражи силы, руйнують станицы, добро наше забырають, бьют нас из ружныци». Кулаки настраивали всех казаков против самообложения: «Видите, деньги-то не дают. Собирают, собирают, а потом и убегут с Кубани». Пошли слухи о предстоящей высылке всех казаков в Сибирь⁶⁹¹.

По отчету полпреда ОГПУ по Северо-Кавказскому краю Е.Г. Евдокимова за январь 1928 г., шёл рост выступлений за создание «Союза хлеборобов» – оппозиционной партии. В 7 округах за 1–15 января зафиксировано 85 выступлений, из них 9 были вызваны ценовой политикой, 7 – стремлением создать «крестьянский профсоюз», 7 – попытками заменить новой организацией комитеты общественной взаимопомощи, 7 – подменить кооперацию. Факторами недовольства Е.Г. Евдокимов назвал манифест ЦИК о 7-часовом рабочем дне, принудительные методы заготовок, отсрочку выборов сельсоветов⁶⁹².

Под нажимом крестьяне отдавали последние запасы хлеба, а посулы властей предоставить взамен промтовары, муку и посевные семена не выполнялись. Транспорт не справлялся с вывозом заготовленных запасов. Хлеб гнил на складах и железнодорожных станциях. Возникла угроза сокращения посевов. Бедняки разграбили в нескольких станциях подготовленные к вывозу запасы. Особую злобу проявляли женщины. Многие бедняки не желали участвовать в комиссиях по заготовкам, считая их «шпионскими»⁶⁹³.

Протест против возврата к разверстке и хлебным карточкам охватил часть красноармейцев и низового комсостава РККА,

⁶⁹⁰ ЦДНИРО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 801. Л. 45 об.

⁶⁹¹ Крестная ноша казачества / собр. В. Сидоров. Ростов н/Д, 1994. Ч. 1. С. 335, 337, 336.

⁶⁹² ЦДНИРО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 801. Л. 45–46.

⁶⁹³ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 32. Д. 125. Л. 4.

особенно в территориальных частях, где много зажиточных и казаков. Он фиксировался с февраля 1928 г. в специальных сводках Политуправления РККА и органов ОГПУ. В ростовском гарнизоне и 4-й территориальной дивизии на Кубани появились призывы: «Красная армия должна помочь крестьянину и повернуть штыки против правительства. Весь народ и армия на стороне оппозиции... Долой всех комиссаров, налоги, да здравствует собственность и тов. Троцкий!»⁶⁹⁴ На заседании Реввоенсовета СССР в июне 1928 г. прозвучало признание: «По содержанию эти [антисоветские – А.Б.] настроения носят гораздо более острый характер, чем в 1923–1924 гг.»⁶⁹⁵ По обзору ОГПУ, «красноармейцы совершенно не обращаются к политсоставу за разъяснением, несмотря на поток жалоб в письмах от родных». В июне 1928 г. чекисты раскрыли 12 подпольных группировок в СКВО, готовивших восстания⁶⁹⁶. В 1929 г. удалось успокоить нелояльные слои военнослужащих. Их семьи получили налоговые льготы.

Хлеборобы предпочли мирные формы отстаивания прав. Станичники ответили на фискальный гнет государства дроблением хозяйств, укрытием объектов налогообложения, переселением. Сводки ОГПУ за май 1928 г. свидетельствуют: «В некоторых станицах Армавирского округа число желающих переселиться до 800 душ (ст-ца Темнолесская). В с. Воронцово-Николаевском имеется стремление переселиться в Уругвай ..., такой настрой возник прежде всего у репатриантов-лишенцев»⁶⁹⁷. Заместитель полпреда ОГПУ по краю Е.Г. Рудь сообщал: «Усиливаются переселенческие тенденции, особенно по Ставропольскому и Сальскому округам. Среди населения агитация за поголовное переселение»⁶⁹⁸. Кроме политических причин, голод угрожал засушливым местностям.

⁶⁹⁴ ЦДНИРО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 594. Л. 53; ЦДНИРО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 801. Л. 37.

⁶⁹⁵ РГВА). Ф. 4. Оп. 1. Д. 759. Л. 102.

⁶⁹⁶ ЦДНИРО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 801. Л. 164.

⁶⁹⁷ ЦДНИРО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 801. Л. 122.

⁶⁹⁸ ЦДНИРО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 803. Л. 34.

Чрезвычайные меры вызвали всплеск активности зажиточных слоев. Если в 1927 г. чекисты раскрыли в Северо-Кавказском крае 243 антисоветских группы с 1293 участниками, то в 1928 г. – 273 антисоветские и 133 контрреволюционные группы (1643 чел.). Полпредство ОГПУ вело за 1928 г. следственные дела на 3196 чел.⁶⁹⁹ В январе–марте 1928 г. в крае зарегистрировано 32 террористических акта⁷⁰⁰. Местным коммунистам казалось, что «кулацкие агитаторы» повсюду и неуловимы. Показателен разговор казаков в станичном совете, подслушанный писателем В.П. Ставским: «Тогда надо было воевать, когда наши были, а то все попрятались – не пойдем, не пойдем. Вот теперь и мучайся. Сейчас самим начинать – ничего не выйдет. Надо ждать, когда придут эмигранты»⁷⁰¹.

Вторая волна изъятия продовольствия в апреле – июне 1928 г. особенно озлобила население. Как признавал второй секретарь крайкома ВКП(б) В.И. Иванов, даже бедняки не уверены в прочности власти, устали от бесконечных собраний и угроз. Многие хотели оставить хлеб у себя и разогнать кооперативы: «Нечего сказать, довели нас правители опять до 1921 года»⁷⁰². В мае возникла угроза голода, так как во многих районах озимые хлеба погибли. Бедняки «пухли» от недоедания. Как сообщал полпред ОГПУ, настроение бедняков двойственное: «1) нужно идти отбирать хлеб у кулаков; 2) необходимо прекращать заготовку и бить коммунистов и аппаратчиков»⁷⁰³. Крестьяне говорили рабочим г. Тихорецка, стоя в очереди за хлебом: «Что вы спите, давайте начинать, а мы вас поддержим»⁷⁰⁴.

За май 1928 г. полпредство ОГПУ поставило на учет 386 антисоветских выступлений с участием 11,5 тыс. чел. (в основном – женщин). По имущественному положению 85% участников – бедняки, батраки и маломощные середняки.

⁶⁹⁹ ЦДНИРО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 842. Л. 148–149; ЦДНИРО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 703. Л. 109–110.

⁷⁰⁰ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 2. Д. 397. Ч. 2. Л. 33.

⁷⁰¹ Крестная ноша казачества... С. 339, 340.

⁷⁰² ЦДНИРО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 673. Л. 127–130.

⁷⁰³ ЦДНИРО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 807. Л. 93.

⁷⁰⁴ ГАКК. Ф. Р-226. Оп. 1. Д. 335. Л. 143.

Зажиточные составили 5%⁷⁰⁵. Стихийные бунты происходили в с. Левокумском, Прасковейском и Погойнском Терского округа с лозунгом: «Дайте хлеб!»⁷⁰⁶ В ст-це Гиагинской толпа женщин пыталась захватить обоз с хлебом, шедший на мельницу. Бедняки не поддерживали даже такую благотворную для них меру властей, как отмену кабальных трудовых соглашений с кулаками: «Вы уедете, а мы останемся здесь и нам придется тогда обращаться к кулаку за хлебом»⁷⁰⁷.

Малоизученный аспект – политические настроения горожан, среди которых было много выходцев из станиц и сезонных работников. К лету 1928 г. города, особенно захолустные, сели на паек карточного снабжения. По оперсводке Ставропольского исполкома за июнь, ограничения выпечки лишили часть горожан хлеба: «На этой почве создаются очереди и всякого рода нарекания... Запасов едва хватит до 3–4 июля, после чего город станет перед фактом определенной голодовки». Горсовет выдавал нормированный хлеб только членам профсоюзов⁷⁰⁸. Председатель организационно-планового бюро Госплана РСФСР Парфенов описывал: «В некоторых городах (Темрюк, Краснодар) в очереди за хлебом становятся почти с вечера... вокруг многих станиц расположились целые таборы беженцев». Поздним вечером приезжим или людям с портфелем (атрибутом чиновника) опасно показываться на улице⁷⁰⁹.

Рост цен и безработицы, падение доходов вызвали в июне 1928 г. 6 демонстраций в городах с требованием «Дать хлеб». Собрания рабочих-строителей Краснодара длились по пять часов. Ораторы требовали освободить недоимщиков-крестьян из тюрьмы, а торговцев – от налогов («Да здравствует свободная торговля и неприкосновенность личности!»), хотели поставить «у власти своих товарищей». Участники собрания разбежались при появлении в зале агентов ОГПУ. В Новороссийске

⁷⁰⁵ ЦДНИРО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 801. Л. 155–164.

⁷⁰⁶ ГАНИСК. Ф. 9. Оп. 1. Д. 837. Л. 105.

⁷⁰⁷ ГАНИСК. Ф. 2816. Оп. 1. Д. 302. Л. 35.

⁷⁰⁸ Кругов А.И. Ставропольский край в истории России (1917–1941 гг.). Ставрополь, 1996. Ч. 2. С. 107.

⁷⁰⁹ РГАСПИ. Ф. 78. Оп. 1. Д. 296. Л. 151–152.

500 безработных женщин-сезонниц разгромили биржу труда. В Сочи 3 тыс. демонстрантов, недовольных взяточничеством и развратом городских властей, захватили здание пограничной комендатуры. Тысячная толпа ворвалась в Темрюкский горсовет, избивала служащих, мстя за перебои в хлебной торговле⁷¹⁰.

В острые моменты заготовок интересы всех слоев крестьянства смыкались против курса большевистской партии. Так было в январе, повторилось и летом 1928 г. Секретарь крайкома А.А. Андреев в докладе пленуму ЦК ВКП(б) признавал: «Мы имеем в деревне почти единый фронт, начиная с бедноты и кончая кулацкой частью крестьянства, враждебно настроенный против хлебозаготовок, займов, самообложения». Беднота и середняки, не понявшие вначале смысла жесткого курса, «в довольно многих случаях выступали против этих мероприятий»⁷¹¹. Казаки-середняки были настроены решительно: «Мы добровольно хлеба не отдадим, возьмут лишь, когда придут за хлебом; я переколю всех вилами, а хлеба не дам». Иногородние разделяли это мнение пассивно, без воинственности⁷¹². Кулаки распускали слухи о вывозе всего зерна из станиц, усиленно скупали печеный хлеб для взвинчивания цен.

Волна выступлений земледельцев достигла пика с 15 по 20 июня 1928 г. по мере исчерпания запасов продовольствия накануне жатвы. В июне произошло 93 массовых выступления в 74 населенных пунктах 9 округов края. Недовольство концентрировалось в казачьих местностях Кубани и Терека. Количество рассуждений о восстании выросло за июнь с 40 до 265. Отмечено 35 призывов к восстанию. Статистика ОГПУ подтверждает вывод о вовлеченности всех слоев станиц в эти настроения. Особняком стоит бедняцкая группа хлеборобов (лишь 5 из 35 призывов к мятежу и 24 из 265 рассуждений о нем). Очевидно участие кулаков (9 призывов и 84 толков), «антисоветских элементов» (11 и 80), середняков (10 призывов и 77 толков о восстании). Бесспорно руководство казаков в

⁷¹⁰ ЦДНИРО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 802. Л. 86, 91, 83, 84, 90; ЦДНИРО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 801. Л. 155–164.

⁷¹¹ ЦДНИРО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 754. Л. 122, 3.

⁷¹² ЦДНИРО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 802. Л. 14.

оппозиции. Из 386 антисоветских выступлений за июнь казаки преобладали в 289, высказывали 58 из 77 повстанческих настроений, распространяли 58 из 86 отмеченных ОГПУ слухов⁷¹³. 22 июня органы ОГПУ в крае изъяли активные антисоветские элементы числом несколько сотен казаков⁷¹⁴.

Середняки сильно встревожены. 50% землевладельцев края с августа 1928 г. проявляли недовольство размерами налога⁷¹⁵. Работник Госплана РСФСР Парфенов свидетельствовал, что посевные площади края к зиме 1928 г. сократились на 31%⁷¹⁶. В представлении бедняков и батраков Советская власть хороша, а плохи местные партийцы. Красные партизаны на Ставрополье высказывались: «за советскую власть голову положим, а с коммунистической партией не пойдём, и когда придет время, мы коммунистам покажем»⁷¹⁷. Рабочие Новороссийска отозвались на факты грабежа склада с хлебом: «... пускай бы они разграбили хоть эшелон, ведь мука-то эта откуда взята, тоже была насильно отнята у крестьян»⁷¹⁸. Один кузнец заявлял: «Хлеба недостает потому, что его отправили за границу»⁷¹⁹.

Статистика антисоветских выступлений в Северо-Кавказском крае за июль – сентябрь 1928 г. показывает устойчивый уровень недовольства летом и его повышение осенью из-за военных маневров, мобилизации призывников и резервистов. Особое неблагополучие наблюдалось в Кубанском, Донском, Армавирском и Терском округах, что связано с казачьими традициями. Партийные органы признавали, что секции сельсоветов и партячейки почти не ведут работу среди казачества, не имеют планов агитации⁷²⁰.

⁷¹³ ЦДНИРО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 801. Л. 157об.–161об; ГАКК. Ф. Р-226. Оп. 1. Д. 335. Л. 143.

⁷¹⁴ ЦДНИКК. Ф. 8. Оп. 1. Д. 441. Л. 48.

⁷¹⁵ ЦДНИРО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 630. Л. 20, 21; ЦДНИРО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 801. Л. 186.

⁷¹⁶ ГАКК. Ф. Р-226. Оп. 1. Д. 341. Л. 19.

⁷¹⁷ ЦДНИКК. Ф. 8. Оп. 1. Д. 459. Л. 19.

⁷¹⁸ ЦДНИКК. Ф. 9. Оп. 1. Д. 834. Л. 18, 56, 60.

⁷¹⁹ ЦДНИРО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 802. Л. 143.

⁷²⁰ ЦДНИКК. Ф. 12. Оп. 1. Д. 104. Л. 3–4.

В воинских частях СКВО к 20 сентября 1928 г. было отмечено 168 выступлений против хлебозаготовок, в том числе 41 – с угрозами против порядка управления. Возродились призывы создать «Крестьянский союз». Волну недовольства удалось сбить к концу сентября только в некоторых районах, где жалобщики на тяжесть налога получили льготы⁷²¹. В ст-це Зольской Терского округа произошёл бунт. По признанию А.И. Микояна, там «человек 100 изъяли: 24 чел. расстреляли, человек 30 в Соловки сослали; теперь они смиренные»⁷²².

Официальные обличения «правого уклона» оживили иллюзорную надежду на падение власти. В городах ходили слухи: дескать, армия на стороне «правых». Рабочие – выходцы из станиц сочувствовали хлеборобам: «Сегодня правые, завтра левые, выходит, что один Сталин прав, а в городе хлеба нет и крестьянина задавили налогами... а когда умные люди говорят, что так нельзя дальше, то получается уклон»⁷²³. Недоумение вызывал запрет частной торговли зерном, что привело к карточной системе снабжения горожан и закрепило привилегии членов профсоюзов⁷²⁴.

Бедняки и ветераны гражданской войны тоже не жаловали партию, но по иным причинам. На собраниях в Вёшенском, Старощербиновском районах ветераны-красноармейцы выражали недовольство слабой материальной и медицинской помощью, отсутствием льгот. Особенно возмущали их бывшие белогвардейцы на государственной службе. В селах Крымского и Адлерского районов состоялись нелегальные собрания красных партизан, которые направили ходяков к комкору Е.И. Ковтюху с требованием узаконить свои организации на правах профсоюза⁷²⁵.

Середняки и зажиточные, чьи настроения различить по источникам в этот период трудно, мыслили масштабнее. Кулак из с. Супсех Анапского района рассуждал: «Что нам критиковать

⁷²¹ ЦДНИРО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 807. Л. 8–9.

⁷²² ЦДНИРО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 967. Л. 242; Крестная ноша казачества... С. 112.

⁷²³ ЦДНИРО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 951. Л. 8, 9.

⁷²⁴ ЦДНИРО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 845. Л. 152.

⁷²⁵ ГАРО. Р-1798. Оп. 1. Д. 1295. Л. 223 об. – 224.

работу советов и РИКов. Организации эти подневольные. Крыть нужно вышестоящие организации, центральную власть. Это они, помогая бедноте, научили ее лодырничать»⁷²⁶. Показательно недоверие и озлобленность крестьян, узнавших о новых льготах середнякам. В ст-це Воздвиженской они заявили: «Брешут ... все эти народные комиссары. Это с целью записали, чтобы завлечь хлеборобов на расширение посевов, а потом назовут нас кулаками и будут беспощадно облагать в индивидуальном порядке, да ещё мало того, так морды поковыряют – и правы будут...»⁷²⁷ Самодельные листовки в ст. Баталпашинской раскрывали надежды: «Правый уклон – это оружие для свержения ярма с шеи хлебороба. Правый уклон... открыто заявил, что партия – это система подавления сельского хозяйства»⁷²⁸.

Оценивая общественные настроения осени 1928 г., можно согласиться с выводом информационного отдела ЦК ВКП(б). В большинстве случаев требования кулаков соответствовали общекрестьянским⁷²⁹. Показательно письмо кубанского казака родственнику-эмигранту. Он отмечал, что зажиточные станичники оставляют скот и имущество порядочным беднякам, «а сами пошли на Мугань, в Сибирь – вернемся, мол, отдадите, а нет так и нет, всё равно пропадет». Терский казак писал: «Ни мужики, ни казаки, ни служащие не хотят быть коммунистами, и, наверно, к социализму их можно притянуть только веревкой, если она выдержит и не оборвется. Все ждут переворота ..., можно сказать, мирной обстановки нет. Народ живет как-то на нервах и в ожидании еще худшего... Мы и сами не знаем, что происходит в нашем Союзе»⁷³⁰.

Краевые органы управления реагировали на рост недовольства жестко. Полпред ОГПУ по Северо-Кавказскому

⁷²⁶ ЦДНИКК. Ф. 9. Оп. 1. Д. 844. Л. 10–12.

⁷²⁷ «Проклятия крестьян падут на вашу голову...»: Секретные обзоры крестьянских писем в газету «Правда» в 1928–1930 годах / вступ. ст., публ. и коммент. Т.М. Вахитовой и В.А. Прокофьева // Новый мир. 1993. № 4. С. 169.

⁷²⁸ ЦДНИРО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 949. Л. 52–55.

⁷²⁹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 2. Д. 176. Л. 10–11.

⁷³⁰ Крестная ноша казачества... С. 113, 112.

краю Е.Г. Евдокимов заявил на заседании бюро крайкома ВКП(б) 30 ноября 1928 г., что «антисоветские кулацко-казачьи группировки» переходят к прямой контрреволюции, скатываются к подполью и террору. Его вывод: надо «расстреливать больше и без печати» (негласно), это прекратит разгул кулачества⁷³¹. 6 декабря на Северном Кавказе воссоздаются хлебозаготовительные тройки. Ст. 107 УК о спекуляции стала применяться за торговлю партиями зерна свыше 50 пудов. Кооперативные цены принудительно уравнены с государственными⁷³². Но уроки неудач 1928 г. учтены. Карательные органы получили жесткие указания: соблюдать классовый подход (осторожно взыскивать недоимки бедняков и маломощных середняков); учесть местные особенности урожайности; обеспечить нормальное снабжение товарами⁷³³. Благодаря этим мерам удалось расколоть крестьян по имущественной принадлежности в 1929 г.

По данным ОГПУ, за весь 1928 г. в Северо-Кавказском крае раскрыто 228 кулацких группировок с участием 1635 чел. Край выделялся по размаху борьбы наряду с Сибирью, Уралом, Северо-Западом России. Только в декабре 1928 – январе 1929 г. в 3 округах создано 57 подпольных собраний. В 160 колхозах края арестованы 186 кулаков, 25 бывших офицеров, 48 торговцев, 15 помещиков, 20 атаманов, 66 реэмигрантов, 31 полицейский⁷³⁴. Но наиболее частой формой выступлений оставались стихийные митинги и высказывания на сходах. Так, 4 декабря 1928 г. в ст-це Спокойной Армавирского округа зажиточные казаки – бывшие повстанцы возглавили митинг. Поводом стал обмен членских книжек кооперативов для раздачи дефицитных товаров. Их выделяли теперь прежде всего беднякам и пайщикам, вовремя сдавшим налог. Кулаки выкрикивали: «бей лавку, до каких пор нас будут мучить... коммунистов уже везде бьют. Нужно и Совет разбить – чего смотреть». Они призывали разогнать кооперацию и создать

⁷³¹ ЦДНИРО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 703. Л. 111–112.

⁷³² ЦДНИРО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 594. Л. 346, 291, 293.

⁷³³ ЦДНИРО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 594. Л. 318, 348.

⁷³⁴ Сидоров В.А. Классовая борьба в доколхозной деревне, 1921–1929 гг. М., 1978. С. 209–210.

взамен Крестьянский союз, не допускать в сельсовет партийцев – «босяков»⁷³⁵. Сравнительно легко местные власти утихомирили волнения.

Помимо устойчивых факторов, самочувствие станиц Северного Кавказа осенью 1928 г. определяли новые обстоятельства – недород и вызванный им голод, ужесточение государственного давления на крестьянство, неуверенность в будущем и ожидание худшего. Углубился раскол станиц на активистов – бедняцкую прослойку сторонников власти и основную массу населения. Под влиянием перемен в партийной пропаганде казаки и крестьяне все больше осознавали, что речь идет не просто о временном ужесточении налогов и платежей, а о коренном перевороте в их жизненном укладе. Этот переворот чаще всего оценивался как преждевременный и неподготовленный.

Итак, угроза войны ускорила поляризацию политических ориентаций в станицах, что облегчило власти пропаганду свертывания нэпа и коллективизации. На материале «военной тревоги» 1927 г. аргументирована гипотеза о сословно-классовой сегментации политических ориентаций земледельцев Юга России. Выявлено, что «военная тревога» 1927 г. воспринималась всеми социальными группами сельских сообществ региона как важный фактор политического процесса, оказала серьезное влияние на перегруппировку политических сил. «Военная тревога» высветила высокий конфликтный потенциал сообщества (складывавшийся длительно и под влиянием комплекса разнородных факторов). Зажиточные крестьяне и казаки проявили неприятие советской практики властвования и надеялись на успешную войну ради свершения режима. Средняцкая толща крестьянства и часть казачества была настроена пацифистски и, скорее всего, осторожно ждала исхода событий. Третий тип настроений характерен для бедняцких слоев «иногородних» крестьян, для рабочих и маргинальных групп. Это – антинэповский экстремизм

⁷³⁵ Кубанская ЧК / под общ ред. Е.Л. Воронцова. Краснодар, 1997. С. 98–102.

и желание воинственно защищать советскую власть от «буржуазного» перерождения.

Установлены долгосрочные внутренние факторы более негативного, чем в стране, восприятия «чрезвычайных мер» 1928 г. на Юге России: повышенная аграрность и зажиточность; этносословный раскол на казачество и «иногогородних» крестьян; обостренные земельные и налоговые противоречия; затяжная Гражданская война; восприятие Советской власти казаками как насаждённой извне. В то же время, «иногогородние» крестьяне воспринимали социалистическое строительство как спасение от засилья казачества.

«Чрезвычайные меры» 1928 г. впервые объединили большую часть земледельцев против власти, уменьшили внутренние различия мнений середняков и зажиточных групп. В настроениях масс проявилось неприятие всей совокупности мер управления, надежда на раскол ВКП(б) и помощь эмиграции. Советы и общественные организации воспринимались как бессильные. Среди форм оппозиционной деятельности до осени 1928 г. преобладало «оружие слабых» – агитация, саботажи налогов и платежей, дробление хозяйств и сокращение их доходов. Установлен переход зажиточных слоёв казачества и крестьянства к началу 1929 г. к подпольным, вооружённым формам активности. Переход к коллективизации обеспечен не только агитацией и репрессиями, но и в силу психологических факторов: классового и возрастного раскола общества, стремления беднейших слоёв повысить свой статус. Курс модернизации в их сознании неразрывно связывался с политикой ВКП(б). Антирыночные настроения были использованы властью.

Партийно-государственные идеологические кампании в 1928 г. слабо повлияли на общественное мнение земледельцев, будучи скорее внешним раздражителем и информационным поводом, чем основным фактором изменений общественных настроений.

Региональная специфика политических ориентаций земледельцев на Юге России проявлялась в сравнительной традиционности, сословном расколе, более позитивном, чем по стране, восприятии рынка, повышенной организованности казаков

и крестьян. Одновременно усилилось влияние беднейших слоев на политику местных партийно-государственных чиновников. Раскол политической культуры стал одним из ключевых факторов свертывания нэпа и централизации власти.

Развитие политических ориентаций 1920-х гг. подтверждает разнообразие восприятий национальной политики социально-имущественными и сословными группами общества, опровергает стереотипы прямолинейного пути России, демонстрирует потенциал самоорганизации земледельцев.

4. ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ СОВЕТСКОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКЕ СО СТОРОНЫ АНТИБОЛЬШЕВИСТСКИХ ДВИЖЕНИЙ В СЕВЕРО- КАВКАЗСКОМ КРАЕ И КРЫМСКОЙ АССР

4.1. Повстанческое движение «БЕЛО-ЗЕЛЁНЫХ» на Дону, Кубани и Тереке в контексте национальной политики

Смысл повстанческих движений времени перехода от военного коммунизма к нэпу остается малоизученным и спорным. Советская историография исходила из принципов классовости и партийности, расценивая казачьи и крестьянские выступления как «внутреннюю контрреволюцию» и «русскую Вандею». В соответствии с изменениями политики КПСС эти движения определялись либо как форма Гражданской войны на её завершающем этапе (в работах историков 1920-х гг. и 1950–1960-х гг.⁷³⁶), либо как «кулацкий бандитизм» при поддержке эмигрантов и иностранных спецслужб (в работах 1930–1950-х и 1970-х – середины – 1980-х гг.⁷³⁷). Высказывания ряда авторов (А.В. Голубева, А. Козакова, И.С. Стройло и др.) об отличиях сопротивления трудящихся военному коммунизму от белого движения и бандитизма⁷³⁸ не находили признания. Эти документально обоснованные выводы могли расшатать официальную трактовку событий, отмеченную схематизмом и идеологизированием.

⁷³⁶ Какурин Н.Е. Как сражалась революция. М., 1990. Т. 2; Буйский А. Красная Армия на внутреннем фронте. М.; Л., 1927; История гражданской войны в СССР. 1917–1922. М., 1960. Т. 5.

⁷³⁷ История ВКП(б). Краткий курс... С. 247–248; Трифонов И.Я. Указ. соч.; Жупикова Е.Ф. Причины политического бандитизма на Северном Кавказе в конце гражданской войны // Дон и Северный Кавказ в период строительства социализма. Ростов н/Д, 1988. С. 40–54.

⁷³⁸ Голубев А.В. Врангелевские десанты на Кубани. Август – сентябрь 1920 года. М.; Л., 1929; Козаков А. Общие причины возникновения бандитизма и крестьянских восстаний // Красная армия. 1921. № 9. С. 21–39; Стройло И.С. Повстанческое движение на территории Северо-Кавказского военного округа // Красная армия. 1921. № 9. С. 55–65.

Современные исследователи обосновывают точку зрения, согласно которой крестьянские и казачьи восстания были одной из форм гражданской войны, не менее важной, чем противоборство регулярных армий “красных” и “белых”. Чаще всего употребляются понятия «крестьянская война» (В.П. Данилов, П.А. Аптекарь⁷³⁹) и «малая гражданская война» (А.А. Зайцев, С.А. Павлюченков, В.Н. Бровкин⁷⁴⁰) как синонимы сути событий начала 1920-х гг. В.П. Данилов обосновал перспективную гипотезу о крестьянской революции 1902–1922 гг. в России, неотъемлемой стадией которой явилось движение «бело-зелёных». По его мнению, крестьяне, потерпев военное поражение от Красной армии, одержали политическую победу, оборвали военно-коммунистический эксперимент и закрепили свои права в Земельном кодексе⁷⁴¹.

Большое значение имеют новые исследования А.П. Скорика и Р.Г. Тикиджьяна⁷⁴², В.Г. Яценко⁷⁴³, А.Н. Грищенко⁷⁴⁴, В.В. Касьянова и Ю.А. Яхутль⁷⁴⁵. Новейшая историография проблемы отмечена расширением источниковой базы исследований, публикацией ряда документов личного

⁷³⁹ Данилов В.П. Крестьянская революция в России // Крестьяне и власть. Материалы конф. М.; Тамбов, 1996. С. 19–23; Аптекарь П.А. Крестьянская война // Военно-исторический журнал. 1993. № 1, 2.

⁷⁴⁰ Зайцев А.А. Контрреволюция Кубани и Черноморья в 1917–1920 гг.: Дис. ... канд. ист. наук. Ростов н/Д, 1990. С.168–170; Павлюченков С.А. Крестьянский Брест, или Предыстория большевистского НЭПа. М., 1996. С. 76–78; Политическая история: Россия – СССР – Российская Федерация / рук. авт. кол. С.В. Кулешов. М., 1996. Т. 2. С. 59, 81–83.

⁷⁴¹ Крестьянское восстание в Тамбовской губернии в 1919–1921 гг. «Антоновщина». Документы и материалы / отв. ред. В.П. Данилов, Т. Шанин. Тамбов, 1994. С. 5–6.

⁷⁴² Скорик А.П., Тикиджьян Р.Г. Донцы в 1920-х годах. Ростов н/Д, 2010.

⁷⁴³ Яценко В.Г. Антибольшевистское повстанчество в Нижнем Поволжье и на Среднем Дону. М., 2008.

⁷⁴⁴ Грищенко А.Н. Антибольшевистское повстанческое движение в Донской области в 1920–1922 годах. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ростов н/Д, 2009.

⁷⁴⁵ Касьянов В.В., Яхутль Ю.А. Протестное движение крестьянства и казачества Кубани и Дона в 1920–1923 гг. Краснодар, 2021.

происхождения (воспоминаний и дневников)⁷⁴⁶, сборников документов⁷⁴⁷ и комментариев к источникам⁷⁴⁸. Следует отметить работы А.А. Черкасова⁷⁴⁹, Н.В. Кратовой⁷⁵⁰, Е.Ф. Жупиковой⁷⁵¹. В то же время, ряд научных задач остаётся нерешённым как из-за нехватки источников, так и вследствие политизированного подхода к теме. До сих пор не создано обобщающее исследование «бело-зелёного» движения в Донской, Кубано-Черноморской и Терской областях (1920-1924 гг.).

Мы считаем плодотворным антропологический подход к исследованию повстанческого движения, обоснованный З.А. Чеканцевой⁷⁵². Вслед за школой «Анналов» Чеканцева трактует народные стихийные движения как явление массовой культуры и обычного (традиционного) права. Бунт рассматривается как способ выражения местной солидарности против чужаков, как ответ общинной деревни на агрессию внешнего (модернизируемого) мира. Идейное оправдание бунта – представления о справедливом распределении товаров, о

⁷⁴⁶ Савченко И.Г. В красном стане: записки офицера; Зеленая Кубань: из записок повстанца. М., 2016; Белый десант на Кубани, август 1920: Сборник док-тов. Сан-Франциско; Краснодар, 2000; Дневник генерала М.А. Фостикова // Дневники казачьих офицеров. М., 2004. С. 15-180.

⁷⁴⁷ Русская армия генерала Врангеля. Бои на Кубани и в Северной Таврии. М., 2003; Яхутль Ю.А. Кубано-Черноморская область в условиях противостояния власти и сельского населения (1920–1923 гг.): Документы и материалы / науч. ред. В.В. Касьянов. Краснодар, 2022.

⁷⁴⁸ Громов В.П. Новый мемуарный источник о Гражданской войне: из воспоминаний кубанского казака-эмигранта М.В. Губы // Наследие веков. 2018. № 2 (14). С. 78–89.

⁷⁴⁹ Черкасов А.А. Пропаганда противоборствующих сил на Кубани и Черноморье в 1919–1922 гг. URL: http://voenoboz.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=87%3A-----1919-1922-&catid=44%3A2011-02-14-00-08-31&Itemid=2&limitstart=2 (дата обращения: 18.09.2022).

⁷⁵⁰ Кратова Н.В. Повстанческое движение на Кубани и в Пятигорье в начале 20-х годов XX века. Ростов н/Д, 2012.

⁷⁵¹ Жупикова Е.Ф. Повстанческое движение на Северном Кавказе в 1920-1925 гг. М., 2016.

⁷⁵² Чеканцева З.А. О новом подходе к истории народных движений // Новая и новейшая история. 1993. № 4. С. 74–86.

покровительственной (но не диктаторской) роли власти, своеобразная этика выживания земледельцев. Народные движения компенсируют утрату или слабость государственных воздействий на общество во время кризисов.

Зимой и весной 1920 г. именно казачество и крестьянство сыграли важную роль в восстановлении советской власти. Прежде всего, поворот массовых настроений в пользу большевиков был вызван провалом централизаторского курса Добровольческой армии А.И. Деникина. Белые широко применяли насилие против рабочих, крестьян, горцев, а на завершающем этапе борьбы – и против казаков. Политика «единой и неделимой России» наталкивалась на автономизм казачества и горцев. Не был решен важнейший вопрос о переделе земли в пользу крестьян. В итоге антибольшевистские силы Юга раскололись. Стали массовыми дезертирство из Добровольческой армии и партизанское движение «зелёных» на Дону, Кубани, Черноморье и Тереке. «Зелёные» выступали за третий путь революции и за федерацию в эсеровском духе, ситуативно поддерживая большевиков⁷⁵³. Повстанцы в ряде местностей (Сочинский, Майкопский, Сунженский округа) самостоятельно брали власть до прихода РККА⁷⁵⁴.

Большинство жителей Северного Кавказа, устав от затяжной войны, поддержало весной 1920 г. большевиков. Эсеры и меньшевики признавали, что крестьяне и рабочие радостно встретили Красную Армию, а казачество сохраняло благожелательный нейтралитет⁷⁵⁵. Вожаки «зеленоармейцев», восставших против армии Деникина – М.П. Пилюк и П.А. Савицкий – надеялись на поправление большевиков, соглашение всех социалистических партий, предоставление

⁷⁵³ Раковский Г.Н. В стане белых. Константинополь, 1920. С.65–69, 75, 123–124, 202–208; Трагедия казачества. Прага, 1938. Ч. 4. С. 145, 152, 321.

⁷⁵⁴ Шевцов И.Б. Особое задание. М., 1960. С. 17–24; Гонов А.М. Северный Кавказ: актуальные проблемы русского этноса (20–30-е годы). Ростов н/Д, 1997. С. 69; Сокольников Г.Я. Автобиография // Деятели СССР и революционного движения России. М., 1989. С. 686.

⁷⁵⁵ Положение на Кубани // Революционная Россия. 1921. № 4. С. 27; Предкавказье под советской властью // Там же. № 7. С. 25; Покровский М. На Дону // Там же. № 9. С. 30.

полной автономии казачьим областям⁷⁵⁶. Им казалось, что большевики не будут внедрять систему военного коммунизма. Своеобразная обстановка возникла в Сочинском и Туапсинском округах, где Комитет освобождения Черноморья во главе с эсером Н.В. Вороновичем создал Черноморскую крестьянскую республику. Местные крестьянские ополчения до лета 1920 г. оставались весомой силой, сражаясь поочередно против Добровольческой и Красной армий⁷⁵⁷.

Продолжали борьбу против большевиков весной 1920 г. лишь немногие офицеры и казаки, опасавшиеся возмездия за белый террор. Войска Кавказского фронта РККА взяли в плен 163,6 тыс. рядовых и офицеров, а скрывались в горах и лесах края более 20 тыс. участников белого движения⁷⁵⁸. Вместе с тем, командующий Русской армией П.Н. Врангель возлагал последнюю надежду именно на казачьи области, где скопились огромные боевые запасы и продовольствие, а вооруженные казаки могли выступить против советского строя⁷⁵⁹. Аналогично мнение руководителей большевиков края. Начальник Особого отдела Кавказского фронта К.И. Ландер докладывал в первой половине апреля 1920 г. В.И. Ленину, что на Дону “сгруппировалось много белогвардейцев..., там летом подготавливается ряд восстаний”. Показательна реакция Ленина (в пересказе Ландера): восстания “подавлять в зародыше с сугубой строгостью”, а организаторов и пособников расстреливать на месте, широко оповещая население⁷⁶⁰.

⁷⁵⁶ Раковский Г.Н. В стане белых... С. 205–208.

⁷⁵⁷ Воронович Н.В. Меж двух огней // Архив русской революции. Репринт. изд. М., 1991. Т. 7. С. 171–181; Зеленая книга. История крестьянского движения в Черноморской губернии: Сб. материалов и документов / собр. Н.В. Воронович. Прага, 1921. С. 149–163.

⁷⁵⁸ Гражданская война и военная интервенция в СССР: Энциклопедия. М., 1987. С. 536; РГВА. Ф. 192. Оп. 1. Д. 96. Л. 22; Оп. 3. Д. 775. Л. 1; ГАРО. Ф. Р-1185. Оп. 1. Д. 10. Л. 56.

⁷⁵⁹ Врангель П.Н. Воспоминания. М., 1992. Ч. 2. С. 214.

⁷⁶⁰ Русская военная эмиграция 20–40-х годов: Документы и материалы. М., 1998. Т. 1. Кн. 1. С. 78.

К маю 1920 г. введение многообразных трудовых повинностей и продразверстки, попытки передела казачьих юртовых земель и незаконные расправы над земледельцами, запрет участия кулаков в выборах всерьез накалили обстановку⁷⁶¹. В конце апреля восстала 14-я кавалерийская дивизия 1-й Конной армии, формируемая преимущественно из бывших белоказаков. Узнав о направлении на фронт против Врангеля, дивизия подняла бунт в ст-це Уманской с призывами: «Долой войну, долой коммуны!»⁷⁶². Возле ст-цы Кущевской повстанцы, возглавляемые полковником Сухенко, разбиты и рассеялись⁷⁶³. Окрепленные разрозненные отряды «бело-зеленых» и подполье, оставшиеся в крае после ухода деникинцев. Эта угроза осознавалась. Член РВС Кавказского фронта В.А. Трифонов 27 мая 1920 г. направил в Политбюро ЦК РКП(б) телеграмму с текстом: «Настроение населения, бывшее первое время [после] занятия [Донской] области определенно советским, за последнее [время] стало резко понижаться». Все чаще поступали сообщения о подготовке волнений. «Переброска на Запфронт в большей части вооруженных сил Кавфронта лишает нас возможности усилить оккупацию и хотя бы таким путем предотвратить возможные неприятности»⁷⁶⁴. Аналогичные сведения поступали с Терека и Кубани⁷⁶⁵.

Вооруженная оппозиция на Северном Кавказе в 1920–1924 гг. представляла собой пестрый спектр политических сил, конфликтующих между собой – от монархистов до анархистов. Среди них действовали агенты иностранных государств и

⁷⁶¹ История революционного движения на Тереке... С. 69; ЦДНИРО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 14. Л. 15.

⁷⁶² Буденный С.М. Пройденный путь. М., 1965. Кн. 2. С. 28–29, 92–93, 210; Присяжный Н.С. Первая Конная армия на польском фронте в 1920 году: Малоизвестные страницы истории. Ростов н/Д, 1992. С. 20, 43; Куценко И.Я. Кубанское казачество. Изд. 2-е, доп. Краснодар, 1993. С. 231.

⁷⁶³ Заре навстречу: Воспоминания и очерки о гражданской войне и её героях / сост. В.К. Кургаев, М.П. Самойленко. Краснодар, 1977. С.117–118.

⁷⁶⁴ Филипп Миронов: Тихий Дон в 1917–1921 гг. / отв. сост. В.П. Данилов, Н.С. Тархова. М., 1997. С. 491.

⁷⁶⁵ РГВА.Ф. 217. Оп. 2. Д. 75. Л. 12, 16; Д. 275. Л. 17–28; Директивы Главного командования Красной Армии (1917–1920 гг.). М., 1969. С. 742.

уголовники, так как затяжная война деморализовала многих своих участников и обесценила жизнь. Но неверно видеть вслед за советскими историками во всех «зеленоармейцах» преступников, пренебрегать разнородностью и сложными передвижками общественных сил в повстанческих выступлениях. Повод для размышлений дает вывод политработника 1-й Конной армии И.С. Стройло (осень 1921 г.): «Чистый бандитизм – свойство очень немногих мелких отрядов, не имеющих ничего общего с крупными политическими организациями». Их предводители принимали все меры к искоренению грабежей и даже «достигли большого успеха» в этом⁷⁶⁶.

Социальный состав «бело-зелёных» на основе доступных источников можно оценить только описательно, а не статистически. Обычно во главе отрядов стояли офицеры или казаки. Было много бывших солдат Добровольческой армии, беженцев из Центральной России, коренных крестьян. При захвате станиц мобилизации подвергались все казаки призывного возраста. В горной полосе действовали отряды карачаевцев, кабардинцев, чеченцев и ингушей, народностей Дагестана, терроризировавших славянских поселенцев. Отношения между «бело-зелёными» и горцами были противоречивы, но их сплачивала ненависть к советской власти.

По политической направленности можно выделить течения оппозиции. Во-первых, казачье проэсеровское движение «самостийников». И большевики, и эсеры сходились в оценке этого течения как жизненного и глубоко укоренившегося в массовых настроениях. Основная часть рядовых повстанцев, в отличие от вожаков, отмежевывалась от России поневоле, желая избавиться хотя бы свой край от «коммуны»⁷⁶⁷. Во-вторых, сохранялось монархическое движение офицеров и части зажиточных казаков, не имевшее устойчивой массовой поддержки. Оно подпитывалось извне агентами Врангеля. В-третьих, крестьянские выступления за советы без коммунистов в эсеровском духе. На Ставрополье и Черноморье их возглавляли

⁷⁶⁶ Стройло. Указ. соч. С. 62.

⁷⁶⁷ Там же. С. 60; Предкавказье под советской властью... С. 27.

опытные борцы – участники волнений 1905 г.⁷⁶⁸ Большевики всерьез опасались ухода к повстанцам популярных красных командиров, что объясняет трагическую участь Б.М. Думенко, Ф.К. Миронова и стойкую подозрительность властей к красным партизанам⁷⁶⁹. В-четвертых, анархистское движение крестьян, малоотличимое от уголовщины. В казачьих областях Юга России оно не получило развития, кроме рейдов махновцев по окраинам Дона.

Листовки и военно-оперативные документы повстанцев, выявленные нами, дают возможность сделать вывод: основные лозунги движения – не узкосословные консервативные, а в духе третьей революции на пользу всем сословиям. В документах Уманских полков, Армии возрождения России (АВР), Кубанской повстанческой армии (КПА), верхнедонского отряда К.Т. Вакулина можно выделить общее ядро призывов. Это – неприкосновенность трудовой собственности и раздел помещичьих земель; равенство сословий (кроме новоселов края за 1914–1920 гг.); власть свободно избранных советов без коммунистов и ЧК; окончание братоубийственной войны; созыв Учредительного собрания; прощение сдавшихся красноармейцев и советских служащих; антисемитизм⁷⁷⁰. Устойчивая былая вражда казаков с коренными крестьянами и горцами затихла перед лицом общей угрозы. Ненависть обратилась на коммунистов и переселенцев⁷⁷¹.

В листовках выражены также противоречия между течениями «бело-зеленых». Так, терцы и линейные казаки не

⁷⁶⁸ «Зеленая книга»... С. 7–8, 151–159; Воронович Н.В. Указ. соч. С. 176; Янчевский Н.Л. Краткий очерк истории революции на Юго-Востоке (1917–1920 гг.). Ростов н/Д. 1924. Вып. 1. С. 54.

⁷⁶⁹ Смилга И.Т. Военные очерки. М., 1925. С. 109–119; Филипп Миронов... С. 487–649.

⁷⁷⁰ ЦДНИРО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 19. Л. 8в; Д. 14. Л. 7в–9; Революционная Россия. 1921. № 7. С. 26; ГАКК. Ф. Р-757. Оп. 2. Д. 40. Л. 56, 73–76, 9; Р-102. Оп. 1. Д. 424. Л. 20; Д. 32. Л. 32; Р-382. Оп. 1. Д. 247. Л. 188–188об, 103–103об, 138–139, 233, 160–161; Д. 260. Л. 233.

⁷⁷¹ Предкавказье под советской властью... С. 27; Покровский М. На Дону... С. 32.

выдвигали призывов к автономии. Напротив, черноморцы и донцы намеревались провозгласить казачьи республики. Крестьянский вариант “самостийности” представлен в воззваниях ополченцев Черноморья, составленных эсерами Вороновичем и Рощенко⁷⁷². Примечательны листовки штаба Русской армии (монархической организации в Ейском отделе) с призывом объединиться всем течением: «Лозунги выбирать, начиная от монархических и кончая Учредительным собранием, в зависимости от того, какие нравятся в данной местности»⁷⁷³.

Точная оценка численности повстанцев их размещения и оснащённости затруднена, так как доступны только оперативные документы РККА и ВЧК. Особый отдел Кавказского фронта в сводке считал, что численность «бело-зеленых» за июнь – начало июля 1920 г. выросла в крае с 5400 до 13100 чел. в 36 отрядах с 50 пулеметами и 12 орудиями⁷⁷⁴. Видимо, учитывались только крупные подразделения, так как Н.Г. Денисов насчитал лишь в зоне действия Кавказской армии труда (на Тереке) до 9 тыс. повстанцев⁷⁷⁵. Б.И. Степаненко обобщил данные, по которым в августе 1920 г. действующие силы вооруженной контрреволюции на Дону, Кубани и Тереке достигли 30 тыс. чел.⁷⁷⁶ Военные действия имели отчетливый сезонный ритм, затухая на время посевной и жатвы, разгораясь осенью и ранней весной. Следующие пики выступлений приходятся на февраль–март и сентябрь 1921 г., что совпадает с особым обострением продовольственного кризиса и переломными ситуациями в аграрной политике РКП(б).

⁷⁷² «Зеленая книга»... С.7, 154–155.

⁷⁷³ Степаненко Б.И. Борьба с вооружённой контрреволюцией на Дону и Кубани и её разгром (март 1920 – 1922 гг.): дис. ... канд. ист. наук. Ростов н/Д. 1972. С. 172.

⁷⁷⁴ РГВА. Ф. 4. Оп. 1. Д. 29. Л. 88; Ф. 192. Оп. 3. Д. 778. Л. 44-51; ГАРО. Ф. Р-97. Оп. 1. Д. 162. Л. 2; Д. 214. Л. 2, 4.

⁷⁷⁵ Денисов Н.Г. Кавказская армия труда в борьбе за восстановление народного хозяйства юго-востока Европейской части РСФСР в 1920–1922 гг.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ростов н/Д, 1982. С. 64.

⁷⁷⁶ Степаненко Б.И. Крушение контрреволюции... С. 27.

Основными очагами вооруженной оппозиции в период военного коммунизма были Закубанье (дислокация Армии возрождения России летом – осенью 1920 г.), десанты Врангеля на побережье Дона и Кубани (июль – начало сентября 1920 г.), Терское восстание (сентябрь – октябрь 1920 г.) и верхнедонское выступление Вакулина и Фомина (зима 1920/21 г.). Предпримем их сравнительный анализ.

Уже в середине апреля 1920 г. генерал М.А. Фостиков начал создавать под Майкопом пластунский полк и конную бригаду. В июле стихийный бунт, вызванный продразверсткой и произвольным изъятием 3/4 запасов сена, охватил станицы Лабинского отдела (Егорлыкскую, Расшеватскую, Темижбекскую, Григорополисскую, Новотроицкую, Сенгилеевскую, Темнолесскую)⁷⁷⁷. 18 июля полковник Шевцов с отрядом в 600 сабель захватил ст-цу Прочноокопскую и объявил мобилизацию казаков. Было достигнуто взаимодействие с отрядом атамана Пятигорского округа Менякова близ ст-ц Бекешевской и Боргустанской⁷⁷⁸. Адыги участвовали в мятеже, а карачаевцы выжидали⁷⁷⁹.

Общие силы «бело-зелёных» Лабинского, Баталпашинского и Майкопского отделов достигли в середине июля 11 400 чел. с 55 пулеметами и 6 орудиями. Фостиков разместил свою ставку в ст-це Верхне-Кардоникской, где печатались его приказы. Мы выявили в ГАКК приказы № 6 и 7 от 28 июня 1920 г. и воззвание «Граждане Кубани, Дона, Терека и Ставрополя!» В них Фостиков называл себя «избранным от народа», призывал к саботажу действий ревкомов, объявлял призыв казаков⁷⁸⁰.

Как явствует из трофейных документов, 23 июля войсковой старшина Фартуков восстановил в горной полосе Майкопского

⁷⁷⁷ Раковский Г.Н. Конец белых. Прага, 1921. С. 114–129; История гражданской войны в СССР 1917–1922 гг. В 5 т. / редкол. С.М. Будённый и др. М., 1960. Т. 5. С. 164–165.

⁷⁷⁸ Баев К. Восстания на Северном Кавказе в конце 1920-го года. Париж, 1979. С. 32; Кондаков А.А. Разгром десантов Врангеля на Кубани. Краснодар, 1960. С. 39–43.

⁷⁷⁹ История революционного движения на Тереке... С. 76.

⁷⁸⁰ ГАКК. Ф. Р-757. Оп. 2. Д. 40. Л. 73–76.

отдела атаманское правление. Атаманом отдела был избран генерал-майор Курбатов, вскоре его заменил полковник Ф.Я. Посевин в ст-це Царской. Намечались съезды станичных атаманов и старшин, созыв отдельской рады. Приказ № 4 Посевина угрожал блокадой нейтральным селениям: «они не только не увидят города, но и соседней станицы, хотя бы они вымирали от голода... Укрывательство от мобилизации искореню всеми способами, на которые способна власть в военное время»⁷⁸¹. По рассказам казаков Верхней Кубани, взятых в плен караульным отрядом внутренних войск, старики в станицах вербовали в АВР молодежь, угрожая плетью всем пассивным. Но в ст-це Каменнородской казаки изгнали повстанцев, а в ст-це Кармалиновской жители вооружились против банд. Даже зажиточные в большинстве сочувствовали «советской власти без коммун» и часто дезертировали из повстанческих отрядов⁷⁸².

Все исследователи отмечали, что Фостиков не имел прочной связи с Врангелем и действовал изолированно, хотя и проводил курс Русской армии⁷⁸³. Эта оценка слишком категорична. Со слов Фостикова журналист Раковский утверждал, что связь АВР с Крымом и Грузией была налажена через Сухум, где член Кубанской рады Белашев получал донесения генерала. Рада просила отложить общий мятеж до своего приказа, советовала наладить самоуправление в станицах и бороться с уголовщиной. Белашев послал Фостикову 50 млн, а Врангель – 10 млн р.⁷⁸⁴

Повстанцы вовлеклись в соперничество Врангеля с кубанскими «самостийниками». Но помощь боеприпасами не была оказана, без чего нельзя достичь успеха. Проявлялись и внутренние раздоры. Казаки ст-ц Зеленчукской и Исправной проявили недовольство мобилизацией. Престиж самолюбивого Фостикова заметно упал, чем воспользовался его соперник –

⁷⁸¹ ЦДНИКК. Ф. 1774-Р. Оп. 2. Д. 529. Л. 6–8, 20.

⁷⁸² ГАСК. Ф. Р-100. Оп. 1. Д. 48. Л. 50–50об.

⁷⁸³ Врангель П.Н. Воспоминания: Южный фронт (ноябрь 1916 – ноябрь 1920 г.). М., 1992. Ч. 2. С. 244; Ковтюх Е.И. От Кубани до Волги и обратно. М., 1926. С. 97; Голубев А.В. Указ. соч. С. 149–150; Степаненко Б.И. Крушение контрреволюции... С. 26–27.

⁷⁸⁴ Раковский Г.Н. Конец белых... С. 114–129.

полковник В.Г. Крыжановский. На их встрече 2 августа Фостиков отверг план Крыжановского – напасть на Екатеринодар и развернул отряды на Армавир и Ставрополь⁷⁸⁵.

С завершением жатвы АВР резко активизировалась. 30 июля она взяла станицы по западному берегу р. Кубань от Прочноокопской до Урупской, подвергла их артобстрелу и пыталась захватить Армавир. Другая часть отрядов заняла горный район ст-ц Удобной, Передовой, Сторожевой, Кардоникской⁷⁸⁶. Разбив заслоны ослабленной 9-й армии РККА, в начале августа соединились повстанцы Баталпашинского и Лабинского отделов под Кардоникской⁷⁸⁷. Под нажимом врангелевского посланца Муравьева отряды Крыжановского, Шевцова, Васильева, Беликова признали главенство Фостикова. К середине августа АВР переустроена на регулярный лад. По подсчетам А.В. Голубева, армия состояла из 9 полков и 2 отрядов в 3095 штыков и 2400 сабель при 35 пулеметах и 10 орудиях. Конницу набирали из казаков-ветеранов, пехоту – из молодежи, не стойкой в бою. Командовали опытные офицеры⁷⁸⁸. Части армии концентрически расширяли зону влияния и поэтому не могли создать сильную ударную группу на одном направлении.

Разраставшиеся мятежи вынуждали руководство края просить центральную власть о военной помощи. 1 августа СНК РСФСР, ЦК РКП(б) и ВЧК получили телеграмму Кавказского бюро ЦК: «Кубань вся охвачена восстаниями. Действуют отряды, руководимые единой рукой – врангелевской агентурой. Зеленые отряды растут и значительно расширятся с окончанием горячей поры полевых работ – около 15 августа... В случае неликвидации Врангеля в течение короткого времени мы рискуем временно лишиться Северного Кавказа»⁷⁸⁹. РВС Кавказского фронта и представитель Наркомата продовольствия в Ростове

⁷⁸⁵ Баев К. Указ. соч. С. 35, 37; Голубев А.В. Указ. соч. С. 134.

⁷⁸⁶ Врангель П.Н. Указ. соч. С. 244–245; Кондаков А.А. Указ. соч. С. 39–43.

⁷⁸⁷ Раковский Г.Н. Конец белых... С. 114–129; История революционного движения на Тереке... С. 131.

⁷⁸⁸ Голубев А.В. Указ. соч. С. 132–133.

⁷⁸⁹ Из истории гражданской войны в СССР. М., 1961. Т. 3. С. 382–383.

М.И. Фрумкин подчеркивали в телеграмме секретарю ЦК РКП(б) Н.Н. Крестинскому, что основная задача – «быстро ликвидировать Врангеля и Кубанскую смуту как продолжение врангелевского фронта», чтобы не лишиться продовольственной базы⁷⁹⁰. В.И. Ленин указал по этому вопросу Ф.Э. Дзержинскому: «Опасность, по-моему, громадная. Предлагаю: от Политбюро принять директиву: просить Оргбюро по соглашению с НКвоен и ВЧК выработать экстренные меры борьбы с опасностью восстания и мобилизовать достаточное количество сил военных, чекистских и партийных... Если мы получим восстание на Кубани, вся наша политика... крахнет. Надо во чтобы то ни стало не допустить восстания, не пожалеть на это людей и сил»⁷⁹¹.

Органы власти приняли жесткие меры по подавлению очагов мятежа. 29 июля 1920 г. издан приказ № 1247 по войскам Кавказского фронта за подписями В.А. Трифонова и В.М. Гиттиса. «Население казачьих областей должно знать и твердо помнить, что все оно несет ответственность за те преступления против Советской власти, которые совершаются на ее территории», должно само карать преступников. К 15 августа жителей обязали сдать оружие под страхом конфискации имущества и расстрела на месте. Такая же кара установлена за уход в банды, за содействие «зелёным» или укрывательство их. Восставшие станицы подлежали усмирению «самыми решительными и беспощадными мерами, вплоть до полного их разорения и уничтожения»⁷⁹². В.И. Ленин потребовал от войск Кавказского фронта удвоить разверстку, брать до 80% глав хозяйств в станицах заложниками, расстреливать за неисполнение приказов⁷⁹³. 20 августа особоуполномоченный ВЧК по Северному Кавказу К.И. Ландер издал Обращение ВЧК к населению Кубанской области и Черноморского побережья. Текст гласил: «Станицы и селения,

⁷⁹⁰ Большевистское руководство: Переписка. 1912–1927: Сб. документов / сост. А.В. Квашонкин и др. М., 1996. С. 153.

⁷⁹¹ Ленин В.И. – Ф.Э. Дзержинскому, август 1920 г. // Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 51. С. 271.

⁷⁹² ГАКК. Ф. Р-158. Оп. 1. Д. 30. Л. 223–223об.

⁷⁹³ Ленин В.И. – членом Совета труда и обороны // Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 51. С. 245–246.

которые укрывают белых и зеленых, будут уничтожены, всё взрослое население – расстреляно, все имущество – конфисковано». В случае наступления банд взрослые родственники мятежников подлежали расстрелу⁷⁹⁴.

2 августа члены Политбюро ЦК объявили Кубанский фронт важнее Западного, где шла война с Польшей. Дзержинскому поручено разработать меры борьбы с бандитизмом⁷⁹⁵, в том числе: усилить войска СКВО, провести срочную регистрацию и репрессии белослужащих и буржуазии, усилить наказания красноармейцев за самовольные поборы⁷⁹⁶. 5 августа Кубано-Черноморский обком РКП(б) приказал создать особую комиссию областного ревкома по борьбе с «бело-зелеными»⁷⁹⁷.

В других казачьих областях отмечался рост мятежей, но массовой поддержки они не получали из-за обескровленности противников РКП(б) после разгрома А.И. Деникина. Боеспособные казаки на Дону частью ушли в Крым, частью смирились с новой властью. Когда 9 июля на Кривой косе под Таганрогом беспрепятственно высадился десант полковника Ф.Д. Назарова (1 тыс. чел.), он почти не получил поддержки, хотя выдвинул популярный призыв: «Мы только против коммунистов-большевиков-начальников-угнетателей, но не против Советов»⁷⁹⁸. П.Г. Чернопицкий резонно отмечает роль превентивных арестов и взятия заложников в станицах на пути десанта, беспартийных конференций. Десант вырос лишь до 2 тыс. чел., хотя командование СКВО опасалось повсеместного мятежа на Нижнем Дону 3 тыс. казаков⁷⁹⁹. Заняв ст-цу Новониколаевскую,

⁷⁹⁴ Северный Кавказ. Пятигорск, 1920. 24 авг.

⁷⁹⁵ Ленин В.И. – И.В. Сталину, 2 августа 1920 г. // Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 51. С. 247–248; История гражданской войны в СССР. М., 1957. Т. 3. С. 382–383.

⁷⁹⁶ ГАКК. Ф. Р-158. Оп. 1. Д. 26. Л. 24–29.

⁷⁹⁷ ЦДНИКК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 7. Л. 105; ГАКК. Ф. Р-158. Оп. 1. Д. 10. Л. 5.

⁷⁹⁸ РГВА. Ф. 102. Оп. 1. Д. 182. Л. 5; Кислицын С.А. Государство и расказачивание 1917–1945 гг. Ростов н/Д. 1996. С. 223.

⁷⁹⁹ Чернопицкий П.Г. Повстанческое движение крестьян и казаков Дона в 1920–1922 гг. // Изв. высш. учеб. завед. Сев.-Кав. регион. Обществ.

16–17 июля Назаров был разбит и ушел в рейд вглубь Дона. Его поддержали мятежники ст-ц Екатерининской, Гундоровской, Каменской, Чернышевской. 24 июля десант занял ст-цу Константиновскую, но потерял в бою на следующий день 800 чел. убитыми и ранеными. Назаровцы бежали на р. Маныч, где и были разбиты⁸⁰⁰. Одновременно были разгромлены отряды Махно, пытавшиеся поднять восстание на Верхнем Дону⁸⁰¹.

14 августа, когда волна мятежей пошла на спад под действием жестоких репрессий и агитации, на Кубани высадился десант Русской армии в районе ст-цы Приморско-Ахтарской. История разгрома С.Г. Улагая подробно изучена⁸⁰², что избавляет нас от необходимости полного анализа событий. Ограничимся оценкой взаимодействия повстанцев с десантом.

Советские историки замалчивали неготовность 9-й армии к отражению десанта. Только из разрозненных признаний в источниках можно выяснить, что воинские части были неэффективно рассредоточены, а многие состояли из необстрелянной молодежи. Только героические усилия подоспевших подкреплений и серьезные ошибки десанта помешали белым овладеть 19 августа Екатеринодаром, где поднялась паника. Областные органы управления спешно покинули город, защищаемый слабым гарнизоном под начальством Е.И. Ковтюха. Фронт остановился под Тимашевской⁸⁰³.

До сих пор не обращено внимание на ошибочную оценку настроений казаков противоборствующими сторонами. Ревкомы ожидали, что казачество поддержит белых и поэтому отдавали приоритет террору, а не агитации. РКП(б) сдержанно отнеслась к

науки. 1998. № 3. С. 5; Директивы командирования фронтов Красной Армии. М., 1974. Т. 3. С. 333.

⁸⁰⁰ Директивы командования фронтов... С. 221, 331–332; ГАРО. Ф. Р-97. Оп. 1. Д. 715. Л. 126; Д. 724. Л. 97; Д. 620. Л. 5; РГВА. Ф. 102. Оп. 1. Д. 86. Л. 459, 54.

⁸⁰¹ ГАРО. Ф. Р-97. Оп. 1. Д. 599. Л. 22–28; Д. 602. Л. 51.

⁸⁰² Ковтюх Е.И. Указ. соч.; Голубев А.В. Указ. соч.; Коротков И.С. Указ. соч.; Кондаков А.А. Указ. соч.; Степаненко Б.И. Указ. соч.

⁸⁰³ Ковтюх Е.И. Указ. соч. С. 97–98; Голубев А.В. Указ. соч. С. 60–72.

стихийно возникшим отрядам самообороны. А ведь М.П. Пиллюк, П.А. Савицкий и Л.З. Федоренко выпустили воззвание с призывом: «Докажем, что мы, родные кубанцы, за народную власть», против ига капиталистов и помещиков⁸⁰⁴. Белые также обманулись в упованиях на всеобщий мятеж. Помимо усталости от войны сказалось диктаторское правление офицеров в занятых станицах, репрессии, непримиримость к «самостийникам»⁸⁰⁵. Итак, основная часть кубанских казаков сохранила нейтралитет, а немалый слой добровольно поддержал большевиков. П.Н. Врангеля эта стратегическая ошибка привела к катастрофе.

Во время наступления белых в Екатеринодаре проводились расстрелы без суда. Погибли около 2 тыс. заключенных городской тюрьмы, рабочих принуждали к отъезду под страхом расправы. Среди казненных – вожаки крестьян Черноморья, в том числе эсер Н. Рощенко. Особый отдел 9-й армии и ЧК провели аресты 3120 офицеров, в том числе военспецов РККА, а также «антисоветских элементов». Они высылались в Соловецкий, Рязанский и другие концлагеря⁸⁰⁶. Семьи повстанцев вывозились в Архангельскую губернию и на принудительные работы в шахтах Донбасса⁸⁰⁷.

Фостиков узнал о десанте поздно и не стал менять планы. К тому же Врангель планировал после захвата Екатеринодара развернуть войска на Север. Задача соединиться с АВР считалась второстепенной, была поставлена конной группе Г.Ф. Бабиева⁸⁰⁸. АВР развернулась в направлении, противоположном врангелевскому фронту, хотя 19–21 августа их разделяло 60–70 км. Фостиков, установив контроль над большей частью

⁸⁰⁴ ГАКК. Ф. Р-158. Оп. 1. Д. 144. Л. 226 об.

⁸⁰⁵ Раковский Г.Н. Конец белых... С. 114–129; Слащов-Крымский Я.А. Белый Крым. 1920 г. М., 1990. С. 122.

⁸⁰⁶ Люсьмарин Г. Кубанская Чрезвычайка // Че-ка: Материалы по деятельности чрезвычайных комиссий. Берлин, 1922. С. 205–241; «Зеленая Книга»... С. 152–154; Положение на Кубани... С. 28; Русская военная эмиграция... С. 133–136.

⁸⁰⁷ Революционные комитеты Терской области... С. 149–157.

⁸⁰⁸ Врангель П.Н. Указ. соч. С. 245–246; Хижняк И.Л. Годы боевые: Воспоминания. Краснодар, 1973. Кн. 1. С. 245.

Закубанья, замышлял перерезать железную дорогу Тихорецк–Пятигорск⁸⁰⁹. Рассчитывая на всеобщий стихийный бунт, он не готовил сеть подпольных ячеек⁸¹⁰.

Врангелевцы потеряли инициативу и начали отступать 23 августа. Напротив, по признанию И.Б. Шевцова, восстание на Верхней Кубани разрасталось с такой силой, что части 9-й армии не могли справиться. Самые боеспособные из них ушли в Карачай на подавление мятежа⁸¹¹. 23 августа АВР значительно оживилась и силами 2 тыс. чел. заняла ст-цы Костромскую, Отрадную, Попутную, Бесскорбную. Бои шли на окраинах Армавира. К 28 августа части 9-й армии перешли к обороне у стен Армавира, Баталпашинской, Лабинской. На 31 августа АВР набрала свыше 6 тыс. сабель и штыков, не считая 5 тыс. безоружных резервистов⁸¹².

Перелом в борьбе наметился в начале сентября, когда 9-я армия получила подкрепление и за неделю сбросила десанты в море, перейдя в контрнаступление на «зеленых». Под ст-цей Невинномысской Фостиков потерпел поражение и предпринял последнюю попытку удержаться на Кубани близ ст-цы Псебайской. Фостиков и Крыжановский рассорились, казакам было разрешено разойтись по домам. Лишь 1/3 повстанцев (5 тыс. чел.) преодолела Кавказский хребет и 17–21 сентября атаковала с. Красная Поляна⁸¹³. После трехдневных боев АВР заняла Хосту и Адлер. Поскольку обнищавшие голодные казаки грабили крестьян, против фостиковцев выступили не только части РККА, но и «зелёное» крестьянское ополчение Сочинского округа⁸¹⁴. Попытка председателя Кубанской рады И.П. Тимошенко,

⁸⁰⁹ Голубев А.В. Указ. соч. С. 134; Шевцов И.Б. Указ. соч. С. 136.

⁸¹⁰ Ковтюх Е.И. Указ. соч. С. 97; Голубев А.В. Указ. соч. С. 149–150.

⁸¹¹ Шевцов И.Б. Указ. соч. С. 136, 139.

⁸¹² РГВА. Ф. 109. Оп. 3. Д. 116. Л. 3–6, 12; Орджоникидзе З.Г. Путь большевика. М., 1986. С. 273–274; Голубев А.В. Указ. соч. С. 135–137.

⁸¹³ Баев К. Указ. соч. С. 77, 82–83; ЦДНИКК. Ф. 1774-Р. Оп. 2. Д. 529. Л. 21.

⁸¹⁴ «Зелёная книга»... С. 157–160; Раковский Г.Н. Конец белых... С. 165–167.

прибывшего из Грузии, переподчинить казаков эсеру Вороновичу не удалось⁸¹⁵.

Оставался один путь – в Грузию, а оттуда в Крым. После препирательств и подкупа грузинская пограничная стража изобразила сопротивление и пропустила казаков в Гагры. Около 2 тыс. кубанцев были выведены в Феодосию на переформирование, а потом воевали под Перекопом и Юшунью, откуда и ушли в эмиграцию. М.А. Фостиков за повстанческие действия получил чин генерал-лейтенанта и орден Св. Николая Чудотворца⁸¹⁶.

Необходимо дать также обобщенную оценку ставропольских и терского восстания 1920 г., отдельные аспекты которых затрагивались в сборнике «Истории революционного движения на Тереке» (1924 г.), в работах Н.Г. Денисова, А.И. Бажанова, А.И. Кругова. Местные мятежи и заговоры участились в июне–июле после объявления увеличенной продрозверстки и отмены прежних денежных знаков. Первые стихийные волнения против разверстки, разгон ревкомов произошли в Александровском уезде Ставрополя. Уездный ревком сообщал: «Все приказы власти игнорируются, и чем строже приказ, тем более озлобляется крестьянство, которое в настоящее время так наэлектризовано, что достаточно малейшей искры, чтобы последовали крайне нежелательные последствия»⁸¹⁷. Искрой послужили аресты офицеров и белослужащих, изъятие непосильной разверстки.

Силы «бело-зелёных» в июле–августе насчитывали на Ставрополье 2700 чел. при 27 пулеметах, а в Пятигорском отделе – 2800 чел. под командованием полковника Крым-Шамхалова⁸¹⁸. Они активизировались в начале августа, совершая рейды по Сунженскому округу на Кизляр. 9 августа создан Комитет

⁸¹⁵ Баев К. Указ. соч. С. 77, 82–83, 119.

⁸¹⁶ Врангель П.Н. Указ. соч. С. 358–359; Дни господства меньшевиков в Грузии. Тбилиси, 1931. С. 119, 177–183.

⁸¹⁷ ГАСК. Ф. Р-100. Оп. 1. Д. 48. Л. 65–66; Ф. Р-2786. Оп. 2. Д. 1. Л. 19об.

⁸¹⁸ Кругов А.И. Ставропольский край в истории России (1917–1941 гг.). Ставрополь, 1996. Ч. 2. С. 71; РГВА. Ф. 192. Оп. 3. Д. 584. Л. 25–29.

обороны Пятигорского округа. 20 августа переведена на боевое положение Кавказская армия труда, размещенная в г. Грозном⁸¹⁹. Сигналом к общему мятежу стало убийство под Ессентуками военного комиссара Пятигорского округа Лонина и председателя ЧК Зенцова, за что власти расстреляли 244 заложника⁸²⁰. К сентябрю мятеж перебросился из ст-цы Суворовской на Бекешевскую, Минеральные воды, Змейскую, Боргустанскую. Ожесточенные бои шли у Прохладной и Серноводской. «Зелёные» были сведены в 5 кавалерийских отрядов по 500 чел. и 3 батальона пехоты по 600 чел. во главе с атаманом Пятигорья полковником Меняковым⁸²¹. 10 сентября вблизи ст-цы Ищерской был предпринят налет на поезд Баку–Ростов с целью захватить руководителей Коминтерна (Н.И. Бухарина, Г.Е. Зиновьева, К.Б. Радека)⁸²².

Повстанцы избегали крупных сражений, предпочитая изматывающие налеты на железные дороги и станции. Сил Кавказской армии труда было в 1,5 раза меньше, поэтому для разгрома Терского мятежа требовалось время. 3 сентября РВСР поручил руководство уничтожением банд Г.К. Орджоникидзе⁸²³. Для перелома в настроениях созваны окружные беспартийные конференции, показавшие причины озлобленности хлеборобов – произвольную и непосильную разверстку, запуганность репрессиями, хаос в действиях местных чиновников⁸²⁴.

Восстание продолжало разрастаться в октябре. Объединенные силы Крым-Шамхалова, Менякова и Султан-Гирея достигли 7500 чел.⁸²⁵ В начале месяца мятеж из ст-цы Суворовской

⁸¹⁹ Бугай Н.Ф. Революционные комитеты Ставрополя. Черкесск, 1978. С. 46; РГВА. Ф. 217. Оп. 2. Д. 283. Л. 72.

⁸²⁰ Красная заря. Пятигорск, 1920. 2, 9 сент.; Кавказская здравница. Пятигорск, 1993. 17 сент.

⁸²¹ РГВА. Ф. 109. Оп. 1. Д. 40. Л. 21об-24об; ГАСК. Ф. Р-1316. Оп. 1. Д. 8. Л. 110–111об.

⁸²² История революционного движения на Тереке... С. 76; РГВА. Ф. 217. Оп. 2. Д. 346. Л. 80об.

⁸²³ РГВА. Ф. 109. Оп. 1. Д. 40. Л. 20об.

⁸²⁴ История революционного движения на Тереке... С. 75.

⁸²⁵ РГВА. Ф. 4. Оп. 1. Д. 29. Л. 89; Ф. 192. Оп. 3. Д. 775. Л. 2.

перебросился на Сунженскую линию, включая ст-цу Ермоловскую в 12 верстах от Грозного. 13 октября ненадолго «зелёные» взяли Ессентуки и пригороды Пятигорска, осаждали Ставрополь⁸²⁶. Главком вооруженных сил РСФСР С.С. Каменев высказывал Л.Д. Троцкому и В.М. Гиттису 19–20 октября опасения по поводу нарастающего повстанческого движения, потребовал не допустить объединения банд Надтеречной и Сунженской линий⁸²⁷.

В мятежную область переброшены Терская и Дагестанская группы войск РККА численностью 12 тыс. чел. при 331 пулемете и 13 орудиях. Организована оборона Грозного с участием чеченцев-добровольцев⁸²⁸. Это внесло перелом. Сражения на переправах через Терек 19–24 октября завершились в пользу РККА. Повстанцы отступили к ст-це Суворовской и в Дагестан, уничтожая за собой хозяйственные объекты. В начале ноября они рассеяны и большей частью сдались⁸²⁹. К концу года на Тереке осталось до 580 «зеленоармейцев» под влиянием правых эсеров⁸³⁰.

Разрозненные выступления не утихали в Ставрополье. Осенью 1920 г. Арзгирский уезд терроризировал отряд Акулова – дезертира из 1-й Конной армии числом до 100 всадников. Он совершал дальние рейды вдоль границ губернии с Калмыкией и Терекком, срывая работу местных ревкомов. Показательно, что конармейцы в отпуску срывали сбор разверстки, поддерживали требования крестьян. Местные мятежи поднимались за ноябрь в с. Нагутском, Круглолесском, Старомарьевском, Рагулях⁸³¹. Сила движения ставропольских «камышатников» была на порядок ниже кубанского и терского. Ярko проявлялась сословная вражда

⁸²⁶ История революционного движения на Тереке... С. 76, 131; РГВА. Ф. 217. Оп. 2. Д. 38. Л. 7; Д. 83. Л. 8.

⁸²⁷ Директивы Главного Командования Красной Армии (1917–1922 гг.): Сб. документов / редкол.: Н.Н. Азовцев и др. М., 1969. С. 754; Директивы командования фронтов Красной Армии (1917–1922 гг.): Сб. документов / редкол.: Н.Н. Азовцев и др. М., 1974. Т. 3. С. 363.

⁸²⁸ Директивы Главного Командования... С. 749; РГВА. Ф. 217. Оп. 2. Д. 134. Л. 55–56.

⁸²⁹ РГВА. Ф. 217. Оп. 2. Д. 75. Л. 155; Ф. 109. Оп. 3. Д. 216. Л. 27.

⁸³⁰ Там же. Ф. 192. Оп. 1. Д. 140. Л. 275; Оп. 3. Д. 945. Л. 83–84.

⁸³¹ ГАСК. Ф. Р-100. Оп. 1. Д. 10. Л. 150–151 об; 160, 285–290. Д. 33. Ч. II. Л. 330; Ф. Р-163. Оп. 1. Д. 118. Л. 2.

крестьян к казакам (даже в желании подавлять выступления соседей).

Падение белого Крыма создало в ноябре 1920 г. качественно новое соотношение сил. Теперь надежды белого движения на победу в борьбе регулярных войск рухнули. Большевикам противостояли уже не армии, а разрозненные отряды повстанцев различных ориентаций. Но гражданская война с разгромом Врангеля отнюдь не завершилась. Она перешла в иную кровопролитную стадию на внутренних фронтах – против земледельцев. Как справедливо отмечали В.П. Данилов и Т. Шанин, трагизм крестьянской войны состоял в противоборстве сил, одинаковых по социальному составу и организации, сторонников обновления страны в интересах трудящихся⁸³².

Почему же война затянулась в основных зерновых и окраинных регионах России до 1922 г., а в ряде местностей (Кубань, Терек) – до осени 1924 г.? Основная причина – непомерное ужесточение военного коммунизма после установления контроля над всей страной, усугубленное незнанием специфики зажиточных регионов и нежеланием учитывать её. Из этого следовали частные задачи. Член Кавбюро ЦК РКП(б) А.Г. Белобородов утверждал: «единственно правильной мерой для Северного Кавказа... является оккупация этого района советскими войсками»⁸³³. И.В. Сталин на краевом партийном совещании 27 октября 1920 г. поставил задачу «создания продовольственного фонда для революции на Западе». Его поддержал представитель Наркомпрода М.И. Фрумкин⁸³⁴. Плановые задания разверстки и ее изъятие истощали сельское хозяйство края, вызывали сплочение хлеборобов против власти. Доклад члена коллегии ВЧК М.И. Лациса и отчет особоуполномоченного ВЧК К.И. Ландера (декабрь 1920 г.) свидетельствуют о создании военного режима на Кубани и Дону. Области были поделены на сектора, секции и подсекции. В каждой действовали специальные тройки

⁸³² Крестьянское восстание в Тамбовской губернии... С. 6.

⁸³³ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 1. Д. 182. Л. 87.

⁸³⁴ Сталин И.В. О политическом положении Республики // Соч. Т. 4. С. 380–381; Краевое совещание коммунистических организаций Дона и Кавказа. Ростов н/Д, 1921. С. 47.

представителей ВЧК по разоружению казаков и выявлению врагов Советской власти. Тройки имели право вершить казнь без суда. Впоследствии эта система будет применена в Тамбовской губернии⁸³⁵.

Недовольство земледельцев нарастало как лавина. Россия подошла зимой 1920/21 г. к грани полномасштабной войны между государством и крестьянством, разочарованном в системе правления. По сведениям Оперативного управления штаба войск внутренней службы РСФСР, к началу 1921 г. в республике было учтено 71248 повстанцев, из них 19640 – на Северном Кавказе⁸³⁶. Включая кронштадских мятежников и мелкие отряды, в марте 1921 г. в РСФСР насчитывалось до 118 тыс. «политбандитов»⁸³⁷. На X съезде РКП(б) В.И. Ленин оценил обстановку: «Мы оказываемся втянутыми в новую форму войны, новый вид ее, которые можно объединить словом: бандитизм». Ему вторил Н.И. Бухарин – действия идут «иногда в форме настоящей войны, иногда в форме, чрезвычайно близкой к этой войне»⁸³⁸.

Первые признаки ухудшения ситуации на Северном Кавказе отмечаются в октябре–ноябре 1920 г. в Донецком и Верхнедонском округах из-за невыполнимой разверстки и репрессий. Возникли повстанческие отряды полковника Смелова-Аржеусова, Колычева, Колесникова числом свыше 5 тыс. чел. Смелов и Гученко возглавили в декабре крупное восстание крестьян Ефремово-Степановской волости Донецкого округа, избрали на сходе Временное советское правительство, но быстро были разбиты⁸³⁹. 17 декабря президиум Донисполкома признал Верхнедонской и 1-й Донской округа “неблагополучными по бандитизму и контрреволюционным восстаниям” и просил РВС

⁸³⁵ Политическая история... Т. 2. С. 110–111; Крестьянское восстание в Тамбовской губернии... С. 16.

⁸³⁶ РГВА. Ф. 217. Оп. 2. Д. 38. Л. 7.

⁸³⁷ РГВА. Ф. 4. Оп. 1. Д. 29. Л. 20; Д. 32. Л. 172–177, 184, 185.

⁸³⁸ Ленин В.И. X съезд РКП(б). Отчет о политической деятельности ЦК РКП(б) 8 марта // Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 43. С. 10; X съезд РКП(б). Март 1921 г. Стеногр. отчет. М., 1963. С. 229.

⁸³⁹ Кислицын С.А. Государство и расказачивание... С. 224; ЦДНИРО. Ф. 12. Оп. 5. Д. 138. Л. 63–64.

Кавказского фронта подавить выступления. Были проведены массовые аресты и взяты заложники⁸⁴⁰.

Показатель остроты кризиса – массовое дезертирство из РККА. Красная Армия была преимущественно крестьянской по составу. Тревожные вести от родственников о разорительной разверстке, необеспеченность существования сделали многие воинские части ненадежными. Как подсчитала исследовательская группа КГБ и МВД СССР, за 1921–1922 гг. было 58397 дезертиров. 32773 (56,1%) из них бежали из РККА именно при подавлении контрреволюции и антисоветских выступлений⁸⁴¹.

Обычно дезертиры прибегали к пассивному протесту, т.е. прятались в труднодоступных местностях. Но зимой 1921 г. они все чаще переходят к повстанчеству. Так, 17 декабря 1920 г. бунт жителей слободы Михайловской Усть-Медведицкого округа поддержал караульный батальон окружного военкомата под командованием К.Т. Вакулина – большевика, орденосца, бывшего комполка. Вакулин издал воззвание от имени «трудовиков и восставших». Он призывал защитить настоящие свободы, равенство и братство от «власти кучки коммунистов и комиссародержавцев». Повстанцы потребовали свободной торговли и разрешения хождения денег белых правительств. Весьма характерна социалистическая риторика вакулинцев: организовать крестьянские союзы и «диктатуру деревни»; разрешить все партии, кроме черносотенных и монархических: «Да здравствует Советская власть без коммунистов и комиссаров!»⁸⁴² Повстанцы накопили до 6 тыс. штыков и 440 сабель при 26 пулеметах и 2 орудиях, прорвались в Поволжье.

⁸⁴⁰ ГАРО. Ф. Р-97. Оп. 1. Д. 45. Л. 12–13; ЦДНИРО. Ф. 12. Оп. 5. Д. 153. Л. 36 об, 42.

⁸⁴¹ Гриф секретности снят. Потери Вооружённых Сил СССР в войнах, боевых действиях и военных конфликтах: Статист. исследование / под общ. ред. Г.Ф. Кривошеева. М., 1993. М., 1992. С.48.

⁸⁴² Филипп Миронов... С. 588–590, 714–715; Кондрашин В.В. Крестьянское движение в Поволжье в 1919–1921 гг. // Крестьяне и власть... С. 144–145.

Вакулинцы захватили Камышин, но были разгромлены в марте 1921 г.⁸⁴³

На сторону махновцев перешел в середине января 19-й полк 4-й дивизии 1-й Конной армии под командованием Г.С. Маслакова – сподвижника С.М. Буденного, орденоносца. Маслаков вошел командующим группой в штаб махновцев, объявил о создании Кавказской повстанческой армии. Мятеж готовился издавна, в полку велась агитация. Маслаковцы выступили за «истинную Советскую власть без коммунистов и продразверстки». Совершив рейд с Украины на Дон, повстанцы раздавали хлеб с ссыпных пунктов, громили ревкомы. К ним присоединилось свыше 200 красноармейцев Дона. В 1-м Донском округе Маслаков включил в состав отряд Сизова, довел численность своих сил до 5 тыс. чел. В марте Маслаков был разбит под ст. Ремонтное Сальского округа, затем совершил рейд через Сальские степи на Ставрополье. К сентябрю 1921 г. повстанцев загнали в горы, где Маслаков и его соратник Брова были убиты амнистированными участниками отряда⁸⁴⁴.

На Кубани мятеж подняли некоторые подразделения 4-й, 7-й и 16-й дивизий. Больше всего известно о Кубанской повстанческой армии во главе с И.Г. Захарченко, действовавшей в районе ст-ц Воронежской и Кавказской. Судя по воззваниям, дезертиры были недовольны «жестокостями комиссаров и коммунистов», разверсткой, развалом «Святой Руси». Выдвигались требования обеспечить свободный труд, созвать Учредительное собрание. В апреле отряд Захарченко (200 чел.) разгромлен, предводитель скрылся⁸⁴⁵.

Смягченная форма оппозиционности в РККА – сочувствие крестьянам. Грань между повседневым недовольством и открытым бунтом весьма тонка, и судьба многих частей зависела

⁸⁴³ Филипп Миронов... С. 611; ЦДНИРО. Ф. 12. Оп. 5. Д. 153. Л. 35.

⁸⁴⁴ Белаш А.В., Белаш В.Ф. Дороги Нестора Махно. Киев, 1993. С. 525, 592, 542, 574; Филипп Миронов... С. 613-614; Буденный С.М. Указ. соч. С. 201–202; Присяжный Н.С. Указ. соч. С. 48-49; История революционного движения... С. 133–134.

⁸⁴⁵ ЦДНИКК. Ф. 11. Оп. 1. Д. 41. Л. 17, 12об; ГАКК. Ф. Р-382. Оп. 1. Д. 247. Л. 138–140, 213, 221 об.

от случая. Так, 6-я дивизия 1-й Конной армии сочувствовала Маслакову⁸⁴⁶. Конный корпус Ф.К. Миронова, находившийся зимой в Ейском отделе, был настроен антикоммунистически. С приходом корпуса разверстка по отделу совершенно остановилась, а части 33-го полка в ст-це Павловской срывали работу продагентов и продотрядов⁸⁴⁷. В новом свете предстает расправа над Ф.К. Мироновым. Она была не «троцкистским вредительством», а логическим итогом недоверия элиты РКП(б) идеологу третьего пути в революции, потенциальному вожаку восстания красноармейцев и казаков⁸⁴⁸. Даже продотряды иногда сочувствовали хлеборобам. Отряд в ст-це Убеженской поддержал казаков, отвергших разверстку. Только замена отряда частями особого назначения позволила взять в станице 40 заложников⁸⁴⁹.

Сравнительный анализ повстанческих документов позволяет сделать вывод, что в 1921 г. преобладали демократические призывы в эсеровском духе, приспособленные к запросам казачества. Типичны требования: власть советов без коммунистов и ЧК; отмена продразверстки и введение свободной торговли; война «всем саботажникам Советской власти и закомиссарившимся», автономия или даже независимость Юга России. Г.С. Маслаков объявлял себя «защитником интересов вольного донского казачества»⁸⁵⁰.

Глубокий кризис системы «военного коммунизма» угрожал самому существованию власти РКП (б) на Северном Кавказе. 1 февраля 1921 г. представитель Донской ЧК докладывал пленуму облисполкома, что «положение в области тяжелое. Масса антисоветских проявлений в широких слоях населения». В

⁸⁴⁶ Присяжный Н.С. Указ. соч. С. 52–53.

⁸⁴⁷ Филипп Миронов... С. 510, 591, 710–711; ГАКК. Ф. Р-102. Оп. 1. Д. 32. Л. 25об.

⁸⁴⁸ Медведев Р.А., Стариков С.П. Указ. соч. С. 335–345; Филипп Миронов... С. 256–271, 511–517, 595, 650–653.

⁸⁴⁹ ЦДНИКК. Ф. 11. Оп. 1. Д. 45. Л. 1 а, 2 г.

⁸⁵⁰ Козаков А. Указ. соч. С. 34; Трифонов И.Я. Классы и классовая борьба в СССР... Ч. 1. С. 86–90, 243, 273, 275; Степаненко Б.И. Контрреволюция на Дону, Кубани и Тереке в декабре 1920 – мае 1921 года и её разгром // История ССР. 1986. № 6. С. 127–133.

информационной сводке Донской ЧК за первую половину февраля отмечалась угроза восстаний с участием рядовых коммунистов, неэффективность управления войсковыми частями. 10 марта председатель Донской ЧК М. Буров писал: «Донская область является одной из баз контрреволюции... Нужно вычистить железной рукой. Армия разложена и в случае восстания Советская власть на Дону – да пожалуй, и во всем крае, – не будет иметь достаточной надежной вооруженной силы, что и подтверждают факты перехода к бандам целых войсковых частей»⁸⁵¹. По признанию Кубано-Черноморского обкома РКП(б), к весне трудно отыскать станицы вне влияния «бело-зелёных». Делегат II областной партконференции Асаульченко утверждал, что большевики «еле держались» в станицах; «Те массы, которые били Врангеля, теперь бьют коммунистов»⁸⁵².

Трагизму положения соответствовала решительность военно-репрессивных мер власти. 12 января 1921 г. ЦК РКП(б) создал две комиссии с целью «спешно подготовить меры военной ликвидации бандитизма». 27 января приступила к работе Центральная межведомственная комиссия по борьбе с бандитизмом (Ф.Э. Дзержинский, Л.Д. Троцкий, Л.М. Серебряков, С.С. Каменев и др.). Другая комиссия создана при штабе РККА под председательством Э.М. Склянского. 17 марта по предложению Ф.Э. Дзержинского вводится строгий учет бывших офицеров и наблюдение за настроениями воинских частей, противостоящих повстанцам. Укреплялся командный состав. Одновременно введена централизованная система управления частями особого назначения. Созданы тройки ЧК для сбора данных о настрое рядовых коммунистов⁸⁵³. Сходные директивы принимались на краевом и областном уровнях. Так, участники закрытого заседания руководства Кубано-Черноморья просили

⁸⁵¹ ЦДНИРО. Ф. 12. Оп. 5. Д. 155. Л. 2; Филипп Миронов... С. 612–613, 632.

⁸⁵² ГАКК. Ф. Р-102. Оп. 1. Д. 32. Л. 338; ЦДНИКК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 85. Л. 11–12.

⁸⁵³ Ленинский сборник. Т. 34. С. 402, 403; РГВА. Ф. 4. Оп. 2. Д. 419. Л. 1–6, 13; Д. 477. Л. 676; Чуев Ф. Сто сорок бесед с Молотовым. М., 1991. С. 565.

Кавказское бюро ЦК 13 марта усилить военное присутствие, создать отряды по борьбе с бандами из бывших красных партизан, заменить сочувствующих казакам милиционеров выходцами из Центра России. Полномочия Советов передавались их президиумам, что означало возврат к ревкомам⁸⁵⁴.

Первые вести о продналоге достигли станиц Юга России к концу марта. 1921 г. Волна восстаний спала, была отсрочена угроза сплочения всех недовольных. Однако продналог встречали с гораздо более сдержанным одобрением, чем в Центральной России. Ведь казаки долгие века не платили прямых налогов. Доверие к новшеству уменьшалось из-за проднаряда, понятого как «новая хитрость коммунистов» и усугубившего сомнения в прочности власти. Продолжавшиеся поборы и потравы посевов красноармейцами, грубость продотрядов озлобляли хлеборобов, толкали их к продолжению борьбы⁸⁵⁵. Ввод продналога стал не окончательным, а промежуточным рубежом повстанчества.

Политическую обстановку весны–осени 1921 г. можно оценить только при целостном анализе факторов: общественного мнения; социальной базы и лозунгов «бело-зелёных»; степени контроля над территорией; стратегии и тактики противников.

Начало исследований политических настроений земледельцев положил Н.Г. Цыганаш, доказавший резкое повсеместное улучшение оценок власти в апреле 1921 г., значительный рост недовольства в мае–июне и декабре 1921 г.⁸⁵⁶ «Обзор парторганизаций РСФСР к 5 октября 1921 г.» содержал оценку: «Отношение большинства казаков к Коммунистической партии резко отрицательное, причем они определенно разделяют [так в тексте. – А.Б.] Советскую власть от коммунистов... К новой

⁸⁵⁴ ЦДНИРО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 85. Л. 154; ЦДНИКК. Ф. 9. Оп. Доп. Д. 2. Л. 23; ГАКК. Ф. Р-102. Оп. 1. Д. 138. Л. 24 об, 25; ГАСК. Ф. Р-1316. Оп. 1. Д. 8. Л. 20–23.

⁸⁵⁵ ЦДНИКК. Ф. 17. Оп. 1. Д. 275. Л. 73; Д. 325. Л. 19; ГАКК. Ф. Р-102. Оп. 1. Д. 138. Л. 59–66; Р-382. Оп. 1. Д. 247. Л. 232.

⁸⁵⁶ Цыганаш Н.Г. Общественно-политические настроения сельского населения Дона и Северного Кавказа в период перехода к НЭПу // Октябрьская революция и изменения в облике населения Дона и Северного Кавказа (1917–1929 гг.): сб. науч. трудов. Краснодар, 1984. С. 81–86.

экономической политике казачество относится недоверчиво»⁸⁵⁷. Напротив, иногородние крестьяне воспринимали РКП(б) как защитницу и часто подменяли классовые интересы узкосословными. Раздел прошел между бедняками, с одной стороны, середняками и зажиточными, – с другой.

Идейная ориентация повстанцев отличалась преобладанием лозунгов эсеровского трудовластия и казачьей «самостийности». Типичны листовки Кубанской повстанческой армии, написанные М.П. Пилюком и П.А. Савицким. В них «кубанский народ» (все жители края до 1914 г.) противопоставлен «паразитам-пришельцам». Требования КПА – независимая Кубань, истинное народоправство; свобода личности «без подвалов и чрезвычайек»; земля для всех трудящихся, взятая без выкупа у помещиков и капиталистов; неприкосновенность трудовой собственности. Авторы пытались уверить, что «власть новых русских дворян – господ коммунистов, получивших ханский ярлык на Кубани» не имеет ничего общего с нуждами тружеников-красноармейцев. Призыв установить «истинную советскую рабоче-крестьянскую власть» сочетался с грубо-сепаратистским лозунгом: «не надо нам ни монархистов, ни коммунистов, Кубань для кубанцев»⁸⁵⁸. Из обзоров ВЧК известно о противоположной, монархической тенденции, но источников ее оценки мало. Отметим «Штаб помощи Русской армии» полковника М.Н. Жукова. Он, как и «самостийники», пытался привлечь к себе иногородних, так как «они тоже терпят гнет Коммуны». Но его листовки своеобразны идеями защиты православия и непримиримостью к нерусским народам⁸⁵⁹.

Документы РККА подтверждают факт продолжения Гражданской войны. До конца 1922 г. военное положение сохранялось в 36 губерниях, областях и автономиях РСФСР⁸⁶⁰. По данным Статистического управления РККА, боевые потери

⁸⁵⁷ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 1180. Л. 11.

⁸⁵⁸ ГАКК. Ф. Р-102. Оп. 1. Д. 32. Л. 168–168 об; Д. 138. Л. 60 об; Р-382. Оп. 1. Д. 228. Л. 127.

⁸⁵⁹ Там же. Ф. Р-102. Оп. 1. Д. 32. Л. 60; Ф. Р-411. Оп. 2. Д. 198. Л. 1–9.

⁸⁶⁰ РГВА. Ф. 4. Оп. 2. Д. 521. Л. 143.

регулярных частей за 1921 г. превысили 170 тыс. чел., а за 1922 г. – почти 21 тыс. по стране⁸⁶¹. Из этих 170 тыс. РККА безвозвратно потеряла в боях против контрреволюционных и антисоветских выступлений 58397 чел., в том числе Кавказский фронт – 9338 чел.⁸⁶² По единодушному мнению большевиков, весной 1921 г. на Кубани и Тереке «формировались целые повстанческие армии из сохранившихся бандитских кадров»⁸⁶³. 5 июня штаб СКВО признавал в докладной Реввоенсовету Республики: весь округ – в чрезвычайных условиях. «Южная и юго-западная часть Кубано-Черноморской области представляют собой почти непрерывный фронт борьбы шаек, причем Ейский, Краснодарский, Майкопский и Баталпашинский отделы наиболее опасны по характеру и степени развития бандитизма и требуют максимального напряжения...»⁸⁶⁴ Весной, по отчету Терского губкома РКП(б), «контрреволюцией кишмя кишат станицы...»⁸⁶⁵

Сложилось несколько устойчивых очагов вооруженного бунтарства на Северном Кавказе: Закубанье, Пятигорье, Верхний Дон, Приазовье. Их расположение зависело от комплекса геополитических факторов: рельефа местности (леса и плавни Кубани и Терека предпочтительнее донских степей), возможностей контактов с эмиграцией, степени истощения хозяйства и наличия беспокойного населения. Как и в 1920 г., ход военных действий в каждом очаге был автономен. Всеобщая почва протеста – сохранность военно-коммунистических методов управления.

В горах под Горячим Ключом в начале февраля 1921 г. было создано Кубанское повстанческое правительство эсеровской ориентации, началось формирование его армии во главе с генералом от инфантерии М.А. Пржевальским. Баталпашинский отдел стал местом сосредоточения «Народных войск Северного Кавказа» полковника З. Даутокова (псевдоним – Серебряков). В Пятигорске действовал подпольный «Реввоенсовет Зелёной

⁸⁶¹ Народное хозяйство Союза ССР в цифрах. М., 1925. С. 110.

⁸⁶² Гриф секретности снят... С. 48–50.

⁸⁶³ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 4. Д. 453. Л. 18.

⁸⁶⁴ РГВА. Ф. 25896. Оп. 3. Д. 13. Л. 231.

⁸⁶⁵ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 4. Д. 424. Л. 19.

армии», готовивший восстание 11 станиц. Приазовские плавни служили базой отрядов В.Ф. Рябокonia и М.Н. Жукова⁸⁶⁶. Наметившийся после объявления продналога спад движения сменился новыми вспышками мятежей, как только было объявлено о единовременном проднаряде. Только в Кубано-Черноморье численность повстанцев к 1 мая составила 1756 штыков и 2774 сабли в 50 отрядах, к 1 июня – 1356 штыков и 1902 сабли в 36 отрядах. Эти расчеты разведотдела штаба 9-й армии РККА включали в себя только достоверно известные отряды мощностью более 15 чел.⁸⁶⁷ На Тереке «бело-зелёные» умножились с 700 сабель накануне объявления продналога до 3520 сабель и 365 штыков к середине июня⁸⁶⁸. Даже на обескровленном Дону после весеннего сева отряды в 200–300 чел. за несколько недель увеличились в 3–5 раз, начали активизироваться⁸⁶⁹.

Вопрос влияния эмиграции на повстанцев еще далеко не решен. Трудно проверить свидетельства современников, прибегавших к дезинформации или соблюдавших военную тайну. Доступные документы подтверждают только замыслы, но не меру их осуществления. Так, казацки «самостийники» установили связи с эсеровской эмиграцией. Они возлагали надежды на высадку десантов эмигрантов либо мятеж казаков, возвратившихся на Родину в 1921 г.⁸⁷⁰

На Северном Кавказе подпольно бывал представитель савинковского «Административного центра» Н.В. Воронович, связанный с разведками Англии и Франции. Выполняя указания

⁸⁶⁶ ГАКК. Ф. Р-102. Оп. 1. Д. 32. Л. 89; Р-382. Оп. 1. Д. 260. Л. 163, 188; История революционного движения на Тереке... С. 80; ГАРО. Ф. Р-97. Оп. 1. Д. 153. Л. 113; Д. 644. Л. 36, 38.

⁸⁶⁷ ГАКК. Ф. Р-102. Оп. 1. Д. 138. Л. 35 об–36, 62, 456.

⁸⁶⁸ История революционного движения на Тереке... С. 132.

⁸⁶⁹ Чернопицкий П.Г. Повстанческое движение... С. 8.

⁸⁷⁰ Баранов А.В. Документы Иностранного отдела ГПУ о казачьей военной эмиграции как исторический источник // Деятельность органов внешней разведки России в XIX – XXI вв. К 100-летию нелегальной разведки: Исторические чтения «Гороховая, 2». СПб., 2022. Вып. XX. С. 129–137.

эсеровского «Народного союза защиты Родины и Свободы», Воронович рассчитывал создать вооруженные силы в размере 7 стрелковых дивизий и 17 кавалерийских бригад. Сигналом должна была послужить высадка десанта в Сочинском округе⁸⁷¹. Есть сведения также об эсеровском штабе в Краснодаре, «главном штабе Всевеликого войска Донского» в ст-це Орловке 1-го Донского округа, эсеровском подполье Пятигорска⁸⁷².

Весной 1921 г. наибольшую активность на Кубани проявляли отряды Жукова в Приазовье и «1-я Кубанская повстанческая армия» Серебрякова в Баталпашинском отделе. Жуков во главе 500 чел. совершал частые налеты на Ачуевские рыбопромыслы и ст-цу Уманскую, рассылал агентов для подготовки восстаний. 21 апреля была захвачена ст-ца Чепигинская, где «бело-зелёные» расправились с членами коммуны «Набат», выселившими монахов из Екатерино-Лебяженской пустыни⁸⁷³. Близ ст-цы Кущевской убит уполномоченный областной ЧК М.В. Полуян, требовавший усилить хлебозаготовки под угрозой расстрелов⁸⁷⁴. В ответ ЧК провели массовые аресты и расстрелы в Ейском отделе. Вскоре Жуков потерпел поражение, скрылся и возглавил подпольную «Организацию белого креста»⁸⁷⁵.

Полковник З. Серебряков к маю объединил отряды Баталпашинского и Лабинского отделов (до 3 тыс. чел.) и создал штаб «армии» во главе с полковником Трубачёвым. К нему присоединились Зеленчукский и Кардоникский полки

⁸⁷¹ Работа эсеров за границей. По материалам Парижского архива эсеров. Пг., 1922. С. 5; Платонов А. Страничка из истории эсеровской контрреволюции. М., 1923. С. 10–53; Борис Савинков перед Военной коллегией Верховного суда СССР. М., 1924. С. 104, 144, 172, 173.

⁸⁷² ГАКК. Ф. Р-382. Оп. 1. Д. 260. Л. 103; Красное знамя. 1921. 18 марта; ГАРО. Ф. Р-1174. Оп. 1. Д. 215. Л. 63; Д. 214. Л. 24, 26; Ф. Р-3441. Оп. 2. Д. 21. Л. 15; История революционного движения на Тереке... С. 80.

⁸⁷³ Хижняк И.Л. Указ. соч. С. 134, 128; ГАКК. Ф. Р-102. Оп. 1. Д. 138. Л. 60, 61; Д. 32. Л. 97; Р-411. Оп. 2. Д. 198. Л. 1–9; Революция в деревне. Очерки / под ред. В.Г. Тана-Богораза. М.; Л., 1924. Ч. 2. С. 90.

⁸⁷⁴ Багаратян Т.Н., Донченко Г.Ф. Зори комсомолии Кубани. Краснодар, 1973. С. 88.

⁸⁷⁵ ГАКК. Ф. Р-102. Оп. 1. Д. 117. Л. 37; Д. 32. Л. 98; Р-411. Оп. 2. Д. 198. Л. 1–9.

Д. Арканникова и князя О. Джентемирова из линейных казаков. Общими силами они двинулись на соединение с отрядами Майкопского отдела через ст-цы Баталпашинскую и Невинномысскую. Предпринимались частые налеты на Армавир и Кисловодск, железную дорогу Ростов–Баку⁸⁷⁶. К середине мая 16-я кавдивизия РККА (начдив Я.Ф. Балахонов) и отряд в составе 34-й стрелковой дивизии нанесли поражение основным силам Серебрякова вблизи Невинномысской и вытеснили плохо вооруженных мятежников в горы. 17 мая З. Серебряков и его помощники схвачены у хут. Надзорного и казнены. К концу мая разрозненные остатки “армии” укрылись в горах⁸⁷⁷.

Терцы образовали весной по всей области гибкий подвижный фронт, стремясь отвлечь РККА от ударов по кубанским повстанцам. Силы «бело-зелёных» выросли с 700 до 1800 чел. за март – середину мая. Крупнейшим отрядом (700 чел.) располагал Г.С. Маслаков, ушедший к Кизляру⁸⁷⁸. На Ставрополье принудительный сбор проднаряда вызвал восстания в Медвеженском, Александровском и Ставропольском уездах⁸⁷⁹. Представляет интерес сообщение терского эсера в пражском журнале «Революционная Россия» о политических настроениях. По его мнению, неприятие репрессий значительно сгладило «антагонизм казаков и иногородних», считавших своими угнетателями большевиков и деникинцев. Казаки-де говорили: «Пусть теперь начинают крестьяне восстание, а мы поддержим». Они надеялись создать своё государство в пределах Юга России, стихийно сочувствуя эсерам⁸⁸⁰.

На Дону основным очагом восстаний оставался Верхнедонской округ, где 14 марта восстал в ст-це Вешенской караульный батальон Я.Е. Фомина под влиянием жестокого изъятия продуктов. В мятеже участвовали местные коммунисты.

⁸⁷⁶ История революционного движения... С. 132, 80, 84; Хижняк И.Л. Указ. соч. С. 251–252.

⁸⁷⁷ РГВА. Ф. 192. Оп. 3. Д. 775. Л. 3; Ф. 25896. Оп. 3. Д. 710. Л. 1 об; ГАКК. Ф. Р-102. Оп. 1. Д. 333. Л. 1.

⁸⁷⁸ История революционного движения... С. 132.

⁸⁷⁹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 13. Д. 988. Л. 26.

⁸⁸⁰ Предкавказье под советской властью... С. 25–27.

По сообщениям окружного комитета РКП(б), власть сохранялась только в станицах, а хутора – под контролем бандитов; проезд возможен лишь в сопровождении вооруженной силы⁸⁸¹. Численность повстанцев Верхнего Дона достигла свыше 4600 чел. в отрядах Колесникова, Попова, Рыжкова и др. Разбить или рассеять их удалось только к лету⁸⁸².

По свидетельству С.М. Буденного, В.И. Ленин говорил ему весной 1921 г.: на Северном Кавказе достаточно спички, чтобы вспыхнул крупный пожар на манер кронштадского⁸⁸³. Показательны возражения, которые высказывали руководители края (А.Г. Белобородов, Е.А. Трифонов) и Л.Д. Троцкий против переброски 1-й Конной армии на Северный Кавказ. Они опасались перехода массы голодных и озлобленных конармейцев на сторону повстанцев. Вопрос был решен в пользу переброски на Маныч по настоянию С.М. Буденного, но на местах часто жаловались на антикоммунистические действия конармейцев⁸⁸⁴. В мае 1921 г. командование Кавказского фронта докладывало главнокомандующему вооружёнными силами Республики С.С. Каменеву: «Бандитизм на Кавказе окончательно не ликвидирован, и казачество не скоро согласится с требованиями, предъявленными властью пролетариата»⁸⁸⁵. Причины этого состояния раскрыты в сводках ЧК. Земледельцы не уверены в прочности власти, сдают дополнительную разверстку на скот и продналог под принуждением. С момента введения проднаряда «отношение всех слоев и групп населения области к Соввласти заметно ухудшилось»⁸⁸⁶.

Способы умиротворения края оставались преимущественно силовыми, что логично следовало из ленинской оценки пределов уступок крестьянству. Ленин говорил на X Всероссийской

⁸⁸¹ Чернопицкий П.Г. Повстанческое движение... С. 8.

⁸⁸² РГВА. Ф. 28087. Оп. 5. Д. 59. Л. 15; Д. 140. Л. 140-148, 174; Ф. Р-1174. Оп. 1. Д. 214. Л. 42.

⁸⁸³ Буденный С.М. Пройденный путь. М., 1974. Кн. 3. С. 215, 216.

⁸⁸⁴ Большевицское руководство... С. 196–197; ГАСК. Ф. Р-163. Оп. 1. Д. 138. Л. 17 об.

⁸⁸⁵ РГВА. Ф. 109. Оп. 3. Д. 214. Л. 1.

⁸⁸⁶ ЦДНИКК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 120. Л. 4, 4об.

партконференции: «...если вы хотите политического соглашения, т.е. перехода власти от рабочего класса к крестьянству, тогда потрудитесь воевать и нас победить, ибо классовая борьба есть классовая война... Одно из двух: или война с нами до конца, или соглашение на тех условиях, которые мы предлагаем»⁸⁸⁷. Общая линия вела к широкому использованию войск для решения хозяйственных задач, так как для сбора продналога требовалось собирать военные экспедиции. Плановая работа оставалась невозможной⁸⁸⁸.

Мозговым центром региональной системы управления стали чрезвычайные тройки органов РКП(б), созданные на краевом, областном и местном уровнях⁸⁸⁹. 30 мая 1921 г. Юго-Восточное бюро РКП(б) направило обкомам и губкомам циркулярное письмо, в котором предложило усилить агитацию против бандитизма. Вместе с тем для «явно контрреволюционных сёл» предусматривалась система заложников. «В отношении станиц и деревень, упорно, активно содействующих бандам и неисправимо контрреволюционным, необходимо после исчерпания всех указанных мер применять меры карательные вплоть до полного уничтожения станицы или села и массовых расстрелов». Подводился итог: «Ликвидация бандитизма и создание прочных основ существования рабоче-крестьянской власти в Донской, Кубано-Черноморской областях, Терской и Ставропольской губерниях является в данный момент основной боевой задачей» всех органов власти⁸⁹⁰.

Для подавления мятежей было укреплено руководство Северо-Кавказским военным округом (бывшим Кавказским фронтом, с июля 1921 г. командующий – К.Е. Ворошилов, члены РВС – С.М. Буденный и А.С. Бубнов). 9 июля РВС СКВО создал краевое, областные и окружные военные совещания по борьбе с

⁸⁸⁷ Цит. по: Симонов Н.С. Демократическая альтернатива тоталитарному нэпу // История СССР. 1992. № 1. С. 54.

⁸⁸⁸ История революционного движения... С. 88; ГАСК. Ф. Р-1317. Оп. 1. Д. 97. Л. 8–13.

⁸⁸⁹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 1178. Л. 16.

⁸⁹⁰ Чернопицкий П.Г. Повстанческое движение... С. 8; ГАКК. Ф. Р-382. Оп. 1. Д. 378. Л. 6–7.

бандитизмом. В состав совещаний входили: командир воинской части (председатель), секретарь парторганизации и представитель ВЧК. Совещания получили верховную власть в крае. Центральная межведомственная комиссия по борьбе с бандитизмом даже посоветовала в августе создать комитеты бедноты, что показывает накал страстей. К счастью, данная крайняя мера не была реализована⁸⁹¹.

Объявлялись амнистии для главарей “банд”, которые вернутся к мирной жизни и приведут с повинной всех бойцов с оружием и снаряжением. Амнистия охватывала также дезертиров из РККА и беглецов из концлагерей. Приказ № 1 крайвоенсовещания сулил им особые охранные листы, а в случае полного раскаяния и благонадежности – восстановление гражданских прав. Все сдавшиеся подлежали учету в ВЧК и военкоматах. Срок добровольной явки истекал 1 сентября, после чего должно было последовать беспощадное уничтожение. По словам Л.Д. Троцкого, «красный каток истребит контрреволюционные гнезда»⁸⁹².

Невыполнение чрезмерного продналога и сохранение очагов повстанчества диктовали ужесточить курс РКП (б) в крае. Донской обком запретил крестьянам, сдавшим меньше 1/2 налога, торговать зерном и одобрил 10 голосами против 9 конфискацию их товаров на рынках. 15 сентября Кубано-Черноморский обком признал неотложной «оккупацию воинскими частями станиц», не выполнивших продналог. Мужчины старше 18 лет из семей повстанцев арестованы, семьи главарей банд высланы на Соловки. Местным исполкомам дано право выносить смертный приговор. На Ставрополье запрещен товарообмен между уездами⁸⁹³.

В современной историографии проявляется стремление представить повстанцев лета 1921 г. «плохо одетыми и голодными мужчинами и женщинами, скрывавшимися в камышах из-за

⁸⁹¹ РГВА. Ф. 25896. Оп. 3. Д. 52. Л. 8, 159–160; ГАКК. Ф. Р-147. Оп. 1. Д. 23. Л. 472; Р-649. Оп. 1. Д. 53. Л. 232.

⁸⁹² ГАКК. Ф. Р-649. Оп. 1. Д. 53. Л. 232; История революционного движения... С. 214–216.

⁸⁹³ ЦДНИРО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 73. Л. 20–20 л; ЦДНИКК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 92. Л. 59; ГАСК. Ф. Р-163. Оп. 1. Д. 138. Л. 33об.

репрессий»⁸⁹⁴. Архивные документы и свидетельства самих повстанцев опровергают это мнение. Так, в июне на Нижнем Дону близ ст-цы Елизаветинской объединилось до 1,5 тыс. казаков. Они создали «Армию спасения России» под руководством князя, генерал-майора К.Э. Ухтомского и полковника Ф.Д. Назарова. Преобладала эсеровская идеология в силу состава – бывших маслаковцев и сизовцев. Готовился удар по Ростову с одновременным мятежом в городе под лозунгом «Долой коммунистов, долой натуральный налог». День мятежа приурочен к началу сбора продналога⁸⁹⁵. На Верхнем Дону продолжали действовать отряды Фомина и Маслакова (до 240 чел.). В Сальском и 1-м Донском округах образовался штаб «Донской повстанческой армии» во главе с бывшим начальником штаба 14-й кавдивизии 1-й Конной армии Абрамовым. Он выдвигал эсеровский призыв «Власть советам, а не партиям»⁸⁹⁶. Во второй половине июля Ухтомский, Назаров и их сообщники были арестованы и осуждены. В районе ст-цы Елизаветинской Ростовского округа состоялся съезд представителей повстанческих отрядов с участием С.М. Буденного и крайуполномоченного ВЧК. Съезд принял решение сложить оружие, с чем согласились почти все «зелёные» нижнего Дона⁸⁹⁷.

Используя демобилизацию РККА и неприятие продналога, оживились летом 1921 г. повстанцы на Кубани. К середине июля «бело-зелёные» признали главенство Кубанской повстанческой армии, призывы и планы которой разрабатывал бывший товарищ председателя краевой Рады полковник П.А. Савицкий – осторожный, хитрый политик с диктаторскими задатками. 18–19 июля он провел съезд вожаков отрядов близ ст-цы Бакинской, узаконив избрание генерала М.А. Пржевальского командующим армией. 5 отрядов в 650 чел. были

⁸⁹⁴ Решетова Н.А. Интеллигенция Дона и революция. М., 1998. С. 129.

⁸⁹⁵ ЦДНИРО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 73. Л. 69; РГВА. Ф. 25896. Оп. 3. Д. 48. Л. 170; Д. 135. Л. 1–4.

⁸⁹⁶ ГАРО. Ф. Р-97. Оп. 1. Д. 656. Л. 225, 276–277; Ф. Р-1174. Оп. 1. Д. 240. Л. 26; Д. 271. Л. 46; Советский Юг. 1922. 25 июля.

⁸⁹⁷ ЦДНИРО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 73. Л. 6–9; Советский Юг. 1921. 27 июля; 1923. 4 янв.

переформированы. 23 августа съезд повстанцев близ ст-цы Гиагинской решил предпринять рейд на Краснодар, используя временное истощение и рассредоточенность 9-й армии РККА⁸⁹⁸. Проводится призыв казаков. В Закубанье к осени действовали 105 отрядов (2400 штыков и 4800 сабель при 111 пулеметах), в том числе отряд полковника Белова (более 1000 чел.). Костяк «армии» составили 6 полков в 730 чел. под Горячим Ключом. Помощь им оказывали также отряды В. Рябоконя (300 чел.) и Е. Дубины (250 чел.) в Приазовье⁸⁹⁹.

В третьем съезде повстанцев 14–15 сентября участвовали представители Терека и Ставрополя, эсер-эмигрант Н.В. Воронович, посланцы Русской армии из-за рубежа⁹⁰⁰. Неожиданно захватив Краснодар, Савицкий собирался вооружить призывников за счет городского арсенала, провозгласить Кубанскую республику и повести переговоры с РСФСР о признании. Идеологи КПА Пилюк и Савицкий ошибочно полагали, что объявленная в августе амнистия – признак слабой власти, а хлеботорбы повсюду поднимут мятеж. Внушали надежды беспечность штаба 22-й стрелковой дивизии и разногласия между членами облвоенсовещания, не дававшие беспощадно подавить мятеж.

На наш взгляд, рейд КПА был продиктован отчаянием, а не трезвым расчетом. Казачество уже жаждало мира, будучи слишком обескровлено и запугано. Амнистии постепенно ослабляли повстанцев. РККА могла наращивать присутствие в крае, а у «бело-зелёных» истощились резервы. Поэтому бросок на Краснодар мог иметь лишь тактический временный успех.

В ночь на 18 сентября 1921 г. Кубанская повстанческая армия переправилась через р. Кубань у аула Эдепсухай и заняла наступательный рубеж вдоль р. Кочеты, проводя успешный набор

⁸⁹⁸ Отчёт Военного Сопещания Кубано-Черноморской области // Кубанско-Черноморский настольный календарь на 1922 год: Краснодар, 1921. С. 112; Шейдеман Е.С. Ликвидация Повстанческой армии генерала Пржевальского // Война и революция. 1929. Кн. 11. С. 122–123.

⁸⁹⁹ Шейдеман Е.С. Указ. соч. С. 121; РГВА. Ф. 9. Оп. 15. Д. 1. Л. 155; ГАКК. Ф. Р-102. Оп. 1. Д. 32. Л. 386, 388; Р-147. Оп. 1. Д. 35. Л. 82.

⁹⁰⁰ ГАКК. Ф. Р-382. Оп. 1. Д. 206. Л. 177.

казаков. Это стало неожиданным для частей 22-й дивизии. М.А. Пржевальский имел 4 хорошо вооруженных кавалерийских полка, стрелковый батальон и штабную сотню (всего – до 1 тыс. чел.), надеясь с захватом склада боеприпасов в городе полностью укомплектовать части. В ночь на 20 сентября КПА заняла ст-цы Динскую и Пашковскую, подошла к пос. Лорис и окружила Краснодар.

Штурм города сорвался благодаря спешному прорыву в город С.М. Будённого, возглавившего облвоенсовещание. Части 1-й Конной армии охватили осаждавших внешним кольцом. Уже вечером 21 сентября КПА отошла за р. Кубань, а на рассвете 23 сентября была разгромлена близ с. Белого. Пржевальский со штабной сотней скрылся в горах Туапсинского отдела, а затем эмигрировал в Югославию. КПА потеряла около 300 чел. убитыми и 110 пленными⁹⁰¹. Попытка повстанческого правительства восстановить в октябре движение провалилась. Пилюк и Савицкий были схвачены и осуждены⁹⁰².

Восточнее, в Баталпашинском отделе кавбригада В.И. Книги разбила отряды полковника Белова и Васильева близ ст-цы Предгорной. Белов погиб, Васильева схватили⁹⁰³. Доказала свою эффективность новая методика разгрома банд – засылка секретных сотрудников ВЧК и создание лжеповстанческих отрядов. Так, в августе 1921 г. ушел к зеленоармейцам командир дивизиона 16-й кавдивизии 1-й Конной армии В.И. Логвинов. Он считался в движении будущим атаманом Терека. 5 ноября, организовав съезд главарей отрядов, Логвинов уничтожил почти всех собравшихся и продолжал «бить врага изнутри» (по его словам). Весной 1923 г. эскадрон Логвинова с почётом был

⁹⁰¹ ГАКК. Ф. Р-382. Оп. 1. Д. 241. Л. 214; Ф. Р-103. Оп. 1. Д. 230. Л. 8; Р-102. Оп. 1. Д. 140. Л. 105; Буденный С.М. Указ. соч. С. 250–255; Шейдеман Е.С. Указ. соч. С. 123–133.

⁹⁰² Сериков М.К. От Уральских степей до Черного моря. Алма-Ата, 1969. С. 290–293; Берлизов А.Е. Тёмные борцы за народное счастье // Комсомолец Кубани. 1988. 26 ноября.

⁹⁰³ Хижняк И.Л. Указ. соч. С. 252–253.

встречен в Пятигорске. Позже Логвинов доказал верность власти службой в РККА⁹⁰⁴.

Своеобразная обстановка сложилась летом-осенью 1921 г. на Тереке. Согласно августовскому докладу начальника губернской милиции шло сплочение мелких отрядов бело-зеленых в более крупные, «производящие с большей дерзостью и жестокостью нападения на отдельных граждан, хутора, села» и даже поезда. Особо неблагонадежны Моздокский и Святокрестовский уезды, ст-ца Лысогорская, часто занимаемые местными бандами⁹⁰⁵. В октябре 1921 г. на Тереке действовали отряды в 1300 сабель с 15 пулеметами, в том числе крупнейшие: Хмары (350 чел.) и Супрунова (250 чел.) под Кисловодском, Лаврова (200 чел.) и Овчинникова (250 чел.) от Моздока до Кизляра. Вблизи Ставрополя сосредоточился отряд Беззубова (140 чел.). Совершались частые налеты на предгорные станицы. Характерно, что к казачьему ядру повстанцев присоединялись кабардинцы, осетины, ставропольские крестьяне⁹⁰⁶.

Власти приняли жёсткие меры. На Терек был переброшен сводный отряд Апанасенко в составе 1-й Конной армии. налажено взаимодействие местных органов с соседней Калмыцкой автономией. В селах и станицах созданы отряды самообороны. Эти факторы вкупе с усиливавшимся голодом возымели действие. Банды распались и все чаще переходили к уголовным действиям, развернулась добровольная явка повстанцев в плен. К началу 1922 г. в Терской губернии осталось 520 «бело-зелёных» при 6 пулеметах, а в Ставрополье – вдвое меньше⁹⁰⁷.

⁹⁰⁴ Буденный С.М. Указ. соч. С. 257; Ткачев Е. Ставка на «двойника» // Кавказская здравница. 1993. 12 мая; ГАРФ. Ф. 393. Оп. 28. Д. 326. Л. 247; РГВА. Ф. 25896. Оп. 3. Д. 75. Л. 806.

⁹⁰⁵ Изосимов С. Зелёные гуляли сами по себе // Кавказский край. Ставрополь, 1993. № 17. С. 9.

⁹⁰⁶ История революционного движения... С. 133; Кавказская здравница. Пятигорск, 1993. 28 апр.

⁹⁰⁷ ГАСК. Ф. Р-163. Оп. 1. Д. 138. Л. 74; Киселёв В. В то тревожное время // Ставрополье. 1979. № 2. С. 56–59; История революционного движения... С. 134.

В меньшей мере вспышки активности мятежников проявлялись на Дону. В сентябре 1921 г. были арестованы руководители подпольного штаба «Донской повстанческой армии» Абрамов и Шонполонский. На Нижнем Дону осталось к 1922 г. лишь 215 штыков⁹⁰⁸. В Верхнедонском и Донецком округах, напротив, движение расширялось из-за принудительного сбора продналога. Численность отряда Фомина и Кондратьева достигла 220 чел. Казаки пытались сорвать налоговую кампанию, уничтожая продработников и документацию в исполкомах, проводя местные мобилизации в отряды. 6 октября 1921 г. Фомин от имени «восставших войск военно-революционного времени» призвал жителей к мятежу: «коммуна приведет к голодной смерти, к рабству крепостного права». 13–16 октября его отряд занимал ст-цу Вешенскую, но поддержки казаков не получил⁹⁰⁹. 30 октября Кондратьев разбит и схвачен. Отряд Фомина разделился, ушел на переформирование в Хопёрский округ и до конца года дважды совершал налеты на ст-цы Вешенскую, Каргинскую и Еланскую. У него осталось 90 чел., Фомин единственным на Дону сохранял политические (эсеровские) призывы борьбы⁹¹⁰. Остальные вырождались в уголовников.

В ходе осеннего разгрома «бело-зелёных» органы РККА и ВЧК усовершенствовали систему репрессий. В местности, особо зараженные бандитизмом, посылались выездные сессии Революционного трибунала СКВО и политические тройки, учреждались полевые комендатуры. Проводилась поголовная проверка мужчин – жителей станиц, брались заложники из числа родственников и пособников «бело-зелёных». Так, 22 сентября Военсовещание Кубано-Черноморской области дало неделю на добровольную сдачу оружия, после чего «политбандитов» и пособников ждал расстрел, а их семьи подлежали высылке в

⁹⁰⁸ Советский Юг. 1922. 25 июля; ЦДНИРО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 109. Л. 115.

⁹⁰⁹ Краткий периодический обзор повстанческого движения на территории С.-К.В.О. по данным к 1-му декабря 1921 г. за октябрь и ноябрь 1921 г. Ростов н/Д, 1921. С. 3; ГАРО. Ф. 1174. Оп. 1. Д. 277. Л. 66; Д. 276. Л. 103.

⁹¹⁰ ГАРО. Ф. Р-97. Оп. 1. Д. 656. Л. 276, 225; Ф. 1174. Оп. 1. Д. 280. Л. 228, 244; Д. 276. Л. 140.

Архангельскую губернию с конфискацией имущества. Только политкомиссии 22-й дивизии расстреляли с 20 сентября до 1 ноября 1921 г. 3112 чел. (по неполным данным)⁹¹¹. Протоколы политкомиссии 193-го стрелкового полка подтверждают произвол. К смерти приговаривали «за сожительство с бандитом», за классовую и сословную принадлежность, за бытовое недовольство властью. Встречались формулировки типа: «вообще элемент бандитский 68 лет»⁹¹².

Тактика вооруженной борьбы изменилась с конца 1921 г. коренным образом. Советские войска значительно окрепли и приобрели опыт сражений в местных условиях. Повстанцы уже не могли владеть инициативой и перешли к скоротечным налетам мелких отрядов. Их численность сократилась с 1 октября по 31 декабря 1921 г. с 6180 до 1210 чел., оснащение – с 74 до 23 пулеметов, число отрядов – с 88 до 29 на территории СКВО⁹¹³. Все чаще уставшие от войны крестьяне и казаки отказывали повстанцам в снабжении и создавали при поддержке РККА и ВЧК отряды самообороны. Недовольство земледельцев теперь проявлялось по частным поводам, не получало массовых организованных форм⁹¹⁴.

Почему же очаги вооруженного сопротивления сохранялись на Северном Кавказе до осени 1924 г.? Главная причина этого – противоречивость и непоследовательность экономической модели раннего нэпа. Принудительный сбор продналога и скованность сельского рынка были в числе основных элементов данной системы хозяйствования. Фискальный нажим достиг предела к началу 1922 г., а план продналога на Северном Кавказе был выполнен только на 43%. Исчерпание запасов продовольствия вызвало массовый голод⁹¹⁵.

⁹¹¹ Чернопицкий П.Г. Повстанческое движение... С. 10.

⁹¹² Красное знамя. 1921. 22 сент.; Куценко И.Я. Указ. соч. 2-е изд. С. 395–396.

⁹¹³ Краткий периодический обзор... за октябрь и ноябрь 1921 г. ... С. 10–11; ГАКК. Ф. Р-147. Оп. 1. Д. 36. Л. 41.

⁹¹⁴ ГАКК. Ф. Р-382. Оп. 1. Д. 288. Л. 221, 229, 265, 293; ЦДНИРО. Ф. 12. Оп. 5. Д. 164. Л. 215.

⁹¹⁵ Поляков Ю.А. 1921-й: победа над голодом. М., 1975. С. 14, 19, 20.

В недоимочные районы были введены войска, которым партийные органы дали право «широкой эксплуатации злостных неплательщиков». Коллегии трибуналов не успевали выносить приговоры и приходилось создавать дополнительную сеть карательных органов⁹¹⁶. Подливали масла в огонь бесчинства некоторых красноармейцев, живших впроголодь и вынужденных кормиться за счет поборов. Так, в мае 1922 г. части 4-й Петроградской и 6-й Чонгарской дивизий вершили произвол в Армавирском отделе, не подчиняясь гражданским властям⁹¹⁷. Однако члены Юго-Восточного бюро ЦК РКП(б) продолжали считать причиной бандитизма «наличие в крае большого процента казачьего населения, всё ещё не смирившегося с фактом существования Советской власти»⁹¹⁸. Иностраный отдел ВЧК сообщил 10 февраля 1922 г. о подготовке десантов врангелевской армии под предлогом обеспечения помощи голодающим⁹¹⁹.

Весной 1922 г. усилились очаги повстанческого движения в плавнях Приазовья и предгорьях Кавказа. Полковник М.Н. Жуков, сменив лозунг «Советы без коммунистов» на откровенно монархический – «Единую и неделимую Россию», координировал действия на большей части Кубани. Его главенство признали: «Союз Южно-Русского народа» в Приазовье (подпольная группа полковника Строганова), бригада есаула Беззубова и «армия» полковника Белова в Лабинском отделе, отряд сотника Е. Дубины в Ейском отделе. Численность этих взаимосвязанных группировок достигла 665 чел. при 12 пулеметах к весне⁹²⁰. Контакты с КПА генерала Пржевальского, возрождаемой в Закубанье, сорвались из-за политической несовместимости монархии с эсеровскими лозунгами.

Краевые и местные органы власти применили новую, более гибкую и успешную тактику, направив в тревожные районы

⁹¹⁶ ЦДНИКК. Ф. 11. Оп. 1. Д. 40. Л. 154 в, г.

⁹¹⁷ Там же. Ф. 1. Оп. 1. Д. 233. Л. 12 об, 13, 62.

⁹¹⁸ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 267. Д. 66. Л. 23, 343.

⁹¹⁹ Русская военная эмиграция 20-х – 40-х годов: Документы и материалы / отв. ред. В.А. Золотарёв. М., 1998. Т. 1. Кн. 2. С. 581–585.

⁹²⁰ ГАКК. Ф. Р-147. Оп. 1. Д. 37. Л. 345, 80, 340, 349; Д. 36. Л. 237, 218, 219.

лучших работников и проводя беспартийные конференции для агитации. ВЧК успешно засылала к повстанцам своих агентов, разлагая отряды изнутри⁹²¹. К середине апреля рост недовольства удалось остановить. В «угрожающих» по состоянию Ейском и Армавирском отделах возобновлены военные комендатуры. За вторую половину апреля – первую половину мая 1922 г. в Ейском отделе предпринят «красный каток» против отрядов Е. Дубины. Сильные подразделения 22-й дивизии и ЧОН сорвали мятеж в ст-це Уманской и разгромили отряды Дубины. За май–июнь в отделе расстреляны 680 чел., в том числе 90 повстанцев, 443 пособника и 143 заложника⁹²². В боях погибли 82 бойца «Корниловского отряда», 119 ранены⁹²³. Так сорвана попытка массового восстания при последующей высадке врангелевцев⁹²⁴.

В остальных местностях Юга России весной 1922 г. не наблюдалось серьезных выступлений. На Верхнем Дону 20 марта разгромлен отряд Фомина, причем население поддержало органы власти⁹²⁵. К осени Дон полностью умиротворен. На Ставрополье сохранились отряды Беззубова и Мордачева, связанные с подпольными организациями в городе и селах. Они занимались грабежами и убийствами сторонников власти. Политические лозунги сохраняли только отряды Тишкова в Кизлярском уезде и Шаталова на Сунже (243 чел.)⁹²⁶. За июнь усилилась бригада есаулов Арканникова и Беззубова (200 чел.), угрожавшая окраинам Ставрополя. Группировка Белова на юге Лабинского отдела объединила 7 отрядов в 150 сабель, выступая под

⁹²¹ ЦДНИКК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 249. Л. 1; Д. 219. Л. 4, 5; Ф. 2815. Оп. 1. Д. 206. Л. 2.

⁹²² РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 4. Д. 233. Л. 12 об, 13, 62; Д. 229. Л. 49, 50.

⁹²³ ГАКК. Ф. Р-147. Оп. 1. Д. 28. Л. 35; Д. 37. Л. 349.

⁹²⁴ Краткий периодический обзор... по данным к 1-му июня 1922 г. Ростов н/Д, 1922. С. 5–6.

⁹²⁵ ЦДНИРО. Ф. 12. Оп. 5. Д. 164. Л. 91, 162–163; ГАКК. Ф. Р-147. Оп. 1. Д. 37. Л. 77, 377.

⁹²⁶ Краткий периодический обзор... по данным к 1-му июня 1922 г. ... С. 10–15.

монархическими лозунгами. К августу их силы полностью разбиты⁹²⁷.

Итоги весенних военных действий однозначны. Численность повстанцев в пределах СКВО сократилась за май и июнь 1922 г. с 2708 до 1567 чел. при том же количестве отрядов⁹²⁸. Закрытое письмо Юго-Восточного бюро ЦК поясняет причины спада движения. «Если раньше значительные слои деревни сочувствовали и всемерно поддерживали бандитизм, то ныне деревня, ищущая порядка, в большинстве своем враждебна бандам, поскольку они грабят также и население. При массовых операциях даже казаки активно боролись против банд. Только верхушки кулачества... продолжают являться опорой бандитизма»⁹²⁹. Секретарь Юго-Восточного бюро ЦК РКП(б) А.И. Микоян отмечал повсеместную небывалую тягу к мирному труду, что постепенно заставляло изолированных повстанцев сдаваться⁹³⁰. Немногие оставшиеся отряды утрачивали политические цели и скатывались к уголовщине⁹³¹.

Окрепшие структуры власти позволили себе более гибкую и совершенную тактику борьбы. В июне 1922 г. Кубано-Черноморский обком РКП(б) дал указания на места по-особому относиться к различным группам повстанцев: добровольно сдавшимся, сражающимся на стороне РККА против былых соратников, продолжающим сопротивляться⁹³². Весомую роль в умиротворении края сыграли общероссийские законодательные акты об упрощении налогообложения, о расторжении кабальных сделок под залог имущества. Земельный кодекс, вступивший в

⁹²⁷ ГАКК. Ф. Р-147. Оп. 1. Д. 37. Л. 345–367, 256, 336; Д. 36. Л. 219.

⁹²⁸ Краткий периодический обзор... по данным к 1-му июня 1922 г. ... С. 3, 18–19;... за июнь 1922 г. ...С. 3, 14–15.

⁹²⁹ РГАСПИ. Ф. 85. Оп. 24. Д. 202. Л. 2.

⁹³⁰ Стенографический отчет Краевого ЭКОСО Юго-Востока России. Ростов н/Д, 1922. С. 27.

⁹³¹ Краткий периодический обзор... по данным к 1-му июня 1922 г. ... С. 3, 17; ГАКК. Ф. Р-147. Оп. 1. Д. 37. Л. 349.

⁹³² РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 4. Д. 453. Л. 27, 35.

силу осенью 1922 г., подтвердил сложившийся порядок надельного пользования в казачьих областях⁹³³.

Завершением повстанческих движений стали их всплески с осени 1922 по 1923 гг. В понимании причин, кроме постоянного фактора сезонной активности, могут помочь документы самих «бело-зелёных». Доступен текст донесения подьесаула И.Ф. Малогутия в эмиграцию из окрестностей Майкопа, а также воспоминания эмигранта С. Макеева – участника диверсионного десанта 1923 г. на Кубань. Малогутий оценивал власть резко отрицательно: руководят-де «малограмотные мужики». Армия плохо воспитана и оснащена, малонадежна. Финансовое положение страны близко к краху, но переворот не предвидится, так как надежда казаков на успех восстаний и помощь зарубежья подорвана⁹³⁴. В этом послании примечательно явное преувеличение шаткости власти при объективной оценке психологического тупика, в котором оказались казаки. С. Макеев рисует в мемуарах яркую картину нравственного и политического упадка эмигрантов-врангелевцев, раскрывает на личном примере обреченность десантов из-за рубежа. «Народ лучше нас знает, что ему нужно... Народ жаждет мира, спокойствия, земли и воли, и кто даст все это, за тем он и двинется»⁹³⁵.

Тем не менее, крупномасштабные сражения заняли весь период с осени 1922 г. по весну 1923 г. В пределах Кубано-Черноморья можно проследить их динамику. Осенью оставалось 900 повстанцев, кроме 120 сложивших оружие. Все чаще встречались мелкие и долго бездействовавшие отряды (например, 7 чел. во главе с В.Ф. Рябоконею близ ст-цы Гривенской)⁹³⁶. Зимой они заметно ослабли и начали добровольно сдаваться. К началу 1923 г. на учете ОГПУ в русских областях Северного Кавказа состояли только 12 отрядов в 33 штыка и 249 сабель. В Горской АССР и Дагестане бандитизм устойчиво сохранялся все 1920-е гг.,

⁹³³ Директивы КПСС и Советского правительства по хозяйственным вопросам. 1917–1957: Сб. документов. М., 1957. Т. 1. С. 334–339.

⁹³⁴ Найти и обезвредить. 2-е изд., доп. Краснодар, 1985. С. 45.

⁹³⁵ Макеев С. К берегам Кавказа. Ницца, 1927. С. 31.

⁹³⁶ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 4. Д. 450. Л. 92, 93; РГВА. Ф. 4. Оп. 2. Д. 507. Л. 235, 255; ГАКК. Ф. Р-147. Оп. 1. Д. 105. Л. 46 об.

но имел этнорелигиозные причины и не составлял единого фронта с движением русских казаков и крестьян⁹³⁷.

Краткие периодические обзоры СКВО и расписания сил противника, составленные на основе разведки, позволяют проследить изменения численности и дислокации повстанцев (см. табл.).

Отметим большое число добровольно сдавшихся и возобновивших борьбу через 2–3 месяца отрядов, постоянство основных очагов «зеленоармейства» в предгорьях Кавказа и плавнях Приазовья⁹³⁸. Из данных табл. явствует: наибольшая массовость и организованность протеста фиксировалась на Кубани и Черноморье (44–64% участников и от 19 до 58 бойцов в среднем на отряд); на Тереке (20–30% участников и от 12 до 120 бойцов). Наименьшая активность отмечалась в Ставрополье (5–10% участников и от 18 до 42 бойцов на отряд). За осень 1921 г. – лето 1923 г. неуклонно снижалась концентрация повстанцев (от 70 до 15 бойца на отряд). Эти расчеты, будучи дополнены по другим периодам и детализированы по местностям, могут стать основой количественной модели движения.

⁹³⁷ ГАКК. Ф. Р-147. Оп. 1. Д. 105. Л. 49об; Д. 36. Л. 237, 415, 494; Д. 37. Л. 367, 415, 494.

⁹³⁸ Там же. Ф. Р-147. Оп. 1. Д. 105. Л. 45, 100–111об, 125, 149–167об.

**Численность повстанцев на Юге России в 1921–1923 гг.,
чел.¹ (в скобках – отрядов)**

Дата	Северный Кавказ ²	Дон	Кубано-Черноморье	Терек	Ставрополье
01.10.1921	6180 (88)	971 (9)	3183 (55)	1560 (13)	466 (11)
01.11.1921	5173 (95)	645 (15)	2981 (55)	1065 (13)	482 (12)
01.12.1921	3291 (57)	338 (8)	1818 (37)	960 (7)	175 (5)
01.05.1922	2708 (56)	95 (4)	1018 (28)	1345 (13)	250 (11)
01.06.1922	1805 (60)	59 (4)	1089 (32)	385 (15)	272 (9)
01.07.1922	1567 (52)	30 (7)	781 (27)	588 (15)	168 (3)
01.01.1923	282 (12)	9 (1)	80 (7)	113 (3)	80 (1)
01.03.1923	237 (10)	40 (1)	75 (6)	122 (3)	0
01.04.1923	269 (14)	19 (2)	102 (8)	123 (3)	25 (1)
01.05.1923	212 (12)	35 (2)	94 (6)	58 (3)	25 (1)
01.06.1923	212 (14)	14 (1)	114 (7)	31 (3)	53 (5)
01.07.1923	259 (14)	25 (1)	171 (9)	35 (3)	28 (1)

Источники: Краткий периодический обзор повстанческого движения на территории С.-К.В.О. по данным к 1-му декабря 1921 г. за октябрь и ноябрь 1921 г. Ростов н/Д, 1921. С. 16; ...по данным к 1-му июня 1922 г. ... С. 18–19; ...за июнь 1922 г. ... С. 14–15; ГАКК. Ф. Р-147. Оп. 1. Д. 105. Л. 45; 100–101об, 125, 149–151 об, 165–167 об.

Подтасовка выборов в Советы и хозяйственный кризис 1923 г. способствовали местным вспышкам протеста. Так, 13 января отряд в 10 чел. напал на ст-цу Куцевскую с целью освободить заключенных, но был отбит. 22 марта «зеленоармейцы» во главе с Адриановым, добровольно сдавшиеся в Сальском округе, призвали крестьян не платить налоги и после боя бежали в степь. Хорошо оснащенные группировки действовали вокруг ст-ц Суворовской, Бекешевской и Сторожевой. Исключением на фоне уголовников выглядел отряд «Червонный валет» в районе ст-ц Каневской и Уманской (35 чел.) под руководством студента Рыжова. Отряд состоял из бывших офицеров и демобилизованных красноармейцев. В июне 1923 г. группа Васюка (12 штыков) неудачно пыталась овладеть

арсеналом ст-цы Невинномысской⁹³⁹. Все эти выступления были обречены на провал. Летом 1923 г. сдались крупные отряды Комарова, Супрунова, Мордачева, Хорошева и др.⁹⁴⁰

Органы ГПУ успешно применяли выборочные амнистии; используя противоречия между монархистами и «самостийниками», засылали в банды агитаторов и лазутчиков. Только за декабрь 1922 г. на Кубани добровольно сдались 94 чел., за июнь 1923 г. – около 100 чел.⁹⁴¹ В сентябре 1923 г. заместитель начальника Особого отдела Кубано-Черноморского ОГПУ Я.А. Бухбанд возглавил захват вожака монархического подполья М.Н. Жукова в окрестностях ст-цы Батуринской⁹⁴². Поздней осенью разбиты банды Шумакова и Сапожникова, нанесен урон отрядам Ковалева и Турецкого в Армавирском отделе⁹⁴³. Тогда же подавлен однодневный мятеж ст-цы Зольской на Тереке, не желавшей платить чрезмерный налог. Силы несоизмеримы, и после жестокого боя проведены массовые репрессии⁹⁴⁴. 15 марта 1924 г. в ст-це Бесстрашной уничтожен отряд Ковалева. Состоялся публичный суд над 69 повстанцами (в том числе из экспедиции Макеева) в Армавире, вынесший смертные приговоры⁹⁴⁵.

Неудивительно, что зажиточный слой казачества продолжал считать власть и ее сторонников чужими для себя. Сословная вражда часто принимала дикие формы, как на хут. Червонном Армавирского отдела 9 июня 1924 г. Банда Шершнева подвергла пыткам и казнила 24 коммунара-переселенца, а коренные жители ст-цы Новоалександровской разграбили имущество жертв. Власть ответила жестко. 8 июля члены бюро обкома РКП(б) приказали

⁹³⁹ ГАКК. Ф. Р-147. Оп. 1. Д. 105. Л. 19, 109, 111, 111 об, 141 об, 149 об, 166, 167 об, 186.

⁹⁴⁰ Кавказская здравница. 1993. 28 апр.

⁹⁴¹ ГАКК. Ф. Р-147. Оп. 1. Д. 105. Л. 3об, 101, 109, 165, 167; РГВА. Ф. 4. Оп. 2. Д. 500. Л. 11.

⁹⁴² ГАКК. Ф. Р-411. Оп. 2. Д. 198. Л. 1–9.

⁹⁴³ Василенко Г.И. Вешняя Кубань // Кубань. 1989. № 3. С. 17, 20.

⁹⁴⁴ Трифонов И.Я. Очерки классовой борьбы в СССР в годы нэпа (1921–1937). М., 1960. С. 63–64.

⁹⁴⁵ В борьбе и тревоге. Краснодар, 1970. С. 44; Макеев С. Указ. соч. С. 84–86.

«политической тройке» полпредства ОГПУ по Юго-Востоку России усилить внесудебные расправы, в том числе расстрелы⁹⁴⁶. Так замыкался круг нетерпимости и насилия.

Последние проявления вооруженной оппозиции уничтожаются осенью 1924 – весной 1925 г. Судя по рапорту уполномоченного ОГПУ в Славянском районе, 31 октября был пойман В.Ф. Рябоконт, скрывавшийся с 5–7 казаками в плавнях ст-цы Гривенской⁹⁴⁷. 17 ноября близ ст-цы Троицкой убит другой влиятельный главарь С.С. Дятлов. К маю 1925 г. небольшие группы скрывались у ст-цы Темнолесской и на Тереке, где и были вскоре разгромлены⁹⁴⁸.

Таким образом, советская система власти преодолела повстанческие выступления хлеборобов и доказала свою жизнеспособность. Логика сохранения власти толкала большевиков на путь насилия, искоренения всех оппозиционных сил. Иной, умеренный курс в условиях Гражданской войны быстро выявил бы непопулярность РКП(б) и привел бы к ее свержению. Партия умело сочетала притягательные посулы равенства с репрессиями. Использовался комплекс психологических мотиваций: стремление измученных хлеборобов к миру, сословная рознь, желание беднейших слоев общества сделать карьеру⁹⁴⁹. Вместе с тем, большевики олицетворяли с 1920 г. воссоздание единой России, централизм в противовес пагубному сепаратизму окраин. Разрозненные стихийные мятежи не могли сменить власть во всей стране, усугубляли хозяйственную разруху. Путь «третьей» казачье-крестьянской революции⁹⁵⁰, предложенный

⁹⁴⁶ Красное знамя. 1924. 11 июля; ЦДНИКК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 372. Л. 35, 36.

⁹⁴⁷ Науменко В.Г. Василий Федорович Рябоконт // Кубанец. 1993. № 2. С. 10–23; ГАКК. Ф. Р-580. Оп. 1. Д. 12 б. Л. 67.

⁹⁴⁸ Там же. Л. 20, 19; Информационный листок Объединенного Совета Дона, Кубани и Терека. 1925. № 11. С. 20; 1926. № 12. С. 20.

⁹⁴⁹ Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество. М., 1992. С. 284–285.

⁹⁵⁰ Савинков Б.В. Накануне новой революции. Варшава, 1921. С. 11–12, 36–37; «Зеленая книга»... С.8; Кубанская демократия и Англия // Пролетарская революция. 1923. № 8 (20). С. 222–235.

проэсеровскими предводителями повстанцев, вёл в тупик. Поэтому движение «бело-зелёных», будучи формой отстаивания интересов зажиточных и середняцких слоев земледельцев, было обречено на поражение.

4.2. ОСОБЕННОСТИ ПОВСТАНЧЕСКОГО ДВИЖЕНИЯ И АНТИБОЛЬШЕВИСТСКИХ ВЫСТУПЛЕНИЙ В КРЫМСКОЙ АССР

Изучение протестных социальных движений, охвативших ряд регионов бывшей Российской империи на заключительном этапе Гражданской войны и после её завершения актуально по нескольким причинам.

Во-первых, это важно с точки зрения научного понимания причин массового сопротивления на региональном уровне установлению большевистской модели советской власти.

Во-вторых, обогащается научный взгляд на социально-структурную специфику гражданского сопротивления в условиях финального этапа Великой Российской революции.

В-третьих, исследование вносит новые грани в понимание взаимоотношений партийно-государственной власти и полиэтничного общества в ходе реализации национальной политики.

Научная новизна работы заключается в комплексном исследовании антибольшевистского повстанческого движения в Крыму с учетом его национальных, идеологических, структурных особенностей. При этом в научный оборот вводится ряд архивных материалов из фондов ГАРК (Государственного архива Республики Крым).

Крым, который с февраля 1917 по ноябрь 1920 гг. семь раз испытал смену политических режимов, стал регионом, в котором антибольшевистское повстанческое движение со своими национальными, идеологическими и структурными особенностями с разной степенью интенсивности развивалось с конца 1920 г. до 1923 г., а латентные проявления (главным образом, в политико-идеологической сфере) гражданского сопротивления остро ощущались на протяжении всей первой

половины 1920-х гг., т.е. периода, именовавшегося в советской историографии «восстановительным».

Перечисленными факторами обусловлены территориальные (Крымский полуостров) и хронологические (1921–1925 гг.) рамки исследования.

Научная проблема с 1920-х гг. до настоящего времени изучалась по преимуществу фрагментарно.

При анализе историографии проблемы можно выделить три основных периода: первый (1920-е – середина 1950-х гг.), второй (середина 1950-х – 1990 гг.) и третий (1991 г. – по настоящее время), которые различаются исходя из критериев полноты, системности и объективности исследования.

Среди работ, относимых к первому периоду, важное значение имеет фундаментальный труд С.П. Мельгунова⁹⁵¹. Книга была написана в эмиграции и впервые издана в 1923 г. в Берлине. В работе имеется специальный раздел – «Крым после Врангеля», где достаточно скрупулезно исследуется политика красного террора, упоминается и о деятельности групп «бело-зеленых».

Среди работ советской историографии этого периода показателен научный сборник «Десять лет Советского Крыма»⁹⁵², посвященный юбилею окончательного установления советской власти в регионе. В этом коллективном труде дается обзор экономического и политического положения Крымского полуострова, а «борьба с остатками осевшей в Крыму контрреволюции» расценивается как важная составляющая первых трех лет советского строительства в Крыму.

Среди исследований второго периода, прежде всего, выделим некоторые коллективные работы⁹⁵³. Важное значение в

⁹⁵¹ Мельгунов С.П. Красный террор в России: 1918–1923. М., 1990.

⁹⁵² Десять лет Советского Крыма. Сборник, посвященный десятилетию советизации Крыма. 1920–1930 / под ред. Козлова, Антонюка, Кудрявцева и др. Симферополь, 1930.

⁹⁵³ Борьба большевиков за власть Советов в Крыму / отв. ред. И.С. Чирва. Симферополь, 1957; Очерки по истории Крыма. Часть III. Крым в период социалистического строительства (1921–1941 гг.) / под общ. ред. И.С. Чирвы. Симферополь, 1964; История городов и сел Украинской ССР. Крымская область / пред. редкол. Л.Д. Солодовник. Киев, 1974.

историографии 1956-1987 гг. имели также работы А.С. Сёмина и А.А. Горчакова, П.Н. Надинского, В.Л. Петрова, Г.С. Орлова⁹⁵⁴. Авторы указанных публикаций подробно исследовали деятельность Крымского революционного комитета и областного комитета РКП(б), рассматривают отдельные аспекты в деятельности органов Всероссийской чрезвычайной комиссии (ВЧК) и других военно-революционных структур, а также некоторых повстанческих формирований. В то же время, сохранялись цензурные и идеологические ограничения на исследование темы, замалчивался ряд её аспектов (репрессии против крестьянства, искажения национальной политики, особенности политических настроений крымскотатарского населения).

Третий период (с 1988 г. по настоящее время), в значительной мере характеризующийся деидеологизацией исторической науки, выявил крайне важные векторы исследовательской инициативы, обусловленной как публикацией ранее закрытых архивных источников, так и анализом сложных исторических процессов с позиций самостоятельного научного поиска, проявления различных идейных ориентаций исследователей.

Например, в краткой работе Н.Е. Дементьева и А.Г. Зарубина содержались важные сведения о деятельности чрезвычайных органов «по борьбе с бандитизмом», а вооруженное противоборство на полуострове в 1921–1922 гг. оценивалось впервые как продолжение Гражданской войны, вызванное рецидивами политики «военного коммунизма»⁹⁵⁵.

⁹⁵⁴ Сёмин А.С., Горчаков А.А. Революционный комитет Крыма и его роль в упрочении Советской власти (ноябрь 1920 г. – ноябрь 1921 г.) // Известия Крымского государственного педагогического института имени М.В. Фрунзе. Симферополь, 1957. Т. XXVIII. С. 129–145; Надинский П.Н. Борьба крымской парторганизации за восстановление народного хозяйства (1921–1925 гг.) // Борьба большевиков за упрочение Советской власти, восстановление и развитие народного хозяйства Крыма: сб. статей. Симферополь, 1958. С. 123–155; Петров В.Л. Боротьба за зміцнення Радянської влади в Криму в 1920–1921 рр. // Український історичний журнал. 1970. № 11. С. 128–132; Орлов Г.С. Тревожные будни: Очерки о чекистах. Симферополь, 1987.

⁹⁵⁵ Дементьев Н.Е., Зарубин А.Г. История Крыма. Симферополь, 1993.

К.А. Марков⁹⁵⁶ и А.В. Тимощук⁹⁵⁷ на обширном фактическом материале рассматривали вопросы союза большевиков с движением Н.И. Махно и последующего уничтожения махновцев после победы над Русской армией П.Н. Врангеля, в частности, Крымской группы С. Каретникова, часть бойцов которой в конце 1920 г. примкнула к антибольшевистским формированиям на полуострове.

Ряд аспектов, касающихся организации и деятельности ряда повстанческих групп рассматривался одним из авторов нашей монографии в следующих работах⁹⁵⁸.

Мы опирались на комплекс опубликованных и архивных источников, а также данные периодической печати рассматриваемого периода, которые исследовались системно, на основе фундаментальных принципов объективности и историзма.

В числе опубликованных использовались документальные и нарративные источники.

Важный документ эпохи – докладная записка члена коллегии Народного комиссариата по делам национальностей РСФСР

⁹⁵⁶ Марков К.А. Махно и Гражданская война в Крыму // Революция и Гражданская война 1917–1920 годов: новое осмысление. Крым. Ялта. 10–18 ноября 1995 г.: Материалы. Симферополь, 1995. С. 71–73.

⁹⁵⁷ Тимощук А.В. Анархо-коммунистические формирования Н. Махно (сентябрь 1917 – август 1921 гг.). Симферополь, 1996.

⁹⁵⁸ Ишин А.В. В Крыму после Врангеля (по архивным материалам Крымской ЧК за 1921 год) // Революция и Гражданская война 1917–1920 годов: новое осмысление: Материалы. Симферополь, 1995. С. 45–48; Ишин А.В. Неизвестные страницы Гражданской войны в Крыму: год 1921-й // Крымский Архив. 2002. № 8. С. 11–25; Ишин А.В., Ишина В.А. Документы «военно-революционных структур Крыма 1921–1922 г. – важный источник по изучению истории Гражданской войны в России // Научный вестник Крыма. 2016. № 4 (4). С. 17; Ишин А.В. Социально-исторический феномен повстанческого движения в Крыму: 1923 год // Проблемы постсоветского пространства. 2018. Т. 5. № 2. С. 203–209; Ишин А.В. Общественно-политическая ситуация в Крыму накануне образования Крымской АССР (по материалам органов ВЧК) // Черноморско-Средиземноморский регион в системе национальных интересов России: история и современность: к 80-летию начала Великой Отечественной войны: материалы Междунар. науч.-практ. конф. Краснодар, 2021. С. 163–167.

М.Х. Султан-Галиева «О положении в Крыму»⁹⁵⁹. Будучи командирован в Крым для изучения положения дел, М.Х. Султан-Галиев находился на полуострове с 13 февраля по 29 марта 1921 г. Результатом его работы стал развернутый доклад, в котором видный представитель советской власти разоблачил творимый произвол. Докладная записка содержит ценные сведения об особенностях проведения военно-коммунистической политики, о красном терроре и его последствиях, о зарождении повстанческого антибольшевистского движения.

Ценным нарративным источником являются заметки анонимного очевидца «В Крыму после Врангеля»⁹⁶⁰. «Заметки» представляют собой воспоминания человека, который был свидетелем жизни в «послеврангелевском» Крыму. В них содержатся сведения о беззакониях, грабежах, красном терроре, чинимых представителями Советской власти, а также об экономическом положении населения Крыма, общественных настроениях, отдельных проявлениях деятельности повстанческих антибольшевистских отрядов.

Автобиографическая эпопея известного писателя И.С. Шмелёва «Солнце мертвых»⁹⁶¹ является уникальным историческим источником, облеченным в художественную форму. Она посвящена трудным месяцам жизни писателя в Крыму в 1918–1922 гг. Основной временной отрезок, на котором базируется сюжетная линия, начинается с августа 1921 г. и заканчивается весной 1922 г. Автор описывает ужасы красного террора и голода, военно-коммунистической политики «революционных» властей Крыма, в эпопее можно почерпнуть сведения и о вооруженном антибольшевистском движении. При работе с этим, несомненно, очень значимым источником нужно иметь в виду, что писатель зачастую руководствовался рассказами и впечатлениями своих

⁹⁵⁹ Султан-Галиев М.Х. О положении в Крыму / предисл., подгот. текста и коммент. С.А. Усова // Крымский Архив. 1996. № 2. С. 83–97.

⁹⁶⁰ В Крыму после Врангеля (заметки очевидца) / предисл. и подгот. текста В.В. Лаврова, коммент. А.В. Мальгина // Крымский Архив. 1996. № 2. С. 59–63.

⁹⁶¹ Шмелёв И.С. Солнце мертвых. Эпопея // Шмелёв И.С. Пути небесные. Избранные произведения. М., 1991. С. 23–152.

знакомых, в некоторых случаях – слухами, поэтому его данные требуют соотнесения с архивными документами.

Изучен комплекс архивных источников, хранящихся в фондах Государственного архива Республики Крым, систематизация и анализ которых имеют определяющее значение в исследовании заявленной темы.

Документы фонда Р-1 (Крымский обком РКП(б)) содержат уникальные сведения о характере вооруженного антибольшевистского движения в первой половине 1920-х гг. и методах борьбы с ним. Фонд содержит многочисленные оперативные материалы крымских органов Всероссийской чрезвычайной комиссии о деятельности различных антибольшевистских организаций, их национальных, идеологических, структурных особенностях. Важное значение имеют информационно-аналитические сведения об экономической и политической ситуации в крымских округах.

Фонд Р-1108 (Верховный суд Крымской АССР) содержит сводки Государственного политического управления (правопреемник ВЧК) «об экономическом и политическом состоянии Крыма», позволяющие составить целостное представление о настроениях крымского населения, о национально-религиозных векторах политической агитации антибольшевистской направленности.

В материалах фонда Р-1188 (Крымский революционный комитет) содержатся важные данные о характере и динамике повстанческого антибольшевистского движения «бело-зеленых» и формах борьбы с ним, служебная переписка Крымского революционного комитета с органами Всероссийской чрезвычайной комиссии, крымской милиции о специфике общественно-политической ситуации в Крыму в начале 1920-х гг.

Фонд Р-1881 (Симферопольская городская чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией и преступлениями по должности) в значительной мере раскрывает для исследователя не только вопросы о принципах судопроизводства в крымских органах ВЧК, о составе судебной коллегии центрального органа ЧК на полуострове, но также и ряд характерных проявлений протестных настроений крымского населения в 1921 г.

Документы фонда Р-3285 (Части особого назначения Крымской АССР) содержат телеграммы штаба 6-й Отдельной Крымской коммунистической бригады особого назначения командирам батальонов о состоянии оперативной обстановки в Крыму, сообщения о военных действиях Частей особого назначения Крыма, оперативные сводки, напрямую затрагивающие вопросы динамики развития «политического бандитизма», его идеологических и структурных особенностей.

Наряду с опубликованными и архивными источниками, в статье использованы материалы периодической печати, а именно – официального печатного органа Крымского революционного комитета, обкома РКП(б) и КрымЦИК Советов – газеты «Красный Крым», которые содержат информацию по экономическому, социальному и политическому развитию полуострова. Сведения, почерпнутые из газеты, способствовали выявлению причин антибольшевистских выступлений, основных векторов борьбы с большевистской моделью Советской власти, особенностях противодействия повстанчеству как социальному протестному движению.

Рассмотрим факторы зарождения и социальную структуру повстанческого движения «бело-зеленых».

После эвакуации войск генерала П.Н. Врангеля (ноябрь 1920 г.) Крым находился в состоянии глубочайшего экономического кризиса. В ноябре 1920 г. продукция промышленности сократилась по сравнению с 1913 г. в 4,6 раза⁹⁶². Из 420 промышленных и кустарных предприятий работало лишь 270, и то не в полную силу. По сравнению с довоенным уровнем производительность труда упала в три раза. На транспорте царил разруха. Грузооборот железных дорог сократился в 10 раз, морских портов – более чем в 16 раз. Вследствие полного расстройств финансовой системы большинство денежных знаков стоили дешевле той бумаги, на которой печатались.

Летом 1921 г. в результате засухи в Крыму погибло 42% посевов, 2/3 крупного рогатого скота, а уцелевшие посевы давали

⁹⁶² Крымская АССР (1921–1945). Вопросы – ответы / сост. Ю.И. Горбунов. Симферополь, 1990. Вып. 3. С. 8.

лишь несколько пудов с десятины⁹⁶³. Вследствие этого уже в августе на полуострове начался голод, продолжавшийся до лета 1923 г. и унесший приблизительно 100 тыс. жизней⁹⁶⁴, что составляло примерно 15% населения Крыма на 1921 г. (в конце 1921 г. в Крыму насчитывалось 832 тыс. жителей⁹⁶⁵). По причине этого бедствия 60,1% крестьянских хозяйств остались без скота, приблизительно столько же без сельхозинвентаря, 28,8% без посева и 29,2% смогли засеять в 1922 г. только по одной десятине⁹⁶⁶. Обстановку осложнило нашествие саранчи и проливные дожди 1922 г. Пик голода пришелся на март 1922 г., когда голодало 379 тыс. чел. Бедствию сопутствовали невиданный размах уголовного бандитизма и эпидемия тифа⁹⁶⁷.

Важно отметить, что объективные экономические трудности переходного периода были значительно усугублены военно-коммунистическими методами управления экономикой. От последних страдало всё полиэтничное население полуострова (так, А. Мащенко отмечает, что в 1921 г. в Крыму, где в это время проживали представители 59 национальностей, «большинство населения составляли русские и украинцы, которых было очень сложно отделить друг от друга, – 371 017 человек (51,5 процента). Татар (их тогда называли просто татарами, не добавляя прилагательное «крымские») было 186 715 человек (25,9 процента), евреев – 49 404 (6,8 процента), немцев – 42 350

⁹⁶³ Колонтаев К.В. Создание и деятельность органов государственной власти в Крыму (ноябрь 1920 г. – октябрь 1921 г.) // Революция и Гражданская война 1917–1920 годов: новое осмысление (г. Ялта. 10–18 ноября 1995 г.): Материалы. Симферополь, 1995. С. 61.

⁹⁶⁴ Зарубин А.Г., Зарубин В.Г. Без победителей. Из истории гражданской войны в Крыму. Симферополь, 1997. С. 334, 342.

⁹⁶⁵ Ишин А.В. Крым в 1921–1941 гг. // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2017. № S12. С. 13.

⁹⁶⁶ Мона Ж.Н. Развитие сельского хозяйства в Крымской АССР (1920–1940 гг.): особенности, трудности, просчеты. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Днепропетровск, 1992. С. 12.

⁹⁶⁷ Зарубин А.Г., Зарубин В.Г. Без победителей. Из истории гражданской войны в Крыму. Симферополь, 1997. С. 334, 337.

(5,9 процента), греков – 23 868 (3,3 процента), армян – 12 051 (1,7 процента), болгар – 10 572 (1,5 процента)»⁹⁶⁸).

До 1 июня 1921 г. органы власти Крыма сохраняли продовольственную разверстку, которая взималась по явно завышенным цифрам (планировалось взимание продовольственного хлеба в размере 2 млн. пудов, кормового зерна 2,4 млн. пудов, объемистого фуража также 2,4 млн. пудов) и объективно стимулировала протестные настроения в деревне, вплоть до вооруженных выступлений против власти. Более того, отрядами особых отделов ВЧК помимо разверстки дополнительно изымалось продовольствие у крестьян.

Огромной ошибкой являлась передача 1134 конфискованных помещичьих имений в государственный фонд и создание на их базе совхозов. Большая часть совхозной земли весной 1921 г. оказалась необработанной. Следует отметить, что в то время, когда под совхозы передали до 1 млн десятин земли, примерно 40% крестьян в Крыму оставались безземельными.

Тяжелейшим образом на положении крымского населения сказывался также запрет частной торговли. Помимо этого, «военно-революционные власти» полуострова в конце 1920–1921 гг. регулярно проводили мероприятия по «изъятию излишков», что не могло не подрывать авторитет большевистского руководства. Положение усугубляли бесчисленные злоупотребления и откровенный произвол со стороны многих представителей власти. Так, при проведении продразверстки наблюдались «бесчисленные злоупотребления должностных лиц, хищения и аферы продагентов»⁹⁶⁹. Наряду с этим «отдельные красноармейские отряды занимались грабежами, и никто их от этого не мог остановить»⁹⁷⁰.

⁹⁶⁸ Мащенко А. Как Крым республикою вольной в федерацию вошёл. 100 лет назад полуостров стал первой автономией в составе РСФСР. URL: <https://www.pnp.ru/social/kak-krym-respublikoyu-volnoy-v-federaciyu-voshyol.html>. (дата обращения: 18.10.2021).

⁹⁶⁹ Ишин А.В. Крым в 1921–1941 гг. // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2017. № S12. С. 13.

⁹⁷⁰ Султан-Галиев М.Х. О положении в Крыму / предисл., подгот. текста и коммент. С.А. Усова // Крымский архив. 1996. № 2. С. 87.

Важными факторами, серьезно дестабилизировавшими политическую ситуацию, явились также беспрецедентный массовый террор, развязанный в Крыму в конце 1920 г., и политика партийного диктата.

На основе источников можно прийти к выводу, что красный террор в Крыму в конце 1920–1921 гг. был вполне закономерен в условиях существовавшего режима. Целью террора являлось уничтожение насколько возможно большего числа как явных, так и потенциальных «классовых врагов».

Говоря о динамике террора в Крыму, следует отметить, что всплеск расправ приходился на зиму 1920–1921 гг., затем волна понемногу спадала до конца 1921 г.⁹⁷¹ Точное количество погибших вследствие террора не установлено. В.П. Петров полагает, что «общее число погибших превышает 20 тыс. чел., хотя эта цифра не является окончательной»⁹⁷². С.А. Усов считает, что жертв террора было не менее 40 тыс. чел.⁹⁷³ М.А. Волошин писал, что только за первую зиму было расстреляно 96 тыс. чел. – на 800 тыс. всего населения⁹⁷⁴. И.С. Шмелев утверждал, что расстреляно более 120 тыс. мужчин, женщин, старцев и детей⁹⁷⁵. Встречается даже цифра – 150 тыс.⁹⁷⁶ Так или иначе, несмотря на разногласия исследователей, все они сходятся в одном – террор в Крыму носил неслыханные размеры.

По словам члена коллегии Народного комиссариата по делам национальностей М.Х. Султан-Галиева, «...среди расстрелянных попадало очень много рабочих элементов и лиц, оставшихся от Врангеля с искренним и твердым решением честно служить

⁹⁷¹ Зарубин А.Г., Зарубин В.Г. Без победителей. Из истории гражданской войны в Крыму. Симферополь, 1997. С. 333.

⁹⁷² Петров В.П. К вопросу о красном терроре в Крыму в 1920–1921 годах // Проблемы истории Крыма: Тез. докл. науч. конф. Симферополь, 1991. Вып. 2. С. 91.

⁹⁷³ Султан-Галиев М.Х. О положении в Крыму... С. 96.

⁹⁷⁴ Зарубин А.Г., Зарубин В.Г. Без победителей... С. 333.

⁹⁷⁵ Мельгунов С.П. Красный террор в России: 1918–1923. М., 1990. С. 66.

⁹⁷⁶ Мельгунов С.П. Красный террор в России... С. 66.

Советской власти...»⁹⁷⁷ Данным Султан-Галиева вторят материалы следственного дела № 707/403 о преступлениях членов коллегии Керченской ЧК: «...из числа расстрелянных 51–52% рабочих тяжелого труда и из числа содержащихся под стражей в комиссии рабочих 77%»⁹⁷⁸.

Одним из наиболее значительных направлений в работе ревкомов была национализация банков, предприятий, земельных ресурсов. Во время реализации этой, далеко не всегда продуманной политики, нередко страдали представители не только менее зажиточных слоев населения, но и беднота, что объективно провоцировало широкое социальное недовольство⁹⁷⁹.

Враждебность значительной части населения к властям вылилась в повстанческое движение, которое документы партийных, советских и чрезвычайных органов именуют «политическим бандитизмом» или «движением «бело-зеленых», в котором ощутимо присутствовал этнонациональный фактор.

Под «бандами с политической окраской», «зелеными», или «бело-зелеными», которые представляли «одну из самых серьезных опасностей и угроз» для власти большевиков, подразумевались вооруженные формирования, создаваемые в крымских горах и лесах из избежавших смерти военнослужащих армии Врангеля, махновцев, недовольных политикой Советской власти крестьян, жителей городов. Нередко к этим группам присоединялись чисто уголовные элементы. Зачастую группы «зеленых» возглавлялись белыми офицерами.

В советских документальных и нарративных источниках, а также в исторической литературе прочно утвердился взгляд на вооруженное антибольшевистское движение, развивавшееся уже после победы большевиков над Вооружёнными силами Юга

⁹⁷⁷ Султан-Галиев М.Х. О положении в Крыму... С. 86.

⁹⁷⁸ ГАРК. Ф. 1 (Крымский обком РКП(б)). Оп. 1. Д. 91. Л. 68 об.

⁹⁷⁹ Ишин А.В. Общественно-политическая ситуация в Крыму накануне образования Крымской АССР (по материалам органов ВЧК) // Черноморско-Средиземноморский регион в системе национальных интересов России: история и современность: к 80-летию начала Великой Отечественной войны: материалы Междунар. науч.-практ. конф. Краснодар, 2021. С. 163–167.

России, как на «политический бандитизм». Наряду с этим получило развитие, с нашей точки зрения, совершенно обоснованное положение о том, что это движение явилось составной частью Гражданской войны в России. Этому положению придерживались такие полководцы, непосредственно руководившие борьбой против вооруженной контрреволюции, как М.В. Фрунзе, М.Н. Тухачевский, Р.П. Эйдеман и ряд других. В советской историографии данную точку зрения разделял известный историк периода «оттепели» И.Я. Трифонов⁹⁸⁰, а также некоторые другие исследователи.

По нашему мнению, вооруженное противоборство между антибольшевистскими силами и органами Советской власти на Крымском полуострове в первой половине 1920-х гг. вполне правомерно будет рассматривать как составную часть продолжавшейся Гражданской войны. Примечательно, что аналогичного мнения, как свидетельствуют многочисленные документы, придерживалось и руководство Крымской чрезвычайной комиссии. Как явствует из используемых нами источников, значительную часть которых представляют оперативные материалы органов ВЧК и ЧОН, в 1921–1922 гг. мы можем говорить об организованном антибольшевистском движении. 1923 г. уже характеризуется, скорее, эпизодическими, несистемными, проявлениями вооруженной борьбы.

Появление и генезис движения «бело-зеленых» имели ряд причин. Важнейшими среди них явились политика военного коммунизма, выразившаяся во взимании продразверстки, реквизициях, запрете частной торговли и сопровождаемая повсеместными многочисленными злоупотреблениями, масштабный террор, инициированный центральной властью и нанёсший ощутимый удар по всем слоям населения Крымского полуострова.

«Население долго жило надеждой на приход кого-либо из иностранных войск на помощь, но когда мечты все были разбиты,

⁹⁸⁰ Трифонов И.Я. Классы и классовая борьба в СССР в начале НЭПа (1921–1923 гг.). Часть 1. Борьба с вооруженной кулацкой контрреволюцией. Л., 1964.

то стали помаленьку приспособливаться к жизни под большевистским ярмом и смирились с духом», – читаем в рассказе одного из очевидцев тех событий⁹⁸¹. Член Коллегии Народного комиссариата по делам национальностей РСФСР М.Х. Султан-Галиев в докладе «О положении в Крыму» отмечал: «У всех чувствуется какой-то сильный, чисто животный страх перед советскими работниками, какое-то недоверие и глубоко скрытая злоба»⁹⁸².

Приведенные выводы подтверждаются и архивными документами. Так, по данным «информационных наблюдений» органов ВЧК за 1921 г. «заметно недовольство на почве плохого питания и не производящимся обследованием одежды и обуви рабочих...»⁹⁸³, «трудящиеся массы... настроены враждебно»⁹⁸⁴, «настроение... населения невозможное»⁹⁸⁵.

Подобные настроения, стимулируемые к тому же страшным голодом, продолжали сохраняться и в 1922 г. Так, в суточной сводке Крымской ЧК от 10 января 1922 г. говорилось, что у населения «настроение угнетенное..., отношение к Компартии безразличное..., отношение к продналогу и к другим повинностям весьма враждебное»⁹⁸⁶. В той же сводке отмечен ряд случаев проявления открытого недовольства. Так, в одном из сел Джанкойского округа «на общем собрании крестьян 3 января слышались выкрики: «Идемте и разобьем загконтору [заготовительную контору – А.И.] и продсклады и достанем себе хлеба»⁹⁸⁷. В Бакальском районе Евпаторийского округа «толпа в количестве 250 человек хотела разгромить ссыпункты [ссыпные пункты – А.И.] загконторы на пристани Бакала»⁹⁸⁸.

С примерами недовольства населения мы сталкиваемся и в период относительной социально-экономической стабилизации –

⁹⁸¹ В Крыму после Врангеля... С. 62.

⁹⁸² Султан-Галиев М.Х. О положении в Крыму... С. 96.

⁹⁸³ ГАРК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 91. Л. 22.

⁹⁸⁴ Там же. Л. 68 об.

⁹⁸⁵ Там же. Л. 74.

⁹⁸⁶ ГАРК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 135. Л. 8–9.

⁹⁸⁷ Там же. Л. 8.

⁹⁸⁸ Там же.

в 1923–1925 гг. Так, по данным Государственного политического управления, севастопольские рабочие выражали «недовольство на несвоевременную выдачу жалованья, низкие ставки, отсутствие кредитования»⁹⁸⁹, сильное недовольство наблюдалось среди рабочих Керченского государственного металлургического завода, «на почве снижения зарплаты... обострились взаимоотношения с администрацией»⁹⁹⁰, «отмечено... недовольство рабочих Феодосийской табачной фабрики»⁹⁹¹.

Таким образом, становится очевидным, что правление большевиков в Крыму в первой половине 1920-х гг. держалось в значительной мере на штыках красноармейцев, которые жили «отдельной семьёй, нисколько не заражаясь психологией окружающей массы»⁹⁹². Несомненно, что существовавший в эти годы моральный климат представлял собой благоприятную почву для развития всех форм контрреволюции.

Необходимо также учитывать, что в рассматриваемый период в Крыму оставалось немало тех, кто изначально не принимал большевизм, находясь к нему в активной или латентной оппозиции (бывшие помещики, представители «старорежимного» чиновничества и интеллигенции, предпринимателей и т. д.). Оппозиционность усиливалась фактором тяжелой экономической ситуации начала 1920-х гг., нерешенностью национально-культурных проблем.

Контингент отрядов «бело-зелёных» составляли представители русских, украинцев, крымских татар, чеченцев и других народов. Существовали и отряды, целиком состоявшие из крымских татар. К таковым относились отряды Апаса и Мустафы-Курбы.

Социальная структура повстанческих групп «бело-зеленых» включала, наряду с представителями упомянутых ранее привилегированных слоев, крестьян, составлявших по сути главную опору этого движения, жителей городов, бывших махновцев, а также откровенно уголовные элементы. Нередко эти

⁹⁸⁹ ГАРК. Ф. Р-1108. Оп. 1. Д. 8. Л. 53.

⁹⁹⁰ Там же. Л. 59.

⁹⁹¹ Там же. Л. 68.

⁹⁹² ГАРК. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 135. Л. 9.

отряды возглавлялись бывшими белогвардейцами, которые не явились на регистрацию, объявленную председателем Крымского ревкома Б. Куном и потому уцелевшими в ходе массовых бессудных расправ конца 1920 – начала 1921 гг.

Динамика и политико-идеологические особенности повстанческого движения «бело-зеленых» таковы.

Формирования «зеленых» развернули активную деятельность уже с начала декабря 1920 г.⁹⁹³ В докладе подотдела по борьбе с бандитизмом Крымской областной чрезвычайной комиссии (КОЧК) отмечается, что «несмотря на зимние стужи, они бежали в лес, где стали собираться из одиночных людей в мелкие группы...»⁹⁹⁴. В это время их общая численность составляла приблизительно 8–10 тыс. чел.⁹⁹⁵ «Зелеными» был убит ряд сотрудников Крымской чрезвычайной комиссии, председатель Алуштинского ревкома Шилов, член Евпаторийского ревкома Лабренцис и ряд других видных представителей Советской власти. Ими также неоднократно совершались диверсии на строительстве железной дороги от станции Сюрень до Бешуйских угольных копей⁹⁹⁶. Наиболее угрожающая для большевиков обстановка сложилась в Симферопольском, Севастопольском и Ялтинском уездах.

В конце февраля – марте 1921 г. экспедиционным отрядам по борьбе с бандитизмом Всероссийской чрезвычайной комиссии (ВЧК) удалось провести несколько успешных операций против повстанческих групп. Некоторые из них были раскрыты, в частности, отряд «Спасение России», Топловский отряд⁹⁹⁷

⁹⁹³ Петров В.Л. Боротьба за зміцнення Радянської влади в Криму в 1920–1921 рр. // Український історичний журнал. 1970. № 11. С. 129.

⁹⁹⁴ Государственный архив Республики Крым. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 69. Л. 96.

⁹⁹⁵ Петров В.Л. Указ. соч. С. 132; Колонтаев К.В. Создание и деятельность органов государственной власти в Крыму (ноябрь 1920 г. – октябрь 1921 г.) // Революция и Гражданская война 1917–1920 годов: новое осмысление (Ялта, 10–18 ноября 1995 г.): Материалы. Симферополь, 1995. С. 62.

⁹⁹⁶ Красный Крым. 1927. 18 декабря. Приложение.

⁹⁹⁷ ГАРК. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 69. Л. 19, 30.

(очевидно, отряд получил название от селения Топлы – ныне с. Тополевка в Белогорском районе).

Среди арестованных активных участников этих организаций были бывший помощник полицмейстера г. Екатеринослава Веселовский, поручик Вильдер (по прозвищу «Дикий»), главный организатор Топловской группы служащих Топловского совхоза Бычковский. В качестве укрывателей и проводников белых офицеров для организаций «бело-зеленых» были арестованы сестра милосердия Лосиевская, княгиня Волконская, благочинная Казанского подворья в г. Феодосии монахиня Арепсимия.

Уже в этот период вполне четко обозначились две тенденции, характерные для последующего развития движения «бело-зеленых».

Первая тенденция состояла в широкой опоре повстанческих отрядов на крестьянство, причем поддержка этой наиболее значительной группы населения Крымского полуострова заключалась не только в укрывательстве повстанцев и снабжении их продуктами, но и в непосредственном участии крестьян в антибольшевистском вооруженном движении. Наряду с тяжелой экономической ситуацией и военно-коммунистической политикой властей, развитию этой тенденции в немалой степени способствовала умело поставленная агитация со стороны активистов повстанческих групп. Примером могут служить находившиеся в районе г. Феодосии селения Айсерез (ныне с. Междуречье) и Ворон (прежнее название сохранилось), жители которых были убеждены в скором переходе власти в руки «бело-зеленых»⁹⁹⁸.

Вторая тенденция заключалась в стремлении руководства отрядов «зеленых» к установлению тесных связей с антибольшевистским подпольем в городах. Так, например, органами ВЧК было установлено, что Топловская группа имеет связи со Старым Крымом, Феодосией, Карасубазаром (ныне г. Белогорск) и Симферополем⁹⁹⁹.

⁹⁹⁸ ГАРК. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 69. Л. 21, 27.

⁹⁹⁹ ГАРК, Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 69. Л. 30.

Несмотря на ряд успешных операций, проведенных органами Всероссийской чрезвычайной комиссии в феврале – марте 1921 г., в ряде уездов Крыма для большевистского руководства полуострова складывалась крайне неблагоприятная ситуация¹⁰⁰⁰.

Экспедиционный отряд Особого отдела Черного и Азовского морей, начав поход против «бело-зеленых», стал терроризировать и мирных жителей, очень широко распространив систему заложничества, вследствие чего многие бежали в горы и примыкали к вооруженным формированиям антибольшевистской направленности¹⁰⁰¹. С.П. Мельгунов следующим образом описывает сложившуюся ситуацию: «В довершение целым селам был предложен ультиматум – если не вернете ушедших в горы, то будете спалены (деревни Демерджи [ныне с. Лучистое в 11 км от Алушты], Шумы [ныне с. Верхняя Кутузовка Алуштинского района], Корбек [ныне с. Изобильное, находится недалеко от Алушты], Саблы [ныне с. Партизанское Симферопольского района] и др.). Но ультиматум не был приведен в исполнение, так как зелёные в свою очередь заявляли, что в случае исполнения угрозы они вырежут всех коммунистов и их семьи не только в деревнях, но и в таких городах, как Алушта, Симеиз [неточность, Симеиз являлся и является поселком, а не городом – А.И.], Судак»¹⁰⁰².

Узкоклассовая политика большевистского руководства, временами к тому же сопровождавшаяся беззакониями и произволом, не могла не нанести определённый вред гармонизации межнациональных отношений. Остановимся подробнее на деятельности экспедиционных отрядов. Как уже отмечалось выше, ими практиковалась система заложничества. В приказе по экспедиционному отряду Особого отдела 4-й армии предписывалось «принять за правило следующее: по окружению села или деревни брать заложников от 5 до 10 человек на время

¹⁰⁰⁰ Петров В.Л. Борьба за зміцнення Радянської влади... С. 129.

¹⁰⁰¹ Ишин А.В. Проблемы государственного строительства в Крыму в 1917–1922 гг. Симферополь, 2012. С. 305–306.

¹⁰⁰² Мельгунов С.П. Красный террор в России: 1918–1923. М., 1990. С. 70.

операции»¹⁰⁰³. Однако на практике эти нормы были серьезно превышены. Характерны были и другие злоупотребления, крайне негативно отразившиеся на взаимоотношениях с местным населением.

В качестве наглядного примера приведем содержание «Акта установления злоупотреблений, нанесенных гражданам села Улу-Узень (ныне с. Генеральское в Алуштинском районе) отрядом Особотдела Черназморей по борьбе с бандитизмом в Крыму». Согласно показаниям секретаря Улу-Узеньского сельского ревкома, «1921 года 3 апреля к нам прибыл отряд Черназморей по борьбе с бандитизмом в Крыму. По приезде в село командир Чернобровый приказал собраться на митинг, и когда жители собрались, он, ругая площадной бранью, приказал стоять собравшимся смирно, митинг был окружен вооруженным отрядом и было выставлено 2 пулемета, и когда один из граждан заявил, что такое собрание недопустимо по отношению к гражданам, то тов. Чернобровый начал ругать граждан площадной бранью, а также и Магометом, когда же ему были заданы вопросы, он, не желая их выслушивать, продолжал ругаться площадной бранью. Митинг закончился тем, что из среды собравшихся было выделено 40 человек, из которых уведено в качестве заложников 28 человек. У пяти граждан села были произведены обыски... У Биляла забрано все имущество и скот: 2 вола, 3 лошади и две линейки и 25 пудов ячменя и все сено, у [Куртасана] Аджи Мурат забрана половина имущества, у Аджали Мурат забрано $\frac{3}{4}$ имущества. При заборе имущества... списки имущества составлялись, но копии их не оставлены в сельревкоме... В настоящее время 6 заложников возвратилось, а остальные отправлены неизвестно куда»¹⁰⁰⁴.

Приведем также выписку из протокола общего собрания политработников политчасти при экспедиционном отряде по борьбе с бандитизмом в Крыму: «...по приезде в деревню Демерджи [ныне с. Лучистое возле Алушты] отряд Черноазморей хуже бесчинствовал, чем в Улу-Узени. По приезде отряда в деревню был созван митинг, который был окружен пулеметами, и

¹⁰⁰³ ГАРК. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 69. Л. 7 об.

¹⁰⁰⁴ ГАРК. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 69. Л. 57.

тут же были арестованы 135 человек местных жителей в качестве заложников и были заперты в подвал, где их держали пять суток, по истечении которых [несколько] было освобождено, а остальные в числе 24-х человек находятся в подвале и сейчас. В деревне Корбек [ныне с. Изобильное возле Алушты] тоже было не лучше: взяты 5 человек заложников, продовольствие и фураж несмотря на то, что разверстка полностью выполнена, притом брали без разрешения райпродкома, выдавая неофициальные расписки без печатей, на простой бумаге. Ещё им был издан приказ, чтобы население шло в горы на облаву, что проводится ими и сейчас»¹⁰⁰⁵.

Нередки были злоупотребления служебным положением и порой даже откровенная уголовщина. В Керчи, например, избивали арестованных, незаконно приговорили к смертной казни несовершеннолетнего. В Феодосии и районе под видом обысков грабили семьи бывших офицеров, зажиточных крестьян. Аналогичные действия совершали также сотрудники Бахчисарайского политбюро – производили незаконные и безосновательные обыски, а имущество присваивали.

Имели место даже случаи, когда сотрудники ЧК в Крыму становились активными участниками уголовных банд. Весьма показательна в этом отношении банда бывшего уполномоченного по борьбе с бандитизмом Ялтинской ЧК Петерсона, «который, будучи арестован за отношение с бандитами, бежал из-под ареста в горы, скрываясь от заслуженной кары, и организовал вокруг себя банду. Банда Петерсона начала терроризировать население Ялтинского района, вызывая со стороны его враждебное отношение»¹⁰⁰⁶.

Руководство Крымской ЧК пыталось бороться с подобными явлениями, и потому коллегии Керченской, Джанкойской, Севастопольской ЧК были привлечены к уголовной ответственности, ряд сотрудников Симферопольской, Бахчисарайской, Феодосийской ЧК расстрелян¹⁰⁰⁷.

¹⁰⁰⁵ ГАРК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 69. Л. 35.

¹⁰⁰⁶ Ишин А.В. Проблемы государственного строительства в Крыму в 1917–1922 гг. Симферополь, 2012. С. 314.

¹⁰⁰⁷ Красный Крым. 1921. 1 марта; Красный Крым. 1921. 26 октября.

Следует отметить ряд негативных моментов в принципах и содержании работы органов ЧК. Так, донос длительное время оставался достаточным основанием для ареста¹⁰⁰⁸. На протяжении второй половины 1921 г. (т.е. уже после образования Крымской областной чрезвычайной комиссии) продолжал сохраняться институт заложничества¹⁰⁰⁹. Для судопроизводства было характерно применение классового подхода к обвиняемым, преследование за работу в гражданских и военных ведомствах Белых правительств. Имело место наказание даже родственников людей, боровшихся ранее с большевиками. Так, Л.Г. Ларионова коллегия СГЧК решила «как политически неблагонадежного и брата контрразведчика заключить в концлагерь на 5 лет»¹⁰¹⁰. В распоряжении исследователей имеются сведения о том, что крымские чекисты использовали амнистии для выманивания и расправы над «зелеными». С.П. Мельгунов приводит следующие данные: «В сентябре, поверив «амнистии», с гор спускаются две партии зеленых во главе с татаринцом Маламбутовым... Чекисты, захватив Маламбутова, выпустили за его подписью воззвание к еще оставшимся в горах зеленым, в котором указывают на своё миролюбие... Маламбутова с его товарищами гнусно расстреляли, обвинив в шпионаже»¹⁰¹¹. Похожие факты приводятся и И.С. Шмелевым: «...объявили амнистию... в Симферополе расстреляли спустившихся с гор «зеленых»¹⁰¹².

Особый интерес вызывают статистические данные о количестве расстрелянных Крымской ЧК за 1921 г. Согласно им, за этот год был расстрелян 461 человек, из них за контрреволюцию – 128, за принадлежность к антисоветским партиям (отметим, что практически каждая «антисоветская» партия в той или иной форме манифестировала национальные идеи) – 18, за шпионаж – 4, за

¹⁰⁰⁸ ГАРК. Ф. Р-1188. Оп. 3. Д. 65. Л. 498.

¹⁰⁰⁹ ГАРК. Ф. Р-1188. Оп. 3. Д. 218. Л. 42; ГАРК. Ф. Р-3285. Оп. 2. Д. 6. Л. 17об.

¹⁰¹⁰ ГАРК. Ф. Р-1881. Оп. 1. Д. 1. Л. 18.

¹⁰¹¹ Мельгунов С.П. Красный террор в России: 1918–1923. М., 1990. С. 70.

¹⁰¹² Шмелев И. Солнце мертвых. Эпопея // Пути небесные. Избранные произведения. М., 1991. С. 81.

преступления по должности – 44, за спекуляцию – 2, за бандитизм (как уголовный, так и «политический бандитизм») – 227, за другие уголовные преступления – 18 чел.¹⁰¹³

Можно с долей скепсиса относиться к данным, приводимым Крымской ЧК, но следует признать, что размах её карательных акций был значительно меньше, чем у неконтролируемых в Крыму особых отделов.

30 января 1922 г. президиум Крымского областного комитета РКП(б) принял постановление о создании Чрезвычайной тройки по борьбе с бандитизмом: «Кр. ЦИК предложить утвердить... Чрезвычайную тройку в составе: товарищей Вели Ибрагимова, Бузова и одного представителя от ЧК»¹⁰¹⁴. В начале февраля 1922 г. тройка была образована¹⁰¹⁵. Её возглавил В. Ибраимов¹⁰¹⁶. По инициативе Чрезвычайной тройки на местах были созданы «комиссии», которые население именovalo «самосудными комиссиями», так как они зачастую вместо борьбы с бандитизмом расправлялись с голодающей беднотой¹⁰¹⁷.

Приведем несколько архивных документов – свидетельских показаний, данных по делу бывшего председателя комиссии по борьбе с бандитизмом дер. Кучук-Узень (ныне с. Малореченское, находится в 25 км от Алушты) Тахтара Муслюмова, ярко характеризующих деятельность «самосудных комиссий». Так, крестьянин названной деревни Музофар Амет показал следующее:

¹⁰¹³ Ишин А.В. В Крыму после Врангеля (по архивным материалам Крымской ЧК за 1921 год) // Революция и Гражданская война 1917–1920 годов: новое осмысление: Материалы. Симферополь, 1995. С. 48.

¹⁰¹⁴ ГАРК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 59. Л. 106об.

¹⁰¹⁵ Надинский П.Н. Борьба крымской парторганизации за восстановление народного хозяйства (1921–1925 гг.) // Борьба большевиков за упрочение Советской власти, восстановление и развитие народного хозяйства Крыма: Сб. статей. Симферополь, 1958. С. 138.

¹⁰¹⁶ Дементьев Н.Е., Зарубин А.Г. История Крыма. Симферополь, 1993. С. 9.

¹⁰¹⁷ Надинский П.Н. Борьба крымской парторганизации за восстановление народного хозяйства (1921–1925 гг.) // Борьба большевиков за упрочение Советской власти, восстановление и развитие народного хозяйства Крыма: Сборник статей / отв. ред. И.С. Чирва. Симферополь, 1958. С. 138.

«Тахтар Муслюмов... вызвал меня в комиссию и объявил, что я как будто бы украл где-то 20 штук барашков и приказывал мне отдать этих барашков. Я ответил, что... у меня было 20 барашков, и я их имею сейчас. Спустя несколько дней я был в Алуште. З[е]вай Мустафа пришел к чабану... с винтовкой и приказал выделить из стада моих 20 барашков. Чабан отделил и пригнал в деревню Кучук-Узень... Когда они моих барашков забрали, я никому не жаловался и вообще я боялся, так как все равно меня бы убили, потому я язык держал за зубами»¹⁰¹⁸. Согласно показаниям крестьянки деревни Кучук-Узень Сарбе-Таку Каршут, Тахтар Муслюмов, «имея в руках винтовку, сильным ударом приклада ударил меня по спине, я упала ему под ноги, а он еще ударил меня несколько раз. Потом меня бросили в подвал и держали больше суток. Когда я сидела арестованная в комиссии, они пришли в мой дом и забрали все мои вещи, после меня выпустили. Я пришла домой и на второй день родила мертвого ребенка от побоев Тахтара Муслюмова»¹⁰¹⁹.

Деревня Кучук-Узень была далеко не единственной, где имели место самовольные расправы и даже убийства со стороны «самосудных комиссий»¹⁰²⁰.

В середине апреля 1921 г. стал наблюдаться усиленный рост групп «бело-зеленых». В это время они сгруппировались преимущественно в районе Алушты и Красноармейска (ныне г. Ялта). В докладе Крымской областной ЧК (КОЧК) отмечалось, что «политический бандитизм» «постепенно со сходом снега и с появлением зелени увеличивался... Таким образом, из мелких групп бандитов образовались более значительные банды, у каковых хотя в то время не было связи между собой, но почти каждая в отдельности банда имела в городах и селах свои подпольные организации, являвшиеся для бандитов главным источником пополнения живой силы, оружия, продовольствия, подачи сведений военного характера»¹⁰²¹. По воспоминаниям одного из руководителей Крыма В. Ибраимова, в крымских горах

¹⁰¹⁸ ГАРК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 382. Л. 22.

¹⁰¹⁹ ГАРК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 382. Л. 23.

¹⁰²⁰ ГАРК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 382. Л. 35, 47.

¹⁰²¹ ГАРК. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 69. Л. 96.

в то время действовали десятки групп¹⁰²². Численность каждой из них в среднем колебалась от 20 до 70 чел. Постепенно они распространились по всей территории полуострова.

К наиболее активным формированиям следует отнести следующие. В Красноармейском (Ялтинском) районе действовали отряды бывшего пристава Алушты Кочубарова в количестве 120 чел., полковника Станишевского (прозвище Безрукий), который в оперативных материалах ВЧК именуется «атаманом Улу-Узеньской группы «бело-зеленых», численностью 60 чел., полковника Мамуладзе в числе 50 бойцов, мелкого торговца, жителя г. Ялты, социалиста Апаса численностью 50 человек, Поликарпова (он же Грозный) – 32 чел., ротмистра Абадзе – 30 воинов, чернорабочего Мустафы-Курбы численностью 30 чел., полковника Жоржа в количестве 7 чел. В Бахчисарайском районе действовало формирование полковника Мотицирова, в которое входило около 300 бойцов. В Карасубазарском (Белогорском) районе проявляли активность отряды ротмистра Глазаря (25 чел.) и поручика Алешина (он же Фролов) – также 25 чел. В Симферопольском районе действовали группы капитана Спаи – 32 бойца и атамана Захарченко – 25 конников. В Севастопольском районе дислоцировался отряд под командованием капитана Васильева в количестве 17 белогвардейцев¹⁰²³.

Следует отметить, что численный состав отмеченных формирований был далеко не постоянным. Он мог как существенно увеличиваться, так и уменьшаться. На вооружении «зеленых» находились пулеметы, винтовки, револьверы, бомбы.

В мае – июне 1921 г. повстанческими отрядами «бело-зеленых», сгруппировавшихся в горнолесной части полуострова и включавших в свой состав представителей основных народов Крыма (русских, украинцев, крымских татар) в значительной мере удалось существенно затруднить работу местных ревкомов.

¹⁰²² Красный Крым. 1926. 19 декабря.

¹⁰²³ ГАРК. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 69. Л. 57, 60, 66, 67, 96 об.

По данным Крымской областной чрезвычайной комиссии (КОЧК), некоторые группы «именуют себя полками и отрядами, в которых имеется распределение единиц на роты и сотни»¹⁰²⁴.

Показательным примером в этом отношении является формирование ротмистра Абадзе. Все бойцы его отряда были разбиты на шесть сотен, причем большей из них была конная сотня под командованием П.П. Платонова. Были также сформированы штаб под руководством есаула «Сергея Дмитриевича» и «политическая группа», в состав которой вошли два представителя от мусульманства и один от белогвардейского офицерства. Причем в сводке подчеркивалось, что «эта группа выпускает воззвания исключительно национального характера к татарскому населению». Согласно донесению вырвавшегося из плена «зеленых» красноармейца, командующего взводом, группа Абадзе «занимается грабежом, берёт на мельнице советскую муку, излишек которой раздает крестьянам, чем привлекает на свою сторону население... разведка развита до невероятности: знают численность гарнизона, когда пришел или куда ушел какой-либо отряд»¹⁰²⁵.

Учитывая то обстоятельство, что в первые годы формирования большевистской власти де-факто была подорвана сама основа жизни этнических сообществ полуострова вследствие репрессивного характера социальной политики Советской власти, «бело-зеленые» пытались активно апеллировать к этнорелигиозному фактору. Приведём отрывок ещё одного показательного документа: «10 июня вблизи гор. Алушты на мусульманский праздник сошлись из ближайших деревень татары для общего празднования. Туда же прибыла банда в составе около 150 человек конных при двух пулеметах. Банда имела намерение воздействовать на мусульман и совместно с ними занять гор. Алушту. Для этой цели бандиты отпустили на праздник одного быка и 25 пудов хлеба, разбрасывали воззвание национально-религиозного характера, призывая татар соединиться для защиты веры и *активно выступить* [выделено

¹⁰²⁴ ГАРК. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 69. Л. 73.

¹⁰²⁵ Там же. Л. 66, 74.

нами. – А.И.] против... власти», – сообщалось 21 июня 1921 г. в оперативной сводке КОЧК¹⁰²⁶.

В указанный период, по данным органов ВЧК, почти всё мусульманское население Крыма симпатизировало повстанцам¹⁰²⁷.

Полиэтничность Крыма пытались использовать в своих интересах лидеры ряда повстанческих антибольшевистских формирований, национальный контингент которых был также весьма пёстрым. Имеются данные, что в ряде случаев они курировались эмиссарами британской и германской разведок, т.е. тех сил, которые объективно не были заинтересованы ни в стабильном развитии Крымской АССР как субъекта РСФСР, ни в образовании на руинах Российской империи нового мощного государства СССР со своим социальным проектом. Поэтому для идеологии ряда антибольшевистских организаций рассматриваемого периода были характерны установки на «крымско-татарский», «русский» и другие виды этнонационализма, свойственные периоду широкомасштабной гражданской войны.

Борьба с повстанческими отрядами продолжалась в Крыму до 1923 г., но особую остроту она приобрела весной, в начале лета и осенью 1921 г.

Для идеологии «бело-зеленых» в целом весьма характерны лозунги, манифестируемые одной из ведущих подпольных антибольшевистских структур Крыма, возглавляемых Михаилом Дионисьевым (он же белогвардейский полковник Боженко). Дионисьев провозгласил себя Временным Правителем России и издал свою программу под названием «Наказ № 1» в форме листовки.

В программе провозглашался тезис о необходимости отмены смертной казни для всех политических противников, кроме Ленина, Троцкого, высокопоставленных «лжесоветских комиссаров», а также лиц, подписывавших смертные приговоры. Рядовых коммунистов, которые по национальности являлись

¹⁰²⁶ ГАРК. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 69. Л. 67.

¹⁰²⁷ Там же. Л. 74.

русскими, предполагалось не подвергать ни суду, ни каким-либо иным преследованиям. Коммунистов же еврейской национальности, согласно решению Дионисьева, планировалось судить и высылать за пределы России. В листовке провозглашалась свобода выборов и в будущем – созыв Учредительного собрания. Земельный вопрос должны были рассматривать делегаты от хлебопашцев совместно с Временным Народным Правительством и при обязательном участии 50% крестьян-бедняков. Рабочие промышленных предприятий провозглашались «акционерами труда», имевшими право принимать участие в установлении размера заработной платы, при этом владельцы предприятий (кроме евреев) сохраняли за собой право собственности на них¹⁰²⁸.

Таким образом, в «Наказе» можно найти элементы программ меньшевиков, эсеров, анархистов, кадетов, а также некоторых крайне правых дореволюционных партий. По нашему мнению, этот документ представлял определённую опасность для пока ещё непрочной в Крыму власти большевиков, так как привлекал симпатии самых широких, по-разному настроенных слоев населения.

Вместе с тем, органы власти умело использовали слабые стороны повстанческого движения, а именно, отсутствие у него единого руководящего центра, единой, и, главное, разделяемой большинством крымского населения, идеологии. Нередко в действиях «бело-зеленых» преобладали эмоции, а не стратегические выверенные шаги, а для некоторых отрядов характерными были действия откровенно уголовного характера.

Отмена продовольственной разверстки 31 мая 1921 г. и замена её почти вдвое меньшим продовольственным налогом¹⁰²⁹, постепенный переход от военного коммунизма к новой экономической политике, начало наделения землей нуждающихся

¹⁰²⁸ Ишин А.В. Части особого назначения Крымской АССР (1921–1924 гг.) // Общество: философия, история, культура. 2021. № 10 (90). С. 32.

¹⁰²⁹ Сёмин А.С., Горчаков А.А. Революционный комитет Крыма... С. 142; Очерки по истории Крыма. Часть III... С. 20.

крестьян (июль 1921 г.)¹⁰³⁰ способствовали политической переориентации крестьянства на сотрудничество с Советской властью.

В таких условиях полномочная комиссия по делам Крыма при ВЦИК и СНК в июле 1921 г. инициировала успешные для власти переговоры о сдаче вооруженных формирований на началах широкой амнистии, в результате которых значительная часть повстанцев сложила оружие¹⁰³¹.

Тем не менее, затишье продолжалось не более месяца. В соответствии с оперативными материалами Крымской чрезвычайной комиссии и Частей особого назначения Крыма осенью 1921 г. новая волна вооруженного антибольшевистского движения охватила практически весь Крым, с наибольшей остротой проявившись в сентябре 1921 г. в Бахчисарайском и Ялтинском, а позднее – в Феодосийском округах.

«...Сегодня появился какой-то отряд из 40 человек в деревне Ангара (ныне с. Перевальное в Симферопольском районе – А.И.) и производит ограбление мирного населения... Такой поступок отряда дает повод думать, что это могут быть зеленые...», – сообщалось 8 сентября 1921 г. в милицейском рапорте¹⁰³². «...Отряд генерала Бабочкина перебросился из Тамани на перевал (очевидно, отряд Бабочкина временно покидал территорию Крыма. – А.И.). Им ограблено 97 пудов картофеля, принадлежащего сельскохозяйственному Алуштинскому Товариществу. При ограблении бандиты выдают расписку, сколько и чего ими взято. Налеты на перевале продолжаются...», – отмечалось 10 января 1922 г. в суточной сводке Крымской ЧК¹⁰³³.

По нашему мнению, основным стимулом нового всплеска «политического бандитизма» выступил голод, остро ощущавшийся уже в сентябре–октябре 1921 г. и повлекший

¹⁰³⁰ Крымская АССР (1921–1945). Вопросы – ответы / сост. Ю.И. Горбунов. Симферополь, 1990. Вып. 3. С. 59.

¹⁰³¹ Ишин А.В. Неизвестные страницы Гражданской войны в Крыму: год 1921-й // Крымский Архив. 2002. № 8. С. 16–17.

¹⁰³² ГАРК. Ф. Р-1188. Оп. 3. Д. 93. Л. 330.

¹⁰³³ ГАРК. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 135. Л. 8.

недовольство крестьянства ещё недавно сравнительно лёгким продналогом.

Несмотря на арест ранее сдавшихся лидеров повстанческих групп, «политический бандитизм» (согласно определению документов советских органов) давал о себе знать и в конце 1921 г., и в 1922 г.

В пользу политической составляющей деятельности вооруженных отрядов неоспоримо свидетельствует их идеологическая работа, зафиксированная оперативными материалами органов Всероссийской чрезвычайной комиссии и Частей особого назначения. Так, например, руководитель одного из активнейших и наиболее опасных для властей отрядов Сергей Захарченко (убит в конце 1921 г.) именовал себя анархистом и награбленное часто раздавал крестьянам. У части населения пользовался серьезной поддержкой. Отряд Захарченко имел даже своё знамя, на котором было написано: «Дорогу детям пролетариата»¹⁰³⁴.

Руководитель другой повстанческой группы – белый офицер Иван Дуб называл себя «страдальцем за истерзанную Русь», вел среди населения политическую агитацию, обещая за поддержку всё необходимое¹⁰³⁵. Согласно сводке ЧК по Севастопольскому району около деревни Чергонь действовала вооруженная группа, которую возглавлял «татарский офицер, *националист* [выделено нами – А.И.], помещик»¹⁰³⁶.

Важную роль в поддержке повстанческого движения сыграли многочисленные подпольные организации антибольшевистской направленности.

Крайне важное и показательное место в истории антибольшевистского подполья в Крыму занимает, в частности, организация Михаила Дионисьева (он же – белогвардейский полковник Боженко), установленная органами ВЧК в 1921 г. в г. Симферополе и Бююк-Онларском районе (ныне пос. Октябрьское Красногвардейского района). Организацию удалось

¹⁰³⁴ Орлов Г.С. Тревожные будни... С. 24.

¹⁰³⁵ ГАРК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 69. Л. 115, 118.

¹⁰³⁶ Там же.

ликвидировать только в 1922 г. Согласно сообщениям газеты «Красный Крым» от 27 июня и от 22 августа 1922 г., было арестовано 83 участника подпольной группы. В их числе оказались зажиточные крестьяне, бывшие врангелевские офицеры и представители духовенства¹⁰³⁷. Лидер организации – Дионисьев провозгласил себя Временным Правителем России и издал свою программу под названием «Наказ № 1» в форме листовки, содержащей ряд высказываний антисемитского содержания, а также элементы программ меньшевиков, эсеров, анархистов, кадетов, а также некоторых крайне правых дореволюционных партий¹⁰³⁸. По нашему мнению, этот документ представлял определённую опасность для пока ещё непрочной власти большевиков, так как привлекал симпатии самых широких, по-разному настроенных слоев населения. Большого внимания заслуживает то обстоятельство, что Михаил Дионисьев адресует свою программу населению всей Советской России, а не только Крыма.

Общая картина антибольшевистского движения была бы неполной, если бы мы не затронули вопрос о таком явлении, как «контрреволюционная агитация». С нашей точки зрения, основанной на изучении архивных, в первую очередь – оперативных, материалов можно выделить несколько направлений такой агитации. По характеру агитация могла выражаться в устной и письменной (путем распространения листовок, воззваний и т.п.) формах. По содержанию это могла быть агитация, направленная: 1) на призывы к вооруженному свержению власти большевиков, 2) на срыв каких-либо отдельных мероприятий Советской власти (например, продразверстки), 3) на организацию вооруженных групп, 4) на привлечение симпатий к определенным, оппозиционным большевикам, политическим силам (так, очень распространена была эсеровская агитация¹⁰³⁹), 5) на проявление стихийного возмущения по какому-либо отдельному поводу (например, упоминавшиеся выше призывы к

¹⁰³⁷ Надинский П.Н. Указ. соч. С. 138.

¹⁰³⁸ Ишин А.В. Неизвестные страницы Гражданской войны... С. 20–22.

¹⁰³⁹ ГАРК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 69. Л. 104, 107.

разгрому заготовительной конторы с целью «достать хлеба», призывы к забастовкам, которые в ряде случаев достигали успеха¹⁰⁴⁰), б) «устрашающая» агитация («скоро власть должна перемениться», «скоро с большевиками расправятся»¹⁰⁴¹), 7) наконец, просто открытое выражение возмущения действиями властей.

Важно отметить, что практически все перечисленные направления, за исключением последних двух, предполагали в той или иной степени организовать агитируемых в определенные, разной степени сплоченности, группы (что зачастую удавалось). Следует также подчеркнуть, что нередко в процессе агитации использовалось сразу несколько из обозначенных направлений. Так, бывший служащий белой контрразведки Абляз Абдрефи агитировал советских милиционеров организовать под его руководством отряд для борьбы с красными и при этом говорил о скором приходе английских войск¹⁰⁴².

Личный состав агитаторов также был многообразен. Агитация велась, во-первых, членами подпольных антибольшевистских организаций, во-вторых, участниками отрядов «бело-зеленых», и в-третьих, отдельными, не связанными с подпольем, гражданами. По субъектному составу агитируемых можно выделить агитацию, ведущуюся среди мирного населения, среди самих представителей советской власти (к примеру, А.М. Меркулов агитировал милиционеров конного отряда против выступления в горы для борьбы с «бело-зелеными»¹⁰⁴³), а иногда и среди «зеленых», с целью активизации их деятельности. Так, мусульманский проповедник убедил членов отряда ротмистра Абадзе «объявить «священную войну» большевикам и для этой цели... занять какой-нибудь пункт и объявить мобилизацию татар»¹⁰⁴⁴.

В целом можно подытожить, что «контрреволюционная агитация» в конце 1920 – 1922 гг. являлась по преимуществу

¹⁰⁴⁰ ГАРК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 135. Л. 8.

¹⁰⁴¹ Красный Крым. 1921. 1 декабря.

¹⁰⁴² Красный Крым. 1925. 4 февраля, 5 апреля.

¹⁰⁴³ ГАРК. Ф. Р-1881. Оп. 1. Д. 1. Л. 9.

¹⁰⁴⁴ ГАРК. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 69. Л. 66.

вспомогательным средством, катализирующим вооруженное антибольшевистское движение, являвшееся в тот период основным вектором протестных выступлений.

Власти полуострова стремились использовать в борьбе с антибольшевистскими повстанческими отрядами, наряду с вышеуказанными государственными органами, также силы рабочих и сельского местного населения.

Рабочие «летучие отряды» в 1921 г. были сформированы в Феодосии, Судаке, Симферополе. Они были направлены для борьбы с «бело-зелеными» в район Алушты и Ялты¹⁰⁴⁵.

При волостных и сельских ревкомах создавались отряды сельской самообороны¹⁰⁴⁶. Так, общее собрание жителей с. Демерджи (ныне с. Лучистое) Алуштинской волости Красноармейского (Ялтинского) уезда 11 апреля 1921 г. постановило: «Организовать из крестьян села Демерджи отряд в числе 50 человек по борьбе с бандитизмом. Обязать их быть ответственными в случае появления в окрестностях села бандитов. При появлении же таковых немедленно сообщить об этом в местный сельревком для срочного принятия необходимых мер»¹⁰⁴⁷. Как явствует из сообщения председателя сельского ревкома, крестьянами была устроена облава, в результате которой некоторые из «бандитов» были убиты, а пойманные сданы властям¹⁰⁴⁸.

Как отметил в октябре 1925 г. прокурор Крыма Р. Ногаев, «каждая деревня начала сама расправляться с пойманными преступниками. Дело дошло до того, что во всех сельсоветах и крупных деревнях организовывались тройки для расправы с преступниками. Тогда мы молча согласились с действиями этих чрезвычайных троек во всех сельсоветах, т.е. первичных ячейках Советской власти на селе. Этим молчаливым соглашением

¹⁰⁴⁵ Иванова З.Н. Севастополь в восстановительный период (1921–1925 гг.). Дис. ... канд. ист. наук. Симферополь, 1954. С. 33.

¹⁰⁴⁶ Петров В.Л. Борьба за зміцнення Радянської влади в Криму в 1920–1921 рр. // Український історичний журнал. 1970. № 11. С. 130.

¹⁰⁴⁷ Ревкомы Крыма: Сборник документов и материалов / отв. ред. Л.Д. Солодовник. Симферополь, 1968. С. 49–50.

¹⁰⁴⁸ Там же.

санкционировались действия этих чрезвычайных судов при сельсоветах, или, как тогда они назывались – «сельский военный трибунал», – действовавших наподобие нашей Центральной Чрезвычайной тройки по борьбе с бандитизмом... Если теперь мы захотим подойти к этим явлениям с другой меркой, то найдем многие беззакония со стороны этих троек при сельсоветах, и со стороны Центральной Чрезвычайной тройки, действия которых всеми органами Советской власти тогда поощрялись...»¹⁰⁴⁹

При Чрезвычайной тройке по борьбе с бандитизмом действовали специальные вооруженные отряды, которым с февраля по июнь 1922 г. удалось разгромить 14 крупных вооруженных групп и захватить 280 их участников, не считая убитых¹⁰⁵⁰. Для борьбы с «политическим бандитизмом» В. Ибраимов также широко использовал переговорный путь и обещания амнистии, что приносило ощутимые результаты¹⁰⁵¹.

Неизбежное, в условиях новой экономической политики, сокращение социальной базы крымской контрреволюции, несомненно, сказалось на значительном уменьшении, по сравнению с предыдущим периодом, собственно вооруженной борьбы. В 1923 г. выступления «бело-зеленых» имели, скорее, эпизодический характер, даже несмотря на факты целенаправленной заброски со стороны Турции специальных агентов из числа бывших белогвардейцев¹⁰⁵², что в решающей мере обусловлено постепенным преодолением последствий голода, и в целом, «издержек» политики военного коммунизма, свойственных периоду гражданской войны¹⁰⁵³.

¹⁰⁴⁹ Горюнова Е.А. О политических настроениях крымского крестьянства в 1920-е годы // Культура народов Причерноморья. 1998. № 3. С. 327.

¹⁰⁵⁰ Надинский П.Н. Борьба крымской парторганизации за восстановление народного хозяйства (1921–1925 гг.) // Борьба большевиков за упрочение Советской власти, восстановление и развитие народного хозяйства Крыма: Сборник статей / отв. ред. И.С. Чирва. Симферополь, 1958. С. 138.

¹⁰⁵¹ Дементьев Н.Е., Зарубин А.Г. История Крыма. Симферополь, 1993. С. 9.

¹⁰⁵² ГАРК. Ф. Р-3285. Оп. 2. Д. 91. Л. 69.

¹⁰⁵³ Ишин А.В. Социально-исторический феномен...

Сделаем выводы. Развитие вооруженного антибольшевистского движения в Крыму (конец 1920 – 1925 гг.) представляло собой особый период в развитии антибольшевистских выступлений на юге России, спровоцированных навязыванием военно-коммунистической модели.

Антибольшевистские выступления на территории Крымского полуострова отчетливо подразделяются на два больших этапа: первый – конец 1920 – 1922 гг. и второй – 1923–1925 гг. На первом этапе антибольшевистские выступления приняли характер широкого повстанческого движения, второй этап в большей степени характеризуется эпизодическими проявлениями протестных настроений.

В развитии вооруженного антибольшевистского движения, в свою очередь, также можно выделить два временных отрезка. Первый длился приблизительно с начала декабря 1920 г. до конца июля 1921 г., т. е. с начала активной деятельности вооруженных групп до подписания рядом их руководителей мирных соглашений с большевиками, после которого наступило временное «затишье». Второй датируется приблизительно с конца августа – начала сентября 1921 г. по конец 1922 г., т. е. начало его совпадает с новым всплеском движения «бело-зелёных», а конец – с разгромом организованного антибольшевистского движения, хотя отдельные немногочисленные разрозненные отряды «бело-зелёных» проявляли свою активность и в 1923 г.

В мае – июне и осенью 1921 г. для власти большевиков в Крыму существовала реальная серьёзная угроза, и всё же, с нашей точки зрения, на данном временном отрезке вооруженное антибольшевистское движение развивалось более стихийно и было менее опасно для власти, чем ранее.

На протяжении рассматриваемого периода наряду с деятельностью повстанческих отрядов и подпольных организаций имели место стихийные выступления, которые могли носить и вооруженный, и невооруженный характер.

В деятельности вооруженных групп была ярко выражена этнонациональная компонента, что, в частности, выразилось в характерных формах агитационно-вербовочной работы

повстанцев среди местного населения и в лозунгах повстанческих отрядов.

Наряду с системным переходом к новой экономической политике, в стабилизации ситуации важную роль сыграло образование в октябре – ноябре 1921 г. Крымской АССР и постоянных органов власти, пришедших на смену ревкомам. У органов власти появились новые способы решения этнокультурных проблем, что также сыграло общую положительную роль¹⁰⁵⁴.

Отметим, что общее поражение вооруженного антибольшевистского повстанческого движения в Крыму в значительной мере было обусловлено отсутствием у него единого руководящего центра и вследствие этого – разрозненностью действий, отсутствием единой политической и идеологической платформ. Антибольшевистские организации руководствовались, в первую очередь, принципом неприятия власти большевиков, своей альтернативы государственности они предложить не смогли.

Вместе с тем стабилизация внутривнутриполитической ситуации в регионе была достигнута, по нашему мнению, не только благодаря мерам военного, но и политико-экономического характера, в частности, отменой продразверстки и переходом к НЭПу, постепенным решением проблем голодающего населения полуострова, а также в целом поступательному развитию институтов Крымской АССР.

4.3. ПОВСТАНЧЕСКИЕ ВЫСТУПЛЕНИЯ В АВТОНОМИЯХ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА: ЭТНОПОЛИТИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ

Исследование этнополитического контекста повстанческих выступлений в автономиях Северного Кавказа 1920-х гг. обладает неизменной актуальностью. Кроме очевидной взаимосвязи истории и современности, следует отметить малоизученность долгосрочных факторов данного явления: структур землепользования, социальной стратификации горских

¹⁰⁵⁴ Ишин А.В. Общественно-политическая ситуация... С. 163–167.

сообществ, религиозных и этнических традиций, исторической памяти. В целом же история повстанческих выступлений на Северном Кавказе, достаточно подробно изученная на событийном уровне, нуждается в осмыслении под углом зрения установок массового сознания. Выяснение методов и лозунгов повстанческих выступлений 1920-х гг. актуально также для повышения эффективности современной политики подавления терроризма, религиозного и этнического экстремизма на Северном Кавказе¹⁰⁵⁵.

Первые работы о повстанческих выступлениях на Северном Кавказе были созданы партийными и военными функционерами 1920-х гг. (А.И. Тодорским¹⁰⁵⁶, А.А. Тахо-Годи¹⁰⁵⁷, А.Г. Авторхановым¹⁰⁵⁸ и др.¹⁰⁵⁹), они отличались детальностью и многогранностью описания причин и разновидностей «политического бандитизма». Их авторы – участники сложных, драматических событий не отрицали ошибок советской власти на местах.

С 1934 по 1956 гг. изучение повстанческих выступлений в регионе полностью прекратилось как вследствие ужесточения политического режима, так и под влиянием депортаций ряда народов Северного Кавказа.

Исследования темы возобновились после смерти И.В. Сталина и реабилитации депортированных народов. Как правило, повстанческие выступления рассматривались в рамках дискурса «борьбы за установление и упрочение советской власти», «классовой борьбы». При этом игнорировалась преемственность

¹⁰⁵⁵ Алиев А.К., Арухов З.С., Ханбабаев К.М. Религиозно-политический экстремизм и этноконфессиональная толерантность на Северном Кавказе. М., 2007. С. 448–533; Суций С.Я. Северный Кавказ. Реалии, проблемы, перспективы первой трети XXI в. М., 2013. С. 283–405.

¹⁰⁵⁶ Тодорский А.И. Красная Армия в горах. М., 1925.

¹⁰⁵⁷ Тахо-Годи А.А. Революция и контрреволюция в Дагестане. Махачкала, 1927.

¹⁰⁵⁸ Авторханов А.Г. Революция и контрреволюция в Чечне. Из истории гражданской войны в Терской области. Краткие очерки. Грозный, 1933.

¹⁰⁵⁹ Бандитизм на Тереке // Коммунистический путь. 1924. № 2–4. С. 10–13.

между выступлениями 1920–1924 и 1928–1929 гг., замалчивались сложные обстоятельства укрепления местных органов власти в автономиях Северного Кавказа. Таковы были работы М.И. Кичева¹⁰⁶⁰, М.В. Вагабова¹⁰⁶¹, Б.О. Кашкаева¹⁰⁶².

В период «застоя» постепенно расширялись возможности публикации источников, а также были созданы первые работы, освещавшие подавление «политического бандитизма» во всем ареале автономий Северного Кавказа. Можно выделить сборник документов с комментариями Амирхановой-Кулиш¹⁰⁶³, диссертации Е.Ф. Жупиковой¹⁰⁶⁴, М.М. Пархоменко¹⁰⁶⁵, С.С. Магамадова¹⁰⁶⁶ и А.К.-М. Исрапилова¹⁰⁶⁷. Упомянем также монографию А.Г. Попова¹⁰⁶⁸. Ценность этих работ повышается

¹⁰⁶⁰ Кичев М.И. Разгром антисоветского мятежа Гоцинского в Дагестане. Дис. ... канд. ист. наук. Махачкала, 1955; он же. Из истории борьбы за упрочение Советской власти в Дагестане (1920–1921 гг.). Махачкала, 1963.

¹⁰⁶¹ Вагабов М.В. Борьба трудящихся Дагестана против контрреволюционных мятежей в 1920–1921 гг. Махачкала, 1958.

¹⁰⁶² Кашкаев Б.О. Красная Армия в Дагестане. Махачкала, 1960.

¹⁰⁶³ Роль Красной Армии в хозяйственном и культурном строительстве на Северном Кавказе и в Дагестане в 1920–1922 гг. Сб. документов и воспоминаний / сост. А.С. Амирханова-Кулиш. Махачкала, 1968; Амирханова-Кулиш А.С. Красная Армия в социалистическом строительстве на Северном Кавказе в 1920–1923 гг. Махачкала, 1976.

¹⁰⁶⁴ Жупикова Е.Ф. Упрочение Советской власти на территории Чечено-Ингушшетии в период деятельности ревкомов (1920–1925 гг.). Дис. ... канд. ист. наук. М., 1972.

¹⁰⁶⁵ Пархоменко М.М. Классовая борьба в Чечено-Ингушшетии в первые годы новой экономической политики (1921–1925 гг.). Дис. ... канд. ист. наук. Л., 1975.

¹⁰⁶⁶ Магамадов С.С. Борьба с вооружённой контрреволюцией в национальных районах Северного Кавказа на заключительном этапе гражданской войны. 1920–1922 гг. Дис. ... канд. ист. наук. Ростов н/Д, 1981.

¹⁰⁶⁷ Исрапилов А.К.-М. Революционные комитеты в борьбе за установление и упрочение Советской власти в национальных районах Северного Кавказа. Дис. ... канд. ист. наук, Л., 1984.

¹⁰⁶⁸ Попов А.Г. Из истории классовой борьбы в Чечено-Ингушшетии в период социалистических преобразований народного хозяйства (1917–1937 годы). Грозный, 1979.

ввиду цитирования архивных документов, впоследствии уничтоженных во время вооружённых конфликтов в Чечне 1990-х гг.

Историография периода «перестройки» бедна самостоятельными исследованиями темы, можно отметить только издания о реабилитированных политических деятелях 1920-х гг. В них бегло постулировались оценки оппозиционных настроений и повстанчества, уже не совпадавшие с официальной советской точкой зрения на «политический бандитизм»¹⁰⁶⁹. Начали публиковаться и работы эмигранта А.Г. Авторханова, который давал резко негативные и необоснованные оценки советской политики подавления повстанчества¹⁰⁷⁰.

Современный этап развития историографии повстанчества на Северном Кавказе наступил в 1990-х гг. Он отмечен значительным расширением источниковой базы, снятием идеологических и цензурных ограничений, значительным влиянием зарубежных работ на публикации российских авторов¹⁰⁷¹. Отмечалось, особенно в 1990–2000-х гг., политическое дистанцирование между исследователями – сторонниками государственного единства исторической России¹⁰⁷² и некоторыми представителями

¹⁰⁶⁹ Агаев А.Г. Нажмутдин Самурский. Политический портрет. Махачкала, 1990; Чахкиев С. Идрис Зязиков: верой и правдой. Грозный, 1991; Национальные отношения и национальные процессы в СССР: вопросы истории. Сб. науч. тр. / отв. ред. Н.Ф. Бугай. М., 1990.

¹⁰⁷⁰ Авторханов А.Г. Империя Кремля: советский тип колониализма. Вильнюс, 1990.

¹⁰⁷¹ The North Caucasus Barrier: The Russian Advance Towards the Muslim World / A. Avtorkhanov, Bennigsen Broxup, F.E.V. Brain et al. London, 1992; Viola L. Peasant Rebels Under Stalin: Collectivization and the Culture of Peasant Resistance. N.Y.; Oxford, 1996; Lieven A. Chechnya: Tombstone of Russian Power. London, 1998; Seely R. Russo-Chechen Conflict: 1800–2000: A Deadly Embrace. London; Portland, 2006.

¹⁰⁷² Яблочкина И.В. Рецидивы гражданской войны: Антигосударственные вооружённые выступления и повстанческие движения в Советской России. 1921–1925 гг. М., 2000; Марченко Г.В. Антисоветское движение в Чечне в 1920–1930-е годы // Вопросы истории. 2003. № 1. С. 131–138; Жупикова Е.Ф. Повстанческое движение на Северном Кавказе в 1920–1925 годах (документальные публикации и

историографии, некритически оценивавшими причины мятежей, лидеров и лозунги повстанцев¹⁰⁷³. Но постепенно откровенные сепаратистские оценки событий 1920-х гг. были вытеснены на периферию профессиональной исторической науки, став уделом публицистики.

Современные исследователи постепенно переходят от одномерных оценок повстанческих выступлений в духе классового анализа, подчёркивания этнических или религиозных факторов к постижению системы причин и последствий вооружённой борьбы. Среди примеров такого рода можно упомянуть религиозные труды В.Х. Акаева¹⁰⁷⁴, И.Х. Сулаева¹⁰⁷⁵ и Э.Ф. Кисриева¹⁰⁷⁶, в которых раскрываются проявления исламского фактора вооружённых выступлений оппозиции в 1920-х гг. Роль традиций и установок этнической культуры в повстанческих выступлениях глубоко раскрыл

новейшая отечественная историография) // Отечественная история. 2004. № 3. С. 159–169; Кислицын С.А., Магамадов С.С. Политическая власть и повстанческое движение на Северном Кавказе: очерки истории 1920–1930-х гг. Изд. 2-е, испр. Ростов н/Д, 2011; Матвеев В.А. Националистическая Вандея и проявления устойчивости российской интеграции на Северном Кавказе в кризисных условиях, 1917–1921 гг. Изд. 2-е, испр. и доп. Ростов н/Д, 2016.

¹⁰⁷³ Аптекарь П.А. Второе покорение Кавказа // Родина. 1995. № 6. С. 43–48; Доного Х.-М.М. Повстанческое движение в Дагестане и Чечне в 20-х годах XX века // Трагедия великой державы: национальный вопрос и распад Советского Союза. М., 2005. С. 270–281; Заурбеков М.Д. Шейх Али Митаев: патриот, миротворец, политик, гений – эталон справедливости и чести. Грозный, 2008; Вачагаев М.М. Союз горцев Северного Кавказа и Горская Республика. История несостоявшегося государства. 1917–1920. М., 2018.

¹⁰⁷⁴ Акаев В.Х. Ислам: социокультурная реальность на Северном Кавказе. Ростов н/Д, 2004.

¹⁰⁷⁵ Сулаев И.Х. Исламская оппозиция установлению советского режима в Дагестане. 1920-е – 1930-е гг. // Вопросы истории. 2008. № 12. С. 126–131.

¹⁰⁷⁶ Кисриев Э.Ф. Ислам и власть в Дагестане. М., 2004.

Ю.Ю. Карпов¹⁰⁷⁷. Системное исследование повстанческого движения на Северном Кавказе предприняла Е.Ф. Жупикова¹⁰⁷⁸. Она осветила такие дискуссионные аспекты темы как причины повстанчества, роль зарубежных стран-интервентов в разжигании вооружённой борьбы, численность повстанцев, их лозунги и формы деятельности. Тема раскрыта в основном на материалах Чечни, Ингушетии и Дагестана. Но, к сожалению, повстанческим выступлениям в Карачае и Кабардино-Балкарии в данной монографии почти не уделено внимания. Интересны также монография В.Б. Лобанова¹⁰⁷⁹ и статья С.И. Линца, рассмотревших закономерности развития повстанчества в сравнении не только горских, но и русских областей¹⁰⁸⁰.

Значительные усилия по исследованию темы прилагают военные историки. Важна работа А.Ю. Безугольного об участии народов Северного Кавказа в Красной Армии¹⁰⁸¹. Деятельность РККА и ОГПУ по подавлению сепаратистских мятежей на основе рассекреченных документов оценивается усилиями историков

¹⁰⁷⁷ Карпов Ю.Ю. Национальная политика советского государства на северокавказской периферии в 20–30-е гг. XX в.: эволюция проблем и решений. СПб., 2017. С. 35–46.

¹⁰⁷⁸ Жупикова Е.Ф. Повстанческое движение на Северном Кавказе в 1920–1925 гг. М., 2016.

¹⁰⁷⁹ Лобанов В.Б. Терек и Дагестан в огне Гражданской войны. Религиозное, военно-политическое и идеологическое противостояние в 1917–1920-х годах. СПб., 2017.

¹⁰⁸⁰ Линец С.И. Повстанческие антисоветские выступления на Юге России в 1920–1930-е гг.: причины, участники, ход событий // Социальное противостояние и его проявления на Юге России в XX – начале XXI в. (к столетию начала Гражданской войны и образования Донской республики): материалы Всерос. науч. конф. (г. Ростов-на-Дону, 19–22 сент. 2018 г.). Ростов н/Д, 2018. С. 241–248.

¹⁰⁸¹ Безугольный А.Ю. Народы Кавказа и Красная Армия. 1918–1945 годы. М., 2007.

спецслужб Г.В. Марченко¹⁰⁸², В.П. Галицкого¹⁰⁸³, А.М. и А.А. Плехановых¹⁰⁸⁴.

Ряд публикаций посвящён более узким аспектам проблемы: изучению отдельных повстанческих выступлений. Так, Г.М. Гусейнов исследовал восстание в Западном Дагестане 1920–1921 гг.¹⁰⁸⁵ Малоизученная тема Карачаевского мятежа 1920 г. поднята в статье А.Ю. Гайнулина, диссертации С.Б. Узденовой¹⁰⁸⁶. М.П. Туаева и С.А. Хубулова проанализировали формы протестов сельских жителей Северного Кавказа против государственной политики в первой половине 1920-х гг.¹⁰⁸⁷ Специальные операции ОГПУ и СКВО по разоружению народов Северного Кавказа (1925–1926 гг.) освещаются в работах А.С. Ченцова¹⁰⁸⁸ и Т.У. Эльбуздукаевой¹⁰⁸⁹. Наибольшее внимание уделяется

¹⁰⁸² Марченко Г.В. Борьба с повстанческим движением в горных районах Северного Кавказа в 1920–1930-е гг.: военно-исторический аспект // Исторические чтения на Лубянке. 100-летие ВЧК: уроки истории: материалы XXI Всерос. науч. конф. (Москва, 7–8 дек. 2017 года). М., 2018. С. 175–187.

¹⁰⁸³ Галицкий В.П. Организация и проведение операций по разоружению районов Северного Кавказа в 1920–1930 гг. // Тайная стража России. Очерки истории отечественных органов госбезопасности. М., 2019. Кн. 3. С. 201–219.

¹⁰⁸⁴ Плеханов А.М., Плеханов А.А. Дзержинский на фронтах Гражданской. М., 2021.

¹⁰⁸⁵ Гусейнов Г.М. Восстание в Западном Дагестане в 1920–1921 гг. Дис. ... канд. ист. наук. Махачкала, 2007.

¹⁰⁸⁶ Гайнулин А.Ю. Восстание горцев Верхней Кубани осенью 1920 г. // Научные проблемы гуманитарных исследований. 2011. Вып. 6. С. 25–32; Узденова С.Б. Учреждения юстиции и правоохранительные органы Карачая в 1917–1943 гг. Дис. ... канд. ист. наук. Карачаевск, 2014.

¹⁰⁸⁷ Туаева М.П., Хубулова С.А. Социальный протест сельского населения в первой половине 1920-х годов (на материалах Северного Кавказа) // Научная мысль Кавказа. 2007. № 2. С. 68–72.

¹⁰⁸⁸ Ченцов А.С. Специальные операции по разоружению населения республик Северного Кавказа в 1925–1926 гг. // Вестник Военного ун-та. 2009. № 4 (20). С. 145–151.

¹⁰⁸⁹ Эльбуздукаева Т.У. Хроника «первого разоружения Чечни» (20-е гг. XX в.) // Вестник Владикавказ. науч. центра. 2015. Т. 15, № 1. С. 15–20.

вооружённым выступлениям против коллективизации и преследований религии (работы С.Н. Бейтуганова¹⁰⁹⁰, О.О. Айшаева¹⁰⁹¹, М.М. Ибрагимова¹⁰⁹², И.И. Ващенко¹⁰⁹³). Кейс антиколхозного восстания в Карачае (1930 г.) рассмотрен в статье Ш.У. Текеева¹⁰⁹⁴.

Вместе с тем, рост интереса историков к проблеме ещё не привёл к качественному совершенствованию уровня научного познания. Не проведена типологизация причин, масштабов и форм протестных выступлений. Крайне редко реализуется сравнительный анализ различных мятежей. Необходимо привлечение новых видов источников, прежде всего – документации военных и правоохранительных ведомств, перепроверка фактов, сейчас зачастую излагаемых на основе «устной истории».

Прежде всего, исследуем комплекс причин повстанческих выступлений 1920-х гг. на Северном Кавказе. Данные причины следует подразделить на долгосрочные и краткосрочные, объективные и субъективные.

¹⁰⁹⁰ Бейтуганов С.Н. Восстание крестьян в Кабардино-Балкарии в 1928–31 годах. Исторический очерк. URL: <http://fond-adygi.ru/dmdocuments/Бейтуганов%20С.Н.Восстание%20крестьян%20в%20Кабардино-Балкарии%20в%201928-31%20годах.pdf> (дата обращения: 02.11.2022).

¹⁰⁹¹ Айшаев О.О. Крестьянские восстания на Северном Кавказе в период коллективизации сельского хозяйства // Политические репрессии в Кабардино-Балкарии в 1918–1930-х годах. Статьи и документы. Нальчик, 2012. Вып. 5. С. 7–27.

¹⁰⁹² Ибрагимов М.М. Противодействие коллективизации в национальных областях Северного Кавказа на рубеже 1920–1930-х гг. // Теория и практика общественного развития. 2012. № 5. С. 173–175.

¹⁰⁹³ Ващенко И.И. Протестное движение на Северном Кавказе в период коллективизации // Вестник Адыг. гос. ун-та. Сер. 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. 2017. № 3 (204). С. 14–19.

¹⁰⁹⁴ Текеев Ш.И. Крестьянское восстание в Карачае в 1930 году // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2008. № 26 (60). С. 265–271.

Среди долгосрочных причин – стадияльное социально-экономическое отставание горских областей Северного Кавказа от равнинных, с преобладающим славянским населением. Вплоть до Октябрьской революции 1917 г. в горских сообществах, за исключением равнинных частей Осетии и Дагестана, сохранялось крепостное право¹⁰⁹⁵. Неформальные статусы и рамки влияния различных народов были закреплены в патрон-клиентарных отношениях. По переписи населения 1926 г., сельскими жителями были 98,0% в автономиях Северо-Кавказского края и 89,2% – в Дагестане¹⁰⁹⁶. Это подтверждает аграрный, традиционалистский характер сообществ.

Землевладение было архаичным, основанным на сословном неравноправии. Народы Северного Кавказа располагали на порядок меньше земельных угодий, нежели казаки. По расчётам А.И. Козлова, до революции 1917 г. средний земельный пай казака составлял в Терском войске 18,8 дес., а в Кубанском – 12,5 дес.¹⁰⁹⁷ Для сравнения, комиссия по изучению аграрного вопроса горцев Терской области в 1908 г. зафиксировала средний земельный пай горца в размере 7,5 дес., в том числе в Чечне – 5,2 дес., в Ингушетии – 5,8 дес., в Северной Осетии – 6,5 дес., в Кабарде – 16,2 дес. Важно, что пахотная земля составляла в горной полосе Терека лишь 7,1% угодий, покосы – 17,3%, а преобладали выгоны и пастбища – 65,3%¹⁰⁹⁸. Это была норма голодного существования. В итоге жители горных местностей вынуждены были арендовать землю у равнинных аулов либо у казачьих станиц. По расчётам Т. Симоновой, горцы и русские иногородние крестьяне арендовали у терских казаков в начале XX в. 21,4% юртовой земли¹⁰⁹⁹.

¹⁰⁹⁵ Хубулова С.А. «Неудобный класс»: Некоторые проблемы социально-экономического и этнодемографического развития доколхозного северокавказского крестьянства. Владикавказ, 2003.

¹⁰⁹⁶ Всесоюзная перепись населения 1926 года. Окончательные итоги. М.; Л., 1929. Т. 17. С. 2–3.

¹⁰⁹⁷ Козлов А.И. На историческом повороте. Ростов н/Д, 1977. С. 65.

¹⁰⁹⁸ Там же. С. 70.

¹⁰⁹⁹ Симонова Т. Чёрный передел. Переселение казаков с Северного Кавказа в 1918–1921 гг. // Родина. 2002. № 1. С. 63.

Остро проявлялись также конфликты между высокогорными и предгорными, равнинными общинами внутри народов Северного Кавказа¹¹⁰⁰. В высокогорных местностях сохранялся родовой порядок землепользования, а в плоскостных – господствовало общинное землепользование¹¹⁰¹. Сложность системы землевладения усугублялась тем, что жители высокогорных местностей имели право для отгонного скотоводства сезонно спускаться с гор. Так, в Кизлярском округе горцы проходили дважды в год сотни километров со своими отарами.

Набеговая система («абречество») была не только нарушением российских законов, но и важным институтом традиционного общества, позволявшим горцам обогащаться и снимать демографическое напряжение, возникавшее внутри общин¹¹⁰². Совершались регулярные набеги для захвата заложников и скота, проведения кровной мести. Возникавшие конфликты регулировались советами старейшин (маслаат) и обычным правом (адаты).

Население региона имело крайне низкую грамотность. Грамотность взрослых достигла в начале 1920-х гг. в Северной Осетии 14,7%, в Ингушетии – 3%, в Балкарии – 2% и в Чечне – лишь 0,84%. При этом женщины были почти полностью неграмотными¹¹⁰³. Элиты (дворянство, духовенство, чиновничество, офицеры) возвышались по традиционалистским каналам мобильности, а прослойка ориентированной на общероссийские интересы элиты была слабой. На Северном Кавказе сохранялись патриархально-родовые и общинные отношения, регулируемые шариатским правом. Так, аульные

¹¹⁰⁰ Карпов Ю.Ю., Капустина Е.Л. Горцы после гор: миграционные процессы в Дагестане в XX – начале XXI века: их социальные и этнокультурные последствия и перспективы. СПб., 2011.

¹¹⁰¹ Овчинникова М.И. Советское крестьянство Северного Кавказа (1921–1929 гг.). Ростов н/Д, 1972. С. 28–30.

¹¹⁰² Бобровников В.О. Абреки и государство: культура насилия на Кавказе // Вестник Евразии. 2000. № 1. С. 19–46.

¹¹⁰³ Хлынина Т.П., Кринко Е.Ф. История, политика и нациестроительство на Северном Кавказе. Ростов н/Д, 2014. С. 141.

сходы обычно распределяли землю и воду после пятничной молитвы, когда мужчины собирались возле мечети. Имамы и предводители суфийских братств накапливали значительные финансовые средства от взимания налогов и подношений, будучи часто более мощными, чем местные органы власти¹¹⁰⁴. Кроме того, должности председателя и секретаря местного Совета обычно занимали муллы и знатные, зажиточные горцы. Например, жители Карачая говорили чиновникам, приехавшим проверить местные органы власти: «князья правили, правят и будут править»¹¹⁰⁵. В таких условиях повстанчество неизбежно осмысливалось в горских обществах под углом зрения религиозных ценностей и установок поведения, как проявление «культуры насилия».

Северный Кавказ являлся приграничным регионом, в котором геополитические соперники России – Британская империя, Османская империя, Франция, Германия имели свои интересы и ресурсы влияния¹¹⁰⁶.

В условиях свержения самодержавия формируется Временный Центральный комитет объединённых горцев, созывающий горские съезды и съезды мусульман. Создаётся Союз объединённых горцев¹¹⁰⁷. Накануне захвата большевиками власти, 20 октября (2 ноября) 1917 г. образуется «Юго-Восточный союз казачьих войск, горцев Кавказа и вольных народов степей» – объединение территориальных единиц, не признававших переворот и декларировавших вхождение в качестве штатов в состав будущей демократической федеративной России¹¹⁰⁸. В ноябре 1917 г. Центральный Комитет Союза объединённых горцев

¹¹⁰⁴ Записка Восточного отдела ОГПУ «О мерах борьбы с мусдуховенством». Октябрь 1926 г. // Ислам и советское государство (1917–1936). Сб. документов. М., 2010. С. 89–95.

¹¹⁰⁵ ЦДНИРО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 135. Л. 136.

¹¹⁰⁶ Вачагаев М.М. Союз горцев... С. 131–140, 164–174.

¹¹⁰⁷ Музаев Т.М. Союз горцев. Русская революция и народы Северного Кавказа, 1917 – март 1918 г. М., 2007.

¹¹⁰⁸ Союзный договор Юго-Восточного Союза казачьих войск, горцев Кавказа и вольных степей. 20 октября 1917 года // А. Тахо-Годи. Революция и контрреволюция в Дагестане. Махачкала, 1927. С. 164–166.

Северного Кавказа и Дагестана формирует своё правительство и законодательный орган – Союзный совет¹¹⁰⁹.

В условиях эскалации Гражданской войны совершается разрыв между горскими и казачьими антибольшевистскими организациями. Правительство Союза горцев приняло 11 мая 1918 г. резолюцию об отделении от России и образовании независимого государства, причём в его границы произвольно включило целиком Терскую область и Ставропольскую губернию с их славянским населением¹¹¹⁰. В дальнейшем Горская республика поочерёдно ориентировалась то на Османскую империю и Германию, то на страны Антанты, Грузию и Азербайджан. Её недолгая история изобиловала политическими расколами, межэтническими конфликтами, неизменной экономической и военной слабостью. При этом базовые вопросы общественной жизни – земельная реформа, отмена сословных привилегий, равноправие народов, пресечение бандитизма не решались. По сути, Горская республика стала буферной зоной между акторами международных отношений, стремившимися закрепиться на Северном Кавказе. Она фактически была ликвидирована в апреле 1919 г. после захвата Добровольческой армией А.И. Деникина г. Владикавказа и Грозного, равнинной части Дагестана.

Затяжная Гражданская война проявлялась, в том числе, в частой смене политических режимов, в образовании самопровозглашённых государств – Союза горцев Северного Кавказа и Горской республики. Унитаристский проект «Единой и неделимой России», проводимый Добровольческой армией А.И. Деникина, натолкнулся на непримиримое противодействие северокавказских государственных образований. Попытка Белого движения восстановить российский контроль над горскими территориями в русле программы «единой и неделимой России» привела к резкой вспышке этносепаратистских мятежей под

¹¹⁰⁹ Декларация о создании объединенного правительства Юго-Восточного Союза казачьих войск, горцев Кавказа и вольных народов степей. Не позднее 16 ноября 1917 года // Тахо-Годи А.А. Указ. соч. С. 165–169.

¹¹¹⁰ Вачагаев М.М. Союз горцев... С. 114–115.

религиозными исламскими лозунгами. Повстанческое движение возглавили шейх Узун-хаджи Салтинский в Чечне и шейх Али-хаджи Акушинский в Дагестане. Они поставили своей целью установить шариатское правление и обеспечить независимость своих областей, опираясь на поддержку Османской империи. Вместе с тем, многие исследователи указывают на контрастность политических позиций суфийских братств (джамаатов), вызванную как опорой на различные народности, так и религиозными различиями между тарикатами накшбандия и кадирия, личными амбициями предводителей¹¹¹¹. Например, шейх Н. Гоцинский поддерживал А.И. Деникина, а шейх А. Митаев сначала держал нейтралитет, а затем выступал на стороне большевиков (в своих целях). В свою очередь, большевики участвовали в лице Н.Ф. Гикало и его отряда (около 400 чел.) в войсках Узун-хаджи¹¹¹².

Шейх Узун-хаджи объявил себя 19 сентября 1919 г. правителем Северо-Кавказского эмирата, обосновывая свой шаг поддержкой османского султана¹¹¹³. Он создал правительство из представителей разных народов, шариатские суды, вооружённые силы на основе мобилизации, издавал заявления и правовые акты. Самопровозглашённый эмират выпускал деньги. Территория эмирата охватывала горные местности Чечни и Ингушетии, будучи разделённой на 7 губерний и градоначальства. Аналогичное государственное образование было провозглашено в Дагестане под управлением Совета обороны Союза горцев Северного Кавказа и Дагестана и шейха Али-хаджи Акушинского. Военную, разведывательную и политическую помощь горским сепаратистам оказывали немецкие и турецкие советники, а также офицеры. Так, главнокомандующими фронтами Совета обороны

¹¹¹¹ Вачагаев М.М. Союз горцев... С. 214–216; Кисриев Э.Ф. Указ. соч. С. 37.

¹¹¹² Костерин А. В горах Кавказа. 1919–1920: исторический очерк горского революционного движения. Владикавказ, 1921. С. 68, 39–40.

¹¹¹³ Нажмутдин Самурский (Эфендиев). Книги, статьи, документы, исследования. Махачкала, 2003. С. 85.

были турецкие офицеры, а северокавказскими войсками мусульман в целом – генерал-майор Л. Кереселидзе¹¹¹⁴.

Осенью 1919 – весной 1920 гг. большевики, обещавшие равноправие и свободу всех народов, уважение религии, стали для горских вооружённых формирований союзником против армии А.И. Деникина. В условиях кризиса, а затем и военного разгрома Добровольческой армии (январь – март 1920 г.) большевики умело применили тактику союза с местными сепаратистами, временно обещая им широкие права. В.И. Ленин потребовал от члена Реввоенсовета Кавказского фронта Г.К. Орджоникидзе 2 апреля 1920 г. «действовать осторожно и проявлять максимум доброжелательности к мусульманам, особенно при вступлении в Дагестан. Всячески демонстрируйте и притом самым торжественным образом симпатии к мусульманам, их автономию, независимость и прочее»¹¹¹⁵. По сути, такая же тактика применялась РККА в отношении казачества, башкирских и сибирских автономистов.

Например, 7 февраля 1920 г. Совет обороны был переименован во Временный совет обороны горских трудовых народов Северного Кавказа¹¹¹⁶. Его руководителем стал эсер, а позже большевик С.-С. Казбеков; всего в состав центрального Совета вошли 3 большевика (также Дж. Коркмасов и М. Далгат). Шейхи Али-хаджи Акушинский и Узун-хаджи стали теперь лишь почётными сопредседателями Совета, на деле орган был взят большевиками под контроль. Характерно, что в декларации о преобразовании Совета обороны весьма обтекаемо говорилось о разрешении «текущих вопросов согласно духу Шариата и Революции», о сохранении мирных и добрососедских отношений со всеми прилегающими республиками. Вопросы об отношениях с РСФСР и о независимости обходились временно стороной¹¹¹⁷.

Но по мере установления советской власти этот тактический союз неизбежно должен был распасться, поскольку

¹¹¹⁴ Вачагаев М.М. Союз горцев... С. 252–253.

¹¹¹⁵ Ленин В.И. Телеграмма Г.К. Орджоникидзе и записка Л.Д. Троцкому // Ленин В.И. Полн. собр. соч. М., 1970. Т. 51. С. 175.

¹¹¹⁶ РГАСПИ. Ф. 71. Оп. 33. Д. 1172. Л. 1 об.–2.

¹¹¹⁷ Вачагаев М.М. Союз горцев... С. 264–265.

большевистская партия терпела средневековые аграрные порядки и шариатское судопроизводство лишь временно, до той поры, пока не окрепнет местный аппарат управления. После установления военно-политического контроля над Северным Кавказом большевики хладнокровно и расчётливо разорвали сотрудничество с исламистскими силами, хотя это проводилось постепенно. Уже 15 марта 1920 г. после вооружённого столкновения Совет обороны добился отставки и удаления из Дагестана главнокомандующего войсками Нури-паши, турецкого офицера. 11 апреля 1920 г. Совет обороны был преобразован в Дагестанский революционный комитет, председателем которого стал секретарь Дагестанского обкома РКП(б) Дж. Коркмасов¹¹¹⁸. Аналогичный процесс развивался в Чечне. 30 марта 1920 г. неожиданно умирает шейх Узун-хаджи, что приводит к ликвидации его эмирата¹¹¹⁹. Съезд селений Чечни в апреле 1920 г. передал власть Чеченскому революционному комитету под председательством большевика Т.Э. Эльдарханова.

Краткосрочные, ситуативные факторы повстанчества в 1920 – начале 1921 гг. – это политика военного коммунизма, проводимая РКП(б) на Северном Кавказе без надлежащего учёта местных условий; крайняя слабость партийно-государственного аппарата управления; ряд ошибок в духе «красногвардейской атаки» на религию. Сначала горские местности не платили продразвёрстку из-за неурожая, в Красную Армию призывались только добровольцы. Но уже в августе 1920 г. начался сбор продразвёрстки, мелочный учёт кур, яиц и масла; национализировались даже небольшие мельницы. Городские товары (мануфактура, керосин, инвентарь и др.) распределялись местными Советами в пользу зажиточных верхов. Приговоры органов ЧК и революционных трибуналов вызывали возмущение крестьян, желавших сохранить шариатское право¹¹²⁰. Е.Ф. Жупикова цитирует доклад помощника командарма XI армии

¹¹¹⁸ Гражданская война и мусульмане. Сб. документов и материалов. М., 2014. С. 532.

¹¹¹⁹ Сулаев И.Х. Узун-Хаджи Салтинский: штрихи к портрету // Изв. высш. учеб. завед. Сев.-Кав. регион. Обществ. науки. 2007. № 2. С. 36–42.

¹¹²⁰ Тахо-Годи А.А. Указ. соч. С. 142.

И.Я. Врачёва от 10 сентября 1920 г.: «В настроении горцев, особенно чеченцев, наступил перелом в худшую для нас сторону. В Чечне до сих пор никакой Советской власти нет, там властвуют муллы, одни – открыто, другие – через посредство ”комиссаров”. Чеченский исполком совершенно бездействует и в данном составе ненадёжен, некоторые селения и аулы явно контрреволюционны»¹¹²¹.

Следует подчеркнуть деструктивную роль зарубежных стран, прежде всего – Британской империи, Франции, Турции, Грузии в провоцировании мятежей. Под их финансовым, дипломатическим и военным патронажем в июне 1920 г. был создан «Комитет содействия горцам и терским казакам по их освобождению от большевиков», организованный и направляемый П.Н. Врангелем. Председателем комитета в Тифлисе был избран генерал-майор князь Туманов. В составе комитета – представители терского казачества, Осетии, Ингушетии, Чечни, Дагестана, ногайцев и кумыков¹¹²². Комитет разработал план всеобщего восстания, проводимого одновременно с высадкой врангелевских десантов на Дону и Кубани. 22 августа 1920 г. в Кистинском ущелье (Ингушетия) состоялось тайное собрание руководителей горских родов, старейшин, командира ингушской бригады РККА Х. Арцханова с посланниками П.Н. Врангеля. Было заключено соглашение о признании Врангелем Горской республики, состоящей с Россией в федеративной связи, об установлении в органах власти такой республики пропорционального представительства народов. Предполагалось немедленно начать мятеж и завершить изгнание РККА из Терской области к декабрю 1920 г.; проводилось детальное планирование военных действий и их финансирование Францией и Англией¹¹²³. Мятежи в горских областях должны были начаться скоординированно, синхронно с казачьими мятежами на Кубани и Тереке. Только из Крыма в Дагестан прибыли 60 офицеров-инструкторов, переданы значительные запасы

¹¹²¹ РГВА. Ф. 109. Оп. 1. Д. 39. Л. 310; цит. по: Жупикова Е.Ф. Указ. соч. С. 223.

¹¹²² РГВА. Ф. 109. Оп. 1. Д. 38. Л. 40; Оп. 3. Д. 214. Л. 20, 37, 41.

¹¹²³ РГВА. Ф. 109. Оп. 3. Д. 214. Л. 19–20.

оружия¹¹²⁴. Однако разгром Русской армии П.Н. Врангеля (ноябрь 1920 г.) передал нити поддержки повстанцев в руки Турции.

Со своей стороны, султанское правительство Турции поддерживало подпольную партию «Иттихият-Ислам», располагавшую на Северном Кавказе вооружёнными отрядами в несколько тысяч штыков и сабель. Ставилась задача поддержать мятеж в Дагестане и Чечне, а в будущем – добиться включения земель российских мусульман в состав единой пантюркистской монархии¹¹²⁵. Представители Кемаль-паши (Ататюрка) участвовали в работе комиссии по организации мятежа, созданной Горским правительством в изгнании (в Тифлисе) 17 ноября 1920 г., а представители дагестанской эмиграции выступали за включение своей области в состав Турции. Только за сентябрь 1920 г. Н. Гоцинский и К. Алиханов получили из Грузии 10 пулемётов, 2 тыс. винтовок, 30 ящиков патронов, а также обмундирование. В Андийских горах Дагестана турецкий офицер Гусейн-эфенди создал отряд численностью 500–800 чел., а другой турецкий офицер, Сами Султан курировал инженерные работы по укреплению ставки мятежников в с. Беной (Горная Чечня)¹¹²⁶.

Руководитель мятежа, 22-летний внук имама Шамиля Саид-Бек, был османским подданным и сыном генерал-губернатора Дамаска; он был переброшен в Дагестан для руководства мятежом с территории Турции. Саид-Бек был политическим руководителем (он прибыл в Дагестан через Грузию 29 октября), духовную власть получил Совет четырёх шейхов, а военное руководство принадлежало М. Джафарову. Таким образом, имам Дагестана Н. Гоцинский не был ни диктатором, ни ключевой фигурой среди руководства движения; между ним и Саид-Бекем было личное соперничество. Мятеж совершался под лозунгами шариатского правления и религиозного фанатизма. Действия мятежников отличались жестокостью и непримиримостью. Так, Н. Гоцинский несёт ответственность за жестокие пытки и убийства примерно

¹¹²⁴ Шайдаев Р.Г. Организационно-правовые основы развития органов милиции в Дагестане в годы строительства социализма (1917–1936): дис. ... канд. юрид. наук. М., 1984. С. 68.

¹¹²⁵ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 1. Д. 386. Л. 140, 147.

¹¹²⁶ Жупикова Е.Ф. Повстанческое движение... С. 160, 176.

700 красноармейцев, сдавшихся в плен в крепости Ботлих 25 ноября 1920 г., которых Гоцинский обещал отпустить после сдачи оружия¹¹²⁷.

Развитие событий мятежа в Дагестане (сентябрь 1920 – май 1921 гг.) таково. Небольшие отряды Н. Гоцинского и К. Алиханова начали действовать в Андийском округе Дагестана летом 1920 г., совершая набеги с территории Грузии. Дважды они пытались создать зону постоянного контроля, но неудачно. В сентябре силы повстанцев возросли, отряд К.М. Бежтинского в районе аула Гуниб насчитывал уже 160 сабель и вёл успешную агитацию под лозунгами шариатского правления. 2 октября в ауле Муну близ Ботлиха был проведён вооружённый сход старейшин, кади, шейхов под обманным предлогом решения продовольственных вопросов (плохого снабжения продовольствием) и защиты шариатского суда. На деле сход постановил начать восстание. Отряд шейха М.Х. Дарбиша достиг численности 1 тыс. чел., 3 октября 1920 г. он занял аул Ботлих. Такие же силы накопил Н. Гоцинский в районе аула Гидатль. Три группы повстанцев быстро расширяли зону своего контроля, мобилизуя всё мусульманское население от 15 до 50 лет, уничтожая слабые гарнизоны красноармейцев¹¹²⁸. По мнению разведывательного отдела XI-й армии РККА, численность восставших достигла к концу сентября 1920 г. 2–3 тыс. чел., в том числе 500 кавалерийских офицеров – грузин и азербайджанцев¹¹²⁹. В то же время, «шариатским войскам» не удалось взять осаждённый аул Гуниб. Одновременно происходит восстание терских казаков, охватившее с 18 октября не только Надтеречную, но и Сунженскую линию.

Разгром войск П.Н. Врангеля в Крыму и терского восстания сдержал негативное для РККА развитие мятежа в Дагестане. Кроме того, съезд народов Дагестана 13 ноября 1920 г. провозгласил Дагестанскую АССР, а 17 ноября съезд народов

¹¹²⁷ Жупикова Е.Ф. Повстанческое движение... С. 248–252.

¹¹²⁸ Доного Х.-М.М. Повстанческое движение в Дагестане и Чечне в 20-х годах XX века // Трагедия великой державы. Национальный вопрос им распад Советского Союза. М., 2005. С. 271.

¹¹²⁹ РГВА. Ф. 195. Оп. 3. Д. 107. Л. 286.

Терека провозгласил Горскую АССР. Эти меры снизили массовость и накал повстанчества.

Вместе с тем, при поддержке Грузии мятежники начали серьёзное наступление в начале декабря 1920 г., повторно блокировав Хунзах и Гуниб, захватив аулы Большой Гоцатль, Дарада-Мурада и др. Саид-Бек провёл собрание представителей Андийского и Веденского округов в с. Анди, призвав поднять восстание также в Чечне. На этой стадии руководили действиями в Чечне протурецкие группировки, а не Гоцинский и Алиханов. Опорой мятежа стали Веденский, Шатоевский и южная часть Хасавюртовского округов – те же районы, где раньше существовал «Северо-Кавказский эмират» Узун-хаджи. За вторую половину января 1921 г. мятежники захватили с. Ведено, Дарго, Белгатой, Таузен-кала, но не смогли пробить транспортный коридор в Грузию и овладеть равнинной частью Чечни. По сведениям разведки РККА, общие силы повстанцев в Андийском, Аварском, Гази-Кумухском и Гунибском округах достигали 10 тыс. штыков и сабель при 40 пулемётах и 2 орудиях¹¹³⁰.

Войска XI армии РККА и дагестанские отряды самообороны перешли 18 января 1921 г. в контрнаступление. 25 января 1921 г. была создана Терско-Дагестанская группа войск XI армии численностью до 23 тыс. штыков и сабель. Было улучшено управление частями РККА¹¹³¹. В итоге жестоких боёв красноармейцы заняли аулы Гергебиль, Хунзах, Шулатль, Унцукутль, Гимры, Балахани и др. Ставка Н. Гоцинского сначала была выбита из аула Беной в Чечне, а затем из с. Тад-Инхо (5 марта 1921 г.). Одновременно происходил ввод войск РККА в Грузию и её советизация. В результате мятежники Дагестана и Чечни начали расходиться по домам, а небольшая часть (250–350 чел.) продолжала сопротивление в высокогорных районах Андийского, Грозненского и Гунибского округов¹¹³². Саид-Бек укрылся в

¹¹³⁰ Столяров Н. Борьба Красной Армии в Дагестане в 1920–1921 гг. М.; Л., 1928. С. 35; Тодорский А.И. Красная Армия в горах. Действия в Дагестане. М., 1925. С. 135.

¹¹³¹ Марченко Г.В. Указ. соч. С. 177.

¹¹³² Борьба за установление и упрочение Советской власти в Дагестане в 1917–1921 гг. Сб. документов и материалов. М., 1958. С. 521.

Турции. Н. Гоцинский и другие предводители мятежников укрылись на границе Чечни и Дагестана, продолжая дерзкие налёты на красноармейские гарнизоны. В целом подавление мятежа завершилось к середине мая 1921 г., в боевых действиях части Красной Армии понесли потери убитыми до 5 тыс. чел.¹¹³³

Одновременно с событиями в Дагестане развивался мятеж в Карачае. Он имел те же причины и внешние источники организации. Проявлялась тесная взаимосвязь Карачаевского мятежа с действиями «Армии возрождения России» генерала М.А. Фостикова в Баталпашинском и Лабинском отделах и «Народных войск Северного Кавказа» полковника З. Даутокова-Серебрякова в Пятигорском и Баталпашинском отделах (см. подробнее в параграфе 4.1).

Выступления против продразвёрстки и земельной политики большевиков активизировались в Карачае ещё в августе 1920 г., они развивались в условиях врангелевских десантов на Кубани. Местные органы Советской власти (Баталпашинский отдельский ревком, станичные и аульские ревкомы) были слабыми. Они допускали насилие при сборе продразвёрстки, изымали скот по заниженным ценам, не решали острый земельный вопрос. Отсутствовало снабжение Карачая промышленными товарами и продовольствием. В докладной записке руководителя Горского отдела Северо-Кавказского ревкома У.Д. Алиева В.И. Ленину (осень 1920 г.) признавалось, что не было «организовано общего карачаевского органа власти..., не было представлено тех прав местного национального самоопределения, которые практиковались по отношению к другим горским народностям Кавказа»¹¹³⁴. Поводом для мятежа стала неумелая попытка принудительно набрать отряд из 400 карачаевцев для подавления повстанческих выступлений казаков. В результате мятеж начался в первый день праздника Курбан-байрам. Отряд красноармейцев – 140 чел. был разгромлен 1 сентября 1920 г. Особоуполномоченный РВС IX армии РККА И. Черемухин действовал грубо и

¹¹³³ Тодорский А.И. Указ. соч. С. 159.

¹¹³⁴ Гайнулин А.Ю. Восстание горцев Верхней Кубани осенью 1920 г. // Научные проблемы гуманитарных исследований. 2011. Вып. 6. С. 25.

необдуманно, за что впоследствии был снят с должности и осуждён революционным военным трибуналом, расстрелян.

Мятеж в Карачае возглавили видные представители знати: Д. Байрамуков, Б. Кочкаров, братья Б. и М. Крымшамхаловы, Д. Узденов, Т.-Х. Каракетов, С. Клыч-Гирей¹¹³⁵. В ауле Уччулан 3 сентября 1920 г. был проведён съезд карачаевского народа, который создал ополчение против красноармейцев. 7 сентября в с. Верхняя Мара второй съезд сформировал орган управления повстанцев – Верховный совет обороны Карачая в составе 16 членов от всех местностей¹¹³⁶. Председателем органа избран Т.-Х. Каракетов. Командирами подразделений назначены: в Большом Карачае – Б. Крым-Шамхалов, в Малом Карачае – Д. Узденов. Штаб ВСОК возглавил М. Крым-Шамхалов. Формально карачаевское ополчение вошло в состав «Армии возрождения России» М.А. Фостикова, но к этому времени казачий мятеж уже близился к концу. Для руководства боевыми действиями из Абхазии 8 сентября 1920 г. прибыл генерал-майор С. Клыч-Гирей, который обосновался в с. Сынты и объявил себя командующим «Северо-Кавказским фронтом».

Первоначально повстанцам сопутствовал успех. 2 сентября 1920 г. они заняли аул Уччулан, а 6 сентября ненадолго овладели совместно с фостиковцами центром отдела – ст. Баталпашинской. Затем ими были заняты ст. Боргустанская, Бекешевская и Усть-Джегутинская. Однако с 16 сентября наметился перелом в боевых действиях ввиду подхода крупных свежих частей РККА. Они оттеснили карачаевское ополчение и остатки АВР в нагорную полосу области.

К середине октября 1920 г. стала очевидной обречённость мятежа. Командование IX армии РККА и Горский отдел Северо-Кавказского ревкома повели с карачаевцами успешные переговоры о заключении мирного соглашения. Ключевую роль в урегулировании конфликта сыграли командующий IX армией М.К. Левандовский, уполномоченный армии и комиссар её

¹¹³⁵ Марченко Г.В. Указ. соч. С. 176; Гайнулин А.Ю. Указ. соч. С. 27–29.

¹¹³⁶ Гайнулин А.Ю. Указ. соч. С. 30–32.

левофланговой группы И.С. Шевцов, председатель Горского отдела Северо-Кавказского ревкома У.Д. Алиев, председатель Горского отдела Кисловодского ревкома Н.Х. Токов.

Договор о мире был заключён 27 октября в ст. Красногорской. Провозглашалось «прекращение военных действий между красными войсками и карачаевским народом на основе полного забвения всех прошлых недоразумений». Карачаевцы обязывались «аккуратно выполнить все законные требования Советской власти, предъявляемые местной властью в Карачае», от имени Верховного совета обороны и высшего духовного лица издать «категорический приказ о немедленном прекращении военных действий против Советской власти» под угрозой объявления вне закона и религии, как враги трудового карачаевского народа». Кроме того, они обязывались в недельный срок «очистить свою территорию от всех находящихся в ней банд», членов которых передать властям. По истечении этого срока «вооруженные силы Карачая немедленно демобилизуются», а вместо них «для поддержания спокойствия и законного порядка на Карачае восстанавливается, впредь до изменения на общем основании, милиция в 150 человек, лояльных к Советской власти». Неприкосновенность представителям Советской власти в Карачае гарантировалась круговой порукой.

В приказе командарма М.К. Левандовского от 30 октября 1920 г. были сформулированы условия мира: немедленное прекращение повстанцами военных действий, роспуск вооружённых отрядов и Верховного совета обороны Карачая, признание Советской власти. Карачаевцы прекращали «всякие сношения с Грузией» и обязывались выдавать органам Советской власти грузинских эмиссаров¹¹³⁷.

Руководители мятежа братья Крым-Шамхаловы и С. Клыч-Гирей покинули Карачай и бежали в Грузию¹¹³⁸. Карачаевцы получили представительство в Баталпашинском отдельском и Терском областном ревкомах. Вскоре был создан Карачаевский

¹¹³⁷ Алиев У.Д. Карачай (Карачаевская автономная область). Историко-этнический и культурно-экономический очерк. Черкесск, 1991. С. 181–186.

¹¹³⁸ Там же. С. 185–186.

округ в составе Горской АССР, а его территория значительно увеличена за счёт казачьих станиц Баталпашинского отдела. Тем самым, острота противоречий была на время снята.

Если в казачьих областях повстанчество пошло устойчиво на спад с лета 1922 г. и было ликвидировано к осени 1924 г., то в горских автономиях (особенно – в Чечне, Ингушетии и Дагестане) антисоветские выступления не утихали весь период НЭПа. «Обзор политико-экономического состояния РСФСР за февраль 1922 г. (по данным ГПУ)» содержал оценку: «в Шатоевском районе ведется усиленная подготовка населения к восстанию, в этой работе принимают участие главари прошлогодних восстаний шейх Аксалтинский и князь Дашинский... 12 аулов уже готовы к восстанию. В Чечне белыми офицерами и турецкими агентами ведется усиленная антисоветская агитация»¹¹³⁹. По сути, в горных местностях существовало двоевластие ревкомов и местных шейхов, а выборы Советов в Чечне в 1923 г. были сорваны налётами банд. Шейх А. Митаев, временно перешедший на сторону советской власти, имел больше вооружённых мюридов, чем воинские части РККА и милиция в Чеченской автономной области¹¹⁴⁰. В 1924 г. Грозненский отдел ОГПУ ликвидировал подпольную организацию шейха А. Митаева, а в Дагестане был арестован и осенью 1925 г. казнён имам Н. Гоцинский.

Постепенно политические причины повстанчества уступали первенство уголовному бандитизму с целью захвата заложников и скота. Так, заместитель секретаря Юго-Восточного бюро ЦК РКП(б) Н.Ф. Гикало сообщал в августе 1923 г. об убийстве начальника окружной милиции Каранаева жителями аула Мюраге по причинам кровной мести¹¹⁴¹. Так, 17 мая 1924 г. члены бюро Юго-Восточного крайкома РКП(б) признали резкий рост активности банд, особенно – уголовных. На автономные области было распространено действие постановления ЦИК СССР от 9 мая 1924 г. Вынесение приговоров о бандитизме проводилось отныне тройками под председательством особоуполномоченного ОГПУ, в

¹¹³⁹ «Совершенно секретно»...Т. 1, ч. 1. С. 92.

¹¹⁴⁰ Вайнахи и имперская власть... С. 540–541.

¹¹⁴¹ ЦК РКП(б) – ВКП(б) и национальный вопрос: сб. документов / сост. Л.С. Гатагова, Л.П. Кошелева, Л.А. Роговая. М., 2005. Кн. 1. С. 139–141.

составе представителя ОГПУ, обкома РКП(б) и прокурора¹¹⁴². 18 июня 1924 г. Адыгея, Кабардино-Балкария и Чечня были признаны на заседании бюро крайкома неблагополучными по бандитизму, вопреки позиции Горского обкома и Чеченского оргбюро РКП(б)¹¹⁴³. 5 декабря 1924 г. члены бюро Северо-Кавказского крайкома РКП(б) обсудили отчёт тройки при Полномочном представительстве ОГПУ по Северо-Кавказскому краю и Дагестанской АССР по рассмотрению дел о бандитизме во внесудебном порядке. Они приняли решение ликвидировать тройки в Адыгейской (Черкесской), Кабардино-Балкарской автономных областях и Дагестанской АССР ввиду стабилизации политической обстановки. Сохранившиеся в других автономиях края внесудебные органы были соподчинены краевой тройке при полпредстве ОГПУ¹¹⁴⁴.

Но документы «особой папки» крайкома РКП(б) свидетельствуют о сложной военно-политической ситуации в Чечне и Дагестане и в более поздний период. Так, 12 июля 1925 г. члены бюро крайкома заслушали сообщение С.Н. Миронова и Е.Г. Евдокимова о положении в Чечне, постановив усилить борьбу с бандитизмом, провести разоружение и изъятие преступных элементов в аулах, используя осенние военные манёвры¹¹⁴⁵. Ситуацию, в которой предстояло выполнять эти решения, характеризует докладная записка полпредства ОГПУ по Северо-Кавказскому краю от 20 июля 1925 г. «О вооружённом столкновении между пограничными обществами Беной и Гогатли» за подписями Миронова, Крафта и Павлова. В ней описывается конфликт между соседними аулами Чечни и Дагестана с участием 3 тыс. хорошо вооружённых воинов, вызванный давней тяжбой за пастбища и леса. Авторы записки признают крайнюю слабость советских органов в автономиях и возлагают надежды на разрешение споров паритетной комиссией старейшин («маслаатом»)¹¹⁴⁶. Подобные конфликты

¹¹⁴² ЦДНИРО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 15. Л. 11.

¹¹⁴³ ЦДНИРО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 15. Л. 32.

¹¹⁴⁴ ЦДНИРО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 25. Л. 3.

¹¹⁴⁵ ЦДНИРО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 131. Л. 4.

¹¹⁴⁶ ГАРО. Ф. Р-1485. Оп. 1. Д. 300. Л. 175-184.

воспринимались ОГПУ как недопустимые впредь, они ускорили проведение военно-чекистских операций по разоружению Чечни (1925 г.) и Дагестана (1926 г.).

Период 1925–1926 гг. отмечен наибольшим умиротворением в горских автономиях как вследствие общесоюзной политики «Лицом к деревне», так и ввиду совместных операций РККА и ОГПУ по разоружению сначала Чечни, а затем – Дагестана и Ингушетии. Разоружение было проведено во всех автономиях Северо-Кавказского края на протяжении 1925 г., а в Дагестанской АССР – в 1926 г. Судя по докладной записке Северо-Кавказского крайисполкома Советов во ВЦИК об итогах борьбы с бандитизмом в Чечено-Ингушской автономной области от 13 декабря 1927 г., за время разоружения Чечни было арестовано 309 бандитов, изъято у населения 25 299 винтовок, 4 319 револьверов, 7 пулемётов и 1 орудие. Эффективность операции оценивалась в 75% реального имевшегося оружия, причём кинжалы не изымались¹¹⁴⁷. В остальных автономиях Северного Кавказа (включая Дагестан) были изъяты ещё 70 491 винтовка и 25 742 револьвера¹¹⁴⁸. В результате удалось на два года умиротворить автономии.

Период с осени 1927 по 1929 гг., означавший свёртывание НЭПа и переход к форсированной коллективизации, отмечен восстановлением массовых антисоветских выступлений. Теперь они стимулировались раскулачиванием, закрытием культовых сооружений, преследованием религиозных и этнических объединений. Только в Чечне антиколхозные мятежи охватили в ноябре – декабре 1927 г. горные районы. В итоге действий полевых частей ОГПУ у мятежников были отбиты центры движения – аулы Шали и Гойты.

Но и к концу 1920-х гг. органы местного управления, особенно – в Чечне, оставались весьма слабыми. Это подтверждается стенограммой краевого национального совещания 16 января 1930 г., обсудившего, среди прочих вопросов, уроки

¹¹⁴⁷ Вайнахи и имперская власть... С. 540–541.

¹¹⁴⁸ Ченцов А.С. Специальные операции по разоружению населения республик Северного Кавказа в 1925–1926 гг. // Вестник Военного ун-та. 2009. № 4 (20). С. 149–150.

антиколхозных мятежей в автономиях. Первый секретарь крайкома ВКП(б) А.А. Андреев констатировал: «Военные пришли в аулы, а там нет ни партячейки, ни совета. Достаточно какого-то пустякового восстания, и никакого следа от нашей организации не осталось». Выход Андреев видел в том, чтобы дать в Чечню из края побольше «русских товарищей», чтобы они помогли наладить общественную работу¹¹⁴⁹.

Согласно справке штаба СКВО от 30 марта 1930 г., в операции по подавлению мятежа в Чечне участвовали 1904 бойца, потери составили 43 чел., а со стороны мятежников – до 60 чел.; 450 бандитов были арестованы¹¹⁵⁰. Антиколхозные мятежи в ещё большем масштабе повторились в марте 1930 г. В постановлении партколлегии краевой контрольной комиссии – РККИ об итогах чистки Чеченской областной парторганизации (22 апреля 1930 г.) отмечалась засорённость части местных Советов, вплоть до поддержки бандитизма; «сильно развито среди коммунистов тейповое деление» и на этой почве – конфликты группировок¹¹⁵¹.

Таким образом, повстанческие выступления в автономиях Северного Кавказа вызывались как общими для регионов СССР причинами (влияние зарубежных государств, политика «военного коммунизма», чрезмерное налогообложение, слабое продовольственное снабжение, атеистическая пропаганда), так и своеобразными причинами, характерными для этого региона: социально-экономической отсталостью, традиционализмом, патриархально-клановыми отношениями, территориальными и этническими конфликтами, повышенной религиозностью населения.

Периодизация повстанческих выступлений в автономиях Северного Кавказа 1920-х гг. дана по критерию направленности выступлений, их ресурсной базы и соотношения сил сторон.

Первый этап (весна 1920 – 1922 гг.) характерен крайне слабым политическим и военным контролем Советской власти над территорией создаваемых автономий, сохранением влиятельных

¹¹⁴⁹ ЦДНИРО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 1098. Л. 147, 149.

¹¹⁵⁰ РГВА. Ф. 25896. Оп. 9. Д. 366. Л. 283-283 об.

¹¹⁵¹ ГАРО. Ф. Р-1185. Оп. 3. Д. 415. Л. 101.

оппозиционных сил, их контролем над обширными периферийными районами. Движения горцев развивались под исламистскими лозунгами, получали непосредственную поддержку Белого движения, Грузии и Азербайджана, Турции, стран Запада.

Второй этап (1923 – лето 1927 гг.) характеризуется преобладанием уголовных, а не политических выступлений, резким сокращением массовости и территориального охвата повстанческих выступлений. Происходит ликвидация наиболее сильных очагов вооружённой сепаратистской оппозиции в Дагестане и Чечне в рамках военно-чекистских спецопераций по разоружению народов Северного Кавказа.

На третьем этапе (осень 1927 – 1929 гг.) насильственная коллективизация и чрезвычайные меры хлебозаготовок приводят к возобновлению массовых политических форм протеста с требованиями шариатского правления. Активизируется деятельность подпольных группировок и повстанческих отрядов. Организационной формой антиколхозного протеста становятся локальные бунты, получившие наибольшее развитие в Чечне, Дагестане и Карачае.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

«Коренизация» (1921–1932 гг.) определяется нами как стратегия национальной политики, состоявшая в обеспечении равноправия народов Советского государства путём предоставления институциональных, правовых и социокультурных преимуществ этническим меньшинствам, «позитивной дискриминации» русского населения. «Коренизация» проявилась в создании субъектов федерации и территориальных автономий по этническому принципу; в повышении участия этнических групп в партийных, советских и хозяйственных органах; в приоритетном развитии национальной письменности, образования и культуры; в переводе делопроизводства на языки этнических меньшинств.

Конкурирующие процессы: формирование советского народа и политика «коренизации» в 1921–1932 гг. развивались в контрастирующих направлениях. Создание повышенных статусов для этнотерриториальных автономий по мере укрепления Советского государства входило в противоречие с императивами интеграции полиэтничного населения, укрепления аппарата власти. В раннесоветский период термин «советский народ» применялся редко и в основном в идеологическом смысле; насыщение термина этническими коннотациями развивается позже, с 1930-х гг. вследствие курса на централизацию государства. Советский народ создавался в качестве государственно-управляемого интегрированного сообщества, «государственной нации», объединённой политическими взглядами и статусом, включавшей в себя, но не ассимилировавшей многочисленные народы страны. Формирование и развитие «советского народа» меняло содержание маркеров этнических идентичностей, способствовало «укрупнению» этнических групп за счёт внутриэтнической консолидации.

Факторами изменений приоритетов нациестроительства в СССР, конструирования и развития этнических идентичностей были: крайняя неравномерность социально-экономического и культурного развития народов; прочность этнических и

конфессиональных традиций; слабость партийно-государственного аппарата власти в этнических автономиях; многочисленные проявления клановости и оппозиционных выступлений. В условиях угрозы мировой войны центральная власть сделала оправданный выбор в пользу идей сплочения народов СССР вокруг «русского народа – старшего брата».

Этнографы, статистики и журналисты сыграли весомую роль в формировании нормативных представлений о народах СССР, участвуя в составлении перечней народов для переписей населения, в обосновании границ и статуса этнических автономий, в составлении новых алфавитов и их пропаганде.

Традиции патернализма, этатизма и вождизма сильно влияли на регулирование межэтнических отношений и взаимодействий общества с властью. На примере автономий Северо-Кавказского края показано формирование этнизированной номенклатуры, опиравшейся на кланово-родственные связи.

Процесс национально-территориального строительства, в том числе, на Северном Кавказе и в Крыму за 1920-х гг. прошел два этапа развития. Первый этап может быть датирован с весны 1920 по лето 1924 гг., когда велась активная работа по созданию национальных автономий, их органов управления и правящих номенклатурных групп, что вызвало также территориальные преобразования («районирование»). Первый этап протекал в условиях шаткого военно-политического контроля власти, хозяйственной разрухи, неопытности партийных и государственных кадров управления. На втором этапе (лето 1924 – 1929 гг.) органы партийно-государственной власти реализовали национальную политику в уже сложившихся институциональных рамках, были созданы институциональные и нормативные правила функционирования системы власти. Экономическая система также вошла в стационарное русло развития. Автономные области были соподчинены Северо-Кавказскому краю с центром в г. Ростове-на-Дону. В 1928 г. были пресечены проявления крымскотатарского национализма, что привело к смене руководства Крымской АССР.

Тем самым, модель приведения административных границ и статусов автономных образований в соответствие с этническими

ареалами и ресурсами влияния этнических групп работала на Северном Кавказе в 1920-х гг. противоречиво. Она могла использоваться и для повышения влияния этнических автономий (1920– лето 1924 гг., с 1928 г.), так и для ограничения их влияния (лето 1924 – 1928 гг.).

Реальным актором, принимавшим решения и определявшим их направленность, была в этот период полиэтничная номенклатура РКП(б). Поэтому предположения об обретённом в 1920-х гг. «суверенитете» автономий Северного Кавказа лишены исторических оснований.

Применявшееся с лета 1924 по 1929 гг. разукрупнённое территориальное устройство региона означало соподчинение автономных областей Северо-Кавказскому краю с административным центром в г. Ростове-на-Дону. Только Дагестанская АССР сохранила прямое соподчинение РСФСР. При этом границы автономий были приведены в относительное соответствие с этническими ареалами. Были созданы Владикавказский, Грозненский и Сунженский округа, где количественно доминировало русское население. Внутри автономных областей (Кабардино-Балкарии, Северной Осетии и Чечни) образованы русские районы.

Политическая ситуация в спорных местностях (г. Грозный, Сунженский и Кизлярский округа) на протяжении 1921-1928 гг. прошла три этапа развития: формирование Горской и Дагестанской АССР при ограничении ареала русского населения (1921-1922 гг.), дробление Горской АССР (1922 - лето 1924 гг.), соподчинение автономных областей Северо-Кавказскому краю (лето 1924 - 1928 гг.). Общественное мнение по территориальным вопросам отчётливо было расколото по этнической принадлежности. Если в начале 1920-х гг. русское население региона проявляло неприятие автономий, то вследствие территориальной реформы 1924 г. состоялась его относительная адаптация к советским реалиям. Сотрудники органов ОГПУ инициировали и поддержали проект краевого госплана по районированию Северного Кавказа в 1924 г., выступив тем самым на стороне более централизованного и деэтнизированного варианта федеративного устройства. С другой стороны,

руководители партийных и советских органов автономий отстаивали расширение территорий своих областей и республик, повышение их статуса по мотивам разрыва с имперским наследием, обеспечения земельного и в целом экономического равенства регионов. Мотивы выбора решений на уровне Северо-Кавказского края были прагматическими и аргументировались обеспечением стабильности политического строя.

Причинами формирования мифов в историографии о национальной политике 1920-х гг. на Северном Кавказе являются стереотипы примордиализма, этноцентризма и «присвоения» совместной истории в пользу этнических элит «коренных» народов. Примордиальное восприятие этничности провоцирует территориальные и статусные конфликты с использованием исторических аргументов. Миф о государственности «коренных народов» и «самоопределении наций» на Северном Кавказе 1920-х гг. не подтверждается историческими фактами. Формирование автономий на Северном Кавказе в 1920-х гг. диктовалось мотивами интеграции полиэтничного Советского государства, а не намерением повысить статус моноэтнических автономий. Выбор конкретных форм автономий диктовался интересами центральной власти, а не партикуляризмом отдельных субъектов федерации.

Эффективность мер национальной политики 1920-х гг. на Северном Кавказе и в Крыму динамично изменялась. Наибольшая эффективность данной политики обеспечивалась в 1925–1926 гг., когда в политике органов власти преобладали тенденции к восстановлению гражданского мира.

1920-е годы стали важнейшим этапом закрепления партийно-государственной системы правления, сформировавшейся на почве «военного коммунизма». Слияние функций правящей РКП(б) и государства вызывалось отказом от разделения властей, подавлением оппозиции, партийным контролем над общественными организациями и средствами информации. Рабочий класс, будучи резервом пополнения партийно-государственной элиты, на деле не правил. РКП(б) к середине 1920-х гг. завершила эволюцию от союза добровольных единомышленников к централизованной иерархической

структуре, имеющей три функциональных уровня своего состава: рядовых членов-исполнителей, бюрократии (профессиональных управленцев) и правящей элиты. ВКП(б), завоевав и укрепив безраздельную власть, всё более становилась разнородной по составу и интересам своих членов. Элита служила спланирующим началом в партии, формируясь преимущественно из рабочих и беднейшего крестьянства, маргинальных слоев.

Большевистские организации Северо-Кавказского края сталкивались с разнородностью социальной базы – «иногородних», беднейших крестьян, рабочих, служащих и маргинальных слоев населения. Именно на Юге России ярче всего выявилась не только сущность «военного коммунизма», но и выдающиеся способности партийно-государственной элиты использовать противоречия (особенно сословное неравноправие, разрыв в уровне развития местностей, запрос на модернизацию) ради сохранения абсолютной власти любой ценой. ВКП(б) срослась к началу 1930-х гг. с государственным аппаратом.

Создание Юго-Восточного бюро ЦК РКП(б) было вызвано необходимостью оперативно принимать властные решения с учётом быстро менявшейся ситуации, обеспечить неукоснительное выполнение директив партийного руководства, контролировать и координировать деятельность достаточно слабых местных организаций. Данный партийный орган не только координировал деятельность областных комитетов РКП(б) и органов государственной власти в автономиях, но и являлся с марта 1921 по апрель 1924 г. высшим назначаемым органом власти в макрорегионе.

На основе архивных документов выяснены основные функции Юго-Восточного бюро ЦК: руководство подавлением антибольшевистских выступлений; определение статуса и функций соподчинённых органов власти; кадровая политика; регулирование конфликтов между автономиями Северного Кавказа; реализация районирования (административно-территориальной реформы); разработка партийных директив макрорегионального уровня в сфере экономической, социальной и образовательной политики; контроль исполнения центральных и краевых решений.

Деятельность Юго-Восточного бюро ЦК РКП(б) обеспечила успешную реинтеграцию полиэтничного макрорегиона после Гражданской войны, способствовала организационному укреплению органов партийной и государственной власти в автономиях Северного Кавказа.

Именно в 1920-х гг. Советы как государственные органы «диктатуры пролетариата», сформировавшиеся за период революции и гражданской войны, получили возможность проявить себя в условиях мирного развития общества. Родившись в качестве формы прямой «классовой» демократии и противовеса исконному самодержавию, советы прошли сложный путь эволюции, зависевший от расстановки политических сил на событийном уровне и от традиций российской государственности на уровне цивилизационном. Периодизация политической деятельности органов местной власти определяется соотношением тенденций народоправства и диктатуры, традиций и реформаторства. По этим критериям мы выделяем четыре этапа развития системы органов государственной власти в регионе.

1. 1920–1921 гг. Преобладание революционных комитетов как чрезвычайных органов, замедленный переход к системе советов путем подтасованных выборов с предрешенным итогом.

2. 1921–1924 гг. Функционирование в русских областях Северного Кавказа и Крыму советов, выполнявших в основном подчиненные – налоговые и регистрационные функции в системе партийно-государственной власти.

3. 1925–1926 гг. Создание в итоге курса «расширения нэпа» советов, избранных относительно демократично и отражавших многообразие социальных интересов. «Низовое» двоевластие в сельской местности партии и советов, многие из последних опирались на общинные сходы.

4. 1927–1929 гг. Уничтожение элементов демократичного самоуправления советов и общин по мере «свертывания нэпа». Решительное организационное укрепление советов в роли проводников партийного курса.

Своеобразие местных органов власти и их деятельности на Юге РСФСР проявлялось в затяжном и особо мощном влиянии опыта гражданской войны и его норм – правового нигилизма,

персонификации и централизации власти, всеобъемлющего административного регулирования всех сфер жизни, радикального подавления любой оппозиции и последующей «атомизации» общества. «Военный коммунизм» породил преобладание в 1920–1921 гг. ревкомов. Они назначались военными и партийными руководящими органами.

Деятельность ревкомов противоречива. С одной стороны, они официально считались временной и вынужденной формой власти. С другой, наиболее адекватно соответствовали задачам управления Северным Кавказом, где по 1924 г. продолжалась «малая» гражданская война. На первой стадии деятельности (январь–июнь 1920 г.) ревкомы проводили компромиссный курс, рассчитанный на умиротворение. Он проявился в созыве Всероссийского съезда трудовых казаков и областных съездов трудящихся, в проведении городских выборов на Дону, в замедленности коренных реформ. Во второй половине 1920 г. общеполитический курс и доктрина РКП(б), возобновление гражданской войны на «внешних» фронтах вызвали радикализацию действий ревкомов в формах расказачивания территориального передела Кавказа в пользу горцев, подтасовки выборов. Уступив место советам на областном уровне, в 1921 г. ревкомы сохранялись либо воссоздавались в станицах и районах с особым влиянием повстанцев.

Переход в 1921 г. к системе Советов совершался на стадии уже сформировавшейся политической организации, означал отказ лишь от наиболее одиозных форм насилия и администрирования. Советы оставались однопартийными, формировались на безальтернативной основе, при косвенном и открытом голосовании. С введением нэпа государство и общество развивались в противоположных направлениях. Реалии многоукладности требовали политических свобод, тогда как система власти все более обращалась в централизованное, бюрократичное, оторванное от повседневных запросов граждан состояние. Политическая власть сосредотачивалась в руках Коммунистической партии и органов госбезопасности, что ослабляло советы, прежде всего – местные. Характерны в этой связи роспуск казачьих секций при исполкомах, ограничение роли

беспартийных конференций и других форм массового участия в политике.

В 1920-х гг. органы власти подвергли ломке традиционное геополитическое пространство Северного Кавказа, создавая новые территориальные идентичности в рамках доктрины самоопределения наций. Создание Горской АССР и других автономий в 1920–1922 гг. сопровождалось пагубным расчленением ряда местностей сплошного русского проживания на Тереке и в Баталпашинском отделе Кубанской области. Политические, антиказачьи в первую очередь, задачи решались и при раздроблении Дона. Хотя весной 1921 г. высылка сунженских казаков была официально признана ошибкой, реабилитация данной этносоциальной группы была сочтена опасной и чрезмерной.

Считаем, что территориальную реформу 1924 г. («районирование») следует рассматривать в единстве с общим курсом «расширения нэпа» – самой масштабной либерализации советского строя вплоть до конца 1980-х гг. Приоритет отдавался хозяйственным и организационным задачам районирования: повышению управляемости населения, борьбе с бюрократизмом и непроизводительными расходами. Культурно-исторические традиции тяготения местностей недооценивались и на сей раз, но упразднение Горской АССР и образование казачьих автономных округа и районов отчасти возмещали ущерб реформы 1920–1922 гг. Создание Северо-Кавказского края, обладающего выборной иерархией советов, способствовало интеграции и политической лояльности казачества и крестьянства. Увы, авторитарная тенденция вновь возобладала над демократической с 1928 г., что проявилось в упразднении казачьих автономий под предлогом индустриализации горских областей. Итак, наиболее предпочтительным для населения русского Кавказа явился тип территориального строя 1924 – 1927 гг., относительно совместивший официальные границы региона с естественно-историческими.

Курс «оживления Советов», проводимый РКП(б) с конца 1924 до начала 1927 гг., был направлен на создание более эффективных технологий политического управления в деревне и,

в меньшей степени, в городах. Главной причиной либерализации системы стал стихийный протест крестьян и казаков против отчуждения власти, за самоуправление. На Юге России оппозицию возглавили казаки, требовавшие возродить многовековые формы войскового правления: атаманство, общинные сходы, местные законы и т.д. Для хлеборобов Советы являлись формой привычной общинной системы. Их интересы объективно противоречили партийному курсу.

Основные формы «оживления Советов» определились к началу 1925 г. Обновлена нормативно-правовая база деятельности. Сужен круг «лишенцев», проведена амнистия репатриантов, «белослужащих» и повстанцев. Выборы стали проводиться на альтернативной основе, при массовом участии казаков и крестьян. Внедрялись постоянные комиссии советов, беспартийные конференции. Широко применялись станичные и хуторские сходы, в силу больших финансовых возможностей и традиционности зачастую предпрещавшие действия советов. Ради упрочения контроля над крестьянством РКП(б) стимулировала дробление низовых советов, общин и избирательных участков. Политика «гражданского мира» была рассчитана на расширение опоры РКП(б) в обществе и на упрочение однопартийной системы, а не на ее подрыв. Поэтому закономерный проигрыш большевиками относительно свободных выборов 1925 и 1926 гг. вызвал ответную волну левацких настроений чиновников, стимулировал возврат к авторитарному курсу в 1926–1927 гг.

Представляет значительный интерес краткосрочный опыт деятельности местных советов, в 1925–1926 гг. отчасти взятых в руки «правого блока» – середняков и зажиточных земледельцев. В этом опыте воплотились возможности реформ государственных органов «снизу». Станичные советы принимали решения реабилитировать «лишенцев» и политзаключенных, возродить дореволюционный порядок землепользования; пытались изменить порядок выборов. Но на своем опыте казаки и крестьяне убеждались, что система косвенного и открытого голосования, законодательная база деятельности советов отторгает их замыслы. И сторонники РКП(б), и оппозиционно настроенное большинство хлеборобов проявляли конфронтационность сознания и

поведения. Поэтому курс «оживления советов» остался краткосрочным экспериментом, пресеченным в течение 1926–1927 гг. и «сверху», и «снизу».

Малочисленный предпринимательский слой хлеборобов отнюдь не стремился к вооруженному свержению режима, а надеялся на его перерождение. Все попытки «кулаков» легализовать и повысить свой статус целенаправленно и действенно пресекались, что привело в 1927–1929 гг. к возобновлению подпольных группировок. Середняцкая толща казаков и крестьян признала советский строй, пытаясь его «улучшить» в своих интересах. Лозунги середняков – автономия края, свободные выборы, самоорганизация в Союз хлеборобов, свобода цен и торговли, прекращение земельной реформы. Уравнительные идеалы находили отклик в действиях батраков, бедняков, местных чиновников. Их сплачивали призывы «очистить» советскую власть от бюрократизма, возобновить систему партийного манипулирования советами, пресечь «заигрывание» с казачеством и зажиточными слоями. Активность иногородней бедноты и чиновников подтачивала гражданский мир.

«Левый маневр» сталинской группировки в элите ВКП(б) проводился на Севером Кавказе в 1926–1927 гг. с особым радикализмом. Местные советы были вновь поставлены под жесткий партийный контроль благодаря расширению круга «лишенцев», вмешательству ОГПУ в политические процессы, провокационной «военной тревоге». ВКП(б) вернулась к левацкой опоре на бедняков и батраков в деревне, прекратила с 1927 г. попытки учесть интересы казачества как общности. Одновременно развернулось наступление на права общинных сходов – последнего легального канала самоорганизации хлеборобов.

С начала свертывания нэпа в ходе «чрезвычайных мер» и коллективизации 1928–1929 гг. сходы постепенно были подчинены Советам, а затем (в 1930 г.) упразднены. Сроки выборов в сельсоветы дважды откладывались по политическим причинам. Эти органы подменялись «хлебозаготовительными тройками» наркомов, назначаемыми уполномоченными,

президиумами советов. Показательны попытки упразднить сельсоветы, заменив их колхозами. Авторитетная тенденция элиты возобладала, низводя роль Советов от органов местного самоуправления в интересах большинства населения до одного из рычагов ликвидации многоукладного общества. В итоге утверждения колхозной системы на селе и огосударственной экономики в городах Советы стали играть качественно новую роль корпорации под жестким контролем партийно-государственной элиты.

Крымская ССР создавалась как полиэтничная, территориальная автономия во многом по геополитическим мотивам (возможность экспорта революции в Турцию и на Ближний Восток). Такие факторы, как дисперсное проживание народов, сложный тип землепользования, низкий уровень социально-экономического и культурного развития этнических меньшинств затрудняли создание национальных районов. «Коренизация» обеспечивала весомое представительство крымских татар в органах представительной и исполнительной власти, чего нельзя сказать о ряде других этнических меньшинств. Политика РКП(б) в отношении ислама в Крыму оставалась относительно умеренной, её трансформации имели ту же логику, что и во всесоюзном масштабе. Конфликтность национальной политики проявлялась в формировании латентных институтов этнического протекционизма внутри партийных и государственных органов, в конкурирующих проектах расселения в Крыму татар-репатриантов и евреев. Эти процессы, наложившись на общие тенденции политического курса – коллективизацию и централизацию власти, вызвали в Крыму репрессии в 1928 г., поставившие регион под жёсткий контроль. Конфликт по вопросам национальной политики в Крыму (1925–1928 гг.) завершился полной победой центральных органов власти и разгромом «правой» группировки в крымском партийно-государственном аппарате. Задачи и меры национальной политики были приведены в соответствие со всесоюзными тенденциями, что не привело к отмене «коренизации», означая её корректировку.

Установлены факторы, определившие особенности начального этапа создания автономий Северо-Западного Кавказа.

Партийно-государственное руководство должно было решать одновременно задачи восстановления территориальной целостности и интеграции пространства бывшей империи, повысить статус автохтонных народов путём предоставления им автономий в рамках этнической модели федерализма и «коренизации» аппарата управления, что было сложной и противоречивой стратегией. Факторами, осложнявшими становление автономий, являлись: неурегулированные земельные отношения, память о Кавказской войне, влияние духовенства, низкий уровень грамотности, слабость партийно-государственного аппарата. Сложности процесса на начальном этапе обусловлены экономической и социальной отсталостью региона, сохранением рецидивов Гражданской войны в форме повстанческих выступлений, земельными противоречиями.

Образование автономий Северо-Западного Кавказа в условиях послевоенной разрухи, низкого уровня грамотности, высокой внутриэтнической фрагментации, малочисленности коренных народов способствовало преобладанию экономических мотивов районирования над этнотерриториальным. Но создание автономных областей повысило возможности развивать экономику Северо-Западного Кавказа, расширять хозяйственные связи с другими регионами, формировать управленческий аппарат.

Создание национальных автономий в регионе привело к серьезным территориальным изменениям, положив начало разрушению сложившихся в имперский период административных и этнических границ, что привело к осложнению отношений между системой власти и различными народами Северного Кавказа. Территориальные изменения, будучи попыткой урегулировать конфликты, в свою очередь, порождали ряд межэтнических и социальных противоречий.

На начальном этапе нациестроительства на Северо-Западном Кавказе особое место занимал «русский вопрос». Славянское население, оставаясь влиятельным фактором на Северо-Западном Кавказе, испытывало противоречия в отношениях с автохтонными народами в экономической, политической и религиозной сферах. Создание Горской АССР и Адыгейской (Черкесской) автономной

области шло при сопротивлении органов власти Кубано-Черноморской области по вопросам размежевания территории, землепользования и равного представительства народов в общественной жизни. Партийные и советские органы сдерживали центробежные настроения со стороны ряда представителей этнической интеллигенции и духовенства. Летом 1924 г. органы власти были вынуждены пойти на компромисс с интересами полиэтничного населения в аспектах: уравнительной земельной реформы, соблюдения законности, изъятия оружия, равенства народов, выведения части населенных пунктов с компактным проживанием русских из автономных образований.

Для РКП(б) задачи национально-государственного строительства были подчинены цели укрепления своей власти. Мы установили противоречивость национальной политики 1920-х гг. как средства консолидации лояльных власти групп, создания социальной базы, формирования кадрового потенциала власти. Следствием стало усиление межэтнических конфликтов в Крыму и на Северо-Западном Кавказе по мере перехода к решению задач коллективизации в конце 1920-х гг.

Применительно к сфере национальной политики добиться эффективной коммуникации органов власти с полиэтничным населением было особенно сложно. Причинами затруднений было плохое знание коммунистами (зачастую выходцами из других регионов России, нежели Северный Кавказ и Крым) местных языков, верований и обычаев; высокая текучесть кадров управления («переброски»); слабые сети информирования и влияния в отдалённых горных и степных районах. Например, типичной была ситуация, когда председателем местного (аульного) Совета в автономиях Северного Кавказа являлся имам, дворянин или чиновник дореволюционного времени. Заседания таких аульных Советов обычно проводились по пятницам перед мечетью и понятно, что зажиточные слои местных сообществ контролировали общественное мнение. Проблемой для органов власти была также политическая пассивность женщин, молодёжи, батраков и бедняков вследствие установок традиционной культуры на покорность судьбе. В документах 1920-х гг. часто встречаются упоминания «кланово-родовых» отношений,

которым были подвержены даже местные коммунисты и комсомольцы. Так, происходили частые утечки секретной партийной информации по каналам тейповой и вирдовой солидарности. Должности на местах зачастую занимались по признаку сословной знатности, представителями княжеских родов или обладателями религиозного образования.

Типологически близкая ситуация складывалась в русских станицах и сёлах, где тоже существовали оппозиционные центры влияния: бывшие офицеры, атаманы, дворяне, представители местной интеллигенции. Подчас станичный общий сход имел больше влияния и финансовых средств, чем местный Совет, а поэтому диктовал Совету принимаемые важные решения. Особенно данные явления характерны для периода политики «Лицом к казачеству» (осень 1924 – весна 1926 гг.), когда во многих станицах издавались самодельные газеты и листовки оппозиционного содержания, активно распространялись слухи о слабости власти большевиков и их скором свержении.

Итак, в полиэтничном обществе на Северном Кавказе и в Крыму конкурировали противоположные по политической направленности потоки информации, существовали, наряду с официальными, оппозиционные источники и каналы информирования населения и взаимодействий этнических групп. Но ситуация динамично менялась на протяжении 1920-х гг.

Советская система власти преодолела повстанческие выступления хлеборобов и доказала свою жизнеспособность. Логика сохранения власти толкала большевиков на путь насилия, искоренения всех оппозиционных сил. Иной, умеренный курс в условиях Гражданской войны быстро выявил бы непопулярность РКП(б) и привел бы к ее свержению. Партия умело сочетала притягательные посулы равенства с репрессиями. Использовался комплекс психологических мотиваций: стремление измученных хлеборобов к миру, сословная рознь, желание беднейших слоев общества сделать карьеру. Вместе с тем, большевики олицетворяли с 1920 г. воссоздание единой России, централизм в противовес пагубному сепаратизму окраин. Разрозненные стихийные мятежи не могли сменить власть во всей стране, усугубляли хозяйственную разруху. Путь «третьей» казачье-

крестьянской революции, предложенный проэсеровскими предводителями повстанцев, вёл в тупик. Поэтому движение «бело-зелёных», будучи формой отстаивания интересов зажиточных и середняцких слоев земледельцев, было обречено на поражение.

Развитие вооруженного антибольшевистского движения в Крыму (конец 1920 – 1925 гг.) представляло собой особый период в развитии антибольшевистских выступлений на юге России, спровоцированных навязыванием военно-коммунистической модели.

Антибольшевистские выступления на территории Крымского полуострова отчетливо подразделяются на два больших этапа: первый – конец 1920 – 1922 гг. и второй – 1923–1925 гг. На первом этапе антибольшевистские выступления приняли характер широкого повстанческого движения, второй этап в большей степени характеризуется эпизодическими проявлениями протестных настроений.

В развитии вооруженного антибольшевистского движения, в свою очередь, также можно выделить два временных отрезка. Первый длился приблизительно с начала декабря 1920 г. до конца июля 1921 г., т. е. с начала активной деятельности вооруженных групп до подписания рядом их руководителей мирных соглашений с большевиками, после которого наступило временное «затишье». Второй датируется приблизительно с конца августа – начала сентября 1921 г. по конец 1922 г., т. е. начало его совпадает с новым всплеском движения «бело-зелёных», а конец – с разгромом организованного антибольшевистского движения, хотя отдельные немногочисленные разрозненные отряды «бело-зелёных» проявляли свою активность и в 1923 г.

В мае – июне и осенью 1921 г. для власти большевиков в Крыму существовала реальная серьёзная угроза, и всё же, с нашей точки зрения, на данном временном отрезке вооруженное антибольшевистское движение развивалось более стихийно и было менее опасно для власти, чем ранее.

На протяжении рассматриваемого периода наряду с деятельностью повстанческих отрядов и подпольных организаций

имели место стихийные выступления, которые могли носить и вооруженный, и невооруженный характер.

В деятельности вооруженных групп была ярко выражена этнонациональная компонента, что, в частности, выразилось в характерных формах агитационно-вербовочной работы повстанцев среди местного населения и в лозунгах повстанческих отрядов.

Наряду с системным переходом к новой экономической политике, в стабилизации ситуации важную роль сыграло образование в октябре – ноябре 1921 г. Крымской АССР и постоянных органов власти, пришедших на смену ревкомам. У органов власти появились новые способы решения этнокультурных проблем, что также сыграло общую положительную роль.

Отметим, что общее поражение вооруженного антибольшевистского повстанческого движения в Крыму в значительной мере было обусловлено отсутствием у него единого руководящего центра и связанной с этим разрозненностью действий, отсутствием единой политической и идеологической платформ. Антибольшевистские организации руководствовались, в первую очередь, принципом неприятия власти большевиков, своей альтернативы государственности они предложить не смогли.

Вместе с тем стабилизация внутривластной ситуации в регионе, была достигнута, по нашему мнению, не только благодаря мерам военного, но и политико-экономического характера, в частности, отменой продразверстки и переходом к НЭПу, постепенным решением проблем голодающего населения полуострова, а также поступательному развитию институтов власти Крымской АССР.

повстанческие выступления в автономиях Северного Кавказа вызывались как общими для регионов СССР причинами (влияние зарубежных государств, политика «военного коммунизма», чрезмерное налогообложение, слабое продовольственное снабжение, атеистическая пропаганда), так и своеобразными причинами, характерными для этого региона: социально-экономической отсталостью, традиционализмом, патриархально-

клановыми отношениями, территориальными и этническими конфликтами, повышенной религиозностью населения.

Периодизация повстанческих выступлений в автономиях Северного Кавказа 1920-х гг. дана по критерию направленности выступлений, их ресурсной базы и соотношения сил сторон.

Первый этап (весна 1920 – 1922 гг.) характерен крайне слабым политическим и военным контролем Советской власти над территорией создаваемых автономий, сохранением влиятельных оппозиционных сил, их контролем над обширными периферийными районами. Движения горцев развивались под исламистскими лозунгами, получали непосредственную поддержку Белого движения, Грузии и Азербайджана, Турции, стран Запада.

Второй этап (1923 – лето 1927 гг.) характеризуется преобладанием уголовных, а не политических выступлений, резким сокращением массовости и территориального охвата повстанческих выступлений. Происходит ликвидация наиболее сильных очагов вооружённой сепаратистской оппозиции в Дагестане и Чечне в рамках военно-чекистских спецопераций по разоружению народов Северного Кавказа.

На третьем этапе (осень 1927 – 1929 гг.) насильственная коллективизация и чрезвычайные меры хлебозаготовок приводят к возобновлению массовых политических форм протеста с требованиями шариатского правления. Активизируется деятельность подпольных группировок и повстанческих отрядов. Организационной формой антиколхозного протеста становятся локальные бунты, получившие наибольшее развитие в Чечне, Дагестане и Карачае.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Источники

Архивные материалы

Центр документации новейшей истории Ростовской области (ЦДНИРО).

Ф. 7. Юго-Восточный (с 1924 г. – Северо-Кавказский) краевой комитет РКП(б) – ВКП(б). Оп. 1. Д. 4, 5, 7, 14, 15, 17, 19, 21, 25, 27, 45, 81а, 93, 95, 100, 104, 109, 110, 111, 113, 114, 131, 137, 142, 150, 153, 184, 188, 196, 200, 208, 228, 235, 242, 243, 244, 246, 248, 262, 264, 277, 280, 281, 289, 313, 323, 324, 334, 340, 370, 378, 385, 389, 393, 399, 401, 403, 405, 407, 413, 433, 434, 436, 440, 458, 460, 466, 467, 468, 475, 479, 491, 498, 504, 505, 510, 512, 551, 552, 559, 560, 564, 565, 593, 595, 604, 605, 606, 607, 621, 622, 630, 635, 645, 657, 658, 659, 661, 670, 677, 680, 681, 682, 685, 687, 689, 690, 692, 693, 695, 696, 697, 699, 701, 702, 703, 707, 708, 710, 713, 715, 716, 717, 719, 720, 722, 723, 724, 725, 729, 730, 731, 732, 735, 736, 737, 738, 740, 741, 745, 746, 747, 751, 752, 758, 760, 769, 770, 771, 779, 781, 784, 785, 787, 790, 791, 801, 805, 807, 820, 828, 830, 831, 832, 834, 835, 836, 837, 839, 840, 842, 843, 854, 858, 860, 864, 866, 867, 869, 870, 874, 881, 882, 883, 888, 892, 896, 897, 904, 906, 907, 912, 919, 922, 925, 927, 928, 931, 934, 940, 949, 970а.

Ф. 12. А.И. Микоян. Оп. 5. Д. 171.

Государственный архив Ростовской области (ГАРО).

Ф. Р-1181. Уполномоченный Народного комиссариата труда РСФСР на Юго-Востоке России. Оп. 1. Д. 335; Оп. 4. Д. 499.

Ф. Р-1185. Управление уполномоченного Народного комиссариата Рабоче-Крестьянской инспекции на Юго-Востоке России (с 1924 г. – Северо-Кавказская краевая Рабоче-Крестьянская инспекция). Оп. 1. Д. 46, 327, 536, 537, 538, 710, 712; Оп. 2. Д. 498, 830.

Ф. Р-1390. Северо-Кавказское краевое земельное управление. Оп. 1. Д. 12, 30, 60, 76, 79, 122, 126, 196, 301, 306, 321, 328, 329, 330, 332, 406, 407, 408, 410, 495, 499, 500, 501, 502; Оп. 5. Д. 19, 630; Оп. 6. Д. 243, 520, 656, 1086.

Ф. Р-1485. Краевой исполнительный комитет Советов Юго-Востока России (с 1924 г. – Северо-Кавказский краевой исполнительный комитет Советов). Оп. 1. Д. 1, 23, 25, 26, 47, 131, 132, 133, 134, 135, 136, 137, 138, 139, 145, 164, 172, 195, 197, 226, 227, 228, 229, 246, 247, 248, 250, 300, 317, 333,

336, 347, 350, 351, 365, 366, 367, 368, 369, 370, 371, 396, 397, 398, 399, 400, 406, 409, 412, 413, 414, 416, 532, 533, 534, 553, 554, 555, 556, 557, 558, 591, 604, 619а.

Ф. Р-1681. Горный отдел Северо-Кавказского краевого совета народного хозяйства. Оп. 1. Д. 16.

Ф. Р-1748. Донской окружной исполнительный комитет Советов. Оп. 1. Д. 334.

Ф. Р-2287. Северо-Кавказский краевой совет профессиональных союзов. Оп. 1. Д. 632, 1034, 2602.

Ф. Р-2443. Северо-Кавказская краевая плановая комиссия. Оп. 1. Д. 374, 1032; Оп. 2. Д. 199; Оп. 2. Т. 1. Д. 105, 517; Оп. 2. Т. 2. Д. 1333.

Ф. Р-3758. Совет Кавказской армии труда (с 1921 г. – Революционный совет армии труда Юго-Востока России, с 1922 г. – Краевой экономический совет Юго-Востока России). Оп. 1. Д. 20, 53, 54, 68, 164, 172, 309, 353, 381, 453, 471, 507, 613; Оп. 2. Д. 8, 53, 55, 56.

Центр документации новейшей истории Краснодарского края (ЦДНИКК)

Ф. 1. Кубано-Черноморский областной комитет РКП(б). Оп. 1. Д. 170, 314, 315, 354а, 356.

Ф. 8. Кубанский окружной комитет РКП(б). Оп. 1. Д. 3, 68, 82, 303, 309, 405, 407, 410, 414.

Ф. 9. Черноморский окружной комитет РКП(б). Оп. 1. Д. 817, 875, 878, 923.

Ф. 12. Армавирский окружной комитет РКП(б). Оп. 1. Д. 5, 27, 54, 56.

Ф. 2816. Майкопский окружной комитет РКП(б). Оп. 1. Д. 130, 382.

Государственный архив Краснодарского края (ГАКК)

Ф. Р-102. Кубано-Черноморский областной отдел управления. Оп. 1. Д. 25, 330, 342.

Государственный архив Республики Крым (ГАРК)

Ф. 1. Крымский обком РКП(б). Оп. 1. Д. 23, 59, 60, 69, 91, 135, 253, 312, 382.

Ф. Р-702. Помощник прокурора республики по наблюдению за органами Крымского политического управления и местами заключения Крымской АССР. Оп. 1. Д. 8, 16.

Ф. Р-1024. Керченский уездный революционный комитет. Оп. 1. Д. 10.

Ф. Р-1108. Верховный суд Крымской АССР. Оп. 1. Д. 7, 8, 9, 10.

Ф. Р-1188. Крымский революционный комитет. Оп. 2. Д. 1; Оп. 3. Д. 65, 70, 72, 93, 217, 218, 224, 230.

Р-1202. Ялтинский уездный революционный комитет. Оп. 2. Д. 8.

Ф. Р-1881. Симферопольская городская чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией и преступлениями по должности. Оп. 1. Д. 1.

Ф. Р-3285. Части особого назначения Крымской АССР. Оп. 1. Д. 105, 229, 383, 394, 507, 623, 663, 667; Оп. 2. Д. 6, 8, 9, 24, 71а, 91.

Законодательные и делопроизводственные акты, отчёты органов государственной власти

Декреты Советской власти: Сб. документов и материалов / редкол.: Д.И. Антонюк, Ю.А. Ахапкин, И.В. Загоскина. М.: Политиздат, 1983. Т. 11. XII, 467 с.; 1986. Т. 12. XVIII, 428 с.; 1989. Т. 13. XVIII, 572, 1 с.; 1997. Т. XIV. 414 с.; 1999. Т. XV. 432 с.; 2004. Т. 16. 592 с.; 2006. Т. 17. 512 с.; 2009. Т. 18.

Конституция (Основной Закон) Российской Социалистической Федеративной Советской Республики. Принята V Всероссийским съездом Советов в заседании от 10 июля 1918 года. URL: <http://constitution.garant.ru/history/ussr-rsfsr/1918/> (дата обращения: 12.10.2022).

Конституция (Основной закон) Российской Социалистической Федеративной Советской Республики (утверждена постановлением XII Всероссийского Съезда Советов от 11 мая 1925 г.) (с изменениями и дополнениями). URL: http://constitution.garant.ru/history/ussr-rsfsr/1925/red_1925/185477/ (дата обращения: 12.06.2022).

Конституция (Основной Закон) Союза Советских Социалистических Республик (утверждена резолюцией II-го Съезда Советов Союза ССР от 31 января 1924 г.). URL: <http://constitution.garant.ru/history/ussr-rsfsr/1924/> (дата обращения: 12.06.2022).

Конституции Республики Дагестан: советский и постсоветский периоды: Хрестоматия / сост. Д.Ш. Пирбудагова. Махачкала: Изд-во ДГУ, 2017.

Материалы к вопросу о районировании Кавказа. Краснодар: Кубано-Черномор. обл. экон. совещание, 1923. Вып. 1. 82 с.

Отчёт 3-й сессии Центрального исполнительного комитета Горской Социалистической Советской Республики 2-3 октября 1923 г. Владикавказ: ГЦИК, 1923. 15 с.

Протоколы руководящих органов Народного комиссариата по делам национальностей РСФСР, 1918–1924 гг.: Каталог документов / ред. В.П. Козлов; отв. сост. И.А. Зюзина. М.: РОССПЭН, 2001. 295 с.

Районированный Дагестан (административно-хозяйственное деление ДССР по новому районированию 1929 г.). Махачкала: Орготдел ЦИК ДССР, 1930. 56, XXIV, 114 с.

Собрание узаконений и распоряжений рабоче-крестьянского правительства РСФСР, издаваемое Народным комиссариатом юстиции. М., 1921–1930.

Собрание узаконений СССР. М., 1923–1930.

Советская политика за 10 лет по национальному вопросу в РСФСР. Систематический сборник действующих актов правительств Союза ССР и РСФСР по делам национальностей РСФСР (октябрь 1917 – ноябрь 1927 г.) / с предисл. А.С. Киселёва; под общ. ред. Г.К. Клейнера. М.; Л.: Гос. изд-во, 1928. XXXVI, 499 с.

Совещание уполномоченных по работе среди национальных меньшинств при ЦИК'ах автономных республик, областных, краевых и губернских исполнительных комитетов. 1928 г. Стеногр. отчёт. М.: ВЦИК, 1928. 521 с.

Стенографический отчёт 2-й краевой конференции по вопросам культуры и просвещения горских народов Северного Кавказа. От 16 по 23 июня 1925 г. Ростов н/Д: Крайоно, 1926. 306 с.

Съезды Советов Союза ССР, союзных и автономных Советских Социалистических Республик: Сборник документов. 1917–1936 гг.: В 3 т. / ред. кол.: М.П. Георгадзе (гл. ред.) и др.; Ин-т права Акад. наук СССР. М.: Госюриздат, 1959. Т. 1. XXXI, 836 с.; 1960. Т. 2. 615 с.; 1960. Т. 3. 399 с.

Шесть лет национальной политики Советской власти и Наркомнац (вместо отчёта). М.: Отд. печати и информ. НКН, 1924. 228, 1 с.

Документы Коммунистической партии

Двенадцатый съезд РКП(б) (17–22 апреля 1923 г.). Стенографический отчёт. М.: Политиздат, 1968. XXII, 904 с.

КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. 9-е изд., доп. М.: Политиздат, 1983. Т. 2. 1917–1922. 606 с.; 1984. Т. 3. 1922–1925. 494 с.; Т. 4. 1926–1929. 575 с.; Т. 5: 1929–1932. 446 с.

Советское руководство: Переписка: 1928–1941 гг. / сост. А.В. Квашонкин и др. М.: РОССПЭН, 1999. 519 с.

Стенограммы заседаний Политбюро ЦК РКП(б) – ВКП(б), 1923–1938 гг.: В 3 т. / редкол.: К.М. Андерсон, А.Ю. Ватлин и др. М.: РОССПЭН, 2007. Т. 1. 1923–1926 гг. 958 с.; Т. 2. 1926–1927 гг. 670 с.; Т. 3. 1928–1938 гг. 814 с.

Тайны национальной политики. Четвёртое совещание ЦК РКП с ответственными работниками национальных республик и областей в

г. Москве 9–12 июня 1923 г. Стеногр. отчёт / вступ. ст. Б.Ф. Султанбекова. М.: НПО «ИНСАН», 1992. 293 с.

Тринадцатый съезд РКП(б). Май 1924 года: Стенографический отчёт. М.: Госполитиздат, 1963. XXIV, 884 с.

ЦК РКП(б) – ВКП(б) и национальный вопрос: сб. документов / сост. Л.С. Гатагова, Л.П. Кошелева, Л.А. Роговая. М.: РОССПЭН, 2005. Кн. 1. 1918–1933 гг. 782 с.; 2009. Кн. 2. 1933–1945 гг. 1094 с.

Выступления и статьи руководителей Коммунистической партии и государства

Калинин М.И. За эти годы. Л.: Госиздат, 1926. Кн. 1. 379, 14 с.; Кн. 2. 432, 12 с.; 1929. Кн. 3. 456, 9 с.

Калинин М.И. Избранные произведения в 4 т. М.: Госполитиздат, 1957. Т. 1. 1917–1925 гг. 514 с.

Киров С.М. Избранные статьи и речи 1911–1934 гг.). М.: Госполитиздат, 1957. 718 с.

Ленин В.И. К вопросу о национальной политике // Ленин В.И. Полн. собр. соч. М., 1969. Т. 25. С. 64–72.

Ленин В.И. К вопросу о национальностях, или об «автономизации» // Ленин В.И. Полн. собр. соч. М., 1964. Т. 45. С. 356–362.

Ленин В.И. К товарищам коммунистам Азербайджана, Грузии, Армении, Дагестана, Горской республики // Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 43. С. 198–199.

Ленин В.И. О Доне и Северном Кавказе: статьи, выступления, резолюции, телеграммы, записки и другие документы / введ. Л.И. Берза, Л.А. Этенко; Парт. архив Рост. обкома КПСС. 2-е доп. изд. Ростов н/Д: Кн. изд-во, 1969. 507 с., 10 л.

Ленин В.И. О праве наций на самоопределение // Ленин В.И. Полн. собр. соч. М., 1969. Т. 25. С. 255–320.

Ленин В.И. Проект постановления о задачах РКП (б) в местностях, населённых восточными народностями // Ленин В.И. Полн. собр. соч. М., 1963. Т. 41. С. 342–343.

Ленин В.И. Телеграмма Г.К. Орджоникидзе и записка Л.Д. Троцкому // Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 51. С. 175.

Ленин, Советское многонациональное государство, Дагестан / науч. ред. А.Г. Агаев. Махачкала: Дагестанское книжное изд-во, 1974. 221 с.

Луначарский А.В. Проблемы образования в автономных республиках и областях // Жизнь национальностей. 1924. № 1 (6). С. 31–33.

Орджоникидзе Г.К. Статьи и речи. В 2 т. М.: Госполитиздат, 1956. Т. 1. 516 с.

Сталин И.В. Доклад о советской автономии Терской области: выступление на Съезде народов Терской области 17 ноября 1920 г. // Сталин И.В. Соч. М.: ОГИЗ, 1947. Т. 4. С. 399–406.

Сталин И.В. Историческая идеология в СССР в 1920–1950-х гг.: Переписка с историками, статьи и заметки по истории, стенограммы выступлений: Сб. документов и материалов. СПб.: Наука-Питер, 2006. Ч. 1. 1920–1930-е гг. 494 с.

Сталин И.В. К постановке национального вопроса // Сталин И.В. Соч. М.: ОГИЗ, 1947. Т. 5. С. 52–59.

Сталин И.В. Марксизм и национальный вопрос // Сталин И.В. Соч. М.: ОГИЗ, 1946. Т. 2. С. 290–367.

Сталин И.В. Октябрьский переворот и национальный вопрос // Сталин И.В. Соч. М.: ОГИЗ, 1946. Т. 4. С. 155–167.

Сталин И.В. Организация Российской федеративной республики. Беседа с сотрудниками газеты «Правда» // Сталин И.В. Соч. М.: ОГИЗ, 1946. Т. 4. С. 66–73.

Работы партийно-советских работников и публицистов

Алиев У. Достижения Соввласти на Северном Кавказе в области национальной политики к 10-летию Октября. Ростов н/Д: Севкавиздат, 1927. 19 с.

Алиев У. Национальный вопрос и национальная культура в Северо-Кавказском крае: Итоги и перспективы. К предстоящему съезду горских народов. Ростов н/Д: Севкавкнига; Крайнациздат, 1926. 128 с.

Бройдо Г.И. Наша национальная политика и очередные задачи наркомнаца // Жизнь национальностей. 1923. № 1.

Диманштейн С.М. Проблемы национальной культуры и культурного строительства в национальных республиках // Вестник Коммунистической академии. 1929. Кн. 3. С. 131.

Ибраимов В. Пять лет Советской власти в Крыму // Весь Крым, 1920–1925 (За пять лет): Юбилейный сборник. Симферополь: Изд-во Крым ЦИКа, 1926. С. I–XIX.

Калмыков Б.Э. Статьи и речи / под ред. и с предисл. Б.Х. Цавкилова. Нальчик: Кабардино-Балкар. кн. изд-во, 1961. 150 с.

Островский З.Г. Проблема украинизации и белорусизации в РСФСР. Москва: Изд-во «Власть советов» при Президиуме ВЦИК, 1931. 83 с.

Полетаев Д. На боевом участке национально-культурного строительства: подготовка национальных кадров в Крыму / Д. Полетаев. Симферополь: Крымское гос. изд-во, 1931. 63, 1 с.

Революция и национальный вопрос. Документы и материалы по истории национального вопроса в России и СССР в XX веке. / сост. С.М. Диманштейн. М.: Изд-во Коммунист. академии, 1930. Т. III. 467 с.

Самурский (Эфендиев) Н. Дагестан. М.; Л.: ГИЗ, 1925. 174 с.

Самурский (Эфендиев) Н. Итоги и перспективы Советской власти в Дагестане. К X-й годовщине Октябрьской революции. Махачкала: Отд. печати ДК ВКП (б), 1927. 56 с.

Султан-Галиев М.Х. О положении в Крыму / предисл., подгот. текста и коммент. С.А. Усова // Крымский архив. Симферополь, 1996. № 2. С. 83–97.

Тахо-Годи А. Революция и контрреволюция в Дагестане. 2-е изд. Махачкала: Дагестан. науч.-исслед. ин-т, 1927. 236 с., 16 л.

Трайнин И.О. О племенной автономии // Жизнь национальностей. 1923. № 2. С. 19–26.

Хронин В.Н. Административное устройство и план проведения районирования Юго-Востока // Юго-Восток. Ростов н/Д, 1924. № 4. С. 11–28.

Статистические материалы

Всесоюзная перепись населения СССР 1926 года: окончательные итоги. М.: Изд-во ЦСУ СССР, 1929. Т. IX. VI, 228 с.; Т. XVII. VI, 111 с.

Дагестан. Факты и цифры о ДАССР / сост. Г. Исакзон, А. Назаревич; под общ. ред. И. Грушина. Махачкала: Газ. «Красный Дагестан», 1929. 218, 3 с.

Национальная политика ВКП(б) в цифрах. М.: Изд-во Коммунистической академии, 1930. 328 с.

По автономным областям Северо-Кавказского края и городу Владикавказу: деловой справочник / под общ. ред. И.Е. Аншелес. Владикавказ: Изд-во Общества «Долой неграмотность» и «Компома», 1927. 80, 54 с.

Северный Кавказ после районирования. Итоги и выводы. Ростов н/Д: Изд-во Сев.-Кав. краев. исполн. комитета, 1925. Т. 1. XX, 541 с.

Список народностей Союза Советских Социалистических Республик / сост. под ред. И.И. Зарубина. Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1927. 50 с.

Статистический ежегодник 1921 г. М.: Изд-во ЦСУ РСФСР, 1922. Вып. 1. XIX, 372 с.

Статистический справочник по Северо-Кавказскому краю / Северо-Кавказ. краевое стат. упр. Ростов н/Д: Гос. типография Донполиграфбума, 1925. 3, 486 с.

Труды Центрального Статистического Управления. Предварительные итоги переписи населения 28 августа 1920 г. М.: Типогр. моск. СНХ, 1920. Т. 1. Вып. 1. 25 с.; 1921. Вып. 2. 23 с.; 1921. Вып. 3. 19 с.

Сборники документов

Аграрный вопрос и переселение горцев Дагестана на равнину (1920–1995 гг.). Документы и материалы / под ред. А.И. Османова. В 2 т. Махачкала, 2006. Т. 1. 344 с.

Борьба за установление и упрочение Советской власти в Дагестане. 1917–1921 гг.: Сб. документов и материалов / под ред. Г.-А.Д. Даниялова. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1958. 539 с.

Вайнахи и имперская власть: проблема Чечни и Ингушетии во внутренней политике России и СССР (начало XIX – середина XX в.) / сост. и авт. коммент. И.А. Зюзина и др. М.: РОССПЭН; Фонд «Президентский центр Б.Н. Ельцина», 2011. 1094 с., 8 л.

Власть и мусульманская религия в Дагестане (ноябрь 1917 – декабрь 1991 г.): Документы и материалы / сост. Г.И. Какагасанов, М.Д. Бутаев, М.М. Амирханов. Махачкала: Ин-т археол. и этнол. Дагест. науч. центра РАН, 2007. 276 с.

Внутренние войска Советской Республики. 1917–1922 гг.: Документы и материалы / ред. комис.: И.К. Яковлев (пред.) и др. М.: Юрид. лит., 1972. 707 с.

Возникновение и укрепление Кабардино-Балкарской областной партийной организации в 1917–1922 гг. (сб. документов и материалов) / под ред. Х.Г. Берикетова. Нальчик: Кабардино-Балкар. кн. изд-во, 1963. 324 с.

Восстановительный период в Северной Осетии 1921–1925 гг.: сб. документов / сост. А.К. Джанаев и др. Орджоникидзе: Сев.-Осетин. кн. изд-во, 1965. 370 с.

Дагестан. К 15-й годовщине Октября. Сб. Махачкала: Даггосиздат, 1932. 94 с.

Документы по истории борьбы за Советскую власть и образование автономии Кабардино-Балкарии (1917–1922 гг.) / сост. Р.Х. Гугов и др. Нальчик: Эльбрус, 1983. 800 с.

«К очередным задачам Горской республики» / публ. Л.С. Гатаговой // История народов России в исследованиях и документах. М.: ИРИ РАН, 2007. Вып. 2.

Коллективизация и антиколхозные выступления в Дагестане (1927–1940 гг.). Документы и материалы / сост. Г.И. Какагасанов. Махачкала: Юпитер, 2007. 267 с.

Краткий периодический обзор повстанческого движения на территории Северо-Кавказского военного округа по данным к 1-му июля 1922 г., за июнь 1922 г. Ростов н/Д: Штаб Сев.-Кав. Воен. округа, 1922. 24 с.

Краткий периодический обзор повстанческого движения на территории Северо-Кавказского военного округа по данным к 1-му декабря 1922 г.: За ноябрь 1922 г. Ростов н/Д: Штаб Сев.-Кав. Воен. округа, 1922. 12 с.

Культурное строительство в СССР. 1917–1927 гг. Разработка единой государственной политики в области культуры. Документы и материалы / под ред. А.П. Ненарокова. М.: Наука, 1989. 381 с.

Лубянка. Сталин и ВЧК – ГПУ – ОГПУ – НКВД. Архив Сталина. Документы высших органов партийной и государственной власти. Январь 1922 – декабрь 1936 года / под ред. А.Н. Яковлева. М.: Междунар. фонд «Демократия», 2003. 912 с.

Мусульманское право на Северном Кавказе в XIX – первой трети XX в.: сб. документов: хрестоматия / сост. В.В. Момотов, Л.Г. Свечникова. Краснодар: Кубан. гос. ун-т, 2008. 193 с.

Национальный вопрос на перекрёстке мнений, 20-е гг.: Документы и материалы / сост. В.А. Горный и др. М.: Наука, 1992. 268 с.

От вековой отсталости – к социализму. Осуществление ленинской национальной политики в Чечено-Ингушетии (1917–1941 гг.): Сб. документов и материалов / сост. Е.А. Варавина и др. Грозный: Изд-во Чечено-Ингуш. гос. ун-та, 1977. 203 с.

Обычное право, мусульманское право и акты Российского государства на Северном Кавказе (вторая половина XVIII – первая треть XX вв.): хрестоматия / Д.Ю. Шапсугов, Л.Г. Свечникова, М.А. Исмаилов. Ростов н/Д: Изд-во Сев.-Кав. акад. гос. службы, 2008. 495 с.

Органы государственной безопасности и общество: Кабардино-Балкария, 1920–1992: Сб. документов и материалов / сост. и авт. коммент. А.В. Казаков. Нальчик Эль-Фа, 2007. 375 с.

Почему горцы Северного Кавказа призываются в Рабоче-Крестьянскую Красную Армию. Ростов н/Д: Изд-во ПУ СКВО, 1927. 16 с.

Политические репрессии в Кабардино-Балкарии в 1918–1930-х годах: (статьи и документы) / гл. ред. В. Хатажуков; науч. ред. О. Жаиситов. В 6 вып. Нальчик: Кабардино-Балкар. республ. правозащит. центр, 2008. Вып. 2. 39 с.; 2009. Вып. 3. 43 с.; 2010. Вып. 4. 43 с.

Ревкомы Крыма: Сборник документов и материалов / отв. ред. Л.Д. Солодовник. Симферополь: Крым, 1968. 244 с.

Революционные комитеты Терской области в борьбе за восстановление и упрочение Советской власти (октябрь 1919 г. – август 1920 г.): сб. документов и материалов / сост. О.А. Кобахидзе. Сухуми: Алашара, 1971. XL, 431 с.

Революция и национальный вопрос: Документы и материалы по истории национального вопроса в России и СССР в XX веке / под ред. С.М. Диманштейна. М.: Изд-во Ком. Академии, 1930. Т. 3. XXXIX, 467 с.

Реформа в Красной Армии. Документы и материалы. 1923–1928 гг. / сост. Н.С. Тархова, П.М. Шабардин. В 2 кн. М.; СПб.: Летний сад, 2006. Кн. 1. 720 с.; Кн. 2. 525 с.

Роль Красной Армии в хозяйственном и культурном строительстве на Северном Кавказе и в Дагестане в 1920–1922 гг. Сб. документов и воспоминаний / сост. А.С. Амирханова-Кулиш. Махачкала: Дагест. фил. АН СССР, 1968. 380 с.

«Совершенно секретно»: Лубянка – Сталину о положении в стране (1922–1934 гг.): в 10 т. / редкол.: Ю.Л. Дьяков (отв. ред.) и др. М.: ИРИ РАН, 2001. Т. 1. Ч. 1. 490 с.; Т. 1. Ч. 2. 613 с.; Т. 2. 511 с.; Т. 4. Ч. 1. 704 с.; Т. 4. Ч. 2. 487 с.; 2003. Т. 5. 798 с.; 2002. Т. 6. 795 с.

Советская деревня глазами ВЧК – ГПУ – НКВД: 1918–1939. Документы и материалы: В 4 т. / под ред. А. Береловича, В.П. Данилова. М.: РОССПЭН, 2000. Т. 1. 1918–1922 гг. 864 с.; Т. 2. 1923–1929 гг. 1168 с.

Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927–1939. Документы и материалы. В 5 т. / под ред. В.П. Данилова, Р. Маннинг, Л. Виолы. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 1999. Т. 1. Май 1927 – ноябрь 1929. 880 с.; 2000. Т. 2. Ноябрь 1929 – декабрь 1930. 927 с.

Украинизация Кубани. Материалы по истории культуры Кубани. 1920–30 гг. Краснодар, 1991.

Українська мова та література: Програми й методичні поради для курсів перепідготовки радпару / Кубанський округ. Комісія по українзації; уложив І. Пелипейко. Краснодар: типо-лит. «Севкавполиграфтреста» им. А.А. Лиманского, 1929. 27 с.

ЦК РКП(б)–ВКП(б) и национальный вопрос / сост.: Л.С. Гатагова, Л.П. Кошелева, Л.А. Роговая. Москва: РОССПЭН, 2005. Кн. 1: 1918–1933 гг. 782, 1 с.

Периодическая печать

Жизнь национальностей. Орган Наркомнаца РСФСР. М., 1921–1922.

Известия Северо-Кавказского краевого исполнительного комитета. Ростов н/Д, 1925–1929.

Известия Северо-Кавказского краевого комитета ВКП(б). Ростов н/Д, 1926–1929.

Красный Крым. Орган Крымского революционного комитета, Крымского обкома РКП(б) и Крым ЦИКа. Симферополь, 1921–1927.

Ленинский путь. Ежемесячный политико-экономический журнал Северо-Кавказского краевого комитета ВКП(б). Ростов н/Д, 1925–1930.

Революция и горец. Политико-экономический, литературно-публицистический и историко-краеведческий ежемесячник. Ростов н/Д, 1928 – 1933.

Северо-Кавказский край. Ростов н/Д, 1924–1929.

Юго-Восток: орган Крайэкономсовета Юго-Востока России. Ростов н/Д, 1922–1924.

Воспоминания и документы личного происхождения

Микоян А.И. В начале двадцатых ... М.: Политиздат, 1975. 384 с.

Микоян А.И. Так было. М.: Вагриус, 1999. 612 с.

Овеяны знаменем Октября: Сб. очерков, воспоминаний, документов / сост. Б.П. Кияшко, Л.П. Кравцова, Л.Л. Сергиенко. Симферополь: Таврия, 1987. 208 с.

Фомин Ф.Т. Записки старого чекиста. М.: Госполитиздат, 1962. 205 с.

Научная литература

Абдулатипов Р.Г. Федерализм в истории России: в 3 кн. / Р.Г. Абдулатипов, Л.Ф. Болтенкова, Ю.Ф. Яров. М.: Республика, 1992. Кн. 1. 383 с.

Абилов А.А. Борьба Коммунистической партии за осуществление культурной революции в Дагестане. Махачкала: Дагкнигоиздат, 1957. 99 с.

Аверьянов А.В. «Восточные народности» Юга России в контексте советской национальной политики 1920–1930-х гг. // Научная мысль Кавказа. Ростов н/Д, 2020. № 2 (102). С. 60-67.

Аверьянов А.В. Вопросы национальной политики на Дону, Кубани и Ставрополье в 1920–1930-е гг.: от национального размежевания к национальной интеграции // Научная мысль Кавказа. Ростов н/Д, 2017. № 4 (92). С. 91–96.

Аверьянов А.В. Иммиграционные коммуны и колхозы на Дону и Кубани в 1920-е гг. // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. Пенза, 2019. № 3 (51). С. 30–38.

Аверьянов А.В. К вопросу о формировании общерусской идентичности на Дону и Кубани // Гуманитарные и социально-экономические науки. Ставрополь, 2017. № 5 (96). С. 84–89.

Аверьянов А.В. К вопросу об административно-территориальном устройстве национальных меньшинств в Терском округе Северо-Кавказского края // Вестник Костромского государственного университета. 2020. Т. 26, № 1. С. 47–52.

Аверьянов А.В. Колонизационно-переселенческая политика в Северо-Кавказском крае в 1920-е годы: этнический аспект // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: История. Политология. Социология. 2019. № 3. С. 21–26.

Аверьянов А.В. Национальная политика на Дону, Кубани и Ставрополье в 1920–1930-е гг. Ростов н/Д; Таганрог: Изд-во Южного федер. ун-та, 2020. 308 с.

Аверьянов А.В. Особенности партийного строительства среди дисперсных этносов на Дону, Кубани и в Черноморье в 1920–1930-е гг. // Манускрипт. Тамбов, 2020. Т. 13, № 1. С. 21–25.

Аверьянов А.В. Политика украинизации на Юге России в 1920-е – начале 1930-х годов: некоторые сравнительные аспекты // Изв. высш. учеб. завед. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. Ростов н/Д, 2020. № 2. С. 13–21.

Аверьянов А.В. Советское строительство в национальной среде в Северо-Кавказском крае (на примере немецкого населения) // Гуманитарные и юридические исследования. Ставрополь, 2020. № 1. С. 8–15.

Аверьянов А.В. Феномен национальной политики в СССР: особенности становления и развития в 1917–1930-е гг. // Гуманитарные и юридические исследования. Ставрополь, 2019. № 1. С. 8–14.

Аверьянов А.В. Формирование и трансформация механизмов интеграции национальных меньшинств на Дону, Кубани и Ставрополье в 1920–1930-е гг. // Гуманитарные и социально-экономические науки. Ростов-на-Дону, 2018. № 5 (102). С. 90–95.

Авторханов А.Г. Империя Кремля: советский тип колониализма. Вильнюс: АО Изд-во Московского объединения избирателей (ИМОИ), 1990. 240 с.

Агаджанов Ю.Г. Политическая работа Чечено-Ингушской партийной организации в массах (1921–1929 гг.). Грозный: Чечено-Ингуш. кн. изд-во, 1970. 67 с.

Агаев А.Г. Нажмутдин Самурский. Политический портрет. Махачкала: Дагкнигиздат, 1990. 460 с.

Аграрная политика Коммунистической партии на Дону и Северном Кавказе (1920–1937) / С.М. Смагина, Я.А. Перехов, Н.Г. Цыганаш и др.; отв. ред. С.М. Смагина. Ростов н/Д: Изд-во Ростов. ун-та, 1985. 165 с.

Аджиева З.И. Властные структуры Карачаевской национальной автономии в годы нэпа // Изв. Рос. гос. пед. ун-та им. А.И. Герцена. СПб., 2008. Вып. № 69. С. 11–17.

Административно-территориальное устройство России: история и современность / под общ. ред. А.В. Пыжикова. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2003. 318 с.

Айшаев О.О. Крестьянские восстания на Северном Кавказе в период коллективизации сельского хозяйства // Политические репрессии в Кабардино-Балкарии в 1918–1930-х годах. Статьи и документы. Нальчик: Кабардино-Балкар. республ. правозащитн. центр, 2012. Вып. 5. С. 7–27.

Акиева С.И. Национально-государственное строительство и образовательная политика на Северном Кавказе в 1920–1930-е гг. // Татьяна Павловна Хлынина: In Memoriam. Сб. статей и материалов. Ростов н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2017. С. 269–283.

Акиева С.И. Советская модернизация как детерминанта поселенческих и этнодемографических процессов в Кабардино-Балкарии с 1920 по 1940 г. // Общество: философия, история, культура. Краснодар, 2018. № 10. С. 72–77.

Акопян В.З. «Великий перелом» в национально-государственном строительстве на Северном Кавказе // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер.: История. Международные отношения. 2013. Т. 13. Вып. 3. С. 106–111.

Акопян В.З. Государственная конфессиональная политика в отношении лютеранских приходов Северного Кавказа в 1920–1930-е годы // Вестник Удмуртского университета. Сер. История и филология. Ижевск, 2017. Т. 27, № 4. С. 604–610.

Акопян В.З. Дискуссия по вопросу об административном центре Мясниковского района (1920-е гг.) // Гуманитарные и юридические исследования. Ставрополь, 2018. № 2. С. 8–16.

Акопян В.З. Из истории автономизации казачьего населения в национальных регионах Северного Кавказа // Каспийский регион: политика, экономика, культура. Астрахань, 2013. № 1 (34). С. 26–31.

Акопян В.З. Из истории представительства армянского населения Северного Кавказа в местных органах власти в двадцатые годы XX века // Научная мысль Кавказа. 2012. № 4 (72). С. 84–89.

Акопян В.З. К истории создания национальных украинских секций при Северо-Кавказском краевом комитете ВКП(б) // Клио. СПб., 2013. № 6 (78). С. 68–73.

Акопян В.З. Национально-государственное и административно-территориальное строительство на Северном Кавказе в 20–30 гг. XX в. Пятигорск: Пятигор. гос. лингвист. ун-т, 2009. 95 с.

Акопян В.З. Национальные подразделения во властных структурах Юга России (1920–1930-е гг.). Ростов н/Д: Ростовский гос. ун-т путей сообщения, 2014. 288 с.

Акопян В.З. Образование национальных сельских поселений дисперсных этносов на Юге России в 20–30-е годы XX века. Пятигорск: Пятигорский государственный лингвистический университет, 2015. 202 с.

Акопян В.З. Образование новых армянских поселений на Дону в 1920–1930-е годы // Вестник Удмуртского университета. Серия История и филология. Ижевск, 2016. Т. 26. № 4. С. 122–128.

Акопян В.З. Общее и особенное в причинах украинизации на Юге России и Украине // Украинцы Юга России: проблемы истории, культуры, социально-экономического развития: материалы междунар. науч. конф. Ростов н/Д, 3–4 окт. 2013 г. Ростов н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2013. С. 167–173.

Акопян В.З. Политика украинизации на Ставрополье в 1920–1930 годы: замыслы, осуществление, итоги // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2015. Т. 15. № 2. С. 48–56.

Акопян В.З. Проблема определения официального языка и письменности национальных меньшинств Северного Кавказа в 20–30-е годы XX века // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Серия: Общественные науки. Ростов н/Д, 2013. № 1 (173). С. 29–34.

Акопян В.З. Проблемы национальных меньшинств в деятельности комиссии по национальной политике Северо-Кавказского крайкома (1920-е годы) // Научная мысль Кавказа. Ростов н/Д, 2013. № 2. С. 76–79.

Акопян В.З. Северный Кавказ: государственное строительство, экономика и культура. 1920–1940 гг. Ростов н/Д: Изд-во РГУПС, 2010. 170 с.

Акопян В.З. Советская политика «натурализации» ассирийцев путем их землеустройства на Юге России в 1920–1930-е гг. // Проблемы российской цивилизации и методики преподавания истории. 2016. № 8. С. 114–128.

Акопян В.З. Украинизация как способ преодоления казачьей сословности на Кубани в 20–30-е годы XX века // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. 2013. № 1. С. 271–275.

Акопян В.З. Украиноязычная пресса и издательское дело на Северном Кавказе в период осуществления политики украинизации (1920–30-е гг.) // Вестник Ленинградского государственного университета имени А.С. Пушкина. СПб., 2014. Т. 4, № 2. С. 224–232.

Акопян В.З. Формирование и деятельность национальных структур в органах народного образования на Северном Кавказе в 1920–30-е гг. // Вестник Северо-Кавказского федерального университета. Ставрополь, 2014. № 1 (40). С. 101–104.

Албанви А. Под лозунгами Ислама. URL: <https://www.proza.ru/2011/10/30/437> (дата обращения: 01.03.2021).

Алиев А.И. На путях к социализму. Осуществление Коммунистической партией ленинской национальной политики в Дагестане (1920–1925 гг.). Махачкала: Дагест. кн. изд-во, 1974. 171 с.

Алиев У., Городецкий В., Сиюхов С. Адыгея (Адыгейско-Черкесская автономная область). Историко-этнологический и культурно-экономический очерк. Ростов н/Д: Севкавказиздат, 1927. 184 с.

Алиева С.И.Г. К вопросу о национальной политике большевиков на Кавказе (1917–1920-е гг.) // Современная научная мысль. 2017. № 5. С. 34–43.

Алпатов В.М. 150 языков и политика: 1917–2000. Социолингвистические проблемы СССР и постсоветского пространства. 2-е изд., доп. М.: КРАФТ+; Ин-т востоковед. РАН, 2000. 223 с.

Алпатов В.М. Языковая политика в СССР в 20–30-е годы: утопии и реальность // Восток. 1993. № 5. С. 113–127.

Алхастова З.М. Развитие советской политической системы Чечни во второй половине 1920-х – первой половине 1930-х гг. // Общество: философия, история, культура. Краснодар, 2016. № 7. С. 77–80.

Аманжолова Д.А. Историография изучения национальной политики // Исторические исследования в России. Тенденции последних лет. М.: АИРО-XX, 1996. С. 308–331.

Аманжолова Д.А., Дроздов К.В., Красовицкая т.Ю., Тихонов В.В. Советский национальный проект в 1920–1940-е годы: идеология и практика. М.: Новый хронограф, 2021. 576 с.

Амирханова-Кулиш А.С. Красная Армия в социалистическом строительстве на Северном Кавказе в 1920–1923 гг. Махачкала: Дагкнигоиздат, 1976. 168 с.

Анцырева М.Е. Организация работы партийных органов Кубани по отношению к польскому населению в 1920-е гг. // Polonia. Исследования о Польше и поляках: сб. науч. ст. Краснодар: Новация, 2018. Т. 1. С. 255–260.

Анчабадзе Ю.Д. Политическая культура адыгов: традиционные институты и их эволюция (вторая половина XIX в. – 1920-е гг.). М.: Ин-т этнол. и антропол. РАН, 2012. 340 с.

Анчабадзе Ю.Д. Сельский сход в системе властных отношений в постреволюционном адыгском ауле (1920-е гг.) // Вестник Адыг. гос. ун-та. Сер. 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. Майкоп, 2011. № 2. С. 92–97.

Аптекарь П.А. Война без края и конца // Родина. 2000. № 1–2. С. 161–166.

Араджиони М.А. Занятия греков Балаклавы и Севастополя. Ремесленники (1890-е – 1930-е гг.) // Греки Балаклавы и Севастополя. М.: Индрик, 2013. С. 161–173.

Араджионі М.А. Греки Криму: історія і сучасне становище (етнокультурна ситуація та проблеми етнополітичного розвитку) / за ред. В.Є. Григор'янця; авт. карт І.Г. Беднарський. Сімферополь: Регіональний

філіал Національного інституту стратегічних досліджень в м. Сімферополі, 2005. 92 с.

Арапов Д.Ю. Ислам на Северном Кавказе в 20-е гг. (по материалам ОГПУ) // Ислам и советское государство (1917–1936). Сб. документов. М.: Изд. дом Марджани, 2010. Вып. 2. С. 191–200.

Арляпова Е.С., Пономарёва Е.Г. Трудности становления советской системы хозяйствования в Чечено-Ингушетии // Вопросы истории. 2020. № 2. С. 166-176.

Атаев Р.А. Власть и крестьянство Северного Кавказа в 1920-е гг.: формирование новых социально-политических реалий // Известия Алтайского государственного университета. Барнаул. 2007. № 4–3 (56). С. 13–16.

Атаев Т.И. Правовые и социально-экономические последствия лишения части карачаевцев избирательных прав на территории Карачая (1926–1936 гг.) // Вестник Адыг. гос. ун-та. Сер. 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. Майкоп, 2015. № 3 (163). С. 51–58.

Ачмиз К.Г. Из истории становления государственности в Республике Адыгея // Общество и власть на Кавказе и Ближнем Востоке: проблемы развития взаимоотношений в прошлом и будущем. К 80-летию профессора Александра Абакаровича Кудрявцева. Ставрополь: Изд-во СКФУ, 2021. С. 180–197.

Ачмиз К.Г. Навсегда остался в памяти народной: взлёт и падение организатора Адыгейской автономной области Ш.У. Хакурате // Социальное противостояние и его проявления на Юге России в XX – начале XXI в. (к столетию начала Гражданской войны и образования Донской республики): материалы Всерос. науч. конф. (г. Ростов-на-Дону, 19–22 сент. 2018 г.). Ростов н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2018. С. 352–358.

Бабич И.Л. Направления миграции северокавказцев из России (1920-1930-е гг.) // Новейшая история России. СПб., 2019. Т. 9, № 1. С. 202-213.

Бабич И.Л. Эволюция правовой культуры адыгов (1860–1990-е годы). М.: Ин-т этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая, 1999. 238 с.

Баранов А.В. Влияние этнотерриториального районирования 1920-х гг. на русское население Терской области // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов, 2015. № 11 (61), ч. 1. С. 25–29.

Баранов А.В. Дискуссионные аспекты национальной политики в Крымской АССР (1921–1929 гг.) // Клио. СПб., 2022. № 9 (189). С. 115–124.

Баранов А.В. Особенности новой экономической политики 1920-х гг. на Черноморском побережье России // Изв. Сочин. гос. ун-та. 2014. № 2 (30). С. 161–166.

Баранов А.В. Роль Юго-Восточного бюро ЦК РКП(б) в реализации национальной политики на Северном Кавказе (1921–1924 гг.) // Научная мысль Кавказа. Ростов-на-Дону, 2022. № 1. С. 89–97.

Баранов А.В. Сравнительный анализ изменений ареала крымских татар в Крыму (1926–2014 гг.) // Клио. СПб., 2018. № 10 (142). С. 98–105.

Баранов А.В. Терское казачество в условиях «расширения» новой экономической политики: изменения этнодемографической структуры и общественного мнения // Вестник Волгогр. гос. ун-та. Сер. 4: История. Регионоведение. Международные отношения. 2019. Т. 24, № 4. С. 114–123. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2019.4.10>.

Баранов А.В. Украинизация в Северо-Кавказском крае РСФСР (1923–1932 гг.): замыслы, реакция сообщества, результаты // Наследие веков: Электронный журнал. Краснодар, 2021. № 3. С. 31–43. URL: <http://heritage-magazine.com/index.php/НС/article/view/445/378> (дата обращения: 30.10.2022).

Баранов А.В. Экономическое и социальное развитие Юга России в условиях новой экономической политики 1920-х годов. Краснодар: Кубан. гос. ун-т, 2019. 253 с.

Баранов А.В., Васильев И.Ю. Причины провала украинизации на Кубани в годы Гражданской войны и нэпа // Клио. СПб., 2015. № 6. С. 61–67.

Баранов А.В., Касьянов В.В., Яхутль Ю.А. Современные оценки взглядов большевиков на государственно-правовые формы создания Союзного государства – СССР // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. Ростов н/Д, 2022. № 3. С. 59–66.

Баранов А.В., Касьянов В.В., Яхутль Ю.А. Формирование автономий народов Северо-Западного Кавказа и межэтнические отношения в условиях создания СССР (1920–1924 гг.) // Научный диалог. Екатеринбург, 2021. № 11. С. 282–298. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2021-11-282-298>

Баранов А.В., Рожков А.Ю. Отношение народов Северного Кавказа к территориальной воинской службе во второй половине 1920-х гг.: сравнительный анализ // Клио. СПб., 2021. № 9. С. 75–82. DOI: [10/51676/2070-9773_2021_09_75](https://doi.org/10.51676/2070-9773_2021_09_75)

Бахлов И.В. Оформление принципа национальной автономии как основы государственного устройства Советской России // Вестник Мордовского университета. Саранск, 2012. № 3–4. С. 50–55.

Безугольный А.Ю. Народы Кавказа и Красная Армия. 1918–1945 годы. М.: Вече, 2007. 512 с.

Безугольный А.Ю. Призывное законодательство и комплектование Рабоче-Крестьянской Красной Армии представителями нерусских

национальностей в 1920-е гг. // Вестник Калмыцкого ин-та гуманитар. исследований РАН. Элиста, 2013. № 3. С. 102–113.

Безугольный А.Ю. Проблема языковой адаптации военнослужащих РККА нерусских национальностей в межвоенный период (1920-е – 1941 гг.) // Вестник РУДН. Серия: История России. 2017. Т. 16. № 3. С. 364–377.

Безугольный А.Ю. Реализация программы национального военного строительства в Дагестане и в горских областях Северного Кавказа в межвоенный период (1920–1930-е гг.) // Вестник Дагестанского научного центра. Махачкала, 2014. № 55. С. 88–94.

Бейтуганов С.Н. Восстание крестьян в Кабардино-Балкарии в 1928–31 годах. Исторический очерк. URL: <http://fond-adygi.ru/dmdocuments/Бейтуганов%20С.Н.Восстание%20крестьян%20в%20Кабардино-Балкарии%20в%201928-31%20годах.pdf> (дата обращения: 21.05.2022).

Бекирова Г.Т. Крым и крымские татары в XIX – XX веках: сб. ст. / Г.Т. Бекирова. М., 2005. 293 с.

Белоглазов Р.Н. Административно-правовое регулирование деятельности сектантских общин в середине 1920-х годов (по материалам Крымской АССР) // Достижения науки и образования. Иваново, 2016. № 5 (6). С. 32–37.

Белоглазов Р.Н. Административно-правовое регулирование деятельности религиозных организаций в Крымской АССР в середине 1920-х гг. // Проблемы науки. Иваново, 2015. № 1 (1). С. 46–51.

Белоглазов Р.Н. Восстановление правового статуса религиозного управления (муфтиата) мусульман в Крымской АССР в начале 1920-х гг. // Проблемы науки. Иваново, 2015. № 1 (1). С. 51–56.

Белоглазов Р.Н. Изъятие церковных ценностей в Крыму в 1922 г. // Арсений Иванович Маркевич: I Таврические международные научные чтения. Симферополь, 2000. С. 31–34.

Белоглазов Р.Н. Нормативно-правовая база функционирования мусульманских конфессиональных школ в Крымской АССР в 1920-е годы // Достижения науки и образования. Иваново, 2016. № 5 (6). С. 28–32.

Белоглазов Р.Н. Осуществление декрета «Об отделении церкви от государства и школы от церкви» в Крыму (1921–1923 гг.) // Крымский архив. Симферополь, 1999. № 5. С. 122–133.

Белоглазов Р.Н. Реализация законодательства о религиозных организациях в Крымской АССР в начале 1920-х годов // Отечественная юриспруденция. 2016. № 5 (7). С. 5–9.

Бершадская О.В. Национальные традиции хозяйственной деятельности как фактор развития черноморской деревни в первой трети XX в. // История: факты и символы. Елец, 2017. № 1(10). С. 88–95.

Бершадская О.В. Осуществление политики украинизации на Кубани в период 1925–1932 гг. // Вторые Кубанские литературно-исторические чтения. Краснодар, 2000. С. 121–124.

Бершадская, О.В. Социально-экономическое развитие сельских поселений Черноморской губернии (округа) во второй половине XIX – первой трети XX вв. Краснодар: Экоинвест, 2011. 230 с.

Білий Д.Д. Малиновий клин (Нариси з історії українського населення Кубані). Київ: Товариство «Україна», 1994, 120 с.

Бильый И.А. Казачьи земли: территория и народонаселение. Прага: Славян. отделение при типографии «А. Fisher»; Strasnice, 1928. 25, 3 с.

Бобровников В.О. Мусульмане Северного Кавказа: обычай, право, насилие: очерки по истории и этнографии права Нагорного Дагестана. М.: Восточная литература РАН, 2002. 368 с.

Боголюбов А.А. Поляки на Северном Кавказе в XIX – XX вв. Пятигорск: Пятигор. гос. лингвист. ун-т, 2014. 323 с.

Борисёнок Е.Ю. А.В. Луначарский и «кубанский язык»: интриги советской украинизации 1920-х годов // Славянский мир в третьем тысячелетии. М., 2020. Т. 15, № 3-4. С. 37-52.

Борисёнок Е.Ю. О понятии «украинизация» // Славяноведение. 2020. № 1. С. 3–15.

Борисёнок Е.Ю. Попытки украинизации вызвали протест народа ... // Родина. 2016. № 7. С. 74–76.

Борисёнок Е.Ю. Украинизация: возникновение и распространение понятия (первая четверть XX в.) // Славянский альманах. 2020. № 1–2. С. 228–248.

Борисёнок Е.Ю. Феномен советской украинизации. М.: Европа, 2006. 256 с.

Боров А.Х. Этнополитическое измерение социально-исторического процесса на Северном Кавказе: опыт Кабардино-Балкарии XX столетия // Научная мысль Кавказа. Ростов н/Д, 2008. № 2. С. 57–67.

Бочкарева А.С., Емтыль З.Я., Хотина Ю.В. Создание национальной письменности как фактор советизации Северного Кавказа (к истории адыгской интеллигенции) // Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета. Краснодар, 2015. № 111. С. 1533–1548.

Бочкарева А.С., Хотина Ю.В. Национальная адыгская интеллигенция и агитационно-пропагандистская деятельность органов советской власти на территории Кубано-Черноморской области в 20-е гг. XX в. (к проблеме инкорпорации в российское социокультурное пространство) // Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета. Краснодар, 2014. № 100 (06). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/natsionalnaya-adygskaya-intelligentsiya-i>

agitatsionno-propagandistskaya-deyatelnost-organov-sovetskoj-vlasti-na-terri torii-kubano (дата обращения: 13.06.2022).

Брошеван В.М. Крым. Армянский базар. 1920–1924 гг. Документы и материалы об истории образования, деятельности и ликвидации Армяно-Базарского (Армянского) района. Симферополь, б.м., б.г., 118 с.

Брошеван В.М., Форманчук А.А. Крымская республика: год 1921-й: Краткий исторический очерк. Симферополь: Таврия, 1992. 127 с.

Брошеван В.М., Чёрная В.Г. Крым в составе Украины. Кн. 1. Крым. 1921–1991 гг. Историко-документальный очерк. Симферополь, б.и., 1999. 110 с.

Бугаев А.М. Образование автономий горских народов Северного Кавказа: этапы становления // Теория и практика общественного развития. Краснодар, 2014. № 12. С. 78–81.

Бугаев А.М. Первый съезд народов Востока и его роль в активизации политической жизни в горских регионах Северного Кавказа // Вестник Академии наук Чеченской Республики. Грозный, 2018. № 1 (38). С. 35–41.

Бугаев А.М. Советская автономия Чечни – Чечено-Ингушетии: Очерки истории становления и развития. Назрань: РОО «Интеллектуальный центр Чеченской Республики», 2012. 89 с.

Бугаев А.М. Установление советской власти на Северном Кавказе и строительство национальной государственности горских народов (март 1920 – апрель 1921 гг.) // Вестник Академии наук Чеченской Республики. Грозный, 2011. № 2. С. 71–80.

Бугай Н.Ф. 20–40-е годы: депортация населения с территории Европейской России // Отечественная история. 1992. № 4. С. 37–49.

Бугай Н.Ф. Национальная политика в условиях конститутивных революционных преобразований на Юге России, 1918 – начало 1920-х гг.: реальность, итоги // Юг России в условиях революционных потрясений, вооружённых конфликтов и социально-политических кризисов, 1917–2017 гг.: материалы Всерос. науч. конф. (Ростов-на-Дону, 5–6 окт. 2017 г.). Ростов н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2017. С. 201–207.

Бугай Н.Ф. Северный Кавказ. Государственное строительство и федеративные отношения: прошлое в настоящем. М.; Тула: Гриф и К, 2011. 437 с.

Бугай Н.Ф. Чрезвычайные органы Советской власти: ревкомы. 1918–1921 гг. М.: Наука, 1990. 320 с.

Бугай Н.Ф. Кавказ. Этнические меньшинства: прошлое и настоящее. М.: Гриф и К, 2014. 420 с.

Бугай Н.Ф., Гонов А.М. Кавказ: народы в эшелонах (20–60-е годы). М.: ИНСАН, 1998. 367 с.

Бугай Н.Ф., Гонов А.М. Северный Кавказ: границы, конфликты, беженцы (документы, факты, комментарии). Ростов н/Д: Ростов. высш. школа МВД России, 1997. 203 с.

Бугай Н.Ф., Мамаев М.И. Кабардино-Балкарская АССР: «Спасение в единении и надежде...»: 1920–1960-е годы. М.: ООО «Аквариус», 2015. 416 с.

Бугай Н.Ф., Мекулов Д.Х. Народы и власть: «социалистический эксперимент». 20-е годы. Майкоп: Меоты, 1994. 424 с.

Булатов Б.Б., Курбанов М.А. Дагестан в 1920–1930-е годы. Махачкала: «РИЗО-ПРЕСС», 2006. 175 с.

Булатов М.-Г.И. Победа колхозного строя в Дагестане. Махачкала: Дагест. кн. изд-во, 1973. 146 с.

Булдаков В.П. Красная смута. Природа и последствия революционного насилия. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН); Фонд Первого Президента России Б.Н. Ельцина, 2010. 969 с.

Булдаков В.П. Утопия, агрессия, власть. Психосоциальная динамика постреволюционного времени. Россия, 1920–1930 гг. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2012. 759 с.

Българите в Крим / съст.: И. Георгиева, К. Стоилов. София: ИФ-94, 2009. 346 с., 8 л.

Вагабов М.В. Ленинская национальная политика КПСС в многонациональном Дагестане: краткий очерк. М.: Наука, 1982. 248 с.

Васильев И.Ю. Украинизация и коренизация: различие и сходство программ // Исторический формат. М., 2016. № 2 (6). С. 185–194.

Васильев И.Ю. Украинизация vs коренизация. Специфика программы // Модернизация полиэтничного региона и сопредельных государств: опыт, проблемы, сценарии развития: Материалы всерос. науч. конф. Ростов н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН. 2014. С. 185–190.

Васильев И.Ю. Украинский национализм, украинизация и украинское культурное движение на Кубани (вторая половина XIX – начало XXI века). М.: ИП Бурина А.В. («Традиция»), 2014. 336 с.

Ващенко И.И. Протестное движение на Северном Кавказе в период коллективизации // Вестник Адыг. гос. ун-та. Сер. 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. Майкоп, 2017. № 3 (204). С. 14–19.

Виноградов Б.В., Виноградов В.Б., Клычников Ю.Ю. Российская власть и горский традиционный уклад: очерки взаимодействия в конце XVIII – начале XXI века. Славянск-на-Кубани: Изд. центр филиала КубГУ в г. Славянске-на-Кубани, 2012. 224 с.

Войны и население Юга России в XVIII – начале XXI в.: демографические процессы и последствия / под ред. Н.А. Волынчика. М.: Политическая энциклопедия, 2019. 767 с.

Войтиков С.С. За фасадом сталинской конституции: Советский парламент от Калинина до Громыко. М.: Вече, 2021. 464 с.

Вопросы партийного руководства по ликвидации национального неравенства народов Карачаево-Черкесии (1917–1941 гг.): Сб. статей / науч. ред. М.М. Бекижев. Черкесск: Карачаево-Черкес. НИИ истории, филологии и экономики, 1984. 164 с.

Газизова Е. Национальная культура и образование в контексте этнополитики большевистского режима в Крымской АССР в 1920–1930-х гг. XX века // Українознавство. Київ, 2016. № 2 (59). С. 103–113.

Гакаев Ж.Ж. Очерки политической истории Чечни (XX век): В 2 ч. М.: Изд-во Чечен. культ. центра, 1997. 473 с.

Гасанов С.М. Осуществление в Дагестане ленинских идей некапиталистического развития ранее отсталых стран и народов. Махачкала: Дагкнигоиздат, 1970. 209 с.

Геллер М.Я. Союз нерушимый // Советское общество: возникновение, развитие, исторический финал. М.: Росс. гос. гуманитар. ун-т, 1997. С. 173–202.

Герандоков М.Х. Культурная революция в национальных регионах: миф или реальность / М.Х. Герандоков, В.З. Герандокова. Нальчик: Эль-Фа, 2003. 201 с.

Гимпельсон Е.Г. Формирование советской политической системы, 1917–1923 гг. / РАН, Ин-т рос. истории. М.: Наука, 1995. 231 с.

Гиоев М.И. Ленинская аграрная политика в горском ауле. Орджоникидзе: Ир, 1969. 342 с.

Горюнова Е.А. О политических настроениях крымского крестьянства в 1920-е годы // Культура народов Причерноморья. Симферополь, 1998. № 3. С. 324–327.

Господаренко Н.М. Государственное устройство Крыма, национальный и социальный состав населения полуострова в 1920-е годы // Крымский архив. Симферополь, 2000. № 6. С. 265–270.

Готкова Ю.С. Украинизация государственно-административного аппарата в Северо-Кавказском крае (1923-1932 гг.) // Гилея: научный вестник. Киев, 2015. № 97. С. 45-50.

Григор'янць В.Є. Вірмени Криму: минуле і сьогодення (Проблеми соціо-культурного та етнополітичного розвитку). Сімферополь: Регіональний філіал Національного інституту стратегічних досліджень в м. Сімферополі, 2005. 80 с.

Гросул В.Я. Образование СССР (1917–1924 гг.). М.: ИТРК, 2012. 216 с.

Гурвич Г.С. Принципы автономизма и федерализма в советской системе. М.: Изд-во Социалистической академии, 1924. 75, 1 с.

Гусейнов М.Ш. Выравнивание уровня экономического развития автономных республик и областей Юго-Востока России в составе Северо-Кавказского края (1920–1930-е гг.) // Изв. высш. учеб. завед. Сев.-Кав. регион. Обществ. науки. Ростов н/Д, 2017. № 2 (194). С. 40–45.

Далгатов А.Г., Сулаев И.Х. Борьба против влияния мусульманского духовенства в Дагестане в 1920–1930-е гг. // Вопросы истории. 2010. № 6. С. 77–85.

Данилова Е.Н. Национальные меньшинства и опыт государственного управления национальными делами. 1920–1930-е годы // Этнокультурные процессы в прошлом и настоящем. К юбилею д.и.н., проф. К.И. Козловой. (Сб. науч. статей кафедры этнологии). М.: Изд-во Моск. ун-та, 2012. С. 293–307.

Даниялов А.Д. Строительство социализма в Дагестане 1921–1940 гг. (Узловые проблемы). М.: Наука, 1975. 301 с.

Даниялов А.Д. Строительство социализма в Дагестане, 1918–1937 гг. М.: Наука, 1988. 222 с.

Даудов А.Х. Горская АССР (1921–1924 гг.). Очерки социально-экономической истории. СПб.: Изд-во С.-Петербур. гос. ун-та, 1997. 232 с.

Даудов А.Х. Государственное устройство Горской АССР // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 2. История. 2012. № 1. С. 31–41.

Даудов А.Х., Мамышева Е.П. Из истории латинизации национальных алфавитов СССР // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 2. История. 2011. № 2. С. 7–12.

Даудов А.Х., Месхидзе Д.И. Национальная государственность горских народов Северного Кавказа. 1917–1924 гг. СПб.: Изд-во С.-Петербур. гос. ун-та, 2009. 224 с.

Дендиев К.Г., Осмаев А.Д. К вопросу о «коренизации» Чечни в 1920–30-х гг. // Труды Комплексного научно-исследовательского института им. Х.И. Ибрагимова РАН. Грозный, 2014. С. 270–277.

Дендиев К.Г., Осмаев А.Д. Политическое развитие Чеченской автономии в первой половине 1920-х годов // Труды Комплексного научно-исследовательского института им. Х.И. Ибрагимова РАН. Грозный, 2013. С. 335–341.

Десять лет Советского Крыма. Сборник, посвященный десятилетию советизации Крыма. 1920–1930 / под ред. Козлова, Антоноука, Кудрявцева и др. Симферополь: Крымское государственное изд-во, 1930. 559 с.

Дзамихов Т.К. О политико-правовых основах становления системы национально-территориальных автономий в СССР (на материалах истории народов Северного Кавказа) // Вестник Института гуманитарных исследований Правительства Кабардино-Балкарской Республики и Кабардино-Балкарского научного центра РАН. Нальчик, 2014. № 4 (23). С. 77–85.

Дзидзоев В.Д. Национальная политика: уроки опыта. 3-е изд. Владикавказ: Иростон, 2002. 256 с.

Дзидзоев В.Д. Основные этапы межнациональных отношений и национально-государственного строительства на Северном Кавказе (1917–1925 гг.) // Вестник Владикавказ. науч. центра РАН. 2008. Т. 8, № 1. С. 2–9.

Дзидзоев В.Д. От Союза объединенных горцев Северного Кавказа и Дагестана до Горской АССР (1917–1924 гг.): начальный этап национально-государственного строительства народов Северного Кавказа в XX веке. Владикавказ: Изд-во Северо-Осетинского гос. ун-та, 2003. 210 с.

Дзидзоев В.Д. Поиски форм и методов национально-государственного строительства коренных народов Северного Кавказа в 1917–1924 гг. // Вестник Северо-Осетинского государственного университета имени К.Л. Хетагурова. Владикавказ, 2019. № 1. С. 15–20.

Дидигова И.Б. Анализ административно-территориального устройства народов Северного Кавказа в российской историографии с учетом новых реалий и современности // Историческая и социально-образовательная мысль. Краснодар, 2015. Т. 7, № 4. С. 22–30.

Доного Х.-М.М. Повстанческое движение в Дагестане и Чечне в 20-х годах XX века // Трагедия великой державы: национальный вопрос и распад Советского Союза: сб. докл. и матер. междунар. науч. конф., Москва, сентябрь 2004 г. М.: Социально-политическая мысль, 2005. С. 270–281.

Дроздов К.С. Украинизация в РСФСР и концепция империи «положительной деятельности» Терри Мартина (к вопросу осуществления советской национальной политики на русско-украинском пограничье в 1923–1933 гг.) // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2012. Т. 3. Вып. 7 (15). URL: <https://arxiv.gaugn.ru/s207987840000188-5-2/> (дата обращения: 12.09.2022).

Дроздов К.С. Украинский язык и особенности его преподавания в школах РСФСР в период проведения политики украинизации в 1920–1930-е гг. // Славянский альманах. 2017. № 3–4. С. 294–314.

Екати Б.П. Большевики Терека – организаторы трудящихся за установление и упрочение Советской власти в Северной Осетии. Орджоникидзе: Ир, 1976. 189 с.

Емтыль (Калашаова) З.Я. Жернова истории. Социально-политическая история адыгов конца XIX в. – 20-х гг. XX в. в очерках и документах. Краснодар: Изд. дом – Юг, 2016. 226 с.

Емтыль З.Я. «Внимание на борьбу с так называемым прогрессивным духовенством...»: Советская власть и мусульманское духовенство Северного Кавказа в 1920-е – начале 1930-х гг. (по материалам Адыгеи, Кабардино-Балкарии и Карачаево-Черкесии) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2010. № 1. С. 155–163.

Емтыль Р.Х. Социально-экономическое и культурное развитие адыгейского аула (1920-е годы). Майкоп: ООО «Качество», 2003. 135 с.

Ефименко Г.Г. Форма и реальное содержание «положительной деятельности» советской власти в сфере национальной политики (1919–1938 гг.) // Советские нации и национальная политика в 1920–1930-е годы. М.: РОССПЭН, 2014. С. 157–164.

Ефимов С.А. Административно-территориальное устройство Крыма в 20–30-х годах XX века: этнические факторы изменений // Историческое наследие Крыма. 2018: сб. статей. Симферополь: ООО «Антиква», 2019. С. 173–181.

Жу픽ова Е.Ф. Повстанческое движение на Северном Кавказе в 1920–1925 гг. М.: Новый хронограф, 2016. 422 с.

Задерейчук, И.П. Немцы Крыма – жизнь во благо. Симферополь: Медиациентр им. И. Гаспринского, 2019. 462 с.

Замлинский В.А., Курас И.Ф., Нагорная Л.А. Осуществление ленинской национальной политики в СССР. Киев: Вища школа; Изд-во при Киевск. гос. ун-те, 1987. 238 с.

Зарубин А.Г., Зарубин В.Г. Без победителей. Из истории Гражданской войны в Крыму. 2-е изд., испр. и доп. Симферополь: Антиква, 2008. 728 с.

Зарубин В.Г. Проект «Украина». Крым в годы смуты (1917–1921 гг.). Харьков: Фолио, 2013. 379 с.

Златопольский Д.Л. Образование и развитие СССР как союзного государства. М.: Госюриздат, 1964. 221 с.

Зульпукарова Э.М.-Г. Формирование и деятельность дагестанской интеллигенции. Конец XIX – середина XX века. Махачкала: Юпитер, 2003. 365 с.

Иванцов И.Г. Мова в районном масштабе // Родина. 2008. № 9. С. 77–82.

Иванцов И.Г. Политика органов ВКП(б) по административно-территориальному обустройству немцев на Кубани (20-е – начало 40-х гг. XX в.) (на примере Ванновского национального района) // Вестник Майкоп. гос. технол. ун-та. 2011. № 1. С. 40–45.

Иванцов И.Г. Советские формы «малой автономии». Национальные районы и сельсоветы на Кубани. 1924–1953 гг. (на материалах Кубани и Северного Кавказа). Краснодар: Альфа-Принт, 2013. 128 с.

Иванцов И.Г. Становление автономии Шапсугского района (1924–1937) // Культурная жизнь Юга России. Краснодар, 2013. № 4 (51). С. 80–84.

Иванцов И.Г. Украинизация Кубани в документах комиссий внутрипартийного контроля ВКП(б). 1920-е – начало 1930-х гг. Краснодар: [б. и.], 2009. 100 с. 2012. 89 с.

Иголкин А.А. Национальные отношения в районах нефтедобычи в 1920-е годы // НЭП: экономические, политические и социокультурные

аспекты. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2006. С. 502–511.

Ислам в Крыму: очерки истории функционирования мусульманских институтов / Е.В. Бойцова, В.Ю. Ганкевич, Э.С. Муратова, З.З. Хайрединова. Симферополь: Элиньо, 2009. 432 с.

История Крыма: Крым в истории, культуре и экономике России: в 2 т. / отв. ред. А.В. Юрасов. М.: Кучково поле, 2017. Т. 2. 789 с., 8 л.

История национально-государственного строительства в СССР. 1917–1966: в 2 т. Т. 1: Национально-государственное строительство в СССР в переходный период от капитализма к социализму (1917–1936 гг.) / отв. ред. Д.А. Чугаев. М.: Мысль, 1968. 503 с.

История Севастополя в 3 т. Т. III. Севастополь в советский и постсоветский периоды. 1917–2014 гг. / науч. ред. С.В. Журавлёв, Е.Е. Бойцова. 2-е изд. Севастополь: Альбатрос, 2021. 996 с.

История Северной Осетии, XX век / гл. ред. А.С. Дзасохов. М.: Наука, 2003. 632 с., 6 л.

История Чечни с древнейших времен до наших дней: в 2 т. Т. 2. История Чечни XX и начала XXI веков / рук. М.М. Ибрагимов. Грозный: Кн. изд-во, 2008. Т. 2. 830 с.

Ишин А.В. Антибольшевистские выступления в 1920–25 гг.: причины и характер // История Крыма с древнейших времен до наших дней (в очерках). Изд. 3-е, испр. и доп. Симферополь: Атлас–компакт, 2006. С. 319–328.

Ишин А.В. Военно-стратегическое измерение образования Крымской АССР в 1921 г. // Военно-исторические чтения: материалы VIII Всерос. науч.-практ. конф. 26 февраля – 1 марта 2019 г. Симферополь: Бизнес-Информ, 2019. С. 203–207.

Ишин А.В. Деятельность антибольшевистских организаций в Крыму в 1923–1925 гг. // Культура народов Причерноморья. Симферополь, 2001. № 20. С. 89–93.

Ишин А.В. Из истории вооруженной контрреволюции в Крыму: 1923 год (По архивным материалам частей особого назначения Крыма) // В поисках утраченного единства: Сб. статей. Симферополь: Крымский архив, 2005. С. 62–66.

Ишин А.В. Из истории подпольной контрреволюции в Крыму. Деятельность монархического «Крымского крестьянского объединения» (1923–1924 г.) // Пилигримы Крыма: Сб. науч. статей и материалов. Симферополь: Крымский архив, 2003. Вып. 2 (7). С. 41–50.

Ишин А.В. Из истории политического конфликта в Крыму после 16 ноября 1920 года // Культура народов Причерноморья. Симферополь, 2010. № 183, Т. 2. С. 135–140.

Ишин А.В. Из истории развития вооруженной контрреволюции в Крыму в конце 1921–1922 гг. // Культура народов Причерноморья: Материалы IV науч. чтений. Симферополь, 1998. № 3. С. 336–338.

Ишин А.В. К 90-летию окончания Гражданской войны: из истории повстанческого движения «бело-зеленых» в Крыму: конец 1920 – первая половина 1921 гг. // Черноморский вестник. М.: ООО «Эдэль-М», 2010. № 2 (13), апрель – июнь. С. 60–66.

Ишин А.В. К вопросу об особенностях политического развития Крыма в первой половине 1920-х годов // Историческое наследие Крыма. Симферополь, 2004. № 5. С. 45–57.

Ишин А.В. Контрреволюционное движение в Крыму и борьба с ним в 1921 году // Проблемы материальной и духовной культуры народов Крыма и Северного Причерноморья от античных времен до наших дней: Материалы I науч. чтений. Симферополь, 1996. С. 47–48.

Ишин А.В. Красный террор в Крыму в 1920–1921 годах и его последствия // Культура народов Причерноморья: Материалы II научных чтений. Симферополь, 1997. № 1. С. 112–113.

Ишин А.В. Национальный фактор в политике РКП(б) в Крыму: 1921 год // Взаимоотношения советской власти и общества при реализации национальной политики 1920-х гг.: историческая реальность, память, наследие: материалы Междунар. науч.-практ. конф. Краснодар: Кубан. гос. ун-т, 2021. С. 15–19.

Ишин А.В. Неизвестные страницы Гражданской войны в Крыму: год 1921-й // Крымский архив. Симферополь, 2002. № 8. С. 11–25.

Ишин А.В. Об особенностях социокультурной деструкции в развитии Крыма начала 1920-х годов / А.В. Ишин // Таврійські студії. Історія. 2012. № 2. URL: http://www.nbuv.gov.ua/e-journals/tavst/2012_2/pdf/10.pdf. (дата обращения: 12.10.2022).

Ишин А.В. Общественно-политическая ситуация в Крыму накануне образования Крымской АССР (по материалам органов ВЧК) // Черноморско-Средиземноморский регион в системе национальных интересов России: история и современность: к 80-летию начала Великой Отечественной войны: материалы Междунар. науч.-практ. конф. (г. Таганрог, 28-29 мая 2021 г.). Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2021. С. 163–167.

Ишин А.В. Образование Крымской АССР в системе государственного строительства Советской России // Актуальные вопросы истории, историографии и источниковедения Юга России: к 300-летию провозглашения России империей, 100-летию образования Крымской АССР и 80-летию начала Великой Отечественной войны. Материалы регион. науч.-практ. конф. (г. Симферополь, 19 мая 2021 г.). Симферополь: ООО «Изд-во Типография АРИАЛ», 2021. С. 75–79.

Ишин А.В. Организация и деятельность органов советской власти, осуществлявших борьбу с вооруженным антибольшевистским движением на Крымском полуострове в 1920–1922 годах // Культура народов Причерноморья. Симферополь, 1998. № 3. С. 158–165.

Ишин А.В. Повстанческое движение «бело-зеленых» в Крыму в первой половине 1920-х годов: национальные, идеологические, структурные особенности // Научный диалог. Екатеринбург, 2022. Т. 11. № 3. С. 395–414.

Ишин А.В. Проблемы государственного строительства в Крыму в 1917–1922 годах. Симферополь: ИТ «АРИАЛ», 2012. 384 с.

Ишин А.В. Социально-политические процессы в Крыму в первой половине 1920-х годов: к 100-летию образования Крымской АССР. Симферополь: Н. Орифнда, 2022. 148 с.

Ишин А.В. Характер и динамика развития вооруженного антибольшевистского движения на Крымском полуострове в конце 1920–1922 годах // Учёные записки Таврического национального университета имени В.И. Вернадского. Симферополь, 1999. Т. 12 (51). № 1. С. 83–89.

Ишин А.В. Части особого назначения Крымской АССР (1921–1924 гг.) // Общество: философия, история, культура. Краснодар, 2021. № 10 (90). С. 30–35.

Кадио Ж. Лаборатория империи: Россия/СССР. 1860–1940. М.: Нов. лит. обозр., 2010. 336 с.

Кажаров А.Г. Политика советской власти на Северном Кавказе и образование Горской АССР в 1920–1921 гг. // Известия Кабардино-Балкарского государственного университета. Нальчик, 2015. № 2. С. 5–10.

Кажаров А.Г. Современная российская историография проблемы формирования Кабардино-Балкарской автономной области // Научная мысль Кавказа. Ростов н/Д, 2018. № 1 (93). С. 14–21.

Кажаров А.Г. Современная российская историография проблемы формирования Кабардино-Балкарской Автономной Области // Научная мысль Кавказа. Ростов н/Д, 2018. № 1 (93). С. 14–21.

Кажаров А.Г. Формирование административно-территориальной структуры Кабардино-Балкарской автономной области в первой половине 1920-х гг. // Вестник Сев.-Осетин. гос. ун-та имени К.Л. Хетагурова. Владикавказ, 2018. № 1. С. 28–32.

Кажаров А.Г. Формирование Горской АССР и проблемы национального самоопределения Кабарды и Балкарии (1920–1921 гг.) // Гуманитарные и юридические исследования. Ставрополь, 2018. № 1. С. 48–55.

Кажаров А.Г., Кузьминов П.А. Формирование автономии Кабардино-Балкарии: результаты и пределы советской историографии (1950–1980) // Научная мысль Кавказа. Ростов н/Д, 2018. № 1 (93). С. 21–28.

Казанбиев М.А. Национально-государственное строительство в Дагестанской АССР (1920–1940 гг.). Махачкала: Дагест. филиал АН СССР; Ин-т истории, языка и литературы им. Г. Цадаса, 1960. 145 с.

Казачий словарь-справочник / изд. А.Н. Скрылов, Г.В. Губарев. Репринт. изд. В 3 т. М.: ТОО «Созидание», 1992. Т. 1. 286 с.; Т. 2. 338 с.; Т. 3. 344 с.

Каймаразов Г.Ш. Создание и развитие советской системы общего образования на Северном Кавказе (1920–1940 гг.) (на материалах автономных республик региона) // Вестник Института истории, археологии и этнографии. 2015. № 4 (44). С. 27–38.

Каймаразов Г.Ш. Формирование социалистической интеллигенции на Северном Кавказе: по материалам Дагестанской, Кабардино-Балкарской, Северо-Осетинской и Чечено-Ингушской АССР. М.: Наука, 1988. 334 с.

Какагасанов Г.И. Социальные противоречия в дагестанском обществе в 20–50-е годы XX в. Историко-документальное исследование. Махачкала: Ин-т истории, археологии и этнографии Дагестанск. науч. центра РАН, 2010. 239 с.

Каппелер А. Россия – многонациональная империя. Возникновение. История. Распад. М.: Прогресс–Традиция, 1997. 342 с.

Карпов Ю.Ю. Горцы после гор: миграционные процессы в Дагестане в XX – начале XXI века: их социальные и этнокультурные последствия и перспективы / Ю.Ю. Карпов, Е.Л. Капустина. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2011. 439 с., 8 л.

Карпов Ю.Ю. Национальная политика советского государства на северокавказской периферии в 20–30-е гг. XX в.: эволюция проблем и решений. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2017. 399 с.

Карпов Ю.Ю. Региональное пространство как поле этнополитической конкуренции. Северный Кавказ в XX веке. URL: <http://docplayer.ru/31944651-Yu-yu-karpov-regionalnoe-prostranstvo-kak-pole-etnopoliticheskoy-konkurencii-severnuyu-kavkaz-v-xx-veke.html> (дата обращения: 01.09.2022).

Каррер д'Анкосс Э. Евразийская империя: история Российской империи с 1552 г. до наших дней. М.: РОССПЭН, 2007. 360, 7 с.

Каррер д'Анкосс Э. Расколота империя: Национальный бунт в СССР. Лондон: Overseas Publications Interchange, 1982. 381 с.

Касьянов В.В. Октябрь 1917 – декабрь 1922: от империи к государству рабочих и крестьян // Взаимоотношения советской власти и общества при реализации национальной политики 1920-х гг.: историческая реальность, память, наследие. Материалы Междунар. науч.-практ. конф. (г. Краснодар, 8-10 окт. 2021 г.). Краснодар: Кубан. гос. ун-т, 2021. С. 5-9.

Касьянов В.В., Басте Р.Ю., Яхутль Ю.А. Культурное строительство накануне и в первые годы существования СССР на территории Северо-

Западного Кавказа: тенденции и противоречия // Современная научная мысль. 2021. № 4. С. 71–79.

Касьянов В.В., Басте Р.Ю., Яхутль Ю.А. Очерки истории Адыгеи в 1922–1992 гг.: от автономной области к суверенной республике. Краснодар: Кубан. гос. ун-т, 2021. 162 с.

Касьянов В.В., Яхутль Ю.А., Брантов А.И. Национально-государственное строительство Адыгеи. 1920–1930-е гг.: документы и материалы (к столетию образования Адыгейской (Черкесской) автономной области). Краснодар: Кубанский государственный университет, 2022. 267 с.

Катунин Ю.А. Православие Крыма в 1917–1939 годах: проблема взаимоотношений с государством. Симферополь: МСП «Ната», 2002. 416 с.

Кашкаев Б.О. Красная Армия в Дагестане. Махачкала: Дагкнигоиздат, 1960. 172 с.

Кислицын С.А., Магамадов С.С. Политическая власть и повстанческое движение на Северном Кавказе: очерки истории 1920–1930-х гг. Изд. 2-е, испр. Ростов н/Д: Ростов. юрид. ин-т, 2011. 355 с.

Кислицын С.А., Перехов Я.А. Северо-Кавказская партийная организация в борьбе за решение казачьего вопроса на Тереке в первой половине 20-х годов // Изв. Сев.-Кав. науч. центра высш. школы. Обществ. науки. Ростов н/Д, 1989. № 1. С. 104–116.

Кичев М.И. Из истории борьбы за упрочение Советской власти в Дагестане (1920–1921 гг.). Махачкала: Дагест. фил. АН СССР, 1963. 103 с.

Климчук Ф.Д. Расселение этнических украинцев на юге и юго-западе России (по материалам переписи 1926 г.) // Кубань – Украина. Вопросы историко-культурного взаимодействия. Краснодар: Картика, 2008. Вып. 3. С. 257–285.

Клычников Ю.Ю. «По своим революционным заслугам имеют право рассчитывать на наибольшие преимущества...»: Горцы Центрального и Северо-Восточного Кавказа и Советская власть в 1920–1930-е гг. // Юг России в условиях революционных потрясений, вооружённых конфликтов и социально-политических кризисов, 1917–2017 гг.: материалы Всерос. науч. конф. (Ростов-на-Дону, 5–6 окт. 2017 г.). Ростов н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2017. С. 274–280.

Клычников Ю.Ю. Модернизационный прорыв Северного Кавказа в имперский и советский период: от успеха к катастрофе // Гуманитарные и юридические исследования. Ставрополь, 2017. № 2. С. 73–77.

Кокорхоева Д.С. Становление и развитие советской национальной государственности ингушского народа. Элиста: Калмыцкий гос. ун-т, 2002. 179 с.

Кокорхоева Д.С. Этнополитика Коммунистической партии и советского государства в автономиях Северного Кавказа (1920-е – начало 1930-х гг.). Нальчик: Изд-во М. и В. Котляровых, 2021. 360 с.

Команджаев А.Н., Лиджеева К.Ф., Олчанова Ц.В. Образовательная сфера национальных районов Юга России в период формирования советского социума (1920-е - 1930-е гг.) // Вестник Калмыцкого ун-та. Элиста, 2019. № 4 (44). С. 47–54.

Кондратюк Г.Н. Деятельность Орт-Фербанд в переселенческой кампании в Крымской АССР (рубеж 20-х – 30-е годы XX века) // Науковий часопис Національного педагогічного університету імені М.П. Драгоманова. Серія 6: Історичні науки. Київ, 2014. Вип. 11. С. 424-435.

Кондратюк Г.Н. Кооперация в Крымской АССР как компонент национальной политики (20 – начало 30-х годов XX в.). URL: <https://history.vn.ua/book/history-of-trade-taxes-and-duties-2013/32.php> (дата обращения: 12.10.2022).

Кондратюк Г.Н. Коренизация высших органов власти и управления в УССР и Крымской АССР: сравнительный анализ (20-е годы XX века) // Сіверщина в історії України. Глухів, 2012. Вип. 5. С. 328-331.

Кондратюк Г.Н. Коренизация в системе здравоохранения в Крымской АССР (20–30-е гг. XX в.) // Клио. СПб., 2014. № 9 (93). С. 73–75.

Кондратюк Г.Н. Крымские татары в советской этнополитике межвоенного двадцатилетия // Крымское историческое обозрение. Казань, 2020. № 1. С. 85–93. DOI: 10.22378/kiو.2020.1.85-93

Кондратюк Г.Н. Крымские татары – советские служащие в реализации национальной политики в Крымской АССР (20–30-е годы XX ст.) // Крымское историческое обозрение. Казань, 2014. № 2. С. 63-76.

Кондратюк Г.Н. Национальные процессы в Крымской АССР и РСФСР в 1920-х годах: сравнительный анализ // Мавродинские чтения 2018. Материалы Всерос. науч. конф., посвященной 110-летию со дня рождения профессора В.В. Мавродина. СПб.: ООО «Нестор–История», 2018. С. 466-469.

Кондратюк Г.Н. Проблемы этнополитики межвоенного периода Крымской АССР в историографии 1920–1930-х годов // Науковий вісник Миколаївського національного університету імені В.О. Сухомлинського. Сер.: Історичні науки. 2013. Вип. 3 (35). С. 223-229.

Кондратюк Г.Н. Функционирование крымскотатарского языка в органах власти и управления Крымской АССР в контексте политики коренизации (20–30-е гг. XX века) // Научный вестник Крыма. Курск, 2017. № 3 (8). С. 1-14.

Кондратюк Г.Н. Этноконфессиональная политика в отношении мусульман Крыма в межвоенный период (20–30-е годы XX века) // Крымское историческое обозрение. Казань, 2018. № 1. С. 27–40.

Коптев В.А. Партийная организация Чечни и Ингушетии в годы восстановления и развития экономики, 1920–1929 гг. Грозный: Чечено-Ингуш. кн. изд-во, 1971. 46 с.

Королёв, В.И. Из прошлого народов Крыма миграционные процессы (1897–1939). Симферополь: Антиква, 2018. 167 с.

Костоев Б.У. Историко-политический аспект объединения Чечни и Ингушетии. URL: <http://23021944.livejournal.com/13356.html> (дата обращения: 01.09.2022).

Кравцова Л.П., Беднарський І.Г. Німці Криму: історія і сучасне становище (проблеми етнополітичного розвитку) / за ред. В.Є. Григор'янця. Сімферополь: Регіональний філіал Національного інституту стратегічних досліджень в м. Сімферополі, 2005. 40 с.

Красовицкая Т.Ю. «Ах, товарищи потомки, – на хитрости строился социализм» // Российская история. 2021. № 6. С. 24–36.

Красовицкая Т.Ю. Конфликт идеалов и практик ранней советской государственности. Механизмы и практики этнополитических процессов (1917–1929 гг.) // Этнический и религиозный факторы в формировании и эволюции российского государства. М.: Новый хронограф, 2012. С. 151–206.

Кратов Е.В., Кратова Н.В. Источники по проблеме государственно-конфессиональных отношений в Северо-Кавказском крае. 1924–1934 гг. URL: www.stpds.ru/userfiles/file/E_V_Kratov,%20N_V_Kratova.docx (дата обращения: 23.08.2022).

Кратова Н.В. Повстанческое движение на Кубани и в Пятигорье в начале 20-х годов XX века. Ростов н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2012. 256 с.

Кринко Е.Ф. Горская АССР и ее руководящий состав: из опыта нациестроительства на Северном Кавказе в начале 1920-х годов // Вестник Оренбург. гос. пед. ун-та. 2014. № 2 (10). С. 100–105.

Кринко Е.Ф. Гражданская война и проблемы национально-государственного строительства на Северном Кавказе в 1917–1920-е гг. // Социальное противостояние и его проявления на Юге России в XX – начале XXI в. (к столетию начала Гражданской войны и образования Донской республики): материалы Всерос. науч. конф. (г. Ростов-на-Дону, 19–22 сент. 2018 г.). Ростов н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2018. С. 317–323.

Кринко Е.Ф. Депортация народов и административно-территориальные преобразования на Северном Кавказе в 1943–1944 гг. // Вестник Калмыцкого ин-та гуманитар. исслед. РАН. Элиста, 2013. № 3. С. 17–25.

Кринко Е.Ф. Национальное образование в контексте нациестроительства: опыт Северной Осетии // Нации и государство на Северном Кавказе: проблемы взаимодействия: Сб. науч. статей и материалов. Ростов н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2013. С. 29–61.

Кринко Е.Ф., Хлынина Т.П. История Северного Кавказа в 1920 – 1940-е гг.: современная российская историография. Ростов н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2009. 304 с.

Круглов В.Н. Организация территории России в 1917–2007 гг.: идеи, практика, результаты. М.: ИРИ РАН; Центр гуманитарных инициатив, 2020. 480 с.

Крымская АССР (1921–1945). Вопросы – ответы / сост. Ю.И. Горбунов. Симферополь: Таврия, 1990. Вып. 3. 320 с.

Крюкова Н.В., Макаренко Г.И. Отдельные аспекты развития системы общественной самоорганизации немцев Крыма // Регионоведение. Саранск, 2016. № 2 (95). С. 126–136.

Кульчик Ю.Г., Конькова З.Б. Дагестан: ниже-терское казачество. М.: Ин-т гуманитар.-полит. исслед., 1995. 96 с.

Кульчицкий С.В. Курс – украинизация // Родина. 1999. № 8. С. 108–110.

Кульчицкий С.В. Смертельный водоворот. Рождение и гибель украинской Кубани. URL: www.day.kiev.ua/ru/article/istoriya-i-ya/smertelnyu-vodovorot/ (дата обращения: 28.05.2021).

Кутафин О.Е. Российская автономия. М.: Проспект, 2011. 768 с.

Кушнир А.Г. Демократическая альтернатива середины 20-х годов: (реформы системы управления в Советской России). М.: Изд-во МПИ, 1989. 221, 2 с.

Лазерсон М.Я. Национальность и государственный строй: юридическо-политические очерки. Петроград: Книга, 1918. 188 с.

Ленинизм и малые нации. Сб. статей / отв. ред. А.А. Аствацатуров. Орджоникидзе: Изд-во Сев.-Осетин. гос. ун-та. 1973. 358 с.

Летифов А.Л. Возникновение и развитие советской национальной государственности народов Дагестана. Махачкала: Дагкнигоиздат, 1968. 123 с.

Летифов А.Л. Исторический опыт национально-государственного строительства на Северном Кавказе в переходный период к социализму. Махачкала: Дагкнигоиздат, 1972. 228 с.

Лившин А.Я. Настроения и политические эмоции в Советской России: 1917–1932 гг. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН); Фонд «Президентский центр Б.Н. Ельцина», 2010. 344 с.

Лиджева К.Ф. Подготовка педагогических кадров в процессе формирования советской интеллигенции (на материалах национальных автономий Северного Кавказа) // Вестник Северного (Арктического) федерал. ун-та. Серия: Гуманитарные и социальные науки. Архангельск, 2011. № 6. С. 29–33.

Линец С.И. Повстанческие антисоветские выступления на Юге России в 1920–1930-е гг.: причины, участники, ход событий // Социальное противостояние и его проявления на Юге России в XX – начале XXI в. (к столетию начала Гражданской войны и образования Донской республики):

материалы Всерос. науч. конф. (г. Ростов-на-Дону, 19–22 сент. 2018 г.). Ростов н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2018. С. 241–248.

Лоов И.Р., Пархоменко М.М. Из истории классовой борьбы в Чечено-Ингушетии в первые годы новой экономической политики (1921–1925 годы). Грозный: Грознен. рабочий, 1974. 35 с.

Лоов И.Р. Из истории формирования и развития рабочего класса Северного Кавказа в 1920–1928 годах. Грозный: Чеч.-Инг. кн. изд-во, 1973. 277 с.

Лю Сяньчжун. Плюсы и минусы политики «коренизации» СССР в 1920-е годы // Ойкумена. Регионоведческие исследования. Владивосток, 2014. № 1 (28). С. 41–49.

Магамадов С.С. Узловые вопросы истории народов Северного Кавказа 20–30-х гг. XX в.: достижения и спорные вопросы // Гуманитарий Юга России. Ростов н/Д, 2013. № 4. С. 145–155.

Магидов Ш.Г. Проблемы языка обучения и письменности народов Дагестана в культурной революции. Из опыта работы Дагестанской областной партийной организации. Махачкала: Дагучпедгиз, 1971. 128 с.

Магомедов А.М. Борьба Коммунистической партии за братское содружество народов Дагестана. Махачкала: Дагкнигоиздат, 1963. 204 с.

Магомедов М.З. Социализм и судьбы горцев (Из опыта разрешения национального вопроса и борьбы с идеологией ислама в Дагестане и на Тереке). Махачкала: Дагест. кн. изд-во, 1976. 110 с.

Макаренко М.Ю. Практика урегулирования этносоциальной напряженности в 1920-е годы на примере кубанского казачества // Вестник ИМСИТ. Краснодар, 2018. № 4 (76). С. 7–10.

Макаренко П.Л. 3 життя Кубані під радянською російською комуністичною владою (1920–1926 рр.) // Кубань: Збірник статтів про Кубань і кубанців. Прага, 1926. С. 75–192.

Макарова Г.П. Народный комиссариат по делам национальностей РСФСР, 1917–1923 гг.: исторический очерк. М.: Наука, 1987. 172 с.

Маковский В.В. Политика властных органов Крымской АССР по отношению к различным слоям крестьянства в 1920-е годы // Крымский архив. Симферополь, 2000. № 6. С. 271–275.

Максимов К.Н. Парадоксы советской политики национально-государственного устройства // Национальная политика и модернизация системы управления на Юге России: исторический опыт и современные вызовы. Материалы Всерос. науч. конф. (Ростов-на-Дону, 27–28 сент. 2012 г.). Ростов н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2012. С. 226–233.

Мамсиров Х.Б. Модернизация культур народов Северного Кавказа в 20-е годы XX века: (На материалах Адыгеи, Кабардино-Балкарии, Карачаево-Черкесии). Нальчик: Эльбрус, 2004. 324 с.

Мамси́ров Х.Б. Проблемы становления советской административно-политической элиты в национальных автономиях Северного Кавказа в 1920-х гг. // Известия Самарского научного центра РАН. 2010. Т. 12, № 6–1. С. 70–77.

Мартин Т. Империя «положительной деятельности». Нации и национализм в СССР, 1923–1939. М.: РОССПЭН, 2011. 666 с.

Мартин Т. Империя положительной деятельности: Советский Союз как высшая форма империализма // Государство наций: Империя и национальное строительство в эпоху Ленина и Сталина. М.: РОССПЭН; Фонд «Президентский центр Б.Н. Ельцина», 2011. С. 88–116.

Мартироси́ан Г.К. История Ингушетии. Орджоникидзе: Сердало, 1933. 314, 6 с.

Марунчак М. Українці в ССРС поза кордонами УРСР. Вінніпег: Українська Вільна Академія Наук, 1974. 248 с.

Марусенко М.А. Языки и национальная идентичность: современные вызовы национальному единству и территориальной целостности. М.: НПК, 2015. 575 с.

Матвеев В.А. ...Единая Русь «разметнулась на полсвета»: особенности этнополитических процессов в зонах смешанной восточнославянской колонизации на Юге России // Кубань – Украина. Вопросы историко-культурного взаимодействия. Краснодар: ОК-PRESS, 2006. Вып. 1. С. 28–38.

Матвеев В.А. Националистическая Вандея и проявления устойчивости российской интеграции на Северном Кавказе в кризисных условиях, 1917–1921 гг. Изд. 2-е, испр. и доп. Ростов н/Д: Изд-во Южного федер. ун-та, 2016. 266 с.

Матвеев В.А. Украина от Карпат до Кавказских гор! // Учёные записки Дон. юрид. ин-та. Ростов н/Д, 2001. Т. 16. С. 225–248.

Мащенко А. Как Крым республикою вольной в федерацию вошёл. 100 лет назад полуостров стал первой автономией в составе РСФСР. URL: <https://www.pnp.ru/social/kak-krum-respublikoju-volnoy-v-federaciyu-voshyol.html>. (дата обращения: 18.10.2022).

Медалиев Х.Т. Деятельность КПСС по социалистической индустриализации национальных республик и областей Северного Кавказа (1926–1937 гг.). Нальчик: Эльбрус, 1972. 259 с.

Мекулов Д.Х. Система демократических институтов власти на Северном Кавказе: история, особенности (1918 г. – 30-е годы XX в.) // Вестник Адыг. гос. ун-та. Сер. 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. Майкоп, 2012. № 1. С. 110–119.

Минеева Е.К., Киросова Н.В., Минеев А.И. Руководящие кадры в системе управления национальными автономиями РСФСР в 1920-е гг.: состав и социальная мобильность // Клио. СПб., 2016. № 4 (112). С. 77–82.

Мирзоев М.Е. Партийная организация Северной Осетии в восстановительный период (1921–1925 гг.). Орджоникидзе: Сев.-Осетин. кн. изд-во, 1963. 68 с.

Миронов Б.Н. От коренизации к суверенизации: как готовилась дезинтеграция СССР // Российская история. 2021. № 6. С. 3–24.

Мирук М.В. Кубанское казачество и украинизация Кубани: опыт и уроки (1921–1932 гг.) // Кубанское казачество: три века исторического пути. Краснодар, 1996. С. 172–175.

Михайлов В.А., Михайлова Н.В. Становление и развитие автономий в Советской России и её формы // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2012. № 2. С. 92–106.

Могаричев К.Ю. Наш новый советский Сион: проекты и попытки создания еврейской национально-территориальной единицы в Крыму (1920–1940-е гг.). Симферополь: ООО «Антиква», 2021. 272 с.

Морозова О.М. Зарождение провинциальной бюрократии (на материалах Северного Кавказа и Нижнего Поволжья) // Национальная политика и модернизация системы управления на Юге России: исторический опыт и современные вызовы. Материалы Всерос. науч. конф. (Ростов-на-Дону, 27–28 сент. 2012 г.). Ростов н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2012. С. 234–241.

Морозова О.М. Николай Фёдорович Гикало // Вопросы истории. 2011. № 9. С. 37–57.

Напсо Д.А. Под знаменем интернационализма (Деятельность партийной организации Северного Кавказа по интернациональному воспитанию трудящихся в годы социалистического строительства 1917–1937 гг.). Минеральные Воды; Пятигорск: Карачаево-Черкесск. НИИ экономики, истории, языка и литературы, 1967. 425 с.

Население России в XX веке: Исторические очерки: В 3 т. / отв. ред. Ю.А. Поляков, В.Б. Жиромская. М.: РОССПЭН, 2000. Т. 1. 462 с.

Нациестроительство на Северном Кавказе: исторический опыт и современные практики: материалы заочного круглого стола / отв. ред. Т.П. Хлынина. Ростов н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2012. 179 с.

Нации и национализм / Б. Андерсон и др. М.: Праксис, 2002. 410 с.

Национальная политика России: история и современность / ред. совет: В.А. Михайлов (отв. ред.) и др. М.: Информ.-изд. агентство «Русский Мир», 1997. 678 с.

Национально-государственное строительство в Российской Федерации. Северный Кавказ (1917–1941 гг.) / редкол.: Бугай Н.Ф. и др. Майкоп: Меоты, 1995. 286 с.

Некрасов С.И. Автономия и национальный вопрос в советском государственном праве (1917–1940 гг.) // Труды Института государства и права Российской академии наук. 2011. № 3. С. 106–126.

Некрич А.М. Наказанные народы. Нью-Йорк: Хроника, 1978. 170 с.

Ненароков А.П. К единству равных: Культурные факторы объединительного движения советских народов 1917–1924. М.: Наука, 1991. 272 с.

Непомнящий А.А. История и этнография народов Крыма: Библиография и архивы (1921–1945). Симферополь: ООО «Антиква», 2015. 936 с.

Нечипурнова Н.С. Партийное руководство опытным административно-хозяйственным районированием Северного Кавказа. Орджоникидзе: Ир, 1968. 188 с.

Никитина Т.В. Греческая диаспора на юге России и Греции в 20–30-е годы XX в. // Греки Балаклавы и Севастополя. М.: Индрик, 2013. С. 174–188.

Николаева Д.А. Власть и общество на Северном Кавказе. 1920-е–1930-е гг.: историографический обзор // Гуманитарные научные исследования. 2012. № 12. URL: <http://human.snauka.ru/2012/12/2094> (дата обращения: 08.09.2022).

Овчинникова М.И. Советское крестьянство Северного Кавказа (1921–1929 гг.). Ростов н/Д: Изд-во Ростов. гос. ун-та, 1972. 199 с.

Органы ВЧК – ГПУ – ОГПУ на Северном Кавказе и в Закавказье (1918–1934 гг.). URL: <https://docplayer.ru/32282383-Organy-vchk-gpu-ogpu-na-severnom-kavkaze-i-v-zakavkaze-gg.html> (дата обращения: 17.03.2022).

Орешин С.А. Становление национальной государственности адыгских народов Северо-Западного Кавказа. 1917–1922 гг. // Клио. СПб., 2016. № 9 (117). С. 127–134.

Османов А.И. Аграрные преобразования в Дагестане и переселение горцев на равнину (20–70-е годы XX в.). Махачкала: Дагестан. науч. центр РАН, Ин-т истории, археологии и этнографии, 2000. 333, 2 с.

Османов А.И. Дагестан в XX веке: исторический опыт регионального развития. Кн. 2. Общественно-политическая жизнь и социокультурное развитие народов Дагестана. Махачкала: Динэм, 2007. 621 с.

Османов Г.О. Аграрные отношения в Дагестане в период строительства социализма. Махачкала: Дагкнигоиздат, 1970. 211 с.

Османов М.-З.О. Хозяйственно-культурные типы (ареалы) Дагестана в советскую эпоху: закономерности развития и трансформации, вымывание традиционных форм. М.: Наука, 2002. 222 с.

Осуществление ленинской национальной политики на Северном Кавказе. Материалы межвуз. науч. конф., посвященной 100-летию со дня рождения В.И. Ленина / под общ. ред. С.М. Арутюняна. Пятигорск: Изд-во СГПИ, 1971. 302 с.

Очерки истории Карачаево-Черкесии: в 2 т. / отв. ред. Р.Х. Джанибекова. Черкесск: Карачаево-Черкес. отд-ние Ставроп. кн. изд-ва, 1972. Т. 2. 448 с.

Очерки по истории Крыма. Ч. III. Крым в период социалистического строительства (1921–1941 гг.) / под общ. ред. И.С. Чирвы. Симферополь: Крым, 1964. 222 с.

Палхаева Е.Н. Опыт национально-государственного строительства России: историография проблемы // Современные проблемы науки и образования. 2012. № 1. С. 249. URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=5438> (дата обращения: 01.09.2022).

Пашенко И.В. Становление и развитие государственности Северной Осетии и современный российский федерализм // Нации и государство на Северном Кавказе: проблемы взаимодействия: Сб. науч. статей и материалов. Ростов н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2013. С. 62–81.

Пащенко В.Н. Становление советской системы государственного управления в России и Крыму в 1920-х годах. 2-е изд. Симферополь: Зуева Т.В., 2018. 626 с.

Пащенко В.Н. Этнонациональное развитие в Крыму в первой половине XX века (1900–1945 годы). Симферополь: Таврический национальный университет имени В.И. Вернадского, 2008. 288 с.

Плаггенбург Ш. Революция и культура. Культурные ориентиры в период между Октябрьской революцией и эпохой сталинизма. СПб.: Журнал «Нева», 2000. 416 с.

Победа Советов на Тереке: Торжество ленинского интернационализма / М.И. Гиоев, З.А. Гойгова, Р.Х. Гугов, У.А. Улигов. Орджоникидзе: Ир, 1983. 208 с.

Почешхов Н.А. Социально-экономические и военно-политические проблемы в северо-западных районах Юга Европейской России в период гражданской войны (1917–1921 гг.). Ростов н/Д: Изд-во Ростов. гос. ун-та, 2006. 255 с.

Раенко-Туранский Я.Н. Адыге до и после Октября. Ростов н/Д; Краснодар: Крайнациздат, 1927. 183 с.

Ракачёв В.Н. Народонаселение Кубани в XX веке: историко-демографическое исследование: в 4 т. / В.Н. Ракачев, Я.В. Ракачева. Краснодар: Кубан. гос. ун-т; Просвещение-Юг, 2005. Т. 1: 1900–1920-е гг. 198, 1 с.

Рамазанова Д.Ш. Административно-политический статус Дагестана в 1920–1930 годах: вхождение республики в Северо-Кавказский край // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. СПб., 2010. № 126. С. 68–77.

Рожков А.Ю. Школьные буквари как ресурс формирования советской и национальной идентичности в Северо-Кавказском крае (1927–1932 гг.) //

Взаимоотношения советской власти и общества при реализации национальной политики 1920-х гг.: историческая реальность, память, наследие. Материалы Междунар. науч.-практ. конф. (г. Краснодар, 8-10 окт. 2021 г.). Краснодар: Кубан. гос. ун-т, 2021. С. 19–24.

Рожков А.Ю., Рунаев Т.А. Информационные документы ГПУ–ОГПУ 1920-х годов: опыт интеллектуального анализа текстов (на материалах Северного Кавказа) // Электронный журнал «Кавказология». Нальчик, 2022. № 4.

Россия в XX веке: проблемы национальных отношений / под общ. ред. А.Н. Сахарова, В.А. Михайлова; Ин-т рос. истории РАН. М.: Наука, 1999. 451 с.

Рыбак И.В. Проявления антирелигиозной политики РКП(б) в Крымской АССР в 1918–1941 гг. // Парадигмы истории и общественного развития. Севастополь, 2019. № 15–16. С. 55–59.

Рябова Л.К. Позитивная дискриминация в этнополитике: постановка проблемы в современной историографии // Новейшая история России. СПб., 2019. Т. 9, № 2. С. 536–548.

Сабанчиев Х.М. Деятельность Кабардино-Балкарской партийной организации по осуществлению культурной революции. Нальчик: Эльбрус, 1973. 279 с.

Сахаров В.А. Союз советских республик или союз советских народов? // Клио. СПб., 2012. № 6 (66). С. 122–132.

Сёмин А.С., Горчаков А.А. Революционный комитет Крыма и его роль в упрочении Советской власти (ноябрь 1920 г. – ноябрь 1921 г.) // Известия Крымского государственного педагогического института им. М.В. Фрунзе. Симферополь, 1957. Т. XXVIII. С. 129–145.

Сивков С.М., Иванцов И.Г. Национально-территориальное строительство на Северо-Западном Кавказе в 1917–1930-х гг. // Вестник Калмыцкого ин-та гуманитар. исследований РАН. Элиста, 2013. Т. 6, № 3. С. 96–101.

Сигаури И.М. Очерки истории и государственного устройства чеченцев с древнейших времен. М.: Русская жизнь, 1997. 366, 13 с.

Скорик А.П., Бондарев В.А. Украинизация на Юге России как национально-политическая кампания: осуществление и ликвидация (1920-е – начало 1930-х гг.) // История в подробностях. М., 2013. № 10(40). С. 62–71.

Соколов Д.М. Железная метла метет чисто...: советские чрезвычайные органы в процессе осуществления политики красного террора в Крыму в 1920–1921 гг. М.: Посев, 2017. 384, 1 с.

Становление и развитие советского государственного управления: исследования ученых 20-х годов: сборник обзоров. Ч. 2: Конституция и национально-государственное строительство / отв. ред. Ю.С. Пивоваров. М.: ИНИОН АН СССР, 1990. 108 с.

Степанченко В.И. Возникновение в Российской Федерации национальных государственных структур в XX веке // Юридическая наука. 2013. № 1. С. 18–25.

Сулаев И.Х. Государство и мусульманское духовенство в Дагестане 1920–1930-х годов: из истории отношений // Отечественная история. 2007. № 6. С. 144–155.

Сулаев И.Х. Государство и мусульманское духовенство в Дагестане: история взаимоотношений (1917–1991 гг.). Махачкала: Дагест. гос. ун-т, 2009. 375 с.

Суни Р.Г. Империя как таковая: Имперская Россия, национальная идентичности и теории империи // Государство наций: Империя и национальное строительство в эпоху Ленина и Сталина. М.: РОССПЭН, 2011. С. 31–87.

Суший С.Я. Украины Юга России: Демографическая история одного регионального сообщества. Ростов н/Д: ИСЭГИ ЮНЦ РАН, 2013. 154 с.

Сэнборн Дж. Семья, братство и национальное строительство в России 1905–1925 гг. // Государство наций: Империя и национальное строительство в эпоху Ленина и Сталина. М.: РОССПЭН, 2011. С. 28–32.

Тетуев А.И. Межнациональные отношения на Северном Кавказе: эволюция, опыт, тенденции. Нальчик: Эль-Фа, 2006. 352 с.

Тишков В.А. Реквием по этносу. Исследования по социально-культурной антропологии. М.: Наука, 2003. 544 с.

Тишков В.А. Российский народ: История и смысл национального самосознания. М.: Наука, 2013. 649 с.

Тольц В.А. «Собственный Восток России». Политика идентичности и востоковедение в позднеимперский и раннесоветский период. М.: Нов. лит. обзор., 2013. 332 с.

Трагедия великой державы: национальный вопрос и распад Советского Союза: сб. докладов и материалов междунар. науч. конф., Москва, сентябрь 2004 г. / отв. ред. Г.Н. Севостьянов. М.: Социально-политическая мысль, 2005. 600 с.

Туаева М.П., Хубулова С.А. Социальный протест сельского населения в первой половине 1920-х годов (на материалах Северного Кавказа) // Научная мысль Кавказа. Ростов н/Д, 2007. № 2. С. 68–72.

Туфанов Е.В. К вопросу об источниках рекрутирования региональных управленцев в 1920–1930-е гг. на материалах Северного Кавказа // Вестник Калмыцкого университета. Элиста, 2018. № 1 (37). С. 32–42.

Туфанов Е.В. Кадры региональных управленцев в 1920–1930-е годы: становление и функционирование (на материалах Северного Кавказа). Ставрополь: Изд. дом «Тэсэра», 2018. 206 с.

Туфанов Е.В. Коренизация как инструмент формирования региональной номенклатуры на материалах Северного Кавказа в 1920–1930-е гг. // Научная мысль Кавказа. Ростов н/Д, 2017. № 3. С. 84–89.

Туфанов Е.В., Кравченко И.Н. Партийное образование как элемент становления национальной партийно-государственной номенклатуры в 1920–1930-е гг. (на материалах Северного Кавказа) // Научная мысль Кавказа. Ростов н/Д, 2018. № 1. С. 34–39.

Убушаев К.В. Образование национальных автономий на Юге России в годы Гражданской войны // Социальное противостояние и его проявления на Юге России в XX – начале XXI в. (к столетию начала Гражданской войны и образования Донской республики): материалы Всерос. науч. конф. (г. Ростов-на-Дону, 19–22 сент. 2018 г.). Ростов н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2018. С. 323–327.

Узнародов М.Т. Деятельность Кавказского и Юго-Восточного бюро ЦК РКП(б) по руководству партийными организациями Юго-Востока России в 1920–1924 гг. Орджоникидзе: Ир, 1968. 207 с.

Украинцы Юга России: проблемы истории, культуры, социально-экономического развития: материалы Междунар. науч. конф. (г. Ростов-на-Дону, 3–4 окт. 2013 г.) / отв. ред. Г.Г. Матишов. Ростов н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2013. 322 с.

Урушадзе А.Т. Современные проблемы нацистроительства в Кабардино-Балкарии: исторические предтечи и новые вызовы // Нации и государство на Северном Кавказе: проблемы взаимодействия: Сб. науч. статей и материалов. Ростов н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2013. С. 82–102.

Филькин В.И. Северо-Кавказская партийная организация в борьбе за осуществление ленинской национальной политики 1917–1936 гг. Грозный: Чечено-Ингуш. кн. изд-во, 1969. 78 с.

Харсиев Б.М.-Г. Причины возникновения и ликвидации ингушской государственности советского периода // Теория и практика общественного развития. Краснодар, 2012. № 8. С. 303–305.

Хаяли Р.И. Организация и проведение политики коренизации: практика Крымской АССР (1920–1930-е годы) // Гуманитарные научные исследования. 2017. № 5. URL: <http://human.snauka.ru/2017/05/23818> (дата обращения: 15.09.2022).

Хаяли Р.И. Периодическая печать в Крымской АССР: опыт крымских татар (1920–1930-е годы) // Емінак. Миколаїв, 2016. Т. 1, № 2 (14). С. 50–55.

Хирш Ф. Империя наций: Этнографическое знание и формирование Советского Союза. М.: Новое литературное обозрение, 2022. 472 с.

Хлынина Т.П. Адыгея в 1920-е годы: проблемы становления и развития автономии. Краснодар: ООО «Качество», 1997. 125 с.

Хлынина Т.П. Проблемы истории национально-государственного строительства на Северном Кавказе в 20–30-е гг. XX в. // Актуальные и

дискуссионные проблемы истории Северного Кавказа. Ростов н/Д: Изд-во СКНЦ ВШ ЮФУ, 2007. С. 99–120.

Хлынина Т.П. Русские, великороссы и украинцы..: методика подсчёта и численности украинского населения в Адыгее в 1920-е гг. // Кубань–Украина. Вопросы историко-культурного взаимодействия. Краснодар: Картика, 2008. Вып. 3. С. 287–291.

Хлынина Т.П. «Русский вопрос» и административная практика его разрешения в Адыгейской автономной области 1920-х годов // Мир славян Северного Кавказа. Краснодар: Кубанькино, 2003. С. 197–204.

Хлынина Т.П. Советская национальная государственность: понятие, образ, природа. Майкоп: Аякс, 2001. 67 с.

Хлынина Т.П. Становление советской национальной государственности у народов Северного Кавказа. 1917–1937 гг.: проблемы историографии. М.: Изд-во МГОУ, 2003. 268 с.

Хлынина Т.П. Украинизация Кубани и её последствия // Голос минувшего. Краснодар, 2010. № 3–4. С. 135–137.

Хлынина Т.П. Украинизация Северо-Кавказского края: замыслы и воплощение // Кубань – Украина. Вопросы историко-культурного взаимодействия. Краснодар; Киев: ЭДВИ, 2006. Вып. 1. С. 39–49.

Хлынина Т.П., Васильев И.Ю. Украинизация как политика и проблема современной историографии // Історіографічні дослідження в Україні. Київ, 2012. № 22. С. 201–214.

Хлынина Т.П., Васильев И.Ю. Украинизация на Кубани: замыслы, воплощение, итоги // Белоруссия и Украина: история и культура. Сб. статей. М.: Институт славяноведения РАН, 2015. Вып. 5. С. 373–384.

Хлынина Т.П., Кринко Е.Ф. История Северного Кавказа в 1920–1940-е гг.: современная российская историография. Ростов н/Д: Изд-во Южного науч. центра РАН, 2009. 304 с.

Хлынина Т.П., Кринко Е.Ф. История, политика и нациестроительство на Северном Кавказе. Ростов н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2014. 434 с.

Хлынина Т.П., Кринко Е.Ф., Урушадзе А.Т. Российский Северный Кавказ: исторический опыт управления и формирования границ региона. Ростов н/Д: Изд-во Южного науч. центра РАН, 2012. 271 с.

Хмара Н.И. Из опыта национально-государственного строительства в СССР (1920-е–1930-е годы) // Российская история. 2006. № 3. С. 126–139.

Хотко С.Х. Очерки истории черкесов: этногенез, античность, средневековье, Новое время, современность. СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2001. 431 с.

Храброва Е.В. Особенности государственной национальной политики на Кубани в 1920–1930-е годы // Вестник Краснодар. гос. ин-та культуры. 2016. № 2 (6).

Хубулова С.А. «Неудобный класс»: Некоторые проблемы социально-экономического и этнодемографического развития доколхозного северокавказского крестьянства. Владикавказ: Изд-во Сев.-Осет. гос. ун-та имени К.Л. Хетагурова, 2003. 144 с.

Хубулова С.А. Терское казачество в политических коллизиях 1917–1930-х гг. // Социальное противостояние и его проявления на Юге России в XX – начале XXI в. (к столетию начала Гражданской войны и образования Донской республики): материалы Всерос. науч. конф. (г. Ростов-на-Дону, 19–22 сент. 2018 г.). Ростов н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2018. С. 11–17.

Цуциев А.А. Атлас этнополитической истории Кавказа (1774–2004). М.: Европа, 2006. 128 с.

Чажкиев С. Идрис Зязиков: верой и правдой. Грозный: б.и., 1991. 66, 2 с.

Чеботарёва В.Г. Национальная политика Российской Федерации, 1925–1938 гг. М.: Моск. Дом национальностей; Обществ. академия наук российских немцев, 2008. 831 с.

Чеботарева В.Т. Социальные противоречия национальной политики в Крымской АССР в 1920-е годы // Вопросы истории. 2006. № 12. С. 23–43.

Черноморско-Средиземноморский регион в контексте национальных интересов России: история, политика, культура. Материалы Междунар. науч.-практ. конф. (г. Судак, 13–15 мая 2022 г.). Краснодар: Кубан. гос. ун-т, 2022. 608 с.

Чумаченко В.К. К истории Северо-Кавказского украинского научно-исследовательского института в Краснодаре // История регионального научного сообщества: проблемы изучения. Краснодар: Изд-во КГУКИ, 2007. С. 87-89.

Шапарова А.К. Политические репрессии черкесов на Северном Кавказе (1918–1940 гг.). Нальчик, 2017. 822 с.

Шевчук А.Г., Беднарский И.Г., Швец А.Б., Ефимов С.А., Кравцова Л.П. Административно-территориальное устройство Крыма в документах и картографических образах XVIII – XXI вв. / под ред. А.В. Ишина. Симферополь: СФ НИСИ; ВГМИ «Таврия», 2006. 72 с.; 55 карт, ил.

Шереужев А.Ж. Административно-территориальные преобразования в Кабардино-Балкарской автономной области в период пребывания в составе Северо-Кавказского края (1924–1936) // Научная мысль Кавказа. Ростов н/Д, 2019. № 1 (97). С. 70-75.

Шеуджен А.Х., Харитонов Е.М., Галкин Г.А. Становление и развитие адыгской государственности: этнокультурные и социально-политические аспекты // Доклады Адыгской (Черкесской) Международной академии наук. Нальчик, 2005. Т. 8. № 1. С. 152–158.

Шипулин Н.Г. Главком Терека Н.Ф. Гикало. Изд. 2-е, испр. и доп. Грозный: Чечено-Ингуш. кн. изд-во, 1970. 81 с.

Шнайдер В.Г. Нереализованные политические проекты и протестные формы социально-политической деятельности горцев Северного Кавказа (1920-е – начало 1940-х гг.) // Вестник Армавирского гос. пед. ун-та. Сер.: Социально-гуманитарные науки. 2007. № 1. С. 65–72, № 2. С. 72–78.

Шнайдер В.Г. Проблемы земельного и территориально-административного размежевания на Северном Кавказе в 1920-е годы // Учён. записки РГСУ. 2008. № 1. С. 123–127.

Шнайдер В.Г. Советская национальная политика и народы Северного Кавказа в 1940–1950-е гг. Армавир: РИЦ Армавир. гос. пед. ун-та, 2009. 234 с.

Шнайдер В.Г. Советское нацистроительство на Северном Кавказе (1917 – конец 1950-х гг.): закономерности и противоречия. М.: Директ-Медиа, 2015. 420 с.

Шотаев Н.Ф. Горская организация РКП(б) в борьбе за восстановление и развитие народного хозяйства на основе НЭПа. Орджоникидзе: Ир, 1974. 311 с.

Щемелев Н.Н. Борьба КПСС за развитие тяжёлой промышленности на Северном Кавказе (1926–1932 гг.). Ростов н/Д: Изд-во Ростов. ун-та, 1981. 272 с.

Щербина Ф.А. Законы эволюции и русский большевизм. Белград: Изд. рус. кн. маг. «Русская мысль», 1921. 264 с.

Эбзеева С.Э. Становление советской государственности народов Северного Кавказа. М.: Юридическая литература, 1976. 135 с.

Эльбуздукаева Т.У. Чечня и Ингушетия в 20–30-е годы XX века: опыт модернизации. М.: Парнас, 2011. 463 с.

Эльбуздукаева Т.У., Изрипова Е.А. Современные историографические приоритеты в изучении национального строительства на Северном Кавказе (на примере Чечни и Ингушетии) в 20–30-е гг. XX в. // Татьяна Павловна Хлынина: In Memoriam. Сб. статей и материалов. Ростов н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2017. С. 584–591.

Эльдарханов Таштемир Эльжуркаевич. Просветитель, политический и государственный деятель / авт. проекта, сост. и отв. ред. Х.В. Туркаев. М.: Наука, 2014. 273 с.

Этенко Л.А. Ленин и горцы Северного Кавказа. Орджоникидзе: Ир, 1975. 223 с.

Этнические элиты в национальной политике России / отв. ред. В.В. Трепавлов; Ин-т рос. истории РАН. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2017. 476 с.

Юсупов П.И. Борьба за ленинские принципы национальной политики в Чечено-Ингушетии, 1920–1925 г. Грозный: Чеч.-Инг. кн. изд-во, 1968. 64 с.

Яблочкина И.В. Проблема вооруженной конфликтности на Северном Кавказе в условиях революционного кризиса 1917 – начала 1920-х гг. // Федерализм. 2014. № 4. С. 95–108.

Яблочкина И.В. Рецидивы гражданской войны: Антигосударственные вооружённые выступления и повстанческие движения в Советской России. 1921–1925 гг. М.: Фирма «Хельга», 2000. 495 с.

Янчевский Н.Л. Гражданская борьба на Северном Кавказе. В 2 т. Ростов н/Д: Севкавказкнига, 1927. Т. 1. 208 с.; Т. 2. 159 с.

A State of Nations: Empire and Nation-Making in the Age of Lenin and Stalin / ed. by R.G. Suny, T. Martin. Oxford etc.: Oxford Univ. Press, 2001. XII, 307 p.

Anderson B. Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism. Revised ed. London; N.Y.: Verso, 2006. XV, 240 p., incl. index.

Gellner E. Nations and Nationalism. 2nd ed. Malden et al.: Blackwell Publishing, 2007. 152 p.

Mawdsley E. The Stalin Years: The Soviet Union, 1929–1953. Manchester; N.Y.: Manchester University Press, 1998. 162 p.

McGarry J., O’Leary B. Introduction. The Macro-Political Regulation of Ethnic Conflict // McGarry J., O’Leary B. (eds.). The Politics of Ethnic Conflict Regulation. London, 1993. P. 1–40.

Schuman F.L. Government in the Soviet Union. 2nd ed. N.Y.: Thomas Y. Crowell Company, 1967. 70 p.

The North Caucasus Barrier: The Russian Advance Towards the Muslim World / A. Avtorkhanov, Bennigsen Broxup, F.E.B. Brain et al. London: Hurst & Company, 1992. 252 p.

Viola L. Peasant Rebels under Stalin: Collectivization and the Culture of Peasant Resistance. N.Y.; Oxford: Oxford Univ. Press, 1996. 328 p.

Zalewski J. Опыт категоризации говора кубанских казаков: постановка проблемы // Humanum. Międzynarodowe Studia Społeczno-Humanistyczne. Warszawa, 2013. № 11 (2). P. 285-294.

Диссертации и авторефераты диссертаций

Аверьянов А.В. Национальная политика Советского государства на Дону, Кубани и Ставрополье в 1920–1930-е гг.: дис. ... д-ра ист. наук. Ростов н/Д, 2021. 701 с.

Агаджанян Э.М. Становление и развитие органов исполнительной власти и управления Карачаево-Черкесии (1920–1941 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Владикавказ, 2013. 27 с.

Аджиева З.И. Формирование национальной бюрократии в автономных образованиях РСФСР в первые десятилетия Советской власти

(на материалах Карачаево-Черкесии) (1920–1941 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Пятигорск, 2008. 28 с.

Акопян В.З. Развитие государственности и культуры национальных меньшинств Северного Кавказа (опыт партийных и советских организаций в 1920–1927 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ростов н/Д, 1991. 23 с.

Алдакимова О.В. Украинизация школьного образования на Кубани в период с 1921 по 1932 гг.: дис. ... канд. пед. наук. Сочи, 2004. 216 с.

Алиева А.Б. Административно-территориальное устройство Дагестанской области (республики) – конец XIX – 30-е годы XX в.: опыт, проблемы: дис. ... канд. ист. наук. Махачкала, 2008. 169 с.

Аутлев М.Г. Исторический опыт КПСС по осуществлению ленинской национальной политики на Северном Кавказе в 1920–1929 гг.: дис. ... д-ра ист. наук. Краснодар; Ростов н/Д, 1987. 442 с.

Бершадская, О.В. Черноморская деревня в условиях НЭПа: социально-экономический аспект: дис. ... канд. ист. наук. Краснодар, 2007. 219 с.

Болтенкова Л.Ф. Опыт Советского государства по решению проблемы национальных меньшинств в 20-е – 30-е годы (государственно-правовые аспекты): автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Харьков, 1989. 45 с.

Борисёнок Е.Ю. Концепции «украинизации» и их реализация в национальной политике в государствах восточноевропейского региона: 1918–1941 гг.: дис. ... д-ра ист. наук. М., 2015. 951 с.

Гонов А.М. Проблемы депортации и реабилитации репрессированных народов Северного Кавказа, 20–90-е годы XX века: дис. ... д-ра ист. наук. Нальчик, 1997. 403 с.

Даудов А.Х. Образование и развитие Горской АССР. 1920–1924 гг. (проблемы национально-государственного строительства): дис. ... канд. ист. наук. Л., 1984. 220 с.

Даудов А.Х. Социально-экономическое развитие Горской Автономной Советской Социалистической Республики, 1920–1924 гг.: дис. ... д-ра ист. наук. СПб., 1998. 337 с.

Дидигова И.Б. Административно-территориальное устройство Чечни и Ингушетии. 1920–1930-е гг.: дис. ... канд. ист. наук. М., 1997.

Ибрагимова А.Ш. Далгат Магомед Алибекович – общественно-политический и государственный деятель Дагестана. 20–30-е гг. XX в.: дис. ... канд. ист. наук. Махачкала, 2009. 163 с.

Ильин С.К. Этнические меньшинства в автономных областях и республиках Юга РСФСР, 20-е гг.: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 1995. 52 с.

Кагазежев Р.Б. Национальная государственность и ее влияние на социально-экономическое и культурное развитие Адыгеи: 1917–1940 гг.: дис. ... канд. ист. наук. Нальчик, 2017. 215 с.

Кажаров А.Г. Становление национальной автономии Кабардино-Балкарии: предпосылки, альтернативы, итоги (1917–1920-е гг.): дис. ... д-ра ист. наук. Нальчик, 2018. 607 с.

Калашникова, С.В. Крымские болгары: основные этапы исторического развития: середина XVIII – начало XXI в.: автореф. дис. ... канд. ист. наук / С.В. Калашникова. Краснодар, 2012. 26 с.

Клименко Н.Г. Административно-территориальное деление кубанских земель и Кавказского Причерноморья с конца XVIII века по 1937 г.: проблемы организации регионального управления: дис. ... канд. ист. наук. Кропоткин, 2001. 295 с.

Король К.Б. Национальные общественные организации на Кубани: основные этапы и тенденции развития: конец XIX – начало XXI в.: дис. ... канд. ист. наук. Краснодар, 2010. 175 с.

Магомедсалихов Х.Г. Конфликты в общественных отношениях горцев Дагестана: XIX в. – 30-е гг. XX в.: дис. ... д-ра ист. наук. Владикавказ, 2013. 387 с.

Мазанаев Н.К. Модернизационные процессы в социально-политической жизни дагестанского села в 20–30-е годы XX века: опыт и особенности: дис. ... канд. ист. наук. Махачкала, 2009. 217 с.

Маркарян В.М. Коммунистическая партия – организатор и руководитель национальных воинских формирований Красной Армии в период мирного социалистического строительства (1922–1938): автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1975. 23 с.

Марченко Г.В. Государственная национальная политика на Северном Кавказе (1917–1945 гг.): военно-исторический аспект: дис. ... д-ра ист. наук. М., 2004. 564 с.

Могаричев К.Ю. «Крымский проект» в контексте советской национальной политики и системе еврейских политических проектов: 1920–1940 гг.: дис. ... канд. ист. наук. Симферополь, 2020. 284 с.

Орешин С.А. Национально-государственное строительство на Северном Кавказе. 1917–1921 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2015. 28 с.

Османов А.И. Исторический опыт осуществления новой экономической политики в национальных районах Северного Кавказа: на материалах Дагестанской АССР: дис. ... д-ра ист. наук. Махачкала, 1979. 371 с.

Ржавин А.А. Национально-государственные образования в Краснодарском крае. 20–50-е годы: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2000. 28 с.

Семёнов В.О. Здійснення національної політики в Криму в 1921–1925 рр.: автореф. дис. ... канд. іст. наук. Дніпропетровськ, 1993. 18 с.

Шахбанова Л.Р. Дагестанская АССР в системе интернациональных связей и межнациональных отношений СССР в 20–30-е гг. XX в.: исторический опыт: дис. ... канд. ист. наук. Владикавказ, 2013. 196 с.

Шеуджен Э.А. Советская историография национально-культурного строительства на Северном Кавказе: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 1984. 44 с.

Шихавцова В.М. Межэтническое взаимодействие на Северном Кавказе в процессе национально-государственного строительства в 1920-е гг.: дис. ... канд. ист. наук. М., 2005. 258 с.

Шнайдер В.Г. Национальное строительство как фактор социокультурной интеграции народов Северного Кавказа в советское общество (1917 – конец 1950-х гг.): автореф. дис. ... д-ра ист. наук, Ставрополь, 2008. 46 с.

Шульгина О.В. Административно-территориальное деление России в XX веке (Историко-географический аспект): дис. ... д-ра ист. наук. М., 2005. 419 с.

Эль-Беайни Р.Н. Деятельность государственных и военных органов СССР по созданию и развитию национальных воинских формирований (1923–1939 гг.): дис. ... канд. ист. наук. М., 2012. 174 с.

Эльбуздукаева Т.У. Социально-экономическое, политическое и культурное развитие Чечни и Ингушетии в 20–30-е годы XX века: дис. ... д-ра ист. наук. Ростов н/Д, 2013. 46 с.

ПРИЛОЖЕНИЯ

ПРИЛОЖЕНИЕ 1. ТАБЛИЦЫ

Таблица 1

Лишение избирательных прав в РСФСР и Северо-Кавказском крае за 1924–1929 гг., % от взрослого населения

Территория	1924 г.	1925 г.	1926 г.	1927 г.	1929 г.
РСФСР, города	5,3	5,3	4,5	7,7	8,5
РСФСР, села	1,6	1,3	1,0	3,6	4,3
Северный Кавказ, города	Нет данных	3,0 ¹	4,3	8,7	Нет данных
Северный Кавказ, села	2,4	1,2	1,5	5,8	Нет данных

Источники: Избирательная кампания в Советы РСФСР в 1924–1925 г. М., 1925. Вып.2. С. 11–12; Отчет о деятельности Северокавказского крайисполкома. За 1925–1926 хозяйственный год. Ростов н/Д, 1926. С. 367; Выборы в Советы РСФСР в 1925–1926 г. М., 1926. Ч. 1. С. 3–4, 72–77; Титков А. Предварительные итоги перевыборов Советов в крае // Северо-Кавказский край. 1926. № 4. С. 15; Предварительные итоги избирательной кампании в Советы РСФСР в 1924–1925 гг. М., 1925. Вып. 1. С. 20; ГАРО. Ф. Р-1485. Оп. 1. Д. 395. Л. 472-473; Д. 224. Л.1; Власть Советов. 1925. № 19. С. 22; Большевик. 1926. № 14. С.22; Известия. 1926. 10 апр.; 1927. 26 июня, 3 июля; Итоги выборов в Советы РСФСР в 1929 г. М., 1930. Вып. 1. С. 121; Выборы в Советы Союза ССР. 1934–1935 гг. М., 1935. С. 19.
Данные по 20 крупнейшим городам Северо-Кавказского края.

Таблица 2

Явка избирателей на выборы местных Советов в 1924–1929 гг.,
% от правомочного населения

Территория	1924 г.	1925 г.	1926 г.	1927 г.	1929 г.
РСФСР, города	37,0	47,5	52,5	59,5	Нет данных
РСФСР, села	36,9	44,7	47,5	47,4	60,7
Северный Кавказ, города	32,4	35,5 ¹	49,9 ¹	Нет данных	Нет данных
Северный Кавказ, села	29,9	44,0 ²	44,5 ²	44,9 ³	60-65

Источники: Избирательная кампания в Советы РСФСР в 1924–1925 г. Вып. 2. С. 12; ГАРФ. Ф. Р-1235. Оп. 103. Д. 695. Л. 11; Выборы в Советы РСФСР в 1925–1926 г. ...Ч. 1. С. 231; Титков А. Указ. соч. С. 15, 18, 24; Известия. 1927. 27 июня, 3 июля; Итоги выборов в горсоветы. 1927 год. М.; Л., 1928. С.13; ГАРО. Ф. Р-1485. Оп. 1. Д. 549. Л. 7; Молот. 1929. 7 февр.; Итоги выборов в Советы РСФСР в 1929 г. М., 1930. Вып. 1. С. 27–29.

¹Данные по 26 крупнейшим городам Северо-Кавказского края.

²Данные по 1198 сельсоветам русских округов края, составляющим 85% населения, правомочного голосовать.

³Данные по всем сельсоветам русских округов края.

Таблица 3

Состав сельских Советов РСФСР и их органов в 1924–1929 гг., %

Категория состава	1924 г.	1925 г.	1926 г.	1927 г.	1929 г.
<i>По социальному положению</i>					
Крестьяне	–	92,1	89,8	89,1	73,9 ¹
бедняки	–	–	–	34,0	34,0 ¹
средняки	30–40	64–69	–	47,4	34,0 ¹
зажиточные	–	–	–	7,7	4,4 ¹
Рабочие и батраки	–	3,1	2,5	4,3	8,7
Служащие и интеллигенция	–	4,8	6,9	5,5	16,5
Кустари	–	–	0,8	1,1	0,9
<i>По партийности</i>					
Члены и кандидаты РКП(б)					
среди членов сельсоветов	7,1 ²	3,6 ³	6,2	7,8	9,3
среди членов волостных исполкомов	55,4 ²	38,5 ³	44,0	48,3	–
Члены РЛКСМ					
среди членов сельсоветов	4,2 ²	2,3 ³	3,9	5,2	6,4
среди членов волостных исполкомов	5,2 ²	3,8 ³	–	6,4	–
Беспартийные					
среди членов сельсоветов	88,7 ²	94,1 ³	89,9	87,1	84,3
среди членов волостных исполкомов	57,7 ²	57,7 ³	–	45,3	–

Источники: Выборы в Советы РСФСР в 1925–1926 г. ... Ч. 1. С. 28, 30, 232–233; К XIV съезду РКП(б). М., 1925. С. 16–17; XIV съезд РКП(б): Стеногр. отчет. М.; Л., 1926. С. 65–66; Итоги выборов в Советы РСФСР. М., 1927. Вып. 1. С. 15, 21, 27–28, 31–35; Выборы в сельсоветы и состав органов власти в СССР в 1927 г. М., 1928. С. 10, 13, 17, 20, 21; ГАРО. Ф. 374. Оп. 2. Д. 29. Л. 32–34; Итоги выборов в Советы РСФСР в 1929 г. М., 1930. С. 9, 16–19; Выборы в Советы и состав органов власти в СССР в 1929 г. М., 1929. С. 36–37, 42–43; Советское крестьянство: Краткий очерк истории. М., 1970.

¹Данные рассчитаны по соотношению удельного веса бедняков, середняков и зажиточных в структуре депутатов – крестьян СССР.

²Выборочные данные по 1115 волостям (с 1925 г. – по районам).

³Выборочные данные по 1005 волостям (с 1925 г. – по районам).

Таблица 4

Состав депутатов сельских Советов Северо-Кавказского
края в 1924–1929 гг., %

Категории состава	1924 г.	1925 г.	1926 г.	1927 г.	1929 г.
<i>По социальному положению</i>					
Крестьяне	68,2	82,2	84,2	79,2	80,9
В том числе:	51,7	45,2	45,4	–	48,8
бедняки	37,9	48,1	38,2	–	39,5
средняки	0,3	6,7	51,1	–	50,3
зажиточные	13,7	6,8	43,0	7,3	40,7
Рабочие и батраки	18,9	11,0	3,5	12,3	0,9
Служащие и интеллигенция	–	–	3,0	1,2	0,7
Кустари					
<i>По сословию</i>					
Казаки	28,0 ¹	48,1	48,0 ²	36,1 ³	27,2 ⁴
Иногородние	72,0 ¹	51,9	52,0 ²	63,9 ³	72,8 ⁴
<i>По партийности</i>					
Члены и кандидаты РКП(б)	27,2 ¹	12,0	11,0	14,7	17,0
Члены РЛКСМ	5,7 ¹	2,5	3,3	4,6	5,8
Беспартийные	67,1 ¹	85,5	85,7	80,7	77,2

Источники: ЦДНИКК. Ф. 2816. Оп. 1. Д. 52. Л. 5–6; Отчет о деятельности Северо-Кавказского крайисполкома за 1924/25 хозяйственный год. Ростов н/Д, 1926. С. 42–43; Титков А. Указ. соч. С. 24; ГАРО. Ф. Р-1485. Оп. 1. Д. 549. Л. 19, 25; Молот. 1929. 7 февр.; Итоги выборов в Советы РСФСР в 1929 г. М., 1930. С. 9, 16, 17, 19; Андреев А.А. Статьи и речи. 1928–1930. Ростов н/Д, 1931. С. 116; Сквозь ветры века. Ростов н/Д, 1988. С. 205.

¹ Данные по всем русским округам края.

² Данные по 6 округам с наибольшим казачьим населением (Армавирский, Донской, Донецкий, Кубанский, Майкопский, Шахтинско-Донецкий округа).

³ Данные по 8 русским округам (без Армавирского и Черноморского).

⁴ Данные по всему краю, включая автономии.

Таблица 5

Состав лишенных избирательных прав и восстановленных в правах лиц по Северо-Кавказскому краю в 1926–1927 гг.

Категория лиц, чел./%	Округа		Автономии		Весь край	
	1926 г.	1927 г.	1926 г.	1927 г.	1926 г.	1927 г.
Лица, использующие наемный труд ради прибыли	4520 11,0	3000 117,3	189 3,3	2617 13,2	4709 10,1	32618 16,9
Живущие на нетрудовые доходы	4942 12,1	8744 5,1	417 7,2	1272 6,4	5359 11,4	10016 5,2
Частные торговцы и посредники	1410 534,4	2071 012,0	1577 27,2	3349 16,9	1568 233,5	24059 12,5
Служители культа	5303 12,9	6797 3,9	930 16,0	2087 10,5	6233 13,3	8884 4,6
Служащие царских и бело-гвардейских учреждений, агенты охранных отделений, жандармы	2438 5,9	1079 66,2	174 3,0	1507 7,6	2612 5,6	12303 6,4
Осужденные	1777 4,3	3801 2,2	685 11,8	1945 11,8	2462 5,3	5746 3,0
Умалишенные и находящиеся под опекой	802 2,0	1730 1,0	170 2,9	365 1,9	972 2,0	2095 1,1
Иждивенцы и пр.	7147 17,4	9039 452,3	1660 28,6	6668 33,7	8807 18,8	97062 50,3
Итого	4103 41,6	1729 76,0	5802 1,3	1981 04,5	4683 61,5	19278 75,8

Источник: ГАРО. Ф.Р-1485. Оп.1. Д.549. Л.3.

Таблица 6

Участие казаков в выборах и местных органах власти
в 1926/27 г., %

Удельный вес казаков	Округ					
	Кубанский	Майкопский	Донской	Донецкий	Терский	Шахтинско-Донецкий
Среди избирателей	55,5	40,5	30,6	38,8	31,0	55,0
Среди явившихся на выборы	47,7	37,5	28,1	—	20,1	51,3
Среди членов сельсоветов	48,7	37,2	26,6	—	18,7	52,3
Среди членов президиумов сельсоветов	41,5	32,1	11,3	—	15,5	54,1
Среди председателей сельсоветов	21,6	24,3	16,8	—	17,1	48,9
Среди делегатов районных съездов Советов	37,5	30,7	17,9	32,0	—	—
Среди членов райисполкомов	31,0	25,7	14,9	27,7	—	—
Среди председателей райисполкомов	6,6	40,0	9,1	28,6	—	—
Среди делегатов окружных съездов	24,6	12,1	7,1	18,4	11,9	22,4
Среди членов окрисполкомов	23,6	4,4	5,3	17,8	9,8	8,5

Источник: ГАРО. Ф.Р.1485. Оп.1. Д.549. Л.25,34,41.

Таблица 7

Численность повстанцев Северного Кавказа в 1921–1923 гг.,
чел.¹ (в скобках – отрядов)

Дата	Северный Кавказ ²	Дон	Кубано-Черноморье	Терек	Ставрополье
01.10.1921	6180 (88)	971 (9)	3183 (55)	1560	466 (11)
01.11.1921	5173 (95)	645 (15)	2981 (55)	(13)	482 (12)
01.12.1921	3291 (57)	338 (8)	1818 (37)	1065	175 (5)
01.05.1922	2708 (56)	95 (4)	1018 (28)	(13)	250 (11)
01.06.1922	1805 (60)	59 (4)	1089 (32)	960 (7)	272 (9)
01.07.1922	1567 (52)	30 (7)	781 (27)	1345	168 (3)
01.01.1923	282 (12)	9 (1)	80 (7)	(13)	80 (1)
01.03.1923	237 (10)	40 (1)	75 (6)	385 (15)	0
01.04.1923	269 (14)	19 (2)	102 (8)	588 (15)	25 (1)
01.05.1923	212 (12)	35 (2)	94 (6)	113 (3)	25 (1)
01.06.1923	212 (14)	14 (1)	114 (7)	122 (3)	53 (5)
01.07.1923	259 (14)	25 (1)	171 (9)	123 (3)	28 (1)
				58 (3)	
				31 (3)	
				35 (3)	

Источник: Краткий периодический обзор повстанческого движения на территории С.-К.В.О. по данным к 1-му декабря 1921 г. за октябрь и ноябрь 1921 г. Ростов н/Д, 1921. С.16; ...по данным к 1-му июня 1922 г. ... С.18–19; ...за июнь 1922 г. ...С.14–15; ГАКК. Ф.Р-147. Оп.1. Д.105. Л.45; 100-101об, 125,149-151об, 165-167об.

¹Нами проведен расчет общей численности пехоты и кавалерии по Северному Кавказу, областям и губерниям.

²Данные без национальных автономий.

Таблица 8

Крестьянские выступления в округах Северо-Кавказского края
за июнь 1928 г.

Округ	Количество выступлений	Количество участников, чел.			
		до 50	51–100	101–200	более 200
Армавирский	26	17	3	2	4
Терский	26	12	3	3	8
Кубанский	13	9	2	2	0
Ставропольский	13	6	3	1	3
Майкопский	5	4	0	1	0
Донской	5	1	0	4	0
Черноморский	2	0	1	0	1
Сальский	2	1	1	0	0
Шахтинско-Донецкий	1	0	0	0	1

Источник: ЦДНИРО. Ф.7. Оп.1. Д.801. Л.157об.

Таблица 9

Формы оппозиционной деятельности казачества и крестьянства
Северо-Кавказского края, зафиксированные ОГПУ

Вид активности	1928 г., июль	1928 г., август	1928 г. сентябрь
Антисоветские выступления	217	209	298
Провокационные слухи	124	123	201
Повстанческие настроения	47	37	69
Листовки и анонимки	0	9	14

Источник: ЦДНИРО. Ф.7. Оп.1. Д. 807. Л. 8–9.

ПРИЛОЖЕНИЕ 2. БИОГРАФИЧЕСКИЕ СПРАВКИ¹¹⁵²

Азнарашвили Николай Спиридонович (1897 – ?). Сын крестьянина. Член РКП(б) с мая 1917 г. Активный участник Октябрьской революции 1917 г. и Гражданской войны в г. Армавире. Секретарь Армавирской отдельской организации РКП(б) с марта 1921 г. Ответственный секретарь Чеченского оргбюро РКП(б) в 1923 г.

Аксамитный Анатолий Сергеевич (1884–1931). Родился в г. Ромны Полтавской губернии. Дворянин. Окончил Петроградский институт инженеров путей сообщения, инженер-гидротехник, преподавал на инженерно-мелиоративном факультете Донского политехнического института. Член комиссии по районированию Юго-Востока России при крайэкономсовете. В 1930 г. репрессирован, покончил жизнь самоубийством. Реабилитирован.

Акулов Иван Алексеевич (1888–1937). Родился в г. Санкт-Петербурге. Сын мелкого торговца. Член РСДРП (б) с 1907 г. С 28 марта по 6 ноября 1921 г. – секретарь Крымского областного комитета РКП(б) и секретарь Крымского революционного комитета. Репрессирован, реабилитирован.

Акушинский Али-Хаджи (1847–1930). Родился в ауле Акуша (Дагестан) в семье священнослужителя. Получил исламское образование, имам. С января 1918 г. – шейх-уль-Ислам Дагестана. Поддержал восстание в Дагестане против Добровольческой армии А.И. Деникина. 7 февраля 1920 г. избран почётным председателем Совета Оборона горских трудовых народов Северного Кавказа. Сотрудничал с органами советской власти до конца 1926 г. В декабре 1928 г. обвинён в контрреволюционной деятельности. Реабилитирован.

Алиев Умар Джашуевич (1895–1937). Родился в ауле Карт-Джурт (Карачай). Сын узденя. Имел высшее мусульманское образование (окончил медресе). Член РКП(б). В 1920 г. заведующий отделом горцев Кавказа в Наркомнаце РСФСР. Затем – начальник горского отдела при Северо-Кавказском революционном комитете с 1920 г., председатель Карачаево-Черкесского ревкома, директор Северо-Кавказского краевого НИИ истории, экономики, языка и литературы; директор Музея горских народов. Создатель алфавита и учебников карачаевского языка на латинице. Председатель Национального Совета при Северо-Кавказском краевом исполкоме Советов, директор Краевого Национального издательства до 1929 г. Репрессирован. Реабилитирован.

¹¹⁵² Приводятся выборочные сведения только о деятельности на Северном Кавказе и в Крыму.

Андреев Андрей Андреевич (1895–1971). Из крестьян Смоленской губернии, рабочий. Член РСДРП(б) с 1915 г. Член ЦК РКП(б) с 1920 г. Секретарь Северо-Кавказского крайкома партии в конце 1927–1930 гг.

Баранов Сергей Фомич (1890–1937). Родился в пос. Нытва Пермской губернии. Член РСДРП(б) с 1913 г. С сентября 1924 г. по март 1926 г. – секретарь Кубанского окружкома РКП(б). С марта 1926 г. – заведующий организационным отделом Северо-Кавказского крайкома ВКП(б). Репрессирован, реабилитирован.

Белобородов Александр Григорьевич (1891–1938). Родился в Пермской губернии. Сын рабочего. Член РКП(б) в 1907–1927 и 1930–1936 гг. Член ЦК и Оргбюро ЦК РКП(б) в 1919–1920 гг., кандидат в члены ЦК в 1920–1921 гг. С октября 1919 по июнь 1920 гг. – член Реввоенсовета 9-й армии и член Кубанского революционного комитета. С марта 1920 г. – член Кавказского бюро ЦК РКП(б) и фактический руководитель его ростовской группы до октября 1921 г. В июне 1920 – марте 1921 гг. – заместитель председателя Реввоенсовета Кавказской трудовой армии. С марта по октябрь 1921 г. – председатель Краевого экономического совета Юго-Востока России. В «дискуссии о профсоюзах» поддержал Л.Д. Троцкого. Репрессирован, реабилитирован.

Богданов Петр Алексеевич (1882–1939). Родился в Москве. Сын купца. Член РКП(б) с 1905 г. В 1921–1925 гг. – председатель Высшего совета народного хозяйства РСФСР. В 1926–1927 гг. – председатель Северо-Кавказского крайисполкома, сторонник умеренных темпов индустриализации. Репрессирован, реабилитирован.

Борукаев Казбек Каурбекович (1890–1931). Родился в с. Зилга Северной Осетии. Сын крестьянина. Член РКП(б) с 1919 г. В 1920–1924 гг. председатель Северо-Осетинского окружного ревкома, уполномоченный НК РКИ по Терской области, народный комиссар финансов и заместитель председателя ЦИК Советов Горской АССР. С сентября 1924 по 1927 г. – председатель ЦИК Советов Северо-Осетинской АО. С января 1927 по май 1928 гг. – секретарь Северо-Осетинского обкома ВКП(б). Скончался после болезни.

Булатов Дмитрий Александрович (1889–1941). Родился в с. Юрьево-Девичье Тверской губернии. Сын крестьянина. Член РКП(б) с 1912 г. В 1926–1929 гг. – член бюро и заведующий организационным отделом Северо-Кавказского крайкома ВКП(б). Репрессирован, реабилитирован.

Вакулин Кирилл Тимофеевич (?–1921). Родился в хут. Сидоры Усть-Медведицкого округа Донской области. Казак. Участник 1-й мировой войны, офицер военного времени. Член РКП(б) с 1918 г. С 1918 г. в РККА, прошел путь от командира роты до командира 201-го стрелкового полка 23-й стрелковой дивизии. Награжден орденом Красного Знамени в 1920 г.

Командир караульного батальона Усть-Медведицкого округа после разгрома Деникина. 17 декабря 1920 г. возглавил мятеж в слободе Михайловской, совершил с отрядом казаков рейд на Среднюю Волгу. Подозревался в сговоре с Ф.К. Мироновым. Погиб в бою.

Воронович Николай Владимирович (1886–1967). Родился в Санкт-Петербурге. Ротмистр конногвардейского полка. Камер-паж вдовствующей императрицы Марии Федоровны. Социалист-революционер, масон. В 1917 г. – командующий гарнизоном, председатель Совета солдатских депутатов г. Луга. Оказавшись по делам сельскохозяйственного кооператива в Сочинском округе, возглавил крестьянское движение «зеленых». С 1919 г. – полковник. На съезде крестьянских делегатов Черноморской губернии (декабрь 1919 г.) избран заместителем председателя Комитета освобождения Черноморья, командующим крестьянским ополчением губернии. Проводил непримиримую линию в отношении РКП(б) после разгрома Добровольческой армии, за что исключен в мае 1920 г. из партии эсеров. Скрылся в эмиграции и возглавлял крестьянское повстанческое движение, тайно посещая Черноморское побережье. В 1921 г. – уполномоченный «Внепартийного объединения» в Константинополе, с ноября 1921 г. возглавлял «Народный союз освобождения Юго-Востока». Возможно, имел связи с английской и французской разведывательными службами.

Врачёв Иван Яковлевич (1898–1997). Родился в г. Екатеринодаре. Рабочий. Член РКП(б) с 1917 г. В 1920 г. – помощник командующего Кавказской трудовой армии по политической части, и.о. командующего КТА. Осуществлял депортацию сунженских казаков. Сторонник платформы Троцкого во время дискуссии о профсоюзах. Репрессирован. Автор воспоминаний и статей о внутрипартийной борьбе.

Габиев Саид Ибрагимович (1882–1963). Родился в г. Опочка Псковской губернии. С мая по август 1918 г. – заведующий отделом внутренних дел ВРК, затем Дагестанского облисполкома Советов. В августе 1918–1919 гг. – председатель Народного Совета Терской Советской республики. И.о. председателя Дагестанского областного ревкома (декабрь 1920 – март 1921 гг.), в апреле 1921 – 1922 гг. нарком просвещения Дагестанской АССР, в 1923–1926 гг. – нарком финансов Дагестанской АССР. Репрессирован, реабилитирован.

Гавен Юрий Петрович (настоящие фамилия, имя и отчество – **Дауман Ян Эрнестович**) (1884–1936). Родился на хут. Бикерн Лифляндской губернии. Сын крестьянина. Член РСДРП с 1902 г. С ноября 1917 г. член бюро Таврического обкома РСДРП(б), с 16 декабря 1917 г. председатель Севастопольского ВРК (с 28 декабря – председатель Таврического губернского ВРК), председатель Севастопольского горкома РСДРП(б). Активный руководитель партийных и советских органов власти

Крыма в 1918–1919 гг. С 16 ноября 1920 г. заместитель председателя Крымского областного ревкома, с июня 1921 г. – председатель комиссии по борьбе с бандитизмом при Крымской ЧК. С ноября 1921 г. – председатель ЦИК Крымской АССР, с мая по сентябрь 1922 г. – также член Постоянного экономического совещания СНК Крымской АССР. Участник троцкистской оппозиции. Репрессирован, реабилитирован.

Гикало Николай Фёдорович (1897–1938). Родился в г. Одесса. Сын служащего. Член РСДРП(б) с 1917 г. В 1920 г. руководил повстанческим движением в Чечне против Добровольческой армии А.И. Деникина. С марта 1920 г. – военный комиссар Терской области и Дагестана. В 1921–1923 гг. секретарь Горского областного комитета РКП(б). В 1923–1925 гг. член Юго-Восточного бюро ЦК, заведующий агитационно-пропагандистским отделом Северо-Кавказского крайкома РКП(б). В 1926–1927 гг. – председатель Национального совета при Северо-Кавказском краевом исполкоме Советов. Репрессирован, реабилитирован.

Голодович Казимир Янович (1893–1938). Родился в г. Львов. Ответственный секретарь Адыгее-Черкесского областного оргбюро РКП(б) в 1922–1923 гг. Репрессирован, реабилитирован.

Гоцинский Наджмутдин, имам (1859–1925). Родился в ауле Гоцо (Дагестан). Сын наиба. В 1918 – начале 1920 гг. возглавлял антибольшевистское правительство Дагестанской области. Руководил антисоветским мятежом в Дагестане 1920–1921 гг. После его разгрома бежал в Чечню и руководил мятежами, в сентябре 1925 г. арестован. Расстрелян по решению Полномочного представительства ОГПУ по Северо-Кавказскому краю.

Гурари Григорий Натанович (1886–1938). Родился в г. Азов Области войска Донского. Специалист по экономической географии. Член комиссии по экономическому районированию Крайэкономсовета Юго-Востока России в 1923 г. Репрессирован, реабилитирован.

Гутекулов Даут Нашхович (1890–1926). Родился в ауле Тазартуковский Баталпашинского отдела. Председатель горской секции Кубано-Черноморского областного ревкома в 1920 г. Секретарь Карачаево-Черкесского оргбюро, затем – обкома РКП(б) с октября 1923 по январь 1925 гг. В 1925 г. – член краевого Национального совета при Северо-Кавказском крайисполкоме Советов.

Далгат Магомед Алибекович (1893–1942). Родился в с. Урахи (Дагестан), сын служащего. Член Коммунистической партии с 1919 г. С апреля 1920 г. – член Дагестанского революционного комитета. В 1919–1920 гг. – секретарь Дагестанского обкома ВКП(б), в 1922–1923 гг. председатель Дагестанского ЦИК Советов. В 1924–1928 гг. первый секретарь Дагестанского обкома РКП(б). В 1928–1939 гг. председатель

Дагестанского ЦИК Советов, заведующий Дагестанским областным финансовым отделом.

Даутоков (Серебряков) Хаджи-Мурат Асланбекович (Виктор Никифорович) (1876–1921). Родился в ст. Луковской Терской области. Сын крещёного знатного офицера, во время Февральской революции 1917 г. принял ислам. Офицер Русской императорской армии, участник Первой мировой войны, литератор. В 1920–1921 гг. возглавлял повстанческие группировки в Кабарде и Пятигорском округе. В мае 1921 г. захвачен в плен, казнён.

Дерен-Айерлы Осман Абдул Гани (1898–1949). Родился в дер. Терен Айыр Таврической губернии. Член РКП(б) с 1918 г. Участник «красно-зелёного» партизанского движения против деникинцев. С ноября 1920 г. – член Крымского областного ревкома, секретарь Татарского бюро Крымского обкома РКП(б). В 1922 г. редактор ряда крымскотатарских газет. Председатель Ялтинского уездного исполкома Советов. Председатель СНК Крымской АССР с мая 1924 по март 1926 г., снят с должности «за выпячивание национальных интересов над классовыми». Исключён из ВКП(б) в 1929 г., репрессирован. Реабилитирован.

Евдокимов Ефим Георгиевич (1891–1940). Сын железнодорожного рабочего из Сибири. В революционном движении с 1905 г., член кружка эсеров, в 1911–1918 гг. – анархо-синдикалист. Во время Гражданской войны начальник Особого отдела Московской губернской ЧК, начальник Особых отделов Южного и Юго-Западного фронтов. В 1923–1929 гг. полномочный представитель ОГПУ по Северо-Кавказскому краю, сыграл важную роль в фабрикации «Шахтинского дела» 1928 г. В 1930–1933 гг. член коллегии ОГПУ, член ЦКК ВКП(б). В 1934–1936 гг. первый секретарь Северо-Кавказского крайкома, в 1936 – мае 1938 гг. – Ростовского обкома ВКП(б). Активный участник «большого террора». Репрессирован, реабилитирован.

Жуков Михаил Никифорович (1895–1923). Казак-средняк ст. Кавказской. Образование среднее. Участник Первой мировой войны (хорунжий). Вступил в Добровольческую армию в марте 1918 г., тяжело ранен при штурме Екатеринодара. В феврале 1920 г. полковник, назначен командиром партизанского отряда, оставленного в тылу красных. Эвакуировался из Адлера в Крым, участник десанта близ пос. Сукко в августе 1920 г. Выполнял задачу – объединить повстанцев Таманского полуострова. В октябре 1920 г. начал объединять мелкие отряды «зеленых» в Ейском отделе, создал «Партизанскую Русскую армию». 26 марта 1921 г. на съезде повстанцев возглавил «Штаб помощи Русской армии». Монархист-конституционалист, не шёл на сотрудничество с республиканцами – «самостийниками». Руководил рейдами в Приазовье. В мае 1921 г. разбит, перешел в подполье, возглавляя разноименные организации. В сентябре 1923 г. арестован. Умер в тюрьме.

Захарченко Иван. Бывший командир полка 7-й кавдивизии 11-й армии РККА, мятежник. Выступал за Советы без коммунистов и продразверстки. Руководил крупным отрядом «бело-зеленых» в районе ст. Тифлисской и Ладожской весной 1921 г.

Землячка Розалия Самойловна (настоящая фамилия – Залкинд) (1876–1947). Родилась в г. Могилёве, дочь купца. В марксистском движении – с 1896 г. Член Крымского областного революционного комитета в ноябре 1920–1921 гг., несёт ответственность за массовые репрессии. Заведующая организационным отделом Северо-Кавказского крайкома РКП(б) в 1924–1926 гг., сторонница сталинской группировки. Выступала за увеличение уступок казачеству вопреки курсу крайкома.

Зязиков Идрис Бейсултанович (1896–1938). Родился в с. Барсуки Назрановского округа (Терская область). Сын учителя. Член РКП(б) с 1918 г. С 1918 по 1924 гг. – член Терского областного ревкома и Терского областного исполкома Совета, председатель Назрановского окружного исполкома Советов, народный комиссар внутренних дел Горской АССР, председатель ЦИК Горской АССР, секретарь Горского областного комитета РКП(б), член ВЦИК СССР. С июля 1924 по сентябрь 1929 гг. – председатель Ингушского областного исполкома Советов. Репрессирован, реабилитирован.

Ибраимов Вели Ибраимович (1888–1928). Родился в г. Бахчисарае Таврической губернии. Сын торговца. Журналист, член крымскотатарских культурно-просветительных и политических организаций. С ноября 1917 г. член партии «Милли Фирка», с 1918 г. член РКП(б). Сотрудник Особого отдела ВЧК на Кавказском фронте в 1919–1920 гг. С ноября 1921 г. нарком Рабоче-Крестьянской Инспекции Крымской АССР. С февраля 1922 г. председатель Крымской чрезвычайной тройки по борьбе с бандитизмом. С августа 1924 по 1927 г. председатель ЦИК Советов Крымской АССР. Проводил националистическую политику, расколовшую Крымский обком ВКП(б). В январе 1928 г. исключён из рядов ВКП(б), в феврале – арестован, в апреле – осуждён по обвинениям в теракте, участии в бандитской организации и растрате государственных средств. Казнён. Реабилитирован.

Иванов Владимир Иванович (1893–1938). Сын кузнеца, образование – незаконченное высшее. Член РКП(б) с 1915 г. В 1927–1931 гг. – второй секретарь Северо-Кавказского крайкома ВКП(б), в 1926–1930 гг. – кандидат в члены ЦК. Репрессирован, реабилитирован.

Калмыков Бетал Эдыкович (1893–1940). Родился в с. Атажукино III (Кабарда), из крестьян. Член Коммунистической партии с 1918 г. Председатель Кабардино-Балкарского областного революционного комитета, затем – Кабардино-Балкарского областного исполкома Советов в 1920–1930 гг., с 1929 по 1938 гг. – первый секретарь Кабардино-Балкарского областного комитета ВКП(б). Репрессирован, реабилитирован.

Квирквелия Виссарион Меликседекович (1885–1937). Член РСДРП(б) с 1904 г. Председатель Терского областного ревкома в 1920 г. Репрессирован, реабилитирован.

Киров Сергей Миронович (настоящая фамилия – Костриков) (1886–1934). Родился в г. Уржум Вятской губернии. Сын рабочего. Большевик с 1904 г. В сентябре 1919 – марте 1920 гг. член РВС 11-й армии. С апреля 1920 по март 1921 г. член Кавказского бюро ЦК РКП(б). В июне – сентябре 1920 г. полпред РСФСР в Грузии. Убит в итоге теракта.

Коркмасов Джелаледдин Асельдерович (1877–1937). Родился в с. Кумторкала (Дагестан), из дворян. Член Коммунистической партии с 1919 г. С сентября 1919 по ноябрь 1920 г. – председатель Дагестанского областного комитета РКП(б), председатель Совета Оборона Северного Кавказа и Дагестана. В 1920–1921 гг. – председатель Дагестанского революционного комитета. С декабря 1921 по декабрь 1931 гг. – председатель Совета Народных Комиссаров Дагестанской АССР. Репрессирован, реабилитирован.

Косиор Иосиф Викентьевич (1893–1937). Родился в г. Венгров (Польша), из крестьян. Член Коммунистической партии с 1908 г. С 24 марта по август 1920 г. и с 29 октября 1920 по апрель 1922 г. – командующий Кавказской армией труда в г. Грозный. Одновременно с апреля по август 1920 г. и с 16 января 1921 по май 1922 гг. – председатель Центрального нефтяного управления Главнефтекома ВСНХРСФСР. С 25 августа по 23 октября 1920 г. – член Реввоенсовета 9-й армии Кавказского фронта. С мая 1922 по 1926 г. – начальник треста «Грознефть». Репрессирован, реабилитирован.

Котляр Соломон Осипович (1890–1967). Родился в с. Малин Киевской губернии, ремесленник. Член Бунда с 1907 г., РКП(б) с 1918 г. Секретарь Терского окружкома РКП(б) в 1924–1927 гг. Репрессирован, реабилитирован.

Крыжановский Вячеслав Григорьевич. Полковник Добровольческой армии. В апреле – июне 1920 г. создал под Майкопом повстанческий отряд. Взаимодействовал с «Армией возрождения России» М.А. Фостикова. Рассорился с Фостиковым из-за власти в «армии». В сентябре 1920 г. выехал в Крым, откуда эмигрировал. Возможно, был арестован в Лиенце (1945 г.) советскими спецслужбами.

Кун Бела Морисович (1886–1938). Родился в дер. Леле (Трансильвания). Сын нотариуса. Активный участник коммунистического движения в Венгрии, народный комиссар по иностранным делам Венгерской Советской республики (1919 г.). Председатель Крымского областного ревкома с ноября 1920 г. по январь 1921 гг. Затем на руководящих должностях в Коммунистическом Интернационале. Репрессирован, реабилитирован.

Курджи́ев Курман-Али Алиевич (1884–1937). Родился в ауле Каменномост (Кубанская область). В 1922–1926 гг. – председатель исполнительного комитета областного Совета Карачаево-Черкесской автономной области. В 1927–1928 гг. – председатель исполнительного комитета областного Совета Карачаевской автономной области. В 1929–1931 и 1934–1937 гг. – представитель Карачаевской автономной области при Президиуме ВЦИК РСФСР. Репрессирован, реабилитирован.

Лакоба Нестор Аполлонович (1893–1936). Родился в с. Лыхны (Абхазия). Сын крестьянина. Член РСДРП(б) с 1912 г. Председатель Горской секции Кубано-Черноморского ревкома (1920 г.). С марта 1921 г. заместитель председателя Абхазского ревкома. Председатель СНК Абхазии (1922–1930). Скончался при сомнительных обстоятельствах, посмертно объявлен врагом народа. Реабилитирован.

Ландер Карл Иванович (1884–1937). Родился в Курляндской губернии. Член РСДРП(б) с 1905 г. С осени 1919 г. до октября 1920 г. – особоуполномоченный ВЧК по Донской области и Северному Кавказу и начальник Особого отдела ВЧК Кавказского фронта. Сторонник жёсткого «расказачивания». Скончался от туберкулёза.

Левандовский Михаил Карлович (1890–1938). Родился в Тифлисе. Сын крестьянина. В Русской императорской армии – штабс-капитан, участник первой мировой войны. Член партии эсеров-максималистов с начала 1918 г., организатор отрядов Красной гвардии в г. Грозном, военный комиссар г. Грозного и Владикавказа, народный комиссар по военным делам Терской Советской Республики с мая по август 1918 г. На командных должностях в РККА (Терек, Астрахань, Дон). Член РКП(б) с 1920 г. С марта 1920 г. – командующий вновь сформированной 11-й армией. С июля 1920 г. по май 1921 г. с перерывами – командующий 9-й армией. В октябре 1920 – январе 1921 гг. – командующий Терской группой войск, с января по март 1921 г. – Терско-Дагестанской группой войск. В марте – апреле 1921 гг. командующий 10-й Терско-Дагестанской армией Кавказского фронта. Репрессирован, реабилитирован.

Логвинов Василий Григорьевич (1893–1942). Крестьянин дер. Карташевки Донской области. Пастух, шахтер. Офицер военного времени. Летом 1921 г. возглавил мятеж, будучи командиром 5-го эскадрона 1-го Донского полка 16-й кавдивизии РККА. Вел двойную игру, работая на ВЧК. 5 ноября 1921 г. возглавил объединительный съезд повстанцев Терека и истребил почти всех главарей «бело-зеленых». Весной 1923 г. легализовался, служил в НКВД, воевал против басмачей. В 1942 г. возглавил партизанский отряд и погиб близ г. Туапсе.

Лукоянов Михаил Николаевич (1892–1940). Родился на Кыновском заводе Пермской губернии. Сын служащего. Член РСДРП(б) с марта 1917 г.

В 1921 – начале 1922 гг. секретарь Юго-Восточного бюро ЦК РКП(б). Репрессирован, реабилитирован.

Мамсуров Саханджери Гиссович (1882–1937). Родился в с. Ольгинское (Северная Осетия), из крестьян. Член Коммунистической партии с 1906 г. В декабре 1920 г. – председатель Чрезвычайной комиссии горских народов по выработке Конституции Горской АССР. Председатель Совета народных комиссаров Горской АССР, заместитель председателя Северо-Кавказского краевого исполкома Советов, председатель Национального совета при Северо-Кавказском крайисполкоме. Репрессирован, реабилитирован.

Маслаков Григорий Савельевич (1876–1921). Крестьянин-середняк Ставропольской губернии, до 1914 г. – объездчик на конном заводе в Сальском округе. С 1917 г. – в красногвардейских кавалерийских частях, с 1918 г. – на командных должностях. Командир кавполка в корпусе Б.М. Думенко (1919 г.), затем – комбриг 1-й бригады 4-й дивизии 1-й Конной армии. Награжден Орденом Красного Знамени. Перешел на сторону махновцев в Екатеринославской губернии (январь 1921 г.) после долгой заговорщической работы. Политические взгляды – «за истинную Советскую власть без коммунистов и продразверстки». Командующий группы в коалиционном штабе махновцев. Объявил себя главой «Кавказской повстанческой армии». В январе–марте 1921 г. совершил рейд через Дон на Ставрополье и Терек. К сентябрю 1921 г. его отряд загнан в горы Чечни и Осетии. Убит в конце сентября 1921 г. амнистированными повстанцами.

Микоян Анастас Иванович (1895–1978). Родился в с. Санаин Тифлисской губернии. Большевик с 1915 г. В 1922–1924 гг. – секретарь Юго-Восточного бюро ЦК, в 1924–1926 гг. – секретарь Северо-Кавказского крайкома РКП(б). С 1926 г. – нарком внешней и внутренней торговли СССР. В 1928 г. – особоуполномоченный ЦК ВКП(б) по хлебозаготовкам на Северном Кавказе. Кандидат в члены ЦК в 1922–1923 гг., член ЦК в 1923–1966 гг.

Митаев Али Бамат-Гириевич (1881–1925). Родился в с. Автуры (Чечня), сын шейха. Боролся за создание исламского государства в Чечне. Принимал активное участие в действиях против Добровольческой армии А.И. Деникина. Руководил хорошо организованными вооруженными отрядами мюридов. В 1920 г. стал членом Чеченского областного революционного комитета. В марте 1924 г. арестован по обвинению в подготовке мятежа. Расстрелян.

Мишуриев Казбек Абубачирович (Мишурис Григорий Львович) (?–1938). Родился в г. Одессе. Член РКП(б) с 1919 г. Член Горской секции при Кубано-Черноморском областном ревкоме/облисполкоме в 1920–1921 гг. В августе – сентябре 1922 г. временно исполняющий обязанности начальника Адыгейско-Черкесского объединённого областного отдела

ГПУ. В мае 1923 г. – редактор газеты «Красная Адыгея», затем член президиума облисполкома, награжден орденом Красного Знамени. Репрессирован, реабилитирован.

Назаров Федор Дмитриевич (1884–1930). Казак ст. Новониколаевской Донской области. Учитель, участник Первой мировой войны (хорунжий). Участник похода на Ростов в декабре 1917 г. В 1918–1920 гг. полковник, член Донского войскового круга. В июле-октябре 1920 г. и летом 1921 г. предпринимал глубокие рейды по среднему и нижнему Дону, создавая отряды повстанцев. Эмигрировал в Болгарию, затем – в Китай. Погиб во время набега на советский Дальний Восток.

Невский Владимир Иванович (настоящее имя и фамилия – Кривобоков Феодосий Иванович) (1876–1937). Родился в г. Ростове-на-Дону. Член РСДРП с 1898 г., сын купца-старообрядца. Образование высшее. В 1919–1920 гг. член Президиума и заместитель председателя ВЦИК Советов РСФСР, заведующий отделом ЦК РКП(б) по работе в деревне. В 1920–1921 гг. – представитель ЦК в Казачьем отделе ВЦИК, руководитель комиссии ВЦИК по проблеме сунженских казаков. Участник «рабочей оппозиции». Репрессирован, реабилитирован.

Носов Александр Фёдорович (1899–1937). В 1920 г. – заместитель председателя Терского областного оргбюро РКП(б), начальник политотдела войск Терской области, чрезвычайный комиссар Чеченской автономной области. Ответственный секретарь Горского областного комитета РКП(б) в 1922–1923 гг.

Орджоникидзе Григорий Константинович (псевдоним Серго) (1886–1937). Родился в с. Гореша Кутаисской губернии, сын крестьянина. Большевик с 1903 г. В феврале 1920 – мае 1921 гг. член РВС Кавказского фронта, одновременно в феврале – апреле 1920 г. председатель Бюро по восстановлению советской власти на Северном Кавказе, в марте – председатель Северо-Кавказского ревкома, с апреля 1920 г. член Кавбюро ЦК РКП(б). В 1926 г. назначен секретарем Северо-Кавказского крайкома ВКП(б), работал в этой должности лишь 2 месяца. Член ЦК в 1921–1937 гг.

Петропавловский Сергей Дмитриевич (1886–1942). Член РСДРП(б) с 1904 г. С 7 августа 1925 г. по 30 августа 1927 г. ответственный секретарь Крымского областного комитета РКП(б). Активно противодействовал националистическому уклону в Крымской партийной организации. Погиб во время Великой Отечественной войны.

Пилюк Моисей (в просторечии – Мусий) Прокофьевич. Казак ст. Елизаветинской, середняк. Сотник, член Кубанской краевой рады в 1919–1920 гг. Сторонник «самостийности» Кубани, симпатизировал эсерам. В конце 1919 г. возглавил массовое восстание казаков-черноморцев против Деникина. С приходом большевиков к власти поддержал их, в июле 1920 г. назначен председателем комиссии Кубано-Черноморского облревкома по

борьбе с «бело-зелеными». В сентябре 1920 – январе 1921 гг. – фактический руководитель казачьей секции областного ревкома. В январе 1921 г. избран кандидатом в члены облисполкома Советов. Убедившись в преднамеренности «расказачивания», в январе 1921 г. бежал в горы, где возглавил политотдел Кубанской повстанческой армии. Считался идеологом КПА. В октябре 1921 г. пойман, осужден. После тюремного заключения вернулся в ст. Елизаветинскую психически больным.

Позерн Борис Павлович (1882–1939). Родился в г. Нижнем Новгороде. Дворянин, сын статского советника. Большевик с 1902 г. В 1922–1923 гг. – секретарь Юго-Восточного бюро ЦК РКП(б), в 1924–1926 гг. – председатель Северо-Кавказского крайисполкома, член бюро Северо-Кавказского крайкома РКП(б). Сторонник умеренного, реформистского курса. Репрессирован, реабилитирован.

Пономарёв Александр Андреевич (1876–1941). Родился в семье служащего. Окончил юридический факультет Московского университета. Заведующий статистическим отделом Ставропольской губернской земской управы. Член РСДРП(б) с 1917 г., председатель Ставропольской партийной организации. В январе 1918 г. председатель СНК и нарком внутренних дел и труда Ставропольской губернии. В 1918–1919 гг. заведующий статистическо-экономическим отделом Наркомзема РСФСР, в 1920–1922 г. – уполномоченный Наркомата земледелия РСФСР на Северном Кавказе. Автор многочисленных работ о сельском хозяйстве региона.

Пржевальский Михаил Алексеевич (псевдонимы – Марченко, Афросимов) (1859–1934). Родился в г. Усмань Тамбовской губернии. Дворянин. Кубанский казак, генерал от инфантерии. В 1914 г. командовал 1-й пластунской бригадой в чине генерал-майора на Кавказском фронте. Руководил обороной Сарыкамыша в декабре 1914 г. Командующий 2-м Туркестанским корпусом в Эрзурумской операции 1915–1916 гг. Георгиевский кавалер 3-й и 4-й степеней. В июне–декабре 1917 г. командующий Кавказским фронтом. Поддержал Керенского во время выступления Корнилова. Заключил перемирие с Турцией. В 1918 г. руководил отрядом Добровольческой армии в Баку, в 1919 г. – в Порт-Петровске (Махачкале). Сочувствовал монархистам. В 1920 г. с «бело-зелеными» в Закубанье. С января 1921 г. возглавил Кубанскую повстанческую армию в Закубанье, сотрудничая с казаками-самостийниками. В сентябре 1921 г. совершил рейд на Краснодар, до весны 1923 г. укрывался в горах Туапсинского отдела и Грузии. Эмигрировал в Югославию.

Рябоконь Василий Федорович (1890–1925). Казак ст. Гривенской (Новонижнестеблиевской), середняк. С 17 лет пел в Кубанском войсковом хоре. С февраля 1918 г. в белом движении (хорунжий). Весной 1920 г. укрылся в плавнях Приазовья, создав повстанческий отряд. В августе 1920 г.

присоединил свои силы к десанту Улагая, наступал на ст. Полтавскую. После провала десанта создал «партизанский очаг» в Приазовье. 31 октября 1924 г. взят в плен. Расстрелян.

Саид-Галиев Сахиб-Гарей (1894–1938). Родился в г. Уфа. Сын рабочего. Член РСДРП(б) с 1916 г. В 1921–1924 гг. председатель Совета народных комиссаров Крымской АССР. Репрессирован, реабилитирован.

Самурский (настоящая фамилия – Эфендиев) Нажмуддин Панахович (1891–1937). Родился в с. Куруш (Дагестан). Член Коммунистической партии с 1920 г. В 1920 г. – военный комиссар Хунзахского гарнизона при подавлении мятежа имама Н. Гоцинского. В 1921 г. – народный комиссар внутренних дел Дагестанской АССР. В 1921–1928 гг. – председатель ЦИК Советов Дагестанской АССР. Репрессирован, реабилитирован.

Смилга Ивар Тенисович (1892–1938). Родился в г. Алюя лифляндской губернии, сын лесника. Большевик в 1907–1927 гг. Член ЦК РКП(б) в 1917 – марте 1920 гг., кандидат в члены ЦК в 1920–1921 гг. Член Реввоенсовета Республики, член РВС Кавказского фронта. В 1920–1921 гг. поочередно председатель Кавказского бюро ЦК РКП(б), председатель Совета трудовой армии Юго-Востока России. Активный участник группы Троцкого в «дискуссии о профсоюзах», делегат X съезда РКП(б) от Донской области. Репрессирован, реабилитирован.

Сокольников Григорий Яковлевич (настоящая фамилия и имя – **Бриллиант Гирш Янкелевич**) (1888–1939). Родился в г. Ромны Полтавской губернии, сын врача. Большевик с 1905 г. В 1919–1920 гг. – член РВС Южного (впоследствии – Кавказского) фронта, командующий 8-й армией. Участник партийных дискуссий по казачьему вопросу, предлагал умиротворяющий взвешенный курс. Отозван с Дона в апреле 1920 г. Репрессирован.

Стопани Александр Митрофанович (1871–1932). Родился в с. Усолъе Иркутской губернии, сын врача. Член Коммунистической партии с 1893 г. В 1920 г. – член Северо-Кавказского ревкома и уполномоченный Народного комиссариата труда и Всероссийского центрального совета профессиональных союзов на Северном Кавказе. В 1921–1922 гг. – член Революционного военного совета Кавказской трудовой армии.

Сырцов Сергей Иванович (1893–1939). Родился в г. Славгороде Екатеринославской губернии. Сын служащего, образование незаконченное высшее. Большевик с 1913 г. Активный участник революционной борьбы на Дону в 1917–1918 гг. Председатель Донского бюро РКП(б) в 1919 г., несет ответственность за курс расказачивания. С сентября 1919 по июнь 1920 гг. – член Донского обкома РКП(б) и его реальный руководитель. Удален с Дона решением Оргбюро ЦК за групповщину. В 1924–1925 гг. заведующий Агитационно-пропагандистским отделом ЦК РКП(б), возглавлял по

поручению Политбюро ЦК комиссию по изучению казачьего вопроса, обосновал курс «Лицом к казачеству». Участник антисталинской оппозиции. Репрессирован.

Такоев Симон Алиевич (1876–1936). Родился в с. Христиановское (Северная Осетия). Член Коммунистической партии с 1902 г. В 1920–1921 гг. – ответственный секретарь организационного бюро и Терского областного комитета РКП(б). С апреля 1920 г. – заместитель председателя Северо-Кавказского революционного комитета. С апреля 1921 по 1922 гг. – председатель Совета народных комиссаров Горской АССР. В 1924 г. – заведующий агитационно-пропагандистским отделом Владикавказского окружного комитета РКП(б), председатель окружного революционного комитета. С ноября 1924 по 1927 гг. – ответственный секретарь Северо-Осетинского областного комитета РКП(б). Репрессирован, реабилитирован.

Тахо-Годи Алибек Алибекович (1892–1937). Родился в с. Урахи (Дагестан). Сын узденя. Член Коммунистической партии с 1918 г. В 1920 г. – заведующий отделом юстиции Дагестанского революционного комитета. В 1920–1921 гг. – народный комиссар труда Дагестанской АССР. В 1921–1922 гг. – народный комиссар продовольствия Дагестанской АССР, член Дагестанского областного комитета РКП(б), член Президиума Дагестанского ЦИК Советов. В 1922–1926 гг. – прокурор Дагестанской АССР. В 1923–1925 гг. – народный комиссар юстиции Дагестанской АССР, член ЦИК СССР. В 1925–1928 гг. – народный комиссар просвещения Дагестанской АССР и заместитель председателя Совнаркома Дагестанской АССР. В 1923–1928 гг. – заместитель председателя ЦИК Дагестанской АССР. Репрессирован, реабилитирован.

Уборевич Иероним Петрович (1896–1937). Родился в дер. Антандрия (Ковенская губерния, Литва). Сын крестьянина. Член Коммунистической партии с 1917 г. С февраля 1925 г. по ноябрь 1927 г. – командующий войсками Северо-Кавказского военного округа. Руководил операцией по подавлению мятежей в Чечне и Дагестане (1925 г.), по разоружению Северного Кавказа. Репрессирован, реабилитирован.

Узун-Хаджи Салтинский (1848–1920). Родился в с. Салта (Дагестан). Религиозный и политический деятель, во время Гражданской войны – активный сторонник шариатского правления. С сентября 1919 по март 1920 г. – эмир Северо-Кавказского эмирата. Тактически сотрудничал с большевиками (Н.Ф. Гикало и др.), участвовавшими в войсках эмирата. Умер во время вступления РККА в Дагестан.

Фирдевс Исмаил Керимович (1888–1937). Родился в г. Симферополе. Сын мелкого торговца. Учитель. Член РСДРП(б) с 1917 г. Нарком по иностранным и национальным делам Республики Таврида в 1918 г. Заведующий комиссариатом народного образования Крымской АССР с 1920 по 1921 гг. И.о. наркома юстиции и верховного прокурора

Крымской АССР с 1922 по 1924 гг. Выступил в поддержку М. Султан-Галиева в 1923 г. по вопросам национальной политики. С 1926 по 1929 гг. инспектор Северо-Кавказского отдела народного образования (г. Ростов-на-Дону). Исключён из ВКП(б) в 1929 г. по делу националистической крымскотатарской партии «Милли-Фирка». Репрессирован, реабилитирован.

Фомин Яков Ефимович (1885–1922). Казак ст. Еланской Донской области. Участник мировой войны, старший урядник. В декабре 1918 г. избран командиром 28-го Верхне-Донского полка Донской армии. Командир эскадрона 1-го Донского полка в корпусе Ф.К. Миронова, участник самовольного выступления корпуса на фронт. Осужден, помилован. Командир эскадрона в Донской советской (9-й) кавдивизии. В 1920 г. по просьбе жителей направлен в Верхне-Донской округ (командир караульного батальона). Поднял восстание в марте 1921 г., погиб в начале 1922 г.

Фостиков Михаил Архипович (1886–1966). Казак ст. Баталпашинской, генерал-лейтенант. Получил образование в Московском Александровском военном училище и Академии генерального штаба. Летом 1918 г. командовал полком, в 1919 г. – дивизией. После Новороссийской катастрофы марта 1920 г. остался на Кубани, будучи ранен. В июне-октябре 1920 г. командующий армии возрождения России. После разгрома в сентябре 1920 г. совершил отступление в Сочинский округ и эвакуирован со своими подразделениями в Крым, награжден по приказу П.Н.Врангеля. Руководил обороной Юшуньских укреплений. Отступал в арьергарде Русской армии. Умер в Белграде.

Хакурате Шахан-Гирей Умарович (1883–1935). Родился в ауле Хаштук (Адыгея). Сын крестьянина. Член РКП(б) с 1920 г. В 1922 г. – председатель Черкесского (Адыгейского) областного исполкома Советов, с 1932 по 1935 гг. – первый секретарь Адыгейского областного комитета ВКП(б). Скончался от болезни. Посмертно оклеветан. Реабилитирован.

Хронин Василий Никифорович (1889–1937). Родился в с. Спас-Деминское Калужской губернии. Член РКП(б) с 1918 г. В 1922–1924 гг. – заместитель председателя краевого Совета народного хозяйства Юго-Востока России. Активный участник административно-территориальной реформы 1922–1924 гг. Репрессирован, реабилитирован.

Черноглаз Иосиф Моисеевич (1894–1930). Родился в г. Могилёве. Член РКП(б) с 1918 г. С декабря 1926 г. по июль 1929 г. – ответственный секретарь Адыгейского областного комитета ВКП(б). С июля по сентябрь 1929 г. – сотрудник Северо-Кавказского краевого комитета ВКП(б). 3 сентября 1929 г. назначен первым секретарём Ингушского областного комитета ВКП(б). Проводил грубую антирелигиозную пропаганду,

руководил коллективизацией в Ингушетии. Убит противниками коллективизации.

Чудов Михаил Семёнович (1893–1937). Родился в дер. Хонеево Тверской губернии. Большевик с 1913 г. В ноябре 1926 – декабре 1927 гг. секретарь Северо-Кавказского крайкома ВКП(б), член ЦК ВКП(б) с 1925 г. Репрессирован, реабилитирован.

Эйсмонт Николай Болеславович (1891–1935). Поляк, сын помещика. Закончил реальное училище, институт. Большевик с 1907 г. С осени 1922 по осень 1923 гг. – председатель краевого экономсовета Юго-Востока России, член краевого бюро ЦК РКП(б). С осени 1923 по июнь 1924 гг. – заместитель председателя ВСНХ РСФСР. С июля 1924 по конец 1925 гг. – председатель Юго-Восточного (Северо-Кавказского) крайисполкома Советов, член бюро крайкома РКП(б). Исключен из ВКП(б) за участие в антисталинской группе в конце 1932 г., репрессирован, реабилитирован.

Эльдарханов Таштемир Эльжуркаевич (1870–1934). Родился в с. Гехи (Чечня). Сын крестьянина. В марте 1920 г. назначен председателем Чеченского революционного комитета (с октября 1920 по 1924 гг. – Чеченского областного исполнительного комитета Советов). С 1921 г. также председатель Центрального исполнительного комитета Советов Горской АССР. В 1926 г. – председатель Национального Совета при Северо-Кавказском краевом исполнительном комитете Советов. С 1929 г. – на руководящих должностях в объединении «Грознефть».

Энеев Магомед Алиевич (1897–1928). Родился в с. Кёнделен (Балкария), сын эфенди. Член РКП(б) в 1919–1924 гг. В 1921 г. – председатель Балкарского окружного исполнительного комитета Советов. С декабря 1923 по 1924 гг. – секретарь Чеченского организационного бюро РКП(б). Создатель балкарского алфавита. Член Национального Совета при Северо-Кавказском краевом исполнительном комитете Советов в 1926–1928 гг. Совершил самоубийство.

Эшба Ефрем Алексеевич (19 марта 1893 – 16 апреля 1939). Родился в с. Бедиа Сухумского округа, дворянин. Образование высшее. Большевик в 1914–1927 и 1928–1937 гг. Руководил установлением Советской власти в Абхазии. С 1921 г. – третий секретарь ЦК Компартии Грузии и Председатель ЦИК Абхазской ССР, с марта 1926 по осень 1927 гг. – секретарь Чеченского оргбюро ВКП(б). Репрессирован, реабилитирован.

ПРИЛОЖЕНИЕ 3. ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ КАРТЫ

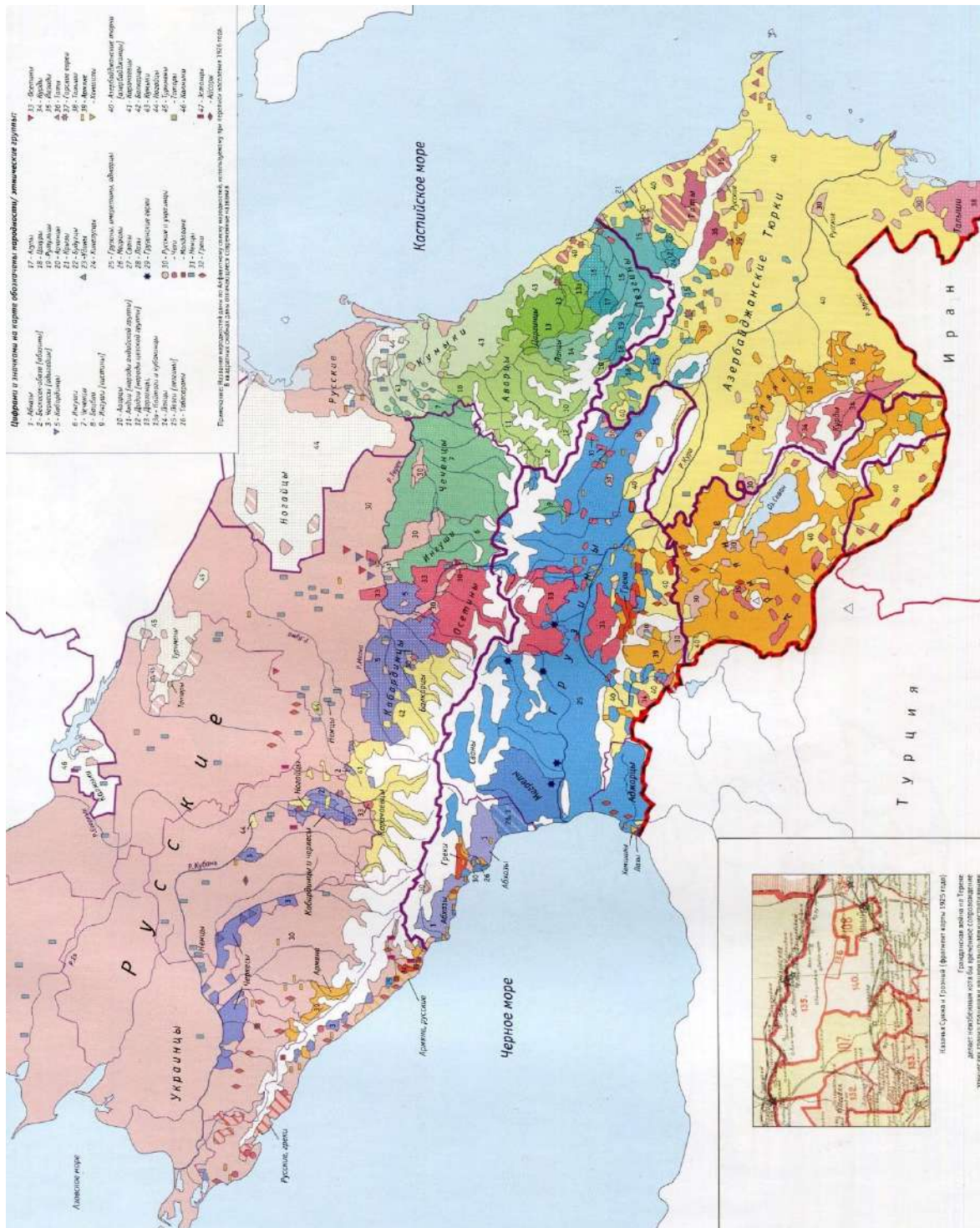

Рис. 1. Этническая карта Кавказа в 1920-х гг.

Источники: Цудиев А.А. Атлас этнополитической истории Кавказа (1774–2004 гг.). М., 2006. С. 69.

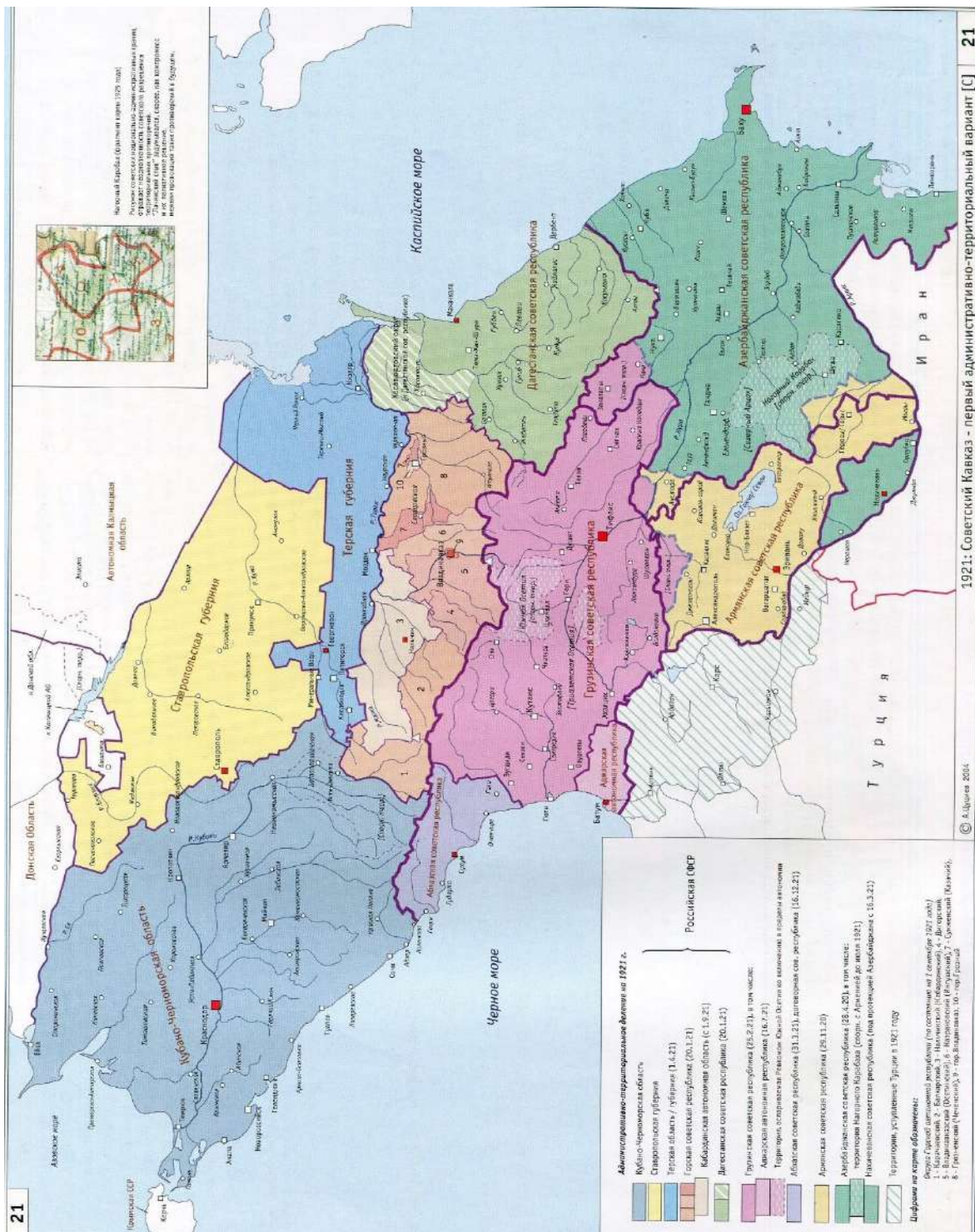

Рис. 2. Административно-территориальное деление Юга России и Закавказья в 1921 г.

Источник: Цуциев А.А. Атлас этнополитической истории Кавказа (1774–2004 гг.). М., 2006. С. 63.

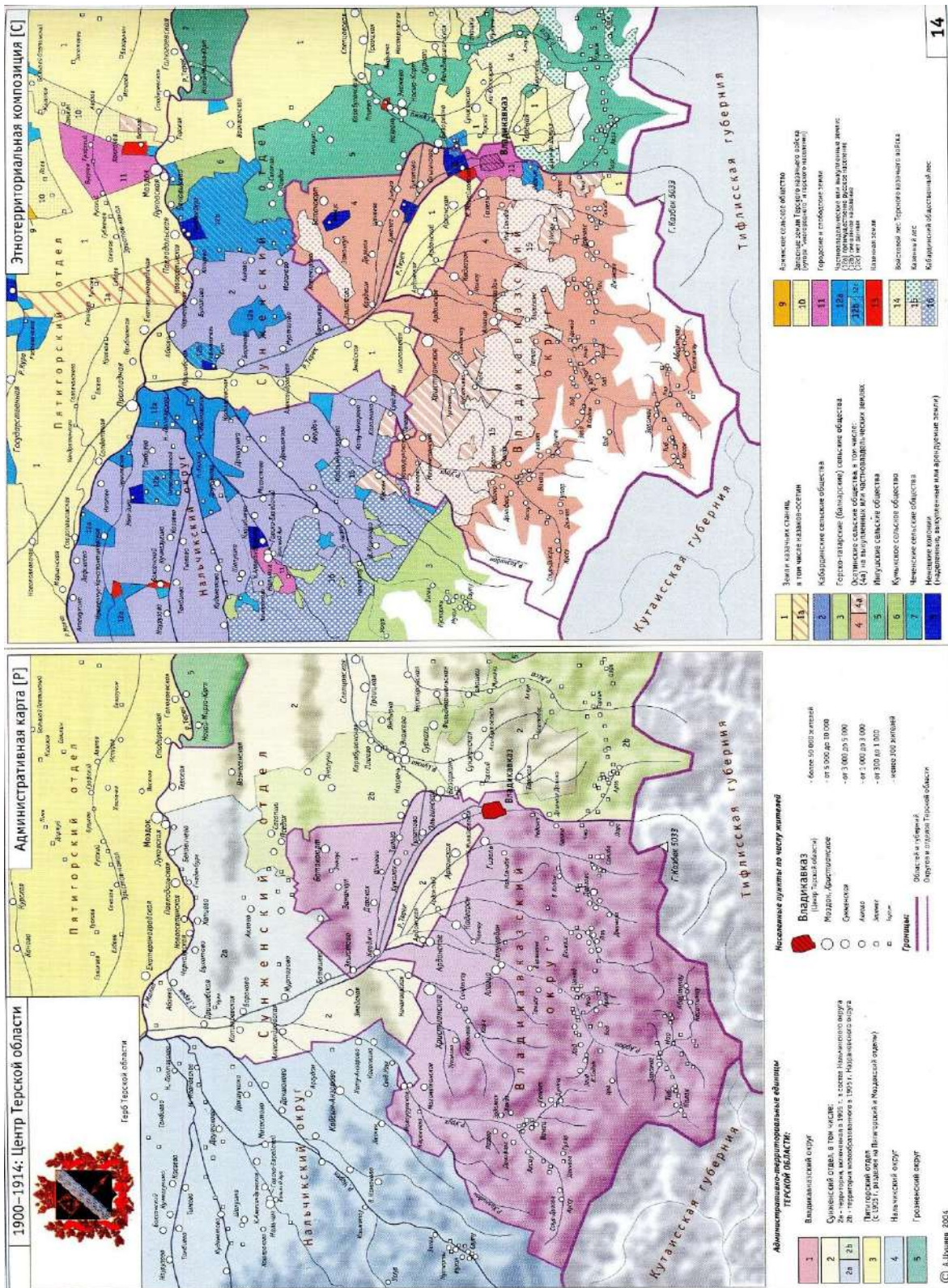

Рис. 4. Этническая карта Сунженской линии и Северной Осетии

Источники: Цуциев А.А. Атлас этнополитической истории Кавказа (1774–2004 гг.). М., 2006. С. 44.

Рис. 5. Этническая карта Крымской АССР на 1931 г.

Источники: Новейшая история Украины. Автономная Республика Крым. Имена. Свершения. Творчество. Киев, 2008. Вып. 2.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	3
1. ОСУЩЕСТВЛЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ 1920-Х ГГ. В СЕВЕРО-КАВКАЗСКОМ КРАЕ И КРЫМСКОЙ АССР.....	15
1.1. Курс «коренизации» национальной политики СССР в 1920-х гг.	15
1.2. Направленность, этапы развития и степень эффективности национальной политики в Северо-Кавказском крае и Крымской АССР в 1920-х гг.	35
2. ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЕ РАЗВИТИЕ ОРГАНОВ ПАРТИЙНО-ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ И В КРЫМУ 1920-Х ГГ. В СФЕРЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ.....	58
2.1. Роль партийных организаций РКП(б)–ВКП(б) и партийно-государственной номенклатуры в национальной политике на Северном Кавказе и в Крыму.....	58
2.2. Изменения системы органов государственной власти и их взаимодействий на Северном Кавказе и в Крыму.....	92
2.3. Процесс принятия решений по вопросам национальной политики органами партийно- государственной власти в Северо-Кавказском крае и Крымской АССР.....	133
3. ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ МЕЖДУ ПОЛИЭТНИЧНЫМ ОБЩЕСТВОМ ЮГА РОССИИ И ВЛАСТЬЮ В СФЕРЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ (1920-Е ГГ.)	160
3.1. «Повестка дня» взаимодействий между полиэтническим обществом Юга России и властью в сфере национальной политики.....	160
3.2. Система коммуникаций между органами власти, казачеством, крестьянством, рабочими, этническими группами в Северо- Кавказском крае и Крымской АССР.....	192

3.3. Сходства и различия восприятия национальной политики СССР в общественном мнении социальных, этнических и сословных групп населения Северного Кавказа и Крыма в 1920-х гг.	224
4. ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ СОВЕТСКОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКЕ СО СТОРОНЫ АНТИБОЛЬШЕВИСТСКИХ ДВИЖЕНИЙ В СЕВЕРО-КАВКАЗСКОМ КРАЕ И КРЫМСКОЙ АССР.....	247
4.1. Повстанческое движение «бело-зелёных» на Дону, Кубани и Тереке в контексте национальной политики.....	247
4.2. Особенности повстанческого движения и антибольшевистских выступлений в Крымской АССР.....	296
4.3. Повстанческие выступления в автономиях Северного Кавказа: этнополитический контекст.....	329
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	356
СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ.....	373
ПРИЛОЖЕНИЯ.....	421

Научное издание

КАСЬЯНОВ Валерий Васильевич
БАРАНОВ Андрей Владимирович
ИШИН Андрей Вячеславович
РОЖКОВ Александр Юрьевич

НАЦИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА В СЕВЕРО-КАВКАЗСКОМ
КРАЕ И КРЫМСКОЙ АССР, 1920-е гг.:
ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЙ И КОММУНИКАЦИОННЫЙ
АСПЕКТЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ВЛАСТИ И ОБЩЕСТВА

Монография

Публикуется в авторской редакции

Подписано в печать 05.12.2022. Выход в свет 12.12.2022

Печать цифровая. Формат 60x84 ¹/₁₆. Уч.-изд. л. 29,2.

Тираж 500 экз. Бумага офсетная. Заказ № 5128.

Кубанский государственный университет
350040, г. Краснодар, ул. Ставропольская, 149

Издательско-полиграфический центр
Кубанского государственного университета
350040, г. Краснодар, ул. Ставропольская, 149